

ИНСТИТУТ

ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО

Российский

Государственный Гуманитарный

Университет

ИСТОЧНИК

ТЕОРИЯ
ИСТОРИЯ
МЕТОД

ИСТОЧНИКИ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

И. Н. Данилевский
В. В. Кабанов
О. М. Медушевская
М. Ф. Румянцева

ОВЕДЕНИЕ

МОСКВА • 1998

Рецензенты:

д-р ист. наук А.П. Ненароков
д-р эком. наук Л.В. Полетаев
д-р ист. наук А.Л. Ястребицкая

Учебная литература
по гуманитарным
и социальным дисциплинам
для высшей школы
и средних специальных
учебных заведений
готовится и издается
при содействии
Института
«Открытое общество»
(Фонд Сороса)
в рамках программы
«Высшее образование».
Взгляды и подходы автора
не обязательно совпадают
с позицией программы.
В особо спорных случаях
альтернативная
точка зрения
отражается в предисловиях
и послесловиях.

Редакционный совет:

В.И. Бахмин
Л.М. Бергер
Е.Ю. Гениева
Г.Г. Дилигенский
В.Д. Шадриков

© И.Н. Данилевский, 1998
© В.В. Кабанов, 1998
© О.М. Медушевская, 1998
© М.Ф. Румянцева, 1998
© Институт
«Открытое общество», 1998
© Российский государственный
гуманитарный университет,
оригинал-макет, 1998

ВВЕДЕНИЕ

ПОЛУЧИТЬ информацию о человеке, обществе, государстве, о событиях, происходивших в разное время и в различных частях мира, можно только опираясь на исторические источники. Произведения, которые создают люди в процессе осознанной, целенаправленной деятельности, служат им для достижения конкретных целей. Они же несут ценную информацию о тех людях и о том времени, когда были созданы. Чтобы ее получить, необходимо понимать особенности возникновения исторических источников. Однако ее надо не только извлекать, но и критически оценить, правильно интерпретировать. Изучая фрагменты прошлой реальности, важно уметь делать логические умозаключения о том, что означает сам факт их наличия, уметь воспроизводить на их основании взаимосвязанную картину той культуры, того общества, остатком которой они являются. Эти знания и навыки необходимы не только историкам, но и более широкому кругу специалистов гуманитарных наук. Человеческий опыт, повседневный образ жизни, отношения между людьми различных поколений, обычаи и нравы, умение существовать в природной среде, желание знать прошлое своего города, села, края, своего народа или этнической группы, рода или семьи заставляют людей обращаться к документам, архивам, старинным предметам, фотографиям. Круг проблем, которые интересуют историков, также существенно расширился. Новая историческая наука занимается, в отличие от традиционной, не только и не столько событиями политической жизни, но обращена к глобальной истории человечества. Празднества и обряды, мифы и сказки, воспитание детей, ремесла и промыслы, торговля и обмен, искусство и верования, запреты и увлечения - все познается в сравнении и рождает новые мысли и суждения. Поэтому историки активно взаимодействуют в изучении этих явлений с представителями других гуманитарных и естественных наук - социологами, антропологами, этнологами, психологами, историка-

ми науки и искусства, исследователями языка и литературных текстов. Специалисты-гуманитарии изучают исторические источники, находя в них неисчерпаемые ресурсы новой информации о человечестве, его творческих возможностях и различных способах запечатлеть свой опыт, выразить свой внутренний мир в материальных образах.

Историк, антрополог, социолог, психолог, политик - каждый из них обращается к источникам со своими вопросами, стремясь узнать о том, что представляет собой предмет изучаемой науки. Но все они черпают свою информацию из общей совокупности источников, созданных людьми. Поэтому специалист должен понимать, что общая совокупность источников составляет проекцию культуры во времени, сокровищницу человеческого знания и мирового опыта. Он должен уметь отыскивать и выбирать те виды источников, которые особенно важны и интересны для данной науки; уметь ставить вопросы, находить в источниках ответы, уметь различать голоса людей прошлого, доносимые до нас историческими источниками, и интерпретировать эти данные в соответствии с современным уровнем науки и культуры. Наука, специально разрабатывающая эти проблемы, - источниковедение.

В традиционной исторической науке методы источниковедения обычно рассматривались применительно к истории отдельной страны или эпохи. Страноведческий подход ориентирует исследователя на обзор основных источников по истории страны, что, разумеется, весьма важно и необходимо. Однако в настоящее время очевидно, что изучать отдельную эпоху или отдельный регион, страну возможно лишь в более широких рамках, в длительной исторической перспективе, применяя сравнительные подходы. И тогда становится очевидным, что возникновение источников имеет свою логику, многие виды источников появляются (а иногда и исчезают) закономерно, выражая некоторые повторяющиеся, поддающиеся сравнению культурные ситуации. Поэтому можно выделить общие проблемы источниковедения и выработать принципы и методы работы с источниками. Этому и посвящено данное учебное пособие, которое дает основные научные ориентиры для изучения источниковедения и его метода. Авторы показывают, почему источниковедение важно и необходимо для исторического образования, для научной деятельности в области гуманитарного знания, для самообразования и культурной самоидентификации. Пособие открывает подступы к историческим источникам, раскрывает метод источниковедения как общегуманитарный, как особый способ познания реальности.

В основу учебного пособия положена единая концепция. Она реализована в теоретико-методологическом и конкретном направлении. Сначала рассматриваются общие свойства источников и принципы их научения; показывается, что эти общие свойства и сами методы изучения вырабатывались в рамках общеисторических исследований. Только в новейшее время они стали предметом методологических трудов. На основании современных представлений об источниках сформировался метод источниковедческого анализа и синтеза, который исследуется особо. В тех частях пособия, в которых освещаются проблемы типологии источников, их основные виды и методы их изучения - видовые конкретные методики, авторы обращаются к источникам изучения российской истории, анализируя их в исторической перспективе - с древнейших времен до новейшего времени. Это стало возможным потому, что источниковедение как наука об источниках в России сложилось к концу XIX в. и развивается в течение всего XX в.

К настоящему времени определился новый статус источниковедения в системе гуманитарных наук. Суть его заключается в том, что исторический источник (продукт культуры, объективированный результат деятельности человека) выступает как единый объект различных гуманитарных наук при разнообразии их предметов изучения. Тем самым он создает единую основу для междисциплинарных исследований и интеграции наук, а также для сравнительно-исторического анализа.

Изменение статуса и содержания источниковедения, а также сам характер современной эпистемологической ситуации вызывают необходимость нового подхода и к преподаванию источниковедения.

Имеющиеся учебники создавались на основе методологии позитивизма, и в ряде случаев они написаны в идеологизированном духе, что затрудняет восприятие не утратившего свою ценность фактографического материала методологически слабо подготовленным читателем. В них отсутствует системное изложение теории источниковедения, мало внимание уделяется методикам источниковедческого исследования, не показано их развитие.

В советское время источниковедение могло развиваться преимущественно во взаимосвязи с архивным делом, что отчасти объясняет его ориентацию на источники российской истории. В учебной литературе дается обзор корпуса отечественных источников (*Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР. М., 1962; Источниковедение истории СССР XIX - начала XX в. / Под ред. И.А. Федосова. М., 1970; Источниковедение истории

СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1981; *Черноморский М.Н.* Источниковедение истории СССР: Советский период. М., 1976). Литература, рассматривающая источники других стран, представлена немногочисленными учебными пособиями и курсами лекций по источниковедению новой и новейшей истории (учебные пособия И.В. Григорьевой, Р.С. Мнухиной, курс лекций И.Я. Биска), которые обзорны или фрагментарны. Исключение составляет фундаментальный труд А.Д. Люблинской «Источниковедение средних веков» (Л., 1955), фактографический материал которого обширен и непреходящ. Вместе с тем из-за тематического изложения затрудняется сравнительное рассмотрение источников средневековья. В современных условиях, когда растет интерес к сравнительно-историческим исследованиям, необходимо расширить рамки изложения и перейти от страноведческого к проблемно-видовому принципу изложения материала. При этом обозрение источников российской истории сохранит не только прикладное, но и методологическое значение. Типология и периодизация эволюции корпуса российских исторических источников, как наиболее системно и целостно разработанные, дают основу для типологического рассмотрения и компаративного изучения корпуса исторических источников других стран.

Современный учебник должен не только сообщать необходимую сумму знаний, но и формировать способность самостоятельной работы в данной отрасли науки. Для достижения этой цели необходимы:

во-первых, четкость методологической позиции при одновременном освещении принципиальных вопросов в других научных парадигмах;

во-вторых, усиленное внимание к методике и технике источниковедческого исследования;

в-третьих, как синтез первых двух позиций - историографичность изложения, раскрытие зависимости метода исследования исторических источников от общенаучной и исторической методологии.

Авторы - по мере сил - стремились сбалансировать осветить исторические источники, возникающие в личностной, общественной и государственной сферах; обосновать источниковедческий критерий сравнительно-исторических исследований; раскрыть междисциплинарные связи источниковедения, рассматривая источниковедение как интегрирующую дисциплину в системе гуманитарных наук; показать различные методологические подходы к решению наиболее значимых проблем; исследовать развитие методов изучения основных видов исторических источников.

Такой подход позволяет изучать письменные источники во взаимосвязи с другими типами исторических источников (вещественные, изобразительные, технотронные и др.), преодолевать выработанное ранее ограничение кругом источников, возникших в системе социально-экономических и политических отношений.

В предлагаемом вниманию читателей учебном пособии обобщается опыт научно-педагогической школы Московского историко-архивного института. Ее теоретической основой является целостная концепция гуманитарного познания, разработанная в начале XX в. выдающимся русским ученым А.С. Лаппо-Данилевским. Что же конкретно отличает эту источниковедческую школу? Остановимся на трех принципиальных моментах: определении понятия «исторический источник» (предмет исследования), структуре источниковедческого анализа (метод исследования), роли сознания исследователя в историческом познании (методология).

Системообразующее значение для любой научной дисциплины имеет определение ее *предмета*. В советской исторической науке господствовало (да и во многом продолжает удерживать свои позиции) определение, что *исторический источник* - это все, откуда можно получить информацию о развитии общества. Тем самым не выявляется природа исторического источника, его субстанция, а лишь обозначается функция (служить в историческом познании) некоего неизвестного предмета или явления. В представляемом учебном пособии исторический источник рассматривается как произведение, созданное человеком, как продукт культуры. Акцент делается на понимании психологической и социальной природы исторического источника, которая и обуславливает его пригодность «для изучения фактов с историческим значением».

Обозначенные различия в определении исторического источника имеют глубокую методологическую основу, поскольку, в конечном счете, вызваны разным пониманием объекта исторического познания. Первое определение исходит из посылки инвариантности исторического прошлого, его осуществленности в определенных формах, что заставляет сделать прошлое объектом исторического познания. Генеральным методом такого познания является все более и более точное моделирование этого единственно возможного прошлого. Мы же понимаем историческое прошлое как реконструкцию. В ее основе - диалог сознания (и психики в целом) исследователя с сознанием (и психикой) людей, живших прежде. Диалог начинается с понимания «другого» (человека прошлого), объективной (овеществленной) осно-

пой чего и является «реализованный продукт человеческой психики» - исторический источник. Именно он позволяет в ходе интерпретации перевоспроизвести «одушевленность» (психику, индивидуальность) своего творца.

Разное понимание предмета источниковедения ведет к различиям и в понимании его *метода*. А.С. Лаппо-Данилевский, определяя исторический источник как «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением», стремился путем интерпретации исторического источника понять его автора - человека прошлого. Далее на этой основе осуществляется историческое построение, т. е. осмысливается исторический факт не только в коэкзистенциальном (сосуществующее), но, в первую очередь, и в эволюционном целом. Другими словами, с позиций современности можно выявить ценность и действительность факта, его историческое значение. Причем для понимания концепции Лаппо-Данилевского важно постоянно помнить, что он разделял источниковедческое исследование и историческое построение только *аналитически*. В процессе же исследования, и он это прекрасно понимал, эти составляющие нераздельны. В марксистской парадигме исторический источник рассматривается лишь как хранилище фактов, нужных историку для выстраивания (реконструкции) инвариантного прошлого. Именно из-за этого как в науке, так и в преподавании источниковедческий метод часто превращался в технику добывания «достоверной» информации. При этом метод собственно источниковедческого исследования утрачивался. Признание единства метода источниковедческого исследования в источниковедческой школе Историко-архивного института дает целостное понимание источниковедческого анализа и синтеза, которые рассматриваются как система исследовательских процедур. Ни один из элементов системы не может быть опущен без ущерба для корректности конечного результата. Первостепенное внимание уделяется характеристике автора, обстоятельствам создания исторического источника, его значению в контексте породившей его действительности. И только исследование всего комплекса проблем, связанных с происхождением источника и с его функционированием в породившую его эпоху, позволяет перейти (в аналитическом, а не во временном смысле) к интерпретации содержания, оценке информации и источника в целом.

Отличительная черта источниковедческой парадигмы, восходящей к наследию Лаппо-Данилевского, состоит в том, что в ней рассматриваются не только соотношение источника и действительности, но и взаимодействие познающего субъекта и ис-

точника при взаимосвязанном анализе этих аспектов. В Историко-архивном институте особое внимание всегда уделялось различению взглядов автора исторического источника, воззрений, сложившихся в историографии на разных этапах ее развития, и точки зрения исследователя. Без этого невозможен самостоятельный исторический синтез. Более того, резко возрастает Опасность неосознанного привнесения сложившихся в историографии точек зрения и оценок в иную эпоху, в контекст другого эволюционного целого. Начинаящий исследователь постоянно ориентирован на анализ содержания собственного сознания, выявление происхождения и структуры тех исторических представлений, которые складывались у него при изучении историографии и в процессе собственной исследовательской работы. Поэтому в концепции Историко-архивного института (в отличие от господствовавшей традиционной модели образования) акцент делается на выяснение познавательного процесса. При этом освоение фактологии рассматривается как средство выработки способности критического суждения.

Изменение идеологических представлений в постсоветском обществе привело к утрате методологических оснований. При этом значительная часть гуманитариев) продолжают мыслить в рамках парадигмы, которую только из-за незнания концепции Маркса можно называть «марксистской». Это привело к попыткам переосмыслить и написать «объективную» историю без пересмотра собственно исследовательского методического аппарата. В подобной ситуации источниковедческая составляющая концепции дает основу искомой объективности и позволяет по-новому подойти сначала к источниковедческому анализу, а затем - под воздействием системности - и к историческому синтезу.

Данная эпистемологическая система дает адекватный способ решения наиболее актуальных проблем современного гуманитарного познания: «принцип признания чужой одушевленности» и концепции Лаппо-Данилевского позволяет повернуть историю лицом к человеку. Признание продукта культуры в качестве общего объекта гуманитарных и социальных наук (при этом их предметы различаются) дает основу для сравнительно-исторических и междисциплинарных исследований.

Постмодернистский вызов ставит много новых эпистемологических проблем, но одновременно размывает в сознании исследователей границы строго научного гуманитарного знания. В этих условиях источниковедческая концепция, идея исторического источника как реализованного продукта человеческой психики, системы исторических источников как проекции духовной жизни позволяет гуманитарному знанию обрести почву

для различных интерпретаций. Идея коэволюционного и эволюционного целого и осмысление способов его построения дает философскую основу для целостного восприятия исторического процесса.

Развитием источниковедения как одной из исторических наук, формированием его междисциплинарных связей и дифференциацией читаемых курсов обусловлен новый подход к структуре и содержанию курса источниковедения. В изучении корпуса российских исторических источников значительная роль отводится принципам компаративного рассмотрения источников разных стран, регионов, цивилизаций.

Целью учебного пособия является обоснование основных позиций современного источниковедения, прежде всего его особого метода. Этот метод позволяет изучать исторические источники как целостную совокупность (системно), как совокупность произведений, созданных в ходе исторического процесса, деятельности людей, стремившихся посредством их решать свои, важные для себя проблемы. Соответственно, эта совокупность историческим имеет общечеловеческую однородность, взаимосвязанность, типологические характеристики. Данный метод позволяет понять типологию исторических источников (исходя из целей их создания и функций в социальной реальности) и находить общие подходы к их изучению. Таковы возможности источниковедения как антропологически ориентированной парадигмы новой исторической науки, охватывающей, по существу, все стороны истории и функционирования культуры. Поэтому авторы и говорят об общегуманитарном подходе к историческим источникам с помощью данного метода.

В первой части учебного пособия метод источниковедения показан с общетеоретических позиций, в его становлении и современном виде. Показаны пути изучения целостной совокупности исторических источников, конкретных источниковедческих ситуаций, их отличия на разных этапах развития общества.

В этой части обосновывается актуальность источниковедения и его метода в системе гуманитарного познания в современной эпистемологической ситуации, которая характеризуется стремлением к интеграции наук и междисциплинарному взаимодействию. В этих условиях особое значение приобретает вопрос об объекте гуманитаристики, в связи с чем и рассматриваются понятие исторического источника, предмет и задачи источниковедения. Исторический источник трактуется как объективированный результат человеческой деятельности, как носитель принципиально верифицируемой информации, как явление

культуры, что позволяет раскрыть системообразующее значение источниковедения в гуманитарном познании.

Во второй части пособия источниковедческий метод раскрывается на материале источников российской истории в ее целостности и временной длительности. Такой выбор объекта вполне отвечает поставленной цели. Рассмотрение корпуса источников российской истории позволяет читателю понять, каким образом метод источниковедческого анализа и синтеза используется при работе с конкретным материалом, как формируются видовые методы, учитывающие и особенности различных исторических источников.

Изучение источников именно российской истории позволяет авторам опираться на богатые традиции и достижения русской источниковедческой культуры и преподавания источниковедения как особой дисциплины. В свою очередь, историк-страновед, стремящийся понять источниковедческую ситуацию изучаемой им страны (культура, этнос и т. п.), получает достаточно разработанную модель подхода к целостной совокупности исторических источников, ему будут хорошо видны исследовательские ситуации, проблемы и возможные пути их решения. Предлагаемый подход выводит, таким образом, на новый уровень выявления общего и особенного в источниковедческом наследии, которое может изучаться с компаративных позиций единства человеческого опыта и его индивидуального своеобразия.

Требует пояснения и принцип периодизации эволюции корпуса источников, принятый в учебном пособии. Исходным хронологическим рубежом является XI в. - время, от которого сохранились письменные источники Древней Руси. Складывалась характерная для средневековья видовая структура их комплекса, получившая отражение в первом разделе второй части учебного пособия.

На рубеже XVII-XVIII вв. и в течение XVIII в. в России происходили кардинальные изменения свойств исторических источников, их видовой структуры. Одновременно утрачивали первостепенное значение такие виды источников, как летописание, житийная литература, появились мемуаристика, художественная литература, научные сочинения, в том числе и исторические, периодическая печать, статистические источники. Существенно изменился характер законодательства, актов и делопроизводственных материалов. Если не ограничиваться исследованием только письменных источников, то можно отметить, что почти одновременно с такими личностными источниками, как мемуары, в России зародилась и портретная живопись. Столь существенные изменения в структуре корпуса источников российской

истории были обусловлены глубокими изменениями как в российском обществе, так и в ментальности отдельной личности. Аналогичные изменения приблизительно в это же время происходили и в других европейских странах.

В качестве гипотезы, объясняющей причины этих изменений, авторы принимают концепцию эволюции самосознания человеческой личности и изменения взаимоотношений человека и общества. Отмеченные выше процессы связаны с выделением человека из окружающей его социальной среды, осознанием ее исторической изменчивости, что характерно для перехода от средневековья к новому времени.

Значительно изменяется корпус источников и при переходе к новейшему времени. Фиксация этих изменений и позволяет обнаруживать в истории отдельных стран период перехода от одной эпохи к другой. В это время усиливаются унифицирующее влияние социальной среды на человеческую личность и определяющее воздействие социальной группы на самосознание личности, что, по-видимому, во многом связано со становлением фабричного производства, изменившего характер труда, усилившего отчуждение человека от конечного результата его трудовой деятельности и унифицировавшего окружающую человека бытовую среду.

Анализ корпуса источников российской истории показывает, что изменения, соответствующие переходу от нового времени к новейшему, обнаруживаются во второй половине XIX в. и на рубеже XIX-XX в. Проявляется тенденция к унификации формы и содержания многих видов письменных источников, - делопроизводственных материалов, изданий периодической печати вплоть до столь личностного источника, как мемуаристика, отчасти попадающего в зависимость от картины событий, формируемой средствами массовой информации. В целом существенно увеличился удельный вес источников, изначально, уже в момент возникновения, предназначенных к публикации в той или иной форме. Кроме того, на рубеже XIX-XX вв. начали изменяться и типы источников: появились фото- и киноматериалы, позже - машиночитаемые документы, что, вероятно, свидетельствовало о глобальных изменениях в истории человечества. И в этом плане, возможно, возникновение машиночитаемых документов сопоставимо с зарождением письменности и появлением письменных источников. Ведь типы источников, как и виды, появляются неодновременно. И последовательность возникновения основных типов источников: вещественные - изобразительные - письменные - вполне соответствует последовательности трех стадий в развитии человечества: дикость - варварство - цивилизация.

Из корпуса источников новейшего времени выделены источники советского времени. Это обусловлено, в первую очередь, сильным идеологическим воздействием на все сферы общественной жизни и подавлением индивидуума, что определило специфику исторических источников. Однако отметим, что исторические источники советского и постсоветского времени несут на себе и наиболее существенные черты источников нового и новейшего времени. В этом проявилась преемственность с корпусом источников предшествующего периода российской истории, что объясняется традиционализмом российского общества и типологическим сходством абсолютистского и тоталитарного государств.

Освоение источников нового и новейшего времени существенно отличается от изучения корпуса российских источников периода древней и средневековой Руси. Рассматривая эволюцию видов источников периода средневековья, можно и нужно ориентироваться на наиболее заметные памятники, такие, как «Повесть временных лет», «Русская Правда» и т. д. Из-за огромного количественного роста источников в новое и новейшее время такой подход невозможен. Необходимо выстроить модель вида и проследить его эволюцию, привлекая отдельные памятники в качестве реальных образцов. Для доказательства этих построений читатель может использовать в качестве примеров любые известные ему источники (мемуары, публицистические произведения и т. п.).

Изучение источниковедения предполагает, что студент уже знаком с историей, хотя бы на уровне фактографии. Поэтому не поясняются упоминаемые исторические события, не приводятся биографические справки о лицах, известных из общего курса истории, и не дается хронологически последовательного изложения материала.

Источниковедческий анализ и синтез - это система исследовательских процедур, ни один из элементов которой не может быть опущен без ущерба для конечного результата. Эта система, изложенная в первой части учебного пособия, в равной мере применима ко всем видам источников, обзор которых дан во второй части. Именно поэтому в главах второй части не уделяется специальное внимание методике источниковедческого исследования, однако источниковедческий анализ каждого вида исторических источников имеет свою специфику, которая и выявляется по мере необходимости в соответствующих главах. В обзоре исторических источников излагается не метод их источниковедческого анализа, а те его отдельные элементы, которые характерны для данного вида. Задача обучающегося — самостоятель-

но применить источниковедческий анализ к каждому виду исторических источников в полном объеме.

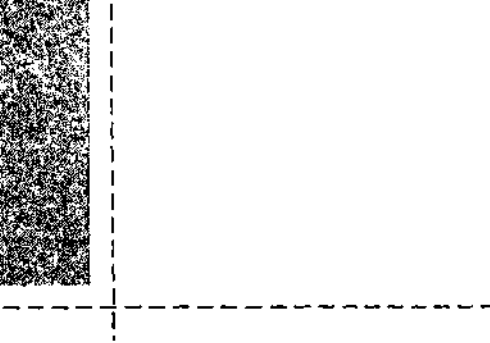
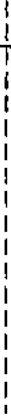
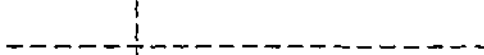
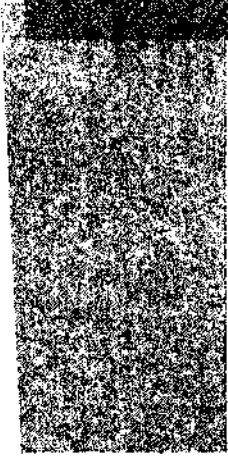
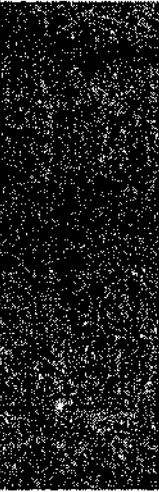
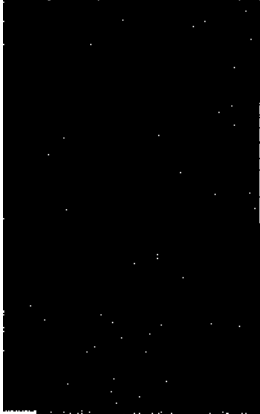
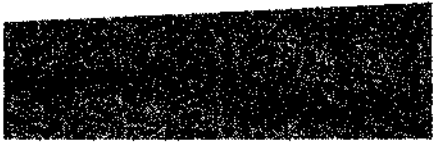
Отметим также неизбежную неравномерность изложения материала. Более подробно написаны те разделы, которые полностью отсутствуют в имеющейся учебной литературе, а также те, которые содержат результаты собственной исследовательской деятельности авторов, апробированы в практике преподавания, но недостаточно представлены в научных изданиях или отражают подходы, кардинально отличающиеся от общепринятых.

В целом в учебном пособии обобщен накопленный в историографии опыт разработки тех или иных видов исторических источников. Теоретико-познавательная (эпистемологическая) и соответствующая педагогическая концепция авторов основана на представлении об историческом источнике как об общем объекте гуманитарных наук и системно-взаимосвязанном носителе информации в науках о человеке. Поэтому источниковедение выступает как одна из фундаментальных дисциплин в образовании специалиста-гуманитария, а метод источниковедения - источниковедческий анализ и синтез — есть тот исследовательский метод, которым должен владеть профессионал-гуманитарий.

ЧАСТЬ

1

ТЕОРИЯ,
ИСТОРИЯ
И МЕТОД
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ГЛАВА 1

Источниковедение: особый метод познания реального мира

В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ деятельности часто бывает так, что в процессе достижения конкретных целей одновременно приобретается ценный опыт. Например, путешествуя, люди накапливали опыт и знания о Земле. Из опыта путешествий формировалось практическое землеведение, а затем и наука - география. Нечто подобное происходит и при освоении богатства человеческого опыта - исторической науки, исторической антропологии, науки о человеке. Получить информацию о людях можно двумя способами - непосредственного наблюдения, общения, диалога. Однако этот способ имеет существенные ограничения: мы видим только то, что происходит *здесь и сейчас*. Для того чтобы узнать о происходящем в другом месте, необходим иной путь - опосредованный. При этом мы изучаем произведения, сознательно и целенаправленно созданные людьми, - рукописи, книги, вещи. Этим же способом мы пользуемся и тогда, когда сами создаем произведения, выражая в них свой внутренний мир, подавая о себе весть людям, человечеству. Эти произведения в качестве источников познания - исторических *источников* уже давно стали предметом внимания исследователей, прежде всего историков, потому что историческая наука специально обращается к опыту прошлого. Стремясь обобщить свои методы работы с историческими источниками, наука о человеке формирует особую область исследования. В силу своего основного содержания она стала называться *источниковедением*.

Источниковедение складывалось как особая дисциплина прежде всего в рамках методологии исторического исследования, поскольку именно историческая наука систематически использует для целей познания исторические источники. В ходе своего становления источниковедение обобщает научно-исследовательский и публикаторский (археографический) опыт, накапливавшийся в процессе работы с литературно-художественными, философскими, правовыми произведениями в классической филологии, философской герменевтике, литературоведении и лингвистике, истории права и других областях знания. Издавна сложилась особая группа дисциплин, накопивших опыт работы с отдельными видами источников, - так называемых вспомогательных исторических дисциплин (палеография, сфрагистика, дипломатика, кодикология и многие другие). Они помогают исследователям правильно читать тексты, идентифицировать их, подготавливать исторические документы к научному изданию и использованию. Традиционно источниковедение связано с исследовательской деятельностью историка, и поэтому иногда говорят именно об историческом источниковедении, исторических источниках. Однако в настоящее время очевидно, что проблемы, которые специально разрабатывает источниковедение, рассматриваются не только в исторической науке, но в гораздо более широком междисциплинарном пространстве гуманитарных исследований. Вместе с тем методы источниковедения важны для многих областей гуманитарного знания. Поэтому изучение проблем источниковедения следует начать не с истории его формирования, а с вопросов теории - его теоретико-познавательных (эпистемологических) оснований.

Источниковедение в настоящее время представляет собой особый метод гуманитарного познания. Гуманитарное познание имеет целью приращение и систематизацию знаний о человеке (во всей полноте и целостности этого феномена) и обществе (феномене человечества в его временном и пространственном единстве). Общим целям служат и методы источниковедения. Источниковедение совершенствует свои методы и познавательные средства в соответствии с общими эпистемологическими (теоретико-познавательными) принципами гуманитарного познания и, в свою очередь, обогащает знание о человеке и человечестве специфическими познавательными средствами. Методология источниковедения представлена системой знаний, сложившихся первоначально прежде всего в исторической науке, а также в других гуманитарных науках. Она обладает единством теоретических постулатов, историко-практическим опытом развития и исследовательским методом.

Источниковедение имеет свой специфический предмет и использует особый метод познания объективной реальности. Как известно, в объективной реальности существуют как природные объекты, возникающие вне человеческой деятельности и независимо от нее, так и объекты культуры, созданные в процессе целенаправленной, осознанной деятельности людей. Объекты культуры создают, обрабатывают, лелеют люди, преследующие при их создании конкретные практические цели. Именно эти объекты несут особую информацию о людях, их создавших, и о тех типах общественных организаций, человеческих сообществ, и которых эти цели ставились и реализовались. Объекты, созданные природой вне участия человека, источниковедение специально не изучает, поскольку не располагает для этого специальными (естественно-научными) методами. Для получения дополнительной информации оно обращается в том числе к естественно-научным областям знания. Изучение объектов культуры как источников информации о человеке и обществе есть главная задача источниковедения.

1. Реальный мир и его познание

Таким образом, источниковедение представляет собой метод познания реального мира. Объектом при этом являются созданные людьми культурные объекты - произведения, вещи, записи-документы. Посредством каких свойств культурных объектов познается реальный мир? Поскольку произведения (издания, вещи, записи-документы и т. п.) люди создают целенаправленно, то в этих произведениях отражаются и эти цели, и способы их достижения, и те возможности, которыми люди располагали в то или иное время, в тех или иных условиях. Поэтому, изучая произведения, можно многое узнать о людях, которые их создали, и данный способ познания человечество широко использует. В ранних человеческих сообществах устной культуры люди самым разнообразным образом использовали созданные другими людьми вещи - орудия, инструменты, предметы быта или роскоши, оружие и многое другое - не только по прямому назначению данных предметов, но и как источники информации. Рассматривая, сопоставляя, оценивая, логически рассуждая, люди извлекали для себя важную информацию о новой для них культуре. Поэтому многие обычаи, связанные с диалогом культур, сопровождаются обменом дарами. Эти обычаи, восходящие к глубокой древности, позволяют существенно дополнить социальную информацию, которую можно передать словесно,

при непосредственном личном общении. По ним можно судить о богатствах страны, которые люди уже научились использовать, об уровне развития техники, ремесла, образе жизни, системе ценностных ориентации, уровнях науки и культуры. Данный способ получения информации о человеческом сообществе дает огромные возможности, ибо он ориентирован на главное человеческое свойство - способность создавать, творить, объективировать свои мысли и представления в материальных образах. Возникновение письменности, а позднее технические средства фиксации и передачи информации, ее тиражирования значительно расширили информационное поле человеческой цивилизации, качественно изменили и изменяют ее.

«Одно из главных различий - между языком устным и письменным. Из них первый носит чисто временной характер, а последний связывает время с пространством. Если мы слушаем убегающие звуки, то, читая, мы обычно видим перед собою неподвижные буквы, и время письменного потока слов для нас обратимо: мы можем читать и перечитывать, мало того, мы можем забегать вперед. Субъективная антиципация слушателя превращается в объективируемое предвосхищение читателя: он может досрочно заглянуть в конец письма или романа», - писал лингвист и литературовед Р.О. Якобсон¹. Объектом источниковедения служит фиксированная речь - время, связанное с пространством. Это условие необходимо и достаточно для исследования (а не только восприятия).

2. Фиксированные источники информации о реальности

Каким образом люди передают социальную информацию, обмениваются ею? Это происходит в первую очередь на уровне личного общения - с помощью слов (вербальное общение) и различных несловесных способов передачи информации - мимики, движения, жестикуляции (невербальное общение). Чаще всего одно дополняется другим. Этот способ человеческого познания достаточно информативен. Но в нем есть существенный недостаток - личное общение ограничено во времени (происходит здесь и сейчас) и в пространстве. Все остальное может остаться неизвестным, потому что происходило либо давно, либо происходило или происходит в другом месте. Человек тем и отличается от других живых существ, что научился создавать произведения, выражающие его цели и намерения, и сумел

попытать, что эти произведения могут стать источниками информации. Данная ситуация и создаст потенциальную возможность источниковедческого подхода. В результате люди накапливают повседневный опыт и передают его последующим поколениям. Для этого они кодируют информацию в материальных объектах (создавая документ, запись, рисунок, изделие, произведение), т. е. в *фиксированных источниках информации*. Этот момент является принципиально важным для понимания метода источниковедения. Это метод познания окружающего мира через фиксированные источники информации. Способность создавать произведения делает человека - Мастером, создателем, творцом; дает ему возможность осознать себя, свою власть над временем и пространством. Она дает ему такой способ общения с себе подобными, каким не располагают другие живые существа. Именно поэтому можно говорить о человеке разумном как создателе и в той степени, в какой человек сознает в себе эту способность, как о художнике и мастере. Потребность в творчестве - передача в материально-фиксированной форме (вещь или запись - изображение или обозначение) является подлинно человеческой особенностью. Человек всегда инстинктивно осознает ее как насущную. Невозможность ее реализации разрушает его как личность, и, напротив, любая возможность творчества служит для его самоидентификации. В этом смысле источниковедение опирается на сущностное человеческое свойство и потому является антропологически ориентированным методом познания реального мира. Использование изделия, произведения, созданной человеком вещи как источника информации о нем (и о его времени и его пространстве) изначально присуще человечеству, поэтому и воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Как это ни парадоксально, люди долго не задавались вопросом о том, каким образом эта информация добывается, что при этом происходит. Источниковедение изучает эти вопросы целенаправленно. Таким образом, источниковедение есть особый научный метод познания реального мира. В центре внимания оказывается познавательное пространство, в котором реализуется данный способ познания мира: как именно человек (познающий субъект) находит и изучает объект (служащий ему источником познания), какие вопросы при этом он ставит, какой логикой руководствуется, добываясь ответной информации, иначе говоря - каким методом пользуется? Источниковедение рассматривает вопрос, о котором люди долгое время не задумывались: что, собственно, происходит при изучении информации исторических источников. Постоянно обращаясь к данному способу познания реального мира, социальная практика накопила богатый опыт общения

с произведениями искусства, литературы, правовыми, социальной информацией.

Этот опыт и стал обобщаться в рамках методологии истории. Ведь именно историческая наука испытывает особый дефицит в отношении непосредственного наблюдения того, что она хотела бы изучить. Иногда говорят, что историческая наука изучает прошлое. Это определение весьма условно и неточно. Во-первых, потому, что понятие «прошлое» неопределенно. Между «прошлым» и «настоящим» не так просто провести четкую временную границу. По-видимому, разграничение прошлого и настоящего требует другого, не хронологического, подхода. Исходя из источниковедческой парадигмы мы будем придерживаться буквального смысла этих понятий: прошлое - это то, что прошло, т. е. завершилось, а настоящее - это то, что находится в процессе изменения. Настоящее происходит здесь и сейчас, его можно, следовательно, наблюдать, осознавать, эмоционально воспринимать и т. п. Но оно продолжается, и поэтому его, строго говоря, нельзя изучать научными методами. Именно поэтому человечество всегда стремилось «остановить мгновение», настойчиво изобретало для этой цели средства - рисунок, письменность, книгопечатание, фотографию, кино, звукозапись. Существенное значение имеет принципиальная возможность повторного, многократного обращения к прошедшей реальности, ее фиксированному в виде материального образа изображению.

Необходимым условием научного изучения реальности является возможность ее фиксированного запечатления. Эти-то фиксированные запечатления и являются основным источником познания. Источниковедение есть особый метод изучения этих источников. Совершенно очевидно, что без источников не может обойтись историческая наука, поскольку она изучает прошлое, в том числе и весьма далекое от современности. Источниковедение выступает в этом случае как метод изучения прошлой реальности через посредство человеческого восприятия, зафиксированного в источниках. Очевидно и другое: без обращения к источникам познание реальности вообще невозможно. Следовательно, метод источниковедения необходим для гуманитарного познания в целом.

ГЛАВА 2

Источник: феномен культуры и реальный объект познания

НАУКА (по определению) - достоверное и систематизированное знание о действительности - не может обойти молчанием вопрос о своем объекте. Предполагается, что он познаваем научными средствами, если существует как явление, имеющее определенные свойства: доступность наблюдению; стабильность (обуславливающая возможность многократного обращения); независимость от исследователя (процедура исследования не влияет на эти свойства). Разумеется, любая наука исходит из общих методологических предпосылок относительности познания, но тем не менее в науках о природе реальность вещи в себе не оспаривается, а путь к познанию прокладывается благодаря совершенствованию методов и техники исследования. Не столь однозначна познавательная ситуация в науках о человеке. Что, собственно, может выступать в качестве реального явления, доступного для научного анализа? В исторической науке, как известно, непосредственному наблюдению доступно весьма немногое. Что же касается явлений человеческого общения, то даже при условии их фиксации (устная история) или целенаправленного эксперимента (опрос, интервью и пр.) существуют огромные трудности познания, связанные и с интерпретацией полученных данных и с возникающим взаимодействием субъекта и объекта (подчас, как отмечают этнологи, меняющихся местами).

Сложные познавательные проблемы выступают на первый план в том случае, когда мы ставим вопрос о феномене человека и о будущем единой науки о человечестве. Человечество есть особая, наделенная сознанием часть мирового целого. В свою очередь, оно может изучаться лишь как целое - эволюционное и коэкзистенциальное целое человечества. Как при таком подходе решается вопрос об источниках познания этого целого? Как представить целостную совокупность источников познания, адекватную данной познавательной цели?

Науки о человеке (точнее, о человечестве) располагают объектом, отвечающим условиям научности познания. Этот объект доступен для наблюдения, стабилен и суверенен (т. е. отделен от познающего субъекта). Имеется в виду целостная совокупность произведений, созданных в процессе целенаправленной человеческой деятельности и служащих источниками познания (в традиционной терминологии историческими источниками). Эти произведения (исторические источники всех типов, видов и

форм фиксации) представлены в материальной форме. Как объекты исследования, они независимы от познающего субъекта, потому что созданы для других целей и в другое время; в своей совокупности они отражают взаимодействие человека с природой, обществом, государством и с другим человеком, реализующееся в глобальной человеческой истории.

Важно подчеркнуть, что произведения, созданные людьми определенной эпохи (страны, среды, культуры), в момент их создания и последующего функционирования соотнесены между собой. Каждое из них может быть интерпретировано лишь с учетом этих системных связей. Данное положение еще недостаточно осознано и мало изучено. Любая наука - история, социология, психология - обращается к источникам социальной информации, но делает это, как правило, избирательно, под углом своих конкретных познавательных целей. Совокупность произведений, рассматриваемых как целостный системный объект, как исторический источник, является предметом источниковедения. Для источниковедения (как науки об источниках) эти произведения выступают и как объект, и как предмет изучения. Источниковедение исследует произведения, созданные людьми целенаправленно и осознанно, как целостный, внутренне взаимосвязанный объект, как совокупность с присущими данной эпохе (культуре) типологическими и видовыми свойствами, способами функционирования, особенностями информационного поля. Изучая свойства источников, источниковедение на реальной основе разрабатывает методы получения разнообразной социальной информации, ее критической проверки и истолкования и формирует критерии оценки произведений как явлений культуры. Поэтому источниковедение для историка (социолога, этнолога и пр.) не только вспомогательная дисциплина, как это представлялось традиционной методологией истории, но самостоятельная область знания, наука об источниках. Она разрабатывает (пока еще не всегда целенаправленно) специфические теоретико-познавательные проблемы, имеющие фундаментальное значение. Поэтому представитель гуманитарного знания должен ясно представлять себе, что такое источниковедение, его метод и каковы перспективы его развития. Источники составляют объективную основу гуманитарных наук как наук о человеке и его деятельности.

Ключевым моментом источниковедческой парадигмы методологии истории является понятие источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности, явления культуры. В свою очередь, это ориентирует на системное изучение источников, на обращение ко всему объему произведений культуры (в

широком смысле), созданных в процессе человеческой деятельности и отразивших в себе социальные, психологические, эколого-географические, коммуникационно-информационные, управленческие и другие аспекты развития общества и личности, власти и права, нравственности, мотивов и стереотипов человеческого поведения. Эта концепция, направленная прежде всего на изучение первоисточников и творчески развивающая идеи междисциплинарного подхода к ним, создает основу целостного, системного изучения ряда специальных проблем исторических и политических наук, экономики и демографии, социальной психологии и менталитета в их специфических, всегда особенных, конкретных пространственно-временных условиях.

Профессионал-гуманитарий (любой конкретной узкой специализации) должен владеть такой теоретико-познавательной и практической системой знаний, которая открывает ему путь непосредственного обращения к первоисточникам изучения своей проблемы - делопроизводственной документации, графическим, изобразительным, аудиовизуальным источникам, законодательным актам, литературно-публицистическим, философским, религиозным, нормативно-поучительным, учебно-пропедевтическим и другим произведениям эпохи. Единство взгляда на все это разнообразие произведений культуры определенной эпохи, на их изначальную генетическую функциональную связь в данный момент исторического процесса дает целостная концепция источниковедения, знание его теории, метода источниковедческого анализа, представление об исторических дисциплинах как элементах общего метода познания источников.

Методология источниковедения опирается, таким образом, на то фундаментальное единство, которым обладает сам объект: все, созданное людьми (в той или иной мере), есть продукт целенаправленного и осознанного единства цели, творчества. Методология источниковедения располагает единством своего подхода, предмета изучения.

Для источниковедения ключевым является определение культуры в самом широком смысле. Культура - все созданное людьми в отличие от созданного природой без их участия. Культура включает в себя предметные, материально существующие результаты деятельности людей - орудия, сооружения, произведения искусства, т. е. — весь предметный, вещный мир, формируемый и создаваемый людьми в процессе их целенаправленной, осмысленной деятельности. Созданное людьми имеет различное назначение, формы, бесконечно разнообразные свойства и может, разумеется, изучаться с самых различных сторон. Все созданное и создаваемое людьми - от древнейших времен до совре-

менности - может быть объектом исследования как целое. В свою очередь, единство подхода, предмета исследования обусловлено тем, что эти объекты изучаются в данном случае как источники социальной информации, как исторические источники.

Существует очень важная зависимость, имеющая общечеловеческое значение. Человек, создавая свое произведение, выражает в нем себя, более широко - современное ему общество, поскольку человек - существо социальное. Созданное человеком произведение, в свою очередь, может быть использовано для того, чтобы понять его создателя, получить информацию о нем.

Для современного знания характерен глобальный подход к проблемам культуры, сравнительное изучение разнообразных, взаимодействующих между собою типов и ареалов культуры, комплексный подход к изучению человека. Необычайно быстро по горизонтали и по вертикали расширяется объект исследований. По горизонтали - в географическом пространстве, когда объектом исследования становятся все новые ареалы различных культур, сосуществующие в тот или иной период, в определенном взаимодействии друг с другом: в начале XX в. европоцентризм прошлого века постепенно, а затем все быстрее и быстрее сменяется обращением к обществам и культурам других континентов. Расширение по вертикали временной оси идет от традиционного для науки прошлого, почти исключительного внимания к истории европейской античности, средневековья и нового времени к истории обществ глубокой древности и современности. Такое изменение объекта исследований само по себе способствует дифференциации научного знания, поскольку связано с изучением новых языков, специфических текстов, необычных типов человеческого поведения, образа жизни и менталитета, осмысление и интерпретация которых требуют особых знаний и методик.

Одновременно идет и усложнение по направлению, характерному для второй половины XX в. и для современности. Это проявляется в необычном росте интереса самых широких слоев общества к другой, иной, чуждой и иногда далее экзотической культуре; в стремлении человека обращаться с этой иной культурой непосредственно, пытаться понять ее (или через нее себя). Оно нашло яркое выражение в массовом посещении музеев, обращении к архивным документам, моде на коллекционирование предметов искусства и различных исторических реалий. За причудливыми проявлениями интересов и предпочтений массового сознания прослеживается вполне объективная, необычная ранее, новая общественно-культурная ситуация: обращение к культуре прошлого, вернее, к культуре, недоступной непосредствен-

ному восприятию, становится духовной потребностью не только специалиста, ученого-гуманитария, чьей прерогативой она была традиционно, а гораздо более широкого круга людей - людей гуманитарного мировосприятия. По сравнению с положением, существовавшим в первой половине XX в., отмеченного технократическими приоритетами, беспредельной верой в возможности естественных наук, могущество техники, эта ситуация нова и значима.

Однако она вызывает определенные трудности. Ясно, что объем информации, связанной с исследованием разнообразия мировых культур и тем более их взаимодействий, беспредельно увеличивается. Это не может не привести к качественным изменениям методологии исследований. Достижения середины XX в. дали возможность привлечь новые технические средства для фиксации, передачи, обработки социальной информации, что значительно ускорило темпы поиска информации, качественно изменило возможности воспроизведения, тиражирования текстов, их доступности для потребителя. Изменились способы обработки социальной информации массовых источников, возможности корреляционного анализа взаимосвязи социальных явлений, моделирования. Использование этих новых для гуманитарных наук возможностей стало важным направлением научного исследования.

Не менее существенным для гуманитарных наук является развитие аудиовизуальных источников, существенно изменивших соотношение письменной и звукозаписывающей фиксации информации, письменных и устных свидетельств в информационном поле XX в. Технические средства новейшего времени, с одной стороны, облегчают доступ к информации, сокращают ее путь к потребителю, с другой стороны, способствуют еще более быстрому увеличению общего объема информации, создают новые виды источников. Объект источниковедения - исторический источник - становится еще шире. Поэтому важно выявить общие принципы подхода к историческим источникам, найти то существенно общее, что позволяет работать с источниками на принципиально единой основе.

Слово «источник» многозначно. При почти буквальном совпадении значений слова объем понятия «источниковедение» имеет различное содержание. Известно, что любое понятие надо толковать системно, в контексте той научной школы, в которой оно создается и функционирует.

Для нас важно определить содержание понятия «источниковедение» в отечественной науке. Источниковедение — это учение об источнике, которое имеет принципиальное значение для

гуманитарного знания в целом. Гуманитарное знание должно, если говорить о главном его предназначении, помочь человеку, занятому решением собственных, весьма конкретных, жизненных проблем - политических, экономических, профессиональных, национальных, семейных, каких бы то ни было, привлечь к их решению весь опыт, который накопило человечество.

Гуманитарное знание, таким образом, должно давать ответ на то, как в том или ином случае поступали люди. Мы видим, что именно теперь, в эпоху критических событий и чрезвычайных ситуаций, массовое сознание обращается к опыту прошлого. Причем делает это инстинктивно, почти наугад, используя имеющиеся возможности, предпочитая, в частности, ученым трудам мемуары и документальные публикации.

Прилагательное «исторический» в словосочетании «исторический источник» уточняет не специфику источника, а особенность той области знания, которая привлекает источники для своих исследовательских целей - для познания прошлого, изучения истории человечества (в данном случае историческая наука). В то же время словосочетание «историческое источниковедение», которое часто используется как синоним термина «источниковедение», указывает на связь источниковедения с исторической наукой, подчеркивает, что оно возникло и долгое время развивалось в связи именно с исторической наукой, в процессе работы с источниками историков. Сфера приложения методов источниковедения не исчерпывается собственно исторической наукой. Расширяя сферу применения своих методов в антропологии, этнологии, социологии, исторической психологии, исторической географии, культурологии, источниковедение в то же время сохраняет свою традиционно сложившуюся взаимосвязь с исторической наукой.

Источниковедение изучает не просто исторический источник. Оно изучает систему отношений: человек-произведение-человек. Эта триада выражает общечеловеческий феномен: один человек общается с другим не непосредственно, а опосредованно, с помощью произведения, созданного другим человеком и отражающего его личность.

Произведения, создаваемые людьми в процессе целенаправленной творческой деятельности, намеренно облачаются ими в реализованную, овеществленную материальную форму, в которой эти произведения могут свободно функционировать в той или иной социокультурной среде. Эти произведения (или их сохранившиеся фрагменты) вполне могут фиксировать заложенную в них информацию о людях, создавших эти произведения и также (в определенной степени независимо от намерений авто-

ров), — о том историческом времени и месте (хронотопс), в котором возникновение этих произведений и их последующее функционирование оказались возможными. На этом фундаментальном представлении об источниках как явлении культуры, как реализованном интеллектуальном продукте человеческой деятельности и основывается система методов источниковедения, его методология.

Методология источниковедения интерпретирует произведения или их сохранившиеся фрагменты как явления культуры и как источники для ее изучения. Мыслитель и историк культуры Л.П. Карсавин в своем учебном пособии «Теория истории» (1920) справедливо отмечал, что именно источники создают реальную возможность научного познания прошлого. «Чрез источник, как часть минувшего, — писал он, — мы вживаемся в единство этого минувшего и, познавая часть, в ней уже познаем и целое». Ученый справедливо видел в исследовании источников потенциальную возможность гуманитарного знания: «При достаточном понимании и правильной оценке источников, как частей прошлого, сами собою бледнеют и теряют силу жалобы на субъективность и ненадежность по сравнению с методами естественных наук метода исторического»². Таким образом, умение работать с эмпирическими данными, свободно ориентироваться в своем исследовательском пространстве для любого ученого — как представителя естественно-научного, так и гуманитарного знания является фундаментально необходимым. Для практикующего гуманитария эти эмпирические данные — реально существующие исторические источники. Очевидно, что научная методология их исследования — отыскания (эвристика), типологизации, интерпретации той информации, которую они содержат, имеет важное значение. Сложные исследовательские методы позволяют воссоздать фрагментарно сохранившееся произведение как явление культуры своего времени, раскрыть типологию и специфику того культурного целого, в котором данное явление состоялось. Эти методы логически связаны между собой, составляют единую систему — методологию источниковедения. Она опирается на системный подход, историзм, разрабатывает и совершенствует методы типологизации источников, источниковедческий анализ и синтез.

Не касаясь всех аспектов более сложной проблемы соотношения исторического и социологического методов, отметим лишь саму постановку вопроса: действительно ли можно провести четкую грань между прошлым и настоящим? События прошлого вплетаются в живую ткань современной реальности, и трудно отделить одно от другого. Новые работы психологов, ис-

следователей проблемы восприятия свидетельствуют, что в данной ситуации речь идет не о часах, и даже не о минутах, но только о секундах. Человеческое сознание, по новейшим исследованиям, способно воспринимать целостную картину в течение 2,9 секунды. Что касается дальнейшего, то здесь уже необходимо обращаться к источникам фиксированной информации. Итак, с источниковедческой точки зрения непосредственный контакт весьма краток, и очень скоро становится необходимым обращение к письменной, графической, изобразительной фиксации только что промелькнувшего события.

В отличие от мгновенного *сейчас* и *здесь*, непосредственного наблюдения обращение к источникам делает общение независимым как от времени, так и от места действия. Созданное человеком произведение дает информацию о ее творце всякий раз, когда в этом возникает необходимость.

Таким образом, через посредство созданного произведения человек дает знать о себе другим людям.

ГЛАВА 3

Источник: антропологический ориентир гуманитарных наук

ГУМАНИТАРНЫЕ науки развиваются под воздействием сложных явлений действительности, отражая осознание человечеством новых для себя проблем и поиск путей их решения. Открытия, сделанные в специальных областях знания, вызывают изменения всей системы наук о человеке в целом. Источниковедение со своим методом существует в общем пространстве гуманитарных знаний и также занято поиском конкретных ответов на общие требования времени. Поэтому прежде всего следует остановиться на общей ситуации в современном познании.

В XX в. стали очевидны глобальный характер и взаимосвязанность всех социальных процессов. Социальные факты новой реальности не находят непосредственного отражения в источниках традиционного типа - они требуют конструирования моделей явлений, а не их описания. Человеческая личность в условиях господства стереотипов массового сознания оказывается перед альтернативой утраты своей уникальности или острой борьбы за нее. Стабильная, в основном европоцентристская база источников информации, разработанная в предшествующие столетия, и соответствовавшие традиционным задачам методы ее исследования в новых условиях выявляют свою неполноту и

несовпадение при изучении того «молчаливого большинства», настроения которого все сильнее влияют на ход социального процесса. Традиционные методы социальных наук требуют переосмысления.

В новейшее время гуманитарные науки ориентированы на исследование не столько объектов, сколько взаимодействия и взаимовлияния человека и природы, людей между собой. Но исследовать взаимодействия труднее, нежели объекты. Взаимодействие изменчиво, преходяще, с трудом интерпретируется, неадекватно отражено в источниках. Поэтому каждая из гуманитарных наук вынуждена заново осмысливать свой объект, расширяя возможности наблюдения взаимодействий. Социологи создают сложные модели взаимодействия индивида и социума (теории зеркального «я», социального действия и др.), историки реконструируют модели отношения историка как субъекта познания со своим (уже ненаблюдаемым) объектом. Резко возрос интерес к таким наукам, которые ставят взаимодействие и общение в центр своих исследований (информационные науки и науки о языке, их интерпретационные аспекты).

Глобальная история должна опираться на широкую, совершенно иную эмпирическую базу источников, нежели та, которой располагает историческая наука в настоящее время. Западная наука в ходе осмысления этой проблемы предложила два варианта ответа, в которых есть нечто общее - они как бы выводят решение этой проблемы за пределы собственно исторической методологии. Один из подходов к проблеме глобальной истории — философский. «...Чтобы понять часть, мы должны прежде всего сосредоточить внимание на целом, потому что это целое есть поле исследования, умопостигаемое само по себе»³. Другой подход - междисциплинарность, понятая в первую очередь как использование одной наукой данных, добытых другими науками. Вопрос о реальном объекте исследований, имеющих общую цель - становление глобальной истории и всеобщей науки о человеке, в обоих подходах остается тем не менее открытым.

В концепции источниковедения активно проводятся идеи общечеловеческого начала и исторического источника как средства не просто познания фактов, а расширения возможностей общения личности с мировой культурой. В основе концепции источниковедения лежит фундаментальная человеческая потребность в преодолении рамок пространства и времени и взаимодействия с людьми, с культурой других эпох при посредстве исторических источников, выступающих как явления культуры. В традиционном обществе соприкосновение с великим произведе-

нием мысли, мастерства культивировалось как особое искусство

2 4463

и интеллектуальное наслаждение. Современные технологические средства открывают для такого общения новые неограниченные возможности. Неизмеримо возрастает значение источниковедения в современном гуманитарном познании и культуре. Теория, метод и исследовательская практика работы с источниками составляет единое целое. Поэтому мы рассматриваем основные теоретические положения и методы их применения к конкретному материалу источников в трех взаимосвязанных направлениях. Во-первых, в связи с теми условиями, в которых эти теоретические представления формировались и развивались; во-вторых, в системе метода источниковедческого анализа и синтеза. Методы источниковедения исследуются, кроме того, в их применении к источникам российской истории. Здесь общие принципы источниковедческого подхода рассматриваются прежде всего на основе видовой классификации источников. Это дает возможность выявить как общее, так и особенное в теории и исследовательской практике источниковедения.

Примечания

¹ *Якобсон Р.* Язык и бессознательное. М., 1996. С. 233.

² *Карсавин Л.П.* Введение в Историю: (Теория истории). Пг., 1920. С. 38.
См. подробнее: Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 54-55.

³ *Тойнби Л.* Постигание истории. М., 1991. С. 20-21.

РАЗДЕЛ 2

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ГЛАВА 1

Критика и интерпретация как исследовательская проблема

ЧТЕНИЕ великой книги, рукописи ради общения с ее творцом и создателем было в традиционной культуре органической потребностью. Такое произведение оберегали, окружали ореолом высокого пиетета, с ним обращались трепетно и неравнодушно, его перечитывали вновь и вновь, доискиваясь до глубокого, не сразу открывавшегося смысла. Это было общение с автором произведения, которое могло быть продолжено собственными записями, например, записями на полях, владельческими знаками в рукописи или экслибрисами в книге. На этой основе вырабатывалось умение понимать произведения древности, различать подлинники, судить о ценности произведения и особенностях авторского стиля. На материале филологии формировались методы обращения к авторству как способу понимания произведения. Понятие об источнике и его критике, его понимании (герменевтике) возникло в связи с филологической интерпретацией важнейших произведений литературы классической древности. Этими вопросами занимались толкователи текстов Священного писания - экзегеты, гуманисты, мыслители и ученые. На этой основе в начале XIX в. складывались общие принципы обращения к произведению и авторству как способу понимания произведения, проникновения в глубинный смысл текста.

Общие принципы интерпретации были практически неотделимы от конкретики реального текста, служа главной для историковедения цели - лучшему пониманию авторского замысла, смысла произведения, заложенного в нем его создателем. По существу, стремление, например, исследователя русских летописей А.-Л. Шлецера (1735-1809) восстановить «очищенного Нестора» было ярким выражением внимания к автору произведения, понимания авторского замысла. Шлецер - русский историк и филолог немецкого происхождения, адъюнкт Петербургской академии наук, а позже профессор Гёттингенского университета предполагал, что «Повесть временных лет» есть произведение не только монаха Киево-Печерского монастыря Нестора, но и его продолжателей и переписчиков. Он считал, что существует один основной текст.

Общее учение о принципах подхода к произведению как источнику на основе изучения текстов Нового завета сформулировал известный немецкий теолог и философ Ф. Шлейермахер (1768-1834). В своем сочинении «О герменевтике и критике, особенно в их отношении к Новому завету» он различал два подхода к изучению произведения: учение о герменевтике и учение о критике. Учение о герменевтике он определял как «искусство понимать чужую речь», причем выделял грамматическое и психологическое истолкования. Психологическое истолкование, по мнению ученого, состоит в том, чтобы понять комплекс мыслей автора как некий «жизненный момент» в его развитии. Учение о критике Шлейермахер трактовал более широко, нежели другие ученые, чаще всего определявшие критику как искусство понимать произведения древности и различать подлинные от неподлинных, а также судить об их достоинствах. Понятие критики оказалось не вполне четким, поскольку искусство понимания произведения, с одной стороны, и установления подлинности - с другой, весьма различны по своим задачам и методам. Четкое разделение герменевтики и критики способствовало уточнению обоих понятий. Шлейермахер отмечал, что задачи критики встают перед исследователем произведения в том случае, когда тот замечает, что в источнике «есть нечто такое, чего в нем не должно бы быть». Иначе говоря, когда возникает подозрение в том, что изучаемый источник содержит какие-то ошибки, требующие критического отношения; он разделял их на механические (например, описки переписчика текста) и на ошибки, зависящие от свободной воли того, кто признается автором данного произведения. Основное внимание он все-таки уделял рассмотрению задач критики, методам установления подлинности и неподлинности, а не решению более сложных проблем достоверности.

В начале XIX в. для разработки методов изучения произведения и его авторства большое значение имели труды по классической филологии. Эта область гуманитарного знания понималась тогда очень широко. Так, немецкий филолог Ф.Л. Вольф (1759-1824) рассматривал филологию как область познания классической древности во всей совокупности. Его особенно интересовала «филологическая реконструкция» произведений частного и государственного быта греков и римлян. Труды Вольфа об авторстве «Илиады» и «Одиссеи» оказали большое влияние на развитие науки о классической древности и ее методов. Чрезмерно широкое понимание Вольфом филологии (он приходил к заключению, что «цель филологии - чисто историческая») не вызывало, однако, поддержки ни у филологов, ни у историков. В развитие исторической критики большой вклад внес немецкий историк Б.Г. Нибур (1766-1831), основатель научно-критического метода и изучения истории. В своей классической книге «Римская история» он доказывал легендарность древней истории Рима, используя критический метод анализа исторических свидетельств. Развитию методов критики и интерпретации источников способствовали труды историков права, особенно работы главы исторической школы права немецкого юриста Ф.К. Савиньи (1779-1861). В трудах по политической истории Западной Европы XVI-XVII вв. немецкий историк Л. фон Ранке (1795-1886) провозглашал необходимость объективного критического изучения источников и фактов, чтобы писать историю именно так, «как она в действительности происходила». Этот тезис многими его последователями ассоциировался с обращением к оригинальным источникам, с необходимостью критической проверки их достоверности. Научно-критическое изучение истории Нового завета и раннего христианства продолжил Ф.К. Баур - выдающийся немецкий протестантский теолог (1792-1860), профессор университета в Тюбингене.

Среди французских историков особый интерес к проблемам критики источников проявлял историк-медиевист П. Дону (1701-1840). Как крупнейший архивист, Дону известен разработкой принципов классификации документов национальных архивов. Кроме того, в течение ряда лет он читал курс лекций по исторической критике источников.

Первая треть XIX в. характеризовалась особым интересом ученых к исследованию произведений культуры, к историческим сочинениям, проблемам авторства и жанра этих произведений.

ГЛАВА 2

Источниковедение как проблема национальной истории

БОЛЬШОЕ влияние на развитие методов анализа исторических источников оказали крупные научные открытия первой трети XIX в. Они способствовали изучению множества исторических источников и совершенствованию методов их критического анализа. Одна из крупнейших инициатив связана с изданием знаменитой серии исторических памятников германской истории («*Monumenta Germaniae Historica*»), в немалой степени повлиявшей на создание союза германских государств. Так, неудачи Пруссии в войне с Наполеоном побуждали правительство к либеральным реформам, усиливали стремление германских государств к объединению. Важная роль в формировании национального самосознания отводилась изданию исторических документов германской истории. У истоков издания стоял государственный деятель и либеральный реформатор глава прусского правительства в 1807-1808 гг. Г.Ф. фон Штейн. В 1815 г. фон Штейн отошел от политической деятельности и на свои средства предпринял это крупное научно-историческое издание. В ходе реализации данной инициативы в 1819 г. было создано научное общество «*Die Gesellschaft für ältere Geschichtskunde*». Его деятельность была направлена на исследование документов, источников германской истории и их последующее научно-критическое издание. Общий перспективный план собирания, научной критики и публикации был разработан историком Г.Г. Пертцем. Таким образом было положено начало успешно продолжающейся и поныне знаменитой серии «Памятники германской истории». Первый выпуск вышел в 1826 г. Издание стало подлинной школой исследования источников, их научной критики. Оно было разделено на пять крупных разделов по типам источников: *Scriptores* (исторические писатели в широком смысле); *Leges* (законы и юридические сборники); *Diplomata* (документы); *Epistolae* (письма); *Antiquitates* (древности), не вполне определенный по видовому составу. Непосредственное участие в этом издании принимал историк и библиограф Г. Вайц (1813-1886). С 1875 г. он стал главным редактором издания. Своими трудами он положил начало особой исторической школе изучения истории государственных учреждений и общественного строя средневековой Германии. С его именем связано также создание в 1830 г. известной библиографии «*Quellenkunde der deutschen Geschichte*» («Источниковедение

германской истории»). Это произведение интересно и с точки зрения становления термина «источниковедение». Данным словом впервые было названо целое направление исследований. Оно заменило не вполне точное и труднопереводимое «историоведение», первоначально входившее в название научного общества по изучению источников, основанного фон Штейном. Надо отметить, что библиография «Источниковедение германской истории», в подготовке которой кроме Г. Вайда участвовал и государственный деятель Ф.К. Дальман (1785-1860), представляет собой полную ретроспективную библиографию источниковедческих работ, представленных в систематическом порядке. Она высоко оценивается специалистами. (Первое издание вышло в 1830 г., десятое - в 1980-х годах). Постоянные переиздания книги свидетельствуют о том, что она и поныне не утратила значения.

Итак, понятие «источниковедение» возникло в результате собирания, изучения и систематизации исторических источников. Иными словами, грандиозная работа, проделанная Г. Вайцем совместно со своими сподвижниками, по выявлению, научной критике и оценке исторических источников и составила то научное исследовательское направление, развитие которого способствовало становлению источниковедения как науки.

В России собирание и издание исторических источников особенно оживились после Отечественной войны 1812 г., сыгравшей большую роль в формировании исторического сознания и подъеме интереса к прошлому. Еще в 1811 г. при Московском архиве министерства иностранных дел была создана комиссия печатания государственных грамот и договоров. После 1812 г. ее деятельность активизировалась при поддержке канцлера графа Н.П. Румянцева (1754-1826). Монументальное «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел» включало государственные акты 1229-1696 гг. С 1834 г. издание исторических документов было сосредоточено в Археографической комиссии, созданной при министерстве народного просвещения. Комиссия издала ряд многотомных публикаций. По единому плану и правилам с 1837 г. стало публиковаться «Полное собрание русских летописей». Не утратило до сих пор научного значения «Полное собрание законов Российской империи», издание которого возглавил знаменитый государственный деятель, автор плана государственных преобразований при Александре I М.М. Сперанский (1772-1839). Эти и многие другие крупные инициативы собирания, изучения и издания исторических документов служили мощным стимулом развития источниковедения и научной критики источников.

ГЛАВА 3

Источник как самодостаточная исследовательская проблема

ХАРАКТЕРНЫЙ для первой половины XIX в. социокультурный тип, способ гуманитарного мышления отличался непосредственным обращением к источнику, стремлением целостно воспринять произведение, а через него личность его автора. С этим связано большое внимание к форме, к жанровым особенностям произведения.

Существенной особенностью того времени являются историзм культуры, связь истории и политики: государственные деятели участвовали, в исторических исследованиях и публикациях и, наоборот, историки-профессионалы занимались государственной политикой. «Записка о древней и новой России» Н.М. Карамзина, прошлое страны, ее настоящее и перспективы развития составляют единую концепцию; исторические труды А.С. Пушкина, государственных лидеров, и не только России, по кодификации законодательства и публикации памятников государства и права выступают как убедительные примеры для понимания сложившейся в первой половине XIX в. ситуации.

Лучшее понимание связи истории и политики гуманитарии того времени дает непосредственное участие в деятельности архивов. Перед ним проходит вся политическая система страны, ее структура, социальная стратификация и, что также очень важно, способы ее функционирования (через сохранившиеся документы). Гуманитарий этого типа не обязательно историк или писатель. Он - государственный деятель по образу мышления. Если это историограф, как Карамзин, то он же и автор «Записки о древней и новой России», т. е. политолог и реформатор. Если поэт, то мыслящий как социолог, например, как Пушкин в «Борисе Годунове» и исторических повестях. Если дипломат, то крупный политик, как А.М. Горчаков, или поэт - учитель наследника, будущего царя - культуролог В.А. Жуковский, или дипломат-философ, как Ф.Ф. Тютчев. Общим для всех является научный подход к источнику как к явлению, масштабный взгляд на страну и ее исторические судьбы, понимание политической системы государства, соотношения народа и власти.

Во второй половине XIX в. создалась иная культурная ситуация. Синтез историка-чиновника - государственного мужа в одном лице уже не прослеживается. Выдающийся историк С.М. Соловьев (1820-1879) не был государственным историографом, как Н.М. Карамзин. Либеральные профессора, философы и правове-

ды типа К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина, М.М. Ковалевского, как правило, на долгие годы отстраняются от государственной службы и университетского преподавания. Разрыв между властью и обществом растет, становясь критическим.

Внимание к историческим произведениям как таковым, с одной стороны, и необходимость обращения к новым комплексам исторических документов в связи с подъемом национального самосознания в странах Европы - с другой, вызвали в середине XIX в. значительный подъем интереса к историческим исследованиям; соответственно актуализировались и проблемы специальной подготовки для осуществления таких исследований. Университетское образование общего типа оказалось явно недостаточным для этой цели.

Одновременно эта же проблема встала как практическая проблема архивов. Она была осознана прежде всего во Франции. Здесь в результате крупнейшего в истории нового времени события - Великой французской революции произошла смена всего административного аппарата, учреждений, политической системы. Старые учреждения перестали существовать, тем самым создалась как возможность, так и необходимость централизации архивов нового времени. Речь шла об архивах политической системы, власти и администрации старого режима, о документах политических, административных, религиозных архивов не только государства, но и нации. Тогда же возникла и новая проблема - предоставление архивов как достояния нации в распоряжение граждан. Историческое образование старого типа не могло решать подобные задачи, формировать нового специалиста. В 1821 г. в Париже была создана Школа хартий. Ее целью была подготовка архивистов и библиотекарей, специалистов для работы с огромным массивом документов средневековой истории Франции. Обычно, когда говорят о Школе хартий, обращают внимание на то, что именно здесь, и в то время только здесь, преподавались палеография, дипломатика, другие исторические дисциплины, позволявшие вести исследовательскую работу с документами средневековой эпохи. С 1846 г. кадры французских архивистов формировались преимущественно из выпускников Школы хартий, с 1850 г. это положение стало обязательным.

Вслед за Школой хартий подобные высшие школы создавались в других странах Западной Европы, в частности, в 1854 г. в Вене немецкий историк и эрудит Т. фон Зиккель (1826-1908) основал Институт австрийских исторических исследований. Зиккель провел несколько лет в Париже, обучаясь в Школе хартий. В созданном им институте особенно широко развивались дипломатика, палеография и другие исторические дисциплины,

связанные с критикой источников. В 1856 г. в Мадриде открылась Школа дипломатики под эгидой Академии истории, в 1857 г. - Школа палеографии и дипломатики во Флоренции под руководством Фр. Бонаини (1806-1874), итальянского эрудита и архивиста.

Руководимые историками-архивистами, в большинстве своем медиевистами, архивы становились исследовательскими центрами исторической науки. Так, Фр. Бонаини реформировал архивы Тосканы и хранилища государственных архивов во Флоренции, Пизе, Сиенне, Лукке, бельгийский историк и архивист Л.П. Гашар (1800-1885) - архивы Бельгии, английский историк и архивист Ф. Палграф (1788-1861) - архивы Великобритании. Это поколение ученых создало ценные описания крупных архивных фондов, открыло возможности публикации документов, наиболее важных для истории страны.

Все эти факты позволяют по-новому взглянуть на то, что представляет собой тип источниковедческого образования, отличный от университетского в традиционном смысле. Обычно главный акцент делается на знании методов работы с источниками: палеографии, дипломатики и т. п. При всей своей верности такой подход не охватывает сути проблемы целиком: в стороне от непосредственного участия в исследовательской и публикаторской работе остаются крупные государственные политики, по преимуществу либерального направления (Г. фон Штейн - в Пруссии, Фр. Гизо - во Франции, М.М. Сперанский и Н.П. Румянцев - в России). Это политические деятели, хорошо понимавшие государственно-политическое значение публикаций источников, их роль в формировании образа страны как среди ее граждан, так и в европейском мире.

Становление национальных государств, развитие идей юридических и гражданских прав личности, рост исторического сознания сформировали особый подход к историческому документу, превратившемуся в глазах общества в документ истории. Историк, архивист, государственный деятель разделяют общие идеи национальной самоидентификации, связывая с нею бережное, заинтересованное и даже профессиональное отношение к национальной исторической памяти. Создание Школы хартий во Франции, грандиозная общественно-научная инициатива издания фундаментальных серий исторических документов («Памятников истории Германии»), деятельность русских просветителей-меценатов в России, особый тип интеллектуалов - хранителей национальной исторической традиции («архивных юношей» пушкинской поры) заложили основы концепции деятельности архивиста как специалиста высочайшей квалификации,

мастерского исследования исторических текстов. Однако то, что долгое время служило главным профессиональным достоинством и предметом гордости профессионала-архивиста, историка, текстолога, в изменявшихся условиях конца XIX - начала XX в. стало восприниматься критически. В центре внимания данного типа интеллектуала находилась страноведческая, достаточно узкоспециализированная модель специалиста. Ориентированность на фундаментальное эрудитское изучение традиционных учреждений и делопроизводственных материалов и актовых источников предъявляла высочайшие требования к узкоспециальному, тесно связанному с конкретным видом документации комплексу вспомогательных исторических методик. Историк-исследователь-страновед, архивист - историк учреждений, дипломатист-текстолог, исследующие конкретную проблематику, с трудом могли перейти к теоретическому осмыслению профессиональных методик. Специалист данного типа испытывал большие трудности, когда переход от страноведческой тематики к глобальным обобщениям оказывался необходимым. Такой специалист не готов к теоретическому обобщению накопленного эмпирического опыта. Об их отношении к историческому познанию Л. Февр (1878-1956) писал: «История - это история - такова была отправная точка для ее определения»¹. Неготовность к осмыслению собственной исследовательской практики поставила такого специалиста в критическую ситуацию. «Новый век, - писал об этой ситуации в исторической науке А. Тойнби, - очертил свое поле исследования, не ограниченное рамками одной национальности, и ученые вынуждены будут приспособить свой метод к интеллектуальным операциям более широкого масштаба»². Становление методологии истории и обособление методов исторического исследования как особого предмета профессионального исторического образования стало в конце XIX - начале XX в. характерной тенденцией нового менталитета историков-интеллектуалов.

ГЛАВА 4

Источники как средство познания для историка

ВО ВТОРОЙ половине XIX в. заметно изменилось общественное сознание. На методологию общественных и естественных наук все больше влиял позитивизм, рассматривавший научное знание лишь как совокупный результат конкретных

специальных наук. В гуманитарной культуре наметился отход от изучения авторских произведений как предмета и цели исследования. Они стали рассматриваться прежде всего как предварительный этап к созданию социологических конструкций. Изменилось и представление о цели исторической науки, о методологии достижения исторического знания. В монографиях и учебных пособиях того времени отражается позитивистский подход к концепции методологии истории.

Наиболее ярким выражением этого стала книга двух крупных французских ученых и педагогов высшей школы Ш.-В. Ланглуа (1863-1920) и Ш. Сеньобоса (1854-1942) «Введение в изучение истории» (1898)³. Она отвечала задачам нового гуманитарного образования, осуществляемого в соответствии с реформой 1864 г. высшего образования во Франции.

В связи с проведением реформы в Сорбонне была создана Школа высших исследований с отделением истории и философии. Главная идея состояла в подготовке молодых людей к оригинальным исследованиям научного характера. «Там должны были попытаться сделать для всех частей всемирной истории то, что делали уже давно в Школе хартий в ограниченной области средневековой истории Франции». По оценке Ланглуа, за время, прошедшее со времени реформы Дюрюи до конца XIX в., все эти учреждения, некогда столь несходные, стали работать в одном направлении ради одного общего дела, хотя каждое сохранило свое название, автономию и свои традиции, и их эволюция привела, несомненно, к благотворным последствиям. Именно в это время, в 1890-1897 гг., читая студентам Сорбонны лекции о том, что представляет собой и чем должно быть изучение истории, Ланглуа и Сеньобос пришли к убеждению, что по этой проблеме должно быть создано специальное пособие. Их «Введение в изучение истории» не ставило своей целью заменить будущему историку его профессиональную подготовку: оно должно было побудить специалиста размышлять о приемах исследования исторического материала, которые применяются подчас как бы машинально. В то же время публике, читающей сочинения историков, книга должна была показать, как эти сочинения пишутся и с каких позиций возможно правильно о них судить. В повой реальности исторического сознания второй половины XIX в. изучение отдельного произведения, цельности авторского замысла отошли на второй план. Все дисциплины, которые давали возможность воспринимать произведения в целостности, стали трактоваться как чисто вспомогательные. Графика, фактура рукописи, ее внешние особенности, т. е. то, что, по существу, есть лишь выражение бытия документа, его внутреннего смысла, ста-

ло трактоваться с технической, можно сказать формальной, стороны. Дипломатика, палеография, сфрагистика, текстология интерпретировались пусть ли не как технические приемы, способы преодоления докучного барьера неразборчивости, непонятности текста.

Согласно концепции Ланглуа и Сеньобоса, в историческом познании различаются три основных этапа. Первый - это этап «предварительных сведений», к которым отнесены прежде всего отыскание и собирание документов, необходимых историку (для обозначения этого этапа авторы применяют термин «эвристика»). Здесь, и частности, рассматриваются важнейшие справочные издания (типа каталогов, описей архивов, библиотек и музеев, материалов исторической библиографии, всякого рода указателей и справочников), способствующие отысканию документов. К этому же этапу отнесены все «вспомогательные науки». Они трактуются именно как «техническая подготовка историка и эрудита», как некий запас технических знаний, которые не может заменить ни природное дарование, ни даже знание метода. Преподавание этих «вспомогательных наук» и «технических приемов» позитивистские авторы «Введения в изучение истории» высоко ценят: преподавание вспомогательных наук и технических приемов исследования было введено лишь для средневековой (французской) истории и только в специальной Школе хартий. Это простое обстоятельство обеспечило на целые 50 лет за Школой хартий заметное преимущество перед всеми другими высшими учебными заведениями не только французскими, но и заграничными; она воспитала целый ряд блестящих исследователей, обнародовавших много новых данных. Техническая подготовка лиц, занимающихся средневековой историей, лучше всего была поставлена именно в Школе хартий, в первую очередь благодаря курсам романской филологии, палеографии, археологии, историографии и средневекового права. Появилось много пособий по палеографии, эпиграфике и дипломатике.

Второй научно-исследовательский этап в историческом познании Ланглуа и Сеньобос определяли как «аналитические процессы». Этим термином обозначалась как внешняя (подготовительная) критика источника, относящаяся к его происхождению и авторству, так и внутренняя критика, понимаемая как его истолкование и критика достоверности. Главным критерием последней служит суждение о точности и искренности автора документа.

Важно отметить, что ученые-позитивисты представляли критику именно как подготовительный этап деятельности историка. Анализ источника в рамках данного подхода заканчивается пре-

парированием содержащихся в нем данных, отделением заслуживающих доверия фактов от недостоверных. Рассмотренный таким образом документ превращается в «длинный ряд авторских понятий и свидетельств о фактах». При таком подходе к критике и интерпретации документ (источник) не оценивается в целом. Предварительный аналитический этап необходим и достаточен для последующего, более сложного этапа работы историка, который называется в данной концепции синтезом, синтетическим процессом. На этом высшем этапе отдельные факты систематизируются, осуществляется историческое построение, создаются общие формулы и, наконец, дается историческое изложение.

Ценным в данной методике является внимательное изучение связи личностных характеристик (создателя источника) и той информации, которую он мог и хотел сообщить. Ланглуа и Сеньобос использовали для своей модели критического изучения источников детальные анкеты-опросники, созданные под непосредственным воздействием достижений социологии конца XIX - начала XX в. Ставя сформулированные ими вопросы последовательно, можно лучше изучить сложные обстоятельства создания источника и уровень достоверности сообщаемой информации. В учебнике Ланглуа и Сеньобоса прослеживается характерная для позитивистской парадигмы установка на систематизацию имеющегося в распоряжении исследователя материала. Интерпретация и историческое построение, исторический синтез - как этап исследовательского труда - представлен в книге именно упорядочивающими схемами распределения отдельных изолированных фактов по хронологическим или тематическим принципам.

Различение источников, содержащих первичную и вторичную (полученную из вторых рук) информацию, а также споры о преимуществах документальных (дипломатика) источников перед повествовательными восходят к XVII-XVIII вв. Немецкий методолог и историк И.Г. Дройзен (1808-1884) в своей «Истори-ке» в основу классификации источников положил принцип соотношения источника и факта; одни исторические факты дошли до нас непосредственно (исторические остатки), а другие - в свидетельствах о них других людей (исторические предания). Дройзен не исключал, однако, возможностей смешения этих признаков (выделяя, в частности, смешанные источники, например, вещественные с поясняющей надписью и др.).

Большой интерес к упорядочению самих объектов - исторических источников - является характерной чертой другого классического методологического труда - «Учебника исторического

метода» Э. Бернгейма (1850-1942)⁴. Наиболее детально и тщательно автором разработана классификация исторических источников. Классификация как деление множества изучаемых объектов на логические классы имеет огромное значение в науке не только для упорядочения знаний о фрагментах реальности, но прежде всего для выявления свойств и особенностей этих объектов. На определенном уровне развития любой науки классификация становится необходимой и возможной. В познавательной ситуации, представленной европоцентристской моделью исторической науки, она была и своевременна, и возможна. Э. Бернгейм выстроил свою классификацию по степени близости источника к фактам, соответственно различая исторические остатки и историческую традицию (предания). Эта классификация стала в концепции Бернгейма основополагающей для выработки методов проверки достоверности источников. В отношении остатков необходимо было проверить их подлинность (соответствие заявленным в них параметрам времени, места и авторства). При проверке опосредованных источников-свидетельств на первый план выступают все возможные в рамках традиционной критики свидетельств исследовательские приемы. Бернгейм, как и ранее Дройзен, как практикующий историк, конечно, прекрасно понимал, что данный принцип классификации не может быть проведен достаточно последовательно, поскольку соотнести прямые и опосредованные, первичные и вторичные свидетельства источника весьма сложно. Применяя данную классификацию, он сумел привлечь внимание ученых на различие социальной информации в изучаемых источниках и на необходимость применения различных методов ее интерпретации; одни должны опираться на вещественную сторону источника, его пространственные характеристики, когда источник выступает как фрагмент прошлой реальности, ее остаток; другие требуют логико-содержательного анализа содержания текста.

ГЛАВА 5

Позитивистские методы исторического исследования

ЯВИВШИЙСЯ в свое время результатом успехов естественных наук в области постижения закономерностей в мире природы, позитивизм оказал определенное влияние и на гуманитарные науки. Отказ от умозрительных суждений, априорных схем и произвольных интерпретаций фактов, стремление к

доказательности и воспроизводимости результатов научного исследования, самое глубокое уважение к науке и личности ученого, - все эти приоритетные для позитивистской парадигмы психологические установки характерны и для гуманитария данного типа. Методология исторического исследования обособливается как предмет специального рассмотрения и становится учебной дисциплиной. Вполне в духе позитивистской парадигмы эта методология была ориентирована на выявление, описание и упорядочение эмпирических сведений научных объектов. «Люди, занимавшиеся историческими исследованиями в конце девятнадцатого века, очень мало интересовались теорией того, что они делали. В полном соответствии с духом позитивистской эпохи историки того времени считали профессиональной нормой более или менее открыто презирать философию вообще и философию истории в частности» - так характеризовал подобную познавательную ситуацию английский методолог Р.Дж. Коллингвуд (1889-1943)⁵.

Как уже говорилось, наиболее четко позитивистские установки исторического метода выражены Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобосом во «Введении в изучение истории». Для историка, по мнению позитивиста, главное - это наличие реального объекта, документа, «текста»: «Историю изучают при помощи текстов». Даже суровый критик данного подхода Л. Февр не отрицает несомненной убедительности этой позитивистской формулы. «Знаменитая формула: и по сей день она не утратила всех своих достоинств, - пишет Февр, - а они, без сомнения, неопценимы. Честным труженикам, законно гордящимся своей эрудицией, она служила паролем и боевым кличем в сражениях с легковесными, кое-как состряпанными опусами»⁶. Написанная исследователем «Политической истории современной Европы» профессором Сорбонны Ш. Сеньобосом и его коллегой, блестящим знатоком источников по истории средневековой Европы Ш. Ланглуа небольшая, изящная, чуть ироническая книжка «Введение в изучение истории», казалось бы, должна была бы быть давно забыта, как многие другие. Но этого не произошло, а это значит, что она верно выразила свое время. Задумаемся над ее секретом. В книге предстает образ историка, который уверен в реальности своих эмпирических данных, в постижимости своих, столь необходимых ему, источников. Это - ситуация европоцентристской исторической модели, на которую поработало не одно поколение ученых. Эта ситуация приверженцем принципиально иной парадигмы, историком другого поколения А. Тойнби описывается так: «Со времен Моммзена и Ранке историки стали тратить большую часть своих усилий на сбор сырого материала -

надписей, документов и т. п. - публикацию их в виде антологий или частных заметок для периодических изданий. При обработке собранных материалов ученые нередко прибегали к разделению труда. В результате появлялись обширные исследования, которые выходили сериями томов... Такие серии - памятники человеческому трудолюбию, «фактографичности» и организационной мощи нашего общества. Они займут свое место наряду с изумительными туннелями, мостами и плотинами, лайнерами, крейсерами и небоскребами, а их создателей будут вспоминать в ряду известных инженеров Запада»⁷. Методы критики свидетельств, полученных от очевидцев событий и от тех, кто получили сведения из вторых или третьих рук, или пользовались надежными документами, многократно совершенствовались и отрабатывались начиная с изданий XVII в. Не оттого ли при чтении методологического труда Ланглуа и Сеньобоса нас не покидает ощущение легкости, как будто мы не движемся по пути создания исторического нарратива, а как бы парим над ним, видим его сверху, и он весь - от начала (подготовительные процессы) и до успешного завершения (изложение) - логически выверен и хорошо знаком. Итак, прежде всего - отыскание документов (эвристика); затем анализ (внешняя, подготовительная, критика); внутренняя критика (критика толкования - герменевтика, негативная внутренняя критика достоверности - через проверку искренности и точности свидетельства и как ее результат - установление частных фактов). Далее наступает этап синтеза, который в духе позитивистской парадигмы достигается путем группировки выявленных ранее фактов и построения общих формул. Изложение результатов исследования завершает создание исторического нарратива.

Таким образом, на основе эмпирически обеспеченной источниками, публикациями, архивными документами европоцентристской модели исторической науки прослеживается и определенный тип исторического профессионализма, основанный на эффекте «познания познанного»: знание документа, определенной суммы установленных фактов, методов критического отбора свидетельств, слагавшихся интеллектуальными усилиями поколений. Каждый этап исследовательской работы открыт научному сообществу и доступен его контролю.

Методология «познания познанного», выработанная в духе позитивистской модели европоцентристской историографии и опирающаяся на относительно стабильные представления об объекте исторического познания, вскоре пришла в противоречие с реальностью. Позитивисты вырабатывали свои методы, свои критерии объективности исторического познания и соот-

ветствующие требования к историческому образованию, исходя из достижений науки прошлого. Можно сказать, что они совершенствовали «здание» европоцентристской модели исторического процесса, используя «кирпичи» и даже целые «блоки» старых построек традиционной исторической критики и герменевтики. Поэтому в условиях резких изменений общественного сознания эпохи эти модели оказались невостребованными. Образ нового «здания» - будущей многополюсной глобальной истории - необходимо было создавать, исходя из других методологических принципов.

ГЛАВА 6

Преодоление позитивистской методологии

ПОСТИЖЕНИЕ целостной истории человечества как единого феномена стало главной целью гуманитарного познания новейшего времени. Но пути, которые разрабатывают различные эпистемологические парадигмы для достижения этой цели, оказываются различными. Каждая из основных методологических парадигм - позитивистская, неокантианская и феноменологическая - выдвигает в качестве главного различные аспекты достижения этой цели. Важно при этом подчеркнуть, что само поле исследования, эпистемологическая ситуация исследования проблем человеческой истории едины. Поэтому, начиная с различных сторон его освоение, в принципе, возможно на определенном этапе достичь такого положения, когда успехи каждого из направлений смогут найти свое место в едином и целостном синтезе. Вместе с тем ясно, что для этого необходим такой эпистемологический уровень, на котором человечество рассматривается как особый феномен в реальности мирового целого.

Выход историков-профессионалов за пределы ограниченного европоцентристского понимания всемирной истории и культуры и переход исторического познания на глобальный уровень оказался на определенном этапе равнозначен отказу от позитивистских представлений об упорядоченной систематизированной методологии исследования эмпирических данностей документа и факта. Это был путь качественного изменения психологической установки исследователя: отныне он призван был размышлять о тех исследовательских целях, для которых наука еще не успела подготовить эмпирически-описательную и доступную для понимания научным сообществом реальную исследовательскую базу. Глобальная история не имела такого «банка данных»,

который был бы аналогичен банку данных европоцентристской историографии, установившей свои правила научного сообщества в соответствии с возможностями. Целое истории, человечества и культуры неокантианская парадигма предполагала осмысливать иным способом. «Чтобы понять часть, мы должны прежде всего сосредоточить внимание на целом, потому что это целое есть поле исследования, умопостигаемое само по себе»⁸. Место эмпирического изучения должно было теперь занять постижение. Вместо «интеллектуального рабочего» (выражение Тойнби) историк должен был стать «самим для себя историком», а достижение целостности виделось через посредство выбранной им для себя модели всемирной истории. Создание таких цивилизационных моделей (будь то социально-экономические формации марксизма, идеальный тип традиционных или рациональных обществ М. Вебера или цивилизаций Шпенглера-Тойнби) есть дело ученых - теоретиков гуманитарного познания. На долю их последователей выпадает «приложение той или иной модели» к новым социальным феноменам и выявление сходств-различий реальности с типологической моделью, созданной, в силу общей гуманитарной направленности исторического познания данного периода, на материале прежде всего истории европейской цивилизации.

Обратившись к исследованию деятельности познающего субъекта, оказалось возможным совершить важные открытия, касающиеся профессиональной деятельности историка, функционирующего в режиме умопостижения, и выявления личных качеств, особых способностей и психологической предрасположенности к такого рода работе. История получила статус такой науки, которая сама создает свой объект или (что то же самое, поскольку речь идет о реальности прошлого) его образ.

На фоне быстрого развития междисциплинарных взаимодействий и необычайно плодотворных методологических исследований в ряде наук довольно скоро возникла проблема междисциплинарного синтеза и поисков общего объекта в рамках формирования единой науки о человеке. В этих условиях неокантианская парадигма, ориентированная на приоритет познающего субъекта, стала обнаруживать односторонность своего подхода к гуманитарному познанию. Философская позиция позитивизма, принципиально изгнавшего из сознания исследователя «метафизические» модели гуманитарного познания, выявила свою неспособность действовать в качественно иной исследовательской ситуации. Если ученый стремится обобщать, «выделять границы относительной дискретности вечно бегущего потока» (как, например, Л. Тойнби, который создал свой особый, цивилизацион-

ный подход ко всемирной истории), то он не может обойтись без философского, эпистемологического подхода к историческому познанию.

Требование репрезентативности источников и их соответствия исследовательским результатам, воспроизводимость выводов конкретного исследования, однозначность интерпретационных суждений - все это оказалось недостижимым в качественно новой ситуации. Интересно, что самые непримиримые ниспровергатели позитивистской методологии исследования не отрицали правомерности тех признаков научности, о которых заботились последователи Ланглуа и Сеньобоса. Напротив, они подтверждали их полезность в определенных пределах, их действенность в борьбе против «лживых и легковесных работ» в области исторического нарратива. Исследователь проблем исторического познания французский методолог А.И. Марру очень точно выразил суть проблемы. Эти правила и критерии, писал он о методологии Ланглуа и Сеньобоса, весьма хороши сами по себе, но они почти никогда не выполнимы на практике. Именно так, — рассматривая ситуацию в исторической ретроспективе, мы можем сказать сегодня: строгие требования, выработанные в условиях хорошо исследованной, стабильной основы источников европейской истории, стали совершенно неэффективны при обращении к множественным моделям всемирной истории. Нужны были новые теоретические подходы, и они не замедлили появиться. Почти одновременно, в конце XIX - начале XX в., появились неокантианский и феноменологический подходы к проблемам гуманитарного познания.

Неокантианская парадигма связана с именами выдающихся философов баденской школы неокантианства В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Неокантианская парадигма в качестве руководящего принципа исторического познания выбирает антитезу позитивизму. Она подчеркивает отличие гуманитарных наук от наук естественных и подчеркивает особую роль субъекта познания (исследователь, ученый, историк-философ) в эпистемологической ситуации познания.

В работах В. Виндельбанда (1848-1915) - основателя и главы баденской школы неокантианства, ректора Страсбургского (тогда немецкого) университета была обоснована идея принципиального различия предмета и метода наук о природе и исторической науки. Науки о природе изучают повторяющиеся, закономерно происходящие явления (номогенетические науки), а историческая наука (науки о культуре), напротив, -индивидуальные, своеобразно взаимосвязанные явления (идиографические науки, изучающие не закономерности, но особенное - идиос). Г. Рик-

керт (1803-1936) развил и дополнил это противопоставление наук о природе и наук о культуре по их методу, отмечая, что истинная форма познания присуща именно последним. В своей научной деятельности познающий субъект выделяет в идиографической реальности наиболее существенное, руководствуясь представлениями об истинных, вневременных, по сути этических, ценностях⁹.

ГЛАВА 7

Методологическое обособление наук о культуре

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ обособление гуманитарных наук стало мощным стимулом для их развития, поскольку высвобождало ученых от диктата механистических, упрощенных подходов к общественным явлениям, переносило акцент на исследование внутреннего мира человека. В рамках этой концепции были осознаны и обозначены принципиальные, специфические трудности познания человеческой психологии, внутреннего мира, скрытого от наблюдателя и проявляющегося во внешних, требующих интерпретации, знаковых системах. Огромная заслуга в этом принадлежит немецкому философу и историку культуры В. Дильтею (1833-1911), который развил учение о понимании (Другого) как специфическом методе наук о духе (в отличие от наук о природе). Во «Введении в науки о духе» Дильтей отмечал, что история имеет дело с людьми как с духовными целостностями и их структурами, с человеческой индивидуальностью в отличие от естественных наук, связанных с абстрактными обобщениями. Это противопоставление позднее легло в основу различения наук о природе и наук о культуре (духе), обоснованное в трудах Виндельбанда и Риккерта. Однако сам Дильтей гораздо глубже понимал соотношение между субъектом и объектом гуманитарного познания, подчеркивая его двойственную природу. «Все явления даны нам двояко; с одной стороны, они даны нам во внешнем восприятии, как чувственные предметы и как таковые они объединены физической связью, но, с другой стороны, они обнаруживают ту связь живого единства, которую открывает нам углубление в собственный внутренний мир... Созерцанию, интуиции, в которых переживается жизнь целого, открывается во внешней данности явлений внутренняя, живая, божественная связь единства»¹⁰. Понимание внутреннего мира Другого, другой личности достигается, по Дильтею, путем сопе-

реживания - особого способа интерпретации. Этот метод прежде всего важен по отношению к явлениям иной культуры. Для развития исторического метода ценным является положение Дильтея об «искусстве понимания письменно фиксированных жизненных проявлений», иначе говоря, о широком, философском методе истолкования (герменевтика) не только текста, но и стоящей за текстом личности. В начале XX в. свое развитие и конкретную разработку личностный подход нашел в историческом методе А.С. Лаппо-Данилевского. Русский мыслитель положил принцип «признания чужой одушевленности» в основу методологии исследования культуры.

Необходимость критического переосмысления проблем методологии исторического исследования, изменения профессиональных ориентации историков стала еще более очевидной к началу 20-х годов. Свое наиболее яркое выражение борьба за изменение традиционных подходов нашла в трудах основателей наиболее влиятельного в западной науке направления - так называемой школы «Анналов». Непосредственным признаком необходимости перемен стало падение престижа исторической науки, ставшее особенно заметным после окончания первой мировой войны. Обратившись к историческим исследованиям после окончания первой мировой войны, гуманитарии обнаружили, что в общественном сознании статус исторической науки сильно изменился. Необходимость замены европоцентристской модели всемирного исторического процесса новой, многополюсной глобальной моделью осознавалась, как мы видели, наиболее крупными мыслителями уже давно. Но теперь новую реальность восприняли довольно широкие слои общества.

В решении новых исследовательских задач добротный профессионализм европоцентристской модели исторической науки оказался неэффективным. Он формировался в ситуации познания познанного, при относительно ограниченной эмпирической базе источников. Методы их изучения были многократно реализованы, обобщены и воспроизведены в ясных и относительно простых исследовательских приемах. В новой ситуации не приходилось говорить о разработанной базе источников глобальной истории. Прорыв в непознанную еще область истории многих и многих цивилизаций или культур (Шпенглер назвал - 8, Тойнби - 21) требовал каких-то иных нетрадиционных методологий. Слишком велика была сфера эмпирически еще непознанного. Как вспоминал позднее один из основателей концепции новой глобальной истории Л. Февр, на глазах историков новая научная теория «ставила под вопрос извечную и традиционную идею причинности и тем самым опрокидывала понятие де-

терминизма, это неоспоримое основание всякой позитивной науки, этот несокрушимый столп старой классической истории. Познания наши внезапно превысили меру нашего разума. Конкретное вдребезги разбило рамки абстрактного. Попытка объяснения мира с помощью ньютоновской, или рациональной, механики окончилась полным провалом. Старые теории необходимо было заменить новыми. Следовало пересмотреть все научные понятия, на которых покоилось до сих пор наше мировоззрение»¹¹. Уже с начала XX в., когда наиболее глубоко мыслявшие философы гуманитарного познания размышляли о необходимости глобального исторического мышления, резко обозначилось разделение научного сообщества на теоретиков, понимавших необходимость кардинального переосмысления методологии исторического исследования, и более широкого слоя традиционалистов, остававшихся в рамках узкоспециализированного, неотрефлексированного позитивистского представления о способах исторического изучения. Эту ситуацию еще до первой мировой войны анализировал Л.С. Лаппо-Данилевский в своей «Методологии истории» (1913). В этом труде русский ученый внимательно рассмотрел почти все новейшие издания по проблемам исторического метода, проанализировал теоретические основы наиболее значительных учебных пособий, по которым изучались методы работы историка в университетах России, а также на Западе (труды английского историка Э. Фримена, немецкого методолога Э. Бернгейма и французских профессоров Сорбонны Ш.В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса). Его общий вывод сводился, однако, к тому, что учебники исторического метода еще не содержат «цельного и систематического учения», носят отчасти прикладной, отчасти технический характер.

Несколько позже, уже после окончания первой мировой войны и вынужденного отъезда из Советской России, другой русский мыслитель - Л.П. Карсавин вновь констатировал значительный прагматизм и отсутствие теоретического подхода к методологии исторического исследования, узкую специализированность основного состава практикующих историков. Карсавин остро полемизировал с таким подходом в своем новом труде «Философия истории», вышедшем в Берлине в 1923 г. «Нравы историков свидетельствуют о состоянии истории, - писал он. - А оно ныне характеризуется крайнею специализацией, то есть распадом целостного знания на самодовлеющие дисциплины, утратою идеи человечества. Распад доходит до того, что никто даже не задумывается над согласованием друг с другом разных исторических дисциплин. Историк религии не считает нужным оправдывать свое невежество в области экономической истории:

«Это не моя специальность». Палеограф с презрением смотрит на историков, незнакомых с тайнами его специальности: рано заниматься обобщениями - надо сперва собрать и «тщательно» издать весь материал. Точно возможно беспринципное собирание материала! Всякая попытка синтетического построения исторического процесса вызывает подозрительные сомнения. Против нее возражают: «Нельзя быть специалистом во всех областях. Синтез - дело популяризатора. В чем же тогда дело историка?»¹². Карсавин, сложившийся как философ и методолог в совершенно иной интеллектуальной среде, не смог принять такого подхода.

ГЛАВА 8

Исторический факт и исторический источник в концепции «Анналов»

ОДНИМ из главных препятствий для развития новой исторической науки, по мнению Л. Февра, являлась приверженность историков к позитивистской, европоцентристской картине мира. Борьбе с традиционным позитивистским мышлением он посвятил ряд своих работ, позже переизданных под выразительным общим заголовком «Бои за историю». В 1929 г. Л. Февр вместе с другим выдающимся историком - М. Блоком (1886-1944) основал ставший впоследствии наиболее влиятельным международным методологическим изданием журнал «Анналы». Журнал выступал за создание единой науки о человеке, за междисциплинарные контакты историков с представителями других наук, за «историю во всей ее полноте» (именно так называлась одна из полемических работ Февра)¹³. При изучении новых сторон исторического процесса, малоисследованных культур стали совершенно невыполнимыми строгие критерии добротного профессионализма позитивистской методологии. Эти критерии были ориентированы на письменные тексты истории античности и средневековой Европы. Поэтому традиционные представления и связанные с ними исследовательские методики подверглись резкой критике сторонников новой глобальной историографии. Надежды историков нового поколения «Анналов» были связаны прежде всего с интенсификацией интеллектуальных усилий познающего субъекта - широко мыслящего, ставящего новые проблемы и преодолевающего пробелы в источниках с помощью интуитивного постижения не поддающейся рациональному объяснению реальности. В эпистемологической ситуа-

ции познания данный подход абсолютизирует возможности исследователя. Можно сравнить этот прорыв к глобальной истории, эмпирическая база которой еще не изучена и не может быть подготовлена в ближайшей перспективе, с деятельностью алхимика, пытающегося понять природу химических реакций. Он может рассчитывать только на интуитивное постижение, на гениальную догадку, на возможности своего интеллекта. Именно поэтому неокантианская парадигма исторического познания, возобладавшая в сознании историков рассматриваемого периода, так пристально изучает познавательные возможности ученого.

«Новый пек очертил свое поле исследования, не ограниченное рамками одной национальности, и ученые вынуждены будут приспособить свой метод к интеллектуальным операциям более широкого масштаба», - писал А. Тойнби, начавший в 30-е годы публиковать свой новаторский труд¹⁴. Именно Тойнби сделал смелую попытку создать цивилизационную модель глобальной истории человечества, предложив типологию. Л. Февр в работе «От Шпенглера к Тойнби»¹⁵ (1986) отдавал должное смелости замысла ученого, говоря в то же время об «обольстительном историке-эссеисте, который взял на себя задачи сравнительной истории цивилизаций». Однако современники отмечали и огромные «белые пятна» и даже «картонные декорации», маскирующие пробелы в знании вопросов, еще не тронутых конкретными исследованиями. Яркие страницы труда Тойнби посвящены личности исследователя, ее формированию и становлению «вдохновения историка». Он выделяет такие качества ученого, как любопытство, восприимчивость, блуждающий огонек всеведения, критические реакции, творческие ответы. В начале своего обобщающего труда Л. Тойнби пишет о необычайном (для историков предшествующих поколений) расширении поля деятельности исследователя в хронологическом и в географическом пространстве и в самом подходе: понять историю народа возможно лишь как часть истории человечества. Ученый отвергает саму мысль о возможности восполнить эмпирическую базу, адекватную той, которую сумела создать европоцентристская историография для своих исследовательских запросов. Он с сожалением вспоминает о Моммзене, который, подготовив свой шедевр - «Историю Римской республики», «потратил всю оставшуюся жизнь на составление полного собрания латинских надписей и издание энциклопедического собрания римского конституционного права»¹⁶. При таком методологическом подходе источники выступают в безличной, пассивной роли. Для Тойнби, с одной стороны, неприемлема «готовность гончара превратиться в раба своей глины», а с другой стороны, особенно важно свойство челове-

ского ума смотреть на мир не как на неодушевленную природу, а как на целое, с острым ощущением присутствия или отсутствия в нем жизни. Тойнби утверждает возможность изучать целостное человечество, обсуждает перспективы сравнительного исследования цивилизаций, создания видовых моделей, их контактов и взаимодействий во времени и пространстве.

Основатели журнала «Анналы» (1929) проанализировали ту новую профессиональную ситуацию, в которой предстояло действовать историкам XX в., наметили реально возможные пути к ее изменению и предприняли чрезвычайно важные шаги на пути создания новой концепции науки о человеке. Но они не были властны изменить степень изученности источников этой новой науки. Новая ситуация, в которой действуют историки XX в. по сравнению с историками традиционной европоцентристской ориентации, исключает для них возможность применения традиционных критериев исследования. Было очевидно, что совокупность источников познания для решения новых задач должна быть принципиально иной и не менее очевидно также и то, что для ее эмпирической разработки - выявления, описания, публикации, перевода на доступные для всего научного сообщества ученых языки - требуются длительные усилия. Единственным возможным для относительно быстрой профессиональной переориентированности историков стало изменение их психологических установок. Господствовавшие настроения ярко выражали эту новую ситуацию: активизация познавательных возможностей исследователя-историка и расширение междисциплинарных контактов историков с целью получить относительно готовые данные для своих исследовательских интерпретаций, используя сведения других наук, как гуманитарных, так и естественных. Позитивистская методология на этом этапе была отброшена за пределы престижных для историка занятий. Эпистемологическая триада - объект-субъект-их взаимодействие - для создания научного произведения переосмысливалась в неокантианском направлении. Приоритет объекта, характерный для позитивистской ориентации, заменялся приоритетом субъекта. Кредо позитивистской методологии выдвигало объект познания на первое место: история невозможна без изучения объектов познания (исторических источников). Она формулировалась в традиционных для данного направления формулах: «Тексты, тексты, ничего кроме текстов» (Н.Д. Фюстель де Куланж), «История создается по источникам. Их нет - нет и истории» (Ш.В. Ланглуа и Ш. Сеньобос); «Там, где молчат источники, нема и история» (Л. Альфан). Для того чтобы разрушить в сознании профессионалов представление об убедительности данной «знаменитой форму-

лы», Л. Февр потратил немало усилий. В работе «Суд совести истории и историка» он, отдавая должное «знаменитой формуле», не утратившей своих неопенимых достоинств, писал далее, что «...формула эта представляется опасной: она как бы противостояла общему направлению различных, но действующих заодно гуманитарных дисциплин. Она предполагала тесную связь между историей и письменностью - и это в тот самый момент, когда ученые, занимавшиеся исследованиями доисторического периода, - как показательно само это название! - старались восстановить без помощи текстов самую пространную из глав человеческой истории»¹⁷. В критической рецензии на работу Ш. Сеньбоса и П.И. Милюкова «История России» (1932) Февр иронично нарисовал образ эрудита, который «восседа на исполинской гряде бумаги, сделанной из древесных опилок и замаранной анилиновыми красками... восседа на этой гряде, именуемой... «документацией»», не видит других перспективных возможностей «не просто переписывать источники, а воссоздавать прошлое, прибегая для этого к помощи смежных дисциплин, подкрепляющих и дополняющих одна другую...»¹⁸. Не трудно понять, что у историков новых поколений пропадала всякая охота обращаться к трудоемким исследовательским процедурам с письменными текстами, когда результаты и предпринимаемые усилия оказывались столь различны между собой. В неокантианстве должна была измениться, и действительно изменилась, не только исследовательская, но и образовательная концепция. У историков послевоенного поколения сложилось достаточно устойчивое предубеждение против любых методологических рефлексий о том, с каким объектом они работают и какие исследовательские приемы постижения объективного знания являются для них общепринятыми. В том же смысле рассуждал и Р.Д. Коллингвуд: «Иногда можно услышать жалобы, что сейчас накоплено так много сырого исторического материала, что полное его использование становится невозможным. Эти жалобы сопровождаются вздохами по добрым старым временам, когда книг было мало, библиотеки компактны, а историк мог надеяться полностью овладеть своим предметом»¹⁹. Английский методолог иронически называет фактографическую, описательную методику пересказывания источников «историей ножниц и клея». В его собственной концепции данный подход уступает место проблемному. В качестве смыслообразующей компоненты выступает активная деятельность самого историка как познающего субъекта.

ГЛАВА 9

Историческое прошлое в сознании историка

В ОТЛИЧИЕ от позитивистской формулы о том, что без источников нет и истории, неокантианская утверждает: нет истории без историка. Решающую роль познающего субъекта в создании исторической науки, в генерировании научного знания раскрыл Р.Дж. Коллингвуд. Именно исследователь ставит проблему и выбирает совокупность данных для ее решения. Постановка проблемы и «основание» (совокупность данных для ее решения) взаимосвязаны: «Вопрос и основание в истории коррелятивны. Основанием является все, что позволяет вам получить ответ на ваш вопрос, вопрос, который вы задаете в данную минуту. Разумный вопрос (единственный тип вопроса, задаваемый человеком, компетентным в науке) - это вопрос, для получения ответа на который у вас, как вы полагаете, есть основания, или вы сможете их приобрести»²⁰. Стремясь разъяснить отличие своего подхода от подхода позитивистского (ориентированного на эмпирическую данность объекта), Коллингвуд пишет: «Историки ножниц и клея изучали периоды; они собирали все существующие свидетельства об ограниченной группе фактов, тщетно надеясь извлечь что-то ценное. Научные историки изучают проблемы - они ставят вопросы и, если они хорошие историки, задают такие вопросы, на которые можно получить ответ. Правильное понимание этой истины заставило Эркюля Пуаро выразить свое презрение к «людям-ищейкам», ползающим по полу в надежде подобрать что-нибудь такое, что может оказаться ключом к разгадке преступления».

Коллингвуд сравнивал историка-исследователя с детективом, активизирующим для решения поставленной задачи все свои интеллектуальные возможности. Особенно интересно и глубоко исследовал Коллингвуд интеллектуальную деятельность историка. Такой историк-мыслитель не коллекционирует эмпирические данности, не расклеивает цитаты из источников в своем историческом нарративе, но генерирует новые знания о человеке. Коллингвуд убедительно показывает, что исторический факт не есть нечто, данное непосредственно в восприятии. Исторический метод заключается для него в интерпретации фактических данных. «Единственно возможное для него знание прошлого - опосредованное, выводное, или не прямое, знание»²¹. История есть воспроизведение прошлого опыта в сознании историка. Исследование природы исторического мышления представляется Коллин-

гвуду первостепенно необходимым, и вклад ученого в философию истории в данном направлении особенно ценен. По сути, он постоянно обращается к феноменологическому аспекту проблемы, т. е. не столько рассматривает природу мышления субъекта, сколько его отношение с предметом своего размышления - реальностью прошлого. Он постоянно обращается к проблеме произведения, документа, свидетельства. Однако объект исторического познания он не исследует системно - эта тема возникает лишь тогда, когда ученый рассматривает исследовательские ситуации историка как познающего субъекта.

В свете данного подхода проблема репрезентативности источников не может рассматриваться как самодостаточная. Коллингвуд, сравнивая работу исследователя с работой детектива, пишет: «Весьма разнородная совокупность вещественных доказательств преступления! Об этой совокупности, я думаю, с полной уверенностью можно сказать лишь одно: никто, вероятно, не сумел бы определить, из чего она будет состоять, до тех пор пока все вопросы, возникшие по ходу следствия, не будут разрешены. В научной же истории все может быть использовано в качестве оснований для логического вывода, и никто не может наперед знать, окажется ли выбранное историком основание плодотворным. Только применение его к объяснению конкретных событий может доказать его ценность»²². В принципе Коллингвуд, вероятно, прав, поскольку, конечно, в качестве высшего судьи результатов исследования и тех путей, которые он выбирает для их достижения, выступает сам ученый. Однако вопрос все же остается: возможно ли в этом случае воспроизведение результатов исследования, каковы критерии научности полученного нового знания? Если история есть воспроизведение прошлого опыта в сознании исследователя, то каким должно быть это произведение, что, собственно, представляет из себя тот исторический нарратив, который историк предлагает научному сообществу?

Труд Коллингвуда «Идея истории» имеет четко выраженную антипозитивистскую направленность. Как и полемические работы Февра, эти «бои» за историю нового типа имели целью развенчать в глазах нового поколения позитивистские догмы. Наследство позитивизма в современной историографии, по словам Коллингвуда, если брать фактографическую сторону, состоит «В комбинации беспрецедентного мастерства в решении маломасштабных проблем с беспрецедентной беспомощностью в решении проблем крупномасштабных»²³. Эту полемическую направленность следует иметь в виду для более взвешенной интерпретации методологических позиций трудов этих выдающихся мыс-

лителей. Не следует забывать, что ученые данного типа имели великолепную профессиональную университетскую подготовку, вобравшую в себя беспрецедентное мастерство конкретных исследований, и одновременно продвигались вперед, отталкиваясь от имевшегося высокого профессионального уровня мировой исторической науки. Их цель была в том, чтобы открыть новые возможности интенсификации личных возможностей ученого-интеллектуала, обратить его к решению новых масштабных задач, - на основе профессионализма, а не вместо него.

Особый интерес для размышлений о проблемах методологии истории данного периода имеет «Апология истории, или Ремесло историка» М. Блока (1886-1944). К сожалению, книга не была завершена автором, так как создавалась в условиях оккупированной Франции. Она была издана благодаря усилиям Л. Февра и других последователей героически погибшего (1944 г.) М. Блока уже после окончания второй мировой войны. Книга была посвящена утверждению высокого значения исторической науки, она раскрывала для читателя полное внутреннее напряжения пространство человеческой мысли, в котором реализуется ремесло историка.

Сразу же после второй мировой войны вышел в свет еще один выдающийся труд, посвященный исторической науке и ее значению в современной культуре, - «Идея истории» Р.Дж. Коллингууда. Книги Коллингууда и Блока заставляли задуматься о месте ученого в современном обществе. Главы из книги М. Блока о ремесле историка-профессионала, об исследовательской методологии, о выборе проблематики исследования воспринимались неразрывно с самим фактом ее создания, в свете героического жизненного выбора ученого.

Еще один шаг на пути утверждения самодостаточности субъекта познания в изучении прошедшей реальности делает в 50-е годы А.И. Марру. Методолог и историк средневековой культуры, Марру справедливо считал, что историческая наука, как и любая наука вообще, требует неустанных методологических рефлексий. Марру мыслил в рамках данной методологической парадигмы, придавая важное значение личным качествам историка, и прежде всего его способности воспроизводить в своем сознании психологии людей иной эпохи. Марру придавал особое значение и специальное исследование проблем методологии, теории исторического знания²⁴. Особо подчеркивая (в ставшем уже традиционном антипозитивистском духе) значение субъекта, постигающего реальность прошлого прежде всего благодаря интерпретационным способностям к сопереживанию и интуитивному восприятию мира прошлого, Марру негативно оценивал возможно-

сти истории как науки об объективном знании. Позитивистские методики, наподобие предлагаемых Ланглуа и Сеньобосом, он считал наивными попытками достижения реального знания. Позиция Марру вызвала демарш историков-профессионалов, которые оспаривали предложенный им путь «сопереживания и симпатии» как единственный способ познания реальности прошлого.

Имеющее значительное влияние на культуру XX в., становление информационных наук произошло под знаком технологических приоритетов и не сопровождалось возникновением соизмеримых информационным технологиям гуманитарных идей, прежде всего фундаментальных понятий. В свою очередь, науки о культуре, на время отказавшись от широких сравнительных исследований мира природы и мира культуры, искусственно ограничили для себя возможности применения системного подхода, природы информации, поведения и др. Утверждалась мысль о неприемлемости для гуманитарных наук общенаучных критериев объективности познания, верификации и общезначимости требований научного сообщества к воспроизводимости результатов. Развитие же собственно исторического метода в рамках неокантианской парадигмы принесло наиболее значительные результаты в исследовании активной деятельности субъекта исторического познания.

Таким образом, методологические дискуссии антипозитивистской направленности сосредоточили главное внимание на познавательной деятельности историка. При этом в качестве главного критерия результативности его исследовательского метода выступает собственное суждение историка. Вопрос о том, создаст ли наука общезначимые ценности, остается открытым. По логике такого суждения, ученый как художник судит себя согласно собственным и только собственным законам творчества. Не удивительно, что вследствие подобного взгляда на научную деятельность ее принципиальное отличие от деятельности художника стирается. Методология источниковедения как системное знание не находит для себя оснований. В массовом сознании данный подход реализуется в трактовках исследовательских методов работы с источниками как прикладных, технических, вспомогательных методик, не требующих ввиду их самоочевидности теоретического обоснования. Становится, следовательно, невозможным и реальный прогресс в развитии исследовательских методов. Влияние данной концептуальной парадигмы на общественное сознание оказалось весьма существенным - была сформирована и соответствующая модель профессионального образования историков, не способных совершенствовать исследовательскую методологию. Целостный подход к гуманитарному знанию

как научному реализовался в рамках другой, феноменологической, философской парадигмы, научные основы которой сформулировал Э. Гуссерль.

ГЛАВА 10

Гуманитарное знание как строго научное

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ наук о природе и наук о культуре явилось определенным шагом вперед в области философии познания, позволяя преодолевать упрощенные натуралистические установки при изучении явлений истории и культуры. Но оно оставляло открытым главный вопрос научного познания - его познавательный метод, его возможности достигать строгих и доказательных исследовательских результатов. Как же при таком подходе формировать системное профессиональное образование гуманитария? Перспективы гуманитарного знания как строго научного - такова центральная эпистемологическая проблема новейшего времени, которую мировое научное сообщество с разных сторон рассматривает в течение всего XX в., начиная с трудов классика феноменологии, немецкого мыслителя Э. Гуссерля (1859-1938). Именно он обосновал идею единства науки, необходимость специального развития особого учения о научных методах, о ее логике. Подчеркивая принципиальную значимость строгого научного результата в гуманитарной области (равно как и в естественно-научной), он назвал одну из своих главных работ «Философия как строгая наука». Эта позиция оказалась необычайно созвучной представлениям русских теоретиков и историков научного знания. Труды Гуссерля почти сразу появились в прекрасных русских переводах (1909-1911).

Э. Гуссерль хорошо показал необходимость специального внимания к проблемам метода науки, его постоянного анализа, развития. Без этого, подчеркивал он, всякий прогресс знания был бы лишь случайностью. «Богатая фантазия, обширная память, способность к напряженному вниманию и т. п. - вещи все прекрасные, но интеллектуальное значение они имеют только для мыслящего существа, у которого обоснование и изобретение подчинены закономерным формам». Переход от наблюдения эмпирически данного объекта к научному выводу не может и не должен происходить безотчетно, сам процесс исследования совершенствуется и обогащается опытом. «Почему опытный мыслитель легче находит доказательства, чем неопытный?» - ставил

вопрос Гуссерль и отвечал: «потому, что типы доказательств, вследствие многократного повторения, запечатлелись глубже и, следовательно, гораздо легче пробуждаются к деятельности и определяют направление мыслей»²⁵.

Гуссерль писал об этом в период, когда сторонники неокантианского направления обосновывали принципиальное различие методов наук о природе и наук о культуре. Гуссерль, напротив, считал, что типологические, опирающиеся на реальные свойства явлений исследования необходимы и возможны во всех науках. Именно поэтому особенно важны исследования логики науки вообще и специальные исследования методологии каждой из них в отдельности. «В действительности же нам необходимо и то, и другое: исследования по теории науки, и одинаковой степени касающиеся всех наук, и, как дополнение к ним, особые исследования, относящиеся к теории и методу отдельных наук и направленные на изучение особенности последних»²⁶. Ученый глубоко убежден в необходимости системного подхода к методологии исследовательского процесса. «Мы говорим о такте и взоре филолога, математика и т. д. Кто же обладает им? Прошедший школу долголетнего опыта филолог, математик и т. д. Известные формы связей содержания вытекают из общей природы предметов каждой дайной области, и они в свою очередь определяют типичные особенности форм обоснования, преобладающих именно в этой области. Это и есть базис для предвосхищающих научных догадок. Всякое исследование, изобретение, открытие покоится, таким образом, на закономерностях формы»²⁷.

В познавательной ситуации любой науки реально существует объект познания (со своими конкретными свойствами) и имеется познающий субъект (также имеющий свои возможности и свойства). Позитивистская парадигма теории познания ставит акцент прежде всего на приоритетности изучения свойств объекта, его эмпирической данности. Неокантианская парадигма обращена к рассмотрению познавательных возможностей субъекта. Придя к убеждению, что «логика нашего времени не доросла до современной науки, которую она же призвана разъяснить», Гуссерль выступил с концепцией «нового обоснования чистой логики и теории познания». В центр внимания он ставил сущностную проблему - «отношения между субъективностью познавания и объективностью содержания познавания»²⁸.

Уже в своих ранних работах 1900-1901 гг. Э. Гуссерль подверг теоретическому анализу противопоставление наук о природе и наук о психических явлениях. Он сосредоточил внимание на выявлении их общих черт, оценивая обособление как проявление

кризиса гуманитарных наук, утрату научного статуса, и сосредоточил внимание на выявлении того общего, что делает познание научным. В русском переводе его труд появился в издании «Логос». На страницах последнего мы встречаем имена ученых, при ближайшем участии которых этот Международный ежегодник по философии культуры был издан. Среди них имена А.И. Введенского, В.И. Вернадского, И.М. Гревса, Б. Кистяковского, Л.С. Лаппо-Данилевского, Н.О. Лосского, П.Б. Струве, С.Л. Франка, А.А. Чупрова. Для многих из них в самом понятии Логос выражалось именно цельное знание, соединяющее понимание и объяснение, анализ и интуицию. Они разделяли идею гуманитарного знания как научного. Признавая специфичность гуманитарного познания феноменологический подход в то же время исходит из единства подлинной, синтезирующей, строгой метанауки, которая должна отвечать критериям объективности, истинности познания, достоверности научных результатов.

Феноменология Гуссерля определяет цель познания как отношение между сознанием и бытием. В отличие от позитивистского подхода, принимающего фрагмент реальности (объект) как непосредственную эмпирическую данность, феноменологический подход обращен к анализу самого феномена взаимодействия субъекта с познаваемым объектом. Сознание обращено не столько внутрь себя (как в неокантианстве, когда, например, история рассматривается как воспроизведение прошлого опыта и сознания историка), сколько к реальности объекта. Сознание «мыслит предметное, и выявляет его как значимое, действительно существующее». В данной связи важно проведенное Гуссерлем различие между мирозерцанием познающего субъекта, представляемой им картиной мира и объективным научным знанием. «Мирозерцание и наука, - считал Гуссерль, - имеют свои различные источники ценности, различные функции и свои различные способы действия и поучения. Мирозерцание нужно рассматривать как *habitus* и создание отдельной личности, науку же - как создание коллективного труда исследующих поколений». Исходя из этого различия Гуссерль сформулировал представление о личности ученого: «Наука - безлична. Ее работник нуждается не в мудрости, а в теоретической одаренности. Его вклад обогащает сокровищницу научных значимостей, которая должна служить благополучию человечества». Русским сторонникам феноменологического подхода особенно близко было развиваемое Гуссерлем противопоставление глубокомыслия («мудрости») ученого теоретически ясной и четкой позиции подлинного ученого, стремящегося своим трудом уменьшить меру неопределенности и хаотичности в пространстве сложного и много-

злачного гуманитарного познания. «Глубокомыслие есть знак хаоса, - полагал Гуссерль, - который подлинная наука стремится превратить в космос - в простой, безусловно ясный порядок... Подлинная наука не знает глубокомыслия в пределах своего действительного учения. Каждая часть готовой науки есть некоторая целостная связь умственных поступков, из которых каждый непосредственно ясен и совсем не глубокомыслен. Глубокомыслие есть дело мудрости. Отвлеченная понятность и ясность есть дело строгой теории»²⁹.

Идеи феноменологии нашли свое развитие и конкретную реализацию в учении А.С. Лаппо-Данилевского о принципах исторического и, более широко, гуманитарного познания. Теоретико-познавательная концепция Лаппо-Данилевского не разделяла в своей сущности неокантианского противопоставления наук по их предмету и методам. Для него номотетический (исследование типологических, повторяющихся явлений) и идиографический (исследование структурных взаимосвязей явления) подходы представляют дополняющие друг друга по направленности аспекты исследования явлений природы и общества. Синтез этих двух подходов представлялся ученому как наиболее результативный способ более полного охвата типологических и индивидуальных особенностей изучаемой реальности.

ГЛАВА 11

Источниковедческая парадигма методологии истории

В КОНЦЕ XIX - начале XX в. изучение источников на Западе оставалось на уровне позитивистского обобщения методов критического изучения текстов источника. *Подготовительная критика* (предметом которой было определение подлинности, места и времени создания находящегося в распоряжении историка текста по его внешним особенностям, изучаемым приемами вспомогательных дисциплин), *критика происхождения* (установление автора источника) и *негативная внутренняя критика* истинности и точности передачи им фактов, *сравнительный анализ* фактических свидетельств (согласование фактов) - эти основные этапы изучения источника, обобщавшие практический опыт исследования, не поднимались до уровня теоретического обобщения. Они оставались в целом обобщением эмпирического опыта исследовательской практики. Главное состояло в том, что данная позитивистская методика рассматривала источник

не как целостный феномен, а только как средство получения так называемых фактов. Извлекая их из источника, исследователь уже не обращался к источнику. При таком подходе методика внешней и внутренней критики оставалась вспомогательным и ограниченным процессом систематизации информационных блоков, не ставился вопрос о более глубокой интерпретации самого понятия источника. Такой подход не дает возможности изучать исторический источник концептуально и целостно.

Концепция учения об источниках сформировалась на другой методологической основе - в русской гуманитарной науке. Во второй половине и, особенно, в конце XIX в., когда, как мы видели, критика и интерпретация источника стали трактоваться в Западной Европе как вспомогательный, подготовительный этап в исторической науке, русские ученые сохранили интерес к цельности изучения произведений, к источнику как главной цели исследования. В множестве крупных классических трудов русских историков и филологов того времени исследовались выдающиеся произведения прошлого или определенные виды (жанры). В работах, посвященных «Повести временных лет», древнейшим русским летописным сводам, выдающийся русский филолог и историк А.А. Шахматов (1864-1920) представляет летописание как особый вид (жанр) исторического повествования. Эти исследования - об авторах и способах создания летописных произведений, размышление об отношении авторов к историческому материалу, о политических пристрастиях летописца.

Классические примеры трудов о произведениях и об их авторах - работы В.О. Ключевского и С.М. Середонина. В.О. Ключевский в книге «Сказания иностранцев о Московском государстве» (М., 1866) рассматривает записки путешественников о Московском государстве XV-XVII вв. как особый вид исторических источников³⁰. Автор исследует вопрос, что представляют собой известия иностранцев, описывающих свои непосредственные впечатления от страны пребывания, что они дают для изучения ее жизни. Этот подход развивал С.М. Середонин, анализируя записки англичан о России XVI в., в частности сочинения английского дипломата Дж. Флетчера о политической системе Российского государства XVI в.

Ряд исследователей занимались изучением житийной литературы как исторического источника. Наиболее завершенным трудом этого рода является книга В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (М., 1871). Много внимания он уделил обзору житийной литературы, отысканию и изучению сохранившихся текстов житий. Ключевский не

ограничился эвристическим аспектом исследования: он выявил характерные черты житийных произведений как особого вида источников, раскрыл специфику отражения в них социальных фактов, подробно рассмотрел вопрос о достоверности свидетельств этого вида источников. Он отметил, что образ святого и житийной литературе предельно схематизирован и реальные черты его личности подвергаются стилизации в соответствии с законами жанра, из-за чего «житие так относится к биографии святого, как икона к портрету». С точки зрения Ключевского, в житиях наиболее достоверными являются рассказы о чудесах, связанных с культом святого. В этих, подчас наивных, рассказах Ключевский видит отражение народной жизни, уровня массового сознания, социальной психологии среды и эпохи, в которых бытовали и могли возникнуть подобные «рассказы о чудесах». Ключевский создал особое направление источниковедческого исследования - комплексный анализ большой группы произведений, принадлежащих к одному виду. Данный видовой подход способствует раскрытию особенностей отражения социальной информации в подобных источниках, выявлению связи авторства и назначения источника с характерным отбором информации, степенью ее достоверности.

Этот источниковедческий подход ярко проявился и в отношении Ключевского к другим видам источников, например к запискам современников о политических событиях их времени. Ознакомившись с сочинением С.Ф. Платонова, рассмотревшего записки русских людей о Смутном времени XVII в., Ключевский вступил с ним в полемику. Он обосновал новый подход к запискам, показал особенности такого вида исторических источников, отмечая их ценность в отражении мыслей, чувств и впечатлений людей своего времени. В этом отклике на работу Платонова Ключевский ясно показал специфику проблемы достоверности исторического источника, неоднозначность и сложность этого понятия. Будучи не всегда достоверными с точки зрения фактографической, событийной истории, записки достоверны с более общей, социально-психологической, стороны как отражение противоречивых чувств и мыслей, которые вызывают у современников политические события текущей жизни.

Русские историки и филологи видели в работе с источниками не только подготовительный, незавершенный этап работы исследователя, что было характерно для позитивистского направления в западной историографии. Они были склонны находить в этой работе особую завершенность, стремились научить своих учеников и последователей системному подходу к источниковедению.

Такой подход развивал в своих трудах известный историк и источниковед, исследователь русских летописей как особого вида исторических произведений прошлого, выдающийся педагог (основатель Высших женских курсов, по его имени названных Бестужевскими) К.Н. Бестужев-Рюмин (1829-1897). Он обосновал свою концепцию методов исторического исследования в работе, написанной в связи с выходом в свет книги известного английского историка Э. Фримена (1823-1892) «Методы исторического исследования» (1886). Фримен касался многих вопросов исторического метода, в частности понятия истории, которая изучает человека, по его мнению, главным образом «как существо политическое». Кратко рассмотрев вспомогательные науки, к которым причислял довольно разнородные области знания, - от геологии до филологии и права, он высказал суждения об истинности исторического знания, о подлинности и достоверности источников. Фримен охарактеризовал некоторые виды исторических источников, попытавшись их классифицировать (как документальные памятники и повествовательные источники). Автора почти не интересовала теоретическая сторона методологии истории; его изложение изобилует конкретными примерами и ситуациями, с которыми встречается историк в своей работе. В равной мере знакомый с исследованием как древней, так и новой истории Англии, Фримен использовал примеры из собственного опыта.

Книгу Фримена его западные коллеги восприняли критически. Многим казалась странной сама идея изложения методов исторического исследования в систематизированном виде. На Западе ученые придерживались мнения, что обучить этим методам возможно лишь на практике, в непосредственном общении преподавателя с учениками. В России, напротив, и идея и сама книга нашли заинтересованный и развернутый отклик. К.Н. Бестужев-Рюмин в «Журнале Министерства народного просвещения» выступил со статьей-рецензией «Методы исторического изучения», что само по себе свидетельствовало о внимании педагогов высшей и средней школы России к вопросам методологии истории. Книга английского ученого нашла в лице Бестужева-Рюмина внимательного рецензента, талантливого интерпретатора. Однако главный акцент русский ученый сделал на принципиальном различии в подходе к проблеме, на развитии единого взгляда на методы исторического исследования. Отмечалась важность различения науки от простого знания: подчеркивалось, что науки - это прежде всего учение, систематическое и методическое знание. Знания накапливаются эмпирическим путем, но становятся наукой тогда и только тогда, когда устанавливается

их системная связь. Собрание разнородных сведений еще не является наукой. «Мы привыкли различать эти понятия» (т. е. науку и знания. - *О.М.*), - писал Бестужев-Рюмин, идентифицируя последователей собственной источниковедческой школы с философски ориентированными германскими методологами, различающими терминологически и по существу науку от эмпирически накопленного знания.

Бестужев-Рюмин высказал мнение о необходимости достаточно ясно обозначить отношение истории к другим наукам (определить ее место и системе современного знания, как сказали бы мы теперь). Одной из центральных у Бестужева-Рюмина являлась идея о необходимости систематического обозначения всех типов источников, цельного освещения основ исторической критики. В этом высказывании прослеживается авторская концепция источниковедения, в которой присутствует и источниковедческая эвристика (обзор основных «разрядов», т. е. видов, источников) и системное изложение методов критического анализа. Различаются представления русского и английского ученых о том, для чего, собственно, историку нужно знать источники. «Для того, чтобы, - считал Фримен, - иметь исторический текст, заметить ошибку чужого изложения». Бестужев-Рюмин, напротив, полагал, что этого недостаточно: он делал акцент на системном подходе к источникам, на необходимости иметь целостное представление обо всех источниках. «Для историка обязательно иметь общее понятие о главных источниках всех народов и даже (поверхностное) знакомство с ними, т. е. в пределах отмежеванной им себе специальности», - писал он. Бестужев-Рюмин ясно видел суть различия в подходах к методам исторического изучения английского коллеги и своего собственного, отмечая несистемный подход английского ученого к методологии истории и в то же время подчеркивая большую ценность использования в книге богатого исследовательского опыта автора.

Различие в подходах к проблемам методологии истории, наметившееся уже в 80-х годах XIX в., в дальнейшем еще более углубилось. По существу, как целостное и систематическое учение об источниках сложилось именно в науке и в высшей школе России предреволюционного периода. Главную роль в этом сыграл труд А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»³¹.

А.С. Лаппо-Данилевский (1863-1918) - ученый, профессор высшей школы, академик, автор многих крупных работ по проблемам общества, государства, права и научной мысли России, руководитель ряда международных программ в области гуманитарного знания. Он - член Международного социологического института, Международной ассоциации академий, секретарь съезда

се представителей в Петербурге (1913), участник всех международных конгрессов историков, происходивших при его жизни, один из инициаторов и учредителей социологического общества имени М.М. Ковалевского, организованного в России в 1916 г.

Концепция методологии источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского - новая парадигма, т. е. строго научная теория, обосновавшая учение об источниках. Изучение всей предшествующей литературы - философской, правовой, филологической, исторической - привело ученого к убеждению: «Методология источниковедения до сих пор еще не представляет цельного и систематически развитого учения: одни предлагают, например, взамен такого учения только обозрение конкретно данных исторических источников, их коллекций и изданий, в связи с «эвристикой», и отводят особое место критике; другие готовы отождествить методологию источниковедения с «критикой», понимая ее в широком смысле; третьи изучают исторические источники в их генезисе, например, в зависимости от тех условий и форм общественной жизни, благодаря которым они возникли, и т. п.»³².

Постановка вопроса о методологии источниковедения как цельного и систематического учения была новаторской. Она противостояла тому позитивистскому представлению о методах работы с источниками, согласно которому все они трактовались если не как технические приемы, то, во всяком случае, как лишь подготовительный, вспомогательный этап исторического исследования, приводивший к подлинному синтезу исторического обобщения. Л.С. Лаппо-Данилевский открыл новый этап в формировании источниковедения как целостной науки об источниках. Ученый поставил своей задачей последовательно изложить основные понятия источниковедения и систему его методов. В книге рассмотрены понятие об историческом источнике, главные виды исторических источников, принципы их классификации, характеризуется сущность методов интерпретации и критики и, наконец, обосновывается значение исторических источников. Автор подчеркивает, что это учение «рассматривает то общее, что обнаруживается в научных приемах самых разнообразных исторических дисциплин, например: в истории языка, в истории философии, религии, науки, искусства и литературы, в истории хозяйства и финансов, в истории права и т. п.»³³.

В центре его учения - понятие об источнике. Лаппо-Данилевский исходит из того, что непосредственному, чувственному восприятию доступна лишь самая незначительная часть действительности. Остальная же известна лишь по ее остаткам или из чужих наблюдений, воспоминаний и оценок, в свою очередь до-

ступных чувственному восприятию исследователя. Источник для Лаппо-Данилевского - продукт человеческого творчества и самом широком смысле слова. Ученый создал свою научную школу, идеи которой вдохновили множество социальных мыслителей, историков, правоведов, филологов, социологов, историков науки в России и на Западе.

«Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского рассматривает теоретико-познавательную основу единой науки истории (он говорит об историке, социологе и психологе, имеющих общий объект изучения, но подходящих к нему с разных сторон), понятой как единое знание о человеке, а точнее - о человечестве. Автор исходит из идеи единства «мирового целого», в котором человечество составляет его особую, качественно отличную часть, «носителницу сознания». Основопологающей для данной парадигмы является принципиальная идея признания чужой одушевленности, духовное общение и взаимодействие субъекта познания (историка) с его объектом (одушевленным объектом, а следовательно, также и субъектом). Это взаимодействие понимается как разумное и целенаправленное. Идея сознательной, активной личности, воздействующей на окружающую среду, находит развитие в парадигме Вернадского о разумной человеческой деятельности, преобразующей мировое целое. Науки о природе и пауки о культуре взаимосвязанны, взаимодополняемы. «Историк-специалист, - утверждает Лаппо-Данилевский, - рассуждает не о мире, как о целом, и не о воздействии на него каждой его части, а ограничивает объект своего изучения именно той индивидуальной частью мирового целого, которая преимущественно известна ему как носительница сознания, воздействующая, в качестве таковой, на мировое целое и в зависимости от него действующая»³⁴.

Важнейшим постулатом данной парадигмы является утверждение объективности гуманитарного познания, его научности. Ученый особо останавливается на вопросе об интуитивизме, выступая против его абсолютизации, возведения в принцип познания. Для Лаппо-Данилевского гуманитарное знание прежде всего часть единого знания, оно утверждается на принципах строгой научности. Ему свойственны системность, логичность, доказательность выводов. Критерии доказательности научной истины соотносятся с реальными - чувственно-воспринимаемыми - объектами совокупностью произведений, источников. Человечество рассматривается как целостность во времени и пространстве («часть мирового целого») и, в свою очередь, как «эволюционное целое» (во времени) и «коэксистенциальное целое» (на каждый данный момент времени). Именно такой подход позволя-

ет «установить историческое значение каждого отдельно взятого факта, группы, серии, народа и т. п. в надлежащей полноте...»³⁵. Целостность человечества как объекта познания в рамках данной концепции отнюдь не означает его трактовки как некоего организма, «великого существа» в духе позднего О. Конта. Напротив, с контовским позитивизмом Лаппо-Данилевский вступает в дискуссию, поскольку реанимация догмы «растворения человеческой личности в массе» кажется ученому весьма опасной тенденцией общественной мысли. Феномен человеческой личности, сознания является для него основополагающим, он реализуется в произведении и воспринимается в общении, исходным принципом для которого выступает признание чужой одушевленности. Этот принцип трактуется также и в качестве нравственного постулата - научного, психологического, этического приоритета.

Феномен человеческого общения - главную проблему эпистемологии новейшего гуманитарного знания - ученый рассматривает не столько в его буквальном смысле (личное общение) или метафорически (диалог культур), сколько прежде всего в опосредованной, материализованной форме. Человек как личность выражает себя через создание произведений, а они, в свою очередь, расширяют пространственные и хронологические рамки человеческого общения. Источник - «реализованный продукт человеческой психики», и в этом смысле действительность. Совокупность произведений, созданных людьми, предоставляет реальную возможность изучения человечества, дает основу гуманитарному познанию, науке о человеке. Источники как эмпирическая данность и человечество как проблема если не адекватны друг другу, то, безусловно, фундаментально соотносены. Для познания этой соотношенности необходима единая методология. Поэтому в методологии истории (гуманитарном знании в целом) различаются два уровня. Каждый из них самодостаточен, но их синтез открывает новые качественные возможности понимания (построения) феномена человеческой культуры.

Первый уровень («методология источниковедения») представлен системой методов, воссоздающих произведение (источник) как явление культуры определенного времени. В ходе исследования источник изучается, анализируется и интерпретируется таким, каким задумал и осуществил его автор, и далее - более широко - таким, каким его, возможно, и не осознавали автор и его современники - как явление культуры данного времени. Второй уровень («методология исторического построения») состоит из системы методов, которые позволяют, исходя из реаль-

ности источника как части данной культуры, воссоздать ее самое. Например, установив, что в данное время создавались частнопроводные документы (на уровне методологии источниковедения), можно определить состояние правовой культуры общества (на уровне методологии исторического построения). Последующее развитие данной концепции подтвердило верность ее основных постулатов и ее применимость к изучению различных видов и типов источников как социальных реальностей. Проведя произведение сквозь «горнило источниковедения» (выражение С.Н. Валка), гуманитарий открывает новые возможности изучения культуры в целом.

Для гуманитария исторический источник в конкретной эмпирической данности становится основой понимания его как реального остатка своей эпохи. Карсавин очень точно отметил особенность момента встречи познающего субъекта с реальностью своего объекта на уровне методологии источниковедения. «Историк должен проделать «черную работу» над источниками, ...чтобы в процессе ее уловить самое сущность исторического. Она лучше и легче всего улавливается в ограниченной области источниковедения, где нет соблазнов отдаться на волю легкомысленных и шаблонных схем...»³⁶. Лаппо-Данилевский понимал методологию источниковедения как «цельное и систематическое учение» (в отличие от других концепций критики источников, обзор которых он дает в своем труде). Его последователи и ученики А.Е. Пресняков и С.Н. Валк, развивая и интерпретируя основные положения данной концепции, особо подчеркивали самодостаточность исследований, имеющих целью изучение произведения как явление культуры. Они справедливо видели методологическую общность взглядов двух выдающихся историков - А.С. Лаппо-Данилевского и А.А. Шахматова, отмечали плодотворность данной методологии в исследовании явлений культуры. В то же время один из наиболее глубоких интерпретаторов данной парадигмы С.Н. Валк ясно представлял себе трудную судьбу этого учения, не надеялся на его быстрое и безоговорочное признание, особенно в среде позитивистски ориентированных историков. «Как и все научное наследие (А.С. Лаппо-Данилевского. - *О.М.*), - писал он, - этот труд в той же мере индивидуален и столь же вне сферы господствующих русских исторических направлений. Это последнее, а также та высота научного уровня, которая требуется для того, чтобы приобщиться к трудам А.С., заставляют иногда с тревогою следить за судьбой идей А.С. в их посмертном развитии. Лишь неустанным и общим трудом можно придать им новую жизнь и привести к полному раскрытию их основаначала»³⁷.

Таким образом, теоретико-познавательная парадигма Лаппо-Данилевского содержит особую интерпретацию проблемы субъекта и объекта исторического познания. Методологические дискуссии XX в. выявили в основном два пути осмысления данной проблемы. Один сосредоточен на субъекте познания, подчеркивает принципиальное значение его личных способностей понимания, другой акцентирует возможности познания реально существующих структур с помощью типологических моделей. Методология А.С. Лаппо-Данилевского открывает новые возможности понимания - не просто понимания познающим субъектом обобщенной модели реальности, но признания чужой одушевленности. Познание в этом случае выступает как диалог двух субъектов - создателя источника и его исследователя.

Фундаментальные принципы методологии источниковедения таковы: обращение к произведению (источнику познания) как предпосылка научности познания; изучение феномена человеческого общения преимущественно в его опосредованной, материализованной в источнике форме; обращение к произведению как к источнику, позволяющему наблюдать личность (или сообщество) в ключевые моменты целенаправленной созидательной деятельности, и, следовательно, в высшие моменты самовыражения.

Источниковедение в России XX в. основано на характерном для русской культуры принципе подхода к социальным явлениям. Самое главное в нем - ориентация на изучение произведений, созданных человеком в процессе его целенаправленной, осознанной деятельности. Эти произведения интерпретируются как социальные явления, реально существующие элементы культуры общества и - более широко - мирового целого. Цель их изучения состоит в том, чтобы узнать о людях, создавших эти произведения, и о том обществе, в котором они могли реализоваться именно таким образом. В данном качестве произведения выступают как источники социальной информации, а сам данный подход - как источниковедческий. А.С. Лаппо-Данилевский дал в своих трудах («Методология истории» и «Очерк русской дипломатики частных актов») теоретическое обоснование, логическое изложение и практическое применение к конкретным видам источников методологии источниковедения. Вторым том «Методологии истории» посвящен изложению принципов методологии источниковедения. Эти же принципы, идеи и теоретико-познавательные методы глубоко и разносторонне интерпретировали и развивали его единомышленники - С.Ф. Ольденбург, И.М. Гревс, А.Е. Пресняков, Б.А. Романов, С.П. Валк, Г.В. Вернадский и другие.

В центре философской парадигмы Лаппо-Данилевского - целенаправленная, осознанная человеческая деятельность как главный предмет исследования. «В первых редакциях курса методологии истории, - вспоминал его ученик А.Е. Пресняков, - он говорил о космическом смысле социального развития, о «реорганизации вселенной» как предельном моменте развития исторического процесса, реорганизации мирового целого взаимодействием на него «великой индивидуальности человечества». Пресняков отмечал «своеобразие и неожиданно-родственность его идей идеям Н.Ф. Федорова, его философии истории»³⁸.

Надо отметить также общность идей Лаппо-Данилевского с идеями В.И. Вернадского. Несомненно, позиции обоих ученых сближало представление о тесной связи науки и жизни, о цели, состоящей в работе для культурного роста личности и народа. Им была очень близка идея созидательной активной человеческой деятельности, изменяющей мировое целое³⁹. О научном общении этих ученых, о влиянии Лаппо-Данилевского на философские взгляды Вернадского имеются прямые свидетельства. Начатые еще в молодые годы, научные контакты были, вероятно, продолжены на новом уровне, когда сын В.И. Вернадского - Г.В. Вернадский, будущий известный историк, стал учеником А.С. Лаппо-Данилевского. Без понимания общности идей двух мыслителей парадигма Вернадского о человеческой деятельности, преобразующей мировое целое, остается, хотя и достаточно известной, но не вполне точно интерпретированной. Для феноменологии обоих мыслителей принципиальное значение имеет идея разумного, осознанного человеческого творчества (ее высшим проявлением они считают творчество научное, придавая поэтому личности ученого особое значение). В процессе целенаправленной осознанной деятельности создаются ее интеллектуальные продукты, произведения. Вернадский эту идею развивал в естественно-научном направлении: он говорил о созидющей «геологической» силе, формирующей ноосферу, новый облик планеты и даже космоса. У Лаппо-Данилевского она более развита в гуманитарном направлении: интеллектуальный продукт человеческой деятельности служит источником информации, средством идентификации человека в мировом пространстве - историческим источником. Так возникает фундаментальное для дайной парадигмы понятие исторического источника.

Существует еще один принципиально важный момент: если личное общение людей ограничено временем и пространством, то произведения, целенаправленно и осознанно созданные людьми, несут информацию о своем создателе и, следовательно, дают реальную возможность культурного общения с человечест-

вом, с мировым целым. Произведение - продукт человеческой созидательной деятельности, явление культуры. Система методов его познания и есть предмет методологии источниковедения как цельного и систематического учения об источниках. «Источник - реализованный продукт человеческой психики»⁴⁰, - считает Лаппо-Данилевский. Именно потому он и обладает характерными особенностями, отличающими его от произведений природы, что он оказывается результатом целеполагающей деятельности человека, его намеренным продуктом. Именно исторический источник даст науке реальную возможность связывать конкретные явления с целостностью социального развития. По-своему формулировал взаимосвязь источника и мирового целого в «Теории истории» Л.П. Карсавин. Он писал: «В истории всякое, далее самое частное исследование, далее исследование взаимоотношений между несколькими рукописями одного источника само собою будет исследованием общеисторического характера и значения и возможно только на почве его связи с познанием целокупности социального развития»⁴¹. Источники, согласно Карсавину, обеспечивают реальную основу объективного социального познания.

Методология источниковедения в таком широком понимании не могла формироваться в рамках одной науки, даже если эта наука - история. Поставив в центр мирового целого человеческую деятельность, данная концепция открыла возможность широкого междисциплинарного взаимодействия ученых. Позицию Лаппо-Данилевского развивали ученые разных поколений, среди которых были А.Е. Пресняков, П.А. Сорокин, Н.Д. Кондратьев, С.Н. Валк, А.И. Андреев, Б.А. Романов, Т.И. Райнов, Г.В. Вернадский, Ш.А. Элиава. Людей талантливых, оставивших свое имя в науке и в общественной деятельности, привлекали личность и идеи А.С. Лаппо-Данилевского, несмотря на разные профессиональные интересы (С.Ф. Ольденбург - санскритолог, востоковед, А.А. Кауфман - экономист и статистик, И.И. Лапшин - философ, исследователь законов мышления и форм познания, И.М. Гревс - медиевист, П.А. Сорокин - политик и социолог, Н.Д. Кондратьев - экономист, исследователь хозяйственных изменений в жизни общества).

Если попытаться определить общие для этих ученых черты, то прежде всего следует назвать стремление к целостному рассмотрению определенных аспектов гуманитарной культуры, интерес к продукту интеллектуальной деятельности человека как к явлению культуры. Им было органически присуще соединение гуманитарного и естественно-научного знания, в их трудах широко и полно реализовалась философская, мировоззренческая

основа методологии истории. О «естественном союзе философии и эмпирической науки» в исследовательской и педагогической деятельности Лаппо-Данилевского писали историк науки Т.И. Райнов и философ Н.В. Болдырев. Методология источниковедения - не только философская парадигма, а вполне конкретный метод исследования исторических источников, основа профессионализма, ремесла историка. Эта сторона источниковедения в течение ряда лет разрабатывалась в семинаре Лаппо-Данилевского, посвященном изучению особого раздела источниковедения русской истории - частноправовых актов. Данный круг источников, имеющий важное значение в истории становления основ гражданского общества и правового государства, был выдвинут как первоочередной для осуществления широкой поисковой, исследовательской, публикаторской деятельности русских источниковедов. Частные акты отражали один из наиболее острых, существенно значимых вопросов современности - становление прав личности, имущественных прав, гарантии которых составляют необходимое условие развития гражданского общества. Вот почему правовая наука в России конца XIX - начала XX в. уделяет им особое внимание. Эти вопросы были близки Лаппо-Данилевскому и его школе. Именно по правовым вопросам (о смертной казни и ее отмене) ученый выступал в Государственном совете (его членом он был от Академии наук), а в 1917г. работал в комиссии Ф.Ф. Кокошкина по подготовке правовых актов Учредительного собрания. Обращение к частноправовым актам как к предмету специального источниковедческого исследования можно рассматривать и в более широком контексте борьбы за правовое сознание, за становление политической культуры в России. Это направление было продолжено его учениками⁴².

Концепция методологии источниковедения нашла свое завершение в книге Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатики частных актов» (1920). Частноправовые документы, фиксирующие договорные отношения между людьми, здесь рассматриваются прежде всего «как исторические явления в жизни народов, как продукты их культуры». Исследователь выясняет, проводя источниковедческий анализ, функции частноправового акта в данном обществе, состав документа, его формуляр, интерпретирует правовые нормы, соотносит норму и действительность. Не ограничиваясь разделением акта на ряд отдельных суждений и свидетельств, историк обращался к его синтезу (Лаппо-Данилевский предпочитал термин «историческое построение» документа).

Завершить исследование частноправового акта означает, как отмечал, разъясняя данную идею, ученик Лаппо-Данилевского С.Н. Валк, «включить его в историческое целое», в конечном же

счете - «в целое культуры». На этой идее своего учителя Валк останавливался подробно: ее главную сущность составляет культурологический подход, характерный для методологии источниковедения. «С мыслью об охране культуры и ее необходимой основы начат «Очерк» и ею же он заканчивается», - подытоживал Валк свой точный и глубокий разбор «Очерка русской дипломатики частных актов». На наш взгляд, эта работа Валка интерпретирует методологию источниковедения наиболее близко к замыслу ее создателя.

Талантливый последователь Лаппо-Данилевского оказался прав и в предвидении трудной судьбы концепции своего учителя: причину Валк видел, во-первых, в том, что концепция была далека от профессиональных представлений; во-вторых, в том, что широкому признанию концепции в историческом сознании эпохи долго будет препятствовать исключительно высокий интеллектуальный, по существу, философский уровень «Методологии истории».

В работах С.Н. Валка, А.Е. Преснякова, И.М. Гревса начала 20-х годов идеи А.С. Лаппо-Данилевского были разносторонне интерпретированы и творчески развиты. Одновременно в них содержались вполне обоснованные опасения относительно того, что традиционно мыслящие специалисты, далекие от философских трактовок ремесла историка, не воспримут эти идеи. Аналогичные опасения, как известно, высказали позже ученые новой исторической школы на Западе, где развернулись «бои за историю», за новые подходы к проблемам социального познания. В статье «Воспоминания ученика» С.Н. Валк представил сущность ситуации на конкретном примере семинара А.С. Лаппо-Данилевского по изучению актовых источников. Вспоминая многолетнюю работу семинара, Валк отмечал, что среди его участников выявились три психологических типа исследователей, по существу, три разных менталитета: одни сосредоточились на библиографическом описании актов (создание «банка данных»); другие - на традиционной критике актов как источников фактических сведений; и только немногие восприняли как приоритетную главную идею учителя - подход к частноправовым актам как к явлениям, реально составляющим целостность культуры.

Проблему менталитета историка-позитивиста, но с несколько иной стороны, рассмотрел А.Е. Пресняков, давший в статье о В.О. Ключевском обобщенный образ историка. Такой историк озабочен лишь тем, как добыть из источника искомые факты, он оставляет без внимания своеобразие самого источника как особого культурного объекта. В книге о Лаппо-Данилевском Пресняков отнюдь не делал секрета из того, что идеи учителя разделя-

ли далеко не все историки Петербургского университета, в котором признанным лидером исторической школы был С.Ф. Платонов, а уж тем более историками московской школы.

Подход к источнику как к целостному произведению, явлению культуры своего времени, по существу, определяет суть новой методологии источниковедения. Данный подход нашел свое подтверждение на ином материале, в трудах другого гениального русского ученого - А.А. Шахматова (1864-1920), посвященных русскому летописанию. Шахматов, в отличие от Лаппо-Данилевского, не давал теоретического обоснования нового подхода, но реализовал его при исследовании русских летописей.

Па общность понимания источника прежде всего как произведения своей эпохи Лаппо-Данилевским и Шахматовым обратил внимание С.И. Валк, ее отмечал А.Е. Пресняков. С.Ф. Платонов, в целом представлявший другое направление в историческом исследовании, обращался к той же проблеме, сопоставляя подход к летописям К.Н. Бестужева-Рюмина и бесспорно новаторский подход А.А. Шахматова.

Бестужев-Рюмин трактовал летописи только как исторический источник, не рассматривая их как особый вид древнерусской письменности. Н.Л. Рубинштейн напишет позднее, что «каждый элемент летописного свода Шахматов рассматривает как продукт определенных исторических условий, как конкретное историческое явление, продукт и отражение определенной исторической среды... Тем самым решение источниковедческой проблемы выносится Шахматовым за рамки самого источника и его текстового изучения и переносится на общеисторическую почву»⁴³. По мнению Рубинштейна, именно это дает совершенно новые возможности самой критике текста. Иначе говоря, историк переносит акцент с критики отдельных свидетельств путем их сравнения на интерпретационные методы. Не случайно проблемы интерпретации (индивидуальная, общая, техническая и психологическая) занимают столь видное место в методологии источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского.

Культурологическая триада (мировое целое культуры-человеческая одушевленность-источник как явление культуры), теоретически обоснованная в методологии источниковедения Лаппо-Данилевского, отнюдь не была оторванной от практики концепцией, находившей выражение в академических трудах. Напротив, ученые - сторонники этой мировоззренческой парадигмы стремились реализовать ее в конкретной работе. Такие задачи требовали от русского ученого начала XX в. активной научно-организационной и научно-педагогической деятельности. С.Ф. Ольденбург вспоминал о том, что для своего выступления

перед учеными в Англии в 1916 г. Лаппо-Данилевский выбрал тему по истории русской науки. Ученый предполагал говорить о том, что для русской науки особенно характерна такая ее черта, как тесная связь с жизнью: «для русского ученого нет науки вне жизни и без жизни». После своего избрания академиком в 1898 г., Лаппо-Данилевский сократил преподавательскую деятельность, чтобы больше внимания уделять научно-организационной академической работе. Лаппо-Данилевский и его единомышленники видели ее главное направление в укреплении международных связей русской исторической науки; в новой постановке фундаментальных публикационных программ, работе по изучению источников, и в первую очередь в наиболее актуальной для России того времени работе по изучению и изданию законов.

В 1908 г. Лаппо-Данилевский участвовал в Берлинском международном конгрессе историков. На Лондонском конгрессе (1913) по поручению Академии наук он предложил следующий конгресс (1918) провести в Петербурге, возглавив организационный комитет по его подготовке. Лаппо-Данилевский был членом Международного социологического института, Международной ассоциации академий, деятельным участником разработки ее организационных статуты. Частью этой деятельностью были и труды академика по исследованию и публикации источников.

После 1917 г. изменилась общественно-политическая ситуация в стране, ученые должны были реализовывать свои культурологические концепции в новых условиях. Планы проведения международного съезда историков в Петрограде, университетских исследовательских семинаров, фундаментальных изданий правовых источников надолго потеряли свою актуальность. В центре внимания, как известно, оказались другие проблемы. Ученые работали в новых, экстремальных условиях, далеких от традиционных форм и потому сфера приложения их научных усилий заслуживает особого внимания. Прежде всего, речь идет о подготовке и издании учебной литературы, рассчитанной на нового читателя, которого историки старой школы хотели бы увлечь серьезной самостоятельной исследовательской работой. Книги эти были адресованы «неискушенному», но «желающему и способному изучать историю научно» читателю (О.А. Добиаш-Рожественская). Другим направлением, которому ученые отдавали много сил и надежд, было архивное дело, участие в сохранении документальных богатств России. Третьим направлением стало издание научных журналов.

Эти три направления в 1917-1921 гг. отражены в необычайно ярких и талантливых, хотя подчас и не вполне завершенных (не по вине авторов) произведениях. Исходная парадигма опре-

деляла то же стратегическое направление: целостность мировой культуры, признание чужой одушевленности, историческое источниковедение. В изданиях первых послереволюционных лет постоянно встречаются имена крупных ученых, а также их более молодых последователей и учеников, которые необычайно активно вели научно-исследовательскую работу, печатали статьи, книги, учебные пособия, несмотря на то что положение ученых-гуманитариев было особенно трудным.

«Великий кризис всей мировой и русской национальной жизни» (А.Е. Пресняков) побудил представителей русской науки полнее выявить и запечатлеть тот образ культуры, к которому они принадлежали. С данной точки зрения в 1917-1921 гг. стал очевиден масштаб начавшихся сдвигов в структурах мировой цивилизации, когда предощущавшиеся ранее конец эволюционного этапа и вхождение в эпоху катастрофических изменений стали уже реальностью, но возможность выражать свои идеи в печатных трудах еще существовала. Первое послеоктябрьское пятилетие представляет собой, по существу, неисследованный период развития русской науки и источниковедения. Очевидна внешняя, событийная сторона того времени: распад привычных университетских обычаев и норм (отмена ученых степеней и званий, прием в университеты пролетарской молодежи без свидетельства о среднем образовании), информационный вакуум, невосполнимые потери, в том числе и среди представителей крупнейших научных направлений (М. Дьяконов, А.С. Лаппо-Данилевский, Б.А. Тураев, А.А. Шахматов). О многом говорят даже названия глав воспоминаний П.А. Сорокина, относящиеся к этим годам: «Катастрофа...», «Из бездны...» и т. д.⁴⁴

Содержательная сторона научной деятельности того времени еще нуждается в осмыслении. Именно она определяет логику развития русской гуманитарной культуры - и той, которая существовала непосредственно в России, и той, которая в силу обстоятельств оказалась вынужденной влиться в иную культурную среду, дав, в свою очередь, начало новым оригинальным направлениям и школам. Запечатлеть целостный образ уходящей культуры стало осознанной задачей лучших ее представителей в первые послереволюционные годы. «Можно с уверенностью сказать, - писал С.Н. Валк, - что душевное настроение, созданное октябрьским переворотом, подорвало творческую энергию А.С. (Лаппо-Данилевского. - *О.М.*), заставило А.С. задуматься о реализации своего накопленного исследовательского достояния». «Сегодня ты жив, а завтра нет», - сказал себе П.А. Сорокин, решив (в 1920 г.) написать «Систему социологии», хотя все подготовительные материалы пропали.

Из журнальных статей, монографий, брошюр, учебных пособий можно четко выделить несколько ведущих направлений, по которым работали ученые и деятели культуры, не только разделявшие, но и развивавшие основные идеи методологии источниковедения, сложившиеся в начале XX в.

Необходимость изучения методологических вопросов обосновал Л.П. Карсавин в книге «Теория истории», посвященной проблеме исторического метода. Ученый считал, что «только таким путем, а не путем несистематического чтения исторических книг, особенно общих обзоров и так называемых всеобщих историй, можно познакомиться с историей, понять ее методы и дух, усвоить историческое мышление»⁴⁵. «Теория истории» Карсавина поднимала фундаментальные вопросы методологии истории: что такое история? каковы ее цели и методы изучения исторического материала? каково значение исторического мышления? Ответы на них, писал ученый, историк находит после долгой специальной работы, изучения исторических трудов, главным же образом исторических источников. Сам Карсавин считал, что его книга предназначена «для начинающих историков».

Для «Теории истории» характерен широкий культурологический подход - исторический процесс рассматривался в своей целостности. Прослеживается сильное влияние парадигмы исторического целого, свойственной методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского. Определение Лаппо-Данилевского гласит: «...Только мировое целое, единое и единичное, представляется нам в полной мере действительностью, каждая из частей которой лишь искусственно может быть извлекаема из реального его единства для ее научного рассмотрения»⁴⁶. В свою очередь, «историк может изучать все культурное человечество как единственное в своем роде целое». Карсавин определяет предмет истории вполне в духе данной концепции, Этот предмет - «человечество в его социальном (т. е. общественном, политическом, материальном) и духовно-культурном развитии»⁴⁷. Субъект развития - социально-деятельное человечество - связан со всевременным, всепространственным единством исторического процесса, от его начала до конца. «Ни горизонтально, ни вертикально исторический процесс не может быть разрезан». Очень близки к методологии источниковедения Лаппо-Данилевского идеи Карсавина о социальной деятельности, рассматриваемой в ее психологическом аспекте: социальная деятельность есть социально-психическая деятельность. «Теория истории» является частью общего коллективного замысла - рассмотреть историю человечества с единой позиции, выявить крупные стороны исторического опыта человечества.

Одним из важных направлений деятельности российских историков после 1917 г. стало архивное дело. В России с начала XX п. архивы постоянно находились в центре общественного внимания. Им самое серьезное значение придавали представители академической науки, и в первую очередь А.С. Лаппо-Данилевский, занимавшийся этой проблемой по поручению Академии наук. Русское историческое общество видело в архивах одно из важных направлений культурной деятельности. После Октябрьской революции перед русской культурой встал вопрос о судьбах архивов. Опыт постановки архивного дела и системы образования во Франции выступал при этом в качестве международного эталона. Ученые формировали, по свидетельству А.Е. Преснякова, принявшего и этом деле самое активное участие, Союз архивных деятелей как общественную организацию с государственными полномочиями по заведованию архивным делом в целях его коренного преобразования. Одним из наиболее активных организаторов дела, как уже говорилось, был А.С. Лаппо-Данилевский. Ему помогали А.Е. Пресняков, А.И. Андреев, С.Н. Валк и другие ученики академика, образовавшие центр, вокруг которого группировались культурные слои. «Естественно, - писал Пресняков, - что в годину революционной разрухи, отразившейся так грозно на судьбе наших архивов, все, кому дороги были исторические материалы, потянулись к Александру Сергеевичу и объединились вокруг него в Союзе архивных деятелей»⁴⁸.

Вопрос, однако, разрешился иначе: были созданы Главное управление архивным делом и Единый государственный архивный фонд. Лаппо-Данилевский вместе со своими молодыми коллегами вошел в состав последнего и активно занялся разработкой проблем архивной реформы. Правда, по свидетельству Преснякова, «вскоре он отошел от этого дела, по мере его все большей бюрократизации, и сосредоточил внимание на Союзе как ученом обществе для разработки вопросов научного архивоведения». Все это тяжело переживали А.Е. Пресняков и другие ученые, которые постепенно теряли возможность влиять на развитие событий в данной отрасли исторической науки. Но в 1917 - начале 1918 г. деятельность ученых была беспрецедентна, поскольку документы упраздненных учреждений просто оказались под угрозой уничтожения. В апреле-мае 1918 г. Главное управление архивами обратилось за помощью в университеты и научные центры Москвы и Петрограда. Отклик был немедленный и действенный. В обеих столицах стали организовываться группы «разборщиков», создаваться деловые центры, координировавшие их работу. В Петрограде их возглавил С.Ф. Платонов,

в Москве - М.К. Любавский. Одновременно встал вопрос о подготовке специалистов для работы с архивными документами,

Архивные курсы, открывшиеся осенью 1918 г. в Петрограде и Москве, - еще одна яркая страница русской гуманитарной культуры. На широкой культурологической основе при высочайшем профессионализме преподавателей возможно было воспитывать мыслящих, свободных от узковедомственного подхода работников, чтобы затем они ввели в научный оборот, в национальную и мировую культуру документальные архивные богатства. При открытии архивных курсов в Петрограде С.Ф. Платонов особо остановился на том, что стоящая перед ними задача «не только ведомственная или научная, но и крупная национальная задача». Он подчеркнул при этом, как вечно в сложившейся ситуации возродить в общественной среде «чувство ценности документа». А.Е. Пресняков, также выступивший на открытии курсов, посвятил свою речь теме «Исторические источники и подлинные документы в научной работе». Он призвал слушателей видеть в источнике явление культуры, оценивать его знаковую и его материальную, вещественную стороны. Ведь документ в то же самое время «и вещественный след старой жизни, старой культуры, старой техники, старого быта». Определение источника как явления культуры в методологии источниковедения данного направления вечно еще и тем, что предполагает единый, интегрированный подход к материальной и духовной, знаковой и вещественной, а в терминологии Лаппо-Данилевского - к изображающей и обозначающей сторонам источника.

В рамках концепции Лаппо-Данилевского-Вернадского получило реальное обоснование междисциплинарное взаимодействие гуманитарных и естественных наук, развитое в трудах всех представителей данного направления.

Свое развитие этот подход нашел, в частности, в работах И.М. Гревса. Одна из главных его идей - комплексное восприятие двух граней культуры; внешней (материальной) и внутренней (духовной) в единой психологической интерпретации. Ученый считал, что восприятие произведения в его естественном окружении, в природе особенно важно для культурного образования личности. В 20-х годах в новых условиях и на конкретном материале Гревс развивал свою идею в книге «Экскурсии в культуру», применяя для данного способа познания произведений культуры особый термин «психология путешествественности».

Гревс считал «Экскурсии в культуру» важным средством для развития творческой личности; «Одновременно воспринимаются две линии развития: одна идет вширь, захватывая все «пространство современности», другая, проникающая назад, в глубь

веков, для овладения временем»⁴⁹. Действительно, одновременно охватываются прошлое и современность, пространство и время, науки о культуре и природе не разделены, но взаимодействуют с помощью своих методов.

ГЛАВА 12

Источниковедение в российской реальности

В 1917-1922 гг. русские ученые завершили создание концепции методологии истории, которую по смыслу можно назвать культурологической, а по методу - источниковедческой. Тогда же вышла книга А.С. Лаппо-Данилевского «Очерки дипломатики частных актов», в которой на конкретном материале источниковедения частных актов он реализовал теоретические понятия источника как явления культуры своего времени, показал способы применения к данному виду источников методов научной критики, интерпретации отдельных свидетельств, совершенно по-новому сформулировал принцип не только анализа, но и синтеза и исследования источника.

Данные принципы методологии истории и источниковедения развивали, в свою очередь, С.Н. Валк, А.Е. Пресняков, другие ученые. Главное внимание они обращали на проблемы исторического познания, продолжив изучение важнейших видов источников - правовых документов, документов личного происхождения, делопроизводственной и экономической документации (писцовые книги).

Глубокий теоретический и конкретный анализ проблем методологии гуманитарного исследования, поиски новых ответов на поставленные жизнью вопросы определяли общую проблематику трудов, которые в рассматриваемый период удалось завершить и опубликовать А. С. Лаппо-Данилевскому, А.А. Шахматову, М.А. Дьяконову, А.А. Кауфману, С.Ф. Ольденбургу, И.М. Гревсу, С.Ф. Платонову, Л.П. Карсавину, А.Е. Преснякову, С.Н. Валку, Б.А. Романову, О.А. Добиаш-Рожественской, Т.И. Райнову, А.И. Андрееву, П.А. Сорокину, Г.В. Вернадскому. Многие из этих работ составляют классику русской методологии источниковедения послеоктябрьского периода.

Положение полностью изменилось после 1923 г. Все прежние направления исторических изысканий оказались закрытыми. Идеологизация и политизация науки и образования привела к ликвидации журналов, оттеснению ученых от архивной и пре-

подавательской работы, а пришедшее в университеты пополнение активно занялось реализацией совершенно других идеологических и культурных задач. В создавшихся условиях значительные усилия представителей старой школы были направлены на просветительские цели, на сохранение памятников истории и культуры. Они пытались противостоять катастрофическому падению общекультурного уровня массового сознания. С данной точки зрения активное участие таких ученых, как С.Ф. Ольденбург, А.И. Андреев, С.Н. Валк, И.М. Гревс, П.Г. Любомиров, А.В. Орешников, В.И. и Г.В. Вернадские и других, в краеведческом движении вполне объяснимо. Важно, однако, подчеркнуть, что мозаичность, нарочитая узость тематики, отказ от обобщений и выводов, характерные для работ того времени, отнюдь не отвечают позитивистскому взгляду «обрабатывать свой маленький участок», как это может показаться. Напротив, представители данной методологической школы испытывали мучительное чувство утраты своей интеллектуальной среды, в которой каждое отдельное суждение, каждый социальный факт выступали как часть единой концепции мирового целого.

Фундаментальные проблемы социального познания, вставшие перед общественными науками к началу 20-х годов, были, в принципе, общими как для России, так и для Запада, они были поставлены самим ходом социального развития. Русская наука в конце XIX - начале XX в. искала свои ответы, создавая концепцию исторического процесса, в котором личность вписывалась в систему мировых отношений и могла быть понята лишь как элемент целого. Сторонники данной концепции придавали принципиальное значение тому пониманию исторического источника и тому методу, которые позволяли интерпретировать исторический источник как средство человеческого общения. Русская и западная историческая наука начала XX в. находилась на этапе взаимного сближения, интеграции. Уже была определена дата реальной, организационно-научной встречи, диалога историков: очередной международный конгресс исторической науки, назначенный на 1918 г. в Петрограде. Символично, что на этом форуме должен был обсуждаться вопрос о признании русского языка как международного. Возможно, что обмен идеями русской и западной науки на этом конгрессе дал бы новые импульсы развитию гуманитаристики.

Дальнейшие события на долгое время изолировали Россию от общемирового интеграционного процесса. Первая мировая война и ее последствия изменили представления о мире и, естественно, не оставили неизменными суждения историков о предмете своих исследований. Идеи единства мирового историческо-

го процесса и влияния событий в нем на судьбу личности проникали в общественное сознание не через университетские аудитории, а из непосредственных жизненных впечатлений и судеб. Это сильно подорвало престиж академической науки в глазах общества. Разочарование в исторической науке, падение ее престижа создало особый неблагоприятный фон для деятельности представителей гуманитарной науки на всем протяжении первой половины XX в. Период 20-50-х годов мог стать для русского источниковедения временем полного отказа от прежних научных идей. Идеологизация и политизация исторических исследований деформировали общественные науки, приведя их в кризисное, по общим оценкам, состояние. В этих условиях не могло не меняться и содержание источниковедения как части исторической науки.

Закрытое общество порождает особые условия функционирования науки и деятельности ученых. Оно препятствует свободному обмену социальной информацией, необходимой для развития сравнительных исследований в гуманитарной сфере. Русское источниковедение по мере возрастания идеологического прессинга 20-х годов попадало во все большую зависимость от этих условий. Осознавая себя продолжателями методологических концепций русской гуманитарной мысли, ученые лишались возможности объективного анализа ее идей и достижений. Рассматривая проблемы русской науки как глобальные, они в то же время не могли систематически обмениваться идеями с западными учеными. Эти обстоятельства оказывали существенное влияние на выбор тематики исследований, методы реализации исследовательских инициатив, способствовали возникновению самоцензуры, ставшей отличительной чертой русской науки. В таких условиях можно было использовать лишь внутренние резервы, изучать ограниченный круг проблем. Другими словами, выбор находился в соотношении с тематикой, которая в силу идеологических установок приобретала некую «актуальность», т. е. оказывалась допустимой или даже поощряемой партийными структурами.

В то же время появилась возможность обратиться к ранее малодоступным документальным источникам преимущественно по истории новейшего времени, историко-революционной тематике XIX-XX вв. Единый культурологический подход к источникам разных эпох, характерный для русского источниковедения, позволял представителям данного научного направления весьма успешно осваивать новые для них источники по историко-революционной тематике (см., например, работы С.Н. Валка, А.Е. Преснякова), истории народов России (в этом отношении представ-

ляет интерес работа Л.И. Андреева по источниковедению народов Севера и Сибири), а также по новейшей истории.

Чтобы оценить ситуацию в целом, важно напомнить, что формирование качественно нового отношения исторической науки к проблематике новейшего времени являлось центральной задачей для общественных наук XX в. Представители традиционных исторических школ профессионально были ориентированы на понимание истории как науки о прошлом. Для них «историческая дистанция» - необходимое условие свободы ученого от политической ангажированности. Временная дистанция давала дополнительные возможности оценить явления в ретроспективе. Соответственно строилась и подготовка историков. Борьба с устаревшим самоограничением историков была длительной. Эмоциональный накал «боев за историю» сам по себе свидетельствовал о трудностях преодоления позитивистских стереотипов. Лишь к середине XX в., пройдя через опыт второй мировой войны, историки и социологи осознали общность стоявших перед ними трудностей и в прямом диалоге начали обсуждать пути их преодоления (пределы «прошлого» и «настоящего»; единство и многообразие приемов научной критики источников ранних и новейших эпох).

В русском источниковедении сложилось иное положение. Заботы о судьбах архивов учреждений, оставшихся без государственного контроля после Октября, возможность изучения ранее закрытых дипломатических договоров и документов политической элиты царизма, интерес к деятельности политических партий и движений, желание понять сущность социальных кризисов современности - все это способствовало росту интереса русских ученых к изучению источников нового и новейшего времени. Однако их ожидали другие «бои за историю».

Дело было в том, что методологический подход, основанный на признании общности свойств источников разных эпох (как произведений общечеловеческой культуры), имеет свое логическое следствие: он предполагает принципиальное единство научно-критических методов анализа документов, оценки их достоверности, точности интерпретации вне зависимости от того, являются ли они фрагментом далекого прошлого или явлением современной политической жизни. В связи с активной разработкой новой социально-политической проблематики (первая половина 20-х годов) в печати появилось немало работ, в которых отстаивались позиции научного, критического подхода к источникам новейшего времени.

Ученые апеллировали к авторитету старых методологов - Э. Бернгейма (Н.Н. Авдеев), Ш. Лангла и Ш. Сеньобоса

(А.И. Тюменев), даже «старика Шлецера» (Н.А. Рожков). Они пытались охарактеризовать и новые методологические работы (С.Н. Балк), обращаясь в поисках убедительной аргументации к лучшим примерам использования источников К. Марксом и Ф. Энгельсом. Свои методы исторического исследования С.Н. Быковский и Г.П. Саар иллюстрировали примерами анализа источников новейшего времени. Ученые рекомендовали использовать документы по истории революционных событий далее в средней школе (Ю.Н. Бочаров). Однако эти призывы не встретили ни малейшего отклика и к концу 20-х годов их бесперспективность стала очевидной. Возведение документов новейшего времени в статус исторических источников не состоялось.

Возможности научной деятельности в данной области в 20-50-х годах были жестко ограничены: оставались лишь частные, отдельные сюжеты, конкретные работы «к вопросу», очерки, в лучшем случае - публикации источников. Альтернативы для ученого не предоставлялось, и условия были приняты. Сами историки-источниковеды готовы были поддержать складывавшийся образ вспомогательных исторических методов, исторической «техники» (которая, как известно, нейтральна по отношению к идеологии) и т. п. Но в науке не существует вспомогательных и мелких сюжетов. Они становятся таковыми, конечно, при отсутствии общих плодотворных идей, перспективы движения науки. Культурологическая же парадигма методологии источниковедения уже оформилась в главных чертах, была интерпретирована в ряде печатных трудов. В перспективе общего конкретное исследование выступало не как фрагмент разрушенной храмины российской истории, но как новый, пусть небольшой, шаг на пути освоения еще одного социального факта, элемента культурного целого мировой истории. При таком подходе можно работать и воспитывать творческих работников в любых обстоятельствах.

История источниковедения и его современное состояние свидетельствуют, что из периода 20 - начала 50-х годов оно вышло способным к возрождению и динамичному развитию. Уже в 50-х и особенно в 60-х годах источниковедение - его теория, преподавание, методы исследования - становится одним из наиболее заметных направлений развития отечественного гуманитарного знания. Именно в это время его все чаще называют наукой об источниках. В русле данного направления анализировались такие фундаментальные для исторической науки проблемы, как природа исторического источника, его место и значение в историческом познании. Источниковедение входит составной частью в междисциплинарные области истории науки, разрабаты-

вает общие принципы подхода к источникам различных эпох, созданных в процессе социальной деятельности человеческих сообществ, развивает методы, охватывающие вещественно-материальную и знаковую, символическую стороны источника как явления культуры. Оно является необходимой основой для современного гуманитарного образования и культуры. Все это заставляет более внимательно отнестись к истории развития источниковедения 20-50-х годов, когда оно вместе со всей русской культурой и наукой переживало труднейший этап своего развития, когда «бои за историю» в русской и западной науке велись раздельно.

Битвы за новую историю, новую историческую науку в принципе шли по главным направлениям: преодоление европоцентризма в сознании историков; преодоление разрыва гуманитарного и естественно-научного знания и методов исследования; распространение научных исследований для изучения ранее неизведанных древнейших и особенно новейших эпох в истории человечества; разработка новых методов освоения бесконечного многообразия видов, типов и форм исторических источников, введение их в научный оборот. Теперь хорошо известно, как это происходило на Западе, как начиная с 20-х годов преодолевались старые стереотипы исторического мышления в трудах Л. Февра, М. Блока, как формировалось новое историческое видение в середине XX в. На Западе оно осуществлялось более открыто и гласно. В России борьба за профессионализм, за достоинство ученого и педагога велась молчаливо. Но, зная действующих лиц, воспринимая методологию источниковедения как особый элемент профессионального ремесла историка, ныне мы можем полнее интерпретировать те немногие события, которые были на виду. Известно, что автором учебника по источниковедению, вышедшего в 30-х годах в Грузии, был М.А. Полиевктов. Если мы вспомним, что он был учеником Лаппо-Данилевского, связь между этими фактами как раз и даст нам возможность более полного понимания судеб методологии источниковедения в рассматриваемый период. Яснее для нас станет и связь между отдельными, казалось бы совсем непохожими, темами, которыми занимался Т.И. Райнов, если мы вспомним, что, будучи еще совсем молодым, он уже писал о методологических трудах Лаппо-Данилевского, исследовал взаимосвязь искусства, науки и познания на философской основе. Трудно представить во всей полноте творчество С.Н. Валка, смысл его обращения в 30-х годах (как бы неожиданного) к происхождению русского частного акта, если не поставить в этот ряд его блестящие «воспоминания ученика», достойного своего учителя; или Б.А. Романова без его речи,

обращенной к учителю; или А.Д. Люблинской и ее «Источниковедения истории средних веков» без связи с ее ранними работами.

В молчаливом сражении за профессионализм историка, за передачу опыта новым поколениям решающее значение имели два обстоятельства: наличие концептуального видения проблемы и возможность ее реализации в преподавании. Нам известно значение методологии источниковедения как концепции, которую ее основатели развивали и интерпретировали, пока имели такую возможность, в печати. Для них весьма характерна и связь с высшей школой, стремление к преподавательской деятельности. И дело не только в передаче знаний, в необходимости формировать интеллектуальную среду, которая, в свою очередь, генерировала бы новые идеи. Университетское преподавание в классическом российском варианте давало возможность охватывать процесс развития науки в целом, обосновывать и соотносить теоретические поиски и исследовательскую практику, улавливать перспективы движения научной мысли. Именно поэтому методология источниковедения и ее преподавание в высшей школе составляют нечто единое. Судьбы университетского образования в России едва не привели к разрыву этого единства.

В 1930 г. произошло важное с данной точки зрения событие - был открыт Московский историко-архивный институт. Его возникновение никоим образом логически не выводится из потребностей исторической науки. Положение, которое она занимала в то время, исключает подобные соображения, тем более что источниковедение с его ригористическими постулатами достоверности и критики всегда препятствует подчинению науки идеологическим стереотипам. Историко-архивный институт был создан в связи с объективной потребностью государственных административных служб в документальном обеспечении управления. Для функционирования политической системы администрации необходимо документационное обеспечение, а для него, в свою очередь, подлинный, а не мнимый профессионализм. Поэтому в самый разгар идеологической борьбы с инакомыслием небольшая группа истинных профессионалов - историков и методологов - была привлечена к преподавательской деятельности в высшем учебном заведении. П.Г. Любомиров (последователь А.С. Лаппо-Данилевского) включил в складывавшиеся планы преподавания полный курс источниковедения. В 1936-1940 гг. курс, читал М.Н. Тихомиров, который привнес в него свое видение проблемы, создав наряду с С.А. Никитиным фундаментальный курс источниковедения отечественной истории. Тихомиров и Никитин рассматривали все важнейшие виды источников с древнейших времен до конца XIX в. На этой основе были созда-

ны учебники, в которых были объединены традиции русского источниковедения и новые идеи.

Ученые исходили из положения, что сначала исследователь должен иметь ясное представление об «источниковедческой ситуации» проблемы в целом и лишь потом - углубляться в частности. Типологический курс источников русской истории читал в Московском университете В.О. Ключевский. Именно знание специфики источников русской истории позволяло проводить источниковедческие исследования по видовому принципу. Необходимость изучения источников по всей их совокупности обосновывал, как мы знаем, еще в 80-х годах прошлого века К.Н. Бестужев-Рюмин. М.Н. Тихомиров и С.А. Никитин вполне в традиции русской источниковедческой методологии создали целостную картину, обозначили «источниковедческую ситуацию» русской истории. Данный подход ценен еще и тем, что позволяет установить, как представляет себе историческая наука в тот или иной период совокупность своих источников. Учебник М.Н. Тихомирова с этой точки зрения стал важным шагом вперед: в нем дается необычайно широкая источниковедческая основа отечественной истории, в научный оборот вводятся целые комплексы источников по истории народов СССР с древнейших времен до конца XVIII в. С.А. Никитин в своем учебнике представил совокупность источников по истории России XIX в.⁵⁰ Он теоретически обосновал принятый принцип рассмотрения источников, справедливо отметив, что именно типология дает возможность раскрыть условия формирования видовых свойств источников в длительной исторической перспективе. В настоящее время стало очевидно, что именно видовой типологический принцип оптимально соответствует исследовательской цели - системного осмысления культуры - материально фиксированного (в источниках) образа коэксистенциального и эволюционного единства человечества. Источники в их видовой специфике представляют собой проекцию изучаемой культуры в пространстве и дают возможность проследить их эволюцию во времени, они несут информацию о функционировании социокультурной общности, страны, этноса, о структурах и способах функционирования системного механизма.

ГЛАВА 13

Источник как явление культуры

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ разработка концепционных положений источниковедения особенно усилилась, когда в Историко-архивный институт в 1943 г. пришел А.И. Андреев, вскоре возглавивший кафедру вспомогательных исторических дисциплин. В 1940 г. вышел в свет его выдающийся источниковедческий труд - монография «Очерки по источниковедению Сибири»⁵¹. В этом труде реализованы принципиальные положения методологии источниковедения петербургской школы: подход к историческим источникам как к явлениям культуры, рассмотрение вещественной и знаковой сторон источников, разработка видовых методов тончайшего критического исследования русских картографических, письменных, изобразительных и других источников в сравнительной перспективе. А.И. Андрееву удалось привлечь к разработке проблем методологии источниковедения и концепции курса значительные творческие научные силы, создать оптимальную структуру общего курса источниковедения. Вместе с В.К. Яцунским он занялся проблемой взаимодействия естественно-научных и гуманитарных аспектов в исследовании и преподавании источниковедения и исторической географии. Особенно важное значение имела разработка курса источниковедения отечественной истории новейшего времени, начатая по инициативе А.И. Андреева и М.Н. Черноморского, а также курсов и семинаров по дипломатике (актовое источниковедение), проведенная А.А. Зиминим, курса Л.В. Черепнина по источниковедению.

В это время изменялись сложившиеся стереотипы массового сознания. Технократические перспективы прогресса мировой цивилизации воспринимались более критично, нежели ранее, яснее вырисовывались опасные тенденции дегуманизации науки и развития общества в целом. Накопление нового социального опыта, введение в научный оборот источников, ранее не привлекавших к себе внимания профессиональных историков, изменившиеся представления о роли исторического знания и роли историка в процессе исследования - все эти новые проблемы настоятельно требовали теоретического обобщения, широкого обсуждения. Методологические дискуссии, развернувшиеся на Западе после выхода в свет книг М. Блока «Апология истории» и Р. Дж. Коллингвуда «Идея истории», огромный общественный интерес к работам об историческом познании, к новаторским трудам историков школы «Анналов» - свидетельства возрастания историзма общественного сознания.

Окончание второй мировой войны изменило общую политическую и культурную ситуацию в мире, позволило историкам по-иному осмыслить предмет и методы своей науки. В центре методологических дискуссий конца 40 - начала 50-х годов оказались вопросы исследования современной цивилизации. Сравнительный анализ различных подходов, приемов исследования, возможностей междисциплинарных контактов осознавался как результативный путь формирования новой социальной науки. В этих обстоятельствах жизнь за «железным занавесом» в искусственной изоляции от мировой культуры прошлого и современности воспринималась русским источниковедением особенно остро. Ученые всячески стремились выйти из сложившейся ситуации. Например, Л.И. Андреев, знакомя студентов Историко-архивного института с работами А.С. Лаппо-Данилевского, открыто утверждал, что наука неделима и что необходимо знать новые достижения западных ученых.

В условиях нарастающего идеологического давления А.И. Андреев отстаивал свои научные убеждения, боролся против изоляции отечественной науки. Он публиковал труды, в которых рассматривал традиционные научные связи России и Запада, использовал новые данные об этом в педагогической работе. По его предложению кафедра включила в свои планы серию докладов о трудах западноевропейских и американских ученых, представлявших интерес для изучения источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Кафедра даже решила просить дирекцию об установлении контактов с соответствующими по профилю западноевропейскими и американскими научными учреждениями.

А.И. Андреев оставался тверд в отстаивании своих научных и нравственных приоритетов. Позднее его борьба за свободу научной мысли в современной историографии вполне справедливо сравнивалась с борьбой, которую в те же годы в области естествознания, биологии, генетики самоотверженно вели В.И. Вернадский, Н.И. Вавилов, Н.В. Тимофеев-Ресовский. Лишенный возможности работать на кафедре, А.И. Андреев был вынужден уехать из Москвы. Вслед за ним кафедру оставил Л.В. Черепнин, а позднее В.К. Яцунский.

Обсуждение методологических проблем в России конца 40-х годов носило, по понятным причинам, односторонний, идеологизированный характер. Но это не должно полностью увести нас от существования обсуждаемых проблем и достигнутых результатов. Теоретические проблемы источниковедения и конце 40 - начале 50-х годов подробно рассмотрены в ряде трудов Л.В. Черепнина. Чтение курсов источниковедения в Историко-архив-

ном институте, разработка концепции источниковедения и программы курса, создание учебных пособий по палеографии и другим историческим дисциплинам позволили ученому обратиться к проблемам теории. Для русского источниковедения традиционным был сравнительный подход к проблемам теории и методологии исторического исследования. Как указывалось выше, еще К.Н. Бестужев-Рюмин в полемике с английским историком В. Фрименом изложил свою точку зрения на необходимость цельного подхода к изучению источников. А.С. Лаппо-Данилевский противопоставил концепцию методологии источниковедения «как цельного, систематического учения» идеям Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, Э. Фримена, Э. Бернгейма. Он фактически вовлек в научный спор всю методологическую философскую литературу по проблемам исторического познания.

Л.В. Черепнин развивал свои представления об источниковедении и, особенно, об историческом источнике в полемике с идеями Л.С. Лаппо-Данилевского. Черепнин, по существу, также исходит из концепции источниковедения как целостного и систематического учения. Он принимает и основные идеи общего метода критики, интерпретации, источниковедческого синтеза. Основные возражения он высказывал по вопросу о природе исторического источника, который основатель данной методологии определял как «реализованный продукт человеческой психики». Черепнин определял источник как явление культуры. Но он существенно дополнил представление о природе источника, определяя его как историческое явление, как продукт общественной борьбы и социальных противоречий эпохи. Источник реализуется не таким, каким человеческая психика его замыслила, но несущим на себе отпечаток среды его возникновения. Не случайно и главный труд - «Русские феодальные архивы» Черепнина основан на том корпусе источников, которые ему вслед за автором «Очерков русской дипломатики частных актов» тоже представлялись наиболее перспективными как источники, а именно на государственно-правовых и частноправовых актах XIV-XVI вв. Видовые методы их исследования разработаны им в соответствии с теоретико-методологическими концепциями, созданными русским источниковедением⁵².

Бесспорным свидетельством развития источниковедения в 20-50-е годы является то, что в это время продолжали создаваться учебные пособия, дававшие обобщенную картину источников целых исторических эпох. Учебники М.Н. Тихомирова и С.А. Никитина, как уже отмечалось, стали своего рода образцом издания, совмещавшего высокий профессионализм и четкость критериев отбора источников, ясность изложения. Данное на-

правление находит свое продолжение. А.Д. Люблинская подготовила учебник «Источниковедение истории средних веков»⁵³. При А.И. Андрееве в Историко-архивном институте был задуман и позже реализован проект - учебник по источниковедению истории советского периода, изменивший само отношение к преподаванию данного курса. Освоение источников нового и новейшего времени началось в 20-е годы с источников революционного и политического движения в России и на Западе.

Одной из первостепенных задач в работе А.И. Андреева на кафедре было развитие источниковедения истории советского общества как особого направления, а также соответствующего лекционного курса, в котором можно было бы широко использовать документы современности. Он пригласил на кафедру специалиста в области советской статистики М.Н. Черноморского.

Заложенное в новой концепции единство подхода к источникам ранних эпох и современности открыло возможности обращения к нетрадиционной проблематике. Тем самым преодолевалась привычная для менталитета историков временная дистанция, якобы необходимая для изучения событий современности, а с нею представление об истории как науке о прошлом. Документы, еще не вышедшие из политической, социальной, культурной жизни и практики, уже могли интерпретироваться как источники, требующие критического анализа и верификации. Для идеологизированного общества 30-50-х годов обращение к руководящим политическим документам как к историческим источникам было открытием. В этом имплицитно содержалась идея возможности критического отношения к этим документам, вокруг них исчезал ореол вневременности и абсолютности.

С началом «оттепели» в середине 50-х годов обращение к вопросам источниковедения новейшего времени стало достоянием научной общественности. В 1957 г. состоялась научная дискуссия в Историко-архивном институте, посвященная вопросам критики исторических источников. В центре внимания оказался, как и следовало предполагать, прежде всего принципиальный вопрос - о правомерности применения к источникам советского периода методов научной критики и интерпретации. Вызвавшая поначалу психологический шок у идеологизированной аудитории, привыкшей к апологетической, вневременной, абсолютизированной трактовке любого советского документа, новая постановка вопроса в условиях ослабления идеологических запретов постепенно осваивалась в обществе. Большой интерес в этой связи вызвала работа В.П. Данилова и С.И. Якубовской, посвященная теории источниковедения новейшего времени.

В последующие годы предмет, задачи источниковедения нового и новейшего времени, специфика источников (например, можно ли считать мемуары историческим источником) обсуждались более конкретно. Проблеме преподавания источниковедения новейшего времени посвящались дискуссии в ведущих исторических изданиях начала 60-х годов.

Накапливался материал о приемах источниковедческого анализа новейших документов, о принципах их научной критики, об основах классификации. Русские источниковеды долгое время были лишены возможности свободно использовать традиции источниковедческой мысли, открыто дискутировать по проблемам своей науки. Между тем известно: сопоставление позиций пробуждает мысль, позволяет яснее высказать то новое, что видит ученый, под иным углом рассматривая проблемы своей профессиональной деятельности. Ведь именно в полемике с догмами позитивистской методологии истории утверждал свое видение исторического метода Л. Февр. В свою очередь, и его позиция, и суждения Ланглуа и Сеньобоса стали предметом сравнительного изучения для следующего поколения, открывшего у Ланглуа и Сеньобоса немало ценного. В споре с позитивистскими методами «плохого детектива» утвердил Марру свое представление о месте историка в процессе познания.

Сравнительный подход к изучению теоретико-методологических проблем источниковедения стал более успешно развиваться с начала 60-х годов, когда появилась возможность обсуждения идей и положений русских методологов прошлого и современных западных ученых.

ГЛАВА 14

Теоретические проблемы
источниковедения.

Источниковедческие проблемы наук
о человеке

1. От исторического источниковедения
к методологии гуманитарного
исследования: проблемы теории

В 60-70-х ГОДАХ сформировалось особое направление, в центре внимания которого находились теоретические проблемы источниковедения. В настоящее время оно представ-

лено рядом монографических исследований, учебных пособий, научных публикаций. Это направление отличает междисциплинарный подход (природа исторического источника рассматривается в трудах историков, исследователей истории науки и техники, философов, социологов, исследователей материальной культуры и др.). Характерно также применение сравнительного подхода при анализе проблем теории, истории и методов источниковедения (труды Г.М. Иванова, Б.Г. Литвака, О.М. Медушевской, А.П. Пронштейна, Л.Н. Пушкарева, А.Т. Николаевой, В.И. Стрельского, С.О. Шмидта и других ученых). В центре дискуссии - методы исторического исследования в их сравнительно-историческом развитии и в современном состоянии, природа исторического источника, соотношение источника и социальной реальности, диалектика субъективного и объективного в процессе социального познания.

В последующие десятилетия сопоставительный подход все шире использовался учеными для разработки проблем истории источниковедения XVIII-XIX вв., анализа развития перспектив современного источниковедения, классификации исторических источников, приемов источниковедческого анализа и синтеза. Современное исследование теоретических проблем источниковедения опирается на метод сравнительного анализа подходов к проблемам соотношения субъекта и объекта в историческом познании, анализа западной новой исторической школы в контексте реалий социального развития и гуманитарной мысли XX в. Долгое время развивавшиеся в условиях изоляции и противостояния русская и западная мысль обрели к концу XX в. возможности интеграции.

После первой мировой войны общественный статус исторической науки и престиж ученого гуманитарного профиля претерпели резкие изменения, что было связано с разочарованием в прогнозирующих возможностях исторической науки и социальных наук в целом. На этом фоне негативного отношения масс к духовным ценностям исторического прошлого профессионалы-гуманитарии обратились к критическому переосмыслению традиционного исторического метода, неэффективного, по крайней мере так казалось тогда, для адекватного восприятия современного процесса с его ошеломляющими социальными сдвигами глобального масштаба. Естественно поэтому, что переосмыслению и критической переоценке в первую очередь подверглись традиционные представления об историческом документе, путях достижения исторической истины, упрощенные суждения о соотношении исторического источника и факта социальной действительности.

Борьба выдающихся французских историков, основателей школы «Анналов» Л. Февра и М. Блока за расширение проблематики исследований, обновление понятийного аппарата исторической науки, против сухой описательности «историзирующей истории» сопровождалась нападками на эрудитскую историографию и ее жесткие и требовательные принципы изоцированной внутренней и внешней критики средневековых текстов. Знаменитая формулировка Ланглуа и Сеньобоса о том, что «история пишется по документам», подверглась пересмотру, прежде всего с позиции того, что историк должен опираться на более широкую базу источников, отнюдь не только письменных, использовать данные других наук. Он должен, как писал Февр, уметь «использовать все, что было у человека, зависело от человека, было придумано или обработано им, свидетельствует о его присутствии, пристрастиях, образе жизни человека»⁵⁴.

Новые проблемы требовали новых подходов, обращения к сложным социальным фактам. Если позитивистские приемы выработывались в ходе анализа событийных фактов, деятельности выдающихся исторических личностей, внешнего хода политической истории, то история нового типа требовала анализа и обобщения фактов, не находящихся непосредственного отражения в источниках, связанных с изменениями общественного сознания, крупными социальными конфликтами, глубинными мотивами человеческого познания. «Исторический метод, филологический метод, критический метод - все это превосходные точные инструменты. Они делают честь как их создателям, так и тем поколениям тружеников, которые получили их от своих предшественников и сумели усовершенствовать в процессе труда»⁵⁵, - писал Л. Февр позднее, после окончания второй мировой войны, призывая историков новых поколений идти дальше, - не только уметь пользоваться этими методами, но проникаться общечеловеческой сутью истории, разбираться в сокровенном смысле человеческих судеб. Основатели школы «Анналов» в своей критике позитивистского подхода стремились побудить историков к отказу от устаревшего, догматичного, сохранив в то же время высочайший профессионализм. К сожалению, для историков более молодого поколения, обратившихся к занятиям историей в 20-е годы, этот насмешливый негативизм по отношению к специалистам, «восседающим на исполинской гряде старинных бумаг» или «просто переписывающим источники», мог означать вовсе не переход к новому уровню исторического познания, а более простой путь: отказ от столь трудоемкого академического профессионализма. В 20-30-е годы утрата академического профессионализма, «академической выучки» оказалась вполне реальной,

Недооценка профессионализма самым непосредственным образом сочеталась с призывами к актуализации проблематики исторических исследований обращением к истории современности, отстранением прежней университетской профессуры от преподавательской и исследовательской научной работы.

Глобальный кризис духовной культуры 30-40-х годов поставил историческую науку на грань выживания. Под сомнением оказалась ее необходимость для общества, ее место в образовании, сам смысл ее существования. Если в конце XIX в. вопрос о том, необходима ли история, представлялся Ш. Сеньобосу «праздным» ввиду полной очевидности ответа, то в годы второй мировой войны М. Блок начал свою знаменитую «Апологию истории» именно с этого актуального вопроса: зачем история? Нужна ли она в столь тяжкое время? Таким образом формируется исследовательская проблематика, охватывающая «все» (тотального) человека, «все стороны жизни человека и общества, в том числе и такие, которые, казалось бы, не имеют или почти не имеют истории... Речь идет о ментальных, демографических структурах, технологических приемах».

Но обогащение исследовательской проблематики - только одна сторона проблемы взаимодействия наук. При этом не снимаются методологические трудности, а скорее добавляются к ним новые. Дело в том, что науки, такие как антропология и социология, использующие методы полевых исследований, большое внимание уделяют интеракционному взаимодействию. Вряд ли возможно избежать влияния наблюдателя на ход беседы, достигнуть желаемого уровня достоверности полученных данных. Историк, проецируя на материал своих источников актуальную для науки о человеке проблематику, оказывается вовлеченным и в соответствующие интерпретационные рефлексии. Между тем данные методологические рефлексии по существу выходят за пределы его профессионального опыта. Анализируя сложный и противоречивый процесс формирования новой науки о человеке и раскрывая возможности истории в междисциплинарных контактах и взаимодействиях, исследователи справедливо задаются вопросом: «Каким образом история может, заимствуя их (других наук) приемы и методы, обогащаясь за их счет, привлекая их на свою сторону, не утратить своей специфики, остаться наукой исторической?» Сама постановка подобного вопроса ясно указывает на уже осознанную потребность обратиться к проблематике методологии истории.

В полемике, нашедшей свое отражение на страницах научной печати, историки-профессионалы не смогли выдвинуть принципиально новых идей в методологии исторического ис-

следования. Более того, некоторые из них прямо утверждали, что, негативно относясь к новым интерпретационным методам для понимания прошлого, видят опасность утраты позиций объективности исторического познания, в вопросах достоверности научного знания солидарны с позитивистскими методологами. Таким образом, к середине XX в. разрыв между профессиональной исторической наукой и философией истории сохранялся. Вопрос о том, что, собственно, выступает в качестве реального объекта исторического познания, имеют ли исторические источники какие-либо объективные свойства, в каких направлениях можно совершенствовать методологию исторического исследования, в рамках неокантианской методологии остается открытым. Между тем для решения новых задач глобальной истории наука остро нуждается в притоке новых данных.

Дефицит эмпирического материала новая историческая наука, функционируя в рамках неокантианской концепции, предполагает получить, так сказать, в готовом виде, из других гуманитарных и даже негуманитарных наук. С середины XX в. на расширение временных, региональных, и прежде всего культурологических, горизонтов гуманитарного знания влияют антропология и этнология. «В 60-е годы социальная антропология, приобретшая широкую известность благодаря трудам Леви-Строса, бросила историкам форменный вызов», - вспоминает Ж. Дюби. Антропология открыла свои пути к отысканию общих законов функционирования человеческого разума, культуры, свободных от сословных или этнических ограничений. Под ее влиянием расширилась проблематика изучения традиционных типов не только первобытных, но и европейских культур, семьи и дома, крестьянского быта, празднеств, народных ремесел и искусства. Углубляя взаимодействие с антропологией, этнологией, социологией, историческая наука расширяет свою проблематику,

Как уже отмечалось, в процессе преодоления позитивистской парадигмы, ориентированной на эмпирическую данность объекта, историческая наука XX в. испытала сильнейшее воздействие парадигмы неокантианской. Именно в ней виделась возможность достижения нового качественного уровня: проблематика исторических исследований расширялась прежде всего благодаря мощному интеллектуальному прорыву, преодолевавшему и неизученность тематики, и пробелы в источниках. «Анналы» перевернули историографию сочетанием трех основных идей: критикой отношения между историком, историческим памятником и историческим фактом»⁵⁶. Нельзя, однако, рассматривая развитие исторической науки вплоть до настоящего времени, не отметить, что методологические рефлексии о природе истори-

ческого познания отнюдь не были в центре внимания историков-профессионалов. Весьма долгое время они пребывали в убеждении, что данная проблематика прямого отношения к ним не имеет. В свое время А.И. Марру обращался к историкам с призывом изживать позитивистское предубеждение против проблематики философии истории. Он сравнивал профессионала, не интересующегося методологией исторического знания, с рабочим, который не в состоянии ни починить, ни усовершенствовать свой станок. Правоту этих слов профессиональные историки оценили далеко не сразу.

2. Междисциплинарная проблематика источниковедения: источник, текст, произведение, автор

В 1988-1989 гг. на страницах журнала «Анналы» развернулась широкая дискуссия о проблемах метода исторического познания. Начало ей положила редакционная статья под названием «История и социальные науки: переломный этап». Корни кризиса социальных наук авторы видели в утрате влияния таких, ранее интегрировавших науки методологий, как марксизм, структурализм и клиометрия. В качестве наиболее заслуживающих обсуждения вопросов были названы: адекватность знаний о прошлом реальности прошлого; смысл междисциплинарного синтеза, пути к пониманию внутренней целостности изучаемых обществ. Иначе говоря, была констатирована необходимость безотлагательного обсуждения основных аспектов эпистемологии исторического (и шире гуманитарного) познания. Подчеркнем, что в рамках неокантианской парадигмы, ориентированной на предельную активизацию интеллектуальных возможностей субъекта (исследователя), с одной стороны, возможны научные результаты конкретного исследования, однако, с другой стороны, нельзя не видеть, что именно данная методологическая установка ограничивает возможности достижения исторического синтеза (поскольку синтез остается, как сказал когда-то Л.П. Карсавин, «всегда делом историка»). Итак, остаются нерешенными проблемы общезначимого исторического синтеза, «смысла» междисциплинарного подхода, поскольку, в принципе, междисциплинарный подход результативен при четком определении объекта, на который данный подход направлен. Но в неокантианской парадигме объект научного изучения не определен.

Особый интерес для гуманитарного знания в XX в. представляет ситуация в литературоведении и обозначившийся относительно недавно взаимный интерес исторической науки и литературоведения. Надо отметить, что филология и историческая наука изначально имеют общие истоки, и долгое время они развивались во взаимодействии. Литературоведение и историческую науку сближает общий интерес к исследованию реальных объектов, произведений культуры. В России со времени возникновения источниковедческой парадигмы методологии истории (конец XIX - начало XX в.) прослеживается живое творческое общение историков и филологов. Обращенность к изучению конкретных произведений характерна для методологии гуманитарного познания А.С. Лаппо-Данилевского и других представителей данного культурологического направления (С.Ф. Ольденбург, И.М. Гревс, А.А. Шахматов), разделявших принцип «признание чужой одушевленности» как системообразующий в гуманитарном познании и исследовании культуры.

Литературоведение XX в., в отличие от исторической науки, характеризуется пристальным вниманием к проблемам методологии гуманитарного познания. От изучения произведений в их жанровой типологии исходит поворот к более глубокому анализу текста, передаче устной речи в письме и к исследованию восприятия текста его читателем. Французский литературовед, исследователь языков культуры Р. Барт (1915-1980), работавший на стыке литературы, лингвистики, семиотики, глубоко проанализировал письмо как знаковую систему и отношение между субъектом письма и языком. Литературоведение, опираясь на достижения лингвистического анализа, обратилось к более глубокому исследованию межличностного, междисциплинарного общения. В процессе коммуникации сообщение говорящего субъекта и его восприятие собеседником не адекватны. Р. Барт в данной связи отмечает значения лингвистических идей для анализа литературного дискурса. Более углубленный и тонкий анализ существа взаимодействия между произведением, текстом, читателем может быть осуществлен при условии междисциплинарных исследований, использующих приемы различных наук. «Работа идет на стыке дисциплин, давая и новый взгляд на понятие произведения», - писал Р. Барт в одном из своих ключевых произведений⁵⁷.

Исследование отношения писателя с читателем проблема не только исключительно литературоведческая. Историк, работающий с источником, всегда предполагает наличие определенного разрыва, несовпадения смысла суждения автора источника и его современного восприятия. Достаточно вспомнить, что в мето-

логии позитивистского источниковедения интерпретации уделяется очень большое значение. Интерпретация в контексте такого анализа есть установление смысла, который вкладывает автор источника в свое произведение, в каждое свое суждение. Проблема состоит не в том, что историк не знает этой дистанции между ним и автором сообщения, поступающего к нему из другого времени и другой культуры. Она заключается в том, что, отказавшись от методологической рефлексии по поводу своего исследовательского метода, историческая наука XX в. не продвинулась в данном направлении, не выработала нового языка, понятийного аппарата, специально не рассматривала вопросов методологии. Результатом стало сложившееся ныне положение. Надо постараться лучше понять, что именно возможно взять из достижений современного литературоведения и в то же время не менее важно понять и то, в чем цели интерпретации исторического текста (для нужд историка) отличаются от целей интерпретации смыслового общения читателя литературного произведения и его автора.

Обращаясь к собственно литературоведческим аспектам проблемы текста и его восприятия (и в то же время, конечно, культурологическим, междисциплинарным), следует особо отметить то огромное, первостепенное значение, которое в рамках данного направления придается феномену языка. В поисках цельного видения культуры, которое является для современного гуманитарного знания наиболее сложной проблемой, язык может представляться едва ли не единственной связующей людей нитью. Достижения современной гуманитаристики в области изучения языка, значений и, шире, языков культуры оказались особенно интересны и перспективны. Историческая наука и другие направления гуманитаристики - это взаимодействующие и не отделенные друг от друга сферы деятельности. Поставив в центр внимания феномен текста и его восприятия читателем, лингвистическое направление вышло за пределы исследования собственно литературных текстов и обратилось к более широким исследованиям всего пространства современной культуры.

Важно отметить такую особенность литературоведения, которая дала данному направлению возможность выйти на уровень феноменологического подхода к исследованию отношения субъекта и объекта гуманитарного познания. Для феноменологии Э. Гуссерля важна не эмпирическая данность объекта (как для позитивизма) и не познавательная деятельность субъекта, в сознании которого возникает цельность, отсутствующая в тех фрагментах реальности, которые он переживает в своем сознании (как для неокантианской философии). Для феноменолога им-

пульс должен исходить от объекта, и главное внимание данная философская парадигма придает проблеме взаимодействия, предметного мышления, осмысления свойств объекта в познавательной деятельности исследователя. Для гуманитарных наук самодостаточность объекта принципиально важна. У литературоведения изначальным преимуществом является то, что оно ориентировано на объект-произведение (литературы прежде всего). В дальнейшем от произведения литературоведение обратилось (под влиянием лингвистики и психоанализа) к тексту, к его более глубокому прочтению. Соотношение произведения и текста есть ключевая проблема, поскольку соотношение «текст-произведение» не утрачивается, не растворяется в сознании субъекта, а все более глубоко исследуется.

Деррида говорит о тексте, но по существу область его исследования - это область соотношения произведения и текста. Определяя собственный подход как феноменологический, Деррида вполне точно очерчивает то исследовательское поле, ту эпистемологическую ситуацию, которые включают объект исследования, и рассматривает прежде всего сам процесс интеллектуального импульса, который генерирует новое знание об объекте. Мы видели, говоря о феноменологическом подходе к произведениям (источникам) в источниковедческой парадигме методологии истории, данную исследовательскую, эпистемологическую ситуацию. «На первом этапе я действовал как феноменолог, - пишет Деррида, - исходной концепцией для меня было понятие «идеального объекта», т. е. объекта, обладающего особым интенциональным измерением, что дает возможность повторяться, не утрачивая своей специфичности, в ряде различных действий и форм». Ученый видит в качестве изучаемого объекта текст, причем понимаемый достаточно широко. Один и тот же лингвистический феномен может рассматриваться как литературный и в то же время как нелитературный текст - все зависит от того, в каком историческом, институциональном условном контексте он оказывается. Говорить о том, что существуют тексты по существу литературные, что есть суть литературы, считает он, методологически неверно. Столь же неверно, как четкое разграничение исторических и неисторических событий. Столь широкое понимание лингвистического текста, как объекта научного исследования, которое обосновывает Деррида, представляется весьма близким к пониманию феномена исторического источника, данного в свое время в методологии источниковедческой феноменологической парадигмы.

Данное сближение исследовательских представлений об объекте гуманитарного познания объясняется сущностной приро-

дой человеческой деятельности. Развивая данный подход, вполне логично считать, что любое человеческое произведение (созданное целенаправленно и в этом смысле творчески) несет в себе для другого человека сообщение, которое может быть воспринято. Вероятно, именно это объективное свойство произведений (изделий), созданных человеком и воспринимаемых другим человеком, осмысливается и рассматривается литературоведением в широком смысле как «текст». Так, Деррида утверждает: «Для меня текст - безграничен. Это абсолютная тотальность: «нет ничего вне текста». Допустим, этот стол для меня - текст. То, как я воспринимаю этот стол - долингвистическое восприятие, - уже само по себе для меня - текст»⁵⁸. Таким образом, историк, осмысливающий природу социальной информации, которую он воспринимает через исторический источник, и, с другой стороны, литературовед, исследующий природу информации, воспринимаемой через посредство литературного текста, выходят за пределы узкопрофессиональных исследовательских целей и задач, обращаясь к проблематике эпистемологии гуманитарного познания как такового. С данной точки зрения нынешнее сближение историко-источниковедческого и современного литературоведческого исследовательских подходов представляется весьма перспективным. Поставив вопрос таким образом, можно лучше понять, что историческая наука, и особенно ее источниковедческое (и отчасти историографическое) направление, накопила весьма значительный конкретный опыт общегуманитарного эпистемологического значения. Достаточно вспомнить, например, дискуссии отечественных историков о том, являются ли художественные произведения историческим источником и какую именно информацию несут они, будучи исследованными в этом качестве. На данном направлении междисциплинарных исследований источниковедов и искусствоведов ждут весьма перспективные эпистемологические открытия.

3. Источник как антропологический ориентир гуманитарного знания

При всем различии философского содержания, конкретного наполнения самого понятия «текст» в современном литературоведении и в исторической науке прошлого нельзя, однако, не заметить, что девиз «Нет ничего вне текста» странным образом, при всей своей эпатажирующей новизне и своеобразии повой интерпретации, почти буквально воспроизводит любимые историками-позитивистами высказывания типа «Тексты,

ничего кроме текстов!». Современные гуманитарии после всех филиппик против узости позитивистского догматизма в изучении именно письменных текстов, кажется, готовы признать, что каждый источник - это прежде всего текст, а без него - без кода, без сообщения, без восприятия, каким же может быть гуманитарное познание? В сообществе историков, столь активно отрекавшихся ранее от знаменитой формулы позитивизма, происходит, по-видимому, некоторый поворот к объекту гуманитарного познания, к источнику. Уместно здесь привести свидетельство исследователя развития исторической мысли Ж. Дюби, который отмечал поворот, происшедший в сознании историков. Он прямо называл такой феномен, как «изменение отношения к тому, что мы называем «источником»»... Возникает понимание того, «что полное знание фактов недостижимо, что единственная доступная им реальность заключается в документе, в этом следе, который оставили после себя события прошлого»⁵⁹. Дюби связывал данную плодотворную тенденцию в настроениях историков влиянием различных факторов, среди которых немалую роль играли успехи археологии. Они давали в распоряжение исследователей совершенно новые реальные объекты - памятники материальной культуры, более полно отражавшие историю повседневности, позволявшие переосмыслить социальную информацию ранее известных письменных источников по истории европейского средневековья.

Ж. Дюби отмечал еще одно свидетельство изменений в научном сообществе историков - активное обновление области так называемых вспомогательных исторических дисциплин, преподаваемых в Школе хартий. «Эта плодотворная тенденция, - писал Дюби, - эта решимость обращаться к необработанному документу как носителю определенной знаковой информации возникла в значительной степени под влиянием успехов семиотики в 70-х годах». Возрождение интереса к историческим дисциплинам, традиционно воспринимаемым как вспомогательные в инструментарии историка, - весьма знаменательный и важный признак изменений, прежде всего в области междисциплинарных взаимодействий гуманитарного знания. Ведь одна из главных эпистемологических проблем познания человека состоит в преодолении традиционного разграничения разных аспектов человеческой жизнедеятельности и творческой деятельности. Очень трудно выработать такие подходы, которые охватывали бы взаимодействие биологической, материальной, духовной, эколого-географической сторон человеческой природы в их реальном соотношении, в их проявлении - одной через другую. Вместе с тем многоаспектные дисциплины, которые традицион-

но называют вспомогательными историческими, накопили ценный опыт подобных исследований, выработали оригинальные прикладные методы соответствующих исследований. Каждая из них имеет своим предметом такие свойства источников, которые выражают сложные взаимосвязи - вещественного и духовного, социального и психологического, культурного и природного в человеке и в его изделии, произведении.

Распространение новых приемов критики текстов за пределы собственно художественных произведений оказало непосредственное влияние на методологию исторического исследования. В качестве объекта критического анализа при этом выступает произведение историка, тот труд, в котором он обобщает результаты своего научного исследования. Такое сочинение, повествование данным направлением рассматривается как «исторический нарратив». В 70-90-х годах возникает направление «интеллектуальной истории» или «метаистории». Основное внимание данное направление уделяет эпистемологическому аспекту проблемы - соотношению произведения историка, исторического нарратива с объективной реальностью прошлого. Имеет ли историк право говорить «от имени прошлого», утверждать объективность своего видения образа прошлого? Таким образом, методологические рефлексии о профессии историка, о том, как обстоит дело с объективностью исторического познания, каковы способы ее достижения - все эти фундаментальные теоретико-познавательные проблемы науки, долгое время не вызывавшие интереса профессионалов-историков, теперь выступили на первый план. Надо отметить, что в силу сложившихся стереотипов мышления и образования историков-профессионалов ряда предшествовавших поколений, постановка эпистемологических вопросов застала их, по существу, неподготовленными.

Лингвистический поворот в историографии последних десятилетий расколол научное сообщество на историков традиционного (негативно настроенного по отношению к методологическим рефлексиям) мировоззрения и философски-ориентированных новых интеллектуальных историков, относящихся к традиционализму весьма критически. Данный интеллектуальный поворот произошел в условиях, сложившихся, так сказать, извне - в других областях гуманитарного знания, прежде всего в литературоведении и лингвистике. На философском, эпистемологическом уровнях было выработано представление о тексте, о его читателе, об определенном типе культурной коммуникации и об общих свойствах литературно-художественных, научных, вербальных и даже невербальных текстов вообще с данной точки зрения. В этом направлении первостепенное значение принад-

лежит понятию деконструкции как особому методу анализа текста. Исследование научных или философских текстов привело основателя деконструктивизма Ж. Деррида к убеждению в том, что в любом тексте присутствуют стереотипы, формальные клише, принимаемые как аксиомы, как некая данность. В тексте используются аксиоматические категории, некритически воспринятые термины, в которых выражена идеология, образовательный уровень, оценочные суждения и предрассудки. Целенаправленный анализ словоупотреблений, стереотипных выражений, идеологических клише рассматривается как главная задача деконструкции текста. Цель при этом состоит в достижении независимости мышления исследователя, в формировании особого стиля критического восприятия сообщения, в борьбе с догматизмом собственного и авторского мировосприятия. От критики в более узком смысле как анализа текста литературно-художественных произведений деконструктивизм выходит на уровень метакритики, разбора философских, литературно-критических, психоаналитических трудов. Данный подход затем обратился к историческому нарративу. Новые интеллектуальные историки занялись исследованиями в области «метаистории», стремясь выявить своеобразие логики именно исторического нарратива. Теории и методы, заимствованные из современного литературоведения, оказали существенное влияние на состояние исторического знания. Прежде всего, они вывели научное сообщество историков из состояния равнодушия по отношению к собственной профессиональной методологии. Предпринятое новыми интеллектуальными историками глубокое, бесконечное (в духе Р. Барта) прочтение текстов исторического нарратива (например, исторических произведений, посвященных Великой Французской революции), безусловно, оказало на историков определяющее воздействие. В центре внимания находится научный текст, его компоненты, стилистика, типы и особенности высказываний, терминологии, соотносительность темы исследования и социальных условий ее создания, соотношение основного текста и научного аппарата, множественность «голосов», звучащих в тексте, структура и развитие сюжета. На самосознание историка значительно влияет акцентируемый, в духе лингвистического поворота к историческому нарративу, анализ коммуникации авторского текста и читательского восприятия. Сам момент предъявления (репрезентации) исследования в его структуре, языке, способах установления понимания автором и предполагаемым читателем, само творческое соучастие читателя в восприятии авторского текста и в восстановлении намерений автора - все эти моменты творческого процесса, обычно остающиеся на периферии созна-

ния, при таком подходе приобретают особую значимость. Каждый из актов творчества и способ культурной коммуникации пристально исследуются и анализируются, выявляя свою самодостаточность. Будучи заявленными в качестве предмета специального исследования при анализе исторического нарратива, методологические аспекты творчества и его репрезентации неожиданно для историка становятся информативными и социально- и культурно-значимыми. Под увеличительным стеклом нового интеллектуального аналитика выявляются наиболее уязвимые стороны исторического нарратива. С другой стороны, по-новому видится отнюдь не вспомогательное, но самодостаточное значение таких форм работы историка, как выявление терминологии источников, хронологических и региональных рамок бытования речевых стереотипов, реальность или условность их интерпретаций и многое другое.

Феномен лингвистического поворота в историографии последних десятилетий XX в. дает нам возможность наглядно проследить один из моментов смены эпистемологических парадигм в гуманитарном познании. Сложившийся в литературоведении подход к тексту, как уже отмечалось, предполагает пристальный и глубокий анализ отношения между автором и создаваемым им текстом (субъект-объект) и анализ процесса коммуникации, восприятия текста читателем (объект-субъект). Этот, по сути феноменологический, философский подход таит в себе неограниченные познавательные возможности. Не случайно один из его основателей Р. Барт говорит не только о глубоком, но и о бесконечном (как бесконечен процесс познания) прочтении текста. В историческом же познании, как мы видели, в результате преодоления эмпиризма позитивистской парадигмы и как антитеза ее утверждению о приоритетности объекта (текст, документ в его эмпирической данности) возобладали неокантианский подход с его приоритетностью познающего субъекта. В рамках данной парадигмы историк (познающий субъект) воспроизводит ушедшую реальность прошлого в своем сознании и затем в своем историческом произведении представляет, репрезентирует эту реальность, как бы придавая ей онтологический характер, объективируя свое видение прошлого. Мы уже подчеркивали, что неокантианский подход исключает для научного сообщества возможность контролировать результаты исследования, поскольку они сугубо индивидуальны. В данной парадигме важнейшим качеством историка является его способность к воспроизведению прошлой реальности, к выражению психологической симпатии, к сопереживанию. Такой подход особым образом формирует представление о личности историка и о тех профессиональных

навыках, которые он должен получить в ходе своего профессионального образования. Очевидно, что установка на индивидуальный (а по существу, невоспроизводимый) результат научного исследования соответствующим образом деформирует критерий оценки научных результатов профессиональным сообществом. Вопрос об объективности исторического знания уходит из сферы внимания профессионала.

Лингвистический поворот к историческому нарративу, напротив, стал весьма сильным импульсом для обращения историков, литературоведов и философов к проблемам исторической методологии. Обратив к историческому нарративу свой метод исследования отношения автора и авторского текста и интерпретации литературного, художественного произведения, показав общую зависимость коммуникации и подвижности культурного контекста, феноменолог тем самым делает вполне очевидной ограниченность неокантианской трактовки о воспроизведении прошлого опыта в сознании историка.

Данный тип феноменологического подхода берет начало в литературоведении (а не в исторической науке) и потому имеет специфический, и в определенной мере ограниченный познавательный опыт. Феноменолог хочет иметь дело с реальностью объекта и с отношением этого объекта к процессу познания. Логично, что в подобной ситуации выбирается нарратив (повествовательный текст), хотя бы и исторический. Ситуация субъекта в процессе познания соответственно исследуется в заданных пределах. Подвергая исторический нарратив глубокому критическому анализу, метакритики, естественно, обнаруживают в нем массу пустот в освещении реального прошлого, а в ее текстуальной репрезентации, в структуре и языке исторического нарратива устанавливают наличие стереотипов и терминологических неясностей, допускающих в различных культурных контекстах самые различные интерпретации. А поскольку в лингвистическом подходе не существует другой реальности, кроме текста, а текст исторического нарратива (или даже источника, которым пользовался историк) дает только образ реальности, то цельность реальности прошлого становится недостижимой. Так вырисовывается поле сложных междисциплинарных взаимодействий, со всей очевидностью потребовавших от историков серьезного внимания к эпистемологическим проблемам исторического знания. Именно эта тема обсуждалась на XVIII Международном конгрессе историков.

Проблема междисциплинарного синтеза и места истории и ее методов в единой науке о человеке начинает рассматриваться с позиций эпистемологии, и тогда возникает вопрос: как же все-

таки может осуществлять свои взаимодействия с другими (прежде всего социальными) науками наука история, которая «сама создает свой объект»? Анализируя гуманитарное познание в работе «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» М. Фуко не преминул обозначить то «непреодолимое впечатление расплывчатости, неточности, неопределенности, которое производят почти все гуманитарные науки»⁶⁰. Поэтому для практикующего гуманитария особенно притягателен структурализм, ориентированный на исследование относительно устойчивых совокупностей отношений, системных свойств в культуре, который вновь, на новом качественном уровне открыл перспективы применения компаративных методов и получения воспроизводимых результатов научных исследований. Эпистемологическая ситуация гуманитарного знания рассматривается прежде всего с позиций феноменологии. В центре внимания оказываются взаимодействия элементов в системах и в связи с этим разрабатываются возможности интерпретации системных качеств. Фрагменты реальности выступают при таком подходе не как эмпирические данные, но как сообщения, языки культуры, а сама культура - как совокупность знаковых систем. Наиболее перспективные направления гуманитарных исследований связаны с изучением проблем культурных коммуникаций и человеческих социальных взаимодействий. В отличие от исторической науки, в первую очередь ориентированной на изучение реальности прошедшего, ряд гуманитарных наук более полно использует возможности непосредственного наблюдения, полевых исследований. Именно в этих научных направлениях особенно внимательно рассматриваются проблемы исследовательской методологии, значительные усилия направляются на ее совершенствование. Социальный индивид, формирование его картины мира и способов самоидентификации привлекли внимание социологов. Социология, исследуя психологию человека массовой культуры, - типологического индивида, разрабатывает методы, позволяющие прогнозировать поведение больших групп индивидов, выявить их интересы как социально значимые ориентиры в политике, экономике, культуре. Социология как наука, ориентированная на значимый научный результат, естественно обращается к методологическим поискам, определению своего реального наблюдаемого объекта, выступающего в качестве реальной основы для последующих интерпретаций, обобщений и прогнозов. Основное внимание при этом уделяется интеракционному общению, передаче сообщения и его восприятию. Представители такого исследовательского направления, как символический интеракционизм, главное внимание уделяют символическому содержанию общения,

интерпретации символической природы вербального и невербального общения. Другая группа проблем связана с изучением структуры повседневного мышления индивида, складывания его картины мира, его оценочных суждений и целей. В интеракционном мире (а социальная жизнь именно такова) представления индивидов изначально интерсоциологизированы, отмечает один из основателей данного направления в социологии А. Шюц. В интеракционном взаимодействии различны представления об объектах, разнообразны способы обращения с людьми и вещами, привычки и нравы, социально обусловлены различные уровни образования, у индивидов, соответственно, разный «язык» вещей, имен, событий, всего культурного контекста. В новейшее время, когда массовое, обыденное сознание стало играть столь значительную роль в развитии социальных процессов и социальных противостояний, какой оно никогда не имело в предшествующие эпохи, возрос интерес к методам, которые выработала для их изучения социология. Один из способов исследования - типизация и моделирование типологических черт личности и моделей социального действия (действия, мотивы, цели, проекты), использование повседневных стереотипов мышления конструкты в интерпретации интеракционных взаимодействий. Направление, разрабатывать которое начали основатели американской социологии Ч. Кули (1894-1920) и Д.Г. Мид (1863-1931), получило дальнейшее развитие в теории социального действия Т. Парсонса. Исходными у них являются понятия деятеля и ситуации, ориентации деятеля на ситуацию. Представители рассматриваемого направления исходят из представления об индивиде, ставящем перед собой цель и стремящемся к ее осуществлению, они изучают сложную структуру повседневного, обыденного мира, где взаимодействуют цели и влияния. Здесь формируется опыт индивида, складывается система его взглядов, предпочтений и ценностей. Проблематика структуры повседневного мышления обращает исследователя к типологизации индивида, к моделированию и - более широко - к социальному конструированию реальности. Данное направление находит свое продолжение и рецепцию в историко-культурных исследованиях, изучении структур повседневности прошлого, находит свое развитие и модификацию в исследовании истории менталитета. Таким образом, будучи выработанным в одной из гуманитарных наук, изучение повседневного мышления и соответствующих типов социального поведения становится импульсом для изучения других социальных групп и культур в истории и современности. Как социология, так и социальная антропология и этнология, обращаясь к изучению традиционалистских со-

циальных систем и социокультурных общностей, находящихся на относительно ранних этапах развития, обогащают методологию гуманитарного знания новыми исследовательскими подходами и методами, в первую очередь для изучения наиболее сложных проблем социальных взаимодействий.

Однако типологизация способов мышления и поведения индивидов и социальных групп, давая новые возможности для исследования проблемы человека и общества, в то же время выявляет определенную ограниченность данного подхода. Сами социологи считают, что типологизирующий подход односторонен. Современная социология пытается найти более эффективные способы изучения феномена активной творческой личности. Выявляется стремление выйти за рамки социологизма и психологизма, констатируется необходимость «гуманизации социологии», признания единства объекта социологии, истории и философии, ставится вопрос о том, какие возможности может получить «социологически ориентированная мысль, взаимодействуя с философской антропологией»⁶¹. Говоря о значимости опыта повседневности, социологи продолжают размышлять над тем, каким образом «в терминах объективной реальности» этот жизненный мир, структуры сознания могут результативно изучаться.

Конструктивная идея «единства объекта» социологии, истории и философии, обращения к более общему понятию философской антропологии может более успешно реализоваться при обращении к единому для наук о человеке понятию произведения, исторического источника. В эпоху становления современной социологии и разработки ее методологии, отношение исторической науки, социологии и этиологии к источникам и методам их научного изучения в значительной мере совпадали. Так, один из основателей социологии XX в. М. Мосс специально рассматривал проблему изучения источников (статистика, правовые нормы, записки путешественников и этнографов). Он выражал надежду на дальнейший прогресс исторической науки и этнологии в разработке надежных методов критического изучения источников. Утверждение о том, что «язык может стать объективным хранилищем огромного разнообразия накопленных значений жизненного опыта, который можно сохранить во времени и передать последующим поколениям», несомненно выражает интерес социологически ориентированных мыслителей к общим гуманитарным проблемам вербальной информации в ее фиксированных, доступных для восприятия новыми поколениями произведениях.

Вряд ли в современных условиях дифференциации и интеграции научного знания можно говорить об историческом мето-

де в его традиционном смысле. Функционируя в условиях междисциплинарного взаимодействия, историческая наука интегрирует исследование человеческого опыта во всем его целостном многообразии. Однако, помимо общих для гуманитарного знания методологических проблем (понимаемых прежде всего как проблемы интерпретации знаковых языков культуры), историческая наука имеет и свои особенности целей и познавательных средств. Это ярко проявилось в методологических дискуссиях, возникших при изучении такого своеобразного феномена, как произведения самих историков, так называемого исторического нарратива. Согласно рассуждениям исследователей исторического нарратива, такой способ репрезентации знания о прошлом не адекватен этому прошлому, так как к историческому нарративу исследователи подходят с позиций лингвистически-литературоведческого анализа текста, в первую очередь художественного. Исторический нарратив действительно не адекватен прошедшей реальности. И, таким образом, вопрос о специфике научного знания о прошедшем приобретает особую остроту. Возможно ли изучать то, что, по определению, не наблюдаемо? Возможно ли изучать реальность прошедшего научными методами?

Сомнения в научности исторического знания усиливаются, когда мы обращаем внимание на то, как трудно исторической науке дается применение компаративного подхода, в то время как другие области гуманитарного знания все время расширяют область подобных исследований. И наконец, остается главный методологический вопрос гуманитарного знания: в какой мере возможно объединение конкретных знаний в нечто целостное? Как соотносятся анализ и синтез в науке о человеке? Если исторический синтез есть только образ, то можно ли говорить о реальных, воспроизводимых результатах познания?

В последнее десятилетие у профессиональных историков значительно изменяется отношение к проблемам эпистемологии. Новое понимание проблемы самодостаточности исторического источника - не только как средства для получения информации о фактах, но как реального объекта с доступными для исследования параметрами начинает изменять менталитет историков: «У историков появилось стремление видеть в документе, свидетельстве, т. е. в тексте, самостоятельную научную ценность», появилось понимание того, что именно источник составляет «единственно доступную им реальность», - отмечает, например, Ж. Дюби⁶². Дополнительным стимулом для развития эпистемологических дискуссий об историческом методе стали интересные, хотя и неоднозначно оцениваемые опыты применения к историческому нарративу методологии исследования лите-

ратурно-художественных текстов («лингвистический поворот в историографии»), вызываемые ими размышления о различиях методов науки и искусства.

В связи с проблемами компаративистики на первый план выступают эпистемологические аспекты различия между понятиями «текст» («ни один текст не создан до конца, все тексты являются принципиально открытыми») и «произведение» (источник, обладающий реальными, в том числе и пространственными, параметрами). В данной связи существенны различия и неоднозначность понятия знака и объекта, которые не тождественны. («Почему необходимо особо подчеркивать тот факт, что знак не совпадает с объектом»⁶³.) Понятия «знак» и понятие «текст» абстрагированы от материального образа того произведения, в котором они целенаправленно и осознанно репрезентированы автором произведения. При таком подходе невозможно рассматривать смысл сообщения с позиций «признания чужой одушевленности». Чтобы быть доступной нашему восприятию, мысль должна быть «реализована, т. е. выражена», и, с другой стороны, «обнаружена и запечатлена в каком-либо материальном образе». Но реализованный продукт человеческой психики (А.С. Лаппо-Данилевский) это уже не просто текст, а произведение, исторический источник.

Постмодернистская культурная ситуация в целом характеризуется особым вниманием к проблемам языка и значения, к типам и способам коммуникации, высказывания и восприятия идеи и суждения. Принципиально важно именно то, как выражена и передана реальность в авторском тексте - словесном (вербальное) и невербальном (межличностное, интеракционное взаимодействие, искусство), в повествовании (нарратив). Данная ситуация вызвана расхождением между языковыми средствами традиционной, в том числе классической, культуры модерна (новое время) и качественно новой реальностью, находящейся в процессе становления. Понятийный аппарат науки не адекватен новой (новейшее время) социальной реальности. Рушатся стереотипы общественного сознания, а вместе с ними деформируется языковая среда, становясь более неопределенной, гибкой и предрасположенной в связи с этим к противоречивым интерпретациям. Слово традиционного языка уже «не то» слово, а новую реальность, в том числе и научную, можно лишь приблизительно, «как бы» выразить старыми понятиями. Поэтому крайне важно самоопределение позиции профессионала вообще, а работающего в сфере гуманитарного познания особенно. Он может, двигаясь в русле приоритетов массового сознания, лишь фиксировать противоречивость интерпретаций и их ускользаю-

щий смысл, находя в этом завораживающую самодостаточность. Однако гораздо важнее активно способствовать формированию методологии научной определенности, создавая воспроизводимые результаты исследования качественно новой реальности.

Для исторической науки подобная деятельность настоятельно необходима. Дело в том, что для исторического образования и науки эпистемологические рефлексии по поводу профессионального исторического метода по ряду причин не являются первостепенными. Не одно поколение практикующих историков все еще чуть ли не гордится тем, что их не интересуют проблемы методологии истории. На фоне общего подъема эпистемологического уровня гуманитарного познания, естественно, возникает некоторое беспокойство историков в связи со сложившейся ситуацией. Однако, приходя в историческую науку извне, в качестве осознания необходимости некоего догоняющего развития, методологические рефлексии историков подчас приобретают односторонний характер. Они, безусловно, чрезвычайно информативны, поскольку ярко отражают возможности применения, например, методов глубокого прочтения текста, его деконструкции, к такому феномену, как произведения самих историков (исторический нарратив) и т. д.

В современной ситуации вновь на первый план выходят фундаментальные для профессиональной исторической науки проблемы объективности познания, воспроизводимости научных результатов деятельности исследователя. Есть ли историческая объективность в изучении прошедшего или это недостижимая, хотя и благородная, мечта, которая отодвигается от нас, как линия горизонта? Поле напряжения «между фикцией и объективностью», между историческим нарративом и историческим знанием уже стало предметом методологических рефлексий профессиональных историков. Несомненно, выбирая в качестве предмета размышлений произведение историка и, точнее, - феномен историографии как явление определенного социального пространства и времени, можно лучше понять настоящее и прошедшее, их взаимосвязь и взаимодействие.

Примечания

¹ Февр Л. Суд совести истории и историка. // Февр Л. Бои за историю М., 1991. С. 11.

² Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 20.

³ Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 1898. С. 275.

⁴ В русском переводе основные положения этого труда были опубликованы: Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1908. Он же. Философия истории, ее история и задачи. М., 1910.

- ⁵ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 138.
- ⁶ Февр Л. Суд совести... С. 11.
- ⁷ Тойнби А.Дж. Указ. соч. С. 15.
- ⁸ Там же. С. 28.
- ⁹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. М., 1995. С. 69-103.
- ¹⁰ Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век. М., 1995. С. 253-254.
- ¹¹ Февр Л. Как жить историей // Февр Л. Указ. соч. С. 34.
- ¹² Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 219.
- ¹³ Об этом направлении см.: Афанасьев Ю.Н. Эволюция теоретических основ школы «Анналов» // Вопросы истории. 1981. № 9.
- ¹⁴ Тойнби А.Дж. Указ. соч.; Он же. Цивилизация перед судом истории. М., 1996.
- ¹⁵ Февр Л. От Шпенглера к Тойнби // Февр Л. Бои за историю М., 1991. С. 95-95.
- ¹⁶ Тойнби А.Дж. Постигание истории. С. 15.
- ¹⁷ Февр Л. Бои за историю... С. 11.
- ¹⁸ Февр Л. История современной России: За синтез против «картинной истории» // Февр Л. Указ. соч. С. 03.
- ¹⁹ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории: Автобиография. М., 1980. С. 265.
- ²⁰ Там же. С. 267.
- ²¹ Там же. С. 268.
- ²² Там же. С. 266-267.
- ²³ Там же. С. 127.
- ²⁴ Marrou H.I. De la connaissance historique. P., 1975.
- ²⁵ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 192.
- ²⁶ Там же. С. 192-193.
- ²⁷ Там же. С. 192.
- ²⁸ Там же. С. 178.
- ²⁹ Там же. С. 173-174.
- ³⁰ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.
- ³¹ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1911-1913. Вып. 1-2.
- ³² Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. Вып. 2. С. 355.
- ³³ Там же. С. 339.
- ³⁴ Там же. С. 332.
- ³⁵ Там же. С. 333.
- ³⁶ Карсавин Л.П. Философия истории. С. 219.
- ³⁷ Так писал о концепции Лаппо-Данилевского С.Н. Валк. См.: Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 254.
- ³⁸ Пресняков А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Русский исторический журнал. Пг., 1920. Кн. 6. С. 90.
- ³⁹ См.: Вернадский В.И. Научное творчество и научное образование // Вернадский В.И. О науке. Дубна, 1997. С. 116.
- ⁴⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. Вып. 2. С. 375.
- ⁴¹ Карсавин Л.П. Введение в историю. Теория истории. Пг., 1920. С. 30.
- ⁴² См.: Валк С.Н. Воспоминание ученика // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 189.
- ⁴³ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 495.
- ⁴⁴ Сорокин П.А. Дальняя дорога: Автобиография. М., 1992. С. 76-128.
- ⁴⁵ Карсавин Л.П. Введение в историю... С. 5-6.
- ⁴⁶ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. Вып. 2. С. 332.
- ⁴⁷ Карсавин Л.П. Введение в историю....

- ⁴⁸ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 42.
- ⁴⁹ Гревс И.М. Экскурсии в культуру. М., 1925. С. 20.
- ⁵⁰ Никитин С.А. Источниковедение истории СССР. XIX век. М., 1940.
- ⁵¹ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. М., 1960-1965. Т. 1-2.
- ⁵² Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы. М., 1948-1950. Т. 1-2.
- ⁵³ Люблинская А.Д. Источниковедение истории средних веков. М., 1955.
- ⁵⁴ Февр Л. Суд совести истории и историка // Февр Л. Бои за историю. С. 11.
- ⁵⁵ Февр Л. Лицом к ветру. Там же. С. 47.
- ⁵⁶ Интервью с Ж. Ле Гоффом // Мировое древо. 1993. № 2. С. 1G3.
- ⁵⁷ Барт Р. От произведения к тексту // Барт Г. Избранные работы. Семиотика, поэтика. М., 1994. С. 414.
- ⁵⁸ О концептуальных положениях деконструкции текста и исследовательском семинаре Ж. Деррида см.: Интервью О.Б. Ванштейн с Ж. Деррида // Мировое древо. 1992. № 1. С. 50-79.
- ⁵⁹ Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 58.
- ⁶⁰ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., Спб., 1994. С. 374.
- ⁶¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 302.
- ⁶² Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 52.
- ⁶³ Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996. С. 118.

РАЗДЕЛ 3

МЕТОД ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ

ГЛАВА 1

Источниковедческий анализ и источниковедческий синтез

ИСТОЧНИКИ при всем многообразии структуры, содержания, происхождения, обстоятельств возникновения имеют общие свойства формы и содержания. Это создает возможность единого научного подхода к ним - разработки методов источниковедческого анализа и их воссоздания как феномена культуры - источниковедческого синтеза. Теоретические принципы и методы источниковедческого анализа постоянно обогащаются и развиваются в ходе научно-практической работы с историческими источниками.

Метод источниковедения имеет целью: 1) установить информационные возможности источника (или ряда однородных источников) для получения фактических сведений об общественном развитии (полнота, достоверность и новизна этих данных); 2) аргументированно оценить значение источника (или ряда однородных источников) с такой точки зрения. В соответствии с этим метод источниковедения проводится поэтапно, последовательно. Поэтому на каждом этапе решается своя исследовательская задача, достигается познавательная цель.

Материальный объект, созданный в результате целенаправленной деятельности человека, представляет собой отвечающее данной цели произведение и в то же время источник социальной информации. Он материален (т. е. доступен для непосред-

венного восприятия), но, в отличие от других материальных объектов, возникших под воздействием природных сил, является неким изделием с определенной, целенаправленно созданной структурой. Он обладает свойствами, выражающими телеологическое единство (единство цели его создания), более или менее полно и завершение выражает мысль и цель своего творца. Можно, разумеется, различать произведения (источники), которые с большей или меньшей степенью завершенности выражают масштаб личности своего творца. «...Изделие - это наполовину вещь, коль скоро оно определено своею вещностью, а все же и нечто большее; изделие - это наполовину художественное творение, и все же нечто меньшее, поскольку оно лишено самостоятельности художественного творения»¹.

Созданное человеком произведение материально (вещественно), доступно для непосредственного восприятия, существует в реальности настоящего. С данной точки зрения особый интерес вызывает феномен смены материальной оболочки, который присущ феномену источника вообще. Функционируя, источник постоянно и целенаправленно как бы заново воспроизводится (переписывается, реставрируется, тиражируется, копируется и т. д.). Для социально-культурной общности всегда характерна забота о том, чтобы материальная фактура произведения сохраняла свою целостность, без которой передача социальной информации теряет свою непрерывность.

Как уже говорилось, произведение, в отличие от других материальных объектов, возникших вне участия человека (под влиянием природных сил), представляет собой некое «изделие». Именно поэтому такой материальный (вещественный) объект и может служить источником для получения сведений о его творце (авторе), о том обществе, в котором мог возникнуть подобный замысел и имелись возможности его реализации именно таким, а не иным образом. Разумеется, произведения по степени завершенности, выраженности телеологического единства, цели могут быть весьма различными. «Объективно-данный исторический источник представляется историку в виде некоторого единства и целостности; такие свойства он приписывает, например, и предмету древности, и произведению письменности; в противном случае он говорит об обломках предмета древности или об отрывках произведения письменности, - выражения, которые сами уже указывают на то, что понятие о предмете древности или произведении письменности связывается у него с понятием о некоторой их целостности»².

Суть и своеобразие методологии источниковедения (в отличие от философской герменевтики) состоят в признании чужо-

го (а не только своего) сознания. «Принцип единства чужого сознания... получает еще более широкое значение в том случае, когда историк имеет дело с источником, отражающим целую совокупность движений, нужных для выделки данного предмета, или целый ряд знаков, обозначающих чужую речь в словесной или письменной форме; он понимает, например, каждое слово в его соотношении с другими словами, благодаря которым каждое из них получает и более конкретный смысл. В связи с тем же принципом можно поставить и многие более частные правила герменевтики, давно уже обратившие на себя внимание исследователей»³. В науках о культуре (в отличие от наук о природе) «Дух... не может быть дан как вещь (прямой объект естественных наук), а только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого и для другого»⁴. Принцип понимания одного человека другим через посредство произведения составляет специфику гуманитарного познания: «Гуманитарные науки - науки о человеке в его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст... Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки...»⁵.

В триаде «человек-произведение-человек» методология источниковедения различает два типа взаимосвязей и соответственно два типа исследовательской деятельности. При первом типе взаимосвязей рассматривается отношение произведения к той исторической реальности, в процессе функционирования которой оно было создано (отдельным человеком, группой авторов, может быть целым народом). При втором типе познающий субъект (источниковед) включает произведение в реальность современной ему эпохи. М.М. Бахтин писал: «Событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается *на рубеже двух сознаний, двух субъектов*». При этом возникает, по его мнению, «проблема второго субъекта, воспроизводящего, для той или иной цели, в том числе и исследовательской, текст (чужой) и создающего обрамляющий текст». О «встрече двух индивидуальностей» (М.М. Бахтин) в процессе источниковедческого анализа писал Л.П. Карсавин, также видевший в этом взаимодействии автора источника и исследователя гуманитарную специфику⁶. Связь творца и исследователя (хранителя) по-своему интерпретируют и другие ученые. «...Творение вообще не может быть, не будучи созданным, и если оно существенно нуждается в своих создателях, то созданное равным образом не может стать сущим, если не будет охраняющих его»⁷.

Стремление опереться на достоверные свидетельства источников для воссоздания реальности прошлого было присуще историкам издавна. Оно послужило импульсом для формирования методов так называемой исторической критики, т. е. системы приемов проверки подлинности и установления достоверности исторических источников. По мере развития исторической мысли становилось более очевидным, что каждое отдельное высказывание или свидетельство источника должно быть поставлено в определенную зависимость от общего замысла произведения, от обстоятельств создания источника, от знания условий, в которых автор жил и творил. Иначе говоря, вопросы критики источников не могут быть рассмотрены без исследования вопросов интерпретации смысла произведения в его целом.

Как уже отмечалось, Ф. Шлейермахер разделял герменевтику (искусство правильно понимать текст в его грамматическом и психологическом истолковании) и критику (прежде всего критическое изучение вопросов подлинности источника) и выявил их взаимосвязь. Однако в ходе становления методологии исторической науки XIX-XX вв. происходило недостаточно четкое размежевание понятий научной критики и герменевтики и их расширительное толкование. Большое распространение получило весьма широкое понимание методов исторической критики, которое включает в себя одновременно и метод интерпретации источника. Так, в учебнике Ш. В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса рассматривались такие понятия, как критика происхождения источника, внутреннего критика и даже критика толкования (герменевтика), что исключало возможность четкого разделения и понятий и исследовательских процедур критики и интерпретации источников. С другой стороны, именно преодоление позитивистских традиций в методологии исторического исследования активизировало проблемы понимания, герменевтики как главного и даже единственного метода работы историка с историческим источником. Преодоление культурно-исторической дистанции между историком и сознанием людей прошлого, способность к сопереживанию и выражению симпатии трактуются в работах теоретика исторического сознания Л.И. Марру как важнейшее качество историка.

Современная философская герменевтика выходит далеко за пределы традиционного истолкования смысла текста, обращаясь к более общим проблемам значения и языка. «Сама работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел - преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста, чтобы поставить его на один с ним уровень и таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель»⁸.

От «восстановления изначального значения произведения» герменевтика в философском понимании выводит исследователя на «мыслящее опосредование с современной жизнью» и тем самым «герменевтическое сознание приобретает всеобъемлющие масштабы»⁹.

От истолкования смысла текста источниковед переходит к более масштабным задачам интерпретации источника как явления культуры. Для парадигмы источниковедения временное расширительное толкование понятия герменевтики, в сущности, приемлемо. Данный подход позволяет лучше понять взаимосвязь профессионально-источниковедческого и более широкого - философского - подходов к произведению. Гадамер отмечает, что «различение когнитивного, нормативного и репродуктивного истолкования не имеет принципиального характера, по описывает единый феномен». Тем не менее такое различение должно существовать. Исследователь обязан ясно осознавать, в какой исследовательской ситуации он в данный момент находится; отделять ту ситуацию, в которой он репродуктивно истолковывает произведение (т. е. стремится понять смысл, который вкладывал в произведение его автор), от другой, в которой он по-своему интерпретирует полученную с помощью данного подхода информацию в связи с современной ему реальностью (т. е. самостоятельно выстраивает свое, современное понимание реальности настоящего, опираясь на полученную информацию, дает свое когнитивное истолкование). Именно в этом смысле можно говорить о двух субъектах гуманитарного познания.

Нельзя не видеть, что смешение этих двух подходов приводит к методологической неразличимости субъекта и объекта в познании источника. «Результаты наших размышлений, - пишет Гадамер, - заставляют нас отказаться от разделения герменевтической постановки вопроса на субъективность интерпретатора и объективность подлежащего пониманию смысла». Ученый даже сравнивает обрисованную им ситуацию интерпретации источника с разговором двух собеседников, в ходе которого возникает новая атмосфера: «взаимопонимание, объединяя собеседников, преобразует их так, что они уже не являются более тем, чем были раньше». Понятно, однако, что разговор собеседников и ситуация с источником в ходе источниковедческого анализа совершенно различны. Источник не меняет своего первоначального смысла в ходе обращения к нему исследователя. Возможна (что совершенно нежелательно) лишь подмена смысла источника каким-то другим, ему несвойственным смыслом. Не отличая голоса источника от своего собственного, интерпретатор перестает слышать этот другой, суверенный голос, а значит, лишает

себя новой информации, которую мог бы получить от другого. В ходе научного анализа источника голоса обоих субъектов - автора и исследователя - должны быть четко различимыми. Решению данной задачи соответствует оптимальная структура источниковедческого исследования. Лишь синтез двух взаимодополняющих подходов к изучению источника дает возможность представить изучаемый источник как явление культуры, как общечеловеческий феномен. «Всякий, кто стремится к познанию исторической действительности, почерпает свое знание о ней из источников (в широком смысле); но для того, чтобы установить, знание о каком именно факте он может получить из данного источника, он должен понять его: в противном случае, он не будет иметь достаточного основания для того, чтобы придавать своему представлению о факте объективное значение; не будучи уверен в том, что именно он познает из данного источника, он не может быть уверенным в том, что он не приписывает источнику продукта своей собственной фантазии»¹⁰.

ГЛАВА 2

Структура источниковедческого исследования

1. Исторические условия возникновения источника

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ, проводящий источниковедческий анализ и синтез, хорошо представляет себе сложность того интеллектуального пространства, в котором осуществляется гуманитарное познание. Однако он не может только констатировать это. Для него важно определить доступную ему меру реального знания. Именно поэтому он и начинает свое исследование с изучения социальной организации и механизмов функционирования тех общественных условий, в которых возник изучаемый источник. Отличительной особенностью феноменологического подхода к изучению источника является рассмотрение его как составной части социальной структуры, которая связана со всеми остальными и, в свою очередь, взаимодействует с ними. Произведение принадлежит определенному автору, но в то же время оно есть феномен культуры своего времени, явление интерсубъективного общения. Применяя указанный подход к произведениям искусства, исследователь утверждает, что «искусство - составная часть социальной структуры, компонент, который

взаимодействует со всеми остальными, и сам изменяем, поскольку и сфера искусства и его взаимоотношения с другими элементами социальной структуры находятся в постоянном движении»¹¹. Этот этап имеет целью утвердить исследовательский подход к источнику как к произведению, возникновение которого было вызвано: условиями, в которых существовал данный тип социальной организации; целями, которые это общество перед собой ставило; возможностями, которыми оно располагало для реализации своих целей.

Принципиальное значение для интерпретации произведения имеет социокультурная ситуация: тип социальной организации, типы связей, которые объединяют людей (например, правовые, конфессиональные, культурные, политические и т. д.). Источник есть феномен определенной культуры: он возникает в конкретных условиях и вне их не может быть понят и интерпретирован. Соотношения объективных общественных условий и авторской воли создателя источника в разных ситуациях различны. Когда мы говорим, что источник есть продукт человеческой психики, то этим подчеркиваем, что произведение (источник) создается целенаправленно и осознанно. Но при этом он создается в определенной исторической реальности и, возникнув, функционирует в этой реальности в соответствии с теми условиями (политическими, культурными, техническими), которые она ему устанавливает. Данный этап исследования имеет целью утвердить подход к изучаемому источнику как к фрагменту реальности, ее системному объекту. Исследователь обобщает уже известное науке знание о реальности, ставя перед собой вопрос о том, каким образом в этой реальности мог возникнуть (и действительно возник) рассматриваемый культурный феномен? Этот подход можно сравнить с нахождением на карте пункта, который исследователь наметил целью своего путешествия. Разумеется, на месте он сможет узнать об изучаемой реальности гораздо подробнее. Однако ее общие параметры могут стать известны и на первом этапе исследования.

Источник как материальный продукт целенаправленной человеческой деятельности, как исторический феномен вызван к жизни определенными условиями, задачами, целями. Поэтому важно понять, что представляла собой та историческая социальная реальность, в которой он возник. Любой источник, идет ли речь, например, о письменных, вещественных, устных источниках информации, не может быть интерпретирован вне той общекультурной ситуации, в которой он возник и функционировал. Совершенно различно значение устной или письменной информации в традиционно-архаических или современных обще-

ствах. «Мы связаны с нашим прошлым не благодаря устной традиции, подразумевающей живой контакт с людьми - рассказчиками, жрецами, мудрецами или старцами, а на основе заполняющих библиотеки книг, из которых исследователи пытаются с такими трудностями извлечь все, что может помочь восстановить личность их создателей», - писал Леви-Строс. Соотношение разных видов источников, их место в информационном поле эпохи составляют особую исследовательскую проблему. «Что касается наших современников, то мы общаемся, - с их громадным большинством, - благодаря самым различным посредникам - письменным документам или административному аппарату, которые... неизмеримо расширяют наши контакты, но в то же время придают им опосредованный характер»¹². Парадигма современного источниковедения должна включать в себя системный анализ общих ситуаций, связанных с коммуникациями, в которых личное общение и письменный текст представляют собой различные варианты взаимодействия. Лишь системное отношение к ситуации в целом (культурной, коммуникативной, скоростей передачи информации и др.) способствует более точному изучению источника, раскрытию его истинных функций и, следовательно, его интерпретации. Эти ситуации неоднозначны в обществах различного типа - в дописменных, письменных, обладающих печатным станком или компьютером.

Рассмотрим еще один аспект проблемы - распространение официальной, подверженной различным цензурным запретам информации и информации бесцензурной. Способы их функционирования в обществе совершенно различны. Стихотворения А.С. Пушкина, напечатанные при его жизни в собраниях сочинений, и те, которые «в печати не бывали» - это, по существу, разные источники. В своем «Послании к цензору» поэт напоминает, что запреты цензуры не могут помешать распространению необходимой для общества литературы; в таком положении оказывался и он сам: «И Пушкина стихи в печати не бывали // нет нужды - их и так иные прочитали».

Исторические условия изучаются источниковедами в самых различных аспектах. Наиболее перспективно исследование эволюции определенных видов источников. Без знания исторических условий нельзя решить вопросы новизны, уникальности или, наоборот, типологичности изучаемого комплекса источников.

2. Проблема авторства источника

Понятие авторства произведения в контексте различных типов культуры может быть представлено самыми различными вариантами. «В цивилизации, подобной нашей, имеется некоторое число дискурсов, наделенных функцией «автор», тогда как другие ее лишены. Частное письмо вполне может иметь подписавшего, но оно не имеет автора; у контракта вполне может быть поручитель, но у него нет автора. Анонимный текст, который читают на улице на стене, имеет своего составителя, но у него нет автора. Функция «автор», таким образом, характерна для способа существования, обращения и функционирования вполне определенных дискурсов внутри того или иного общества»¹³. Источниковед в ходе исследования должен рассмотреть исследовательское пространство соотношения изучаемого произведения и его авторства. Оно может оказаться весьма различным и своеобразным. Метод источниковедения не предпринимает никаких ответов. Он лишь указывает на ту исследовательскую проблематику, которая, будучи достаточно глубоко разработана, может, в свою очередь, открыть новые возможности интерпретации текста и получения информации и об источнике и времени его создания.

Соотношение индивидуальности автора источника и той реальности, в которой он существовал, может быть различным. В одних случаях автор проявляется ярче, и тогда становится возможной постановка более конкретных вопросов о том, был ли автор «искренен», «точен», и тому подобных (вопросы известной позитивистской анкеты Ланглуа и Сеньобоса). В других сама постановка подобных вопросов бесперспективна, а ответы на них невозможны ввиду отсутствия информации об этом. (Напомним, например, отношение В.О. Ключевского к вопросам «исторической критики» подобного рода. Он считал, что для источников российской истории такая методика вообще неэффективна.) Сложность отношения общество-автор произведения вполне очевидна, равно как и изменение содержания данной взаимосвязи в различных типах социальной организации. Так, например, пишет об этом М. Фуко: «Функция - автор связана с юридической институциональной системой, которая обнимает, детерминирует и артикулирует универсум дискурса. Для разных дискурсов в разные времена и для разных форм цивилизаций отправления ее приобретают различный вид и осуществляются различным образом; функция эта определяется не спонтанной атрибуцией дискурса его производителю, но серией специфических и сложных операций: она не отсылает просто-напросто к

некоторому реальному индивиду - она может дать место одновременно многим Эго, многим позициям - субъектам, которые могут быть заняты различными классами индивидов»¹⁴.

Трудно интерпретировать источник, предварительно не зная его автора, не зная его биографию, сферу практической деятельности, уровень его культуры и образования, род занятий, его принадлежность к определенной социокультурной общности с соответствующими ценностными установками. Масштаб личности создателя произведения, степень завершенности произведения, цель его создания - все эти параметры определяют совокупность социальной информации, которую можно почерпнуть из него. «Увидеть и понять автора произведения - значит увидеть и понять другое, чужое сознание и его мир, то есть другой субъект...»¹⁵. При изучении авторства важно выявить именно те параметры личности, которые могут помочь в изучении произведения, являющегося предметом источниковедческого анализа и источниковедческого синтеза. «Автор должен быть прежде всего понят из события произведения, - считал Бахтин, - как участник его, как авторитетный руководитель в нем читателя»¹⁶.

С проблемой авторства позитивистское источниковедение связывало установление достоверности источника. Стремясь к более полному исследованию связи авторства и достоверности свидетельства, Ш. Сеньобос решал эту проблему с помощью двух социологических анкет. Вопросы первой из них предусматривали существование ситуаций, которые могут побудить автора к недостоверным свидетельствам. (Автор старался обеспечить себе практическую выгоду; действовал в неправомерной ситуации; имел групповые, национальные, партийные, региональные, семейные и другие пристрастия, философские, религиозные или политические предпочтения; был побуждаем личным или групповым тщеславием; хотел нравиться публике и др.) Вопросы второй анкеты выявляли ситуации, при которых не следует доверять точности наблюдений автора.

Источниковеды нового и, особенно, новейшего времени выступали против столь жесткой схемы, связывающей достоверность источника непосредственно с личностью его автора. Никто, впрочем, прямо не отрицал возможности такой зависимости. «Понять автора в историческом мире его эпохи, его место в социальном коллективе, его классовое положение» применительно к авторам художественного произведения предлагал М.М. Бахтин¹⁶. Ряд ученых обращали внимание на сложность применения таких критериев к источникам коллективного (или безымянного) авторства. Важно также заметить, что авторское начало в источниках, представляющих собой «изделия» служеб-

ного, прикладного характера, и «творениях», в которых творческая личность автора выражает себя более полно и завершено, проявляется в разной степени. А.С. Лаппо-Данилевский особое внимание обращал на то, что понятие об авторстве источника необходимо для его последующего истолкования (прежде всего психологического). «Принципы психологического истолкования, - отмечал он, - находятся в тесной связи с понятием о единстве чужого сознания, в частности, с понятиями об ассоциирующей и целеполагающей его (сознания. - *О.М.*) деятельности; они применяются к весьма разнообразным историческим источникам, хотя и не в одинаковой мере; они получают особенное значение в интерпретации реализованных продуктов индивидуальной психики, но пригодны и для понимания произведений коллективного творчества, в последнем случае, впрочем, чаще обнаруживаясь в связи с одним из приемов типизирующего метода»¹⁷.

Среди источников нового и новейшего времени значительное место уделяется произведениям коллективного творчества - законодательным, делопроизводственным документам, периодической печати. Изучение проблем авторства в подобных случаях должно включать целый ряд исследовательских процедур, учитывающих состав авторских групп, социальные цели законодателей, руководителей, непосредственных исполнителей.

3. Обстоятельства создания источника

Решение указанной исследовательской проблемы состоит в выявлении тех обстоятельств, которые могли влиять на полноту и достоверность сведений, на оценочные суждения, включенные автором в его произведение. В одних и тех же исторических условиях один и тот же человек может создавать произведения, существенно различающиеся как по полноте сообщаемой информации, так и по степени ее достоверности. Это зависит от обстоятельств, в которых находится автор. Иногда автор не располагает необходимой информацией, или обращается к недостоверным свидетельствам, или доверяется собственной памяти. Иногда автор намеренно дает неполную или недостоверную социальную информацию, поскольку находится в обстоятельствах, которые диктуют ему подобное поведение. В традиционных позитивистских учебных пособиях изучению подобных ситуаций уделялось большое внимание. В ряде научных исследований влияние обстоятельств на достоверность источника доказано весьма убедительно (таковы, например, исследования

о показаниях декабристов - участников восстания 14 декабря 1825 г. Следственному комитету).

Обстоятельства, диктующие необходимость быстрых и решительных действий, существенно влияют на способ изложений, структуру документов, от чего, в частности, зависят особенности агитационной, публицистической, военно-оперативной и другой документации. В то же время обстоятельства, в которых создаются мемуары, и та оценка, которую дают событиям прошлого современники, влияют на полноту и достоверность содержания произведения. Исследователи отмечают также особенности создания экономической, отчетной, делопроизводственной документации. Поэтому в качестве общего исследовательского критерия достоверности и полноты социальной информации необходимо внимательно изучать обстоятельства создания источника.

4. Авторский текст, произведение и его функционирование в социокультурной общности

Изучение текста источника, а также его публикаций или воспроизведений имеют целью критическое прочтение того сообщения, которое хотел передать автор произведения, делая это осознанно и целенаправленно. Такая исследовательская деятельность имеет важное, в том числе и прикладное, практическое значение, например, при подготовке текста к научному изданию.

Текстологический анализ направлен на изучение вариантов исследуемого текста в тех материальных формах, в которых он был создан его автором. В филологии существует литературоведческая дисциплина, изучающая произведения письменности, литературы и фольклора, - текстология. В литературоведении, изучающем художественный текст, особое значение приобретают анализ и сопоставление рукописных вариантов текста, изучение тех поправок и изменений, которые вносил в него автор. Это позволяет лучше понять авторский замысел и динамику его творческой работы над произведением. Поскольку под историческим источником понимается продукт целенаправленной человеческой деятельности, который изучается согласно общему методологическому принципу - признания чужой одушевленности, то ясно, что изучение авторских текстов составляет один из важнейших этапов источниковедческого анализа.

Важно выяснить, имеется ли автограф произведения, что он собой представляет, как соотносятся между собой черновые и окончательные варианты, первоначальный и последующие тексты. «В процессе творческой работы отлагаются разнообразные автографы, отражающие различные моменты творческой обработки текста писателем»¹⁸. «Текст - первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины»¹⁹. История рукописи, ее последующих епископ и редакций не может не учитываться в ходе источниковедческого анализа. Наличие различных списков и редакций указывает на то, как относились к произведению читатели другого времени, как использовался, функционировал в культурной читательской среде текст источника. Самостоятельный интерес представляет вопрос о переводах источника на другие языки, а также история публикаций источника. На данном этапе источниковедческого анализа изучаются, таким образом, реальные тексты. Следует иметь в виду, что понятие «текст» имеет и другие, более неопределенные, значения. На гуманитарное познание новейшего времени весьма существенное влияние оказала семиотика (от греческого *семейон* - знак, признак), исследующая свойства знаков и знаковых систем (прежде всего, естественных и искусственных языков). В семиотике человеческие сообщества рассматриваются с точки зрения функционирующего в них механизма обмена информацией, в центре внимания находится феномен коммуникаций. Известно, что изменение и совершенствование способов коммуникации (изобретение письма, книгопечатания и, наконец, технических средств обмена информацией массового общества новейшего времени) являются одним из наиболее существенных факторов развития культуры. Семиотика изучает «структуру всех типов знаковых систем и объясняет различные иерархические соотношения между ними, сеть их функций и общие и отличающиеся свойства в масштабе всех систем»²⁰. Поскольку любой объект может выступать как знак лишь при условии его восприятия в этом качестве, то семиотический подход предполагает исследование области intersубъективной коммуникации, т. е. взаимодействия автора, передающего сообщение, и воспринимающего его контрагента (слушатель, читатель, интерпретатор).

Рассматривая пространство взаимодействия, исследователь достаточно широко трактует понятие текста и текстуальности. Так, в литературоведении углубление исследователя в текст произведения дает возможность новых интерпретаций и ассоциативных связей, возникающих в процессе развития текста²¹. Речь идет о «переживании культурного текста», «способе текстуального бытия». Основатели методологии «деконструкции текста»

первоначально исходили из лингвистических концепций текста, т. е. интерпретируют текст как сугубо лингвистический, языковой феномен. Однако в дальнейшем все более широко и методологически неопределенно стал пониматься вопрос о соотношении текста и произведения, знака и объекта и о содержании понятия текста. Так, например, поясняя свое понимание текста, один из основателей метода деконструкции Деррида утверждает: «Для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность». <...> «Нет ничего вне текста» - это означает, что текст - не просто речевой акт. Допустим, этот стол для меня - текст. То, как я воспринимаю этот стол, - долингвистическое восприятие, - уже само по себе для меня - текст»²².

Таким образом, в концептуальной семиологической парадигме феномен «текст» понимается весьма широко. Для более эффективного использования семиологического подхода в его соотношении с методом источниковедения необходимо методологически разграничить ряд аспектов понятия «текст».

Семиология сосредоточивается на знаковой природе феномена человеческого общения. Но она не ставит своей целью различение устной формы адресного (следовательно, знакового) сообщения от его фиксированной формы (прежде всего письменной или иной). Между тем для источниковедения это различение имеет принципиальное значение. Метод источниковедения обращен, как уже говорилось, именно к материально-фиксированным формам. Поэтому и понятие текста в рамках источниковедения имеет соответствующее содержание. «Письмо является в этом отношении неким значимым рубежом, - благодаря письменной фиксации совокупность знаков достигает того, что можно назвать семантической автономией, то есть становится независимой от рассказчика, от слушателя, наконец, от конкретных условий продуцирования»²³. Из материально-фиксированных форм (например, в произведении искусства) у письменной фиксации достоинство состоит в точности. Отдавая должное преимуществам письменного текста перед устным сообщением (дискурс), важно отметить его большую смысловую определенность. «Благодаря письменности дискурс достигает тройной семантической автономии: по отношению к интенции говорящего; восприятию первичной аудитории; экономическим, социальным, культурным обстоятельствам своего возникновения. В этом смысле письмо выходит за пределы диалога лицом к лицу и становится условием превращения дискурса в текст».

Возникает, однако, вопрос: можно ли считать текстом не только письменный текст. В более узкой (герменевтической) концепции это именно так: «Опосредование текстами как будто

ограничивает сферу истолкования письменностью и литературой в ущерб устным культурам. Но, теряя в широте, мы выигрываем в интенсивности»²⁴. В более широкой (источниковедческой) концепции под текстом понимают не только письменный, но и иначе выраженный код, - рисунок, графику, структурирование формы и т. д. В каком-то смысле верно и утверждение Ж. Деррида, что стол - это текст. Однако, как расшифровать подобные тексты, имея в виду не только то, что может примыслить индивид, который воспринимает данную информацию, но - прежде всего (что для источниковедения является первично важным) - расшифровать информацию, которую мог и хотел передать создатель произведения. Так мы приходим к важному заключению о том, что интерпретировать текст вне произведения, в котором он представлен, невозможно. Ведь один и тот же текст в разных произведениях несет разную информацию.

Метод источниковедения как раз и направлен на то, чтобы рассматривать произведение как явление, и уже затем искать действенные пути для интерпретации заключенной в нем информации.

5. Функционирование произведения в культуре

Изучая авторские варианты текста, возможно установить более полно историю авторского замысла и его последующей реализации под влиянием тех или иных обстоятельств. Однако произведение имеет и собственную судьбу: оно может переписываться (как тексты «Повести временных лет») в течение многих веков, переводиться на другие языки, может быть изданным и многократно переиздаваться. Изучение этих проблем помогает лучше понять произведение.

На этом этапе необходимо, например, выяснить, предназначался ли источник к изданию или создавался для других целей. Если источник был опубликован, необходимо выяснить, кем и когда, с какой целью это было сделано. Ответ на первый вопрос дает представление о цели и намерениях автора изучаемого источника и имеет важное значение для решения проблем достоверности. Источник, первоначально не предназначавшийся для издания, может содержать более откровенные и не ограниченные цензурой сведения, нежели тот, который автор целенаправленно готовил к печати.

Каждое новое издание (переиздание) источника имеет самостоятельный интерес, поскольку данный факт отражает степень

использования источника в социальной практике, позволяет лучше понять, в какой связи актуализировалось его содержание, как относились к этому произведению читатели новых поколений. Распространение произведения в определенной среде отражает состояние общественного сознания, изменение его социальных или культурных интересов и ориентаций. «Произведение, - писал Гадамер (имеется в виду прежде всего художественное произведение. - *О. М.*), - что-то говорит человеку, - и не только так, как историку что-то говорит исторический документ, оно что-то говорит каждому человеку так, словно обращено прямо к нему как нечто нынешнее и современное. Тем самым встает задача - понять смысл говоримого им, и сделать его понятным себе и другим»²⁵.

Функционирование произведения в иной социальной среде, в другой культуре делает явными те оттенки социальной информации, которые не улавливались первоначально, и, возможно, не вводились в произведение его автором намеренно. Иной культурный контекст высвечивает ранее незамеченные свойства источника. Его содержание вступает в новые ассоциативные, смысловые, содержательные взаимодействия с той социальной реальностью, в которой произведение оказывается востребованным (переписывается, публикуется, перечитывается). Об этой специфике восприятия текста произведения пишет Р. Барт: «Текст не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен сквозь что-то двигаться, - например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений»²⁶.

Следует методологически четко разделять информацию, которую содержит источник как авторское, телеологически единое произведение, от того бесконечного разнообразия ассоциативных вариаций, на которые может оказаться способной творческая личность его будущего читателя. В первом случае методологический принцип «признания чужой одушевленности» позволит вдумчивому исследователю услышать и различить заглушенный временем голос создателя источника. Во втором он воспользуется текстом источника как поводом для самовыражения. При таком подходе неправомерно говорить о двух субъектах гуманитарного познания, о новизне социальной информации Другого. Именно поэтому методологически важен такой этап источниковедческого анализа, как интерпретация источника. Ее цель - понять авторский замысел создателя источника.

6. Интерпретация источника

Интерпретацию проводят с целью установить (в той мере, в какой это возможно с учетом временной, культурной, любой другой дистанции, разделяющей автора произведения и его исследователя) тот смысл, который вкладывал в произведение его автор. Общее учение об исторической интерпретации источников в наиболее систематизированном и логически обоснованном виде изложил в своей «Методологии истории» А.Г. Лаппо-Данилевский.

Он обращал внимание на то, что проблема интерпретации в современной литературе освещалась логически нечетко. Так, автор известного труда по методологии исторического исследования Э. Бернгейм связал изложение этой проблемы с задачами «исторического построения». Иначе говоря, Бернгейм имел в виду интерпретацию исторических фактов историком (что, разумеется, имеет первостепенное значение в историческом исследовании, но составляет, в сущности, иную исследовательскую задачу и поэтому решается другими методами). Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, говоря об анализе источника, не проводили логической грани между задачами внутренней критики источника и задачами его интерпретации. Об этом свидетельствует и нечеткий термин «критика интерпретации», который они использовали в своем методологическом руководстве «Введение в изучение истории».

Напротив, Лаппо-Данилевский придает интерпретации источника принципиальное значение. «Лишь признавая самостоятельное значение ее задач, - писал он, - историк может достигнуть надлежащей благонадежности своих выводов; ведь интерпретация стремится установить только то именно значение источника, которое автор придавал ему... она дает возможность одинаково войти в мировоззрение или отдельное показание данного автора, - будь оно истинным или ложным»²⁷. Для решения задач интерпретации он выдвигает прежде всего принцип *психологического истолкования* (основанный на фундаментальном постулате данной парадигмы - признание чужой одушевленности); далее следует принцип *психологической* интерпретации условного вещественного образа или символа. Технический метод интерпретации позволяет судить о смысле и назначении данного произведения по тем специальным (техническим) приемам, которыми пользовался автор; *типизирующий* метод предполагает соотношение источника с соответствующим типом культуры; и, наконец, *индивидуализирующий* метод интерпретации позволяет раскрыть индивидуальные особенности творчества его автора. На ряде примеров, анализе конкретных исследовательских ситуа-

ций ученый показывает, каким образом применение типизирующего и индивидуализирующего методов в их взаимодействии позволяет провести интерпретацию источника в целом.

Преодолевая традиционные позитивистские подходы к источнику как к эмпирической данности, современная методология гуманитарного исследования выдвинула на первый план проблему герменевтики как главного и даже единственного метода работы с источником, произведением и текстом. Современная философская герменевтика выходит далеко за пределы традиционного истолкования текста, обращаясь к более общим проблемам языка и значения. «Сама работа по интерпретации обнаруживает глубокий замысел - преодолеть культурную отдаленность, дистанцию, отделяющую читателя от чуждого ему текста, чтобы поставить его на один с ним уровень и таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель»²⁸. От «восстановления изначального значения произведения» герменевтика в ее философском понимании выводит исследователя на «мыслящее опосредованно с современной жизнью»²⁹. При этом подчеркивается взаимосвязь профессионально-прикладного и теоретико-познавательного подхода к произведению, их неразделимость. «...Различение когнитивного, нормативного и репродуктивного истолкования не имеет принципиального характера, но описывает единый феномен»³⁰. От истолкования (смысла, который вкладывал в свое произведение автор) исследователь переходит к рассмотрению выходящего за пределы интерпретации понимания источника как явления культуры.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть значительное различие этих двух подходов, а не только их единство. В сущности, исследуется один и тот же объект, один и тот же источник, но он рассматривается для решения двух разных исследовательских задач. На этапе интерпретации источника исследователь движется в потоке сознания автора произведения: стремится лучше понять ситуацию, в которой тот находился, замысел произведения, способ, принятый автором для воплощения этого замысла. Иначе говоря, исследователь выступает в качестве заинтересованного слушателя, интерпретатора. На той же эмоциональной волне сопереживания и симпатии может переводиться и иноязычный текст. «...Перевод иноязычных текстов, поэтическое подражание им, а также и правильное чтение их вслух берут на себя временами ту же задачу объяснения смысла данного текста, что и филологическое истолкование...»³¹. Но затем позиция исследователя изменяется. Конечно, степень проникновения в психологию автора зависит от видовых особенностей произведения. В некоторых ситуациях данному подходу придается важное, по

существо решающее, значение. Так, А.И. Марру говорит даже о том, что исследователь средневековых текстов должен быть способен на какое-то время психологически войти в образ средневекового монаха³². Историк в рамках данной концепции это, по существу, ученый, наделенный даром испытывать симпатии и сопереживать. В свое время, останавливаясь на принципах изучения источников, В.О. Ключевский говорил о том, что для ряда категорий источников подобный подход неэффективен³³. Эта позиция разделяется и современными историками.

7. Анализ содержания

От интерпретации источника исследователь переходит к анализу его содержания. Для него становится необходимым взглянуть на источник и его свидетельства глазами современного исследователя человека другого времени. «...Существует естественное напряжение между историком и филологом, стремящимся понять текст ради его красоты и истины, - так обозначает эту смену позиции исследователя Х.-Г. Гадамер. - Историк интерпретирует с прицелом на что-то иное, в самом тексте невысказанное и лежащее, может быть, в совсем ином направлении, чем то, по которому движется разумеемый текстом смысл»³⁴. Источниковед, по существу, это филолог и историк в одном лице. Сначала он рассматривает источник как часть реальности прошлого, а потом - как часть той реальности, в которой находится сам. Он оценивает источник логически, обращаясь то к намеренно, то к ненамеренно заключенной в нем информации. Структура исследовательского изложения меняется - она диктуется стремлением возможно полнее раскрыть все богатство социальной информации, которую может дать источник, поставленный в связь с данными современной науки. «Историк стремится заглянуть за тексты, чтобы добиться от них сведений, которых они давать не хотят и сами по себе дать не могут»³⁵.

Исследователь раскрывает всю полноту социальной информации источника, решает проблему ее достоверности. Он выдвигает аргументы в пользу своей версии правдивости свидетельств, обосновывает свою позицию. Если этап интерпретации источника предполагает создание психологически достоверного образа автора источника, использование наряду с логическими категориями познавательного процесса таких категорий, как здравый смысл, интуиция, симпатия, сопереживание, то, в свою очередь, на этапе анализа содержания преобладают логические

суждения и доказательства, сопоставление данных, анализ их согласованности друг с другом. Здесь вполне уместно вспомнить слова Н.И. Кареева о том, что «знание, добытое приемами мышления, противоречащими требованиям логики, не есть научное знание, даже и не знание вообще»³⁶. Полученные данные соотносятся со всем объемом личностного знания исследователя, говоря словами Гадамера, «с целостностью нашего опыта о мире».

Общегуманитарный метод источниковедения призван помочь в решении наиболее сложных проблем гуманитарного познания. Современная ситуация в гуманитарном познании характеризуется стремлением найти новые пути к историческому синтезу, воссозданию целостности культуры. Источниковедение сложилось в новейшее время именно как целостный метод исследования особого пространства гуманитарного знания - соотношения объекта, субъекта и их взаимодействия в гуманитарных науках. Наиболее сложным является вопрос об объективности гуманитарного познания, возможности исследования жизненного мира человека. Преодолеть взаимосвязанность между субъектом и объектом гуманитарного познания возможно лишь сознательно осмысливая различия познавательных процессов, их предмета, задач и исследовательских целей.

Современные методологи говорят о диалогичности познания в области культуры. Но, для того чтобы этот диалог (между настоящим и прошлым - у историка, между разными культурами - у культуролога, двумя субъектами - у антрополога или исследователя искусства) мог быть содержательным, нес новую информацию, необходимо провести методологическое различение каждого из голосов в отдельности. Это различение является необходимым условием достижения синтеза в исследовании культуры.

8. Источниковедческий синтез

В процессе источниковедческого анализа исследователь раскрывает информационные возможности источника, интерпретирует те сведения, которые, намеренно или помимо своей воли, сообщает источник, свидетельствуя прямо или косвенно о своем авторе и о том этапе социального развития, когда источник был создан, воплощен в данную вещественную форму. Опираясь на результаты проведенного исследования, источниковед обобщает свою работу, проводит источниковедческий синтез. Синтез - завершающий этап изучения произведения, рассматриваемого в качестве исторического источника. На этом этапе создается возможность обобщить результаты анализа

отдельных сторон произведения, отдельных комплексов социальной информации, полученной при исследовании его структуры и содержания. Произведение рассматривается не только в его непосредственной, эмпирической данности, как реально существующий объект (вещь), но более полно и более обобщенно - как явление культуры своего времени, определенной социокультурной общности, народа. Раскрывая сущность методологии источниковедения, один из наиболее ярких ее представителей С.Н. Валк обращался к примерам из области изучения частноправовых актов. Исследователь, писал Валк, имеет целью рассмотреть частноправовые акты «как историческое явление в жизни народов, как продукты их культуры»³⁷.

Поставив перед собой такую исследовательскую цель, необходимо выяснить функции частноправового акта в обществе, состав акта, провести источник «сквозь горнило источниковедения», постепенно приближаясь к этапу синтеза. «Наука может ответить на эти обращенные к изучению явления вопросы лишь одним путем, - дав научную конструкцию этого явления, в данном случае - частного акта. Путь к такой конструкции акта лежит через его анализ к последующему синтезу»³⁸. Возвращение к целостности произведения как к явлению культуры - характерная черта методологии источниковедения, что ярко проявляется в подходе А.С. Лаппо-Данилевского к изучению частноправовых актов, А.А. Шахматова - древнерусских летописей, В.О. Ключевского - древнерусских житий как к историческому источнику. О необходимости обращения к целостности произведения как явления культуры писал Л.П. Карсавин³⁹.

Метод источниковедения - источниковедческий анализ и источниковедческий синтез - имеет целью воссоздать произведение как историческое явление, и в этом смысле результат такого исследования самодостаточен. Источниковедческий синтез, сосредоточивая внимание исследователя на воссоздании целостности произведения как явления культуры, открывает возможность широких культурологических компаративных исследований, вовлекающих в поле изучения сходные (особенно по таким признакам, как структура, функции, цели создания и т. п.) явления культуры других времен и народов. В результате сравнительных исследований возникают возможности синтеза более высокого уровня - воспроизведение явлений общечеловеческой истории, феноменологии культуры.

Аргументированная оценка значения источника дает обоснование для практических рекомендаций о возможностях его научно-практического использования. Это могут быть рекомендации по собиранию соответствующих источников, экспертизе ценно-

сти источников, по их использованию в научно-исследовательской и другой работе.

Практические рекомендации источниковеда становятся наиболее убедительными в том случае, если каждый из этапов источниковедческого анализа не только тщательно проведен, но логически обоснован и четко изложен.

Источниковедческое исследование имеет свою определенную логическую последовательность изложения. Примерная схема изложения результатов источниковедческого исследования такова:

Введение. В нем обосновывается тема исследования, характеризуются его методы, историография (степень изученности данной темы в литературе), формулируются задачи исследования.

Глава первая «Характеристика источника» соответствует первому этапу источниковедческого анализа - изучению вопросов происхождения и авторства источников. Поэтому в ней могут даваться характеристики исторических условий возникновения источника, автора (создателя) источника, истории текста, истории публикаций источника. В связи с характеристикой автора и обстоятельств создания источника рассматривается вопрос об интерпретации источника (что имел в виду автор, создавая текст источника).

В *главе второй «Анализ содержания источника»* основное внимание уделяется полноте сведений источника и их достоверности. Выявленная фактическая информация систематизируется и последовательно анализируется.

Заключение содержит обобщенную оценку значения исследуемого источника и практические рекомендации по его использованию, исходя из проведенного исследования.

Разумеется, данная схема исследования весьма обобщенная, типовая. В зависимости от того, какие стороны источника представляют наибольшие сложности для изучения, последовательность этапов источниковедческого анализа будет несколько меняться применительно к теме исследования. Так, если в ходе источниковедческого анализа содержания источника выявляется наибольшая ценность его информации для изучения определенных сторон исторического процесса, то именно этим вопросам и следует уделить основное внимание во второй главе. Могут вырасти в самостоятельное исследование история текста источника (его предварительные и окончательные варианты, редакторская правка текста, смысл и направление изменений текста при доработке и т. п.) или история публикаций источника (его переводов и публикаций на других языках и их особенности). Тем не менее основная структура источниковедческого исследования сохраняется.

влияние материально-физического и психологического факторов в историческом процессе. Взаимодействие исторической науки с рядом других наук отражает значение материально-физических, географических, психологических факторов в человеческой деятельности. Однако в целом историческая наука конца XIX - начала XX в. далеко не реализовала возможностей этого взаимодействия.

В прошлом для ученых России - историков, правоведов, социологов - была характерна особая разносторонность профессиональных интересов, взаимопроникновение методов палеографии, дипломатики, генеалогии, сфрагистики, библиографии, кодикологии. Эти смежные с историей науки отражают достаточно стабильные междисциплинарные связи истории. В качестве смежных с историей наук обычно называют государственно-правовые науки, языкознание, литературоведение, журналистику, экономическую географию, антропологию, археологию, этнографию, историю искусств, статистику.

Способы взаимодействия этих наук с историческим методом остаются, однако, недостаточно проясненными. Между тем одно из направлений этой взаимосвязи достаточно определено: это междисциплинарные контакты, устанавливаемые при изучении тех видов источников, которые по своему происхождению и содержанию нуждаются в более специализированном использовании смежных наук. Так, источниковедение литературных памятников тесно связано с литературоведением, источниковедение законодательства - с правовыми науками, источниковедение картографии - с историей и методами картографических исследований, источниковедение изобразительных источников - с историей искусства и т. п. Подобный подлинно культурологический подход характерен, например, для Н.П. Лихачева в его выдающихся работах по целому ряду исторических дисциплин.

Познавательным средством для осмысления всего многообразия исторических источников является классификация. В источниковедении используются различные классификации источников. Классификация по видам является наиболее важной, отвечающей главной задаче источниковедения. Источники возникают в целенаправленной человеческой деятельности как облеченные в материальную форму произведения, как средства для достижения той или иной цели, удовлетворения тех или иных общественных, человеческих потребностей. Вот эту цель, эту направленность, назначение произведения и следует положить в основу классификации. Всякое творение человеческих рук и разума имеет практическое назначение. Создателя мало занимает то, как будет восприниматься его произведение в качестве исто-

рического источника, как отразится в нем, вольно или невольно, технический, эстетический, любой другой аспект времени, общественных отношений. Следуя своим замыслам и цели, творец придаст своему произведению ту или иную форму, определяет его структуру. Иногда такое произведение становится уникальным, ни на что иное не похожим. Но чаще бывает иначе. Ведь человеческие, общественные потребности повторяются вновь и вновь, они удовлетворяются не уникальными, а чаще массовыми изделиями. Именно поэтому видовая эволюция исторических источников заслуживает отдельного изучения. Для этого нужны длительные исторические наблюдения.

Итак, одно из направлений расширения междисциплинарных связей источниковедения - изучение отдельных видов и разновидностей источников. Другое направление - теоретическое обоснование междисциплинарных контактов источниковедения - связано со спецификой объекта и отдельных *этапов и методов* источниковедческого анализа и синтеза. В ходе источниковедческого анализа, как мы видели, исследователь ставит ряд вопросов, чтобы понять личность автора - создателя источника, его цели и обстоятельства создания данного произведения. В свою очередь, ответ на эти вопросы позволяет лучше понять структуру информации, заложенной в источнике его автором, намеренно и ненамеренно.

Разнообразие междисциплинарных связей источниковедения обуславливается также и тем, что в качестве источников выступают самые разнообразные типы и виды произведений. Уже в традиционной методологии истории осознавалось это многообразие. Необходимостью его возможно более полного отражения определилось создание различных классификационных систем, группировок исторических источников.

В своем труде Э. Бернгейм хорошо передает разнообразие форм, в которых иные наблюдения, кроме наших собственных, становятся доступными. Это - речь, письмо, изображение. Все источники этого типа он объединяет под общим названием «известия» (традиция). Среди них выделяются: *устная* традиция (песнь, рассказ, сага, легенда, анекдот, крылатые слова, пословицы); *письменная* традиция (исторические надписи, генеалогические таблицы, биографии, мемуары, брошюры и газеты); *изобразительная* традиция (иконография исторических личностей, географические карты, планы городов, рисунки, живопись, скульптура).

Другой тип исторических источников - «*остатки*», т. е. непосредственные результаты самих событий, среди которых Бернгейм выделяет такие виды: непосредственные следы жизни древ-

них времен; данные языка; существующие обычаи, нравы, учреждения; произведения всех наук, искусств, ремесел как свидетельства о потребностях, способностях, взглядах, настроениях, состояниях, словом, степени всего развития их творцом и его времени; деловые акты, протоколы и всевозможные административные документы; монументы и надписи, не содержащие каких-либо сведений (пограничные знаки, монеты и медали); законодательные, делопроизводственные и тому подобные документы.

Новые представления об истории как целостной науке, изучающей в единстве все эпохи и стадии исторического процесса, выявляющей взаимосвязи экономики, политики, общественного сознания, предъявляли совершенно новые требования к источникам социального исследования. Это нашло свое выражение в деятельности Л. Февра и М. Блока, особенно после создания ими в конце 20-х годов журнала «Анналы» и превращения школы «Анналов» в доминирующее направление историографии. Концепция глобальной истории повлияла на характер мышления историков, направленность их научного поиска, способствовала существенному расширению объекта исторической науки. М. Блок в книге «Апология истории, или Ремесло историка», рассматривая проблему исторических свидетельств, подчеркивал, что «...почти всякая человеческая проблема требует умения оперировать свидетельствами всевозможных видов...», различны и технические приемы исследования исторических свидетельств. «Причина в том, что человеческие факты - самые сложные. Ибо человек - наивысшее создание природы»⁴⁰. М. Блок, исходя из необходимости широких взаимодействий гуманитарных и естественных наук при изучении исторических источников, писал: «Разнообразие исторических свидетельств почти бесконечно. Все, что человек говорит или пишет, что он изготавливает, к чему он прикасается, может и должно давать о нем сведения»⁴¹.

Эту мысль о широком взаимодействии наук при изучении истории постоянно отстаивал и Л. Февр. Мы видели, что он активно выступал против традиционной историографии за новую историческую науку как науку о человеке. Данный подход предполагает возникновение междисциплинарных областей знания, которые способны рассмотреть историю человечества во всей ее полноте: в естественно-географической среде, взаимодействии с нею людей, в изучении политической, религиозной, социальной проблематики, общественной психологии в их взаимодействии и взаимовлиянии. Этот подход отразился уже в 1922 г. в одном из ранних трудов Февра «La terre et l'évolution humaine. Introduction géographique à l'histoire» («Земля и человеческая

эволюция. Географическое введение в историю»). Февр выступал против ограничения круга исторических источников лишь письменными документами, критиковал традиционалистов за отказ от изучения ранних периодов истории из-за отсутствия письменных источников. Выход из подобной ситуации он видел в междисциплинарном подходе, в том чтобы «не просто переписывать источники, но воссоздавать прошлое с помощью смежных дисциплин, подкрепляющих и дополняющих одна другую». «Долг историка в том и состоит, - считал он, - чтобы поддерживать, всемерно развивать и закреплять их совместные усилия»⁴².

Взаимодействие истории с другими областями знания, междисциплинарный подход к изучению источников нашли свое обоснование в известном издании - коллективном труде виднейших французских историков и специалистов исторических наук «История и ее методы». Ш. Самаран, открывая это издание, особо подчеркнул, что классический тезис традиционной исторической науки позитивистского направления «нет истории без документов» во второй половине XX в. интерпретируется несравненно более широко. Под документом понимаются разнообразные источники: письменные, вещественные, аудиовизуальные, изобразительные и другие. Ш. Самаран считает необходимым участие специалистов различного профиля в критическом исследовании свидетельств: «Нет истории без эрудиции, - т. е. без предварительного критического исследования свидетельств, - как собственно историками, так и другим или другими специалистами. Во всяком случае, история не импровизируется историком: историк создает не только «призвание», но и методическая подготовка»⁴³.

В соответствии с принципами, положенными в основу концепции книги «История и ее методы», в этом коллективном труде представлен широкий круг разнообразных типов источников, а изложение методов их исследования дополнено междисциплинарным подходом. Среди них: а) изучающие вещественные свидетельства (археология, нумизматика, сфрагистика и др.); б) применимые к письменным свидетельствам (эпиграфика, папирология, греческая, римская и средневековая палеография, криптография, дипломатика, ономастика, генеалогия, геральдика; в) последующие свидетельства, созданные с помощью технической записи (фотография, кинематография, микрофильмирование, звукозапись). Особенно подчеркивалось значение дисциплин и методов, расширяющих возможности исторического исследования (лингвистика, демография, статистика, история коллективной психологии и менталитета).

Рамки междисциплинарного подхода прослеживаются в главах «Истории и ее методов», посвященных сохранению и экспозиции археологических памятников, музейных предметов, архивных документов, собраний рукописных и печатных книг, синематик, дискотек и фонотек. В центре внимания авторов - методы критики источников, как вещественных, письменных, так и технотронных. Каждый из них требует специализированных методов анализа. Совершенно очевидно, что такой критический анализ предполагает сотрудничество специалистов разных дисциплин, становится исходным пунктом для формирования особого типа специалистов-источниковедов.

В труде «История и ее методы» главы о методах исследования таких источников, как фотографии и кинофильмы, были написаны историком кино и кинокритиком Ж. Садулем (1904-1967). Он показал возникновение и развитие новых видов источников, раскрыл методы анализа фотодокументов и кинофильмов как исторических источников, рассмотрел значение кино как источника формирования исторических представлений современного общества. Подобный критический анализ новых типов и видов источников конкретизирует формы междисциплинарного сотрудничества, способствует формированию новых профессиональных специализаций источниковедов.

Междисциплинарные контакты устанавливаются при изучении исторических источников, хранящихся в библиотеках. Они выступают как источники исторической информации и одновременно как исторические источники. Поэтому в главе «Библиотеки» особое внимание уделено рукописным коллекциям, которые издавна складывались и вплоть до настоящего времени формируются при крупных библиотеках. Междисциплинарные контакты расширяются в связи с развитием современных методов деятельности библиотек, изменением соотношения опубликованных и неопубликованных документов.

Особая область исследований и соответственно поле междисциплинарных контактов - крупные, иногда всемирно известные, а порой малоизвестные коллекции манускриптов, как опубликованных, так и неизданных, исторически складывавшихся в течение многих лет, а иногда и веков в ряде библиотек. В связи с этим одним из новых ответвлений исследования исторических документов является кодикология. Этот термин ввел Ш. Самаран, читавший лекции в Школе высших исследований. Кодикология изучает рукописные книги - историю их изготовления, состав и судьбу. Кодикология опирается на методы палеографии, изучая графику и ее особенности для датировки и установления места создания рукописной книги. Наличие каталогов и исследо-

ваний датированных рукописей дает возможность сопоставления и более точной датировки документов и рукописных сборников. В то же время кодикология является и областью архивистики: она, как и архивистика, рассматривает объект исследования в составе фонда, частью которого он является, - изолированная рукопись ни о чем не говорит.

Еще одна проблема исследования - это книга в составе коллекции, частью которой по тем или иным причинам она позднее стала. В свою очередь, понятия фонда и коллекции трудно выделить в чистом виде, поскольку в одном из них всегда находятся и элементы другого. Изучение функционирования книги, в том числе и рукописей, предоставляет возможность расширить объем информации, который в этом случае не сравним с тем, что может дать исследователю изолированный документ. Так, в частности, изучение социального состава владельцев книги или рукописи, круга их чтения, отношения к книге в разное время, в различных общественных слоях, регионах, конфессиях выводит исследователя на постановку новых междисциплинарных проблем коллективной психологии, менталитета, культурологии.

Таким образом, источниковедение, будучи междисциплинарной областью науки, входит в еще более тесные взаимодействия с другими областями знания и практики, изначально также междисциплинарными: архивистикой, библиотековедением, библиографией, информатикой. Ясно и то, что, обращаясь к происхождению и содержанию различных видов источников, источниковедение взаимодействует с теми науками, которые имеют своим предметом соответствующие области гуманитарного знания.

Развитие теории и методики источниковедения находится в тесной связи с последовательным введением в сферу специального исследования новых исторических документов. Это дает материал для наблюдения, выявления общего и особенного в природе источников, специфики их формы и содержания. Новые задачи исторической науки в условиях интеграции гуманитарного и естественно-научного знания расширяют, как никогда ранее, во-первых, круг исторических источников различных видов, исторических эпох и уровней социальных культур и, во-вторых, спектр проблем общественной практики и науки, для которых применение методов данной исторической дисциплины оказывается необходимым.

Углубление интеграционных процессов, связанных с гуманитаризацией знания, не оставляет сомнений в том, что источники по истории науки, техники, других отраслей будут и впредь разрабатываться. Источниковедение уже взаимодействует с ря-

дом таких отраслей, входя со своей методикой в междисциплинарные комплексы, формируя на стыке гуманитарных, естественно-научных и технических знаний специалистов нового типа.

В последние годы наблюдается все больший интерес к использованию в исторических исследованиях интеграционных методик работы как с письменными, так и с вещественными памятниками. В частности, началось более тесное проникновение и взаимное обогащение методик источниковедения и музееведения, поскольку в музейной работе комплексное использование вещественных и письменных памятников имеет особое значение. Одним из новых направлений этих исследований является опыт изучения письменных источников, хранящихся в музеях.

Одновременно происходит и дифференциация: в источниковедении появляются новые направления исследования исторических источников по истории отдельных стран, народов, крупных регионов.

Как уже отмечалось, кодикология сформировалась при воздействии архивистики. Взаимосвязи источниковедения и архивоведения развиваются по ряду направлений. Архивные документы могут служить источниками информации о прошлом (ретроспективная информация). Поэтому к ним применяются методы источниковедения. Метод источниковедческого анализа составляет необходимый компонент работы с архивными документами для отбора, хранения, введения в научный оборот путем публикации или в других формах, составления научно-справочного аппарата и др. Источниковедческие приемы и опирающаяся на источниковедческий анализ оценка документа (или вида документов, комплекса взаимосвязанных документов) имеют для архивиста принципиальное значение при принятии профессиональных решений.

Архивное дело, охватывающее политические, научные, правовые и практические аспекты хранения и организации использования архивных документов, имеет свою историю развития. Для ее более эффективного изучения существуют собственные источники: документы ряда государственных учреждений, фонды выдающихся деятелей архивного дела, документы по истории архивного образования и многое другое. Поэтому актуальной задачей является разработка источниковедения истории архивного дела.

ГЛАВА 4

Источники в науках о человеке

ГУМАНИТАРНОЕ и естественно-научное знание в течение долгого времени оказывались разделенными между собой, что нашло яркое выражение в философской мысли XIX п., противопоставлявшей науки о природе наукам о духе. Поэтому пристальный интерес вызывают именно те научные направления, которые способны их объединить, вернуть целостный взгляд на природу, общество и человека. Выдающимися проводниками таких взглядов были В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, В.И. Вернадский. Восстановлению этого целостного подхода активно способствует источниковедение - ведь в источниках отражена взаимосвязь биологического и социального в природе человека, запечатлена человеческая деятельность. Биологическое проявляется через социальное, и наоборот.

Развитие исторической антропологии, этнологии, социологии неизмеримо расширило области применения методов источниковедения. Одна из самых трудных проблем современной науки о человеке состоит в том, чтобы преодолеть традиционное разделение различных аспектов изучения человека как личности, человеческой деятельности разными науками. Необходимо выработать такие научные методы, которые могли бы охватить взаимодействие биологической, материальной, духовной, эколого-географической сторон человеческой природы в их реальном соотношении, в проявлении одной через другую. В этой связи несомненный интерес представляет исследовательский опыт исторических дисциплин, которые традиционно называются вспомогательными. Каждая из них как раз и ставит в центр своего изучения те или иные стороны источника. Этими дисциплинами исследуются сложные взаимосвязи - вещественные и духовные, (палеография), биологические, социально-психологические и духовные (генеалогия), взаимосвязи человека и окружающей географо-экологической среды (историческая география) и т. д. Подходя к этим дисциплинам с данной точки зрения, можно лучше понять, почему в настоящее время они выделились из инструментария историка, обрели особую, суверенную социальную функцию, непосредственно воздействуют на общественное сознание.

Так, современная *палеография* позволяет воспринять единство текста и материала, на котором он написан, - графики и изображения, охватить техническую, эмоциональную, художественную стороны произведения, созданного человеком. В центре

внимания палеографии при этом оказываются история письма, искусство графики и орнамента, история техники создания материала для письма, история рукописи в информационном поле эпохи, история грамотности, обучения и образования. Вещь и текст существуют нераздельно, они взаимодействуют: материальная и духовная стороны источника как продукта целенаправленной человеческой деятельности акцентируют, усиливают одна другую. Вещь с текстовой надписью, изображение реального предмета, материальная фактура рукописи или книги - все это примеры взаимосвязи материального и духовного в источнике. Взаимосвязанное рассмотрение символа и знака повышает возможную отдачу источниковедческого анализа, увеличивает шансы получения достоверной информации, более точной оценки цели создания источника, а следовательно, его содержания и значения как социального явления. Ощущение «пыльной и старой тайны», о котором когда-то писал Е.А. Косминский, дается одновременным восприятием целого (внешних особенностей, фактуры, смысла и содержания произведения культуры), т. е. палеографией.

Графика рукописных памятников и система письма - предмет палеографии - выступают как часть более широкого, многоаспектного исследования, в котором отдельные стороны источника изучаются в контексте истории культуры, социальных отношений своего времени. В качестве примера можно привести исследование рукописной традиции итальянского Ренессанса. Письменные памятники, рукописи рассматриваются как своего рода продукция, а письмо - как способ общения; графика и система письма выступают как результат профессиональной деятельности писцов-профессионалов, подготовка которых восходит к разным школам.

Многоаспектный подход к историческим дисциплинам весьма характерен для их современного развития. По существу, современные исторические дисциплины - это области междисциплинарных исследований, имеющие целью получение самой различной социальной информации. В настоящее время одной из наиболее активно разрабатываемых исторических дисциплин является *геральдика*. Систематически проводимые международные конгрессы по генеалогии и геральдике свидетельствуют о широте и многоаспектности изучения гербов: геральдика помогает идентификации памятника, дает сведения о его происхождении (особенно интересны ее результаты, полученные во взаимодействии с генеалогией). Геральдика - важная область исторической науки, коллекционирования, идентификации графики. Герб дает сведения об истории искусства, культурных связей, со-

циальной психологии. Символика, знаки, изображения, медали - важный источник общественных настроений эпохи.

Настоящий подъем переживает *генеалогия* - одна из самых ранних традиционных вспомогательных исторических дисциплин. К генеалогическим данным проявляют интерес демографы, социологи, изучающие социальный состав общества и его изменения, связанные с брачными союзами; к ним обращаются специалисты по географии населения, социальной психологии, истории, права, региональной истории, истории города, села, фабрик и заводов. Разнообразны перспективы использования генеалогии в междисциплинарных исследованиях историков, географов, представителей естественных наук, психологии, этнографии.

Генеалогия изучает родственные связи людей, последовательность поколений. Она обращена к общечеловеческим ценностям родства, старшинства, закономерной связи поколений и соответствующих им правовых и этических норм, выработанных в глубокой древности и ныне обретающих новое качественное содержание. Поэтому предмет генеалогии и интересен для общества, независимо от социальных, национальных, профессиональных или других различий входящих в него групп.

Генеалогические изыскания возобновились повсюду, развернулись на всех уровнях исследований - от глубоко специального до массового, в общественном сознании они связаны с гуманизацией науки и образования, духовным и культурным возрождением, переосмыслением социальной памяти прошлого. Огромное значение придается деятельности архивов по выявлению, исследованию и пропаганде историко-генеалогических сведений, изданию генеалогических путеводителей и справочников, руководств. Среди публикаций последних лет, в которых используются архивные документы, - новые тома фундаментальных серий о происхождении и генеалогии правящих династий, справочники истории родов и семей переселенцев (например, в Австралии, где этим работам придается государственное значение), продолжающиеся издания по истории родов, многих поколений дворянства, бюргерства, купечества, деятелей политики, искусства, науки и культуры. Широко и полно представлены в новейшей литературе архивные справочные издания типа описей, обзоров наиболее насыщенных генеалогической информацией фондов. Архивы публикуют справочные издания по истории и генеалогии народов и государств Востока, Азии, истории переселенцев, колонистов, родственные связи и деятельность которых прослеживаются по данным источников в длительной исторической ретроспективе. Публикация документов, обобщение данных анкет массовых опросов, переписка членов рода в течение многих

поколений, воспоминания из истории семьи - все это создает новые стимулы для обращения к социальной памяти прошлого, повышает уровень историзма массового сознания.

Строго говоря, актуальные проблемы современной генеалогии - это не только источниковедческие проблемы, но и в значительной степени, поскольку речь идет об открытии новых источников генеалогической информации, архивоведческие. Генеалогические факты приобретают научную значимость тогда, когда возникает возможность связать их с дополнительными сведениями о сословной принадлежности личности, имущественном положении, образовании, служебном статусе, политической или другой общественной деятельности тех лиц, родственные связи которых исследуются. В сословных общественных системах данные о рождении, происхождении всегда имели важное значение для закрепления тех или иных критериев привилегированности или дискриминации. К глубине древности восходит использование генеалогических сведений на развитие дипломатических, культурных, религиозно-конфессиональных и экономических отношений.

Выявились новые, очень перспективные направления использования генеалогических данных в междисциплинарных исследованиях, прежде всего сведений об истории дворянства, купечества, городских средних слоев, феодальной аристократии, буржуазии, интеллигенции. Введение в научный оборот архивных источников, богатых генеалогической информацией, открывает новые возможности для социологических и социально-психологических исследований.

Еще одной важной проблемой науки о человеке являются взаимоотношения человека и природы в ее глобальных пространственных и временных пределах. Изучением этих проблем занимается *историческая география*. Влияние географических условий на исторические судьбы народности и государственности являлось принципиально значимой частью концепции русского исторического процесса в трудах С.М. Соловьева и других выдающихся ученых его времени, их последователей - В.О. Ключевского, М.К. Любавского. Однако в дальнейшем эта сторона человеческой деятельности ушла на второй план, была вытеснена выявлением собственно социологических закономерностей исторического процесса. На необходимости изучения явлений истории человека в ее природном окружении настаивал Л. Февр. О невозможности понять историю людей «в абстрактном математическом пространстве» писал основатель новой концепции исторической географии В.К. Яценский (1883-1966)⁴⁴. Он понимал значение исторической географии не только как дисциплины,

прослеживающей изменения политической географии прошлого, но и как науки, глубоко и последовательно, на основании изучения широкого круга исторических источников анализирующей изменения природной картины мира под влиянием человека, размещение и движение населения, географию экономических объектов в ходе исторической эволюции.

В целостном виде историческая география тесно связана с источниковедением, с разработкой таких видов источников, которые освещают историю колонизации народов, географических открытий и освоения новых территории и пространств, отражают процесс этого освоения в письменной и картографической форме. Этот подход сближает труды Яцунского с источниковедческими исследованиями А.И. Андреева, прежде всего с его «Очерками по источниковедению Сибири»⁴⁵. Выдающийся ученый, специалист по истории XVII-XVIII вв., по историческому источниковедению А.И. Андреев (1887-1959) проанализировал совокупность источников по истории Сибири и ее народов XVII-XVIII вв., рассмотрев, в частности, географические и этнографические источники, труды по географии и этнографии Сибири, летописи и истории Сибири XVII в. Он изучил огромный корпус источников о Сибири, северо-востоке Азии и северо-западе Америки в XVIII в., возникших в ходе знаменитых камчатских экспедиций В. Беринга и А.И. Чирикова, в том числе особенно подробно материалы Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова, М.В. Ломоносова. Андреев создал свое направление в исследовании источников, в том числе картографических. Оно было продолжено его последователями. Например, Л.А. Гольденберг изучил картографические материалы сибирского картографа XVII в. С.У. Ремезова.

Исследования А.И. Андреева, В.К. Яцунского заложили основу создания особого направления отечественной науки - *картографического источниковедения*, успешно развиваемого в настоящее время историками (источниковедами, историками картографии, географии, естествознания и техники). Эффективность использования методов источниковедения в междисциплинарных исследованиях картографических источников убедительно подтверждается новейшими работами в данной области.

Одной из особенностей отечественной исторической географии новейшего времени является широта охватываемых проблем. В отличие от историко-географических исследований традиционного типа, в которых во главу угла ставилось изменение политических границ, отечественная историография всегда много внимания уделяла географическому аспекту истории страны. Это прослеживается как в фундаментальных обобщающих

трудах С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, так и в исследованиях, посвященных роли колонизации в истории России, М.К. Любавского, П.Н. Милокова. В.К. Яцунский так определял круг задач этой науки: она изучает физическую, экономическую и политическую географию той или иной страны или региона в прошлом, уделяя важное значение географии населения - его расселению, движению по территории, роли городов, а также рассматривает все эти историко-географические аспекты исторического процесса в их взаимосвязи, т. е. историческая география - наука, опирающаяся на широкий и разнообразный круг источников, как письменных, так и графических, изобразительных и вещественных. Кроме того, она использует данные ряда естественных наук.

Фундаментальные исследования в области исторической географии России опираются на изучение таких видов источников, как делопроизводственные документы учреждений, ведавших строительством дорог и каналов, судоходством и транспортировкой товаров, топографические описания губерний, экономические примечания к Генеральному межеванию, записки путешественников, труды академических научных экспедиций, отчеты губернаторов. Ценным источником являются географические словари, а также законодательные акты, указы в Уложенную комиссию Екатерины II, анкеты, географические карты. Интеграция наук в информационном поле источниковедческой парадигмы успешно развивается, притягивая не только специалистов-гуманитариев, но и представителей естественных, информационных, когнитивных и других областей знания, историков науки⁴⁶.

Изучение картографических источников - также одно из наиболее сложившихся и перспективных направлений междисциплинарных контактов источниковедения. Важнейшим направлением дальнейшего развития междисциплинарных исследований является изучение источников по *истории науки и техники*, успешное развитие которой является одним из проявлений синтеза естественно-научного и социально-исторического познания целостного, единого в своем многообразии мира. История науки нуждается в источниках, а следовательно, в источниковедении. Обе задачи источниковедения - эвристическая и аналитическая - необходимы для истории науки. История исторической науки раньше других поставила эту проблему и формирует *источниковедение историографии*. Но очевидно, что свое источниковедение создают и другие науки, как гуманитарные, так и естественно-научные. Появились источниковедение истории философии, истории медицины, истории военного дела, истории естествознания и техники.

Применение методов источниковедения весьма перспективно в социологии, политологии, истории политических учений, Политология в настоящее время становится необходимым элементом гуманитарных наук и образования. Эта общественная наука изучает политические системы, отношения общества и государства, проблемы власти и лидерства в их реальном взаимодействии, их конкретном функционировании. Для получения информации по предмету своего исследования политология так же, как и историческая наука, обращается к историческим источникам. Важнейшие виды этих исторических источников уже известны и разработаны с позиций общего источниковедения. Таковы, например, программы и документы политических партий и движений, произведения политических деятелей, их переписка и мемуары, законодательное творчество, материалы периодической печати различных политических направлений, документы парламентов и других представительных учреждений и пр. Опираясь на теоретико-познавательные методы общего источниковедения, вполне возможно приступить к разработке нового направления - источниковедения политологии и истории политических учений. Это позволит развернуть исследования сразу по многим видам источников, включить в сферу этих исследований ученых, имеющих общую источниковедческую подготовку, историков-архивистов, историков политических учений, истории философской и политической мысли, исследователей истории нового и новейшего времени, юристов и историков права.

Источниковедческая парадигма методологии истории открывает широкие возможности для применения компаративных подходов, прежде всего в изучении видовых особенностей источников. Проблемы типологии источников, их сопоставимости в принципе познаваемы. Трудно сравнивать два конструкта, два образа, создаваемых индивидуальным творчеством ученого. Но вполне логично сопоставлять реально существующие источники, объекты культуры, имеющие общие свойства, доступные критическому наблюдению. Это расширяет возможности сравнительного анализа до глобальных масштабов (например, сравнение законодательных, актов, договорных документов, переписей, произведений по жанрам). Свойства источников, само появление их новых видов при таком подходе создают возможности получения точных данных об этапах развития общества, выступают как датирующий признак.

Интеграция наук становится возможной, когда изучаются реально существующие произведения, объекты культуры, источники, созданные в процессе целенаправленной человеческой дея-

тельности. Разные науки применяют свои методы к единому объекту - источнику, изучая его материал, приданную ему создателем форму, его текст, язык, символику графического изображения и символику текста, особенности содержания. Использование методов социологии, биографики, социальной психологии, философской герменевтики, количественных параметров социальной информации - существенно расширяет и обогащает метод источниковедческого анализа, культурологического синтеза.

Важно подчеркнуть, что интеграция наук в информационном поле источниковедения охватывает не только гуманитарные, но и другие области знания. Совокупность наших культурных ценностей - одна для всех - и для гуманитариев, и для тех, кто не считают себя таковыми. Если нет произведения, источник не создан, то нет и приращения научного знания. Инструменты и приборы, с помощью которых ученые познают мир природы, - это тоже творения людей, земного разума, а следовательно, исторический источник. Они говорят о природе, увиденной глазами человека, но больше всего о людях, их создавших: о наших приоритетах в познании, о способах достижения целей познания. Непосредственное наблюдение как средство познания крайне ограничено во времени и в пространстве, и только документирование способно сделать его достоянием науки. В этом смысле науки о природе и науки о культуре едины: всякое познание - гуманитарно, оно в значительной мере зависит от того, были ли созданы и интерпретированы творения культуры - наши источники.

Источники возникают в ходе этой целенаправленной деятельности первоначально как облеченные в материальную форму средства для достижения определенных целей, удовлетворения духовных и материальных общественных потребностей. Всякое произведение, создание человеческих рук и разума имеет определенное практическое значение. Создатели этих произведений имеют в виду прежде всего их прямое назначение, менее задумываясь над тем, как отразится в них технический, культурный, эстетический и любой иной аспект времени и общественных отношений. Поскольку потребности общества удовлетворяются не единичным, но многократным воспроизведением определенных произведений, общие признаки предмета, обусловленные его назначением, отрабатываются все более четко. То общее, что позволяет объединить, например, изделия в один «вид», определяется свойствами этого предмета, которые обусловлены его назначением. Между памятниками материальной и духовной культуры в этом отношении существует известная аналогия. Ряд свойств письменных памятников также определяется

их назначением. Под влиянием новых социальных целей возникают произведения соответствующего назначения и все более четко отрабатываются и фиксируются структурные свойства этих произведений, обусловленные их назначением. Эта зависимость и выделяется как главная для определения понятия вида. Вид - группа произведений, которые имеют устойчивую общность признаком, возникших и закрепившихся в силу общности функций этих произведений в жизни общества.

Практические цели, вызвавшие к жизни те или иные виды источников, могут быть обусловлены различными, разнопорядковыми закономерностями общественного развития. Поэтому возможны и действительно существуют очень разнообразные виды источников. Видом источника, обслуживающим очень давнюю и устойчивую потребность в обмене письменной информацией, являются письма, эпистолярные источники. Другие виды источников связаны с существованием лишь определенных форм общественных отношений. Таковы, например, акты, оформляющие права собственности на орудия и средства производства. Возникновение некоторых видов источников связано с определенным уровнем развития общественного сознания (летописи, хроники) или технического прогресса (карты, чертежи). Многие из видов источников распадаются на бесчисленные подвиды (с сохранением, однако, главного отличительного признака). В процессе деятельности государственных учреждений создаются разнообразные виды деловой документации, что обусловлено строго установленными формами канцелярского делопроизводства, знаков удостоверения, особого делового языка и т. д. В тех случаях, когда устойчивость структуры и внешней формы источника особенно важна в практических целях, она устанавливается юридически. Эта устойчивость структуры, способов утверждения, воспроизведения, терминологии особенно хорошо прослеживается на примере такого наиболее четко сложившегося вида источников, как акты.

Акты представляют собою источники, возникшие в результате часто повторяющихся потребностей обслуживания определенных общественных отношений. Поэтому они превратились в многочисленные виды массовых источников с четко выраженными общими признаками. Однако наряду с такими массовыми видами могут существовать и памятники уникального характера, не имеющие себе подобных в силу специфичности условий своего возникновения. Возникновение, развитие и исчезновение определенных видов источников представляет несомненный интерес. При систематизации источников отдельной страны некоторые памятники с видовой классификацией кажутся уникаль-

ными. «Русская правда» в видовой структуре источников не создаст «вида», который формируется лишь при условии повторяемости целей их создания. Но при обращении к классификации источников всеобщей истории многие из таких «специфических» памятников находят свое место и в рамках видовой классификации⁴⁷. Метод источниковедения выступает при этом как метод компаративного исследования культур.

Очевидно, видовая классификация не может быть проведена последовательно в том смысле, чтобы создалась стройная схема, в которой каждый источник оказался обязательно отнесенным к какому-то сформировавшемуся виду. Ряд источников, и притом, возможно, особенно интересных, может оказаться вне видовой группы или положить начало образованию нового вида, имеющего тенденцию к дальнейшему развитию. В то же время существует много стабильных видов источников, насчитывающих сотни и тысячи документов. Задача теоретического источниковедения состоит не в том, чтобы свести все имеющиеся в наличии источники к определенному количеству видовых групп. Важно выявить наиболее типичные, массовые видовые комплексы, перспективные в применении к ним общих методов группировки, анализа, обобщения, компаративных подходов.

Без изучения свойств видов нельзя создать достаточно разнообразную видовую методику на базе общих методологических принципов теоретического источниковедения. Изучение видовых свойств - это один из путей изучения объективных свойств исторических источников, свойств, сформировавшихся в процессе их создания.

Проблематика компаративного метода очевидным образом связана с наиболее актуальными проблемами современного гуманитарного знания. Это касается, прежде всего, перехода социально-исторического процесса от европоцентристской модели к глобальной многополюсной модели. Важно оценить, что именно в европоцентризме является существенно общим для понимания глобальных процессов и цивилизаций, а что имеет более специфический характер. В этом же ряду стоит и проблема изучения целостного феномена человека (философская антропология) в ее доступных для компаративного изучения параметрах и воспроизводимых научных результатах, т. е. проблема объекта наук о человеке; и, наконец, это проблема интеграции гуманитарного и естественно-научного знания по принципу дополнительности, а значит, проблема общего объекта наук о культуре и наук о природе и возможности достижения единства научного знания и достижения целостной картины, - открытия «связи вещей и связи истин»¹⁸. Очевидно, что ни одна из этих фундаментальных задач

не может найти результативных решений без применения компаративных подходов - сопоставления цивилизаций, типов обществ, человеческих групп или индивидов и сопоставления природных и культурных феноменов в их существенно общих и специфических различных аспектах. Между тем компаративные методы в гуманитарных науках не занимают достаточно значительного места. Достижения в отдельных областях гуманитарного знания, скорее, исключения, подтверждающие это общее правило, и потому сами нуждаются в объяснении их природы.

Источниковедение дает системообразующий ориентир для формирования единой науки о человеке. Суть данного подхода состоит в своеобразной интерпретации проблемы объекта гуманитарного познания, его реальных свойств и в обосновании (в соответствии с этими свойствами) системы антропологически ориентированных методов исследования⁴⁹. В сопоставлении с другими подходами к проблеме гуманитарного познания и его объекта выявляются как общность главной цели познания, так и различие путей к ее достижению. Целью является познание людей во времени, человека как тотальной целостности его социальных, психологических, биологических и других свойств, и прежде всего познание человеческой мысли. История науки показывает, как глубоко и всесторонне осмысливают современные науки феномен человеческого общения, то, в каких направлениях совершенствуют способы понимания, интерпретации, стремятся понять человека, который живет, трудится, обменивается информацией, говорит. Источниковедческая парадигма методологии истории имеет в своей основе особый подход к человеку. Что, собственно, отличает человека от других высокоорганизованных живых существ? Ведь и они живут, трудятся для поддержания своей жизни и жизни своих детей, общаются, понимают и чувствуют, играют и по-своему мыслят. В сущности, отличие одно, но фундаментальное: человек творит, создает, причем не только для поддержания своего жизненного баланса, но и для общения. Он создает, чтобы выразить себя и дать другим познать свой внутренний мир. Созданные творения (произведения, изделия, вещи), воплощенные в материальной форме, передаются от поколения к поколению, не исчезают и, будучи восприняты в этом качестве другими людьми, объединяют человечество в единое целое. Понятие человечества в различные исторические эпохи, разумеется, наполнено разным конкретным содержанием. Но оно реально и существует не только в виде абстрактного, не имеющего материального воплощения образа.

Общество, государство, каждая социокультурная общность, человеческая личность в процессе своего функционирования со-

здают произведения - изделия, творения. Совокупность этих произведений, в свою очередь, может рассматриваться как своего рода модель, проекция, реально существующая и сохраняющаяся во времени.

В настоящее время развитие гуманитарного знания создало новую ситуацию, в которой следует рассматривать фундаментальные вопросы эпистемологии науки о человеке. В частности, оказывается неправомерным противопоставлять историю как науку о прошедшей реальности другим гуманитарным наукам, непосредственно наблюдающим свой объект. Данный подход не позволяет отличить объективные трудности гуманитарного познания от тех, которые возникают при неверной постановке проблемы. В этой - вторичной ситуации - неопределенность вполне может быть уменьшена. Возможно определить и оптимальный подход, который обеспечивает развитие перспективных исследовательских направлений. Одним из признаков эффективности метода является определение того, - открывает ли он возможности широкого применения компаративного подхода в гуманитарных науках в глобальных географических и временных рамках. В учебном пособии речь идет об источниковедческой парадигме методологии гуманитарного познания, основные положения которой мы рассмотрели в связи со становлением феноменологического направления гуманитаристики как знания научного. Познавательная ценность данного подхода становится вполне очевидной в свете развития ряда наиболее перспективных направлений науки о человеке. Источниковедческая парадигма была в свое время выработана в условиях взаимодействия исторической науки с широким кругом философских, филологических, правовых и психологических направлений и идей, что и позволило выделить данный метод познания в особую эпистемологическую междисциплинарную сферу исследования.

В данной парадигме актуальны такие фундаментальные постулаты, как понятие о мировом целом и человечестве как о его особой, наделенной сознанием части. Объектом методологии гуманитарного познания в ней выступает человечество, его эволюционное и коэкзистенциальное целое. В познании человечества определяющим является принцип признания чужой одушевленности, который раскрывает специфику отношения субъекта и объекта в гуманитарном познании.

В рамках такой концепции гуманитарного знания можно различать ситуацию непосредственного наблюдения явлений от опосредованного изучения фиксированной информации, реально существующих источников. Поскольку изучение источников как особый тип познавательной деятельности был выделен в

специальную область именно исторической науки, то этот термин и используется в данной форме («исторические источники»). Однако получение социальной информации из исторических источников не должно и не может рассматриваться как прерогатива исторической науки. Наблюдать еще не значит исследовать. Именно поэтому стремление зафиксировать момент непосредственного наблюдения характерно для культуры вообще, а для современной (получившей соответственно новые технические возможности аудиовизуальных средств, «устной истории») особенно. В процессе интеракционного взаимодействия, диалога, общение происходит в движении. Более того, по существу, невозможно избежать изменения объема и характера возникающей социальной информации под воздействием самого фактора присутствия наблюдателя, даже пассивного, и тем более наблюдателя, целенаправленно фиксирующего происходящее. Научный подход предполагает преимущественное внимание к тем фрагментам реальности, которые возникли по ходу развития событий. При этом не существует принципиального различия между изучением далекого прошлого или, напротив, современного события, происходившего за пределами непосредственного наблюдения исследователя. Поэтому изучение исторических источников не составляет специфики какой-либо одной науки, отличающей ее в этом смысле от другой. Непосредственное наблюдение крайне ограничено во времени и пространстве, а источники существуют везде и всегда, когда речь идет о культуре, в отличие от природы (как той части мирового целого, в которой воздействие разумной целенаправленной человеческой деятельности не предполагается). Исследование источников дает возможность получать объективно значимое знание о человеке, обществе, цивилизации и даже о природе (если природные феномены целенаправленно зафиксированы).

Науки о человеке (более точно о человечестве) располагают объектом, отвечающим условиям научности познания. Этот объект доступен для изучения, стабилен и суверенен (т. е. отделен от познающего субъекта). Он представляет собой целостную совокупность произведений, созданных в целенаправленной человеческой деятельности и служащих источниками гуманитарного познания (в традиционной терминологии - историческими источниками). Эти произведения (изделия, «пещи») есть исторические источники всех типов, видов, форм фиксации, они репрезентированы в материальной форме, имеют структуру, отвечающую цели их создания, и выступают в ходе их функционирования как реальное воплощение организующих связей в обществе, группе, социокультурной общности, цивилизации. Важно

подчеркнуть, что произведения, созданные людьми определенной эпохи (страны, другой общности), в момент их создания и последующего функционирования соотнесены между собою. Эта соотнесенность достаточно четко, а иногда и количественно выражена (например, тиражом) и потому несет в себе информацию о целом, о функционировании системы. Любая часть социальной информации, заложенная в источниках при их создании, может быть интерпретирована лишь с учетом системных связей. Проблема исторического синтеза рассматривается в данной парадигме как эпистемологическая проблема, для решения которой наука располагает объективной реальной основой. Как объекты исследования, исторические источники независимы от познающего субъекта, потому что они созданы для других целей и в другое время. В своей совокупности они отражают взаимодействие человека с природой, обществом, политическими структурами, а также свидетельствуют о намерениях, целях, возможностях, психологических мотивациях, материальных, технических средствах, которыми располагает человек как творец, деятель и мастер.

Выявление эмпирических данностей, фрагментов изучаемой культуры, ее «следов» или исторических остатков открывает возможность научного исследования реальности, которую ученый не имеет шансов (ввиду временной или географической, пространственной отдаленности) наблюдать воочию. В методологии источниковедения данный фрагмент интерпретируется как явление культуры, созданное в конкретном времени, месте, условиях и обстоятельствах. В методологии исторического построения (культурологическое конструирование) система интерпретационных логических умозаключений позволяет выстроить образ изучаемой целостности. Интеграция наук приобретает в пространстве данного феноменологического подхода новое содержание, поскольку разработанные ими познавательные модели и интерпретации направлены на исследование общего для них объекта, что позволяет раскрыть его информационный потенциал со всей возможной для гуманитарной науки полнотой.

Данная парадигма открывает перспективы компаративного исследования культур в глобальном масштабе и в то же время предлагает научному сообществу воспроизводимые результаты компаративных работ. Поскольку произведения (изделия, «вещи»), созданные людьми целенаправленно, с определенным намерением, ради достижения конкретных целей, имеют достаточно четко выраженные видовые типологические признаки.

Таким образом, в реальности глобальной многополюсной науки о человечестве существенно изменились запросы общества

по отношению к профессионализму гуманитарного, в том числе исторического, исследования. «В течение XX века историческое знание во многих странах многократно и существенно обновлялось. Расширилось исследовательское поле исторической науки... <...> ...Существенно менялось само ее предназначение - она решительно поворачивалась к человеку. И не просто к человеку как к природному существу, как к индивиду, но к человеку в обществе и во времени»⁵⁰.

Исследователи методологии гуманитарного знания и исторической науки отмечают имеющий принципиальное значение антропоцентричный поворот в гуманитарном знании последних десятилетий XX в. Соответственно меняется теоретико-познавательная, методологическая ситуация гуманитарных наук. Важно, чтобы «появилась новая история, по-современному оснащенная всем необходимым инструментарием, подходами, методами, методологическими ориентациями, наконец, движимая новым духовным состоянием корпорации историков; история, способная проникать в глубины человеческого бытия, улавливать механизмы изменений во всех сферах жизни»⁵¹.

Этот поворот к исторической антропологии непосредственно связан с обращением к более полной и более глубокой источниковедческой проблематике. Аналитики зафиксировали обращение к комплексному изучению источников не только в исторической науке, но и в филологии, включая языкознание и литературоведение, в искусствознании, в философии. Расширилась источниковедческая база социальных наук. Данный объективный процесс, развития гуманитарного знания отражает растущие потребности общества в достоверных знаниях о человеке и обществе, в профессионализме гуманитарного источниковедческого образования.

Примечания

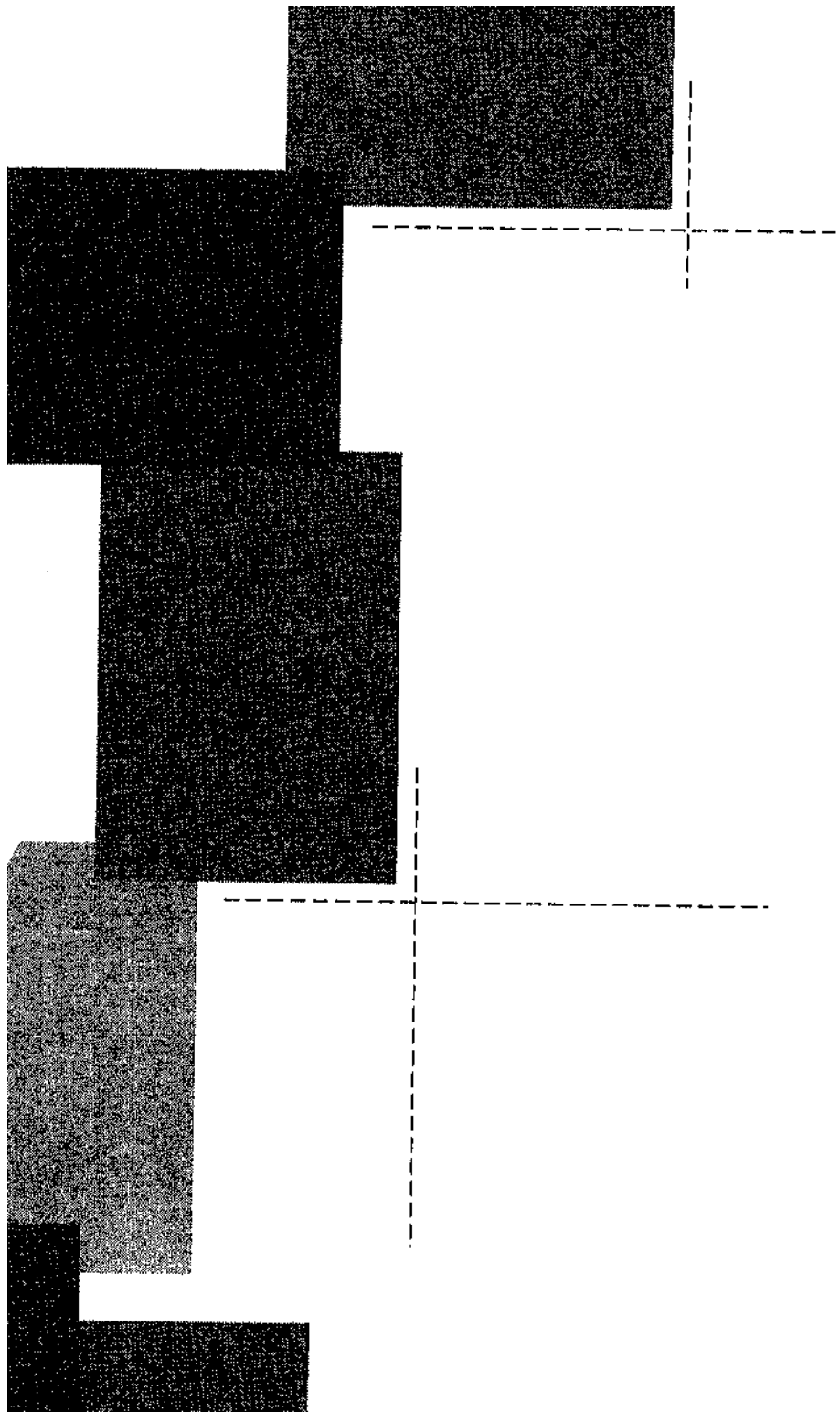
- ¹ Хайдеггер М. Исток художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 62.
- ² Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. 2. С. 378.
- ³ Значение принципа «единство чужого сознания» как основного для герменевтического искусства понимать чужую речь рассмотрел Л.С. Лаппо-Данилевский.
- ⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1980. С. 300.
- ⁵ Там же. С. 142.
- ⁶ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 283.
- ⁷ Гадамер Г. Введение к «Источку художественного творения» // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 97.
- ⁸ Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1994. С. 4.

- ⁹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 215.
- ¹⁰ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 407.
- ¹¹ Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996. С. 118.
- ¹² Леви-Строс К. Первобытное мышление. М., 1986. С. 825.
- ¹³ Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 22.
- ¹⁴ Там же. С. 30.
- ¹⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 306.
- ¹⁶ Там же. С. 191.
- ¹⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. С. 416.
- ¹⁸ Бельчиков Н.Ф. Литературное источниковедение. М., 1983. С. 183.
- ¹⁹ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 308.
- ²⁰ Якобсон Р. Взгляд на развитие семиотики // Язык и бессознательное. М., 1996. С. 160.
- ²¹ Барт Р. От произведения к тексту // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 413.
- ²² Интервью с Ж. Деррида // Мировое древо. 1992. № 1. С. 74.
- ²³ Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 8.
- ²⁴ Рикёр П. Указ. соч. С. 86.
- ²⁵ Промер Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 261-262.
- ²⁶ Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 415.
- ²⁷ Лаппо-Данилевский А.С. Указ. соч. Вып. 2. С. 514.
- ²⁸ Рикёр П. Конфликт интерпретаций... С. 4.
- ²⁹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 220.
- ³⁰ Там же. С. 367-368.
- ³¹ Там же. С. 367.
- ³² См.: Marrou H.I. Da la connaissance historique. Paris, 1972.
- ³³ Ключевский В.О. Курс лекций по источниковедению // Соч.: В 8 т. М., 1959. Т. VI. С. 5.
- ³⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод... С. 397-398.
- ³⁵ Там же. С. 399-400.
- ³⁶ Кареев Н.И. Теория исторического знания. Спб., 1913. С. 35.
- ³⁷ Валк С.Н. А.С. Лаппо-Данилевский. Очерк русской дипломатики частных актов // Русский исторический ж-л. 1922. № 8. С. 258.
- ³⁸ Там же. С. 255.
- ³⁹ Карсавин Л.П. Философия истории. Спб., 1993. С. 292.
- ⁴⁰ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. С. 40.
- ⁴¹ Там же. С. 39.
- ⁴² Феар Л. Бои за историю С. 20-21.
- ⁴³ Histoire et ses methodes. Paris, 1961. P. 5.
- ⁴⁴ Яценский В.К. Историческая география. История ее возникновения и развития в XIV-XVIII вв. М., 1955.
- ⁴⁵ Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1960-1965.
- ⁴⁶ См.: Исторический источник: человек и пространство // Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1997.
- ⁴⁷ Теоретические и конкретно-практические исследовательские подходы представлены и изданы: Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании // Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М., 1996.
- ⁴⁸ Гуссерль Э. Логические исследования // Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 334.

- ⁴⁹ Историческая антропология: место и системе социальных наук, источники и методы интерпретации: тезисы докладов. М., 1998.
- ⁵⁰ *Афанасьев Ю.Н.* Как России заново обрести свою историю // Судьбы российского крестьянства. М., РГГУ, 1995. С. XV.
- ⁵¹ *Семенов К.П.* Смысл происходящего с гуманитарными и социальными науками в современной России // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 2.

Ч АСТЬ 2

ИСТОЧНИКИ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ XI-XVII ВЕКОВ

ГЛАВА 1

ЛЕТОПИСАНИЕ

ЛЕТОПИСИ по праву считаются одним из важнейших источников изучения древней Руси. Именно в них ученые находят основной фактический материал для исторического построения. Вся нарративная часть исследований по истории русских земель и княжеств X-XVII вв. почерпнута из летописей и - в большей или меньшей степени - является их переложением.

В настоящее время известно более двухсот списков летописей. Большинство из них опубликовано (полностью или в виде разночтений к другим спискам) в продолжающемся уже на протяжении более полутора столетий Полном собрании русских летописей. Некоторые летописные своды (Новгородская I летопись, псковские летописи, Устюжская летопись) публиковались отдельно.

Каждый летописный список имеет свое условное название. Чаще всего оно давалось по месту хранения (Ипатьевский, Кёнигсбергский, Академический, Синодальный, Археографический списки и т. п.) либо по фамилии прежнего владельца (Радзивиловский список, список Оболенского, Хрущевский список и др.). Иногда летописи называются по имени их заказчика, составителя, редактора или переписчика (Лаврентьевский список, Никоновская летопись) либо по летописному центру, в котором они были созданы (Новгородская летопись, Московский свод 1486 г.). Однако последние наименования обычно даются не от-

дельным спискам, а целым редакциям, в которые объединяется ряд епископ. Если же несколько летописей носят одинаковые названия, то к названию добавляется условный номер. Так, выделяются Псковские I, II и III летописи, Новгородские I, II, III, IV и V летописи. Причем эта нумерация никак не связана с последовательностью их создания.

В связи с неупорядоченностью номенклатуры летописей некоторые списки могут иметь несколько названий. Например, Радзивилловский список (летопись) может также называться Кёнигсбергским, а Устюжская летопись часто упоминается как Архангелогородский летописец. Неизданные списки летописей принято называть по архивохранилищу, в котором они находятся, и шифру, под которым они там числятся. Предпринимавшиеся неоднократные попытки систематизировать названия летописных списков и редакций не дали положительных результатов. Как показала практика, это вело лишь к появлению дополнительных названий, связанных с каждой рукописью, что серьезно затрудняло понимание ссылки на конкретную летопись и усложняло ее поиск.

1. Летописи как исторический источник и методы их изучения

Определение летописания как особого вида исторических источников вызывает довольно серьезные трудности. Прежде всего это связано со сложным составом летописей. Являясь сводами предшествующих текстов, они могут включать хроникальные записи событий за год (так называемые погодные записи - термин явно неудачный, но широко распространенный), документы (международные договоры, частные и публичные акты), самостоятельные литературные произведения (различные «повести», «слова», агиографические материалы, сказания) или их фрагменты, записи фольклорного материала. В то же время начиная с работ Л.А. Шахматова, заложившего основы современного летописеведения, каждый летописный свод принято рассматривать как самостоятельное цельное литературное произведение, имеющее свой замысел, структуру, идейную направленность.

Дополнительные сложности в терминологию летописеведческих исследований вносит обыденное употребление слов «летопись» и «летописание». В древней Руси *летописанием* могли называть, например, новозаветную книгу Деяний апостолов. Видимо, тогда под летописанием понимали описание деяний как тако-

вых, а не обязательно точно датированные записи о происходившем, расположенные в хронологическом порядке. В современных исторических и источниковедческих исследованиях допускается также использование этих терминов для обозначения летописной традиции, сложившейся на определенной территории (галицко-волынское летописание, летописание Москвы, летопись Твери, новгородская летопись, ростовская летопись и т. п.).

Традиционно *летописями* в широком смысле называют исторические сочинения, изложение в которых ведется строго по годам и сопровождается хронографическими (годовыми), часто календарными, а иногда и хронометрическими (часовыми) датами. По видовым признакам они близки западноевропейским *анналам* (от лат. *annales libri* - годовые сводки) и *хроникам* (от греч. *chronikḗs* - относящийся ко времени). В узком смысле слова *летописями* принято называть реально дошедшие до нас летописные тексты, сохранившиеся в одном или нескольких сходных между собой списках. Иногда небольшие по объему летописи - чаще всего узкоместного или хронологически ограниченного характера - называют *летописцами* (Рогожский летописец, Летописец начала царств и т.п.). Впрочем, из-за неопределенности понятия «небольшой (или, напротив, большой) объем» их иногда могут называть и летописями. Как правило же, под *летописью* в исследованиях подразумевается комплекс списков, объединяемых в одну редакцию (скажем, Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись). При этом считается, что в их основе лежит общий предполагаемый источник. Каждый список по-своему передает предшествующий текст, в большей или меньшей степени изменяя его (искажая или, наоборот, исправляя).

Летописание велось на Руси с XI по XVII в. Поздние русские летописи (XVI-XVII вв.) существенно отличаются от летописей предшествующего времени. Поэтому работа с ними имеет свою специфику. В то время летописание как особый жанр исторического повествования угасало. Ему на смену приходили иные виды исторических источников: хронографы, Синописи и т. п. Период сосуществования этих видов источников характеризуется своеобразным размытием видовых границ. Летописи все больше приобретают черты хронографического (точнее, хронографического) изложения: повествование ведется по «граням» - периодам правления царей и великих князей. В свою очередь, поздние хронографы могут включать в свой состав летописные материалы (иногда целые фрагменты летописей).

Еще в XIX в. было установлено, что практически все сохранившиеся летописные тексты являются компиляциями, *сводами* предшествующих летописей. Согласно Д.С. Лихачеву, «по отно-

шению к летописи свод более или менее гипотетический памятник, т. е. памятник предполагаемый, лежащий в основе его списков или других предполагаемых же сводов»¹. Другими словами, свод - реконструкция текста, легшего в основу всех летописных списков данной редакции. Такой предполагаемый исходный текст называется протографом (от греч. *protos* первый + *grapho* пишу). Иногда в основе текста списка летописи лежит несколько протографов. В таком случае принято говорить не о редакции свода, а о *редакции летописи* (редакции редакции). Историки и литературоведы пришли к обоснованному выводу, что зачастую существующие списки представляют собой не просто своды, а *своды* предшествующих летописных *сводов*.

Реконструкции текстов сводов - задача сложная и трудоемкая (примерами могут служить реконструкции Древнейшего свода 1036/39 гг., Начального свода 1096/97 гг., I, II и III редакций Повести временных лет, созданные А.А. Шахматовым; академическое издание реконструкции текста Повести временных лет, подготовленное Д.С. Лихачевым). К ним прибегают для того, чтобы прояснить состав и содержание текста гипотетического свода. В основном такие реконструкции имеют иллюстративное значение. Вместе с тем известен случай научной реконструкции М.Д. Присёлковым Троицкой летописи, список которой погиб во время московского пожара 1812 г. Благодаря этой реконструкции Троицкий список был вновь введен в научный оборот. Реконструкции протографов допустимы, как правило, на заключительной стадии источниковедческого исследования, поскольку позволяют конкретнее представить результаты работы над текстами летописных списков. Однако их не принято использовать в качестве исходного материала. В источниковедческой практике исследователи в основном пользуются реально дошедшими текстами списков летописей. В случае необходимости указываются разночтения того или другого фрагмента текста, встречающиеся в иных списках летописи этой редакции.

При работе с летописными материалами следует помнить о неточности и условности научной терминологии. Это связано, в частности, с «отсутствием четких границ и сложностью истории летописных текстов», с «текучестью» летописных текстов, допускающих «постепенные переходы от текста к тексту без видимых градаций памятников и редакций»². Следует различать, идет ли в исследовании речь о летописи как об условной редакции или о конкретном списке; не путать реконструкции летописных протографов с дошедшими до нас текстами списков и т. д.

Уточнение летописеведческой терминологии - одна из настоящих задач летописного источниковедения. До настоящего

времени «в изучении летописания употребление терминов крайне неопределенно. Эта неопределенность пока еще не только не ослабевает, но растет. Предстоит ее внимательное изучение в классических работах по истории летописания (в первую очередь в работах А.Л. Шахматова по позднему летописанию), чтобы на основе этого изучения в известной мере стабилизировать терминологию». При этом «всякое устранение неясности терминологии должно основываться на установлении самой этой неясности. Невозможно условиться об употреблении терминов, не выяснив прежде всего всех оттенков их употребления в прошлом и настоящем»³.

Одним из самых сложных в летописеведении является понятие авторства. Ведь, как уже отмечалось, почти все известные летописи - результат работы нескольких поколений летописцев. Уже поэтому само представление об авторе (или составителе, или редакторе) летописного текста оказывается в значительной степени условным. Каждый из них, прежде чем приступить к описанию событий и процессов, очевидцем или современником которых он был, сначала переписывал один или несколько предшествующих летописных сводов, бывших в его распоряжении. Для автора летописи критерием достоверности его личных впечатлений было их соответствие коллективному опыту общества. Отклонение от такого социального стандарта представлялось, видимо, как несущественное (т. е. как не раскрывающее сущности явления), а потому неистинное. В этом отношении сама форма летописных сводов, по замечанию Д.С. Лихачева, оказывалась идеальным воплощением особого исторического сознания их авторов.

По-иному обстояло дело, когда летописец подходил к созданию оригинального, «авторского» текста о современных ему событиях, участником или очевидцем которых он был либо о которых узнавал от свидетелей. Здесь индивидуальный опыт автора или его информаторов мог вступать в противоречие с общественной памятью. Однако этот явный парадокс исчезал, когда в происходящем удавалось различить черты высшего для христианского сознания исторического опыта. Для летописца Священная история - вневременная и постоянно заново переживаемая в реальных, «сегодняшних» событиях ценность. Событие существенно для летописца постольку, поскольку оно, образно говоря, являлось со-Бытием.

Отсюда следовал и способ описания - через прямое или опосредованное цитирование авторитетных (чаще всего сакральных) текстов. Аналогия с уже известными событиями давала летописцу типологию существенного. Именно поэтому тексты ис-

точников, на которые опирался летописец, являлись для него и его современников семантическим фондом, из которого оставалось выбрать готовые клише для восприятия, описания и одновременной оценки происходившего. Судя по всему, индивидуальное творчество затрагивало главным образом форму и в гораздо меньшей степени содержание летописного сообщения.

Работа с летописями начинается с чтения и сличения всех списков данной редакции. При этом фиксируются и объясняются все разночтения. Следует помнить, что разбивка на слова и расстановка знаков препинания в публикациях летописей - результат определенной интерпретации текста исследователем (издателем). На начальной стадии изучения летописей исследователи исходили из того, что встречающиеся в списках разночтения являются следствием искажения исходного текста при неоднократном переписывании. Исходя из этого, например, А.Л. Шлецер ставил задачу воссоздания «очищенного Нестора». Попытка исправить накопившиеся механические ошибки и переосмысления летописного текста, однако, не увенчалась успехом. В результате проделанной работы сам А.Л. Шлецер убедился, что со временем текст не только искажался, но и исправлялся переписчиками и редакторами. Тем не менее был доказан непервоначальный вид, в котором до нас дошла Повесть временных лет. Этим фактически был поставлен вопрос о необходимости реконструкции первоначального вида летописного текста.

Осознание сводного, компилятивного характера всех сохранившихся летописей привело исследователей к выводу о том, что принципиально возможна «расшивка» сохранившихся летописных текстов на тексты предшествующих сводов. Такая задача была поставлена еще в середине XIX в. Н.К. Бестужевым-Рюминым. Однако, столкнувшись с тем, что реальные тексты - «клубок текстов разного цвета и качества», он не смог разработать методику, которая позволяла бы выделить отдельные «нити» и воссоздать первоначальный вид предшествующих текстов. Предложенный метод «расшивки» летописных сводов на тексты, восходившие к разным летописным центрам, не позволил ему выполнить эту задачу. Однако уже на этом этапе изучения летописей стало ясно, что в сравнительно поздних их списках XIV-XVI вв. довольно точно сохранились тексты летописей предшествующих веков. Было установлено, что каждый летописец стремился максимально точно передать текст предыдущего летописного свода, который он использовал в своей работе. Это давало достаточные основания, чтобы продолжить работы по воссозданию текстов летописей, не дошедших до нашего времени.

Накопленный опыт предшествующих поколений исследователей древнерусского летописания, а также использование методов, разработанных зарубежными источниковедами (в частности, при изучении текстологии Священного Писания), дали возможность в конце XIX в. создать новую методику изучения летописных текстов. Принципиально новые подходы к анализу летописей применил выдающийся литературовед и лингвист А.А. Шахматов. Сопоставив все доступные ему списки летописей, Шахматов выявил разночтения и так называемые общие места, присущие летописям. Анализ обнаруженных разночтений, их классификация дали возможность выявить списки, имеющие совпадающие разночтения. Такая предварительная работа позволила исследователю сгруппировать списки по редакциям и выдвинуть ряд взаимодополняющих гипотез, объясняющих возникновение разночтений. Предполагалось, что разночтения, совпадающие в нескольких списках, имеют общее происхождение, т. е. восходят к общему протографу всех этих списков. Сопоставление гипотетических сводов позволило выявить ряд общих черт, присущих некоторым из них. Так были воссозданы предполагаемые исходные тексты. При этом оказалось, что многие фрагменты летописного изложения заимствовались из очень ранних сводов, что, в свою очередь, дало возможность перейти к реконструкции древнейшего русского летописания. Выводы А.А. Шахматова получили полное подтверждение, когда был найден Московский свод 1408 г., существование которого предсказал великий ученый. В полном объеме путь, который проделал А.А. Шахматов, стал ясен лишь после публикации его учеником М.Д. Присёлковым рабочих тетрадей своего учителя⁴. С тех пор вся история изучения летописания делится на два периода: дошахматовский и современный. При этом считается, что изучение истории каждой летописной статьи в рамках данной летописи и предшествующих ей сводов - до того момента, когда она была включена в летописный текст, исключает некритическое, «потребительское» отношение к летописному материалу.

Непременным условием научного изучения летописей является установление личности самого летописца, его политических, религиозных, этических и прочих взглядов, симпатий и антипатий, пристрастий и неприятий. Одним из важнейших выводов А.А. Шахматова, к которому он пришел в результате систематического изучения летописных сводов XIV-XVI вв., было заключение, что «рукой летописца водили не отвлеченные представления об истине, а мирские страсти и политические интересы»⁵. В советской историографии это положение легло и основу изучения древнерусского летописания.

Недостаток подхода, разработанного Л.А. Шахматовым, заключается в том, что критический анализ источника фактически сводится к изучению истории его текста. За пределами интересов исследователя остается большой комплекс проблем, связанных с историей значений и смыслов, бытовавших в период создания того или иного летописного свода. Соответственно зачастую игнорируется та образная система, которую использовал летописец и которую хорошо понимали его читатели. Результатом такого подхода становится некритическое восприятие информации, заключенной в подлинном, с точки зрения историка, тексте летописной статьи. Тем самым проблема достоверности текста подменяется проблемой его подлинности. С этим связан «наивно-исторический» подход к восприятию летописных сведений, их буквальное повторение в исторических исследованиях.

Когда современный исследователь берет в руки древнерусскую летопись, перед ним неизбежно должен встать вопрос: насколько адекватно он может воспринимать текст, созданный тысячелетие назад? Естественно, чтобы понять любое информационное сообщение, необходимо знать язык, на котором оно передается. Все, однако, не так просто, как может показаться па первый взгляд. Прежде всего нельзя быть уверенным, что лингвистам удалось зафиксировать *все* значения (с учетом временных изменений) *всех* слов, встречающихся в древнерусских источниках. Предположим, однако, что все основные значения слов выявлены и зафиксированы, а исследователь правильно выбрал из них наиболее близкие «своему» тексту. Этого еще недостаточно, чтобы считать, будто текст *понят*. Существует поистине неисчерпаемое число индивидуальных смыслов, «окружающих» найденные общепринятые значения. В таких лексико-семантических полях и формируются образы, которые пытается донести до нас автор текста. Метафорические описания этих образов и их взаимодействий составляют собственно изучаемый текст. Проблема «лишь» в том, чтобы понять их смысл (точнее, смыслы). Поэтому историка, как правило, *не может удовлетворить буквальный, лингвистически точный перевод* текста сам по себе. Он не более чем одно из вспомогательных средств для уяснения исторического смысла источника. Дословные переводы, выполненные профессиональными лингвистами с соблюдением всех норм «русского средневекового языка (и в этом их заслуга), в результате дают мало понятный текст, ибо смысл той исторической, жизненной ситуации, которая обрисована в источнике, от них ускользает»⁶.

Между тем без специального изучения семантики лексем (далее, на первый взгляд, знакомых исследователю), принятой в мо-

мент создания летописи, толкование ее текста затруднено: слова со временем претерпевают в лоне языка сложные специфические изменения. Ситуация осложняется тем, что филологи-руси́сты традиционно обращали недостаточно внимания на анализ подобных изменений.

Перед нами - типичная герменевтическая ситуация: непонимание «темного места» в источнике (а часто таким «темным местом» может быть весь текст источника) сопрягается с кризисом доверия к прежним способам истолкования языковых фактов. *Обозначить пути*, которые позволят преодолеть ее, истолковать текст возможно близко к смыслу, вложенному в него автором, найти слово, «которое принадлежит самой вещи, так что сама вещь обретает голос в этом слове»⁷, - *основная цель*, которую должен ставить перед собой автор исследования.

В подавляющем большинстве случаев историк или литературовед исходит из неявной предпосылки, будто психологические механизмы остаются неизменными на протяжении веков. «Иногда презумпция тождества мышления летописца и исследователя высказывается открыто. Так, говоря о стимулах возникновения новых жанров древнерусской литературы, Д.С. Лихачев отмечает, что их не следует связывать с особенностями мышления создателей этих жанров. «Мне представляется, - пишет он по этому поводу, - что постановка вопроса об особом характере средневекового мышления вообще неправомерна: мышление у человека во все века было в целом тем же»⁸.

Подобная точка зрения почти на столетие отстает от современного уровня развития исторической психологии. Еще в первые десятилетия XX в. психологи, этнографы и антропологи (прежде всего Л. Леви-Брюль, а также его последователи и даже часть критиков) пришли к выводу, что психологические механизмы человека представляют собой исторически изменчивую величину. Причем эти изменения не сводятся к количественному накоплению единиц мышления. Речь идет о качественном преобразовании самих мыслительных процессов. В частности, установлено, что индивидуальное мышление, так называемый *здравый смысл*, по мере развития общества постепенно освобождается от коллективных представлений, другими словами, мышление *индивидуализируется*. При этом *коллективные представления* на ранних этапах развития общества существенно отличаются от современных *идей* и *понятий* и не могут отождествляться с ними. Для предшествующих обществ характерна пера в силы, влияния, действия, неприметные, неощутимые для чувств, но тем не менее реальные. Такая вера может не иметь, с современной точки зрения, логических черт и свойств, но ощущаться вполне логич-

ной для своего времени. По словам Л. Леви-Брюля, «первобытное мышление обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду»⁹.

Важнейшее средство, при помощи которого человек мыслит и - главное - излагает свои мысли - язык. Наверное, поэтому психологи напрямую связывают развитие мышления с развитием языка. Сначала слова предельно конкретны, употребляются преимущественно в качестве *имен собственных*. На втором этапе развития языка словами *обозначаются* целые *классы явлений*. В дальнейшем же слово превращается в орудие или средство выработки *понятий* и тем самым терминологизируется.

Древнерусские летописные тексты, судя по всему, могут быть с полным основанием отнесены ко второму из названных этапов развития языка. Описания в них еще нетерминологичны, но уже позволяют типологизировать происходящее. Однако степень обобщенности летописных описаний меньше, чем в привычных для нас текстах; они намного более конкретны, нежели современные «протокольные» записи. Конкретизация достигается, в частности, опосредованным присвоением описываемым людям, действиям, событиям дополнительных, так сказать уточняющих, имен путем использования в описаниях «цитат» (чаще всего косвенных) из авторитетных и - предположительно - хорошо известных потенциальному читателю текстов (как правило, сакральных).

Следовательно, не только наш образ мира принципиально отличается от образа мира летописца, но и способы описания их различны. Понимание этого неизбежно ставит проблему соотношения не только самих *imagia mundorum*, но и того, как они отображаются в источнике. Большая подчиненность индивидуальных представлений летописца и самого текста «коллективному бессознательному» заставляет в качестве первоочередной, вспомогательной задачи понимания ставить проблему воссоздания «жизненного мира» древней Руси в современных нам категориях и понятиях. Такая реконструкция неизбежно должна *предшествовать* попыткам понять летописный текст, а тем более описаниям исторического процесса как такового. Ввиду расхождения понятийно-категориального аппарата, в котором мы фиксируем наши представления о внешнем и внутреннем мире, с представлениями, бытовавшими несколько столетий назад, она может осуществляться лишь на конвенциональном, метафорическом уровне. Само такое описание, опирающееся на двойную рефлексию, может быть лишь более или менее приближенным образом, в чем-то обязательно упрощенной моделью и никогда не сольется с «тем» миром.

Дополнительные сложности адекватного (насколько это вообще возможно) понимания древнерусских произведений связаны с тем, что в отечественной книжности отсутствовали богословские, схоластические традиции. Здесь «говорящее» интеллектуальное меньшинство (не имевшее, правда, университетского образования) во многом напоминает западноевропейское «молчаливое большинство». Впечатление о его мировосприятии можно составить в основном по косвенным данным и по едва ли не случайным проговоркам. Возникает некоторый порочный круг в изучении древнерусских летописей (в изучении западноевропейских источников подобная проблема тоже, видимо, существует, но не приобретает такой остроты). С одной стороны, правильно попятить содержание летописной информации можно лишь после уяснения общего смысла летописи. С другой, понять цель создания летописного источника, его социальные функции и основную идею можно, только выяснив, о чем, собственно, говорит его автор (а в явной форме он в этом признаваться чаще всего не хочет).

Летописец, беседующий с нами, оказывается в положении, когда исходные метафоры подвергаются таким деформациям и метаморфозам, что ассоциативные ряды, рождающиеся в головах исследователей, уводят их мысли сплошь и рядом совсем не туда, куда собирался направлять автор (составитель, редактор) летописи. В лучшем случае исходный и конечный образы связаны каким-то внешним сходством (правда, часто по типу: Богородица - Мать Сыра-Земля). При этом почти невозможно установить, насколько далеки или близки транслируемый образ и воспринимаемый фантом: для этого в подавляющем большинстве случаев отсутствуют объективные критерии сравнения.

Древнерусские летописные тексты не так элементарны, как может показаться при первом приближении. Летописец часто описывает событие столь «примитивно», что у современного читателя может сложиться (и зачастую складывается) впечатление, будто его собеседник «умом прост и некнижен»; кажется, он - непосредственный очевидец про исходящего, бесхитростно описывающий только что увиденное. Иногда современный ученый воспринимает летопись так: «Летописец и не пробует понять, что он пишет и переписывает, и, похоже, одержим одной мыслью - записывать все, как есть». При этом подчеркивается: «цель летописца не в том, чтобы изложить все последовательно, а изложить все, ничем не жертвуя». Якобы именно поэтому «летописец внимателен ко всякому событию, коль скоро то произошло. Фиксируются даже годы, когда «ничего не было»: «Бысть тишина»¹⁰. Часто на таком ощущении «эффекта присутствия авто-

ра» базируются датировки этапов развития летописных сводов, делаются далеко идущие выводы об участии в летописании тех или иных лиц, строятся предположения о политической ориентации летописцев.

Стоит, однако, взглянуть на летописное изложение чуть пристальнее - и «очевидец» исчезает. Ему на смену приходит весьма начитанный книжник, мастерски подбирающий из множества известных ему произведений «куски драгоценной смальты» (Д.С.Лихачев), которые он складывает в единое по замыслу и грандиозное по масштабу мозаичное полотно летописи; Вот один из множества примеров такого рода:

Повесть временных лет

1. Володимер <...> помысли
созда-
ти церковь Пресвятыя Богородица <...> И наченцю же здати,
и яко сконча зижя, украси ю
иконами (с. 54)*.
2. Володимер видево церковь
свер-
шену, вшед в ню и помолися
Богу, глаголя: «Господи, Боже!
<...> Призри на церковь Твою
си, юже создах, недостойный
раб Твой, въ имя рожышая Тя
Матере Приснодевья Богородица. Аже кто помолиться в
церкви сей, то услыши молитву
его молитвы ради Пречистый
Богородица» (с. 55).
3. ...Володимер... постави цер-
ковь, и створи праздник велик
<...> Праздновав князь дний 8,
и
възвращашеться Кыеву <...> и
ту
паки сотворяше праздник ве-
лик, сзывая бесчисленное множе-
ство народа. Видя же люди хре-
стьяны суща, радовашеся
душею
и телом (с. 56).

Третья книга Царств

1. И вот, я [Соломон] намерен по-
строить дом имени Господа,
Бога моего <...> И построил он
храм и кончил его, и обшил
храм кедровыми досками
(3 Цар. 5.5; 6.9).
2. Так совершена вся работа, кото-
рую производил царь
Соломон
для храма Господа <...> И
стал
Соломой пред
жертвенником
Господним <...> и сказал;
Госпо-
ди, Боже Израилев! <...>
Небо и
небо небес не вмещают
тебя,
тем менее сей храм,
который я

- построил имени Твоему. Но
призри на молитву раба
Твоего
<...> услышь молитву,
которую
будет молиться раб Твой на
ме-
сте сем (3 Цар. 7.51; 8.22-
30).
3. И сделал Соломон в это
время
праздник, и весь Израиль с
ним
<...> - семь дней и еще семь
дней, четырнадцать дней. В
восьмый день Соломон
отпус-
тил народ. И благословили
царя, и пошли в шатры свои,
радуясь и веселясь в сердце
о
всем добром, что сделал
Гос-
подь (3 Цар. 8.65-66).

*Здесь и далее ссылки на *Повесть временных лет* даются по изданию: Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

Этого примера достаточно, чтобы убедиться, насколько «современным» и «простым» может стать под пером летописца текст, скомпилированный из фрагментов произведений, созданных за несколько сотен лет до того по совершенно другому поводу. Отсутствие прямых текстуальных совпадений - вряд ли сколько-нибудь веское основание для отрицания близости приведенных текстов. Здесь, видимо, речь должна идти о принципиально ином уровне текстологических параллелей, доказательство которых должно быть достаточно строгим, хотя и не основывающимся на *буквальных* повторах.

В специальной литературе уже давно был подвергнут критике так называемый *ассоцианизм*. Сторонники этого направления вслед за Тайлором и Спенсером полагают, что «основным законом психологии является закон ассоциации, т. е. связи, устанавливаемой между элементами нашего опыта на основе их смежности или сходства», а потому «законы человеческого духа... во все времена и на всем земном шаре одни и те же»¹¹. Позиции ассоцианизма в литературе по летописеведению по сей день почти не поколебались. Исследователи продолжают пытаться заставить летописца говорить на незнакомом ему языке - несущественно, на каком: веберовском, тойнбианском, марксистском или каком-либо ином. Из-за подобного подхода они теряют основную часть информации, которой просто не замечают, считая ее чем-то вроде «орнаментальных заставок», а не текстом как таковым.

Так, один из ведущих специалистов по изучению древнерусского летописания Д.С. Лихачев считает, что «летописец... только внешне присоединял свои религиозные толкования тех или иных событий к деловому и в общем довольно реалистическому рассказу», в этом просто «сказывался... средневековый «этикет» писательского ремесла». Из этого делается общий вывод: «религиозные воззрения, таким образом, не пронизывали собою всего летописного изложения». Поскольку же, по словам Д.С. Лихачева, «провиденциализм... не является для него (летописца. - И. Д.) следствием особенностей его мышления», становится очевидным, что «отвлеченные построения христианской мысли», которые встречаются в летописных сводах, нельзя толком использовать даже для изучения мировоззрения автора той или иной записи. Ведь «свой провиденциализм летописец в значительной мере получает в готовом виде, а не доходит до него сам»¹².

Главное, однако, в другом. В результате такого подхода исследователь чаще всего *не понимает* даже того, что берет из летописного текста. Понимание довольно сложного и многоуровневого текста сводится таким путем исключительно к буквальным

значениям. Сам текст адаптируется (часто в виде научного перевода или реконструкции) к возможностям понимания современного исследователя. Естественно, не следует думать, что адекватное восприятие древнерусских летописей и средневековых текстов вообще принципиально невозможно, однако это потребует от исследователя дополнительных усилий.

Уже сама калибровка вопросов, определяющих и фиксирующих уровень достигнутого между летописцем и историком взаимопонимания, - первый шаг в разрешении остающегося не(до)понимания. Успешность сокращения психолого-культурного пространства, разделяющего «собеседников», во многом будет зависеть от того, насколько точно сформулированы эти вопросы, какую часть полей взаимодействия исследователя и текста они охватывают. Их обсуждение - необходимый важный этап в выработке путей освоения летописных (и прочих древнерусских) текстов.

Понимание информации, заключенной в письменном источнике, прежде всего зависит от того, насколько точно определил исследователь *цель* его *создания*. И это понятно: содержание и форма текста напрямую связаны с тем, для чего он создан. *Замысел* - основной фильтр. Сквозь него автор (летописец) «просеивает» всю информацию, которую он получает извне. Этот замысел определяет *набор* и *порядок изложения* известий в летописи. Более того, от него в значительной степени зависит внешняя форма изложения, поскольку автор (составитель, редактор) ориентируется на определенные литературные параллели. При этом «литературный этикет» превращается из чисто «внешнего» приема изложения в важный элемент проявления содержания (если литературоведов интересует преимущественно *психология* литературной *формы*, то историка - *психология содержания* текста).

Таким образом, найденный замысел должен позволить непротиворечиво объяснить: 1) причины, побуждавшие создавать новые своды и продолжать начатое когда-то изложение; 2) структуру летописного повествования; 3) отбор материала, подлежащего изложению; 4) форму его подачи; 5) подбор источников, на которые опирался летописец.

Путь выявления замысла - обратный: по анализу содержания текстов, на которые опирался летописец (и общих идей произведений, которые он брал, за основу изложения), по литературным формам, встречающимся в летописи, следует восстановить актуальное для летописца и его потенциальных читателей содержание летописных сообщений, свода в целом, а уже на этом основании пытаться вычленив базовую идею, вызвавшую к жизни данное произведение.

2. *Повесть временных лет* и предшествующие ей своды

Общее понятие о Повести временных лет

Начало древнерусского летописания принято связывать с устойчивым общим текстом, которым начинается подавляющее большинство дошедших до нашего времени летописных сводов. В одних поздних летописях он подвергся сокращениям и кое-каким случайным вставкам (летопись Переяславля Южного и др.), в других (Софийская I, Новгородская IV и др.) был соединен с киевским и новгородским сводами. Интересующий нас текст охватывает длительный период - с древнейших времен до начала второго десятилетия XII в. По первым строкам, открывающим большинство его списков, этот текст традиционно называют *Повестью временных лет*. Вполне обоснованно считается, что это один из древнейших летописных сводов, текст которого был сохранен летописной традицией. Следует помнить, что *Повесть временных лет* - условно (хотя и небезосновательно) выделяемый текст. Отдельных списков его не известно. По этому поводу В.О. Ключевский писал: «В библиотеках не спрашивайте Начальной летописи - вас, пожалуй, не поймут и переспросят: «Какой список летописи нужен вам?» Тогда вы в свою очередь придете в недоумение. До сих пор не найдено ни одной рукописи, в которой Начальная летопись была бы помещена отдельно в том виде, как она вышла из-под пера древнего составителя. Во всех известных списках она сливается с рассказом ее продолжателей, который в позднейших сводах доходит обыкновенно до конца XVI в.»¹³. В разных летописях текст Повести доходит до разных годов: до 1110 г. (Лаврентьевский и близкие ему списки) или до 1118 г. (Ипатьевский и близкие ему списки).

Обычно это связывают с неоднократным редактированием Повести. Сличение обеих редакций привело А.А. Шахматова к выводу, что в Лаврентьевской летописи сохранился текст первой редакции, осуществленной игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром, оставившим об этом запись под 6618 г.: «Игумень Силивестръ святого Михаила написах книги си Летописецъ, наделся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжашю ему Киеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила въ 6624, индикта 9 лета; а иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ». Эта запись рассматривается как безусловное свидетельство того, что *Повесть* была составлена до даты, указанной в приписке Сильвестра.

В Ипатьевской же летописи текст Повести на этом не обрывается, а продолжается без сколько-нибудь заметных пропусков вплоть до 6626/1118 г. После этого характер годовых статей резко меняется. Развернутое изложение событий сменяют крайне скудные отрывочные записи. Текст статей 6618-6626 гг. связывается со второй редакцией Повести временных лет, проведенной, видимо, при старшем сыне Владимира Мономаха новгородском князе Мстиславе. Одновременно указание на то, что автором Повести был какой-то монах Киево-Печерского монастыря, встречающееся в Ипатьевской летописи (в Хлебниковском списке названо и имя этого монаха - Нестор), а также ряд разночтений а текстах списков Лаврентьевской и Ипатьевской редакций Повести временных лет побудил А.А. Шахматова утверждать, что Лаврентьевская летопись сохранила не первоначальный вариант Повести. На то, что первым автором Повести был киево-печерский монах, указывал и особый интерес Повести временных лет к жизни именно этой обители. По мнению А.А. Шахматова, летопись, которую принято именовать Повестью временных лет, была создана в 1112 г. Нестором - предположительно автором двух известных агиографических произведений - *Чтений о Борисе и Глебе* и *Жития Феодосия Печерского*.

При редактировании первоначальный текст (первая редакция Повести временных лет) был изменен настолько, что Шахматов пришел к выводу о невозможности его реконструкции «при теперешнем состоянии наших знаний». Что же касается текстов Лаврентьевской и Ипатьевской редакций Повести (их принято называть соответственно второй и третьей редакциями), то, несмотря на позднейшие переделки в последующих сводах, Шахматову удалось определить их состав и предположительно реконструировать. Следует отметить, что Шахматов колебался в оценке этапов работы над текстом Повести временных лет. Иногда, например, он считал, что в 1116 г. Сильвестр лишь переписал Несторов текст 1113 г. (причем последний иногда датировался 1111 г.), не редактируя его.

Если вопрос об авторстве Нестора остается спорным (в Повести содержится ряд указаний, принципиально расходящихся с данными Чтений и Жития Феодосия), то в целом предположение Шахматова о существовании трех редакций Повести временных лет разделяют большинство современных исследователей.

Летописные своды, предшествовавшие *Повести временных лет*

Начальный свод. Дальнейшее исследование текста Повести показало, что в нем содержится ряд фрагментов, нарушающих изложение. Некоторые из них даже изменяли структуру отдельных фраз, в которые были включены, отрывая начало предложения от его завершения. Так, договором князя Святослава с греками 971 г. был разорван связный текст: «Видевъ же [Святослав] мало дружины своя, рече к собе: «Еда како прельстивше изъбють дружину мою и мене», беша бо мнози погуби на полку. И рече: «Поиду в Русь, приведу боле дружины». И [следует рассказ о том, как Святослав заключил договор с Византией, и текст самого договора] поиде Святославъ в пороги». Подобное нарушение текста встречается и в рассказе о так называемой четвертой мести Ольги древлянам. Ему предшествует фраза: «И победиша деревляны». Затем летописец излагает легенду о четвертой мести, за которой следуют слова: «И възложиша на ня дань тяжьку; 2 части дани идета Киеву, а третья Вышегороду к Ользе; бе бо Вышегородъ градъ Вользинъ». Устранив предполагаемую вставку, получаем связный текст. В Новгородской первой летописи, текст которой в начальной части отличается от большинства текстов других летописей, содержащих Повесть временных лет, такие нарушения текста отсутствуют. Здесь мы находим гипотетически восстанавливаемые фразы; «И победита деревляны, и възложиша на ня дань тяжьку» и «Пойду на Русь, приведу боле дружины». И поиде Святослав в пороги».

Это дало достаточные основания для предположения о том, что в составе Новгородской I летописи сохранился текст летописного свода, предшествовавшего Повести временных лет. При дальнейшем исследовании этого текста оказалось, что в нем, кроме того, отсутствуют все договоры Руси с Греками, а также все прямые цитаты из греческой Хроники Георгия Амартола, которой пользовался составитель Повести временных лет. Последний признак представляется особенно важным, поскольку в летописях (как, впрочем, и в любых других произведениях древнерусской литературы) не было принято каким-либо образом выделять цитируемые фрагменты из других текстов. Говоря современным языком, полностью отсутствовало представление об авторском праве. Поэтому вычленив и удалить из летописи все прямые цитаты из какого-либо другого текста можно было, лишь проведя полное текстуальное сличение летописи с цитируемым произведением. Прежде всего, такая операция чрезвычайно

сложна технически. Кроме того, невозможно ответить на простой вопрос: зачем понадобилось летописцу «очищать» спой текст от вставок из Хроники Георгия Амартола (и почему именно из нее - он ведь пользовался и другими источниками)? Все это привело к выводу о том, что Повести временных лет предшествовал свод, который А.А. Шахматов предложил назвать *Начальным*. Исходя из содержания и характера изложения летописи, его было предложено датировать 1096-1099 гг. По мнению исследователя, он-то и лег в основу Новгородской I летописи.

Проблема существования Древнейшего свода. Дальнейшее изучение Начального свода, однако, показало, что и он имел в своей основе какое-то произведение (или произведения) летописного характера. Об этом говорили некоторые логические несообразности текста, отразившегося в Новгородской I летописи. Например, рассказ о гибели старшего брата Владимира Святославича Олега (под 6485/977 г.) завершался словами: «И погребоша Ольга на месте у города Вручого, и есть могила его и до сего дне у Вручого». Однако под 6552/1044 г. читаем: «Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица». Следовательно, летописец, описывавший трагическую развязку уособицы Святославичей, еще не знал о перенесении останков Олега из Вручого в Десятинную церковь. Из этого А.А. Шахматов сделал вывод о том, что в основе Начального свода лежала какая-то летопись, составленная между 977 и 1044 гг. Наиболее вероятным в этом промежутке А.А. Шахматов считал 1037 (6545) г., под которым и Повести помещена обширная похвала князю Ярославу Владимировичу. Это гипотетическое летописное произведение исследователь предложил назвать *Древнейшим сводом*. Повествование в нем еще не было разбито на годы и было монотематическим (сюжетным). Годовые даты (хронологическую сеть) в него внес киево-печерский монах Никон Великий в 70-х годах XI в.

Если предшествующие построения Шахматова поддерживали почти все исследователи, то идея о существовании Древнейшего свода вызвала возражения. Считается, что эта гипотеза не имеет достаточных оснований. В то же время большинство исследователей согласны с тем, что в основе Начального свода действительно лежала какая-то летопись или монотематическое повествование. Характеристики и датировки этого произведения, впрочем, существенно расходятся.

Так, М.Н. Тихомиров обратил внимание на то, что в Повести лучше отражено время правления Святослава Игоревича, нежели Владимира Святославича и Ярослава Владимировича. На основании сравнительного изучения Повести и Новгородской I ле-

тописи ученый пришел к выводу, что Повесть базировалась на монотематической *Повести о начале Русской земли* рассказывавшей об основании Киева и первых киевских князьях. Предположение М.Н. Тихомирова, по существу, совпадало с мнением Н.К. Никольского и нашло поддержку у Л.В. Черепнина. Они также связывали зарождение русского летописания с «какой-то старинной повестью о полянах-руси». Ее создание приурочивалось ко времени правления в Киеве Святополка Ярополковича (Владимировича) и датировалось 1015-1019 гг. Текстологической проверки этой гипотезы не проводилось.

Д.С. Лихачев полагает, что Начальному своду предшествовало *Сказание о первоначальном, распространении христианства на Руси*. Это был монотематический рассказ, составленный в начале 40-х годов XI в., к которому впоследствии были присоединены некие устные народные предания о князьях-язычниках. В Сказание, по мнению Д.С. Лихачева, входили: сказания о крещении и кончине княгини Ольги; о первых русских мучениках варягах-христианах; о крещении Руси (включая Речь Философа и Похвалу князю Владимиру); о Борисе и Глебе и, наконец, Похвала князю Ярославу Владимировичу. Отнесение всех этих текстов к единому источнику основывалось на якобы их теснейших композиционных, стилистических и идейных связях. Однако текстологический анализ не дает необходимых оснований для гипотезы Д.С. Лихачева.

Одну из самых ранних дат начала русского летописания предложил Л.В. Черепнин. Сопоставив текст Повести с Памятью и похвалой князю Владимиру Иакова Мниха, он пришел к выводу, что в основе последней лежал свод 996 г. Этот текст, как считает Л.В. Черепнин, опирался на краткие летописные заметки, которые велись при Десятинной церкви в Киеве. Было также высказано предположение, что к составлению свода Десятинной церкви причастен Анастас Корсунянин.

Как видим, несмотря на расхождения с представлениями А.А. Шахматова о характере и времени написания древнейшего литературного произведения, которое впоследствии легло в основу собственно летописного изложения, исследователи сходятся в том, что такое произведение существовало. Не спорят они принципиально и по поводу даты его составления (первая половина XI в.). Дальнейшее изучение ранних летописных текстов, возможно, позволит уточнить состав этого источника, его идейную направленность, дату создания.

Новгородские своды XI в. Воссоздавая начальные этапы древнерусского летописания, А.А. Шахматов предположил существование новгородского свода, который был начат в 1050 г. и велся до

1079 г. Вместе с Киево-Печерским сводом 1074 г. (так называемый свод Никона) он лег в основу Начального свода. В основе новгородского свода третьей четверти XI в., как полагал А.А. Шахматов, лежали Древнейший киевский свод 1037 г. и какая-то более ранняя новгородская летопись 1017 г., составленная при новгородском епископе Иоакиме. Не все исследователи разделяют мысль о существовании в середине - второй половине XI п. новгородской ветви летописания. Так, М.Н. Тихомиров отмечал, что «если бы существовал новгородский свод 1050 г., то он должен был включить в свой состав все новгородские известия XI века. Между тем Повесть временных лет включает в свой состав лишь ничтожное количество их»¹⁴. Близкой точки зрения придерживается и Д.С. Лихачев. Он полагает, что все новгородские известия Повести временных лет восходят к устным, источникам (сообщения Вышаты и Яня Вышатича): «Перед нами своеобразная устная летопись семи поколений»¹⁵. Те же, кто поддерживали мысль о том, что в Новгороде в XI в. велась своя летопись, зачастую расходились с А.А. Шахматовым в определении даты создания новгородского свода и его содержания.

Наиболее аргументированно эту гипотезу развил Б.А. Рыбаков. Он связывал составление такого свода с именем новгородского посадника Остромира (1054-1059 гг.). По мнению исследователя, это была светская (боярская, посадничья) летопись, обосновывавшая самостоятельность Новгорода, его независимость от Киева. По убеждению Б.А. Рыбакова, в Новгороде в середине XI в. было создано публицистическое произведение, «смелый памфлет, направленный против самого великого князя киевского»¹⁶. Несмотря на то что произведение имело не только антикняжескую, но и антиваряжскую направленность, оно впервые включало в себя легенду о призвании варягов, откуда она перешла в позднейшее летописание.

Устные источники в составе Повести временных лет. А.А. Шахматов обратил внимание на то, что сам летописец одним из своих источников называет устные предания. Так, под 6604/1096 г. он упоминает новгородца Поряту Роговича, рассказавшего ему югорскую легенду о народах, живущих на краю земли в «полуночных странах». Известие о кончине 90-летнего «старца доброго» Яня (под 6614/1106 г.) летописец сопроводил следующим упоминанием: «От него же и аз многа словеса слышах, еже и вписях в летописаньи семь, от него же слышах».

Последние строки послужили основанием для разработки гипотезы о существовании уже упоминавшихся «устных летописей» в составе Повести временных лет. Опираясь на предположение А.А. Шахматова «о сказочных предках Владимира»,

Д.С. Лихачев сопоставил ряд летописных упоминаний о них. В результате был сделан вывод о том, что по меньшей мере два поколения киевских летописцев получали информацию от двух представителей рода новгородских посадников: Никон - от Вышаты, а создатели Начального свода и Повести - от Яня Вышатича.

Гипотеза об «устных летописях» вызвала справедливую критику Н.А. Рыбакова. Он обратил внимание на то, что Д.С. Лихачев опирался в своих построениях на ряд крайне слабо обоснованных допущений А.А. Шахматова. Их критическая проверка лишала гипотезу об «устной летописи семи поколений» новгородских посадников очень важных начальных звеньев. Следует подчеркнуть, что отождествление информатора летописца Яня с Янем Вышатичем также не выдерживает критики. Непосредственно перед записью о смерти «доброго старца», под тем же 6614 (1096) г. упоминается о том, что Янь Вышатич был послан во главе военного отряда на половцев и одержал над ними победу. Для 90-летнего старика такие подвиги вряд ли возможны.

И все-таки летописец, несомненно, пользовался какими-то устными источниками, состав и объем которых пока не установлены.

Иностранные источники Повести временных лет. Летописцы, создававшие и редактировавшие Повесть временных лет и предшествующие ей летописные своды, опирались не только на отечественные, но и на зарубежные источники. Почти все они выявлены. Значительную часть их составляют зарубежные хроники, прежде всего греческие. Из них ранние летописцы заимствовали не только фактический материал, но и ряд основополагающих для летописания идей, в частности ту, которую условно можно назвать идеей исторического процесса.

Наиболее многочисленны заимствования из так называемого болгарского перевода Хроники Георгия Амартола (т. е. Грешного) и его продолжателя. Сама Хроника была создана около 867 г. и охватывала всемирную историю от Адама до смерти византийского императора Феофила (812 г.). В тексте, которым пользовался составитель Повести временных лет, изложение было доведено до смерти императора Романа (948 г.). Из Хроники были заимствованы сведения, так или иначе связанные с историей славян, и прежде всего с первыми походами руси на Константинополь. Хроника Георгия Амартола послужила также источником для ряда хронологических определений событий ранней истории. В ряде случаев летописец взял из Амартола характеристики исторических персонажей, которые были перенесены на действующих лиц древнерусской истории.

Другим важным источником Повести стал *Летописец вскоре константинопольского патриарха Никифора* (806-815 гг.), который содержал хронологический перечень важнейших событий всемирной истории, доведенный до года смерти автора (829 г.). Составитель первой редакции Повести временных лет при проведении хронологических вычислений, видимо, опирался на его вторую редакцию, известную в славянском (болгарском) переводе. В частности, Летописец Никифора стал одним из источников хронологического расчета, помещенного под 6360 (852) г.

Еще одним важным источником Повести, по мнению А.А. Шахматова, поддержанному рядом исследователей, стал какой-то не дошедший до нашего времени *Хронограф особого состава*. В него входили фрагменты уже упоминавшейся Хроники Георгия Амартола, а также греческих хроник Иоанна Малалы, Хроника Георгия Синкелла и Пасхальная хроника.

Использовался в Повести и текст еврейского хронографа *Книга Иосиппон*, составленного в южной Италии в середине X в. В основу его был положен латинский перевод «Иудейских древностей» и пересказ «Иудейской войны» Иосифа Флавия (откуда и произошло название самой книги). Как показал лингвистический анализ, Иосиппон с еврейского на древнерусский язык был переведен непосредственно в Киеве.

Основным источником образных представлений первых русских летописцев были произведения сакрального характера, прежде всего *Священное писание*. Поскольку до 1499 г. славянская Библия как единый кодекс не существовала, остается только догадываться, в каком виде могли использовать летописцы тексты Ветхого и Нового Заветов. По мнению А.А. Шахматова, это были паремийные чтения (фрагменты Св. писания, читающиеся в православной церкви на вечернем богослужении, чаще всего накануне праздников). Сличение текста Повести с дошедшими до нашего времени списками богослужебных книг (в частности, с паремейниками), однако, заведомо не может подтвердить или опровергнуть это предположение.

Аналогии с библейскими событиями, в первую очередь, давали летописцу (чаще всего это был монах) типологию существенного. Именно из Священного писания он прежде всего отбирал клише для характеристики людей и событий. Собственно, в соотносительности происходящего с надмирным и заключался провиденциализм древнерусских летописцев. Поэтому ключ, точнее один из ключей, к пониманию и истолкованию летописных образов должен крыться в деталях описания, опирающихся на библейские образы.

Следует отметить, что для описания происходящего летописцы чаще использовали «исторические» (ветхозаветные) образы, в то время как прямые и косвенные цитаты из Нового Завета (христологические образы) в основном использовались во вставных произведениях, которые попадали на страницы летописей.

Для составления летописей широко привлекалась и апокрифическая литература, которая в XI-XII вв. бытовала наряду с богослужебными книгами. Помимо хорошо известных и очень популярных древнерусских переводов «Иудейской войны» и «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, к ней можно отнести также *Толковую Палею* (комментированный неканонический Ветхий Завет). Правда, А.А. Шахматов полагал, что, скорее, древнерусская Толковая Палея опиралась на Повесть временных лет. Однако именно в Палее встречается выражение «временные лета» в своем первоначальном значении как определение конца времени, конца света. Возможно, именно в составе Палеи летописец познакомился и со *Сказанием о 12 камнях на ризе Иерусалимского первосвященника*, из которого также заимствовал ряд образов для скрытых характеристик персонажей своего повествования. Видимо, летописец был знаком и с другими апокрифическими произведениями (Книга Еноха, Заветы 12 патриархов и др.), поскольку в Повести есть косвенные ссылки на встречающиеся в них образы.

Использовалось составителем Повести и *Житие Василия Нового* - греческое агиографическое произведение, известное в славянском переводе. Из него, в частности, был позаимствован образный ряд при описании походов Олега и Игоря на Константинополь в 6415 (907) и 6449 (941) гг.

Кроме того, в Повесть были вставлены тексты договоров Руси с Византией, помещенные под 6415 (907), 6420 (911), 6453 (945) и 6479 (971) гг. Они послужили основанием для переработки текстов Начального свода, касающихся походов князей Олега, Игоря и Святослава на Константинополь.

Чем руководствовались древнерусские летописцы, отбирая для своего труда именно эти источники? Ответить на этот вопрос трудно, поскольку можно лишь догадываться о причинах, заставивших первых русских летописцев обратиться именно к этим текстам. Более или менее ясен вопрос о Св. писании. Летописцы по большей части были монахами, и, естественно, именно библейские книги были наиболее авторитетными источниками для их исторических построений. Что же касается прочих источников, то довольно широко бытует мнение, будто их отбор «определялся не русскою стороною, а соображениями руководства со стороны «русского митрополита», присланного из Царяграда»¹⁷. Для них свойственны некоторые общие черты. Так, ле-

тописцы широко пользуются трудами византийских «хронистов», описывавших всеобщую историю от сотворения мира до современных событий. Эти сочинения носят «церковно-народный характер» (В.М. Истрин). В то же время светские греческие «историки», дававшие описание лишь своего времени (иногда с прибавлением краткого предшествующего периода), в сферу внимания древнерусских летописцев не попадали. Во всех перечисленных текстах рассматривается преимущественно не политическая, а церковная история при выраженной ориентации на эсхатологическую проблематику, в частности идею «последнего царства». Особенный интерес для древнерусского летописца представляла и история гибели еврейского царства. «Византийские хронисты рассматривали ее как приурочивание и прообраз истории новозаветной, и этот взгляд на нее был воспринят» древнерусскими летописцами¹⁸. Отсюда же происходил и стойкий интерес к антииудейским произведениям типа Толковой Палеи, произведениям Иосифа Флавия, славянскому переводу хроники Георгия Синкелла и тому подобным текстам. Впрочем, возможно, перед нами не набор произведений, по каким-то причинам устраивавших официальный Константинополь, а результат проведенного самим древнерусским летописцем кропотливого, тщательного отбора книг, подходящих для его работы.

Цель создания древнейших летописных сводов, однако, не формулируется в них в явном виде. Поэтому ее определение стало одним из дискуссионных вопросов в современном летописеведении. Исходя из представления о, прежде всего, политическом характере древнерусского летописания, А.А. Шахматов, а за ним М.Д. Присёлков и другие исследователи полагают, что зарождение летописной традиции на Руси связано с учреждением Киевской митрополии. «Обычай византийской церковной администрации требовал при открытии новой кафедры, епископской или митрополичьей, составлять по этому случаю записку исторического характера о причинах, месте и лицах этого события для делопроизводства патриаршего синода в Константинополе»¹⁹. Это якобы и стало поводом для создания Древнейшего свода 1037 г. Такое вполне удовлетворительное, на первый взгляд, объяснение не позволяет, однако, понять, зачем потребовалось продолжать этот свод, а потом создавать на его базе новые летописные произведения. Видимо, поэтому о причинах, побуждавших продолжать летописание на протяжении нескольких веков, исследователи чаще всего молчат. Позднейшие своды, составлявшиеся на основе Повести временных лет, исследователи представляют то сугубо публицистическими произведениями, написанными, что называется, на злобу дня, то некоей средневеко-

вой беллетристикой, то просто текстами, которые систематически с удивительными упорством и настойчивостью «дописывают» - едва ли не по инерции. В лучшем случае дело сводится к тому, что князья «усваивают... заботу о своевременном записывании событий» (хоть и непонятно, зачем им это понадобилось), а летописцы видят в своем труде «не удовлетворение исторической любознательности, а поучение современникам от прошлого». Причем это «поучение» по преимуществу было политическим. За пего летописец якобы рассчитывал получить «осуществление своих заветных планов», весьма материальных по преимуществу²⁰. Кстати, из этого следовал вывод, что Повесть временных лет - «искусственный и мало надежный» исторический источник²¹.

На пат взгляд, цель создания летописей должна быть достаточно значимой, чтобы на протяжении ряда столетий многие поколения летописцев продолжали труд, начатый в Киеве в XI в. Должна она объяснить и «затухание» летописания в XVI-XVII вв. Вряд ли эта цель может быть сведена исключительно к меркантильным интересам монахов-летописцев. Эта гипотеза вызывала и более серьезные возражения. Так, отмечалось, что «авторы и редакторы (летописных сводов. - И. Д.) держались одних и тех же литературных приемов и высказывали одни и те же взгляды и па общественную жизнь и на нравственные требования»²². Подчеркивалось, что признание политической ангажированности авторов и редакторов Повести временных лет не объясняет, а противоречит представлению о единстве, цельности этого литературного произведения. И.П. Еремин обращал внимание на то, что расхождения (иногда радикальные) в оценках одного и того же деятеля, сохранявшиеся при последующей переписке или редактировании летописи, не находят тогда объяснения.

В последние годы И.Н. Данилевский предложил гипотезу об эсхатологических мотивах как основной теме древнейшей русской летописи. Судя по всему, для летописца именно тема конца света была системообразующей. Все прочие мотивы и сюжеты, встречающиеся в Повести, лишь дополняют и развивают ее. Есть достаточные основания и для гипотезы о том, что ориентация на спасение в конце мира - сначала коллективное (т. е. на «большую» эсхатологию), а позднее индивидуальное (на «малую» эсхатологию) - определяла и важнейшую *социальную функцию* летописи: фиксацию нравственных оценок основных (с точки зрения летописца) персонажей исторической драмы, разворачивающейся на богоизбранной Русской земле, которая явно претендует стать центром спасения человечества на Страшном Суде. Именно эта тема определяет (во всяком случае, позволяет непротиворечиво объяснить) структуру летописного повествова-

ния; отбор материала, подлежащего изложению; форму его подачи; подбор источников, на которые опирается летописец; причины, побуждающие создавать новые своды и продолжать начатое когда-то изложение.

Глобальность цели, которую ставил перед собой летописец, предполагала многоплановость изложения, охват широкого круга самых разнообразных по своему характеру событий. Все это задавало Повести ту глубину, которая обеспечивала ее социальную полифункциональность: возможность «прагматического» использования текста летописи (для доказательства, скажем, права на престол, как своеобразного свода дипломатических документов и пр.) наряду с ее чтением в качестве нравственной проповеди, либо собственно исторического, либо беллетристического сочинения, и т. д. и т. п. Необходимо сказать, что до сих пор идеи и духовные ценности, которыми руководствовался летописец в ходе своей работы, во многом остаются загадочными.

3. Местное летописание XII-XIII веков

После выделения из состава Древнерусского государства отдельных земель и княжеств летописные традиции Киевской Руси продолжали развиваться на местах. До нас не дошли списки летописей, относящихся к этому времени. Поэтому речь может идти только о гипотетических сводах, существовавших в домонгольской Руси. Источниками для изучения этого этапа древнерусского летописания служат более поздние летописи.

Южнорусское летописание

Источниками изучения южнорусского летописания XII-XIII вв. служат, в первую очередь, Ипатьевский (начало XV в.), близкие ему Хлебниковский (XVI в.), Погодинский (XVII в.), Ермолаевский (конец XVII - начало XVIII в.) и другие списки, а также списки Воскресенской и основной редакции Софийской I летописей. Их текстологический анализ позволил высказать предположение о существовании киевского великокняжеского свода 1200 г. (А.Н. Насонов определил этот свод как «киевский свод 1198-1199 гг.».) Попытка В.Т. Пашуто отнести этот свод к более позднему времени (1238 г.) не получила поддержки специалистов. Считается общепринятым, что свод был составлен при князе Рюрике Ростиславиче в Выдубицком монастыре. Непосредственным поводом к его написанию, как считает М.Д. Присёлков, явилось возведение князем каменной стены во-

круг монастыря: свод заканчивается описанием торжеств по случаю завершения строительства 24 сентября 1199 г. Исследователи обращали внимание и на то, что Рюрик Ростиславич был первым правителем Киева, получившим великокняжеский титул после 1037 г., что могло стать непосредственным побудительным мотивом создания великокняжеской летописи. Автором киевского свода предположительно был игумен Выдубицкого монастыря Моисей.

В качестве источников свода 1200 г. называют: 1) киевский свод Святослава Всеволодовича (основной источник, оканчивавшийся описанием кончины князя в 1173 г.); 2) семейную хронику Ростиславичей, братьев великого князя (точнее, сборник их некрологов, составленный в том же Выдубицком киевском монастыре при Рюрике); 3) семейный Летописец черниговского князя Святослава Ольговича и его сыновей, Олега и Игоря Святославича (доведен до 1198 г.) и 4) княжеский Летописец Переяславля Южного, рассказывающий о военных подвигах Владимира Глебовича и доведенный до кончины князя (1187 г.). Из этого следует, что в XII-XIII вв. на юге Руси летописание систематически велось лишь в Киеве и Переяславле Южном. В Чернигове же существовали только семейные княжеские летописцы. По мнению М.Д. Присёлкова, у нас нет «материала для суждения о том, сохранялось ли оно (семейное летописание. - *И. Д.*) в Чернигове после Игоря Святославича»²³. Вместе с тем А.А. Шахматов считал, что черниговское летописание XII в. нашло отражение в целом ряде статей Ипатьевской летописи.

К и е в с к о е летописание, с одной стороны, как будто продолжало традицию Повести временных лет. С другой - утратило общегосударственный характер и превратилось в семейную летопись киевских князей. Оно велось непрерывно в течение всего XII в. Однако данными о продолжении такой традиции после 1200 г. исследователи не располагают, хотя известно, что в Киеве в 1238 г. велась какая-то летопись.

Летописание П е р е я с л а в л я Южного зародилось в начале XII в. и велось вплоть до 1228 г. Начало его было, скорее всего, заложено уже упоминавшимся игуменом Сильвестром, впоследствии переведенным на переяславскую епископию. Большинство исследователей полагают, что в Переяславле существовали два летописных центра - епископский (по крайней мере, до 1187 г.) и княжеский.

Вероятно, еще в XII в. начало вестись летописание в Галиче Волынском. К сожалению, г а л и ц к о - в о л ы н с к и е летописи за это столетие почти не нашли отражения в позднейших сводах. И все-таки есть основания («судя по точности дат и ме-

лочам описания, которые нельзя было передать припоминанием»²⁴) считать, что уже тогда здесь систематически пелись годовые записи. В конце XIII в. на этом материале было создано единое повествование, лишенное годовых дат. Основной целью его было, как полагает М.Д. Присёлков, «привести и собрать доказательства от истории в свою пользу как обладателя старого Киева на право первенства среди русских княжеств»²⁵. Считается, что его автор был светским человеком, возможно, из княжеской дружины. По стилю его рассказ напоминает произведения византийских «историков», не переведенные на древнерусский язык. Оно-то и составило основу Ипатьевской летописи.

Летописание Северо-Востока

Источники изучения летописания русского Северо-Востока за XII-XIII вв. включают Радзивилловский (конец XV в.) и Московский Академический (XV в.) списки, восходящие к общему протографу (Радзивилловская летопись), Летописец Переяславля Суздальского (список 60-х годов XV в.) и Лаврентьевский список 1377 г. При текстологическом сличении удалось выявить, что в их основе лежат три Владимирских великокняжеских свода: 1177 г. (видимо, первая летопись, возникшая на Владимиро-Суздальской земле), 1193 г. (А.А. Шахматов называл один Владимирский свод 1185 г.) и 1212 г. Последний, в свою очередь (по мнению Б.М. Клосса), был положен в основу Летописца Переяславля Суздальского, продолжившего его до 1215 г. В списке, легшем в основу публикации в Полном собрании русских летописей (М., 1995. Т. 41), текст его сохранился только с 1138 г. Впоследствии эта летописная традиция была продолжена Летописцем ростовского князя Константина Всеволодовича и его сыновей (1207 г., с. продолжением), а также Владимирским великокняжеским сводом Юрия Всеволодовича (1228 г., с. продолжением до 1237 г.), впоследствии объединенными Владимирским великокняжеским сводом Ярослава 1239 г., написанном, однако, как считает М.Д. Присёлков, в Ростове или же, по утверждению А.Н. Насонова, в великокняжеском своде 1281 г. Дмитрия Александровича. Основанием для их изучения служит текст Лаврентьевской летописи (с 1206 г.). Сопоставление Симоновского (XVI в.) и Рогожского (середина XV в.) списков, а также реконструкция Троицкой летописи (начало XV в.) позволяют установить только что упомянутый великокняжеский Владимирский свод 1281 г., составленный в Переяславле Залесском. По мнению М.Д. Присёлкова, центральной идеей этого свода было доказательство приоритета Владимира «среди союзных

феодалных русских княжеств (в противовес галицкому своду конца XIII в.).

Владими́ро-Сузда́льское летописа́ние как самостоятельная ветвь берет свое начало с 1158 г., когда во Владимире-на-Клязьме начали нестись непрерывные местные записи при дворе Андрея Боголюбского. В 1177 г. они были объединены с отдельными летописными заметками Юрия Долгорукого в великокняжеский свод, опиравшийся, кроме того, на епископский южнорусский (перемыславский) Летописец. Продолжением его стал летописный свод 1193 г., включивший также материалы княжеского *Летописца Переяславля Южного*. В 1212 г. на его основе был создан лицевой свод (т. е. украшенный миниатюрами, копии которых ныне можно видеть в Радзивилловском списке) великого князя Владимирского. До этого момента летописание, вероятно, велось при владимирском Успенском соборе. Затем летописный свод приобрел светские черты, что связывают с ухудшением отношений владимирского князя Юрия с епископом Иваном. Скорее всего, составление свода 1212 г. было поручено человеку, близкому великому князю. В дальнейшем вследствие монгольского нашествия и разорения Владимира собственно Владимирское летописание затухает.

Ростовское летописание продолжило традиции владимирских великокняжеских сводов. Здесь уже в начале XIII в. был создан местный княжеский летописец, во многом сходный с владимирским. В 1239 г. появилось продолжение великокняжеского Владимирского свода, побравшего и известия Ростовского свода 1207 г.

Развивалась северо-восточная традиция летописания и в *Переяславле Сузда́льском*. Опираясь на Владимирский свод 1212 г., переяславский князь Ярослав Всеволодович в 1215 г. создал свой Летописец. В 1281 г., в связи с переездом в Переяславль великого князя владимирского и митрополита Киевского и всея Руси, в Переяславле был создан великокняжеский свод 1281 г., после чего владимирское великокняжеское летописание начало угасать.

В основу северо-восточной летописной традиции была положена идея о переходе центра Русской земли из Киева по Владимир-на-Клязьме.

Новгородское летописание

Источниками изучения новгородского летописания. XIII-XIV вв. служат Синодальный список (XIII - первая треть XIV в.) Новгородской первой летописи (старший извод), а также списки Комиссионный (XV в.), Академический (вторая поло-

вина XV в.) и Троицкий (вторая половина XV в.), объединяемые в ее младший извод. Их анализ позволяет установить, что в Новгороде с середины XI в. летописная традиция не прерывалась вплоть до XVI в.

История летописания Новгорода Великого. Около 1136 г., по-видимому, в связи с изгнанием из Новгорода князя Всеволода, по указанию епископа Нифонта был создан Софийский владычный свод, переработавший новгородскую княжескую летопись, которая велась с середины XI в. Еще одним источником служил также киевский Начальный свод 1096 г., легший в основу новгородского летописания. Возможно, в создании первого владычного свода участвовал известный клирик Новгородской Софии Кирик. В начале XIII в. появился новый владычный свод. Его создание было как-то связано с падением Константинополя в 1204 г. Во всяком случае, завершался он рассказом о взятии византийской столицы крестоносцами.

Параллельно с архиепископской кафедрой летописные записи велись в Неревском конце Новгорода, в церкви св. Иакова. Гипотеза о существовании здесь летописного центра основана на отдельных упоминаниях, сделанных от первого лица. Именно они позволяют утверждать, что во второй половине XII в. (после 1174 г.) настоятель этой церкви Герман Воята (1144-1188) предпринял литературную переработку Софийского свода. При этом он использовал также какую-то южнорусскую летопись. Его работу продолжил до конца XII в. безымянный летописец, оставивший запись о смерти Германа. Наконец, к середине XIII в. относится летописная деятельность пономаря Тимофея, который упомянул о себе под 1230 г. Впрочем, на этом уличанская летописная традиция не прерывалась. Возможно, сам Синодальный список - одно из ее звеньев.

4. Летописание XIV-XV веков

Зарождение общерусского летописания

К XIV в. относятся первые летописи, претендующие на освещение истории всех Русских земель (хотя на самом деле в них отображались, как правило, лишь события, происходившие и Северо-Восточной Руси). Источниками для изучения зарождения общерусского летописания служат прежде всего Лаврентьевская и Троицкая летописи. Выяснить, как развивалось общерусское великокняжеское летописание, позволяет сли-

чение Тверского летописного сборника XVI в. (дошел в списках XVII в.), Рогожского летописца и Симеоновской летописи.

В связи с тем что в 1305 г. великим князем владимирским стал тверской князь Михаил Ярославич, центр великокняжеского летописания переместился в Тверь, где, вероятно, еще в конце XIII в. начинают вестись летописные записи. Создание здесь великокняжеского свода начала XIV п. совпало с усвоением Михаилом Ярославичем нового титула - «великий князь всея Руси». Как общерусский, свод включил не только местные, но и новгородские, рязанские, смоленские, южнорусские известия и имел явную антиордынскую направленность. Свод 1305 г. стал основным источником Лаврентьевской летописи.

Продолжением этого свода стали новые общерусские летописные своды 1318 и 1327 гг., созданные в той же Твери. Их следы дошли в составе более поздних московских летописей (Троицкая и Симеоновская), причем в значительной степени тверской материал был использован «по-московски» (М.Д. Присёлков). Кроме того, остатки тверского летописания за первую треть XIV в. обнаруживаются в Тверском летописном сборнике и Рогожском летописце. В то время летописание в Твери велось непрерывно, год за годом. В ходе работы над сводами 1318 и 1327 гг. тверские летописцы частично отредактировали текст предшествующего свода, дополнив его материалами по истории других русских земель. Это еще больше придавало ему вид общерусской великокняжеской летописи.

С переходом ярлыка на великое княжение в руки Ивана Калиты зародившаяся в Твери традиция общерусского летописания переходит в Москву. Здесь приблизительно в 1389 г. был создан *Летописец великий русский*. До нашего времени он не сохранился, из-за чего трудно дать ему характеристику. Видимо, в значительной степени его материалами воспользовался составитель Троицкой пергаменной летописи. Однако, как известно, она погибла в московском пожаре 1812 г. Восстановить состав и содержание нового великокняжеского свода позволяет обращение к текстам Рогожского летописца, Симеоновской и Никоновской летописей. Выделив из них сообщения за 1306-1408 гг., восходящие к местным летописным традициям Твери, Суздаля, Ростова, Смоленска, Рязани и Новгорода Великого, «мы получаем едва ли не полностью текст Летописца 1389 г.»²⁶. Анализ его показывает, что при князе Юрии Даниловиче в Москве, видимо, летописных записей не велось. Отдельные фрагменты подобной работы (семейная хроника) отмечаются при московском княжеском дворе только с 1317 г. Чуть позднее, с 1327 г. летописание начало вестись при митрополичьей кафедре, перенесенной за год до того

в Москву. Судя по всему, с 1327 г. здесь непрерывно ведется единая летопись.

Даже М.Д. Присёлков, предполагавший возможность существования в Москве самостоятельных великокняжеской и митрополичьей летописных традиций, вынужден был признать: «известия московские, великокняжеские, семейные княжеские, церковные и митрополичьи собственно - переплетаются между собою с такою силою, что нет возможности поставить вопрос о слиянии здесь хотя бы двух только источников - великокняжеского и митрополичьего летописцев - и приходится думать об едином центре, для которого одинаково важны были известия и о митрополичьей деятельности, и о деятельности великих московских князей, и даже о семейных делах этих князей за все время 1341-1389 гг., почему все эти известия и смыкались в изложении в одно целое»^{26а}. Мнение о единстве московского летописания в XIV п. разделяет Я.С. Лурье - один из наиболее авторитетных летописцев последних десятилетий.

Скорее всего, летописание в тот период велось при митрополичьем дворе. На это указывает характер годовых записей: летописец гораздо внимательнее относится к переменам на митрополичьем престоле, а не на великокняжеском. Впрочем, это вполне объяснимо. Не будем забывать, что именно митрополиты, а не великие князья традиционно имели в то время в своей титулатуре упоминание «всех Руси», которая им (хотя бы номинально) подчинялась. Тем не менее появившийся свод был не собственно митрополичьим, а великокняжеско-митрополичьим. Этот свод (по датировке А.А. Шахматова - 1390 г.), вероятно, и получил название Летописец великий русский. Следует, однако, отметить, что кругозор составителей нового свода был необыкновенно узким. Московский летописец видел значительно меньше, чем составители тверских великокняжеских сводов. Впрочем, по мнению Я.С. Лурье, так называемый Летописец великий русский по своему происхождению мог быть и тверским.

Следующий этап развития общерусского летописания в существовавших самостоятельных землях и княжествах был связан с усилением роли и влияния митрополита «всех Руси». Таков был итог длительного противостояния московского великого князя и церкви в годы правления Дмитрия Ивановича Донского. С именем митрополита Киприана связывают идею создания нового летописного свода. Он включал историю русских земель, входивших в русскую митрополию, с древнейших времен. В него должны были войти, по возможности, материалы всех местных летописных традиций, в том числе отдельные летописные записи по истории Великого княжества Литовского. Составление

его, видимо, началось уже после смерти Киприана, но до приезда на Русь его греческого преемника Фотия. Первым общерусским митрополичьим сводом стала так называемая Троицкая летопись 1408 г., отразившаяся преимущественно в Симеоновском списке, в примечаниях И.М. Карамзина (давшего ей общепринятое ныне название) к «Истории государства Российского» и некоторых других летописях. По мнению Б.М. Клосса, этот свод мог быть составлен в Троицком монастыре Епифанием Премудрым, автором Жития Сергия Радонежского, Я.С. Лурье, однако, настаивает на том, что свод 1408 г. был составлен именно в Москве. При этом исследователь предполагает, что своды 1390 и 1408 гг. были, по существу, двумя редакциями общерусского митрополичьего свода. Характерной чертой его является отсутствие «каких-либо централизаторских и антиордынских тенденций»²⁷.

После нашествия Едигея и в связи с последовавшей затем, борьбой за московский престол между наследниками Дмитрия Донского центр общерусского летописания вновь переместился в Тверь. В результате усиления Твери в 30-х годах XV в. (по последней датировке Я.С. Лурье - в 1412 г.) здесь появилась новая редакция свода 1408 г., непосредственно отразившаяся в Рогожском летописце, Никоновской и (опосредованно) Симеоновской летописях. Однако «задача создания подлинно общерусского летописания (в рамках Северо-Восточной, Московской Руси) и осмысления событий XIV в. ...была решена летописцами лишь в последующем, XV столетии»²⁸.

Важным этапом в становлении общерусского летописания стало составление свода, который лег в основу большой группы летописных списков, объединяемых в Софийскую I и Новгородскую IV летописи. Расчет годов, помещенный под 6888 (1380) г., позволил Л.Л. Шахматову определить дату его создания как 1448 г. Новый свод представлял собой коренную переработку (с привлечением тверских, суздальских, новгородских и других летописных материалов) свода 1408 г. Он также имел общерусский характер и своим происхождением был по-прежнему обязан митрополичьему окружению. Подготовка его, по видимому, была связана с избранием в Москве в конце 1448 г. нового митрополита Ионы, занявшего долго пустовавшую кафедру. Составитель свода 1448 г. отразил изменившийся кругозор читателя своего времени. Под его пером достаточно четко оформилась идея необходимости объединения московских земель с Ростовом, Суздалем, Тверью и Новгородом Великим для совместной борьбы с «погаными». Летописец «впервые поставил этот вопрос не с узкомосковской (или тверской), а с обще-

русской точки зрения (использовав в этом случае и южнорусское летописание)²⁰.

Свод 1448 г. не дошел до нас в первоначальном виде. Возможно, это связано с тем, что он поневоле, в силу времени своего создания, имел компромиссный характер, подчас парадоксально объединяя московскую, тверскую и суздальскую точки зрения. Тем не менее он лег в основу почти всех русских летописей последующего периода (прежде всего, Софийской I и Новгородской IV), так или иначе перерабатывавших его.

Местное летописание

Ростовское (или суздальское) летописание сохранилось в составе летописного свода первого десятилетия XV в., завершающего Московско-Академическую летопись (XV в.). В основе его лежат источники, общие с Радзивилловской (до 1206 г., предположительно, Летописец ростовского князя Константина Всеволодовича) и Софийской I летописями. Его окончание представляет собой краткую летопись, уделяющую особое внимание Ростову и ростовским, а также суздальско-нижегородским князьям. Это позволяет сделать вывод о том, что летописный свод, завершающий Московско-Академическую летопись, был составлен в Ростове или Суздале. Однако существование длительной и непрерывной традиции ростовского владычного летописания кажется сомнительным. Подтверждением этого служит и то, что в 80-х годах XV в. оппозиционные центру ростовские летописцы были вынуждены опираться на московские летописи.

Новгородское летописание представлено Новгородской I летописью. Старший извод был доведен до середины XIV в. Он представлен единственным Синодальным списком, начало которого (до 1010 г.) утрачено. В младшем изводе, представленном Комиссионным, Академическим (середина XV в.) и Троицким (XVI в.) списками, а также поздними копиями Академического списка XVIII и XIX вв., отразилось летописание Новгорода Великого второй половины XIV в. и начала XV в.

Псковское летописание включает ряд списков, объединяемых в Псковскую I (первоначально она доходила до 1469 г.), Псковскую II (доведена до 1486 г.) и Псковскую III (изложение выходит за пределы XV в., а в Архивском II списке даже включает начало XVII в.) летописи. Судя по всему, в основе всех трех летописей лежал общий псковский протограф, датируемый 80-ми годами XV в. (А.Н. Насонов, Я.С. Лурье).

Белорусско-литовское летописание связано с традицией ранних московских общерусских сводов - Троицкой и Симеоновской ле-

тописей. Белорусская I летопись представлена Никифоровским, Супрасльским, Слуцким и Академическим списками. Это сложный по составу сборник, включающий *Летописец великих князей Литовских* и *Избрание летописания изложено вкратце*. Последний источник составляют заимствования из Новгородской IV (до 1309 г.), Софийской I (1385-1418 гг.) и Троицкой (1310-1385 гг.) летописей. Заключительная часть Белорусской I летописи является своеобразным продолжением Троицкой летописи или ее протографа.

Изучение истории XIV в. серьезно затруднено тем, что сведения о ней весьма неполны и фрагментарны. При крайней скудности общерусского летописания до конца XIV в. особое значение приобретает единственная современная этим событиям местная летопись (доведенная, к сожалению, только до середины XIV в.) - Новгородская I старшего извода (Синодальный список). Лишь обращение к источникам других видов позволяет в какой-то степени заполнить пробел в фактических данных. Тем не менее остается множество вопросов, решение которых вообще едва ли возможно. Недостаток фактических данных, которые историк получает главным образом из летописей, сказывается самым серьезным образом на качестве и глубине исследования проблем, связанных с историей XIV в. В лучшем положении оказываются ученые, изучающие историю конца XV-XVI вв.

5. Общерусские летописные своды конца XV-XVI веков*

Общерусское летописание

Официальное летописание

Начало общерусского летописания великих князей московских, заложившего основы официального летописания XVI в., относится ко второй половине XV в. Сопоставив Ермолинскую летопись с Архивской (или Ростовской) XVII в., Си-

* Местное летописание этого времени, ведшееся независимо и параллельно общерусскому, не рассматривается.

меоновской и Воскресенской (обе XVI в.) летописями, а также так называемым двухтомным Лондонским списком (XVI в.), А.Н. Насонов пришел к выводу о существовании протографа, который лежал в их основе. Его состав уточняется при обращении к Музейному (конец XV - начало XVI в.) и Воронцовскому сборникам, а также к летописям Лавровского, Вологодско-Пермской (конец XV - середина XVI в.) и Никаноровской. В них сохранился текст краткого летописца, который Л.С. Лурье определяет как наиболее раннюю из известных редакций московского великокняжеского летописания. По ряду косвенных данных удалось установить, что она была составлена приблизительно в 1472 г. и основывалась на своде 1448 г. В ней была закреплена московская традиция освещения целого ряда событий русской истории (в том числе обстоятельства феодальной войны второй четверти XV в.), которая проникла затем во все общерусские летописи. Наиболее непосредственное отражение Московский свод начала 70-х годов XV в. нашел в Воронцовском и Музейском сборниках, Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях, а также в списке Лавровского (конец XV в.). Его наиболее ранняя версия (до мая 1472 г.) сохранилась в первых двух списках, тогда как общий источник Никаноровской и Вологодско-Пермской летописей являлся более поздней (осень 1472 г.) обработкой свода, легшего в основу летописи Лавровского.

Следующими этапами великокняжеского летописания стали своды 1477 и 1479 гг. От свода 1477 г. сохранилась лишь заключительная часть в так называемом *Летописце от 72-х язык*. О начальной его части можно судить только предположительно - на основании текста свода 1479 г., который дошел до нас целиком (до статьи 6926 г.), но не в первоначальном виде. Он восстанавливается по поздним Уваровскому (XVI в.), Архивскому (XVII в.; так называемая Ростовская летопись) и открытому А.А. Шахматовым Эрмитажному (XVIII в.) спискам. В последнем он сохранился в чистом виде.

К источникам свода 1479 г. следует отнести свод 1477 г., «особую обработку свода 1448 г.» (в которой были устранены компромиссные тенденции последнего), ростовский свод начала XV в. (отразившийся в Московско-Академической летописи) и новгородский свод, близкий Новгородским I и IV летописям. Попытки А.М. Насонова представить «особую обработку свода 1448 г.» митрополичьим сводом опровергаются характером сокращений, которые претерпел летописный текст: из повествования были исключены в основном библейские цитаты и религиозные сентенции. Видимо, уже тогда традиция создания митрополичьих общерусских сводов на время угасла. Официозный

и светский характер «особой обработки» дал основания Я.С. Лурье характеризовать ее как памятник великокняжеского летописания.

Свод 1479 г., по мнению М.Д. Присёлкова, стал новой попыткой особого рода согласования настоящего с далеким прошлым. «Сводчик еще не решается вносить в изложение прошлых событий ту систематическую переработку во вкусе современных ему политических воззрений, которою так резко невыгодно отличаются последующие московские свода XVI в.»³⁰ Вместе с тем в своде 1479 г. были усилены антилатинская и антиновгородская тенденции, что объясняется историческими условиями, в которых он составлялся. Мнение А.Н. Насонова о том, что свод 1479 г. был митрополичьей летописью, не имеет достаточных оснований. Впоследствии текст этого свода послужил источником всего официального общерусского летописания - великокняжеского и царского.

В конце 40-х годов М.Н. Тихомиров обнаружил Уваровский список Московского летописного свода конца XV в. В нем свод 1479 г. продолжался до 7000 (1492) г. Уваровский список полностью отражает великокняжеское летописание - от самого начала до конца. Выявленный свод отразился, кроме того, в списках Погодинской, Мазуринской, Симеоновской, Хронографическом Новгородской IV (V), Царского Софийской I, Софийской II, Львовской и Уваровской (Уваровский вид *Летописца от 72-х язык*) летописей, а также в основных сводах XVI в. - Воскресенской, Иоасафовской, Никоновской и других летописях. Московский летописный свод конца XV в. - это развернутые сообщения о важнейших актах великокняжеской политики, о великокняжеской семье, о строительстве в Москве и других городах и т. п. Почти все оценки, встречающиеся здесь, носят вполне официальный характер, оправдывая действия великого князя московского. Свод дошел до нас как в более или менее полном виде, так и в виде фрагментов за 80-90-е годы XV в., присоединенных к сводам неофициального характера. Некоторые расхождения (сокращения и дополнения), имеющиеся в параллельных текстах этого свода, позволили С.М. Каштанову и Я.С. Лурье высказать предположение о существовании двух его редакций - 1493 и 1495 гг. (обе даты приблизительные). Первая из редакций отразилась в Музейном списке, Софийской I летописи по списку Царского, Погодинской летописи, вторая - в Симеоновской, Мазуринской и сходных с ними летописях.

Первая редакция была составлена после событий 1494 г., связанных с какой-то политической интригой, в которой оказалась

замешанной Софья Палеолог. По мнению С.М. Каштанова, эта редакция была связана с деятельностью лиц, близких к снохе Ивана III Елене Стефановне и митрополиту Зосиме. Я.С. Лурье, однако, обращал внимание на то, что здесь уже упоминалась отставка Зосимы в 7002 (1494) г.

Характер и время составления второй редакции уточняются на основе сопоставления Новгородской Уваровской летописи и Новгородского летописного свода 1539 г. (Новгородская IV летопись по списку Дубровского, Отрывок летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку, вторая часть так называемой Ростовской летописи) с сообщениями Софийской I летописи по списку Царского. Я.С. Лурье полагал, что великокняжеский свод в новой редакции завершался статьей 7008 (1500) г.

Следующая по времени редакция великокняжеского свода была доведена уже до 7017 (1508) г. Она была связана с завершением борьбы Василия III за престол. Свод 1508 г. отразился в заключительной части Софийской I летописи по списку Царского.

С начала XVI в. на Руси существовала уже единая общерусская летописная традиция, связанная с великокняжеской канцелярией. По справедливому замечанию Я.С. Лурье, в XVI в. летописание велось с большой тщательностью и полнотой, но было сугубо официальным и жестко централизованным. Летописи XVI в. почти никогда не «спорят» между собой. Они лишь послушно реагируют на изменения в государственной политике.

С первых десятилетий XVI в. вновь активизировалось митрополичье летописание. В 1518 г. появился новый свод, положенный в основу Софийской II и Львовской летописей, а также Уваровского вида *Летописца от 72-х язык*. Скорее всего, это был официальный свод, полностью лояльный к властям. Составлен он был, как полагал А.И. Насонов, в церковной среде, возможно, при митрополите Варлааме. В то же время ряд критических замечаний, высказанных составителем свода в адрес митрополитов Филиппа и Терентия, позволил Я.С. Лурье высказать сомнения относительно его официального характера. В основу свода 1518 г. было положено великокняжеское летописание первых десятилетий XV в. и неофициальный ростовский свод 1489 г., расширенные материалами митрополичьего архива. Наряду с ними одним из важнейших источников свода 1518 г. стал особый церковный свод 80-х годов XV в., оппозиционный великокняжеской власти.

Важным этапом в завершении унификации русского летописания под эгидой Москвы стала *Никоновская летопись*. Она была составлена в конце 20-х годов XVI в. в Москве, при дворе митрополита всея Руси Даниила Рязанца (1522-1539). Впоследствии Никоновский свод неоднократно дополнялся заимствованиями из официального летописания и был доведен до 1558 г. В результате кропотливой работы над сохранившимися списками летописи Б.М. Клосс выявил ее оригинал - список Оболенского. Благодаря этому были уточнены датировка и место составления свода, установлены скрипторий, в котором он был написан, и личность составителя. Целью создания летописи стала подготовка к собору 1531 г., на котором подверглись осуждению взгляды «нестяжателей» на церковное землевладение. Основными источниками Никоновского свода, по мнению Б.М. Клосса, были Симеоновская, особая редакция Новгородской V (так называемая Новгородская Хронографическая) и близкая по времени к Никоновской Иоасафовская летописи, Владимирский летописец, Устюжский свод и Русский Хронограф. В числе источников Никоновского свода А.А. Шахматов называл также Западнорусский Хронограф середины 50-х годов XVI в. Кроме того, в состав Никоновской летописи вошел целый ряд литературных произведений: переводы Максима Грека, сборник слов и поучений митрополита Даниила, копия книга московской митрополичьей кафедры, несколько «Слов» и «Сказаний». Никоновская летопись представляет собой наиболее полный свод сведений по русской истории, причем часть из них уникальна. Использование большого количества источников, многие из которых неизвестны, заставляет с особой осторожностью относиться к информации, почерпнутой из Никоновского свода. В первую очередь это касается «избыточных» сведений. И все-таки Никоновская летопись - один из важнейших источников по истории русского средневековья.

Между 1542 и 1544 гг. была составлена *Воскресенская летопись* - официальная летопись первой половины XVI в. Следует отметить, что помимо великокняжеского летописания конца XV - начала XVI в. ее создатели пользовались ростовским сводом 80-х годов (отразился в Типографской летописи) и внелетописными памятниками. В частности, в нее было включено *Сказание о князьях владимирских* (20-е годы XVI в.), объединившее легенды о происхождении русской великокняжеской династии от римского императора Августа через легендарного Пруса (якобы родственника Рюрика) и о мономаховых регалиях, которые будто бы были посланы византийским императором Константином Мономахом киевскому князю Владимиру Всеволодовичу. В первоначальных -

несохранившихся - редакции она доходила до 30-х годов XVI в. Позднейшие редакции были доведены сначала до 1541 г., а затем до 1560 г. В основу Воскресенской летописи положен Московский летописный свод 1508 г.

К концу 50-х годов XVI в. относят появление *Летописца начала царств*, составленного, видимо, при непосредственном участии Л.Ф. Адашева. Он охватывает небольшой период времени - с 1533 по 1556 гг. - и освещает преимущественно две темы: укрепление «самовластия» Ивана IV и присоединение Казани. Основные идеи Летописца близки официальным идеологическим установкам начального периода правления Ивана Грозного. Существенно отредактированные тексты Летописца были использованы при составлении последних двух томов *Лицевого свода*.

Никоновская и *Воскресенская летописи* представляют вполне оформившуюся единую русскую официальную летописную традицию. Эти качества и определяют, прежде всего, характер и трактовку сохранившихся в них сведений и, следовательно, отношение к ним исследователя, изучающего по этим летописям историю конца XV - первой половины XVI в. В таком унифицированном виде общерусское летописание просуществовало до 60-х годов XVI в., пока резкие перемены в годы опричнины не привели сначала к срочной переработке официальной летописи, а затем и к полному ее прекращению.

В начале 60-х годов XVI в. только что составленный новый список Никоновской летописи (Патриарший) был использован для создания *Степенной книги царского родословия* - своеобразного литературно-исторического произведения, само появление которого свидетельствовало об определенных изменениях в подходе к историческому материалу и разложению летописного жанра. Составленная в окружении митрополита Макария (возможно, митрополитом Афанасием), *Степенная книга* объединила летописные и агиографические тексты и дополнила их устными преданиями. Называется книга так потому, что весь ее текст был разбит на 17 «степеней» (ступеней), по которым как бы двигалась история Русской земли. Основная идея - представить русскую историю как деяния святых московских государей и их предков. Цель создания *Степенной книги* определила отношение ее автора к историческому материалу: он не отличается точностью и достоверностью. *Степенная книга* оказала большое влияние на последующие исторические и публицистические произведения, хотя источниковедческая ценность приводимых в ней сведений крайне мала.

Самым крупным летописно-хронографическим произведением средневековой России стал так называемый *Лицевой свод* Ива-

на Грозного («иллюстрированная редакция Никоновской летописи», как называл его Л.Л. Шахматов). Эта «историческая энциклопедия XVI в.» (А.Е. Пресняков) состоит из 10 томов, почти каждая из страниц которого украшена миниатюрами (всего более 16 тыс. миниатюр). Три первых тома посвящены всемирной истории, а последующие семь - русской. Они создавались в царской кнгописной мастерской при соборном храме Покрова Богородицы в Александровской слободе в течение почти целого десятилетия - с 1568 по 1576 г. Сложность изучения Лицевого свода, и частности, заключается в том, что в настоящее время его тома хранятся в разных рукописных хранилищах страны: Хронограф ГИМ («Музейский сборник»), Синодальная летопись («Никоновская с рисунками») и Царственная книга - в рукописном отделе Государственного исторического музея (Москва); Хронограф БАН и два тома Древнего летописца («Остермановский летописец») - в Библиотеке Академии наук (Санкт-Петербург); Хронограф ГПБ, Голицынский, Лаптевский и Шумиловский тома - в Национальной публичной библиотеке (Санкт-Петербург). Будучи единым целым, они освещают историю от сотворения мира до 7075 (1568) г. Том, содержащий начальную русскую историю (изложение начинается с событий 6622/1114 г.), отсутствует. Последние два тома - Синодальная летопись и Царственная книга (переработанная копия Синодальной летописи) - содержат две редакции описания одних и тех же событий, связанных с началом царствования Ивана IV. И в том и в другом томе на полях сделаны скорописные редакторские записи. Это послужило основанием для популярной в свое время гипотезы Д.И. Альшица о двукратном редактировании их самим царем. Однако скрупулезное сличение палеографических примет обоих томов позволило Б.М. Клоссу прийти к выводу, что редактировался том лишь однажды, но при переплетении черновые и перебеленные листы оказались перемешанными - часть листов Синодальной летописи попала в Царственную книгу.

Очевидно, по завершении работы над последней - наиболее злободневной - частью свода она была представлена на рассмотрение царю и вызвала его неудовольствие. Первоначальный текст был «отрецензирован» в уже готовом варианте рукописи, с выполненными в чернильном очерке, но не иллюминированными миниатюрами. Приписки внесены в первой половине 70-х годов XVI в., и основывались они, несомненно, на каких-то письменных источниках. Сохранившиеся пометы редактора Лицевого свода дают полное представление о том, как заказчик (в качестве которого, очевидно, выступал сам царь) контролировал во второй половине XVI в. работу летописцев и миниатюристов.

Не только указывалось, как описывать или изображать то или иное событие, по и давались сами тексты, которые следовало внести в летопись (скажем, лишь из редакторских помет известно о так называемом боярском мятеже во время болезни Ивана Грозного в 1553 г.). Эти приписки - важный источник по истории политической борьбы XVI п. Основным и непосредственным источником для русских статей Лицевого свода стал список Оболенского Никоновской летописи: на его полях имеются восковые отметки точно в тех же местах, в которых в Лицевом своде расположены миниатюры. В качестве дополнительных источников использовались Воскресенская и Новгородская IV летописи, Степенная книга и Летописец начала царств. Хронографическая часть Лицевого свода опиралась на Чудовский и Академический виды Еллинского летописца II редакции, дополненные текстами Русского хронографа, Хроники Георгия Амартола (возможно, в составе Еллинского хронографа I редакции), а также «Иудейской войны» Иосифа Флавия. Причины прекращения работы над Лицевым сводом неизвестны.

Неизвестны и причины прекращения существования летописи как жанра исторического повествования. Лицевой свод стал последним общерусским сводом. После него летописная традиция угасла. И хотя в XVII - первой половине XVIII в. продолжали вестись местные и частные записи, внешне напоминавшие летописи, они уже не могут дать и не дают общей картины истории страны.

Автор этих строк выдвинул гипотезу о том, что летописи зародились и бытовали как своеобразные «книги жизни» («книги животные» или «книги вопросные»), которые должны были быть предъявлены на Страшном Суде. Они составлялись начиная с 30-х годов XI в., непосредственно накануне конца времен (который пытались более или менее точно рассчитать) в качестве «официального» доказательства раскаяния того или иного лица в совершенных им грехах либо, наоборот, подтверждения его греховности и «окаянности». Если это так, то становится ясным, почему по истечении 7000 (1492) г., когда эсхатологические ожидания на Руси достигли кульминации, летописание как вид исторических источников довольно резко меняет свой характер, а после 7077 (1569) г., в котором видели последнюю ближайшую дачу наступления конца света, вообще прекращается. Можно тогда объяснить и многие моменты, избранные для составления новых летописных сводов и их редакций: большинство из них совпадает с предполагаемыми датами Второго пришествия (годы совпадения Благовещения и Пасхи - так называемая кириопасха, а также рассчитанные по тем или иным основаниям, на

которых мы не будем останавливаться, 1037-1038, 1492, 1499, 1562 гг. и др.). Возможно, с этим связано и особое отношение к летописям. Известно, например, что Никоновская и другие летописи, «написанные и хранимые в секрете», как отмечал Джером Горсей, наряду с прочими сокровищами, составляли часть царской Казны и, видимо, рассматривались как государственное достояние. Впрочем, наша гипотеза не отрицает возможности иных мотивов составления того или иного летописного свода.

Как бы то ни было, после прекращения летописания, т. е. с 70-х годов XVI в., по образному выражению А.Л. Севастьяновой, «на долю историка политической жизни остаются крохи со стола историка-экономиста да наблюдения далеко не беспристрастных иностранцев»³¹.

Неофициальное летописание

Наряду с официальным общерусским летописанием существовали летописи, составлением которых занимались частные лица. Такие летописи не имели официального характера и подчас, противостояли великокняжеским сводам. Существование неофициального летописания во второй половине XV в., так же как и великокняжеских летописей того времени, было открыто А.Л.Шахматовым.

Один из примеров независимой местной традиции дает Ермолинская летопись (составлена в XV в.; список начала XVI в.). В ряде случаев она поражает «своей оригинальностью» (А.А. Шахматов). Ее сопоставление с близкими ей Сокращенными сводами (Погодинский, Мазуринский и Соловецкий виды Сокращенного летописного свода 1493 г. - всего 13 епископ) и Устюжским летописцем позволяет говорить о том, что все они восходят к общему протографу. Им является *севернорусский свод 70-х годов XV в.*, созданный, по всей видимости, в Кирилло-Белозерском монастыре. Наряду с московским великокняжеским летописанием (Московские своды 1472 и 1479 гг.) в его основу положены новгородские летописи и какой-то ростовский или суздальско-ростовский источник. Составление севернорусского свода именно в Кирилло-Белозерском монастыре подтверждается несколькими аргументами. Прежде всего, судя по содержанию, он не мог быть официальной летописью ростовских архиепископов (как считал А.Н. Насонов). Кроме того, составители свода проявляли повышенный интерес к истории северных, «заволжских» районов Ростово-Суздальской земли, где и был расположен монастырь. Наконец, его текст был использован при составлении в Кирилло-Белозерском монастыре сокращен-

ного Летописца русского (XV в.) и кратких летописчиков XV-XVI вв.

Неофициальный характер Кирилло-Белозерского свода 70-х годов XV в. (он не был даже официальным сводом монастыря) позволял его составителям высказывать независимые суждения о политике великого князя, поддерживать опальных политических и церковных деятелей (например, ростовского архиепископа Трифона, московского воеводу Федора Басенка и др.), критически отзываться о ярославских чудотворцах. Следует подчеркнуть, что данный свод, несмотря на его, казалось бы, частный характер, на самом деле был общерусским. Об этом говорят круг источников, использованных его составителями, и широта затрагиваемых в нем тем. Именно благодаря общерусскому характеру он получил большое - хотя, естественно, неофициальное - распространение.

Другим примером местного независимого летописания является неофициальный *свод 1489 г.*, составленный при ростовской архиепископской кафедре, точнее, в кругах, близких к ней. Он восстанавливается при сличении Типографской летописи с Софийской II и Львовской летописями. Особая роль в его реконструкции отводится Типографской летописи, которая в настоящее время известна в десяти списках. Они объединяются в две редакции: более ранняя отражена в Академическом и близких ему списках (всего восемь), а более поздняя - в Синодальном и подобном ему Библиотечном. Анализ состава совпадающих в них чтений приводит к выводу, что источниками для этого гипотетического свода послужили: Московский свод 1479 г., два каких-то источника, близких Лаврентьевской летописи (причем один из них описывал ростово-суздальские события, не известные другим источникам) и, вероятно, записи, которые велись при ростовской владычной кафедре. Эта летопись была независима, но вполне лояльна к московской великокняжеской власти. Более того, Я.С. Лурье склонен приписывать авторство целого ряда рассказов, включенных в общерусские своды (в частности, рассказ о «стоянии» на Угре), именно руке ростовского летописца. В конце XV - начале XVI в. этот свод был отредактирован в кругах, близких к ростовскому архиепископу Тихону. Возможно, именно в это время в него были включены фрагменты великокняжеской летописи.

Одним из источников уже упоминавшегося митрополичьего *свода 1518 г.* был особый свод 80-х годов XV в. Предположение о его существовании высказал А.М. Насонов. Представление о составе и характере свода можно составить, убрав из совпадающих текстов Софийской II и Львовской летописей сообщения, близкие

Ермолинской летописи и Сокращенным летописным сводам конца XV в. В результате такой «очистки» свода 1518 г. от дополнений, почерпнутых прежде всего из Кирилло-Белозерского свода 70-х годов XV в., остается ряд оригинальных известий, нигде более не упоминающихся. Дата его составления не поддается уточнению (последнее известие датируется 1483 г.). Правда, имеются достаточные основания, чтобы утверждать, что он был составлен в московских церковных кругах, близких митрополиту Геронтию. Этот свод отличается резко критическим отношением к великокняжеской власти. В то же время существуют сомнения относительно того, был ли он официальной митрополичьей летописью, как считал А.М. Насонов.

Неофициальный московский свод 80-х годов XV в. и ростовский свод 1489 г. были последними памятниками независимого летописания. Скорее всего, они составлялись в каких-то монастырях, а не в митрополичьей или архиепископской канцеляриях. Естественно, что их оппозиционность московским властям (особенно московского свода) вызвала противодействие со стороны великого князя. С конца XV в. независимое общерусское летописание (по всяком случае в центре) было прекращено.

Местное летописание

Помимо общерусского летописания и «параллельно» с ним в конце XV-XVI в. продолжали вестись местные летописи. Так, и самом конце XV- начале XVI в. при дворе пермского епископа Филофея был создан *Вологодско-Пермский свод*. В 1520-х и 1550-х годах на его основе были составлены еще два местных свода. В середине XVI в. появилась *Холмогорская летопись*, доведенная первоначально до 1558 г. Впоследствии она была продолжена текстом краткого Холмогорского летописца, изложение которого доходило до 1659 г. По предположению Ю.Л. Лимонова, отдельные сообщения Холмогорской летописи восходят к Летописцу Федора Ярославского XIII в.

К 1499 г. К.Н. Сербина относит завершение первой *устюжской летописи*. Отдельные записи летописного характера велись в Успенской церкви Устюга Великого еще с конца XIII в. Но лишь к концу XV в. разрозненные записи были сведены в связный, довольно подробный рассказ о местных событиях. С этого времени летописная традиция Устюга существовала с перерывами в течение трех веков. Первой сохранившейся Устюжской летописью является свод первой четверти XVI в. (последняя запись относится к 1516-1517 гг.), дошедший в списках XVII-

XVIII вв. Кроме местных, он содержит общерусские, ростовские и новгородские известия. По мнению А.Н. Насонова, Устюжский свод относится к типу общерусских провинциальных летописей. Это независимый свод, созданный, возможно, для того, чтобы обосновать неподвластность Устюга ростовским князьям и его близость с Москвой. Вместе с тем в нем встречаются критические замечания в адрес не только великокняжеских воевод, но и самого государя. Устюжская летопись использовалась при подготовке Никоновского свода.

По справедливому замечанию Я.С. Лурье, исследователь, занимающийся политической историей XV в., находится в более выгодном положении по сравнению не только с историком XIV в., но и с историком XVI в. Существование в XVI в. лишь одной общерусской летописной традиции во многом затрудняет исследование политической истории этого времени. Этот пробел лишь частично удастся заполнить с помощью источников других видов (публицистики, документальных материалов).

Совсем в ином положении оказывается исследователь при изучении истории Руси XV в., и особенно его второй половины. Так, о первой победе Ивана III над Новгородом в 1471 г. сообщают самые различные источники - летописи Москвы и Новгорода, ряд московских независимых сводов; имеется несколько параллельных рассказов и об окончательной победе над вечевой республикой в 1477-1478 гг. Так же разнообразны и известия о других обстоятельствах политической истории второй половины XV в.

6. Летописание и другие исторические произведения XVII века

В 1612-1615 гг. появился *Пискаревский летописец* (известен в единственном списке первой половины XVII в.). Судя по всему, он был составлен московским печатником, проживавшим в Нижнем Новгороде (в качестве наиболее вероятных авторов называют Никиту Федоровича Фофанова и Арсения Элассонского). Изложение в Летописце охватывает события 1533-1615 гг. и дополнено приписками 1625-1645 гг. Составитель опирался в своей работе на летописи типа Никоновской и Воскресенской. Кроме того, он широко пользовался какими-то неизвестными источниками, устными преданиями, слухами, сплетнями, воспоминаниями современников. Ряд последних записей сделан по личным наблюдениям. По мнению М.Н. Тихомирова, Пискаревский летописец можно отнести к летописям лишь по формальным признакам; по сути это «воспоминания мо-

сквича о событиях конца XVI - начала XVII в.». Источник носит компилятивный характер и интересен прежде всего оригинальными сведениями,

Самым крупным летописным произведением XVII в. стал *Новый летописец*. В отличие от предшествующих летописей он охватывает сравнительно небольшой период: от конца царствования Ивана Грозного до поставления на патриаршество Филарета (1619 г.). Время составления Нового летописца - 20-е - начало 30-х годов XVII в. Возможно, как предполагал С.Ф. Платонов, он был создан при патриаршем дворе, в окружении нового митрополита Филарета. Целью написания Летописца, скорее всего, была попытка дать историко-политическое обоснование воцарению новой династии Романовых. Несмотря на свою краткость, Новый летописец является одним из наиболее авторитетных и информативных источников по истории Смуты и гражданской войны в России начала XVII в.

В конце 30-х годов XVII в. (около 1637 г.) материалы Нового летописца были соединены с Никоновской летописью, «Повестью о честном житии» царя Федора Ивановича (отличающейся, кстати, в оценках от Нового летописца), а также «Сказанием о Магмет-Салтане» Ивана Пересветова. Основной переработке подверглись тексты Никоновской летописи, повествующие о взятии Константинополя турками в 1453 г. Компиляция может рассматриваться фактически как новая редакция Никоновской летописи. Составленная, вероятнее всего, в Троице-Сергиевом монастыре (Б.М. Клосс, В.Д. Назаров), она имеет хорошо выраженную церковную направленность. Эта, так называемая Троицкая, редакция Никоновской летописи 30-х годов XVII в. известна в семи списках XVII-XVIII вв. Впоследствии она неоднократно использовалась при составлении компиляций, соединявших летописные материалы с выписками из хронографов и других источников. В качестве примера можно привести Троицкий сборник (Хронограф Арсения Суханова, 50-60-е годы XVII в.).

В начале 30-х годов XVII в. в западных районах России (возможно, в районе г. Белая) был составлен *Бельский летописец*, который сохранился в единственном списке середины XVII в. Его появление связывают с кругами местного служилого дворянства. Начало и конец летописца утрачены, сохранились известия только за 1598-1632 гг. Текст основывается на устных рассказах, записях дворян Бельского и соседнего уездов, местных летописцах, сказаниях и собственных воспоминаниях. Данный летописец является важным источником изучения Смутного времени.

Вместе с тем в XVII в. продолжает вестись, хотя далеко не так активно, как прежде, патриаршее летописание. Оно предста-

влено *патриаршим сводом*, следы которого удалось выявить А.Н. Насонову. Исследования Б.М. Клосса позволяют говорить о том, что это была грандиозная летописная компиляция, подготовленная в Казенном патриаршем приказе в 70-х годах XVII в. В нее вошли материалы Никоновской летописи, Троицкого сборника, Новгородского свода 1539 г., Хронографа 1617 г., Нового летописца, а также отдельные фрагменты из других источников (Космография, Хроника Иоахима Вольского, Степенная книга, какая-то псковская летопись). Церковное происхождение свода, как и его связь с патриаршей канцелярией, не вызывают сомнения. В нем получили дальнейшее развитие основные идеи митрополичьего летописания предшествующих веков - защита православия, обоснование союза светской и духовной властей и т. п. Одновременно свод выполнял новую роль: он был своего рода справочником и заменял учебную литературу.

В 1679-1680 гг. появился новый *Устюжский летописец*. К.Н. Сербиин по спискам XVIII в. восстановила его состав и общий характер. Толчком к возобновлению устюжского летописания, прерванного Смутой, видимо, явилось строительство в 1619 г. в Устюге новой соборной церкви. В основу изложения был положен «русский летописец» (так составитель называл Устюжскую летопись первой четверти XVI в.), существенно дополненный устными преданиями. Новый летописец был светским произведением. Основное место в нем отводилось описаниям военных походов, в которых участвовали устюжане. Всячески подчеркивалась преданность жителей Устюга московскому правительству. По-видимому, причиной составления нового Устюжского летописца стало выделение церкви Устюга Великого из Ростовской епархии и образование самостоятельной Великоустюжской и Тотемской архиепископии. Аналогичные причины (образование в 1682 г. Холмогорской архиепископии) вызвали подготовку *Двинского летописца*. Он должен был служить своего рода исторической справкой о вновь образуемой епархии.

Особое место среди летописных источников занимают сибирские летописи XVII в. (*Есиповская*, *Строгановская* и *Кунгурская*), восходящие к недошедшему «Написанию, како ириидоша в Сибирь...». «Написание» повествовало о походе Ермака и было составлено, вероятно, еще в конце XVI в, кем-то из полковых казачьих писарей. В последнее время получила широкое распространение характеристика сибирских летописей как особых редакций этой «повести». Соответственно, они лишь условно могут относиться к летописному жанру. Скорее всего, в этом случае можно говорить об исторических повестях, имеющих разбивку на годы.

Крайне редко историки привлекают и качество источника *Синопис* Иннокентия Гизеля (издан типографским способом в 1674 г.). Это была первая попытка написать единую историю «славяно-русского народа», происходившего из Киевской Руси. Синопис был составлен в Киеве и отражал очень важную тогда для Украины тенденцию единства с Россией. Синопис, подобно поздним летописям, имеет компилятивный характер. Наряду с Густынской летописью его создатель использовал «Историю Польши» Яна Длугоша (третья четверть XV в.), «Кронику» Мацея Стрыйконского (1582 г.), Церковные анналы римского кардинала Цезаря Барония (начало XVII в.). Историческая концепция И. Гизеля «не выходит за рамки архаических представлений», а «его познания о древнем мире самые фантастические»³². Общая тенденция Синописа заставляла Иннокентия Гизеля дополнять русскую историю совершенно невероятными подробностями, а заодно исключать из нее все, что не соответствовало его взглядам. Тем не менее Синопис приобрел большую популярность как в России, так и на Украине. Он неоднократно издавался (последний раз в 1861 г.). На наш взгляд, значение Синописа как исторического источника еще не до конца оценено историками.

7. Хронографы

На смену летописям пришли иные исторические произведения. Особую популярность и авторитет в XVII в. приобрели хронографы (грамографы). В них поэтапно излагалась несконечная история от сотворения мира. Это были или переводы греческих хроник, или собственно древнерусские компиляции, включающие выдержки из Священного писания, греческих хроник и русских летописей. И те и другие получили широкое распространение еще в Древней Руси. Первые переводы византийских хронографов (их принято называть хрониками, чтобы отличить от русских компилятивных хронографов) - Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Георгия Синкелла - стали известны здесь еще в XI в. На их основе была составлена первая русская историческая компиляция - *Хронограф по великому изложению*. Кроме Начального свода 90-х годов XI в., к нему восходят хронографические и Толковая палеи, Троицкий хронограф и Еллинский летописец второй редакции. По мнению О.В. Творогова, Хронограф по великому изложению был «своего рода объединяющим центром, вокруг которого группировались другие памятники исторического жанра»³³. «Великим изложением», очевид-

но, называлась Хроника Георгия Амартола, на которую прежде всего и опирался составитель Хронографа по великому изложению. В него вошли также фрагменты из VII и IX книг Хроники Иоанна Малалы, некоторые апокрифы и фрагменты неустановленного источника, повествовавшего об Иудее в эпоху римского владычества. Хронограф по великому изложению - краткий конспект всемирной истории, однако в центре внимания его составителя (или составителей), несомненно, была Священная и церковная история.

Не позднее середины XIII в. был создан хронографический свод, опиравшийся на Хронику Иоанна Малалы (в него почти полностью вошли VI-X книги Хроники) и дополненный фрагментами из библейских книг, «Александрии», а также «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Традиционно его принято называть *Иудейским хронографом*. К нему восходят сохранившиеся списки *Архивского* и *Виленского хронографов*.

Не позднее начала XV в. (видимо, в XIII-XIV вв.) появились *Еллинский летописец* (архетипная или первая редакция) и *Троицкий хронограф*. Более точной датировке они не поддаются, поскольку составлены из заведомо более древних источников и лишены внутренних датирующих признаков. Троицкий хронограф не имеет продуманной и оправданной композиции. По существу, это - расширенная редакция Хронографа по великому изложению. В основе же Еллинского хронографа лежат полные тексты хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы, а также ветхозаветных III и IV книг Царств. По принципам составления и структуре он близок Иудейскому хронографу и отражает начальную стадию развития древнерусской хронографии. Помимо указанных источников оба хронографа в разных комбинациях использовали библейские книгу пророка Даниила с толкованиями Римского епископа Ипполита, книгу пророка Иеремии, а также Сказание о Софии Цареградской, Житие свв. Константина и Елены и другие памятники.

Следующим хронографическим сводом был *Еллинский летописец второй редакции*, созданный в середине XV в. (дошел в девяти списках XV-XVI вв.). Его составитель продолжил изложение Хроники Амартола до 1391 г., включив в число источников краткий перечень византийских императоров, известный по различным сборникам начиная с XV п., и летопись, близкую к московскому своду 1448 г. Кроме того, изложение было дополнено сведениями по истории церкви, заимствованными из разных источников. В отличие от предыдущих, эта редакция представляет собой цельный текст, имеющий связное изложение. Все повествование разбито на краткие статьи, соответствующие периодам

правления того или иного царя или императора. Тем самым была заложена основа структуры *Русского хронографа*.

Он был составлен на рубеже XV-XVI вв. Древнейший вид Русского хронографа представлен *Хронографом 1512 г.* Помимо сведений из всемирной истории, в него вошло значительное количество известий, касающихся русской истории (в основном заимствования из Сокращенных сводов конца XV в.). Видимо, это было связано с оформлением идеи Руси - «третьего Рима». Это удивительно гармоничное и стройное - в композиционном и стилистическом планах - произведение. Вместе с тем, по мнению О.В. Творогова, Хронограф 1512 г. «подобен крепости, строившейся в течение многих лет и отразившей в своем современном виде замыслы и вкусы нескольких поколений строителей»³⁴. Его составители стремились, судя по всему, создать своеобразную историческую энциклопедию, «научный» труд. И эта задача была ими успешно выполнена.

Хронограф 1512 г. получил очень широкое распространение. К настоящему времени выявлено более 130 его списков XVI - первой трети XVIII в. Он был использован при составлении лицевого летописного свода, а также более поздних редакций Русского хронографа.

В *Хронографе Западнорусской редакции*, отсутствует вся библейская история, история стран Востока и Руси. Зато он имеет обширное продолжение, излагающее по Хронике Мартина Бельского историю западноевропейских и западнославянских государств с XI в. по 1527 г. Считают, что это объясняется стремлением дополнить уже существовавший Никоновский свод «обзором исторических событий европейских народов»³⁵. Хронограф Пространной редакции не сохранился. Известны лишь восходящие к нему списки Хронографа 1599 г. и Хронографа 1601 г. Основная задача, которую ставили перед собой его создатели, - расширить объем излагающейся информации, не изменяя основы. В этой редакции достаточно ясно прослеживается процерковная тенденция.

Расцвет хронографического жанра относится к XVII в. Созданные в первой четверти столетия редакции 1617 и 1620 гг. разных типов, многочисленные «хронографы особого состава» постепенно вытеснили хронографы XVI в. и почти полностью заменили собой летописи.

В хронографах не только излагались исторические события. В них содержались сведения естественно-научного характера, пересказывались произведения античной литературы, приводились выдержки из святоотеческих произведений, христианские апокрифы, агиографические данные. Это были своего рода сре-

дневековые энциклопедии. К сожалению, историки редко прибегают к хронографическим материалам. Между тем использование их в работах по истории древней Руси очень важно, тем более что сюжеты, образы и характеристики, почерпнутые из хронографов, широко применялись в летописании. Поэтому верно понять летописные сообщения зачастую невозможно без обращения к хронографическим компиляциям, которыми пользовались летописцы.

ГЛАВА 2

Законодательные источники

1. Памятники законодательства как исторический источник и методы их изучения

ОДНОЙ из важнейших политических функций государства является право формулировать новые нормы жизни общества, издавать законы. Система законодательства непосредственно отражает деятельность государственных институтов по осуществлению этой функции. Именно поэтому изучать политическую историю невозможно без документов, зафиксировавших совокупность всех правовых норм, которые действуют в данном государстве и регулируют отдельные сферы социальных отношений. Политико-юридическая система, которая отражается в законодательстве, является наиболее общей формой социального контроля за поведением человека. По словам В. Бергера, она образует «внешний» концентрический круг социального давления на человека. Наиболее же «тесным» и - соответственно - жестким оказывается круг личных связей человека (прежде всего его отношения в семье), которые регулировались не светскими законодательными памятниками, а нормами канонического права.

С официальным законодательством человек в добуржуазном обществе сталкивался нечасто. Видимо, с этим связана размытость в древности понятия о законодательном памятнике: все ранние законы передаются в окружении текстов, не имеющих собственно юридического характера. Большая же часть повседневных отношений средневекового человека с окружающими регулировалась нормами *обычного права*, попросту говоря, *традицией*. Она слабо рефлексировалась и, как правило, не находила отражения в памятниках письменного права, поскольку не нуж-

далась в санкции (утверждении законодательной властью). Подобная фиксация - в виде исключения - была возможна в основном в тех случаях, когда обычай приходил в противоречие с новыми отношениями, формирующимися в обществе, и нуждался в некоторой корректировке. Нормы обычного права могли рассматриваться в качестве источника письменных правовых норм, которые были призваны регулировать либо отношения между новыми, прежде не существовавшими социальными группами, либо новые отношения, в которые не вступали члены традиционного общества.

Роль традиции - обычного права в древней Руси, судя по всему, была особенно велика, поскольку в силу ряда культурно-исторических причин здесь отсутствовала рецепция римского права, заложившая основы правовых отношений средневековых государств Западной Европы. В какой-то степени роль, эквивалентную римскому праву, на Руси играли правовые нормы, зафиксированные в Библии. К сожалению, история канонического права и его место в социальной жизни древней Руси изучены пока недостаточно. Основное внимание исследователей по ряду причин в дореволюционной и советской России было обращено на социально-политические и социально-экономические отношения, регулировавшиеся преимущественно нормами уголовного и гражданского права. Пробудившийся в последние годы интерес к истории русской повседневности заставляет внимательнее относиться к памятникам канонического и церковного права на Руси.

При изучении законодательных источников следует помнить, что каждая правовая норма и закон в целом формулируют желательные «стандарты» поведения и поступков. Однако из этого следует, что, пока действует данный закон, соблюдение зафиксированных в нем норм не стало общим правилом. В то же время законы несколько запаздывают относительно самих причин, породивших необходимость формулирования новых правил отношений людей между собой, а также между членами данного сообщества и государством. Кроме того, нельзя забывать, что, по крайней мере, до середины XVII в. на Руси ни один закон никогда полностью не выполнялся. Одной из важнейших причин такого положения было отсутствие со стороны государства возможности контролировать выполнение закона не только на местах, но и в столице. Соответствующих структур аппарата власти (как, впрочем, и самого аппарата как такового) просто не было. Все это задает определенную специфику в изучении законодательных источников и использовании информации, полученной из них в историческом построении.

Определенные сложности в изучении ранних законодательных источников вызывает разделение их на отдельные статьи. При этом учитываются киноварные заголовки, инициалы (или пропуски для них), грамматическая структура фраз. От того, насколько точно осуществлено членение текста, во многом зависит верное понимание как отдельных правовых норм, так и общего смысла законодательного источника.

Не менее сложной оказывается проблема определения, как «работали» (и работали ли вообще) та или иная правовая норма и законодательство в целом. Здесь на помощь приходит сравнение правовых норм с данными актового источниковедения и нарративных источников. В тех случаях, когда это возможно, желательно также привлекать для решения этого вопроса записки иностранцев, часто обращавших внимание на особенности судопроизводства в России.

2. Памятники светского права

«Русская Правда»

Начальные фазы законотворчества в Древнерусском государстве практически не отразились в дошедшем до нас комплексе письменных источников. Исключением являются ссылки на статьи некоего *Закона Русского*, которые встречаются в договорах Руси с греками (6415/907 г.: «Олга водивше на роту, и мужи его по Рускому закону кляшася...»; 6420/911 г.: «Аще ли ударит мечем, или бьеть кацем любо сосудомъ, за то ударение или бьспье да вдасть литръ 5 сребра по закону рускому»; 6453/945 г.: «аще украденное обрящеться продаемо, да вдасть и цену его сугубо, и ть показьненъ будетъ по закону гречьскому, и по уставоу и по закону рускому», «аще ли от нея [кубары] возметь кто что, ли человека поработить, или убьеть, да будетъ повиненъ закону руску и гречьску», «ци аще ударить мечемъ, или копьемъ, или кацемъ любо оружьемъ русинъ гречина, или грьчинъ русина, да того дея греха заплатитъ сребра литръ 5 по закону рускому»). На основании сопоставления этих статей с нормами позднейших законодательных памятников (прежде всего с Русской Правдой) М.Б. Свердлов попытался реконструировать этот источник. Подобные реконструкции можно рассматривать пока лишь в качестве рабочих гипотез. Обращает на себя внимание то, что в упомянутых статьях используются греческие единицы веса (литры). Впрочем, это могло быть связано с тем, что договоры с Византией попали в летопись в виде переводов с греческого. В литературе широко распространено мнение, что Закон Русский предста-

влял запись норм обычного права восточных славян. Насколько обоснованна такая точка зрения, сказать трудно. Тем не менее считается, что именно Закон Русский лег в основу первых дошедших до нас памятников письменного права Древней Руси, которые принято обобщенно называть *Русской Правдой*.

Древнейшим из них является *Краткая Правда* (20-70-е годы XI в.). Она представляет собой кодекс норм прецедентного права. Всеми этими нормами, видимо, регламентируются отношения в пределах княжеского (позднее также и боярского) хозяйства, вынесенного за пределы официальной столицы государства. Возможно, это определило и название самого памятника «Правда *роськая*» (от раннего значения слова «русь» - дружинники). Косвенным подтверждением такой догадки может служить то, что в ряде списков Русскую Правду продолжает Закон Судный людей («людьми» в Древней Руси называли *подданных*). Именно в княжеско-дружинной среде складывались новые социальные отношения, не регламентируемые традицией: между самими дружинниками, между дружинниками и «служебной организацией», между князем и слугами, князем и свободными крестьянами-общинниками. Все остальное население Киевской Руси в обыденной жизни, скорее всего, продолжало руководствоваться нормами обычного права, нигде не записанными. О них можно судить лишь по косвенным следам, сохранившимся в Русской Правде. Самым ярким из них является, несомненно, обычай кровной мести, об ограничении которого говорится уже в первой статье Краткой Правды.

Краткая Правда сохранилась в двух списках XV в. (в составе Новгородской I летописи младшего извода) и 11 списках XVIII-XIX вв. Ее текст помещен в статье 6521 (1016) г. после сообщения о том, что Ярослав Мудрый дал новгородцам Правду и Устав - за помощь в борьбе против Святополка Окаянного. Текст Русской Правды - явно вставной - в старшем изводе Новгородской I летописи отсутствует.

По структуре и источникам, которые вошли в ее состав, Краткую Правду принято делить на Правду Ярослава (первые 17 статей по разбивке М.Н. Тихомирова; в самих текстах деления на статьи нет) и Правду Ярославичей. Существование Правды Ярослава основывается на формальном признаке (ее текст предшествует записи о съезде Ярославичей, на котором они «установили Правду русьской земли»). Однако в более поздней Пространной Правде, в которой запись о съезде сыновей Ярослава приводится, скорее всего, в первоначальном виде, речь идет только об отмене кровной мести и замене ее денежным штрафом, «а ино все якоже Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». Это да-

ет основания для сомнений о существовании Правды Ярославичей. Из состава Правды Ярослава иногда выделяются первые 10 статей, которые, по мнению М.Н. Тихомирова, составляли Древнейшую Правду. Считается, что она была составлена в Новгороде около 1016 г. В 1036 г. на ее основе была создана Правда Ярослава. После его смерти (около 1072 г.) во время съезда в Вышгороде Ярославичи дополнили ее еще рядом статей (до ст. 26). Новую редакцию Правды связывают с городскими восстаниями 1068-1071 гг., поскольку в нее вводятся повышенные денежные штрафы за убийство княжих людей. Остальные статьи Краткой Правды, отчасти повторяющие нормы Древнейшей Правды, принято считать дополнительными, введенными позднее. К более позднему времени относят также *Покон вирный*, устанавливающий нормы прокорма сборщиков судебных платежей, и *Урок мостникам*, определяющий расценки за мощение новгородских улиц (оба датируются первой половиной XII в.). Несмотря на, возможно, составной характер, Краткая Правда рассматривается как единый цельный памятник, возникший в результате целенаправленного редактирования ее текста на рубеже XI-XII вв.

Появление первого памятника письменного права, вероятно, было вызвано тем, что именно в княжеском окружении начали формироваться новые, нетрадиционные социальные отношения, не подпадавшие под обычные нормы. Основой «официального», «необычного» законодательства могли выступать как переработанные древние правовые памятники (типа Закона Русского) и традиционные нормы права, так и нормы принципиально новые, заимствованные, скорее всего, из наиболее авторитетного - для князя и его окружения - источника, Священного писания. О том, что именно библейские нормы легли в основу письменного законодательства, можно судить хотя бы по очевидным параллелям статей Русской Правды и ветхозаветных текстов:

1)А иже межу переореть любо перетес, то за обиду 12 гривне.
Краткая Правда. Ст. 33.*

2)Аще оубьють татя на своемъ дворе, любо оу клети, или оу хлева, то той оубить; аще ли до

1)Не нарушай межи ближнего твоего, которую положили предки в уделе твоём, доставшемся тебе в земле, которую Господь Бог твой даёт тебе во владение.

Второзаконие 19:14.

2)Если кто застанет пора подкапывающего и ударит его, так что он умрет, то кровь не вме-

*Разбивка текстов на статьи дается по М.Н. Тихомирову.

спета держать, то вести его на княжь двор; а оже ли оубьють, а люди боудоуть видели свя-зань, то платити и немь.

Краткая Правда. Ст. 38
3) Аже кто оубиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, въ чьей же верви голова ле-жить то 80 гривенъ; паки ли людин, то 40 гривен.

Пространная Правда. Ст. 3.

нится ему; но если зошло над ним солнце, то вменится ему кровь.

Исход 22: 2-3

3) Если в земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе во владение, найден будет убитый, лежащий на поле, и неизвестно, кто убил его, то пусть выйдут старейшины твои и судьи твои и измерят расстояние до городов, которые вокруг убитого; и старейшины города того, который будет ближайшим к убитому...

Второзаконие 21:1-4

Как видим, нормы Священного писания на древнерусской почве претерпели определенные изменения, что вполне естественно. К сожалению, до сих пор не изучены ни сами эти параллели, ни те трансформации, которые произошли с библейскими правилами в Русской Правде (точнее, в Русских Правдах).

Ко второму-третьему десятилетиям XII в. обычно относится появление *Пространной Правды*. М.Н. Тихомиров связывал ее возникновение с новгородским восстанием 1207-1208 гг. и относил к началу XIII в. Известно более ста списков этого памятника в составе Кормчих книг, Мерил Праведных и юридических сборников особого состава. Самыми ранними являются Синодальный список Кормчей (1282 г.) и Троицкий список Мерила Праведного (вторая половина XIV в.), прочие датируются XV-XVIII вв. Все списки Пространной Правды объединяются в три вида (извода). Синодально-Троицкий вид имел новгородский протограф, возникший ранее последней четверти XIII в. (по мнению Ю.Г. Алексеева, не позже конца XIII в.). Пушкинско-Археографический основывался также на новгородском протографе первой половины XIII в. Карамзинский вид возник в Московской Руси начала XV в. на основе какого-то списка Пушкинско-Археографического вида, дополненного по спискам Синодально-Троицкого; он представляет интерес в основном для изучения судьбы Русской Правды в XV-XVI вв. Иногда Пушкинско-Археографический и Карамзинский виды выделяют вслед за С.В. Юшковым в самостоятельные редакции Русской Правды.

Пространная Правда имеет самостоятельную основу, расширенную текстами Краткой Правды (в переработанном виде) и

Устава Владимира Всеволодовича Мономаха (1113 г.). В то же время М.Н. Тихомиров подчеркивает, что это «единый памятник, основанный на разнообразных материалах, но единовременно возникший»³⁶. По объему Пространная Правда почти в пять раз больше Краткой (почему и имеет такое условное название). По мнению М.Н. Тихомирова, третьим источником Пространной Правды был протограф Сокращенной Правды. Однако эту точку зрения не разделяют большинство исследователей.

Пространная Правда чаще всего рассматривается как памятник новгородского гражданского законодательства, хотя количество списков и распространенность в различных юридических сборниках позволяют относить ее к общерусскому законодательству. Степень «официальности» Пространной Правды неизвестна.

Наиболее спорным памятником является *Сокращенная Правда*, сохранившаяся в двух списках XVII в. Обычно ее датируют концом XV в. В дошедшем виде Сокращенная Правда появилась, вероятно, в Пермской земле, после присоединения ее к Московскому княжеству. Большинство исследователей видят в этом памятнике простое сокращение текста Пространной Правды (что отразилось в его общепринятом названии). М.Н. Тихомиров же считал, что Сокращенная Правда передавала ранний текст, который лег в основу Пространной.

С начала XIV в. Русская Правда, по-видимому, начала терять свое значение как действующий источник права. Смысл многих юридических терминов, использовавшихся в ней, становился неясным переписчикам и редакторам, что вело к искажениям текста. Уже в начале XV в. Русскую Правду перестали включать в юридические сборники, составлявшиеся для практического применения. Это свидетельствует о полной утрате ею - как единого кодекса - правовой силы. Видимо, тогда же она начала включаться в летописные своды. Косвенным подтверждением сказанного является то, что с этого же времени текст Русской Правды перестает развиваться.

Несмотря на традиционную характеристику Русской Правды как единого памятника, на наш взгляд, более корректно рассмотрение Краткой, Пространной и Сокращенной Правд как самостоятельных источников, связанных между собой. Изучение этих древнейших русских юридических памятников независимо от сборников, в составе которых дошли их тексты, вряд ли можно (с источниковедческой точки зрения) считать верным методическим приемом.

Законодательные памятники XIV-XV веков

После Русской Правды наиболее полным и разносторонним кодексом русского права является *Псковская Судная грамота*. Она сохранилась в двух независимых друг от друга списках XVI в. - Воронцовском, включающем весь текст грамоты, и Синодальном, содержащем только последние двенадцать статей (по современной разбивке). Первый из них составлен в Вологде или на Белоозере, второй - в Москве.

Происхождение Псковской Судной грамоты до сих пор вызывает споры. По одной из наиболее аргументированных гипотез Ю.Г. Алексеева, первая редакция грамоты, которая была составлена в 1397 г. (дата сохранилась в тексте заголовка), представляла собой свод псковских пошлин, дополненный выписками из наиболее древнего законодательного памятника Пскова - грамоты Александра Невского. Впоследствии этот текст неоднократно редактировался, в результате чего появилась вторая редакция 1409-1424 гг. Дошедшие до нас списки передают уже третью редакцию, которую исследователь относит ко второй половине XV в. (после 1462 г.). По существу это вторая редакция с более поздними дополнениями, которые еще не были систематизированы. Судя по всему, к первой редакции относятся первые 50 статей, ко второй - около трех четвертей последующих 48 статей, объединенных в тематические разделы. Наконец, статьи второй части, выпадающие из общей системы, и заключительные 22 статьи появились в ходе подготовки последней редакции. Все три редакции - непосредственное отражение сложного процесса кодификации действующего права северо-западного вечевых города: от самых ранних этапов складывания этого права до последних десятилетий его существования.

Несмотря на, казалось бы, сугубо местный характер, «для русской городской и сельской общины Псковская Судная грамота играет ту же роль основного кодекса права, какую для раннефеодальной вотчины играет (Русская. - И.Д.) Правда»³⁷. В этом ее главное значение как исторического источника. В отличие от Русской Правды, сконцентрированной на юридических и социально-политических проблемах княжеского и боярского хозяйства, Псковская Судная грамота дает представление о мире городских и сельских обывателей, о социально-экономическом развитии русского города. Конечно, наиболее важны сведения Псковской Судной грамоты для изучения истории Пскова в XIV-XV вв. Однако в определенном смысле она имеет и общерусское значение: нормы, сформулированные в ней, фиксируются много веков спустя в крестьянской среде самых разных районов Руси.

Новгородская судная грамота известна в одном дефектном списке 70-х годов XV в. Сборник, в составе которого она дошла, по мнению Л.В. Черепнина, был подготовлен в середине XV в. Кроме Судной грамоты в него вошел Коростынский договор 1471 г. (между Новгородом и великим князем московским), который ссылается на нее. Соответственно создана Новгородская судная грамота не позднее 1471 г. Текст грамоты появился около 1385 г. и затем неоднократно редактировался.

В сохранившейся части Судной грамоты мы находим статьи, касающиеся судоустройства и судопроизводства некоторых дел, в частности земельных тяжб. Среди прочих вопросов в ней оговаривается сфера компетенции московского князя в решении новгородских дел.

Источником Новгородской судной грамоты послужила Русская Правда, Ряд статей сближает Новгородскую и Псковскую судные грамоты. Впоследствии некоторые нормы этих памятников (например, статьи, устанавливавшие единый срок крестьянского перехода) использовались при выработке общерусского законодательства.

Законодательные памятники конца XV-XVII веков

Политическое объединение русских земель вокруг Москвы породило новые отношения не только между формирующимися сословиями служилого и неслужилого населения, между властью и обществом, но также между центром и территориями, входившими в состав Московской Руси. Поэтому важную роль в становлении законодательства молодого единого государства на начальном этапе играли уставные грамоты, содержавшие распоряжения верховной власти относительно организации местного управления (наместничьи, губные, таможенные). Известны 16 таких грамот. Их содержание значительно разнообразнее содержания других актов, выходивших из великокняжеской канцелярии. Имея форму актов, они выполняли несколько функций, в том числе и законодательную. В них часто формулировались нормы материального, гражданского и уголовного права. Кроме того, они фиксировали новые нормы отношений государства и его отдельных территорий, создавая тем самым прецеденты для решения подобных вопросов в дальнейшем. Наиболее интересны две самые ранние уставные грамоты такого рода - Двинская и Белозерская.

Двинская уставная грамота (последние годы XIV в.), исходящая из великокняжеской канцелярии, определяла порядок взаи-

модействия и разделение сфер компетенции представителей центральных и местных властей. Полагают, что она стала результатом переговоров между восставшими двинянами и Москвой, стремившейся присоединить северные земли. Двинскую уставную грамоту можно рассматривать как начальный этап формирования законодательства единого Российского государства. Важно отметить, что расширение вмешательства центра в дела Двинской земли сопровождалось выдачей ряда привилегий ее жителям. В частности, в Двинской уставной грамоте предусматривались льготы двинским купцам на территории Московского княжества, их неподсудность великокняжеским судебным-административным органам на Устюге, Вологде, Костроме и др. Источниками Двинской уставной грамоты послужили Русская Правда, великокняжеские жалованные грамоты, нормы обычного и письменного права Пскова и Новгорода.

Белозерскую уставную грамоту 1488 г., часто называют непосредственной предшественницей Судебника 1497 г. Основное внимание в ней уделено регламентации деятельности органов административного управления, соотношению функций местных властей и великокняжеских наместников, а также разделению юрисдикции между местным наместничьим судом и центральным - великокняжеским,

Первым опытом кодификации общерусских правовых норм стал *Судебник 1497 г.* Его принятие составило целую эпоху в истории русского законодательства. Долгое время текст Судебника был известен историкам лишь в выдержках, которые привел в своих записках (1549) Сигизмунд Герберштейн. Только в 1817 г. был обнаружен единственный список Судебника. История его происхождения, источники, место в жизни Московской Руси XV - первой половины XVI в. пока изучены неудовлетворительно. Между тем значение этого юридического кодекса выходит далеко за рамки истории правовой мысли древней Руси, поскольку в Западной Европе того времени подобного свода законодательных норм не существовало.

Судя по записи, сохранившейся в тексте самого Судебника, он был составлен в 1497 г. Однако многие исследователи полагают, что работа над ним продолжалась и позже, а сам кодекс начал практически использоваться только после восхождения на престол в 1498 г. великого князя Дмитрия Ивановича.

Точно установлено, что источниками для первого Судебника послужили Русская Правда (к ней восходят 25 из 68 статей), Псковская судная (с ней связаны 9 статей Судебника) и уставные грамоты (10 статей). Некоторые специалисты считают, что составители нового свода законов могли опираться на существо-

вавшие судебные прецеденты, а также нормы обычного права. Последнее предположение, правда, вызывает возражение со стороны историков права. Основываясь на прямых упоминаниях и косвенных данных, исследователи Судебника высказывали предположение, что в его основе могли лежать также особые великокняжеские «наказы», направлявшиеся на места при решении важных судебных вопросов, а также какие-то сборники процессуального права, которыми руководствовались в своих действиях представители власти на местах. Кроме того, целый ряд статей Судебника был сформулирован заново. Вероятно, при этом использовались тексты Номоканона (Моисеева и Византийского законодательства). Совершенно не решен вопрос о степени прямого и косвенного влияния ветхозаветных юридических норм на новые формулировки, составленные для Судебника 1497 г.

По составу Судебник принято делить на три части: 1) постановления о центральном суде (ст. 1-36); 2) постановления о местном суде (ст. 37-45); 3) постановления по материальному гражданскому и уголовному праву (ст. 46-66). Иногда выделяются две заключительные статьи (67 и 68), имеющие дополнительный характер: о запрещении давать посулы судьям и о правилах судебных поединков. Небольшое количество норм гражданского права объясняется крайней сложностью, с которой сталкивались кодификаторы при попытке согласовать противоречивые нормы обычного права, бытовавшие в разных русских землях.

Судебник 1497 г. на протяжении почти всего XV в. являлся памятником действующего права. В последующие годы он постоянно дорабатывался. По мнению С.В. Юшкова, принципиально нового законодательного кодекса ни Василий III, ни Иван Грозный, ни Федор не создали. Судебник Василия III, так называемый Царский Судебник 1550 г., и так называемый Судебник Федора Иоанновича в значительной степени были новым изданием Судебника 1497 г., исправленным и дополненным.

Судебник 1550 г. в подлиннике не сохранился. Известно 40 списков Судебника, в том числе 13 - XVI в. В июне 1550 г. его текст был принят при участии Боярской думы. В следующем, 1551 г. Судебник был утвержден Стоглавым собором, созданным по инициативе царя. В отличие от уже рассмотренных законодательных памятников многие списки Царского Судебника имеют оглавление, предшествующее основному тексту. Обычно указываются 99 или 100 статей. Отсутствующая в ряде списков последняя статья, видимо, была добавлена позже и направлена на ограничение судебных прав удельных князей.

Появление нового Судебника (или, как считает С.В. Юшков, новой редакции старого, великокняжеского) объяснялось, во-

первых, изменением официального статуса государя, венчанного на царство и одновременно принявшего на себя, как можно считать, некоторые дополнительные сакральные функции. Вместе с тем требовали разрешения новые социальные противоречия, которые, накопившись, привели к городским восстаниям середины XVI в. В этих условиях правительство Ивана Грозного серьезное внимание уделило составлению нового Судебника.

В статьях нового Судебника получили развитие намеченные еще Судебником 1497 г. тенденции дальнейшей централизации управления и судопроизводства в государстве. Так, ограничивалась власть наместников и волостелей: дела «о ведомых разбойниках» были переданы под юрисдикцию губных старост. Тем самым расширялись рамки проведения губной реформы, охватывавшей ранее лишь северные уезды, а она сама получала юридическое обоснование. Судебником вводились приказы. Однако перестройка центральных ведомств и учреждений, подчиненных им на местах, только начиналась.

В целях укрепления социальной базы центральной власти расширялись права служилого сословия. В частности, запрещался переход служилых людей в кабальное холопство, ограничивалось право перехода крестьян, более детально регламентировались взаимоотношения между феодалами и зависимыми крестьянами. Одновременно из-за неразвитости государственного аппарата правительство еще не могло пойти на полное закрепощение крестьян.

Положения Судебника 1550 г. получили свое развитие в разнообразных указах, грамотах, постановлениях, уложениях, фиксировавшихся в специальных указных книгах, которые велись при центральных учреждениях. В числе подобных указов были постановления сначала о временном, а затем и полном запрете крестьянского выхода в Юрьев день (с 1581 г.), что стало важной вехой на пути окончательного закрепощения крестьян. Впоследствии эта норма была подтверждена указами о введении так называемых урочных лет - срока хранения дворянских челобитных по поводу сыска беглых крестьян.

В конце XVI в. была сделана попытка создать особый Судебник для русского чернососного Севера (*Судебник 1589 г.*). Около 1606-1607 гг. в одном из московских правительственных учреждений был создан *Сводный Судебник*. В его основу положены Судебник 1550 г., указы о княжеских вотчинах, приговор о служилых холопах и ряд других законодательных памятников. Фактически он стал проектом нового кодекса феодального права.

Важнейшим законодательным источником XVII в. является *Соборное Уложение 1649 г.* Обстоятельства, этапы и детали его по-

явления известны по многочисленным русским и зарубежным источникам. Принятию нового кодекса предшествовала серия городских бунтов 1648-1640 гг., среди которых центральное место занимало московское восстание, вспыхнувшее, по свидетельству Адама Олеария, «из-за больших тягот и невыносимых притеснений». Еще в начале его, 2 июня 1648 г., царю была передана коллективная челобитная «от всяких чинов людей и всего простого народа». В ней говорилось о необходимости реорганизации государственного аппарата, в первую очередь судебных преобразований. За ней последовали другие челобитные. В середине июня 1648 г. в Москве собрался земский собор, который обратился к царю с челобитной о составлении «Судебника и Уложенной книги, чтоб вперед по той Уложенной книге всякие дела делать и вершить». Уложенную книгу, по совместному решению царя, освященного собора и боярской думы, было поручено составить «приказу бояр»: князьям Н.И. Одоевскому и С.В. Прозоровскому, окольничему князю Ф.Ф. Волконскому, а также дьякам Г. Леонтьеву и Ф. Грибоедову. 1 сентября 1648 г. новый Земский Собор должен был начать слушание проекта Уложения. Когда и в каком составе на самом деле открылся собор - неизвестно. К началу его Н.И. Одоевский «с товарищи» подготовили корпус источников, на которые должно было опираться новое законодательство: Кормчие книги, Литовский статут, судебники, царские указы и боярские приговоры, челобитья дворян, посадских людей и «выборных» участников собора, материалы практического судопроизводства и многие другие. С 3 октября началось чтение и утверждение составленного «приказом» текста. Как полагают, Уложение было утверждено Земским Собором 29 января 1649 г. После этого царь приказал «то все Уложение написать на список», «закрепить тот список» рукоприкладствами участников собора и «списать» текст «слово в слово» в книгу. Последняя должна была быть заверена подписями дьяков Г. Леонтьева и Ф. Грибоедова, а затем «с тое книги» следовало «напечатать многие книги» - для рассылки в московские приказы и на места.

Оригинал Соборного Уложения представляет столбец длиной в 309 м. из 959 отдельных составов. На его лицевой стороне расположен текст Соборного Уложения, написанный несколькими писцами. На обороте - подписи участников Собора (патриарха, двух митрополитов, пяти архимандритов, игумена, благовецкого протопопа, 15 бояр, 10 окольничих, казначея, думного дворянина, печатника, думного дьяка, пяти московских дворян, 148 дворян городских, трех гостей, 12 выборных от московских сотен и слобод, 89 представителей посадов, 15 стрельцов: всего

315 подписей). По склейкам лицевой стороны стоит скрепа думного дьяка И. Гавренева. По склейкам же, по на обороте - скрепы думных дьяков Ф. Елизарьева и М. Волошенинова, а также дьяков Г. Леонтьева и Ф. Грибоедова. Пометы на столбце указывают источники той или иной статьи. В рукописи имеются поправки, пропущенные при переписке места восстановлены. Они сведены в «Опись поправкам», приложенную к Уложению. На практике указанным столбцом не пользовались. Для этого, как уже говорилось, существовали печатные экземпляры Уложения, около 1 200 книг. Число сохранившихся экземпляров этого издания неизвестно.

От предшествовавших законодательных актов Соборное Уложение отличается не только большим объемом (25 глав, разделенных на 967 статей), но и более сложной структурой. В кратком введении излагаются мотивы и история составления Уложения. Главы построены по рассматриваемому объекту правонарушения, тематически выделяются своеобразными заголовками «О богохульниках и церковных мятежниках» (гл. 1), «О государственной чести и как его государское здоровье оберегать» (гл. 2), «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские денги» (гл. 5), «О проезжих грамотах в иные государства» (гл. 6), «О службе всяких ратных людей Московского государства» (гл. 7), «О мытах и о перевозах, и о мостах» (гл. 9), «О суде» (гл. 10); «О посадских людях» (гл. 19), «Суд о холопах» (гл. 20), «О разбойных и о татинных делах» (гл. 21), «О стрельцах» (гл. 23), «Указ о корчмах» (гл. 25). Это позволяло составителям придерживаться обычной для того времени последовательности изложения: от возбуждения дела до исполнения судебного решения. Такая структура серьезно затрудняет анализ Уложения, поскольку почти каждый предмет изучения разбросан по нескольким главам.

Соборное Уложение 1649 г. было завершающим этапом становления законодательства единого Российского государства. Этим определяется его значение как исторического источника. Оно дает историку важную информацию по социально-экономической и политической истории России XVII в. В Уложении отразился переход от сословно-представительной монархии к абсолютизму, была зафиксирована роль церкви в государстве; определены понятия государственного суверенитета, безопасности, подданства, военного долга, государственных политических преступлений; разработаны вопросы материального и процессуального права и судопроизводства.

При изучении Соборного Уложения 1649 г. особое внимание традиционно уделяется главе 11 («Суд о крестьянах»), юридически окончательно оформившей крепостное право в России.

Ее 9-я статья установила бессрочный сыск крестьян и прикрепила их к определенному месту: «А которые крестьяне и бобыли за кем записаны в переписных книгах прошлых годов... и после тех переписных книг из-за тех людей, за кем они в переписных книгах записаны, збежали, или впредь учнут бегати: и тех беглых крестьян и бобылей, и их братью, и детей, и племянников, и внучат з женами и з детьми и со всеми животы, и с хлебом стоячим и с молоченым отдавать из бегов тем людям, из-за кого они выбежат по переписным книгам, без урочных лет, а впредь отнюд никому чужих крестьян не принимать, и за собою не держать». Писцовые книги в 1646-1647 гг. зафиксировали прикрепление крестьян.

Созданное в середине XVII в., Соборное Уложение на протяжении длительного времени оставалось основным кодексом российских законов. Во второй половине XVII - начале XIX в. оно обросло множеством дополнений, уточнений, изменений.

3. Памятники древнерусского канонического права

Общая характеристика канонического права

Слово «канон» в переводе с греческого буквально значит «прямая палка, служащая для опоры, а также для измерения и проведения прямых линий». В переносном значении под ним понимают правило, руководство, нравственную или юридическую норму. В таком смысле оно, в частности, употребляется в церковной практике, впервые появляясь в послании Апостола Павла. Каноном принято называть правила веры и христианской жизни. В их основе лежат тексты, восходящие к ранней христианской традиции, - так называемые апостольские правила. Кроме того, они опираются на постановления вселенских и местных соборов, а также на мнение отдельных авторитетных лиц. В первые века своего существования христианство нередко сталкивалось с трудно разрешаемыми вопросами веры. Чтобы ответить на них, созывались соборы из епископов. Обсудив вопрос и объяснив его в соответствии со Священным писанием, они выносили постановления, обязательные для всех христиан. Такие решения постепенно и образовали норму, канон, регулирующий церковную жизнь и устанавливающий правила управления и дисциплину церкви. Канон в церковном праве подобен закону в светском и имеет такое же обязательное значение. С течением времени он вытеснил обычай - некогда единственный источник

церковного права, вполне заменив его. В то же время обычай признается в церковном праве решающим в тех вопросах, на которые канон не дает ответа, Обычай, господствовавший до появления канона, не исчез полностью, Множество его следов отразилось в самих канонических правилах. И все-таки ко времени крещения Руси церковные традиционные нормы уже находились в зависимости от канона. Обычай мог быть запрещен, если он противоречил канону или как-нибудь мешал исполнению его постановлений. Вместе с тем церковная практика также влияла на канон, приспособлявая его к изменяющимся условиям жизни.

Итак, под каноническим правом понимается совокупность церковно-правовых норм, обязательных для представителей данной конфессии. Оно включает апостольские, соборные (вселенских и поместных соборов), а также святоотеческие правила (правила святых отцов церкви), Каноническое право православной церкви отличается от канонического права церкви западно-римской, католической. В последнее входят нормы, кодифицированные в средние века в свод церковных правил под названием «*Corpus juris canonici*». В него вошли не только правила древней церкви, но и папские декреты, извлечения из римского права, законов франкских королей и других источников.

Изучением норм канонического права традиционно занимается *каноника* - церковная дисциплина, тесно связанная с богословием. По существу, она представляет собой отдел практического богословия. В то же время каноника является отраслью знания, пограничной с богословием теоретическим, поскольку церковное право касается также проблем происхождения, развития, задач, средств и организации церкви. В отличие от догматики, выясняющей внутреннюю сторону церковной жизни, каноника изучает ее внешнее устройство, отношение к другим общественным союзам, церковную дисциплину. Кроме того, церковное право охватывает собою отношения с государственными структурами, поскольку именно государственное право определяет внешнее положение церкви в обществе.

Каноны св. Апостолов

Так называется совокупность норм, регулирующих церковные отношения, которые создавались на основании апостольского предания в первые три века христианства. Эти правила затрагивали все стороны церковной жизни, касаясь жизни клира, мирян и церковного управления, Апостольские правила являются каноническими для всех христианских церквей. Канонами св. Апостолов пользовались как местные, так и все-

ленские соборы, не раз цитировавшие их в своих постановлениях. В связи с этим нормы соборного канона могут иногда дословно совпадать с апостольским канонам, хотя чаще в постановлениях вселенских и поместных соборов встречаются косвенные указания на апостольские правила. Всего насчитывают 85 канон, или правил, св. Апостолов.

Каноны вселенских соборов

Вселенскими соборами обыкновенно называют собрания епископов всех поместных церквей. Вселенские соборы созываются в исключительных случаях для решения важных церковных вопросов. Содержание постановлений первых соборов указывает на то, что обычно они созывались для решения вопросов веры, разногласиями в которых порождались еретические течения. Кроме того, на вселенских соборах вырабатывались общие нормы церковной дисциплины. Было семь вселенских соборов.

Первый - *Никейский* собор - состоялся в 325 г., он выработал 20 правил. Важнейшими из них признаются: четвертое, гласившее, что епископы должны выбираться епископами дайной провинции и утверждаться митрополитом; пятое, которое предписывало, чтобы епископы провинции собирались два раза в год для решения вопросов, текущих дел и рассмотрения жалоб мирян и клира на епископов; шестое подтверждало высшую власть одних епископов над другими епископами (например, римского над западными, антиохийского над восточными, александрийского над епископами Египта, Ливии, Пентаполя).

Вторым был *1-й Константинопольский* (387 г.) собор. Из его семи правил особенно важны второе и шестое (согласно им Восток делился на пять округов с особо установленными церковными судебными инстанциями), а также седьмое, в котором приводятся правила принятия в православие кающихся грешников-еретиков.

Третий - *Ефесский* собор, состоялся в 431 г. Он принял восемь правил. Из них первые шесть касаются отлучения Нестория и его сторонников; седьмым запрещается слагать новый символ веры, а по восьмому кипрские епископы освобождаются от зависимости антиохийского патриарха.

Четвертый собор известен как *Халкидонский* (451 г.). Результатом его деятельности стали 30 правил. В частности, 28-е правило определяло круг судебной и административной деятельности константинопольского патриарха; при этом константинопольский патриарх уравнивался в правах с папой Римским. Про-

чие правила касались бытовых вопросов церковной жизни. Так, 26-е повелевало управлять церковным имуществом при посредстве эконома, а 4-е подчинило монахов местному епископу.

Пятым был *II Константинопольский собор* (553 г.).

Под шестым имеют в виду сразу два вселенских собора - *III Константинопольский* (680 г.) и так называемый *Трульский* (691 г.). На них было принято 102 правила, из которых 36-е закрепляло равноправие константинопольской и римской патриарших кафедр, а также указывало иерархический порядок патриарших кафедр восточной церкви. 8-м правилом митрополит обязывался ежегодно созывать соборы епископов; 12-м, 13-м и 48-м решался вопрос о браке клириков, а в 33-м осуждался обычай армянской страны принимать в клир только происходящих из священнического рода. Ряд правил касался жизни мирян (64-е и 70-е запрещали мирянину поучать жену всенародно и в церкви во время богослужения; 80-е грозило отлучением тому, кто в течение трех праздничных дней не посетит богослужения; 54-е указывало на границы родства для вступления в брак; 53-е узаконивало духовное родство приемников с принимаемыми; 72-е - о смешанном браке; 102-е касалось епитимьи кающихся).

Наконец, седьмым называется *II Никейский собор* (787 г.), издавший 22 правила. Из них четвертое и шестое резко выступали против симонии при занятии священнических должностей; 15-е, 16-е, 18-е и 22-е утверждали недействительность назначения на церковные должности мирян; 10-е запрещало устройство общих для женщин и мужчин монастырей; 13-е запрещало отчуждать церковное имущество, принадлежавшее монастырям и епископиям.

Каноны поместных соборов

Менее важные вопросы церковной жизни решались на поместных соборах. *Каноны поместных соборов* - это постановления собрания епископов какой-нибудь митрополии. Такие собрания обыкновенно созывались два раза в год для обсуждения и решения текущих административных и судебных дел, превышающих полномочия епископа. Иногда собирались епископы нескольких митрополий. Правовые решения поместных соборов считались обязательными для местности, епископами которой они были приняты. Поскольку устройство церквей не отличается разнообразием, постановления одной территории часто соответствовали постановлениям других местностей.

Известно десять поместных соборов, которые приняли правила, считавшиеся общеобязательными для православной церкви:

1) *Анкирский* (314 г.). Принял 25 правил, в частности решавших вопросы о возвращении в лоно церкви христиан, которые отрелись во время гонений Максимиана, и запрещавших назначать пресвитеров и диаконов хорепископом (13-е правило),

2) *Неокесарийский* (315 г.). Из принятых на нем 15 правил первое запрещало пресвитеру и диакону жениться после посвящения; второе грозило отлучением вдове, вышедшей замуж за брата покойного мужа; седьмое запрещало участвовать пресвитеру в брачном пире второбрачного; восьмое запрещало быть священником человеку, жена которого уличалась в прелюбодеянии; девятое запрещало совершать богослужение пресвитеру, согрешившему телом.

3) *Гангрский* (около 340 г.). Принял 21 правило, которыми решал вопрос о ереси Евстафия.

4) *Антиохийский* (341 г.). Издал 25 правил церковного управления. Его 11-е и 12-е правила определяли отношение епископов к царю.

5) *Сардикийский* (344 г.). Издал 20 правил, которые определяли отношения епископов к царю и инстанции церковного суда. Был установлен суд второй инстанции над епископами; после местного собора епископов следовало решение римского епископа, который поручал разбирательство дела и суд собору епископов соседней провинции или посылал своих доверенных пресвитеров. Шестое правило запрещало назначать епископа в небольшом городе, где было достаточно пресвитера; десятое говорило о назначении в епископы не раньше, чем назначаемый пробудет чтецом, диаконом и пресвитером; одиннадцатое запрещало епископу оставлять свою паству дольше, чем на три недели.

6) *Лаодикийский* (конец IV в.). Принял 60 правил. По 57-му из них запрещалось ставить епископа в небольших городах, а по 13-му — избирать народу кого бы то ни было на священнические должности. 52-е не разрешало заключать браки и праздновать дни рождения на Вознесение; 10-е и 31-е запрещали браки с еретиками,

7) Так называемый *Карфагенский* (419 г.), на самом деле собравший постановления целого ряда (пятнадцати) Карфагенских соборов, начавшихся в 393 г. и продолжавшихся до 420 г. Важнейшие постановления этих соборов следующие:

а) постановления о ежегодных соборах епископов всех африканских провинций (позднее они были отменены). При этом исключалось вмешательство папы в дела суда и управления;

б) правило о подсудности диакона местному и трем соседним епископам, выбранным самим обвиняемым. Священник подлежал суду шести выбранных и местных епископов;

в) правило о воздержании в брачной жизни диаконов и священников;

г) постановление относительно имущества клириков: в случае покупки ими каких-либо угодий они «почитаются похитителями стяжаний Господних», если, конечно, не отдадут приобретенное церкви; в то же время имущество, полученное по наследству, может находиться в их полном распоряжении;

д) перечень лиц, которые не могут быть обвинителями и свидетелями против лиц духовных;

е) определение, что клирик мог подлежать только духовному суду;

ж) обязательство защищать бедных и слабых, накладываемое на духовенство;

з) правило, по которому клирик, желавший видеть по своим делам царя, обязан был получить особую грамоту римского епископа;

и) запрет на продажу церковного имущества.

8) *Константинопольский* (394 г.). Постановил, что для осуждения епископа требуется решение епископов всей митрополии.

9) *Константинопольский* (861 г.). Составил 17 правил: первое запрещало лицу называться владельцем монастыря и им распоряжаться, если оно пожертвовало на его постройку; шестое постановляло, что монахи не должны иметь своего имущества: все, чем они владеют, должно переходить к монастырю; девятое указывало, как должен относиться пастырь к пасомым грешникам - избегать для их вразумления телесного наказания; в десятом давалось определение святотатства как «присвоения себе всего, посвященного Богу и богослужению».

10) *Константинопольский* (879 г.). Издал три правила; первое из них гласило, что отлученные константинопольским патриархом должны считаться таковыми и у епископа римского, который не может вводить дал своей кафедры какого-нибудь преимущества.

К канонам поместных соборов относятся решения церковных соборов, прошедших на Руси. Развернутый источниковедческий анализ их материалов не проводился. Преимущественно постановления русских соборов изучали историки Русской православной церкви и специалисты в области церковного права. Возможно, поэтому постановления русских поместных соборов редко используются в исторических исследованиях. Чаще других историки обращаются к решениям *Стоглавого* собора 1551 г.

Источником, наиболее полно отразившим представления об идеологических основах и самом строе русской церкви XVI в.,

является *Стоглав* - сборник постановлений поместного собора 1551 г. Его появление объясняется необходимостью борьбы с нарушениями устоев церковно-монастырской жизни, падением авторитета церкви после ожидавшегося, но не наступившего в 7000 (1492) г. конца света, а также изменением правового статуса светского государя, официально венчавшегося на царство. Подготовительные работы к созыву Стоглавого собора начались приблизительно в декабре 1550 г. Заседания собора проходили, видимо, в январе-феврале 1551. 23 февраля началось редактирование сборника соборных решений - Стоглава.

Стоглав (памятник содержал 100 глав, отсюда и его название) продолжил древнерусскую традицию «вопрошаний». Он совместил признаки канона поместных соборов и канона святых отцов. Стоглав написан в виде ответов высших иерархов церкви на царские вопросы о церковном «строении». Он так и начинается: «В лета 7059 месяца февраля в 23 день быша сия вопросы и ответы о мнози о различных многих церковных вещах и чинех». Принцип, которым определяется порядок следования глав, неясен. Царские вопросы разбиты на две группы: первая (37 вопросов) помещена в пятой главе Стоглава, вторая (32 вопроса) - в 41-й. При этом, если ответы на первые 37 вопросов занимают основную часть Стоглава, то ответы на другие вопросы помещены «череполюсно» с вопросами - в одной (41-й) главе памятника.

Для анализа идейной направленности Стоглава весьма важно установить, кто был составителем вопросов, содержащих своеобразную программу реформ, которую правительство представило на рассмотрение церковного собора. Вопросы вкладывались в уста самого Ивана IV, который «подвижесе не токмо о устроении земном, но и о многоразличных церковных исправлении». Однако составлены они были не им самим, но лишь по его распоряжению. Согласно одной из гипотез, царские вопросы составлялись несколькими лицами (священником Сильвестром, митрополитом Макарием, Максимом Греком, старцем Артемием). Согласно другой, развитой А.А. Зиминим, - единственным лицом, принимавшим участие в подготовке обращения Ивана IV к Собору, мог быть только Сильвестр: некоторые вопросы (25, 26, 27 и 29-й) прямо заимствованы из его послания царю.

Вопросы, представленные Собору, свидетельствуют о заметной сакрализации светской власти и, как следствие, расширении ее функций. Именно Иван IV выступил инициатором созыва Собора, призванного «оздоровить» русскую церковь. Царь даже называет себя и своего отца - наряду с духовенством - «пастырями». Он подвергает сомнению необходимость сохранения неподсудности царскому суду церковных людей («так ли сему дос-

тоит быти»)), а также монастырского землевладения. Центральное место в царских вопросах занимает тема злоупотреблений белого духовенства и монашества.

В первых царских вопросах излагались три группы проблем, касающихся церковной реформы. Прежде всего речь шла о богослужении и различных сторонах церковной жизни. Наряду с прочими «непорядками» и злоупотреблениями, в царских вопросах критиковалось судопроизводство в церковном суде, ибо «святители», как и светские судьи, не брезгали взиманием посулов, а самое судопроизводство отличалось волокитой. Серьезную опасность для чистоты православия, по мнению царя, представляли ошибки, имевшиеся в переводах с богослужебных книг. Резко критиковался весь строй монашеской жизни. В частности, подчеркивалось, что зачастую даже сами монастырские власти не занимались должным образом отправлением церковных служб, содействуя тем самым разорению монастырей и их земельных владений. Ряд вопросов касался нравственного облика прихожан и их поведения.

Второй комплекс царских вопросов (всего 32) был посвящен сюжетам, связанным с церковной практикой XVI в. Здесь же поднималась проблема борьбы с «ересями» и суевериями мирян.

Предложения, касавшиеся внутрицерковных реформ, Собор поддержал лишь отчасти. Большинство его участников безоговорочно высказались за строгую регламентацию церковных служб и других сторон церковно-монастырского быта, поскольку отсутствие единообразия способствовало падению авторитета церкви в обществе. Из-за небрежного исполнения религиозных обрядов священниками росло недовольство мирян, что грозило отходом от официальной церкви какой-то части верующего населения.

Собор принял постановления, касавшиеся укрепления церковного благочиния, в том числе о церковных службах, обрядах, внутреннем распорядке в церквях (гл. 8-24, 31, 32), о порядке церковного пения и колокольного звона (гл. 7). Вводилось требование беспрекословного подчинения священников и дьяконов протопопам, которые вместе с «поповскими старостами» были обязаны следить за исправным отправлением церковных служб и поведением клира (гл. 29, 34, 69, 83). Непослушание протопопам, пьянство, небрежность в церковном богослужении наказывались отлучением от церкви (гл. 29, 30, 34). Подтверждался запрет служить в церкви вдовым попам (гл. 77-81), а также вводилось строгое наказание за симонию, т. е. поставление на церковные должности «по мзде» (гл. 86-89). Церковные служители должны были «непорочно» свой «чин хранить и блюсти» (гл. 90).

С целью добиться подготовки грамотных священников и дьяконов было решено создать училища в Москве и других городах (гл. 25, 26). Отдавалось распоряжение священникам поддерживать в сохранности иконы и проверять исправность церковных книг путем сравнения их с «добрыми переводами» (гл. 27, 28). Иконы должны были писаться, «смотря на образ древних иконописцев» (гл. 43).

Стоглав жестко определил некоторые пошлыны, взимавшиеся священниками, например «венечная» за совершение обряда бракосочетания (гл. 46, 48), за освящение церкви (гл. 45). Ликвидировался институт владычных десятильников, которые собирали пошлыны с церковей. Отныне «святительскую дань» должны были собирать и отдавать епископам и другим владыкам в церковных десятинах земские старосты и десяцкие священники (гл. 68). «Венечную» пошлыну отныне обязаны были собирать поповские и десяцкие старосты (гл. 69).

Собор санкционировал строгие наказания за преступления против нравственности («содомский грех», непослушание родителям, ложная присяга и др.), ибо от них происходила «укоризна нашей православной христианстей вере». Под страхом церковных наказаний было запрещено чтение всяких еретических и отреченных книг. Определялись меры помощи неимущим и немощным.

Повышалась ответственность монастырской администрации. Игумены и архимандриты должны были заботиться о «монастырском строении» по уставам «святых отец». Монахи, в свою очередь, обязаны были во всем повиноваться своим настоятелям. Вводился строгий контроль над монастырской казной (гл. 49, 50, 52). Архимандриты и игумены должны были избираться самой «братиею», а их избрание утверждали царь и епископ «ни по мзде», но по церковным правилам.

Вместе с тем в Стоглаве была подтверждена незыблемость церковно-монастырского землевладения. Те, кто покушались на него, объявлялись «хищниками» и «разбойниками» (гл. 61-63, 75). Ссылаясь на церковные законы, Стоглав категорически отклонил попытку передачи права суда над церковными людьми «мирским судиям» (гл. 54-60, 64-68). «Градскому» (т. е. царскому) суду передавались только дела о душегубстве и разбое.

Таким образом, Стоглав представлял собой определенный компромисс между светской и духовной властями. Была значительно расширена сфера компетенции царской власти в области духовной жизни, однако церковь сохранила за собой решение важнейших вопросов, касавшихся ее внутреннего положения. Ценность этого законодательного акта, действовавшего на про-

тяжении целого столетия, определяется тем, что он показывает не только механизмы взаимодействия церкви и государства, но и многие стороны повседневной жизни древнерусского общества, нашедшие слабое отражение в других исторических источниках.

Каноны отцов церкви

Под таким названием подразумеваются правила, написанные наиболее авторитетными епископами в виде посланий-ответов па вопросы других пастырей. Такие каноны-послания, по словам самих же авторов, представляли собой не обязательные правила, а просто их личное мнение по тому или другому вопросу. Формально эти послания могли рассматриваться в качестве закона, только если были приняты большинством епископов. На деле же получалось иначе: эти авторитетные послания, принятые поместной церковью, вносились в се сборники правил, делаясь обязательными. Многие из этих правил впоследствии были утверждены Трулльским собором. К подобным посланиям относятся следующие:

1) Дионисия Александрийского (ум. в 264 г.) - четыре, касающиеся поста перед Пасхой;

2) Петра Александрийского (ум. в 311 г.), затрагивающее вопросы об обратном принятии христиан, отпавших во время гонения, и вопрос о посте в среду и пятницу перед Пасхой, а также о праздновании воскресения;

3) Григория Неокесарийского (ум. в 272 г.), содержащее 11 или 12 правил по поводу тех, кто ели пожертвованную идолу пищу и совершали другие преступления;

4) Св. Афанасия Александрийского (326-371 гг.), разъясняющее вопросы о девстве и браке (к монаху Атуну) и об обратном принятии раскаявшихся ариан, а также перечислявшее священные книги, принятые в Канон;

5) Св. Василия Великого (370-378 гг.), содержащее 92 правила, извлеченных из посланий его же к Амфилохию, епископу иконийскому, Диодору - епископу тарскому, пресвитеру Григорию, а также к другим подчиненным ему епископам и хорепископам. Правила эти касаются, главным образом, вопросов брака и наложения церковного наказания за разные преступления. Кроме того, в них также поясняется понятие о видах отпадения от истинного учения и говорится о значении неписаных преданий-правил;

6) Св. Григория Нисского (372-394 гг.) к Литию, епископу мелитинскому - об епитимье.

7) Св. Григория Богослова (370-390 гг.) и св. Анфилохия (394 г.) о канонических книгах Ветхого и Нового заветов;

8) Тимофея, александрийского архиепископа - по разным пастьерским вопросам;

9) Феофила, александрийского архиепископа (395-413 гг.), содержащие 14 правил, из которых седьмое касается избрания и рукоположения в священники;

10) Св. Кирилла, александрийского архиепископа (ум. в 444 г.), к Домну, антиохийскому патриарху, и к ливийским епископам, содержащее пять правил;

11) Геннадия, константинопольского патриарха (ум. в 471 г.), к папе Льву I и восточным епископам, а также Тарасия, константинопольского патриарха, к папе Адриану - о неправильном рукоположении за деньги.

К XVI в. на Руси бытовало не менее сотни таких произведений, возникших на отечественной почве. Часть из них имела вполне официальный характер, поскольку исходила от высших иерархов (скажем, ответы константинопольского патриаршего собора на вопросы саранского епископа Феогиоста от 12 августа 1276 г. или послание константинопольского патриарха к русскому игумену об иноческой жизни 70-80-х годов XIV в.). Другие святоотеческие правила были рекомендательными, зачастую анонимными. К числу наиболее популярных в древней Руси относятся, видимо, канонические ответы митрополита русского Иоанна II, перевод которых с греческого сохранился в списках Кормчих книг XIV-XVII вв., и так называемое *Кириково вопрошание*, содержащее ответы новгородского епископа Нифонта (1130-1156 гг.) и других иерархов на вопросы Кирика (скорее всего, лица, составившего в 1136 г. хронологический трактат «Учение имже ведати человеку числа всех лет»), Ильи (возможно, будущего - с 1163 по 1186 г. - новгородского архиепископа) и некоего Саввы. Вопрошание Кирика также дошло в составе Кормчих книг XIII-XVI вв. Оба памятника дают развернутую картину повседневной жизни древнерусского прихода и приходского священника. Содержание памятников затрагивает проблемы семейно-брачных отношений, вопросы, связанные с народным восприятием христианства, соблюдением горожанами христианских норм поведения и морали.

Изучение истории текстов «вопрошаний», сопоставительный анализ их между собой и с другими источниками, в частности с поздними вопросниками, которые составлялись для покаянных бесед духовников со своими духовными детьми, позволят получить информацию, почти недоступную при работе с другими источниками.

Юридические сборники

С XI п. основным типом сводов памятников христианского и византийского церковного права на Руси был сборник, который позднее, в XIII в., получил название *кормчей книги*. Он содержал авторитетные и обязательные для православных христиан памятники: апокрифические «апостольские правила», правила вселенских и некоторых, признанных каноническими, поместных соборов, сочинения церковных писателей IV-VII вв., касающиеся христианских норм управления, права и службы, а также компиляции из установлений византийских императоров о делах, касающихся церкви. Состав и переводы этих сборников были различными. К ним добавлялись комментарии - толкования канонических норм. На Руси кормчие книги расширялись путем включения в них местных церковных и светских правовых кодексов и правил.

Кормчие книги - в основном переводы и переработки - известны в очень большом количестве списков (до 180), относящихся в первую очередь к XV-XVI вв. Но встречаются списки как более ранние (XII в.), так и более поздние (XVIII-XIX вв.). География распространения кормчих чрезвычайно широка: они переписывались и редактировались в Северо-Восточной (Владимир, Москва, Суздаль, Рязань и др.) и Северо-Западной (Новгород, Псков) Руси, в западных (Полоцк), юго-западных и южных (Владимир-Волынский, Львов, Киев и др.) русских землях. Среди кормчих наиболее важную роль играли так называемые *Сборники 14 титулов*. На их материалах, известных на Руси с XI в., основывались все кормчие книги XIV-XVI вв., создававшиеся в Русском централизованном государстве и Великом княжестве Литовском. Правовое и каноническое содержание кормчих книг является для них основным, и вначале оно было определяющим. Однако в процессе бытования как в Византии, так и, особенно, на Руси наряду с правилами и установлениями они включили многие церковно-полемиические, хронологические, календарные, экзегетические сочинения, словари и другие памятники.

В ранней истории кормчих книг 14 титулов выделяется три периода. В первый (вторая половина XI - начало XII в.) был усвоен болгарский перевод этого памятника, началось его распространение и использование в практической жизни. Во второй (XII-XIII вв.) кормчие книги активно редактировались, чтобы приспособить их к жизни русских земель. В это время создавались местные изводы кормчих книг - Устюжский, Рязанский, Новгородский, Переяславский, Владимиро-Волынский. Во время третьего этапа (конец XIII - середина XIV в.) на Руси появи-

лись новая кормчая и ее переработка, завершившаяся созданием в Москве новой русской редакции. Она легла в основу более поздних кормчих.

Значительно позже кормчей, не ранее конца XIII в., сформировался другой древнерусский сборник подобного рода - *Мерило Праведное*. Он сохранился всего в пяти списках XIV-XVI вв., имеющих идентичный состав. Текст делится на две достаточно самостоятельные части. Первая включает заимствованные из Библии, апокрифов и святоотеческой литературы различного рода слова и поучения о праведных и неправедных судах и судьях. Вторая составлена из памятников права, преимущественно канонического. По мнению С.В. Юшкова, появлению Мерила Праведного предшествовало создание нескольких правовых сводов: сборника княжеских уставов, затем - на его основе - свода русских юридических статей и, наконец, Сборника тридцати глав, который, собственно, и лег в основу второй части Мерила Праведного. Время появления этой части датируется последними десятилетиями XIII - началом XIV в. Основное назначение Мерила Праведного - практическое. Оно являлось своего рода пособием для судей. В состав Мерила Праведного вошло большое количество как русских, так и переводных (в основном византийских) законодательных памятников, а также правовые нормы, заимствованные из библейских текстов (например, «Избрание от закона Богом данного»). Значительная их часть была почерпнута, скорее всего, из кормчих книг. Состав и структура Мерила Праведного, видимо, во многом объясняются тем, что в его возникновении существенную роль сыграла церковь. Мерило Праведное как исторический источник, его место в жизни древнерусского общества изучены явно недостаточно.

Под названием *Правосудие митрополичье* известен памятник, помещенный в «Цветнике» (сборник слов и поучений) XVI в. Не вполне ясно, когда был создан этот законодательный источник. Одни исследователи (С.В. Юшков, Б.Д. Греков) относят его к XIII-XIV вв., другие (М.Н. Тихомиров) считают его памятником, возникшим не ранее XIV в. Неизвестен объем этого источника, поскольку название «Правосудие митрополичье» в сохранившемся списке отнесено к двум текстам: одному, который, собственно, и принято так называть, и к более широкому фрагменту, включавшему, кроме того, выдержку из Церковного устава Владимира. По мнению М.Н. Тихомирова, «самый памятник, по-видимому, не имеет отношения к практике церковных судов, а тем более к митрополитам, и является оригинальным произведением, написанным каким-то не очень грамотным монахом»³⁸. Однако статьи, включенные в него, затрагивают вопросы, традицион-

но относившиеся к юрисдикции церковных судов (семейно-брачные отношения, сексуальные преступления, проблема определения «душегубства» и т. п.). Среди источников Митрополичьего правосудия были церковный устав Ярослава, Пространная Русская Правда, а также некоторые другие памятники законодательства. По своей терминологии Митрополичье правосудие близко к московским памятникам типа Судебников.

Изучение источников канонического права, по существу, только начинается. В силу целого ряда причин до сих пор исследования в этом направлении велись явно неудовлетворительно. Между тем понимание жизни древнерусского общества невозможно без глубокого и всестороннего анализа таких источников.

ГЛАВА 3

ВАЖНОЙ составной частью источникового комплекса по истории древней Руси являются *акты*. Слово это (от лат. *ago* - «действую», *actum est* - «сделано, совершено») многозначно: с одной стороны, под ним подразумеваются документы, предоставляющие какие-либо права и служащие доказательством наличия таких прав; с другой - это деловые и служебные записи, несущие информацию о том или ином событии или процессе, положении дел, состоянии имущества и т. п. Иными словами, к актам в широком смысле слова относятся все тексты, выполняющие функции документов. Поскольку совокупность разновидностей документов изменяется во времени, выработать единое определение этого термина еще труднее. Акты при этом превращаются в надвидовое понятие, объединяющее огромное количество разнородных по своим функциям видов источников. Поэтому в современном отечественном источниковедении, по определению С.М. Каштанова, под актами в узком смысле обычно понимается не весь комплекс разнородных документов, а лишь те из них, которые устанавливают определенные правоотношения либо между контрагентами сделки, либо между автором и адресатом. Принципиально важно отделить акты от *законов* (тем более что последние часто называют *законодательными актами*, расширяя значение слова). В отличие от законов, которые устанавливают, формулируют правовые нормы, акты лишь используют их; отношения, которые закрепляются актами, не должны нарушать принятые законодательные нормы (в том числе, кстати, и нормы обычного права, в законах обычно не фиксируемые).

При узком определении актов в их число попадают три группы документов: 1) публично- и частноправовые договоры; 2) постановления и распоряжения различных органов власти, имеющие индивидуальный или коллективный адрес либо адресованные всем, но касающиеся конкретного юридического или физического контрагента автора; 3) распоряжения владельцев собственности, адресованные агентам, состоящим у них на службе. По справедливому замечанию С.М. Каштанова, «договорные документы разных эпох и народов образуют один вид благодаря наличию у них общих внешних документально-юридических признаков: их происхождение - результат сделки контрагентов, содержание - определение взаимных условий, форма - комбинация устойчивых статей и формул. В происхождении всех разновременных и разноречивых распорядительных документов общий внешний формально-юридический момент - одностороннее волеизъявление носителя власти или субъекта права, содержание - конкретизация воли в форме распоряжений по определенным вопросам, форма - предписание исполнения распоряжений, даваемое тому или иному лицу»³⁹. Условно сюда входят судебные постановления и завещания. Такие документы имеют двойственную основу: с одной стороны, они являются распорядительными, с другой (особенно если речь идет о поздних судебных решениях или духовных грамотах правителей) - законодательными. В отличие от них регистрационные, информационные, просительные, отчетные и другие документы в случае отсутствия в них - помимо основной - договорной или распорядительной функций С.М. Каштанов предлагает не относить к актам.

При расширительном понимании актовых источников к этим группам добавляются также делопроизводственные, частно-публичные документы и частная переписка.

Всесторонним изучением актов занимается *дипломатика* (буквально: «относящийся к дипломам»; от греч. διπλόππτ «двойной», которое использовалось для определения документов) - специальная конкретно-источниковедческая дисциплина, анализирующая документы как исторический источник.

1. Актовый материал как исторический источник и методы его изучения

Общая характеристика актового материала

Древнерусские акты представляют собой довольно обширный комплекс источников. По подсчетам В.А. Кучкина,

до нашего времени сохранилось всего 8 актов XII в., 15 актов, относящихся к XIII в., 163 - к XIV в., и 2048 - к XV в.: всего 2234 акта, причем более половины из них (1302) датируется второй половиной XV в. Количество древнерусских актов, на первый взгляд значительное, существенно меньше, чем комплексы западноевропейских актовых источников. Так, опубликованная небольшая часть архива итальянского г. Лукки всего за одно столетие (с середины XIII по середину XIV в.) насчитывает около 30000 документов.

В XVI в. в связи с интенсификацией выдачи жалованных и указных грамот ежегодно выдавалось до 50 грамот в год, что вместе с актами других разновидностей (включая несохранившиеся) должно было составлять около 100 актов ежегодно. Еще быстрее увеличивался объем актового материала в XVII в., когда один только Печатный приказ, по данным К.Д. Федорина, ежедневно выдавал от 5 до 17 грамот (т. е. около 4000 актов в год). Однако и в это время корпус древнерусских актов существенно отстает от количества актов стран Западной Европы. Так, еще в первой половине XIV в. только из французской королевской канцелярии ежедневно исходило, по подсчетам Р.-А. Ботье, до 150 документов, скрепленных королевской печатью (за год до 60 000), а в архиве Арагонского королевства сохранилось 6500 регистров, зафиксировавших около 4 млн актов. Другими словами, лишь с XVII в. акты па Руси можно отнести (да и то с определенными оговорками) к массовым источникам*.

Это в значительной степени сказалось на развитии методики работы с древнерусскими актами. Западноевропейская дипломатика традиционно больше внимания уделяла канцелярскому происхождению документа (где, кем и как, по чьему приказу создан и выдан акт), поскольку работа с индивидуальными актами часто оказывалась неэффективной. Отечественная же дипломатика сосредоточила внимание на происхождении актов в более широком - историческом - смысле: установлении причин и предпосылок появления каждого конкретного документа, выяснении, в чьих интересах он составлялся и утверждался, какие цели преследовались при этом заинтересованными сторонами.

Изучение природы максимально однородных и сравнимых актов привело к выводу о необходимости выработки специфического подхода к каждой из их групп. Достаточно дробная классификация актов помогает разработать более совершенные мето-

*Заметим попутно, что многочисленность и стандартность формы актов затрудняет определение подделок методами анализа внешней формы источника: палеография и дипломатика здесь зачастую оказываются бессильными.

дики их источниковедческого исследования. Это, в свою очередь, позволяет получать максимальную информацию о прошлом из столь своеобразного вида источников, как акты. Источниковеды разработали несколько принципов, на которых может базироваться классификация актового материала: по источнику права, на котором основывается акт (соответственно выделяются публично-правовые и частные акты*; при этом первые, в свою очередь, делятся на светские и духовные); по тематическому принципу (содержание актов) и др. Каждый из них может быть удобен и целесообразен при изучении той или иной темы. Вместе с тем все они имеют свои недостатки, затрудняющие работу с конкретным материалом. Использовать менее дифференцированные классификационные системы удобнее, когда речь идет о систематизации материала, однако они становятся малопродуктивными в конкретном исследовании, поскольку выделенные группы обычно оказываются большими и не вполне определенными. Напротив, развернутые классификации, как правило, слишком конкретизированы, что порождает ряд неудобств при их практическом использовании.

В качестве примера приведем схему классификации древнерусских актов, предложенную одним из крупнейших современных специалистов в области древнерусской дипломатики С.М. Каштановым. В основу ее положено понятие *вида*. «Выполняя функцию воздействия на те или иные сферы общественных отношений, - отмечает сам автор этой классификации, - источник в соответствии с этой функцией принимает форму «чистого» или «смешанного» вида. Вид складывается из отдельных источников постепенно и стихийно. Объективность вида заключается в том, что одинаковые или близкие по своей природе общественные отношения в разных странах порождают близкие по виду или разновидности документы, и хотя вид дает лишь юридические основания для конституирования формы возникающего письменного источника, сам он обусловлен всей сложной системой экономических, политических и культурных связей, ха-

*Деление актов на публично- и частноправовые исходит из представления о четком разграничении частной и публичной (государственной) собственности: «задача публичного права состоит в том, чтобы установить те нормы, которые регулируют ввиду общего блага единого общественного целого отношения между общей волей всех и каждого» из его членов; задача частного права состоит в том, чтобы установить, не нарушая такого условия, те нормы, которые регулируют ввиду частной выгоды принадлежащих к нему отдельных лиц отношения их волеизъявлений друг к другу». И далее: «некоторое различие между понятиями о публичном и частном праве можно полагать в основу разграничения понятий о публичноправовом и частноправовом акте, хотя оно и не всегда совпадает с различием их с чисто дипломатической точки зрения по их формулам» (*Ланно-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С. 31).

рактрных для данного общества. Поэтому в основу классификации мы кладем вид. Понятие «публично-правовые акты» шире понятия «вид», ибо в состав публично-правовых актов могут входить документы нескольких видов: 1) договорного, 2) договорно-законодательного, 3) договорно-распорядительного и др. «Частные акты» тоже не вполне ограничиваются одним видом. Кроме договорных частных актов есть и частные акты распорядительного характера. Отметим еще категории письменных источников, которые трудно с уверенностью отнести к публично-правовым или частноправовым. Это документы, в которых частные лица вступают в какие-то отношения с публичной властью, либо давая ей известные обязательства (договорный вид), либо обращаясь к ней с просьбой (просительный вид). Говоря об актах, мы ограничимся договорным видом и будем называть его документы публично-частными⁴⁰.

I. Публично – правовые акты

A. Акты светских властей

1. *Договорный вид:*

- 1) международные договоры (с X в.);
- 2) княжеские договоры («докончания») с контрагентами внутри Руси (с XIII в.):

- а) договоры между князьями и Новгородом,
- б) договоры между великими князьями,
- в) договоры между великими и удельными князьями,
- г) договоры между князьями и церковью.

2. *Договорно-законодательный вид:*

- 1) жалованные грамоты (с XII в.);
- 2) уставные грамоты в пользу церкви (с XII в.);
- 3) уставные грамоты территориям (со второй половины

XIV в.);

- 4) кормленые грамоты (со второй половины XIV в.);
- 5) таможенные грамоты (с конца XV в.);
- 6) губные грамоты (с 1539 г.);
- 7) земские грамоты (с 1551 г.);
- 8) акты земских соборов (с 1566 г.).

3. *Договорно-законодательный вид с элементами частноправового расположения:*

духовные грамоты великих и удельных князей (с конца XIII в. в Юго-Западной Руси, с 20-30-х годов XIV в. в Северо-Восточной Руси).

4. *Договорно-распорядительный вид:*

- 1) указные грамоты о действиях властей в пользу реального контрагента (со второй половины XIV в.);
- 2) послушные грамоты (с середины XVI в.).

5. *Распорядительный вид:*
указные грамоты, указы.
6. *Судебно-процессуальный вид:*
судные списки, докладные судные списки и правые грамоты (с XV в.).
7. *Исполнительно-регистрационный вид:*
разъездные (межевые) грамоты (с XV в.).
8. *Регистрационно-учетный вид:*
сотные грамоты (с конца XV в.).
9. *Удостоверительный и договорно-удостоверительный виды;*
 - 1) опасные грамоты;
 - 2) верительные («верющие») грамоты;
 - 3) паспорта;
 - 4) справки.
- 10) *Рекомендательный вид:*
 - 1) рекомендации;
 - 2) характеристики.
- Б. Акты церковных властей
1. *Договорно-законодательный вид:*
 - 1) уставные грамоты (с конца XIV в.);
 - 2) жалованные грамоты (с XV в.);
 - 3) благословенные и ставленные грамоты (с XV в.);
 - 4) храмозданные грамоты.
2. *Договорно-распорядительный вид:*
грамоты и послания о соблюдении интересов реального контрагента (с XV в.).
3. *Распорядительно-агитационный вид:*
послания иерархов.
- II. Публично – частные акты
- Договорный вид:*
 - 1) поручные по боярам (с 70-х годов XV в.);
 - 2) крестоцеловальные записи должностных лиц (с XVI в.);
 - 3) поручные по крестьянам-новопорядчикам (с XVII в.);
 - 4) контракты откупа и подряда.
- III. Частные акты
1. *Договорный вид:*
 - 1) акты на землю (с XII или с XIII-XIV вв.):
 - а) данные (вкладные),
 - б) купчие (продажные, отступные),
 - в) меновные,
 - г) закладные,
 - д) полюбовные разъездные, мировые;
 - 2) акты на разнородные объекты - недвижимое и движимое имущество, деньги и несвободных людей (с XIII в.);

- а) духовные,
 - б) брачные контракты (рядные-сговорные и др.),
 - в) дарственные;
 - 3) акты на холопов:
 - а) полные (с первой четверти XV в.),
 - б) докладные (со второй половины XV в.);
 - в) служилые кабалы (с XVI в.);
 - г) данные (с XVII в.),
 - д) отпускные (с XVII в.).
 - 4) денежные акты:
 - а) заемные (с XVI в.),
 - б) доверенности;
 - 5) акты крестьянского порядка (с XVI в.):
 - а) порядиые,
 - б) оброчные,
 - в) ссудные;
 - 6) акты на крестьян:
 - а) поступные (с конца XVI в.),
 - б) купчие (со второй половины XVII в.),
 - в) отпускные (с конца XVII в.);
 - 7) акты трудового найма (с XVII в.):
 - а) жилые,
 - б) контракты, договоры;
 - 8) акты на совместное предпринимательство (с XVII в.):
 - а) складные,
 - б) договоры, соглашения.
 - 2. *Распорядительно-договорный вид* (с конца XV в.):
 - 1) льготные крестьянам;
 - 2) уставные селам.
 - 3. *Распорядительный вид* (с XVII в.):
 - 1) письма приказчикам;
 - 2) инструкции об управлении имением.
- При расширительном понимании акта к трем указанным выше группам иногда добавляют некоторые группы документов не-актового характера (правда, большинство из них относится уже к следующему периоду развития):
- IV. *Делопроизводственные документы*
- 1. *Распорядительный вид*:
 - 1) памяти, приказы;
 - 2) инструкции;
 - 3) циркуляры;
 - 2. *Распорядительно-рекомендательный вид*:
 - решения;
 - 3. *Докладной вид*:

- 1) доклады;
- 2) донесения;
- 3) представления;
- 4) записки;
4. *Протокольный вид:*

протоколы;

5. *Отчетный вид:*

отчеты;

6. *Вид писем:*

служебные письма.

V. Частно - публичные документы

1. *Просительный и просительно-апелляционный виды:*

- 1) челобитные;
- 2) прошения;
- 3) заявления;
- 4) жалобы.

2. *Рекомендательный вид:*

- 1) предложения;
- 2) мнения;
- 3) благодарности.

VI. Частные письма

Документы IV группы, часто с присоединением документов V группы, обычно организуются в дела, или досье. Некоторые специалисты (В.А. Сметанин и др.) предлагают отнести изучение писем, прежде всего частных, к сфере компетенции особой вспомогательной исторической дисциплины - эпистолографии,

Приведенная классификация, охватывающая все разновидности актового материала XI-XVII вв., не только полезна для определения методических особенностей работы с тем или иным видом, подвидом, более мелкими группами актов, но и дает наглядное представление о развитии комплекса актовых источников во времени. Как видим, по мере развития государственного аппарата и усложнения делопроизводственной практики количество выделяемых групп и подгрупп увеличивается. Акты становятся все более разнообразными. Их дифференциация позволяет на качественно новом уровне анализировать происхождение и эволюцию данного вида исторических источников как части исторического процесса в связи с выяснением их социальных функций.

Понятие формуляра и формулярный анализ

Изучение актов начинается с анализа их внешней формы: материала, на котором написан документ, почерка писца, хронологической системы, которой пользовался составитель грамоты, знаков, удостоверяющих документ (прежде всего печатей, хотя их в настоящее время всесторонне исследует специальная историческая дисциплина - сфрагистика)*. По результатам такого анализа делается вывод о подлинности данного акта: действительно ли он создан тогда, там и тем, как это указано в его тексте. Однако это лишь предварительный этап оценки данного акта как исторического источника. Основная работа по его изучению начинается с исследования внутренней формы - структуры и стилистики его текста.

Структуру текста акта принято называть *формуляром*. Формуляр более или менее стабилен. Он состоит, как правило, из стандартных оборотов, расставленных в определенном порядке. Принято различать условный, абстрактный, конкретный и индивидуальный формуляры.

Под *условным формуляром* понимается наиболее общая схема построения документов в целом. *Абстрактным формуляром* называют общую схему построения документов определенной разновидности. Схематическая структура определенных небольших групп документов внутри разновидности именуется *конкретным формуляром*. Наконец, схему построения одного отдельно взятого текста принято называть *индивидуальным формуляром*.

В условном формуляре обычно выделяются следующие составляющие:

- 1) «начальный протокол»:
invocatio (инвокация, посвящение Богу, «богословие»),
invocatio (интитуляция, обозначение лица, от которого исходит документ),
inscriptio (иускринция, обозначение адресата),
salutatio (галютация, приветствие);
- 2) «основная часть»:
arenga, exordium, proemium, prologus (аренга, преамбула),
promulgatio, praescriptio, notificatio, publicatio (промульгация, нотификация, публичное объявление),
narratio (наррация, изложение обстоятельств дела),
dispositio (диспозиция, распоряжение по существу дела),
sanctio (санкция, запрещение нарушения документа),

*Поскольку все эти вопросы в полном объеме изучаются в курсе вспомогательных дисциплин, здесь они подробно рассматриваться не будут.

corroboratio (корроборация, сведения об удостоверительных знаках документа);

3) «конечный протокол»:

datum (место и время выдачи),

apprecatio (аппрекация, заключение-благопожелание);

4) удостоверительная часть:

subscriptio, souscription (субскрипция, формула, выражающая существо удостоверительного действия),

signature (сигнатура, подпись - личная или нотариальная)*.

Заимствованные из западноевропейских исследований, эти термины в древнерусской дипломатике обычно приводятся в переводе или в транслитерации (даны в скобках).

Как всякая схема, указанные части условного формуляра встречаются не в каждом конкретном документе и не всегда в перечисленном порядке. Так, в древнерусских жалованных грамотах, как правило, отсутствует богословие в чистом виде, грамоты Северо-Восточной Руси не имеют промульгации, а наррация появляется в русских актах только со второй половины XV в. Тем не менее использование предложенной структуры условного формуляра очень полезно при предварительном анализе текста акта. Метод членения текста акта на составные элементы условного формуляра называется *условно-документоведческим*.

На основании анализа конкретного акта в соответствии с предложенной схемой устанавливается его индивидуальный формуляр. Индивидуальные формуляры некоторого количества актов определенной разновидности позволяют выстроить абстрактный формуляр, а на его базе - типичную схему каждой части, из которых состоит акт данной разновидности. Полученная таким путем схема является техническим средством, позволяющим изучить эволюцию внутренней формы актов во времени и пространстве.

Для этого элементы, из которых состоит абстрактный формуляр, сводят в таблицу под условными номерами. Если исследователя интересуют проблемы временных изменений, он размещает в хронологической последовательности данные каждого индивидуального акта, отмечая наличие или отсутствие всех выделенных элементов абстрактного формуляра. Исчезновение одних из них или, наоборот, появление других наглядно отражает изменения, происходящие во внутренней структуре данной разновидности. Если же предметом изучения являются территориальные особенности формуляра, сосуществующие одновременно, проводится такая же операция, но в таблицах уже выстраи-

*Существуют и иные схемы деления условного формуляра.

ваются ряды из данных, выявленных при анализе актов на одной территории. Затем результаты, полученные по разным регионам, сравнивают между собой.

Последующее прямое сличение текстов актов позволяет выявить формуляры групп источников, из которых состоит та или иная разновидность, т. е. вывести *конкретные* формуляры. Воссоздание истории конкретных формуляров - основная задача дипломатического анализа внутренней формы актов.

Принципиально важным в данном случае является вопрос, какие элементы и как выделяются из текста акта. Традиционно предлагалось выделять *клаузулы*. Клаузула - «каждая мысль, выраженная в акте отдельно от других»⁴¹. С.М. Каштанов разработал более детальную схему членения акта. Весь его текст делится на *статьи* - «законченные по мысли выражения, являющиеся грамматически самостоятельными простыми или сложными предложениями»⁴². При всей близости такого определения к понятию клаузулы оно шире.

Если статья представлена сложным предложением, в котором каждое из составляющих имеет «свою тему», она делится далее на *обороты*, а те, в свою очередь, на *элементы* - «предел дипломатического членения текста акта» (С.М. Каштанов). В каждом из них могут выделяться и более мелкие частицы - *характеристики*. Простые статьи могут делиться на элементы непосредственно. Отдельные обороты, внутри которых к одному подлежащему относится несколько определений или к одному сказуемому несколько дополнений или обстоятельств либо одно понятие выражено многочленно, могут, кроме того, делиться на *отделения*. Отделения состоят либо из одного главного и нескольких второстепенных членов предложения, либо из одного главного и нескольких второстепенных понятий.

Среди элементов и характеристик актов различаются *реалии*, *формулы* и *описания*. К первым относятся имена лиц и топонимы, ко вторым - устойчивые выражения, клишированные обороты речи. Третьи включают более или менее оригинальные выражения, характеризующие какие-то особые обстоятельства или условия, а потому отличающиеся от обычных штампов.

Такое членение текста на составляющие является предварительной интерпретацией текста, его толкованием и называется *грамматически-дипломатическим методом*. Результаты, которые будут получены с его помощью, во многом зависят от того, насколько детально и обстоятельно проведен *формулярный анализ* - изучение структуры текста акта. Формулярный анализ может оказаться плодотворным методом исследования не только актового материала, но и других видов письменных источников: па-

мятников законодательства, агиографических произведений. Грамматически-дипломатический принцип лежит в основе анализа индивидуальных актов формуляров.

На стадии изучения конкретных формуляров грамматически-дипломатический метод должен сочетаться с методом периодического членения текста по содержанию. В нем каждое законченное изложение какой-то нормы, на которую опирается составитель акта, представляет собой *постановление*. Постановление, в свою очередь, может делиться на *пункты*. Такой подход позволяет подойти к решению вопроса о социальном и политическом происхождении как всей данной разновидности актов, так и каждого отдельного акта, входящего в нее. Сами же эти вопросы решаются, как правило, с помощью методов *текстологии*. Она позволяет проследить эволюцию текста актов той или иной разновидности, сопоставить ее с развитием формуляров родственных групп актов, установить отличия каждого акта от других актов данной разновидности. Особенно важен текстологический анализ при изучении публичных актов. Завершает работу с актом *логический анализ* его текста: интерпретация, установление логических противоречий, «темных мест» и т. п.

Характеристика акта основывается на его происхождении. При этом следует установить, создан ли данный акт в канцелярии (если да, то в какой) или он внеканцелярского происхождения, каким способом удостоверен его текст, а также какие причины привели к появлению изучаемого акта. Проблемы происхождения весьма сложны и не всегда могут быть решены. В их основе лежат историко-юридический, историко-географический, историко-политический и историко-экономический анализ условий создания изучаемого текста.

Историко-юридический анализ заключается в сравнении акта с законодательными источниками своего времени, чтобы выяснить, какие нормы и как отразились в изучаемом документе. С другой стороны, такое сравнение уточняет понимание сущности данной юридической нормы и время ее бытования. В ходе *историко-географического анализа* идентифицируются топонимы, упомянутые в акте с географическими реалиями. Это не только конкретизирует географическое происхождение акта, но и дает важную информацию для историко-географических реконструкций (скажем, уточняет представления о владениях того или иного лица или целого рода). При *историко-политическом анализе* сопоставляют сведения, сохранившиеся в данном акте, со сведениями других видов источников (летописей, разрядов, родословцев и т. п.). Благодаря этому воссоздаются обстоятельства политической борьбы, породившие документ, конкретизируется состав

участников происходивших событий. Историко-экономический анализ является важной составной частью реконструкции экономической истории района или региона, в котором был создан изучаемый акт. В основе такого анализа лежит сопоставление норм, отразившихся в акте, с информацией других источников, освещающих экономическую историю данной территории: приходно-расходных, писцовых книг и т. п.

Наиболее сложно в изучении актового материала определить степень достоверности информации, почерпнутой из того или иного акта. До сих пор методика и практика выяснения того, насколько она соответствует реальным событиям и обстоятельствам, слабо разработаны. Одной из причин такого положения является то, что традиционно акты относились к категории источников, которая в меньшей степени, нежели иные виды источников, нуждается в «критике дел» (к так называемым источникам-«остаткам»). Поэтому основное внимание уделялось проблемам установления подлинности актового материала. Между тем верное понимание исторической информации, заключенной в акте, невозможно без ее культурологического истолкования и всестороннего сопоставления с известными реалиями прошлого.

Обобщение всей полученной информации об условиях появления акта, его содержании и социальных функциях позволяет во всей полноте воссоздать историю актов определенной разновидности как сложного исторического явления. Со своей стороны, история актов как договорных документов является следствием и составляющей частью истории развития договорных отношений в обществе. Она отражает становление и эволюцию прав различных социальных групп, их отношения между собой, а также между обществом и властными структурами, государством.

2. Появление актов в Древней Руси

Как уже отмечалось, необходимым условием появления актов как особого вида исторических источников является наличие договаривающихся сторон. Причем уже само заключение договора говорит о том, что права контрагентов договора если и не равны, то, во всяком случае, сопоставимы. Видимо, поэтому договорные отношения возникают прежде всего между юридически независимыми друг от друга политическими единицами - государствами и существуют на всем протяжении истории России - с X в. вплоть до настоящего времени. Как следствие, почти все акты Древней Руси публично-правовые.

Наиболее ранними древнерусскими актами считаются договоры Руси с греками. Тексты всех этих договоров - 911, 944 и 971 гг. (точнее, их противней, копий - равносильных, но не всегда идентичных экземпляров договора) сохранились в составе Повести временных лет. Кроме того, в греческих хрониках (Льва Диакона, Иоанна Зонары, Григория Кедрина и др.) сообщается о переговорах Святослава Игоревича с византийским императором Иоанном Цимисхием. Все имеющиеся в распоряжении историков древнерусские тексты переведены с греческого языка. Они посвящены установлению торговых отношений между Русью и Византией. Косвенно об этом свидетельствуют и даты договоров, поскольку обычно подобные акты действовали в течение 30 лет.

Договор 911 г. был заключен в Константинополе, по-видимому, без предварительных договоров греческих послов с князем Олегом на Руси. Возможно, что частью процедуры заключения этого договора были переговоры Руси с византийцами в 907 г.* Текст договора 911г., представленный в летописи как прямая запись слов Олега, соответствует формуляру текстов клятвенных грамот иностранных послов византийскому императору. Подобный формуляр известен по международным договорам, заключавшимся Византией с другими странами в 992-1261 гг. В таких актах на первом месте излагались условия договора и уверения в подтверждении последних правительством, которое представляли иностранные послы. Обычно подобные договоры оформлялись следующим образом: обе договаривавшиеся стороны составляли текст согласованного акта - каждая на своем языке, с употреблением своих канцелярских и дипломатических форм. Затем стороны обменивались грамотами, причем каждая получала, помимо того, перевод переданного ей текста на родной язык. Переводы не были скреплены государственными печатями, как оригиналы, и служили лишь пособиями при чтении основного текста. Поскольку в сохранившемся тексте договора 911 г. отсутствуют статьи, составленные от имени греков, он является копией переданной грекам клятвенной грамоты, снятой до отъезда послов из Константинополя. Впрочем, по поводу времени, когда был сделан перевод, существуют различные мнения. Если одни исследователи считают, что это произошло вскоре после заключения договора, то другие полагают, что переводы всех договоров были сделаны одновременно, в конце XI в.

*Под этим годом в Повести временных лет помещено несколько договорных статей. Некоторые исследователи считают их самостоятельным договором. Другие полагают, что такого договора не было, а текст, представленный в Повести, - результат редакторской работы летописца, позаимствовавшего несколько статей из договоров 911 и 944 гг.

В отличие от предыдущего договора договор 944 г. был составлен в столице Древней Руси после предварительных переговоров византийских послов с киевским князем. Часть договора составлена от лица русских, часть - от лица греков. Характерно, что в русской части договора (соответствующей клятвенно-верительной грамоте) отсутствуют договорные статьи. Видимо, это объясняется тем, что Игорю был представлен на утверждение экземпляр, скрепленный послами и нуждавшийся в принесении князем присяги (о чем прямо говорится в тексте договора). Затем скрепленный экземпляр был увезен в Византию, а в Киеве остался заверенный греческий оригинал. Возможно, на Руси осталась и копия с утвержденной грамоты русских послов.

Договор 971 г. - запись княжеской клятвы, сделанной в императорском лагере со слов посланцев Святослава. Скорее всего, эта грамота писалась по типу договора 911 г. - без предварительного согласования текста сторонами. Фиксируя обязательства русской стороны, она не упоминает обязательств византийцев о предоставлении Руси права торговли в столице и провинциях Империи. Между тем, поскольку о них сообщают греческие хронисты, они, видимо, были оформлены письменно и утверждены византийским императором. Текст договора, представленный русской стороной, скреплялся печатями послов Святослава. Удостоверялись ли такие документы подписями - неизвестно.

Проблема первоначального вида договоров Руси с греками оживленно обсуждается в российской и зарубежной историографии. Насколько адекватны ему тексты, донесенные Повестью временных лет, пока утверждать трудно.

Особую роль в государственной жизни древней Руси начиная с конца X в. играла церковь. На ранних этапах развития отношений между светской и духовной властями какие-то стабильные формы княжеско-церковных договоров отсутствовали. Не было, соответственно, и устойчивых разновидностей соглашений между княжеской властью и церковью. Впрочем, существование на ранних стадиях развития государства устной формы договоров серьезно затрудняет окончательное решение этого вопроса. О том же, что вообще подобные соглашения могли существовать уже в конце X - середине XI в., возможно, свидетельствует сообщение Повести временных лет под 6504 (996) г. о передаче Владимиром Святославичем десятины построенной им Богородичной церкви, на что обратил внимание М.Б. Свердлов. Во всяком случае, текст этой летописной статьи действительно напоминает формуляр данных грамот XII в.:

Данная Владимира Святославича (996 г.)	Данная Всеволода Мстиславича (1125-1137 гг.)	Данная Варлаама (ок. 1192г.)
Помолившюся [Владимир] рек сице: 1) «Се даю 2) Святей Богородици сей 3) от имени моего и от град моих десятую часть». Положив, написа клятву в церкви сей, рек: 4) « <i>аще кто посудит се-го, да будет проклят</i> ».	1) <i>Се аз князь великий Всеволод</i> 2) <i>дал есмь</i> 3) <i>святому Георгию</i> 4) <i>Терпужьскыи погост Ляховичи с землею...</i> 5) <i>Л то дал есмь святому Георгию во веки.</i> 6) <i>А кто поступитъ, судитъся со мною перед Георгиемъ в сии век и в будущий.</i>	1) <i>Се въдале</i> 2) <i>Варламс</i> 3) <i>святому Спасу</i> 4) <i>землю и огород, и ловища рыбная Се же все дал Варлам Михайлев сын святому Спасу</i> 5) <i>Аще кто дьявольм научен и злыми человеки наважен цъто хочет отъяти... а буди ему противен святой Спас и в съ век и в будущий.</i>

Уверенности в том, что в Повесть действительно вставлен текст грамоты, нет. Однако можно утверждать, что уже во второй половине XI в. (время составления начального свода) набор статей (клаузул) при словоговорении был таким же, как и в XII в. В дальнейшем подобные прецеденты передачи светской властью церкви определенных прав послужили почвой или предложом для создания церковно-княжеских законодательных памятников - так называемых церковных уставов Владимира I и Ярослава Мудрого.

3. Акты удельного периода

Публично-правовые акты

Самым ранним внешнеполитическим договором удельного периода является договор Новгорода Великого с Готским берегом (островом Готланд) и немецкими городами, относящийся к концу XII в. Всего же от XII-XIV вв. сохранилось 18 документов Новгорода, касающихся международных отношений. Девять из них составлены от имени новгородского князя (до первой трети XIV в.), пять - от имени княжеского наместника (с 30-х годов XIV в.) и четыре - от республиканских органов власти. Судя по подлинникам, грамоты скреплялись печатями (архиепископа, князя, тысяцкого, посадника, новгородского Со-

вета господ), привешиваемыми к ним. Подписи в качестве способа удостоверения документов не применялись.

Судя по сохранившимся материалам, порядок заключения договоров Новгорода с иностранными государствами обычно был следующим. Как правило, договор заключался в самом Новгороде, куда приезжали иностранные послы. Здесь им вручали экземпляр акта, скрепленный печатями представителей новгородских властей. Если контрагентов Новгорода было несколько (или контрагент был коллективный, например несколько городов), всем им вручали отдельные экземпляры договора. После возвращения послов на родину туда выезжал новгородский посол, в присутствии которого противоположная сторона утверждала другой экземпляр договора, предназначенного для вручения новгородским властям. Тогда же послы, заключавшие договор, скрепляли его своими печатями. Эта процедура имела значение ратификации договора.

Кроме новгородских, сохранились также отдельные международные договоры Смоленска и Полоцка XIII-XIV вв. Несмотря на то что смоленские грамоты изучены лучше, их дипломатический анализ еще не завершен.

К XIV в. относится и первый московский внешнеполитический договор - перемиренная грамота великого князя литовского Ольгерда с великим князем московским Дмитрием Ивановичем (1371). Составленная, видимо, литовскими послами, она не отражает традиции московской великокняжеской канцелярии. В докончании 1371 г. оговаривались права московского великого князя и обязательства Ольгерда не вмешиваться в его борьбу с тверским князем за великое княжение. Текст договора, вероятно, был составлен на основании предложений, подготовленных обоими контрагентами. С московской стороны переговоры вел, судя по всему, митрополит Алексей. Грамота скреплена крестоцелованиями представителей обеих договаривавшихся сторон и литовской и московской митрополичьей печатями. Прочие документы московского великокняжеского архива, имевшие международное значение, утрачены (возможно, во время польской интервенции начала XVII в.). Однако в описи архива Посольского приказа 1626 г. упоминаются и другие материалы, относящиеся к московско-литовским отношениям 70-80-х годов XIV в.

Удельная эпоха породила договорные политические акты и внутрирусского происхождения. Они заключались между политическими субъектами, имевшими ту или иную степень юридической независимости друг от друга. Это прежде всего договоры между великими князьями и Новгородом, между великими князьями различных великих княжеств, между великим и удельными

князьями одного великого княжества. Образование единой Руси привело к исчезновению почвы для таких политических договоров.

К числу внутривластных актов относятся также *церковные уставы, уставные и жалованные грамоты*. Самые ранние списки церковных уставов и уставных грамот относятся лишь к концу XIII - началу XIV в. Широкое распространение получил церковный устав князя Владимира Святославича (сохранился во множестве списков XIV-XIX вв., делящихся на несколько редакций, наиболее ранние из которых относятся к XIII-XVII вв.), а также князя Ярослава Владимировича (дошедший во множестве списков XV-XVI вв., разделяющихся на ряд редакций и изводов). Считается, что в основе их лежали уставные грамоты этих князей, позднее переработанные и дополненные. Протографы этих уставов датируют XII в. Они близки, с одной стороны, к законам, с другой - к жалованным грамотам. Полагают, что Устав Владимира, по существу, представлял собой договор с Византией, откуда на Русь прибывали первые митрополиты. Возможно, поэтому в качестве контрагента князя выступает не глава русской церкви, а княгиня Анна, жена Владимира (как представительница Византии на Руси). В отличие от этого устава устав Ярослава уже определяет отношения между князем и Иларионом - первым «русин», занявшим митрополичий престол. Впоследствии упоминания контрагентов обоих уставов, видимо, стали восприниматься символически: как князя вообще и митрополита вообще, а договорный элемент (разделение сфер компетенции и юрисдикции, в частности) постепенно вытеснялся законодательным. Поэтому данные уставы принято относить к числу законодательных источников, несмотря на их актовую форму.

С полной уверенностью можно говорить, что княжеско-церковные договоры существовали с XII в., когда были созданы местные новгородский и смоленский церковные уставы. Их формуляры очень близки. Кроме собственно уставной грамоты князя (смоленского Ростислава Мстиславича и новгородского Святослава Ольговича), они включают подтверждающие грамоты епископов и дополнительные записи о размерах сборов в пользу церкви. Центральное место в их диспозитивной части занимают росписи сборов с определенных территориальных единиц. Неразвитость протокольной части княжеских грамот, по мнению С.М. Каштанова, свидетельствует об их близости к законодательным источникам.

В XII в. появилась еще одна разновидность княжеско-церковных актов - *жалованные грамоты*. Название это в данном случае условно, поскольку, при всем сходстве их содержания с содержа-

ином более поздних грамот, в них отсутствовала характерная формула «пожаловал есмь», от которой и происходит сам термин. Эти документы устанавливали определенные социально-политические отношения между княжеской властью и, условно говоря, частными юридическими лицами. В качестве таковых выступали монастыри, которые постепенно превращались в центры господства над окрестным населением. Рост влияния чернеческих обителей обусловил выдачу им княжеских грамот, являвшихся по форме пожалованием, а по существу - договором, который разделял властные полномочия князя и монастыря в данной местности и ограничивал сферу монастырского землевладения определенным селом и тем, что к нему «потягло». Выдавать жалованные грамоты монастырям начали в Новгороде, а с XIV в. и на других территориях.

За первую половину - середину XII в. сохранились четыре подобных документа, связанных с передачей земельных участков и некоторого движимого имущества двум новгородским монастырям: Юрьеву и Пантелеймонову. Среди них жалованная грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода Юрьеву монастырю (ок. 1130 г.) - самый ранний подлинный древнерусский акт. Она написана на пергамене и имеет следы прикрепления печати, которая не сохранилась. Три других акта дошли в копиях.

Поскольку о существовании таких документов для XIII в. неизвестно, следующий комплекс жалованных грамот относится уже к XIV в. Им датируется 12 актов (включая упоминания и позднейшие изложения). Из них дошло всего три в подлинниках и пять в списках. Отметим, что великокняжеские московские жалованные грамоты не касаются собственно московских земель и относятся к пограничным спорным территориям (районы Печоры, Волока, Торжка и Костромы). Прочие грамоты связаны с территориями Ярославского княжества, Новгородской и Псковской республик. Одними из первых начали выдавать жалованные грамоты Тверское и Рязанское княжества, о чем, в частности, свидетельствуют наиболее развитые формуляры жалованных грамот, выданных в них.

Во всех упомянутых жалованных грамотах контрагенты явно неравноправны. Доминирующую роль играл князь. Передавая монастырю землю и превращая того в земельного собственника, он по-прежнему обладал верховной распорядительной властью. Характерно, что в грамотах князей Всеволода и Изяслава даже не упоминаются имена игуменов монастырей, которым адресована грамота. Незавершенность инскрипции жалованных грамот является показателем определенной близости их княжеским уста-

вам XII в. Последним княжеско-церковным договором стала договорная грамота между Василием I и митрополитом Киприаном.

Княжеско-церковные договоры свидетельствуют о том, что русская православная церковь так и не стала юридически независимой от князя политической силой. На Руси не было самоуправляющихся церковных княжеств. Этим объясняется отсутствие того типа договоров с церковью, который характерен для взаимоотношений великих князей с другими великими или удельными князьями.

Значительный комплекс актов составляют *договоры Новгорода с великими князьями*. Причем подавляющее большинство грамот XIII-XIV вв. касается отношений с тверскими князьями (самая ранняя относится к середине 60-х годов XIII в.^{*}, самая поздняя к середине 70-х годов XIV в.). Все новгородско-тверские договоры дошли в подлинниках. По тематике они делятся на три группы: 1) о правах князя в новгородской земле (9 грамот); 2) о военной помощи (2 грамоты - княжеский и новгородский экземпляры одного договора рубежа XIII-XIV вв.); 3) о мире (4 грамоты XIV в.). Только в начале 70-х годов XIV в. была составлена договорная грамота с московским великим князем Дмитрием Ивановичем (дошла в списке конца XV - начала XVI в.). До XIV в. известно единственное упоминание договора с московским князем, касающегося, правда, не вопросов управления, а проезда великокняжеских «ватаг» через новгородские земли.

Известны всего четыре *междукняжеские договорные грамоты* (из них три - в подлиннике, одна - в списке XV в.), составленные до 1380 г. Самая ранняя (докончание великого князя Семёна Ивановича с князьями Иваном и Андреем Ивановичами) относится к рубежу 40-50-х годов. Три другие - dokonчания Дмитрия Ивановича московского с Владимиром Андреевичем серпуховским и боровским (1367 и 1375 гг.), а также с великим тверским князем Михаилом Александровичем (1375 г.). Формуляр последней близок к формулярам договорных грамот великого князя с Новгородом, определявших сферу компетенции князя. Это связано с тем, что в ней в качестве контрагентов фигурировали два великих князя. В прочих контрагентом великого князя выступал князь удельный. Порядок заключения этих договоров и способ их удостоверения восстановить трудно, поскольку все грамоты сохранились в единственном экземпляре. Некоторую

^{*}В ней упоминается еще более ранний несохранившийся договор Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем.

информацию об утверждении договоров дает упоминание в грамотах обоюдного крестоцелования и следы печатей, привешивавшихся к подлинникам. Возможно, при заключении договора с удельным князем составлялись два идентичных списка, поскольку в дошедших до нас текстах статьи, сформулированные от лица великого князя, сочетаются со статьями, написанными от имени князя удельного.

С конца 20-30-х годов XIV в. появляется новый вид актового материала - *духовные грамоты* московских князей. Существование княжеской завещательной традиции М.Б. Свердлов и другие относят уже к XII в., а истоки - далее к XI в. Такая гипотеза опирается на упоминание в летописных изложениях обращений умирающих князей к членам своей семьи в виде устойчивых оборотов, соотносимых с клаузулами (статьями) письменных завещаний последующего времени:

Завещание Ярослава Мудрого(1054г.)	Завещание Мстислава Ростиславича (1179г.)	Завещание Ярослава Владимировича (1187г.)	Духовные Владимира Васильковича(1287 г.)	Духовная Ивана Кали- ты(ок. 1339 г.)
[Ярослав] наряди сыны своя, рек им:	Мстислав Ростисла- вич] взрев на дружину свою и на княгиню... и поча им молвити:	[Ярослав Владимиро- вич] молвя- шетъ мужем своим:		
1)Се аз отхо- жю света се- го, сынове мои; имейте в собе лю- бовь, поне- же вы есте братья еди- ного отца и матере...	1)Се прика- зываю дѣтя свое Воло- димера Борисов и Захарыичю и с сим даю брату Рюри- кови и Давы- дови с поло- стью на ру- це, а что о мне бог про- мыслить	1)Се аз.. дер- жал всю Га- личкую зем- лю.	1)Во имя от- ца и сына и святого ду- ха...	1)Во имя от- ца и сына и святого духа.
2)Се же пору- чаю в собе место стол старейшему сыну Изясла- ву Киев...		2)А се при- казываю мес- то свое Ол- гови...	2)Се яз [имя- рек]	2)Се аз [имя- рек]...

Продолжение

3)А Свято- славу даю Чернигов, а Всеволоду Переяс- лавль...		3)А Володи- меру даю Пе- ремышль	3)даю зем- лю всю и го- роды по жи- воте своем	3)пишу ду- шевную гра- моту
		4)и урядив ю и приводи Володимера ко хресту и мужи Галич- кия на семь, яко ему не искать под братом Гали- ча.	4)брату сво- ему Мьстис- лаву...	4)ни ким не нужен, це- лым своим умом, в сво- ем здоровьи.
			1)Во имя от- ца и сына и святого ду- ха...	5)Аже бог что розгада- еть о моем животе, даю ряд сыном своим и кня- гини своей.
			2)Се яз [имя- рек]	
			3) пишу гра- моту: .	6)Приказы- ваю сыном своим очи- ну...
			4)дал семь княгине сво- ей, по своем животе...	7)А се есмь им роздел учинил.
			5)А княгини моа, по мо- ем животе оже восхо- четь в чер- ниче поити, пойдеть...	8)Се дал есмь сыну своему большему Се- мену...
				9)А приказы- ваю тебе, сы- ну своему Се- мену, братью твою молод- шую...
				10)А грамо- ту писал...
				11) А кто сю грамоту по- рушит, судит ему бог.

Однако древнейшие духовные если и существовали, то в форме устного распоряжения («ряда»). Первая сохранившаяся духовная грамота составлена Иваном Калитой (1327 или 1339 г.). Ее появление А.Л. Юрганов достаточно основательно связывает с восприятием Северо-Восточной Русью норм монгольского права, претерпевших при хане Узбеке некоторые изменения. Теперь они предусматривали право местных правителей, подчинявшихся Орде, на наследственное распоряжение подвластными им территориями. Показательно, что вторая духовная Ивана Калиты скреплена ханской тамгой - печатью, подтверждавшей право собственности*. При составлении духовных грамот, видимо, широко использовалась традиция «устных завещаний», следы которых, возможно, сохранились в русских летописях. Центральное место в духовных великих князей занимают благословения (наследников, членов великокняжеской семьи) и пожалования (служилых людей) землями (соответственно, уделами и вотчинами) в пределах великого княжества. Все духовные были, как мы полагаем, скреплены великокняжеской печатью, а также печатями митрополитов. Последнее свидетельствует о расширении юрисдикции церкви. Позднее далее духовные частных лиц скреплялись митрополитом, архиепископом или епископом. Кроме того, при великокняжеских духовных иногда встречаются печати наследников - удельных князей. Всего к XIV в. относится семь княжеских завещаний.

Духовные грамоты немосковских князей (тверских, рязанских, нижегородских, ярославских и др.) не сохранились, хотя достоверно известно, что они составлялись. Считается, что они могли быть уничтожены во время комплектования великокняжеского архива, по мере присоединения этих княжеств к Москве.

Значительно хуже духовных известны *указные* и *кормленые* грамоты. К концу 60 - началу 70-х годов XIII в. относится подлинное послание князя Ярослава Ярославича рижанам. В нем совмещены элементы указной и жалованной грамоты. Содержание послания сводится к разрешению свободного проезда через его владения немецким «гостям».

Самым ранним собственно указным актом является уже упоминавшаяся грамота великого князя московского Андрея Александровича на Двину с распоряжением о пропуске к морю и обратно трех великокняжеских «ватаг». На Двину адресована и указная грамота 1324-1340 гг., составленная от имени Ивана Калиты и Великого Новгорода (посадника, тысяцкого и «Всего

*Впрочем, М.А. Усманов категорически возражает против отождествления «татарской» печати с каким-либо ордынским удостоверительным знаком.

Новгорода»). Приблизительно в то же время утвердился и обычай московского управления Печорой, о чем можно судить по древнейшей кормленной грамоте, выданной Дмитрием Ивановичем Московским Андрею Фрязинову. В этой грамоте между прочим упоминается, что дядя Андрея, Матвей Фрязин, обладал кормлением на этой территории еще при Иване Калите. Особенностью ранних указных и кормленных грамот, подобно жалованным грамотам московских великих князей, является то, что в них не затрагивалась основная территория Московского княжества, а посылались они в порубежные новгородские земли.

Плохо сохранившейся, еще хуже изученной и сравнительно редко используемой частью публично-правового комплекса актовых источников являются русско-ордынские документы. Первое упоминание о них содержится в уже описанном послании Ярослава Ярославича. В нем князь ссылается на указ, присланный ему ордынским ханом Менгу-Темиром по поводу проезда немецких купцов по княжеской «волоости».

Важную группу документов составляют *ханские ярлыки* русским митрополитам. В них закрепляются владельческие иммунитетные права русской церкви, которая освобождается от уплаты различных пошлин и повинностей. Переводы ярлыков на русский язык дошли в составе двух рукописных сборников - краткого и пространного. Самый ранний ярлык - хана Менгу-Темира 1267 г., самый поздний - хана Тюляка (Мухаммеда Бюлека) митрополиту Михаилу 1379 г. Краткое собрание, включающее шесть ярлыков, рассматривается как более раннее, составленное в конце XIV - первой половине XV в. Первая редакция пространного собрания была подготовлена, видимо, в первой половине XVI в. (до 1550 г.) и представляла собой переработку краткого с добавлением фальшивого ярлыка хана Узбека митрополиту Петру. Окончательный вид оно получило в 30-х годах XVII в. Оригиналы ярлыков не сохранились. По поводу языка, на котором они были составлены, ведутся дискуссии. Посредниками между ханом и митрополитом выступали местные власти, что позволяет специалистам характеризовать эти акты как имперские. Ханские ярлыки активно использовались русской церковью для защиты своих имущественных прав и привилегий в спорах со светскими властями.

Оценивая развитие древнерусского публично-правового актового материала в удельный период, С.М. Каштанов отмечает следующее. К концу XIV в. выработался формуляр целого ряда разновидностей публично-правовых актов. Еще в XII-XIII вв. в Новгороде сложились устойчивые нормы формуляра. В XIV в. сформировались обычаи написания княжеских актов в Рязани,

Ярославле, Твери и Москве. Причем преобладала сделочная форма актов (договорные, жалованные, духовные грамоты) и меньше, чем на Западе, использовались послания. С этим связано слабое применение такого компонента формуляра, как нотификация (публикация). Самой неразвитой частью формуляра грамот был конечный протокол. Даты повсеместно (за исключением ханских ярлыков) отсутствуют. Место выдачи акта не указывается. Лишь в XIV в. в санкциях распространяется угроза светских наказаний. Прежде содержание угрожающей клаузулы ограничивалось призыванием небесной кары. «При всех своих отличиях, - пишет С.М. Каштанов, - русские публично-правовые акты входят в качестве составной части в наследие средневековой европейской дипломатики, и выяснение их специфики, равно как и черт сходства с: западными и восточными актами, требует особого сравнительно-источниковедческого исследования»⁴³.

Частноправовые акты

Если древнейшие международные соглашения Гуси, например в IX в., заключались скорее всего в устной форме, а междукняжеские договоры Киевской Руси часто представляли собой устный «ряд», то частные сделки в период, по крайней мере, до XII-XIII вв. тем более были устными. Об этом, по мнению ряда исследователей, свидетельствует и слово «послух», обозначающее свидетеля сделки. «Послух» - буквально тот, кто слушал. В частных актах XVI в. встречается выражение: «послух и руку приложил». Послухи, видимо, не подписывались на актах, поэтому в тексте и присутствует странный, на взгляд современного человека, союз «и». Во всяком случае, в частных актах XV в. свидетели обычно только упоминаются в corroborации, но не оставляют других «следов» в тексте документа. Очевидно, это связано с тем временем, когда сделки заключались устно, а послухи лишь выслушивали и запоминали условия договора, чтобы при необходимости воссоздать их.

Появление письменного частного акта на Руси обычно относят к XII-XIII вв., хотя многие источниковеды говорят о более поздних датах. В настоящее время вопрос о ранних частных древнерусских актах является предметом дискуссий. Проблема датировки первых актов принципиальна, поскольку зарождение практики составления документов частного характера является свидетельством определенного уровня развития социальных отношений и культуры. Приоритет в области распространения частных актов принадлежит Новгороду и Пскову. Возможно, это было связано с постоянными контактами их с западноевропей-

скими торговыми городами. В Новгороде, насколько можно судить по берестяным грамотам, уже с XI в. горожане вели оживленную переписку. Следовательно, письменные традиции среди частных лиц здесь сложились давно. Интересно, что в Новгороде духовные и уставные грамоты назывались рукописанием. Не исключено, что этот термин возник в связи с обычаем переписывания духовных на пергамен для их юридического оформления. Поскольку пергаменные акты типичны для западной дипломатики, возможно, такой обычай также был позаимствован из Ганзы. Во всяком случае, большинство сохранившихся актов XII - последней четверти XIV в. было составлено в Новгородской или в Псковской земле. Западные и юго-западные княжества оставили за этот период единичные экземпляры частных актов; акты Северо-Востока за XII-XIII вв. вообще неизвестны.

Самыми ранними новгородскими актами являются данная (купчая) и духовная, приписываемые Антонию Римлянину. Они известны в списках второй половины XVI в. В таком виде они были предъявлены Ивану Грозному во время судебного разбирательства между новгородским Антоньевым монастырем и посадскими людьми в 1573 г.

Духовная датируется В.Л. Яниным 1110-1131 гг. В то же время неоднократно высказывалась мысль о ее поддельности. Так, С.М. Каштанов обратил внимание на термины и обороты духовной, встречающиеся в источниках не ранее XIII, а то и XVI в. Кроме В.Л. Янина, на подлинности духовной Антония Римлянина настаивают М.Н. Тихомиров, В.Ф. Андреев, М.Б. Свердлов.

Спорной является и датировка данной (купчей) Антония. Судя по всему, она является фальсификатом второй половины XVI в., изготовленным монахами в ходе судебной тяжбы. Об этом свидетельствует то, что она не упоминалась во время разбирательства в 1559-1560 гг. и появилась лишь через 13 лет. В ней также присутствует поздний счет на рубли. Вместе с тем, сравнив формуляр данной Антония с другими грамотами такого рода, М.Б. Свердлов пришел к выводу об архаичности ее формуляра и несоответствии его формуляру данных или вкладных грамот XVI в. Это позволило ему не согласиться с выводом большинства ученых о поддельности рассматриваемого акта. Включение Антонием купчей в данную должно было, по мысли исследователя, доказать законность владения Антония землей, передаваемой монастырю. Кроме того, это позволяло точно указать ее границы, в чем усматривается начало широко распространенного позднее правила передачи в монастыри вместе с данными и вкладными купчих и других грамот на передаваемое владение.

Подделкой XVII в. признается и «духовная»-вкладная грамота новгородского посадника Ивана Фомина (в тексте приводится дата 6690-1181/82 г.).

Возможно, древнейшим русским частным актом, сохранившимся в подлиннике, является вкладная грамота Варлаама новгородскому Спасо-Хутынскому монастырю. Она датируется 1192-1211 гг. Чрезвычайно важна диапозитивная часть грамоты, в которой оговаривается, что земля передается монастырю «с челядию и с скотиною». Это сближает ее с княжескими жалованными грамотами новгородским монастырям XII в. Данное обстоятельство не помешало С.Н. Валку высказать сомнения по поводу подлинности вкладной Варлаама: ее формуляр он признавал поздним (XV в.), а внешний вид - не соответствующим признакам документов раннего времени.

Лишь небольшое количество актов второй половины XIII в. - 70-х годов XIV в. не вызывает сомнений. В их числе духовная новгородца Климента. Это - древнейший, бесспорно подлинный частный акт. Духовная написана на пергамене не позднее 1270 г. (датируется по времени смерти игумена Варлаама, упомянутого в грамоте). Климент, получивший в свое время от монастыря в долг 20 гривен, в качестве компенсации передавал монастырю после своей смерти два села, движимое имущество, а также право взыскать долги со своих - Климента - должников. В грамоте предусматривалось также обеспечение вдовы завещателя. О подлинности грамоты свидетельствует, кроме всего прочего, употребление в ней двойного счета: гривнами серебра и гривнами кун, что было характерно именно для Новгорода и в течение очень короткого промежутка времени. Формуляр грамоты (в частности, инвокация и диспозиция) соответствует формулярам подлинных княжеских грамот XIII в.

К последней трети XIII в. относится и древнейший подлинный псковский частный акт - «рядная» Тешаты и Якима. Имущественная сделка этих людей оформлена княжеским писцом на пергамене и заверена свинцовой печатью князя Довмонта. При составлении грамоты присутствовали послухи. Упоминание о них впервые встречается именно в этом документе. Впервые же говорится и о введении денежной санкции (100 гривен) за нарушение условий договора.

Спорной является данная черницы Марины суздальскому монастырю Василия Кесарийского, датированная XIII в. Этот акт известен в трех поздних списках (XVI, XVIII и XIX вв.). Мнения специалистов по поводу ее подлинности расходятся. В.А. Кучкин считает текст документа подлинным, но относит его к середине XV в. С.М. Каштанов считает такую дату слишком

ранней. Ряд анахронизмов в формулах и выражениях грамоты, а также то, что вплоть до 80-х годов XVI в. земли, упоминаемые в дайной Марины, не фигурировали в числе владений указанного монастыря, заставляет исследователя остановиться на последней дате как наиболее вероятном времени появления этого документа. Во всяком случае, данная Марины не может относиться к XIII или XIV в.

В XIV в. частных актов было еще очень мало. Как и в предыдущий период, большинство из них появилось в северо-западных землях. Среди таких актов одна новгородская мировая грамота (о полюбовном размежевании земель в Шенкурском погосте - 1315-1322 гг.), три древнейшие купчие (две псковские - первой половины и 70-80-х годов XIV в., одна новгородская - после 1359 г.), три псковские меновые (вторая половина XIV в.), одна рядная (вторая половина XIV в.) и одна раздельная (вторая половина XIV в.). Возможно также, что к этому времени относится часть 11 псковских актов, датированных Л.М. Марасиновой XIV-XV вв.

В XIII-XIV вв. расширяется сфера социально-политического происхождения актов. Именно она порождает в XIII в. ярлыки ордынских ханов русским митрополитам. Ярлыки продолжили начавшуюся в XII в. практику выдачи русским духовным епархиям жалованных иммунитетных грамот. К той же сфере относятся и договоры князей с Новгородом и, особенно, междукняжеские договорные грамоты. В еще большей степени социальный аспект происхождения проявился в составлении княжеских духовных и жалованных грамот. Акты социально-экономического происхождения (частные акты) для этого времени редки, что свидетельствует о слабом развитии экономических отношений в древнерусском обществе. Немногие документы такого рода относятся лишь к пределам северо-западных республик - Новгорода и Пскова. Вероятно, в экономическом развитии эти территории обогнали своих южных и северо-восточных соседей. Актовый материал наименее развит был в Московском княжестве, на земли которого не выдавались жалованные грамоты. Вместе с тем именно в нем с середины XIV в. юридически оформлялась великокняжеская собственность в виде княжеских духовных грамот. Слабость частного землевладения в Московском княжестве XIII-XIV вв., отсутствие крупного монастырского землевладения были, вероятно, важными факторами усиления здесь великокняжеской власти, что обусловило, в свою очередь, роль Москвы как объединительницы Руси на «силовой», внеэкономической основе.

4. Акты XV-XVII веков

С XV в. объем актового материала быстро увеличивается, актовый материал становится разнообразнее. Если абсолютное количество актов XV в. известно (их, напомним, было более 2000, что на порядок превышает общее количество документов за предыдущие три столетия), то для последующих веков оно не поддается точному учету.

Публично-правовые акты

Международных договоров (сначала преимущественно с соседней Литвой, а затем с Речью Посполитой) в XV в. было немного. Они заключались не только московскими князьями, но и князьями Твери, Рязани, Пронска. С завершением объединительных процессов подобная практика, естественно, исчезла. С начала XVI в. суверенным государем, имеющим право на договоры с другими субъектами публичного права, остается только царь и великий князь. Вместе с тем существенно расширяется география контрагентов подобных соглашений. Это, в частности, было связано с признанием Московии в качестве самостоятельной и к тому же довольно влиятельной державы.

Начиная с 80-х годов XIV в. резко возросло количество *договорных грамот русских князей*, достигавшее к концу XV в. 56 единиц. Из них почти половина (24 документа) приходится на период феодальной войны второй четверти XV в. Завершение объединения русских земель вокруг Москвы в единое государство ликвидировало правовую основу для дальнейшего развития дайнной разновидности актов. В то же время объединение русских земель в единое государство нашло отражение в актовом материале. В XV-XVII вв. через *жалованные грамоты* осуществлялись местное управление, ограничение феодальных привилегий духовных и светских землевладельцев, централизация суда и финансов.

За XV в. - до образования единого Русского государства (примерно до 1480 г.) - сохранились всего десять *княжеских завещаний*. Еще девять духовных дошло от XVI в. (до 70-х годов). Все они, как и прежде, принадлежали исключительно московским великим или удельным князьям и княгиням. Пресечение династии Калитичей, судя по всему, считавшейся со времени правления ее основателя единственным собственником всех русских земель, а также наступление Смуты привели к прекращению завещательной традиции.

Развитие общественной жизни на местах в конце XIV-XVII вв., формирование различных сословных групп в рамках территориальных единиц - волостей, уездов, посадов - предопределило необходимость договорного регулирования отношений великокняжеской власти с населением этих административно-территориальных единиц. В связи с этим возникли исходившие от великого князя или царя *акты управления* (наместничьи грамоты) и *самоуправления* на местах (губные, земские грамоты). На договорных основаниях, при все возрастающей деспотической власти великого князя, *актами оформлялись отношения подданства* (поручные записи). Впоследствии появились своеобразные *договоры царей с сословиями* (*акты земских соборов*), характерные для периода сословно-представительной монархии второй половины XVI-XVII вв. Хотя в полном смысле слова такой была, пожалуй, только крестоцеловальная грамота Василия Шуйского 1606 г. Она представляет собой «запись» о том, что государь присягает своим подданным в том, что никто из них (включая купцов и «черных» людей) не подвергнется опале без справедливого расследования и суда, не будут преследоваться родственники осужденного и т. п.

Все эти разновидности политических соглашений, в XV-XVII вв. пронизанных духом распоряжения и часто облеченных в форму пожалования, потеряли смысл в условиях абсолютистской монархии. Политические сделки государства с «частными лицами» или группировками редко осуществлялись в форме письменных договоров.

Публично-частные и частные акты

В России со второй половины XVII в., а особенно с петровских времен заключались различные *экономические соглашения, договоры* между органами государственной власти и «частными лицами» (акты откупа, подряда и др.). Эта, еще очень плохо изученная, история государственно-частных договоров отражает развитие буржуазных отношений в экономике России.

По мере дальнейшего развития феодальной экономики в XIV-XVII вв. неуклонно росло количество видов и разновидностей частных актов. В них отражались новые социально-экономические процессы. Так, появились акты на холопов (с XV в.), денежные (заемные - с XVI в.), крестьянского подряда (с XVI в.), на крестьян (с конца XVI в.), а также распорядительно-договорные (с конца XV в.) и распорядительные (с XVII в.). При этом некоторые из них представлены многими сотнями актов.

В связи с резким увеличением численности актовых источников, их видов, подвидов и разновидностей начиная с XVII в, стала возрастать роль изучения истории архивов, в которых концентрировались актовые материалы.

ГЛАВА 4

Литературные произведения

1. Приемы источниковедческого анализа произведений литературы

ТЕРМИН «литературные произведения» для древнерусского периода истории является условным. Строго говоря, художественной литературы в современном понимании этого слова в древней Руси не было: ни одно произведение не предназначалось собственно для удовлетворения лишь эстетических чувств читателя. Любой письменный памятник был наделен рядом смыслов: кроме буквального (явного и тайного) в нем присутствовали также символический, аллегорический и нравственный слои. Поэтому чтение и понимание каждого древнерусского произведения представляют определенные сложности для современного читателя. Вместе с тем эта особенность древнерусской книжности расширяет информационные возможности почти любого памятника письменности при его использовании в историческом исследовании. Следует также учитывать, что такая специфика семантического наполнения древнерусской литературы делает весьма условным ее деление на духовную и светскую: чисто светских произведений, ориентированных на секулярное сознание и восприятие, до конца XVII в. не могло быть. Письменная культура древней Руси по своей сути была христианской. Поэтому в ней лишь в косвенной форме могли отразиться следы фольклора и нехристианских народных верований. Тем не менее в дальнейшем изложении проводится условная грань между духовной литературой, основная функция которой заключается в передаче и сохранении христианской традиции, и литературой светской, ориентированной больше на читателя-мирянина, осуществлявшей, кроме всего прочего, развлекательную функцию. Если первая группа произведений в основном может привлекаться для изучения системы представлений, присущих более образованной части древнерусского общества, так сказать официального мировосприятия, то вторая в большей мере раскрывает внутренний мир, систему ценностей «рядового» человека.

Проблемы использования литературных произведений в качестве источника по истории древней Руси чаще поднимали литературоведы. В первую очередь их интересовали вопросы формы, в которую облекались мысли и чувства средневекового человека. Историки в гораздо меньшей степени проработали вопросы содержания, скрывающегося за этой формой. Сплошь и рядом их подход к литературному материалу отличался наивным историзмом и потребительским отношением к источниковой информации. В основном в литературных произведениях искали яркие иллюстрации к тем или иным выводам, полученным на основе других источников. Исключения чрезвычайно редки (работы Б.А. Романова, А.И. Клибаиова и др.). К тому же они, как правило, были ориентированы на определенную идеологическую схему и нормы современного восприятия текста. Большинство интересных наблюдений сделано на интуитивном уровне и не подкрепляется (по всяком случае, явно) специальным семантическим анализом изучаемого текста. К тому же верное понимание средневекового произведения невозможно без привлечения широкого круга литературы духовного содержания. Именно из нее древнерусский книжник черпал основную часть образов, сюжетов, характеристик. На протяжении многих десятилетий XX в. по известным причинам в нашей стране ссылки на подобную литературу признавались нежелательными (если вообще были возможны). Это существенно снизило уровень разработки источниковедения древнерусской «художественной» книжности. Можно сказать, что по-настоящему глубокое источниковедческое изучение древнерусской литературы только начинается.

2. Переводы литературных произведений в древней Руси и их источниковедческое значение

Древнерусская письменная культура тесно связана с христианством. Собственно она и зародилась только после крещения Руси. Первое время на Руси пользовались исключительно переводной - с греческого на южно- и западославянские языки - литературой. Именно эти произведения задавали новую систему ценностей и представлений, на которой позднее - с XI в. - начала формироваться древнерусская оригинальная литература.

Изучение переводной литературы представляет существенные сложности. Прежде всего оно требует хорошего знания язы-

ка, на котором были написаны оригиналы. Иначе невозможно понять нюансы исходного, а следовательно, и переведенного текста. Выяснить же, какой это был язык, не всегда легко. На помощь историкам приходят лингвисты, разработавшие достаточно изощренный инструментарий: он позволяет установить, является ли данный текст переводным и с какого языка непосредственно был сделан перевод.

Немаловажен также вопрос о том, где было переведено то или иное произведение. Учитывая близость (особенно на раннем этапе развития книжной культуры) литературного языка всех славянских народов, назвать территорию, на которой был выполнен конкретный перевод, подчас бывает затруднительно. Еще сложнее установить, в каком переводческом центре была переведена та или иная книга.

Следующая группа вопросов связана со сличением переведенного и исходного текстов. Для этого требуется установить если не список, то хотя бы редакцию или извод произведения, которые послужили в качестве оригинала. Текстологический анализ, проведенный на этой основе, может позволить понять принципы перевода, уточнить семантическое наполнение отдельных слов, фразеологизмов и целых периодов. Результаты подобного сличения во многом будут зависеть от того, насколько близок список, взятый в качестве основы, с реальным исходным текстом.

Переводы духовной литературы

Духовную литературу принято делить на каноническую (бог вдохновенную или богодухновенную) и апокрифическую (тайную или отреченную). Среди апокрифической, в свою очередь, выделяются верочитная (которую разрешалось хранить и читать, но не в церкви) и ложная (запрещенная к хранению и чтению).

Канонические произведения принадлежат к различным жанрам, впрочем, тесно переплетенным друг с другом и для древней Руси подчас слабо различимым. Выделяются жанры:

скриптурный (от лат. *scriptura* «писание»), к которому относятся библейские книги Ветхого и Нового заветов (в том числе нарративная часть Толковой Палеи);

литургический (богослужебный), включающий служебники, требники, молитвословы, часословы, октоихи, паремейники, параклитики, служебные шестодневы, триоди - Цветную и Постную, служебные минеи, каноники, стихирари, ирмологии, кондакарии и месяцесловы;

вероучительный, куда входят символы и изложения веры, огласительные поучения (катехизисы), полемические сочинения и толкования;

проповеднический, состоящий из проповедей, а также сборников (изборников) постоянного состава (Златая Цепь, Златоуст, Златоструй, Маргарит, Измарагд) и премудростно-гностической книжности (Пчела, патерики).

Наконец, *агиографический* (житийный), к которому относятся собственно жития, похвальные слова святым и сказания о чудесах; они, как правило, объединены в прологи, синаксари, торжественники, четьи минеи и изборники переменного состава.

Как известно, от домонгольского времени до нас дошли «только доли процента бывшего книжного богатства Руси» (Б.В.Сапунов). Уже поэтому каждая из сохранившихся древнерусских книг должна была бы цениться не только как исторический материальный объект, но и как источник информации о прошлом нашей страны, о людях, его создавших, буквально на вес золота. Парадокс, однако, заключается в том, что тексты подавляющего большинства из них историки не изучают. Основная часть этих книг - и это тоже хорошо известно - сборники богослужебных и (в меньшей степени) богословских текстов. Так, из 494 учтенных рукописей домонгольского времени, хранящихся в библиотеках и архивах бывшего СССР, только скриптурные и литургические книги составляют 332 единицы (практически две трети от общего количества). С точки зрения «здорового смысла», отсутствие к ним интереса со стороны историков вполне оправданно: что может дать для изучения истории древней Руси заведомо известное содержание «стандартного» (к тому же «чужого» - перевод!) текста, определенного канонам?

Наверно, поэтому (отбрасывая хорошо известные всем идеологические ограничения, действовавшие в советской историографии) почти ни одна из этих книг (за исключением агиографических произведений) в качестве источника по истории древней Руси ни в одном из крупных исторических исследований не использовалась и - по большому счету - не используется до сих пор.

Конечно, есть и такие исторические исследования (или их разделы), которые не обходятся без упоминаний переводов книг Священного писания, богословских и прочих произведений, - это специальные и обобщающе-обзорные работы по истории древнерусской культуры вообще, общественной мысли и книжного дела в частности. Здесь сакральные тексты в основном привлекаются для определения и характеристики противоборствующих сил, а также для восстановления круга стран, с которыми древняя Русь имела «книжные» культурные контакты.

Несколько шире переводными текстами духовного содержания пользуются лингвисты. Сопоставление исходных текстов церковно-канонической, агиографической и проповеднической литературы (Священное писание, другие богодухновенные, апокрифические и богословские книги) г. соответствующими старославянскими и древнерусскими переводами позволяет восстановить точные значения отдельных слов и фразеологических единиц, тот «понятийно-категориальный аппарат», которым пользовались древнерусские книжники, через который и с помощью которого они видели и описывали окружающий их мир и происходящие события.

К сожалению, историки относятся к лингвистическим словарям чаще всего потребительски, ограничиваясь считыванием основных определений, связанных с тем или иным словом, и как бы забывая, что в конкретных произведениях слова в зависимости от контекста не только обозначали какую-то часть реальности, но и наделяли ее дополнительными смыслами, которые далеко не всегда могут быть отслежены лингвистами. Подойти к этим смыслам можно только через сопоставительный анализ исторического источника и «параллельных» текстов, откуда - осознанно или нет - конкретный автор почерпнул используемый им в данном случае тезаурус, а вместе с ним и образную систему - с ее правилами расчленения и наименования природной и социальной реальности, иерархией составляющих элементов по их существенности, ценностными характеристиками и т. д.

Поскольку образ мира, в котором (и которым) жил человек древней Руси, определялся преимущественно сакральными христианскими (или воспринимаемыми, тогда в качестве таковых, например «Иудейская война» и «Иудейские древности» Иосифа Флавия и т. п.) текстами, исключение их историками из источниковедческой практики существенно затрудняет, а то и делает вовсе невозможным верное понимание смыслов древнерусских источников. Подмена исходных образов, на которые опирался автор древнерусского произведения, системой представлений, почерпнутых из текстов, современных исследователю, ведет к недопустимой модернизации содержания источника, неизбежно создает ситуацию, когда историк «вчитывает» в изучаемый текст актуальный смысл.

Включение в отечественную источниковедческую практику переводных канонических и апокрифических сакральных текстов в качестве основы анализа древнерусских письменных источников позволит, как нам представляется, существенно расширить возможности выявления и адекватного восприятия исторической информации, до сих пор скрытой от исследователей.

Канонические произведения

Скриптурные и литургические произведения

Древнейшие переподы Библии на славянский язык были выполнены еще Кириллом и Мефодием. Первоначально были переведены Псалтырь, Евангелия и Апостол. После смерти Кирилла переводческую работу завершили Мефодий и его ученики. Он «преложи вборзе вся книги, вся исполнь, разве Макавеи», т. е. всю Библию, за исключением книг Маккавейских. В основу перевода легли греческие Септуагинта (так называемый перевод семидесяти толковников) и лекционная, или апракосная, редакция Нового завета. Исключение составила 3-я книга Ездры, переведенная с латинской Вульгаты.

Из кирилло-мефодиевских переводов до нашего времени сохранились лишь Псалтырь (в огромном количестве епископ) и некоторые книги ветхозаветных пророков. Частично прочие тексты дошли в составе древнерусских паремейников (древнейшие списки - Григоровичев, или Хиландарский, XII-XIII вв.; Захарьинский и Лобковский XIII в.). Сюда пошли фрагменты из ветхозаветных книг Бытия, Исхода, Левита, Чисел, Второзакония, Иисуса Навина, Судей, III и IV книг Царств, Иова, Притчей и Премудростей Соломоновых, Исайи, Иеремии, Варуха, Иезекииля, Даниила, Иоилия, Ионы, Михея, Софонии, Захарии и Малахии. Некоторые другие книги Ветхого завета (в частности, Премудрости Иисуса, сына Сирахова и Песнь Песней Соломона) сохранились в выдержках и толкованиях.

После смерти Кирилла-Константина Мефодий продолжил переводческую деятельность. Незадолго до его кончины в 885 г. была завершена работа над текстами книги Притч, Екклесиаста, Иисуса Сирахова, пророков Софонии, Аггея, Захарии и Малахии. Книги Царств, Иова и Апокалипсиса перевели его помощники и ученики уже после смерти первоучителя. Текст Восьмикнижия дошел до нас в болгарском переводе эпохи царя Симеона (893-927 гг.). Двенадцать пророческих книг Исайи, Иеремии, Иезекииля, Даниила, Осии, Иоилия, Амоса, Авдия, Ионы, Михея, Наума и Аввакума были, видимо, переведены кем-то одним вскоре после появления славянских текстов Восьмикнижия. Книга Есфирь сохранилась в древнерусском переподе с древнееврейского оригинала. Работа, вероятно, проходила в Новгородской земле около 1100 г. В основе перевода, скорее всего, лежит масоретский текст. Несколько позже - в середине XII в. - появился и древнерусский текст Песни Песней (с тол-

ми Филона Карпафийского, Ипполита Римского и Григория Нисского).

Начало переводческой деятельности на Руси принято связывать с Ярославом Мудрым, который «собра писце многы и прекладаше от грекъ на словенское писмо». К сожалению, объем этой деятельности неизвестен. Удалось лишь установить, что в Киеве существовал мощный переводческий центр, в котором переводились книги не только с греческого, но также с латыни и с древнееврейского. Древнейшей датированной древнерусской - и славянской - книгой является апракосное (разбитое на праздничные чтения) Остромирово Евангелие 1056-1057 гг. Лишь немного моложе его Архангельское Евангелие 1092 г. (четвертая по древности точно датируемая книга), Мстиславова Евангелие (около 1117 г.), Юрьевское Евангелие (20-е годы XII в.), сохранившие наиболее ранние переводы евангельских текстов на древнерусский язык.

Вместе с тем уже в Изборнике 1073 г. есть три статьи («От апостольских уставов» - л. 203-204, «Слово Иоанна о верочитных книгах» - л. 252-253; «Богословца от словес» - л. 253-254), в которых содержится индекс рекомендованных и запрещенных для чтения религиозных книг, в том числе книг Ветхого и Нового заветов. Среди них упомянуто и большинство текстов Писания, в том числе и те, которых не смог в конце XV в. обнаружить новгородский архиепископ Геннадий. Из книг, включаемых ныне в состав Библии, в перечнях Изборника отсутствуют только третья книга Ездры, а также книги Неемии и Варуха. Это дает достаточные основания, чтобы предположить, что славянские тексты почти всего Священного писания имелись уже на начальных этапах развития древнерусской книжности.

Самым сильным контраргументом может быть переводной характер указанных статей Изборника 1073 г.: их текст в части, касающейся рекомендованных для чтения книг Писания, точно соответствует греческому оригиналу. Тем не менее предложенный в Изборнике репертуар «верочитных» библейских книг, видимо, достаточно точно отражал реальную для читателя Древней Руси ситуацию. Об этом можно судить по тому, что перечень «отреченных» книг, включенных в те же статьи, был переработан на древнерусской почве. Вместо книг, не встречавшихся древнерусскому читателю, в него были включены апокрифические произведения, имевшие хождение на Руси.

Как известно, до 1499 г. на Руси не было полного славянского списка Библии (и одном кодексе). Существовали ли до Геннадиевской Библии полные систематические подборки древнерусских (славянских) переводов канонических библейских книг, не-

известно. Ясно лишь, что, когда новгородский архиепископ Геннадий поставил задачу собрать все книги Библии в славянском переводе, некоторые из них разыскать не удалось. Во всяком случае, 1-я и 2-я книги Паралипоменон, 1, 2 и 3-я Ездры, книги Немеии, Товита, Иудифи, Премудрости Соломона, 1-я и 2-я Маккавейские, 10-14-я главы книги Есфири, а также 1-25-я и 46-51-я главы книги пророка Иеремии перевел с латинского оригинала Вульгаты специально для Геннадия монах-доминиканец Вениамин. Все остальные книги Библии (за исключением Песни Песней, переведенной, как уже говорилось, в середине XII в., а также Евангелий и Апостола, которые с XIV в. бытовали в новой редакции) были даны в ранних переводах, хронологически примерно совпадавших со временем создания первых древнерусских летописей.

Из-за отсутствия полных древнерусских переводов книг Ветхого завета невозможно хотя бы приблизительно установить, где и когда они были выполнены, могли ли ими пользоваться - и если пользовались, то в каком объеме - древнерусские книжники, не говоря уже о том, чтобы пытаться определить конкретные списки Священного писания, легшие в основу тех или иных оригинальных текстов.

Соответствие богослужебных книг «четым» для X-XV вв. неизвестно и вряд ли когда-нибудь будет установлено: разночтения в списках как одних, так и других, по наблюдению Л.П. Жуковской, могли быть «велики, многочисленны и разнообразны». Да и богослужебные книги сохранились в сравнительно поздних списках, что делает их текстологическое сличение с более ранними древнерусскими источниками спорным. Кроме того, библейские цитаты пронизывают все известные на Руси греческие хроники и сборники различного состава (юридические, литературные, поучительные и т. п.). Сличались ли при переводе эти цитаты с древнерусскими текстами Писания, неизвестно. Необходимо учесть и еще одно обстоятельство: даже относительно прямых цитат историк чаще всего не может установить, лежал ли текст Священного писания непосредственно перед автором источника, когда тот обращался к библейской тематике, или же он помнил его наизусть либо близко к тексту. Не следует забывать и того, что существовала еще апокрифическая литература, также хорошо известная древнерусским книжникам. Поэтому вполне допустимо предположение Е.Е. Голубинского, что они могли пользоваться Библией почти в полном объеме. Необходимо, однако, помнить, что установить происхождение текста Писания, на который в каждом конкретном случае мог опираться автор того или иного источника, в большинстве случаев практически невозможно.

Вероучительные произведения

Уже в домонгольский период на Руси были известны в переводах важнейшие восточно-христианские вероучительные произведения, в том числе в болгарском переводе древнерусские книжники знали *Уверие*, или *Слово о правой вере* (Точное начертание православной веры) Иоанна Дамаскина - единственное полное и систематическое греческое изложение христианского вероучения. Правда, это знакомство было ограничено всего 48 главами из 100: собственно богословскими, а также «естественно-научными» (о свете и огне, о водах, о земле и т. п.). В конспективном виде основы христианского вероучения излагались в Кирилловой книге (Огласительное поучение Кирилла Иерусалимского), известной в болгарском переводе с XI в. (Хиландарские листы). Большой популярностью пользовалась Толковая Палая (толковый Ветхий завет, включающий полемические статьи против иудеев), создание которой обычно относят к XII в. (самый ранний список - Коломенский, 1406 г.).

К произведениям вероучительного жанра относят также трактаты, в которых богословские вопросы перемежаются с наставлениями, что роднит их с проповеднической литературой. Ярким образцом подобных памятников является Лествица Иоанна Лествичника (или Схоласта), известная на Руси в ранних переводах и имеющая хождение по сей день. В ней излагаются основы самосовершенствования христианина, разбитые на 30 последовательных «степеней» (ступеней), поднимаясь по которым молено достичь небесного блаженства. Несмотря на довольно точный адресат - оно предназначалось монахам, - произведение Иоанна Лествичника было широко распространено.

Кроме того, на Руси бытовали переводы Огласительного и тайноводственного поучения Кирилла Иерусалимского, Слово против ариан Афанасия Александрийского, два Слова о богословии и несколько Слов на Господские праздники Григория Богослова, Трактат о самовластьстве или о свободной воле и три Слова о воскресении Мефодия Патарского, Толкования на Апокалипсис Андрея Кесарийского, а также некоторые другие памятники.

Проповеднические произведения

Почти сразу после принятия христианства на Руси в огромном количестве начали распространяться переводные нравоучительные произведения. Среди них особое место занимают несколько трактатов Мефодия Патарского (*О житии и деянии разумне, О разлучении яди, О прокажении* и др.), *Слословец* Геннадия Кон-

стантинопольского (афористически излагавший - помимо основ вероучения - нормы христианской морали), нравоучительные сочинения Анастасия Синаита «о различных главизнах», *Пандекты* Антиоха Иерусалимского, *Главы о молитве* Нила Синайского, *Пандекты* и *Тактикон* Никона Черногорца и многие другие. Большинство из них (в виде выдержек) вошло в состав многочисленных изборников.

Переводные изборники постоянного состава были одним из самых почитаемых на Руси видов духовной литературы. Самым ранним, дошедшим до нашего времени, является *Изборник Святослава 1073 г.* - вторая по древности славянская (и древнерусская) датированная книга. Она является копией болгарского перевода, сделанного с греческого оригинала для болгарского царя Симеона (сам болгарский список не сохранился). Сразу вслед за ней появился оригинальный древнерусский *Изборник 1076 г.*, созданный дьяконом Иоанном для великого киевского князя Святослава. В его основу легли выписки, сделанные в ходе работы над *Изборником 1073 г.*, из нравоучительных текстов, часть из которых была переведена на Русь. При этом многие греческие тексты были переосмыслены и приведены в соответствие с обстоятельствами древнерусской жизни. *Изборник* построен в виде беседы отца с сыном (возможно, духовным). В ней отразились все нравственные проблемы, характерные для Руси второй половины XI в.

В свою очередь, *Изборник 1076 г.* и подобные ему проповеднические своды стали прототипом впоследствии вытеснившего их *Измарагда* - древнерусского сборника, создание которого относят к XIV в. (возможно, в связи с движением стригольников). В него вошли слова и поучения, связанные в основном с творениями Иоанна Златоуста, *Измарагд* предназначался для домашнего чтения. Со временем его состав изменялся. Если ранние редакции *Измарагда* включали всего 88 глав, то поздние - до 164.

В конце XV в. изборники типа *Измарагда* легли в основу нового собрания поучений - *Домостроя*. Первая редакция его была подготовлена в Новгороде. Ориентированный на простого человека, *Домострой* вводит исследователя в обыденную жизнь древнерусского горожанина, одновременно давая ей нравственные оценки. В 50-х годах XVI в. *Домострой* был серьезно переработан и сокращен (что обычно связывается с деятельностью священника Сильвестра - приближенного молодого Ивана Грозного). Наиболее ранним списком второй («сильвестровской») редакции *Домостроя* является Коншинский XVI в.

В первые годы XVI в., в связи с развернувшейся полемикой с «жидовствующими», Дмитрий Герасимов (по поручению новго-

родского архиепископа Геннадия) перепел с латинского Состязание Николая Делира с иудеями за их невесте и хулы против православной веры (1501 г.) и Обличение Самуила Евреина против иудеев на основании ветхозаветных пророков. Впоследствии Дмитрий работал помощником Максима Грека: Максим переводил с греческого языка на латинский, а Дмитрий и его напарник Власий - с латыни на русский. Обширная переводческая деятельность Максима Грека началась во втором десятилетии XVI в., став, по мнению Н.В. Синицыной, важнейшей частью русской культуры того времени. На русский язык были «переложены» крупные памятники христианской литературы; Толковая Псалтырь (1519-1522 гг.), Толковый Апостол, статьи из византийского Лексикона X в. «Суда» (своеобразная энциклопедия, содержащая самые разнообразные сведения), евангельские Беседы Иоанна Златоуста, жития из собрания греческого автора X в. Симеона Метафраста и др. Вместе с Максимом Греком переводами занимался также русский «толмач» монах Селивай.

Житийные произведения

Близки к поучительной литературе и так называемые *патерики* (от лат. - отец, откуда и русское название отечники) - сборники повестей о знаменитых монахах-подвижниках и нравоучительных слов этих подвижников. Кроме того, на Руси были хорошо известны сборники пространных житийных повестей, распределенных по месяцам, - *Минеи* и сокращенных житий - *Прологи*, или *Синаксари*. Их перечень и состав вряд ли могут быть скольнибудь полно и точно воспроизведены, поэтому упомянем лишь отдельные жития, известные по самым ранним переводам. Среди них жития свв. Кирилла и Мефодия (последнее сохранилось в списке XII в.), житие апостола Кондрата (самые ранние тексты, содержащие выдержки из него, относятся к XI в.), житие св. Феклы (также сохранившееся фрагментарно в списке XI в.), жития святых, память которых отмечается в марте - с 4 по 31-е число (список XI в.), житие Василия Нового (использовалось летописцем при создании Повести временных лет) и др.

В оригинальных древнерусских памятниках XI-XII вв., кроме того, упоминаются свв. Николай Мирликийский, великомученица Варвара, чешский князь Вацлав, Антоний Великий, Феодосий Великий, Савва Освященный и Евфимий Великий, жития которых, очевидно, тоже были известны. В середине XVI в. переводные жития вместе с собственно древнерусскими житийными повестями подверглись ревизии и значительная часть их вошла в так называемые Макарьевские Великие Четьи-Минеи, объеди-

нившие агиографические произведения, которые признаны каноническими. Впоследствии, вплоть до конца XVII в., круг переводной житийной литературы постоянно расширялся.

Переводные житийные повести и патерики (в частности, Синайский и Скитский) легли в основу весьма развитого в древней Руси жанра оригинальных агиографических произведений.

Памятники отреченной литературы

Большой комплекс переводной литературы представлен апокрифическими произведениями, как верочитными, так и «ложными», в основном греческие и иудейские апокрифы. Последние пришли на Русь в греческих переложениях и переводах, а также в оригиналах. Среди них Сказание Епифания Кипрского о 12 камнях на ризе первосвященника, Заветы 12 патриархов, книги Еноха, протоевангелие Иакова, Хождение Богородицы по мукам (последние два произведения легли в основу сюжетов богородичных икон, широко распространенных на Руси), Паралипоменон Иеремии (Повесть о поплении Иерусалима), Хождение Агапия в рай, Откровение Мефодия Патарского, а также другие апокрифы, относившиеся к верочитным. С XIII в. получило известность апокрифическое Сказание Афродитиана - переложение второй главы Евангелия от Матфея, широко распространенное в Восточной и Центральной Европе. С конца XIV в. появляется множество версий апокрифов о царе Соломоне (например, сказание о Соломоне и Китоврасе), имевшие параллели в талмудической литературе и новояврейском фольклоре.

Особое место в древнерусской книжности занимали произведения Иосифа Флавия («История Иудейской войны» и «Иудейские древности»). Они дошли не только в сравнительно большом количестве списков, но также в виде прямых и косвенных цитат, рассеянных в оригинальных произведениях древнерусской литературы. Так, из всех известных литературных произведений больше всего прямых текстологических параллелей в «Слове о полку Игореве» из VI книги «Иудейской войны». Труды Иосифа Флавия имели на Руси высокий авторитет и по своему значению ставились едва ли не вровень с книгами Священного писания.

Все перечисленные апокрифы оказали существенное влияние на создававшиеся в Древней Руси оригинальные литературные произведения.

К более позднему времени относятся известные во множестве списков «Худые номоканунцы» (от греч. *номоканон* - «закон судный» или «мерило праведное», кодекс церковных установле-

ний на все случаи жизни) - сборник советов и правил, не признававшихся официальной церковью. Их составляли, видимо, еретики-богомилы. Положения, зафиксированные в «ложных церковных правилах» (буквальный перевод названия), были близки представлениям народа о добре и зле, о силах природы. Не менее популярными были различные лунники, громовники, астрологии, гадательные книги Рафли, шестокрылы (иудейские хронологические таблицы), Златая Матица и прочие произведения, составляющие большой комплекс ложных книг. Официальная церковь их запрещала, однако они продолжали храниться и переписываться вплоть до конца XVII в. Многие из них древнерусские еретики использовали в качестве основы или подтверждения своих учений. Знакомство с отреченной литературой не скрывали новгородский архиепископ Геннадий и Иван Грозный. К сожалению, в источниковедческом плане переводная апокрифическая литература почти не изучалась.

Переводы светской литературы

Большой комплекс произведений переводной литературы, которая с известной долей условности может быть отнесена к светской, также не поддается строгому учету.

Прежде всего это многочисленные *византийские хроники*, составившие, как уже говорилось, основу древнерусского летописания. Большинство из них мы в какой-то мере охарактеризовали в главе, посвященной летописям. Этим, однако, не исчерпывалась их роль: посредством таких хроник человек древней Руси знакомился с гораздо более широким кругом западноевропейской литературы. Так, античная литература стала известна на Руси благодаря прежде всего переложениям ее в Хронике Иоанна Малалы. Рефлексией гомеровских сюжетов, скорее всего, является ряд образов, встречающихся в «Слове о полку Игореве» (Дева-Обида, «века Троиими», Див и др.). Ссылки на «Омира» (Гомера) и на некоторые античные сюжеты имеются уже в южно-русском летописании XII-XIII вв. Не исключено, что античная литература была известна на Руси с древности и довольно широко (возможно, в оригиналах).

Светский характер имели *Повесть об Акире Премудром* (в ее основе лежала арамейско-вавилонская повесть VII в. до н. э.) и *Девгениево деяние* («Деяние прежних времен храбрых человек» - византийское эпическое произведение), известные с первых веков древнерусской письменности. К подобным произведениям можно отнести и распространенную, вероятно, уже в Киевской Руси *Повесть о Варлааме и Иоасафе*. Это - переложение в виде житий-

ной понести истории Гаутамы-Будды (Иоасаф - славянская транскрипция Бодхисатвы). В основе русского перевода лежит греческий текст, приписывавшийся Иоанну Дамаскину и восходивший к грузинской переработке («Балавариани») арабской книги «Билаухара и Будасафа». Не только сама Повесть, но и отдельные притчи, входящие в ее состав, известны в огромном количестве списков XIII-XVIII вв. Так, учтено 128 списков притчи «О трех друзьях», 125 - «Об инорозе» («О временном сим веще») и т. д.

Насколько широк был круг переводной литературы в Древней Руси (или иностранной литературы, читавшейся здесь в оригинале), можно судить хотя бы по тому, что в качестве единственной литературной параллели к одному из сюжетов древнерусского Киево-Печерского патерика (рассказ о видении старца Матфея, который попал в Повесть временных лет под 6582 г.) выступала буддийская сутра, известная с середины II в. н. э. в многочисленных переводах на китайский, согдийский, тибетский, уйгурский и монгольский языки. О том пути, который она проделала, прежде чем превратиться в древнерусский текст, можно только догадываться.

В XIV-XV вв. особое распространение получают *О Соломоне цари басни и кощуну и о Китоврасе*. Интерес к ним был настолько велик, что при переработке Толковой Палей в конце XV в. кирилло-белозерский книгописец Ефросин брал из нее почти весь богословский материал, оставив все легенды Соломонова цикла. Еще большее значение имело появление на Руси в то же время сербской *Александрии* (роман об Александре Македонском) и *Повести о Стефаните и Ихнилате* (древнейший список - Синодальный - 1478 г.). Уже в XV в. оба памятника бытовали в нескольких редакциях. «Александрия» и «Стефанит и Ихнилат» - крупнейшие переводные произведения светского содержания - переписывались в виде отдельных книг и не входили ни в какие компиляции. В XV в. на Руси стали известны также популярные во всей Европе *Сказание об Индийском царстве* (южнославянский перевод с латинского оригинала письма легендарного «пресвитера Иоанна») и *Прение о животе и смерти* (древнерусский перевод с немецкого оригинала, сохранившийся в списке 1494 г. и получивший широкое хождение в следующем столетии).

Впоследствии, с начала XVI в., на Руси были хорошо известны две версии легендарных циклов, повествующих о Троянской войне: хронографическая *Повесть о создании и поплнении Троиском* (переделка южнославянской «Троянской притчи») и *Книга Троя* (западнорусский перевод романа сицилийца Гвидо де Колумна, написанного в последней четверти XV в.). С начала

XVII в. появилась еще одна версия - *О златом руне волшебного овна* - переработка главы из польской хроники Мартина Бельского (середина XVI в.).

Наряду с хрониками на Русь попадали и иные научные (говоря современным языком) трактаты; *Космографии*, описывавшие мир, *Физиологии*, рассказывавшие о животных, населявших дальние и ближние страны, *Шестодневы*, повествовавшие не только о сотворении мира (восходящие к Священному писанию и свято-, отеческому толкованию его), но и об устройстве Земли и вселенной (включая античную и западноевропейскую средневековую естественно-научную традицию). Самой авторитетной считалась Космография, приписываемая Козьме Индикоплову (первая половина VI в.; перевод осуществлен на Руси в конце XII - начале XIII в.; списки XV-XVII вв.). Из множества Шестодневов (всего их известно 125 - разных авторов) в раннем периоде наиболее популярен был Шестоднев Иоанна, экзарха Болгарского (конец IX - начало X в.). Шестоднев Георгия Писиды, списки которого встречаются начиная с XV в., стал известен в переводе Дмитрия Зоографа (1381 г.). Тогда же получил известность и Шестоднев Севериана Габальского. В 1667 г. Епифаний Славинецкий сделал полный перевод Шестеднева Василия Великого.

Знакомство с памятниками литературы Западной Европы и Востока не только расширяло кругозор древнерусских книжников, но и способствовало вовлечению древнерусской культуры в контекст культуры мировой. Переводные произведения оказали также серьезное влияние на развитие оригинальной древнерусской литературы.

3. Оригинальная древнерусская литература

Поучения и послания

Одним из самых ранних памятников древнерусской учительной литературы является *Слово о Законе и Благодати* будущего первого киевского митрополита-«русина» *Илариона*. Судя по всему, Иларион произнес его 25 марта 6546 (1038) г. в новоосвященной церкви Благовещения Пресвятой Богородицы на Золотых воротах в Киеве. Точную дату установил А.Н. Ужанков, проанализировав порядок следования библейских цитат, который соответствовал порядку чтений во время предпасхальной вечерней службы в Великую субботу, совпавшую с праздником Благовещения. Эти тексты и были положены в основу произведения, в котором определялось место Киевской Руси в мировой истории. Сохранилось более пятидесяти русских и южнославян-

ских списков Слова, относящихся к XV-XVII в. Его влияние прослеживается в творчестве митрополита Даниила, цитаты из него обнаружены в сочинениях сербского писателя XIII в. Домениана, в южнорусском летописании, в Похвале Леонтию Ростовскому. Ссылки на Слово присутствуют в произведениях украинских авторов Хомя Евлевича и Касьяна Саковича (XVII в.). В конце Слова помещена похвала князю Владимиру, рисующая образ идеального князя-христианина. С источниковедческой точки зрения Слово представляет особый интерес, поскольку является уникальным памятником официальной идеологии Древней Руси. Кроме Слова о Законе и Благодати Илариону приписываются: краткое догматическое изложение веры, написанное им, как считают, по случаю рукоположения его в сан митрополита, а также *Поучение о пользе душевной ко всем православным христианам*, хотя авторство Илариона в последнем случае оспаривается.

Приблизительно в это же время появилось *Поучение к братии* новгородского епископа Луки Жидяты - первое собственно русское поучение, произнесенное, скорее всего, при вступлении и сан первого русского архипастыря (около 1035 г.). В нем излагаются главные обязанности христианина по отношению к Богу, самому себе и ближним (особенно в семейном, гражданском и церковном быту). Тем самым были сформулированы основные жизненные ценности, на которые ориентировала древнерусского человека христианская церковь. Подобные источники чрезвычайно важны для воссоздания внутреннего мира человека Древней Руси.

Первым русским полемическим сочинением считается трактат *Об отпресноках*, приписываемый киевскому митрополиту Леонтию (992-1008 гг.). Написан он по-гречески и известен в четырех списках XIII-XIV вв. Это антилатинское сочинение посвящено осуждению отступлений римской церкви от канонов христианства и противопоставлению восточной и западной церкви в вопросах догматики и соблюдения обрядов. Некоторые исследователи приписывают его охридскому архиепископу Льву Болгарскому (XI в.).

Во второй половине XI - начале XII в. создавал свои сочинения игумен Феодосий Печерский. Они сохранились частично - в составе Повести временных лет и в Житии Феодосия, а также в позднем списке XV в. Среди них два поучения - о казнях Божиих и о христианских обрядах, обращенные ко всем русским людям, десять - к братии Киево-Печерского монастыря, два послания к киевскому князю Изяславу Ярославичу и, наконец, две молитвы. Все они касаются вопросов христианской нравственности и интересны замечаниями по поводу недостойного поведения.

ния прихожан, монахов и клира. В их основе лежат пророческие библейские книги (многие исследователи считают, что Феодосии цитировал их наизусть), святоотеческие толкования текстов Священного писания, известные в то время на Руси, и произведения Феодора Студита (напомним, что Алексеевская редакция Студийского устава была принята при Феодосии в Печерском монастыре). Авторство Феодосия Печерского в отношении посланий к князю Изяславу в последнее время оспаривается. Некоторые исследователи считают, что они написаны другим печерским игуменом - Феодосием Греком (середина XII в.) и адресованы киевскому князю Изяславу Мстиславичу.

Еще одним памятником учительной литературы конца XI в. является *Память и похвала князю Владимиру Иакова Мниха*. Ряд особенностей позволяет предположить, что в основе этого произведения лежало некое летописное произведение, предшествовавшее Повести временных лет и использовавшее не абсолютный, а относительный счет лет, а также устные предания.

К этому же времени относится *Стязание с латиною* киевского митрополита Георгия (около 1062-1077 гг.), сохранившееся в сборнике конца XV - начала XVI в. Как следует из его названия, оно относится к числу полемических богословских сочинений и по тематике смыкается с уже упоминавшимся сочинением митрополита Леонтия. Близко по содержанию и послание русского митрополита Иоанна (около 1077-1088 гг.) к Клименту, папе Римскому. Оно сохранилось не только во множестве славянских списках, но также в греческих и латинских переводах. Три послания (1104-1121 гг.) против латинян (Владимиру Мономаху, неизвестному князю и Ярославу Святославичу Муромскому) оставил и митрополит Никифор. Ему же принадлежит *Поучение в неделю сыропустную в церкви, ко игумену и ко всему иерейскому и диаконскому чину, и к мирским людям*.

Анализируя все эти произведения, пожалуй, наиболее важно понять, почему «стязание» именно с католиками приобрело на Руси в XI - начале XII в. особую актуальность.

К числу поучений можно, видимо, отнести и знаменитое *Поучение* Владимира Мономаха, включающее три произведения: собственно поучение, «автобиографию» и письмо князю Олегу Святославичу. Относящиеся к концу XI - началу XII в., они, как считается, случайно попали в состав Лаврентьевской летописи (помещены под 6604/1096 г.). В центре внимания киевского князя - церковно-нравственная проблематика: вопросы «идеального» поведения князя. Источниками, на которые опирался Мономах, были Псалтырь, Шестоднев экзарха Иоанна, многочисленные наставления «к детям», святоотеческая литература (в осо-

бенности творения Василия Великого), апокрифические Заветы 12 патриархов (в частности, Завет Иуды), Пролог, произведения средневековой византийской и латинской, а также англосаксонской литературы. Одной из наиболее близких литературных параллелей к Поучению Владимира Мономаха является Покаянный канон грузинского царя Давида Агмашенебели (Давида Строителя) (1073-1125 гг.).

Следующий этап в развитии древнерусской проповеднической литературы связан прежде всего с именами Климента Смолятича, занимавшего митрополичий престол (с перерывами) с 1147 по 1154 г., и Кирилла, епископа Туровского (около 1169-1182 гг.). Из числа произведений, приписываемых Клименту, достоверно принадлежит митрополиту лишь полемическое послание к смоленскому священнику Фоме. Кроме ряда любопытных бытовых подробностей, оно содержит явные свидетельства знакомства Климента с литературой, необычной для круга чтения священников, в том числе с античными философскими произведениями. Интерес представляет символическое истолкование митрополитом образов и событий священной истории в их связи с актуальными и злободневными событиями своего времени. Это направление было развито в *Притчах* и *Словах* Кирилла Туровского. «Множайшие» его сочинения включают девять Слов, произнесенных в храме перед прихожанами, три послания к инокам, более двадцати молитв и молебный канон. Кроме того, до нас дошло Послание владимирского епископа Владимира печерскому монаху Поликарпу (1225-1226 гг.) и Послание (около 1231 г.) самого Поликарпа к киево-печерскому архимандриту Акиндину. Оба послания, имеющие непосредственное отношение к учительной литературе, в то же время стали непосредственными источниками создания древнейшего русского Киево-Печерского патерика. Приблизительно в то же время появились *Слово о небесных силах* и *Слово о мытарствах*, приписываемые Авраамии Смоленскому, а также почти два десятка анонимных Слов и Поучений, включенные в Прологи XIII-XIV вв. Среди благочестивых рассуждений в них встречаются ценные упоминания древнеславянских верований и обрядов, с которыми вела борьбу православная церковь.

К посланиям можно отнести и *Моление* Даниила Заточника (в литературе встречаются также другие названия, иногда в качестве особого произведения выделяется Слово Даниила). Жанр этого выдающегося литературного памятника домонгольской Руси вызывает множество споров и разноречивых суждений. В нем переплетаются публицистика и сатира. Моление оформлено в виде послания к неизвестному князю (имена адресата в различ-

ных списках расходятся). В основу положено переосмысление (пародирование?) библейских текстов (прежде всего псалмов и Притч Соломоновых). Все это позволяет говорить о нем как об очень своеобразном литературном источнике, Моление сохранилось в 19 списках XVI-XVII вв., представляющих две редакции и несколько их переделок. Датировка памятника, как, впрочем, и личность автора, спорны. Обычно приводится в качестве даты большой промежуток - XII-XIII вв. Точнее можно указать место появления Моления - Северо-Восточная Русь. Ценность сочинения Даниила определяется тем, что в нем приводятся суждения по поводу многих сторон жизни древнерусского общества (семейных отношений, монастырской жизни, быта княжеских и боярских хозяйств), слабо отразившихся в других источниках.

В тяжелые для русских земель годы монгольского нашествия традиция написания поучений и слов не прервалась. К концу XIII в. относится Слово (Правило) митрополита Кирилла, в котором излагались правила Владимирского собора 1274 г. Оно было разослано по всем русским епархиям для руководства. «Правило Кюрила, митрополита Руськаго» включено в состав кормчих книг. Близки к нему по времени и Слова (или поучения) Серапиона Владимирского (1274-1275 гг.). Внимание епископа сосредоточено на обличении пороков своего времени, ответом на которые стали казни Божий в виде иноземного нашествия. Соответственно, следует призыв к слушателям покаяться и исправиться.

Почтения и послания, посвященные вопросам веры и нравственности, составляют значительную часть всех русских литературных произведений XIV в. Среди них - сочинения митрополита Петра, новгородского архиепископа Василия, митрополита Алексия, епископа сарайского Матфея. Кроме того, имеется множество анонимных слов и поучений. Все они отражают проблематику, остро волновавшую русское общество в период начала объединения русских земель. Важное место в них занимают проблемы соотношения светской и духовной власти, которые впоследствии будут перенесены в сферу публицистики. Особенно сильно начинают звучать мотивы подготовки христиан к концу света и Страшному Суду. Это вполне понятно, поскольку широко распространялись представления о возможном наступлении конца мира после 7000 г.

В конце XIV - начале XV в. появился ряд учительных русских сочинений, написанных выходцами из Сербии и Греции: митрополитами Киприаном, Фотием и Григорием Цамблаком.

Писательское наследие Киприана, дошедшее до нашего времени, включает пять посланий, в том числе одно окружное, а четыре адресованы Сергию Радонежскому и Феодору Симоновско-

му (племяннику Сергия и духовнику Дмитрия Донского). Последние затрагивают затянувшийся на много лет конфликт, связанный с поставлением Дмитрием Донским на митрополию Митяя-Михаила. Наряду с обычными для произведений такого рода нравоучениями они содержат любопытные подробности и оценки отдельных эпизодов борьбы Киприана за митрополию.

Гораздо больше сохранилось учительных произведений митрополита Фотия. Это восемь Слов или Поучений, адресованных пастве, двадцать девять посланий и грамот, а также завещание митрополита. Однако по своему значению они существенно уступают сочинениям Григория Цамблака (22 Слова, полемическая статья против латынян и богослужебный стих на Успение Богородицы). Они опираются на творения свв. Иоанна Златоуста, Василия Великого, Епифания, Андрея Критского, Иоанна Дамаскина и других отцов церкви. Слова Григория Цамблака оказали заметное влияние на русскую письменную культуру.

Кроме упомянутых авторов, в жанре учительной литературы в первой половине XV в. писали также Кирилл Белозерский (послания к великому князю московскому Василию Дмитриевичу - 1399-1402 гг., Можайскому князю Андрею Дмитриевичу - 1408 или 1413 г. и звенигородскому князю Георгию Дмитриевичу - до 1422 г.) и Симеон Новгородский (Поучение о молитве и Слово к псковичам - 1416-1431 гг.).

Авторы посланий и поучений второй половины столетия сосредоточивали свое внимание на важнейших событиях, в значительной степени определявших судьбу не только древнерусской литературы, но и всей России в целом. Это, во-первых, ожидание конца света в 7000 г. и связанная с ним борьба против еретических движений; во-вторых, выход русской митрополии из под зависимости от Константинопольской патриархии после заключения Ферраро-Флорентийской унии; в-третьих, объединение русских земель вокруг Москвы и, как следствие для церкви, разделение (21 июля 1458 г.) русской митрополии на две - западную («Киевскую, Литовскую и всей нижней Руси») и восточную (Московскую).

Произведения, созданные по первому поводу, и составляют собственно учительную (и самую обширную) группу. К ним относятся шесть посланий (1448-1458) митрополита Ионы (к новгородскому архиепископу Евфимию и - отдельно - ко всем новгородцам; к новгородскому князю Юрию Семеновичу; в Боголюбов монастырь; к детям, непокорным своей матери, и к жителям Вятки), два сохранившихся Слова (1461-1464 гг.) митрополита Феодосия (похвала апостолам Петру и Павлу и похвала по случаю чуда от мощей святителя Алексия) и послание (1464-

1473 гг.) митрополита Филиппа к игумену Троице-Сергиева монастыря Спиридону. Особой остроты в последние десятилетия XV-первые десятилетия XVI в. достигла полемика с ересью «жидовствующих». Она была непосредственно связана с ожиданием 1492 г., а затем - после ненаступившего конца света - с объяснением, почему этого не произошло. По поводу ереси написано несколько *посланий* новгородского архиепископа Геннадия (к епископу сарскому Прохору - конец 1487 г.; к епископам суздальскому Нифонту и Филофею Пермскому - январь 1488 г.; к архиепископу Ростовскому Иоасафу - февраль 1489 г.; к митрополиту Зосиме, а также к поместному Собору - октябрь 1490 г.). Эти послания являются скорее «историческими», нежели собственно учительными. В них излагаются обстоятельства дела и призывы к гонениям против еретиков. Подобные послания писал и другой теоретик ортодоксального православия - Иосиф Волоцкий (или Волоколамский). Однако главным его трудом, направленным против ереси, стал знаменитый *Просветитель*, в который вошла часть посланий волоцкого игумена против еретиков и их учения. Эта книга - «сочинение, которое по обширности своей и достоинству представляет явление, дотоле небывалое в русской духовной культуре» (митрополит Макарий)⁴⁴. Ее создание заняло весь период борьбы Иосифа за чистоту веры примерно с 1493 по 1515 г. Возможно, в составлении *Просветителя* Иосифу помогал другой известный богослов Нил Сорский, в последние годы жизни ставший оппонентом полоцкого игумена по другому вопросу - о монастырском землевладении. Идеи, близкие идеям архиепископа Геннадия и Иосифа Волоцкого, высказывали в своих посланиях Дмитрий Герасимов и Нил Полев. Иногда Дмитрию Герасимову приписывают одно из важнейших учительных произведений того времени - *Повесть о белом клобуке* (сам Дмитрий писал Геннадия, что переписал это произведение с латинского перевода греческого текста). В ней обосновывалось перемещение центра православного мира на Русь вместе с символом высшей духовной власти - белым клобуком, переданным якобы новгородскому владыке папой Римским и константинопольским патриархом. В качестве их идейных противников выступали в своих произведениях князь-инок Вассиан Косой (Вассиан Патрикеев), поп Георгий Скрипица, новгородский архиепископ Серапион и другие авторы. По второму вопросу сохранились послания великого князя Василия Васильевича, адресованные константинопольскому патриарху и греческому императору, а также послания митрополита Ионы к патриарху и своей пастве, в которых обсуждались и разъяснялись проблемы, связанные с самостоятельным возведением на престол русского митрополита.

Третьему из указанных вопросов посвящена довольно обширная переписка. Прежде всего это *послания* 1446-1453 гг. митрополита Ионы ко всем русским людям, а также к жителям Новгорода и Вятки. В посланиях поддерживался великий князь Василий Васильевич в его борьбе с Дмитрием Шемякой, К 1458-1461 гг. относится ряд посланий (послание великого князя Василия Васильевича польскому королю Казимиру и восемь посланий митрополита Ионы в Литву - епископам, князьям, боярам и всем православным христианам, а также в Новгород и Псков), в которых подробно обсуждались вопросы государственно-конфессиональных отношений. К этому комплексу примыкают также послания в Новгород преемника Ионы, митрополита Феодосия. Впоследствии (1473-1489 гг.) митрополиты Филипп и Геронтий также направили послания новгородцам и вятчанам, призывая их к покорности московскому князю.

В XVI в. центральным стал вопрос о новом идеологическом и политическом статусе Московского государства. В связи с предсказанием немца Николая Булева о якобы грядущем в 1524 г. новом всемирном потопе появилось несколько антиастрологических произведений Максима Грека и старца новгородского Елеазарова монастыря Филофея. В учительных посланиях (сентябрь 1527 - март 1528 г.) елеазаровского старца к государям Руси и царскому дьяку Мисюрю (Михаилу Григорьевичу) Мунехину в связи с этим впервые в явном виде были сформулированы идеи перехода центра богоспасаемого мира на Русь (теория «Москва - третий Рим», хотя сам старец так Москву еще не характеризует). По образцу Просветителя Иосифа Волоцкого был составлен Сборник учительный (1522-1539 гг.), в который вошло большинство сочинений (33 слова) митрополита Даниила, закрепивших новый официальный статус царя. Серьезным вкладом в развитие отечественной учительной литературы стала трилогия (40-60-е годы XVI в.) Ермолая-Еразма, посвященная обоснованию и апологии православного учения о Троице: *Слово преболшее о троичности и единстве*, *Слово о Божии сотворении тричастнем* и *Молитва к Троице*.

В XVII в. учительные произведения такого рода пополнились *Прениями о вере* троцкого монаха Арсения Суханова, написанными в связи с богословским диспутом, проходившим в Яссах (резиденция Иерусалимского патриарха Паисия) в 1649 г. В этом сочинении, опирающемся на теорию о Москве - третьем Риме, доказывается не только независимость русской церкви от прочих восточных патриархов, но и «самодовлеющее значение Москвы, не нуждающейся в новшествах» (А.С. Лаппо-Данилевский). Главой православия Арсений провозглашал московского царя, имевшего при себе патриарха.

Однако средокрестием всей учительной литературы XVII в. является, несомненно, комплекс произведений, связанных с Расколом. Прежде всего, это послания и слова (1652-1667 гг.) идейных лидеров борющихся сторон - патриарха Никона и протопопа Аввакума. Только из-под пера знаменитого расколоучителя вышло не менее девяноста произведений, созданных им в основном в последние пятнадцать лет жизни. Собственно учительными являются *Книга бесед* и *Книга толкований* Аввакума, статья *Списание и собрание о божестве и о твари и како созда Бог человека*. В Книгу бесед вошли, в частности, толкования Послания к римлянам и Евангелия от Иоанна. Книга толкований содержит объяснение смысла псалмов, Притч и Премудростей Соломона, толкования на книгу пророка Исаии и др. Среди множества тем, затрагивавшихся Никоном, Аввакумом и их сторонниками, важное место занимали не только собственно богословские, но и темы нравственности духовенства и паствы, отношений между светской и духовной властью, о пределах «самовластья» личности и др. Тематика, так или иначе связанная с Расколом, а также с ожиданием скорого рождения Антихриста и, соответственно, с концом света, доминировала во всей учительной литературе второй половины XVII в.

Рассмотренными произведениями, естественно, не исчерпывается вся оригинальная духовная литература древней Руси. Мы остановились лишь на наиболее важных из них, с точки зрения источниковедения.

Житийная литература

Самым ранним оригинальным древнерусским житием является *Служба святым мученикам Борису и Глебу*, атрибутируемая митрополиту Иоанну. Оно написано около 1021 г., а известно уже в списках XII в. Основные положения этого жития были развиты в *Сказании о святах мучениках Борисе и Глебе*, созданном во второй половине XI в. (возможно, печерским монахом Иаковом, автором Памяти и похвалы князю Владимиру). Оно известно во множестве списков и входило, видимо, в круг наиболее читаемых произведений древней Руси*. Несколько позже Иаков написал *Житие князя Владимира*, встречающееся обычно вместе с Памятью и похвалой.

*Всего дошло свыше 250 списков произведения борисо-глебского цикла. В их число входят летописная повесть, Сказание и страсть и похвала святому мученику Бориса и Глеба. Чтение о житии и погублении блаженную страстотерпца Бориса и Глеба, проложные сказания и паремийное чтение.

Младшим современником Иакова был Нестор, которому традиционно приписывается создание Повести временных лет. Однако если в данном случае авторство Нестора оспаривают многие ученые, то принадлежность его перу житийных повестей, посвященных Борису и Глебу (*Чтение о житии и погубившии блаженную страстотерпца Бориса и Глеба*), а также Феодосию Печерскому, не вызывает сомнений. Вопросы порождает в основном соотношение летописной статьи, Сказания и Чтения об убиении Бориса и Глеба, в которых к тому же находят отголоски чешского жития св. Вацлава. Отмечается, что Чтение является более «правильным», с точки зрения канонов агиографии, нежели Сказание. В нем меньше конкретных элементов, больше назидательности, присутствуют традиционные для таких произведений мотивы. Все это демонстрирует хорошее знание Нестором зарубежных образцов житийной литературы. Что же касается Жития Феодосия, то его создатель, видимо, опирался на утраченное житие Антония Печерского, а также на образцы греческой агиографии. В то же время в нем сохранилось множество картин быта киевских монахов и горожан конца XI в. Важно отметить, что, описывая поведение Феодосия во время конфликта Ярославичей из-за киевского престола, Нестор продекларировал несколько положений, легитимирующих неподчинение деятелей церкви светской власти князя. Впоследствии Нестерово Житие Феодосия стало образцом для новых древнерусских житийных произведений.

К концу XI - началу XII в. относится анонимное описание жизни и чудес Николая Мирликийского, созданное каким-то русским книжником. Он, в частности, ссылается на чудеса в Царьграде и Киеве, свидетелем которых был.

В уже упоминавшихся посланиях Симона и Поликарпа содержится ряд отдельных рассказов о печерских подвижниках (девять в послании Симона и одиннадцать в послании Поликарпа). Их объединение в сборнике создало основу *Киево-Печерского Патерики*. Туда вошел также фрагмент Повести временных лет (Слово о первых черноризцах печерских). Первоначальная редакция Патерики не сохранилась. Самым ранним датированным текстом его является редакция 1406 г., составленная по инициативе тверского епископа Арсения. В нее вошли Сказание о начале Печерского монастыря (возможно, принадлежащее перу Нестора), Несторово Житие, а также Похвала Феодосию Печерскому. Независимо от Арсениевской редакции в самом Киево-Печерском монастыре в 1460 и 1462 гг. были созданы так называемые I и II Кассиановские редакции Патерики. В них первоначальный текст был расширен несколькими статьями, восходив-

шими ко времени до XIII в. Последняя, II Кассиановская редакция получила на Руси широкую известность и легла в основу всех последующих переработок Патерика.

В XIII в. список русских житийных повестей пополнился Житием преподобного Антония Римлянина, написанным его учеником и преемником Андреем, а также Житием Авраамия Смоленского, созданным его учеником Ефремом.

К последней половине XIII в. относятся житийное сказание о мученической кончине князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора, жития Александра Невского и Ростовского епископа Исайи. Написанные вскоре после смерти своих героев, эти жития отличаются целым рядом конкретных фактов, позволяющих восстановить многие детали упоминаемых в них событий. Точность описаний поддается проверке при их сличении с современными летописными источниками и записками иностранных путешественников.

XIV в. пополнил список отечественных агиографических повестей житиями Кирилла Туровского и митрополита Петра, а также близкими к житиям сказаниями о благочестивых князьях Довмонте Псковском, Михаиле Тверском и Дмитрии Донском. Последние имеют светский характер и вошли в состав летописей.

К первой половине XV в. относится составление житий, оказавших самое серьезное влияние на все последующие агиографические сочинения, писавшиеся на Руси. Это *жития Стефана Пермского, Сергия Радонежского, Дмитрия Прилуцкого и митрополита Алексия*. Первые два написаны Епифанием Премудрым, лично знавшим и Стефана и Сергия. Кроме того, Епифаний был учеником, а затем и духовником радонежского игумена. Все это позволило ему создать повести, в которых, несмотря на заведомо заданные жанром рамки, отразилось множество живых подробностей жизни и быта подвижников и их окружения. Вместе с тем в новых агиографических произведениях появляются витиеватость и многословность, затрудняющие выявление достоверной исторической информации. Около 1440 г. Пахомий Серб, или, как его иногда называют, Логофет (афонский иеромонах, видимо, специально приглашенный на Русь создавать агиографические произведения), написал еще одно Житие Сергия Радонежского, а несколько позже - жития митрополита Алексия, Кирилла Белозерского, Варлаама Хутынского, Троице-Сергиева игумена Никона и новгородских владык Моисея и Иоанна. Кроме того, он написал несколько житий местночтимых святых. При этом Пахомий использовал житийные повести, составленные его предшественниками (Епифания, Питирима и др.). Во

второй половине 60- начале 70-х годов иеромонах Спасского ярославльского монастыря Антоний написал житие князя Феодора Ростиславича. Вскоре после смерти митрополита Ионы какой-то новгородец составил по воспоминаниям его житие. В 1495 г. под пером глушицкого инок Иринарха появилось житие преподобного Дионисия Глушицкого, основанное на устных рассказах-воспоминаниях и монастырских заметках.

Таким образом, к XVI в. набралось около 40 жизнеописаний князей, митрополитов, епископов, настоятелей монастырей, живших в XI - первой половине XV в. и - в большинстве своем неофициально - причисленных к лику святых, а также несколько десятков рассказов о печерских подвижниках XI-XIII вв., составивших отдельный сборник - Патерик Киево-Печерского монастыря. Поскольку почти все эти произведения не были утверждены властью митрополита и Собора, почитание их было не общерусским, а местным. В связи с этим в 1547 г. в Москве был созван поместный Собор, на котором был придан общерусский статус одиннадцати святым, а еще девять были объявлены местночтимыми. Основанием для такого решения, в частности, являлось и наличие житийной повести о святом, соответствующей канону. После этого Иван IV обратился к епископам с просьбой разыскать в своих епархиях данные «о великих новых чудотворцах». Через два года, в 1549 г., на новом Соборе были представлены обнаруженные материалы о святых. Все материалы были освидетельствованы Собором, после чего было принято решение о канонизации святых.

За четверть века до этих соборов председательствовавший на них митрополит Макарий сам вел колоссальную работу по кодификации «всех святых книг, которые в Русской земле обретаются». Итогом этой двадцатилетней работы стали *Великие Четьи Минеи* (т. е. месячные чтения). Они составили 12 больших книг - по числу месяцев. В каждой из них были собраны краткие или подробные (иногда даже обширные) жития святых, сказания об открытии их мощей, об установлении дней их памяти, поучения, похвальные слова, назидательные повести и изречения подвижников, иногда целые книги и т. д. В конце каждого тома были помещены наиболее авторитетные христианские произведения (Синайский и Египетский Патерики, Хожение игумена Даниила, Шестоднев экзарха Иоанна, Пчела, Космография Козьмы Индикоплова, сочинения Григория Цамблака и др.), которые по тем или иным причинам не могли быть отнесены к определенным календарным датам. В 1541 г. все 12 книг были внесены Макарием в новгородский Софийский собор на помин души своих родителей. На этом, однако, работа Макария не была прекращена: в

1552 г. он пожертвовал новый список Четых Миней московскому Успенскому собору, а еще один подарил Ивану Грозному.

Труд Макария в значительной степени дал основания решения Соборов. После них работа по подготовке житийных произведений стала организованной и велась под непосредственным контролем митрополита, а после 1589 г. - патриарха. Вместе с тем с этого времени жития - жанр и без того жестко регламентированный канон - становятся гораздо более формальными, а заключенная в них конкретно-историческая информация сводится к минимуму. В связи с этим житийные произведения позднего времени представляют для историка минимальную ценность.

Исключение составляет житийная *Повесть о Петре и Февронии*, созданная Ермолаем-Еразмом и сохранившаяся в автографе (середина XVI в.). Нарушая агиографический канон, она перекликается с западноевропейским рыцарским романом и русским фольклором. Видимо, поэтому Повесть не была включена в состав поздних редакций макарьевских Великих Четых Миней.

Совсем особняком стоит *Житие протопопа Аввакума*, им самим, написанное, которое, хотя бы формально, следует также отнести к жанру житийной литературы. Первая русская автобиография (если не считать Поучения Владимира Мономаха) была написана «огнепальным» протопопом во время пустозерского заключения, по «понууждению» его духовника и соизнника старца Епифания: «да не забвению предано будет дело Божие». Житие известно в двух автографах и множестве списков (не менее 45). В обоих автографах фраза о «понуужении» написана рукой самого Епифания, тем самым, возможно, с Аввакума снимались возможные упреки в грехе гордыни - впервые писалось собственное житие. Списки Жития позволяют выделить три его редакции. Первая была написана Аввакумом в 1672-1673 гг., третья - не позже 1676 г. Наличие в Житии полемических и учительных особенностей не позволяет однозначно отнести его к тому или иному виду литературных произведений. Аввакумово Житие является уникальным памятником саморефлексии русского человека XVII в. Оно сохранило чрезвычайно ценную информацию не только об обстоятельствах жизни своего автора и о том, как происходил Раскол, но также о повседневной жизни, быте, поведении людей. В целом Житие Аввакума как исторический источник довольно далеко отстоит от прочих произведений жанра, из которого оно выросло.

Изучение житий с источниковедческой точки зрения большинство ученых вообще признают малоперспективным. Фундаментальное исследование древнерусских житий, предпринятое

В.О. Ключевским, привело его к весьма скептическим выводам относительно полезной информации, которую может почерпнуть исследователь прошлого из агеографических произведений. Справедливое в отношении конкретной темы, которой занимался великий историк (колонизация русского Севера), оно не вполне справедливо толкуется в расширительном плане. Одним из следствий такого отношения к житиям стало то, что большинство из них до сих пор не имеет научного издания.

Современное состояние источниковедения позволяет более оптимистично взглянуть на возможности использования агеографии в исторических исследованиях. Нам кажется, что можно шире использовать формулярный анализ при изучении житийной литературы. Это, в частности, позволит точнее воспроизвести представления о святости в древней Руси. Следует больше внимания уделять тем нравственным нормам, которые пропагандируются в житиях. Важно подчеркнуть, что «ряде случаев авторы повестей о подвижниках - иногда в неявной форме - утверждали возможность девиантного (отклоняющегося от общепринятых норм) поведения, в том числе неподчинения светским властям, а также определяли условия, при которых подобные поступки были не только возможными, но и желательными. Несмотря на абстрактно-трафаретное содержание каждого жития, на то, что многие агеографические повести были написаны спустя десятки, а то и сотни лет после смерти святого, те из житий, которые принадлежали перу современников, сохранили ценные исторические свидетельства. Часто они рассказывают о повседневной жизни монастырской братии, крестьян и горожан. Большой интерес представляют жития основателей монастырей. В таких памятниках можно найти сведения о местностях, в которых основывались монастыри, о соседних селениях, реках, урочищах, о князьях, дававших монастырям льготы. Это позволяет установить, каким княжествам принадлежали земли, на которых поселялись монахи, каким образом они получали эти земли. Иногда прозвища князей, зафиксированные в житиях, даже дают возможность судить о существовании определенных княжеств. Так, по наблюдению В.А. Кучкина, в Житии Дионисия Глушицкого содержится уникальное упоминание о князе Юрии Бохтюжском, благодаря чему выясняется, что в конце XIV - первой четверти XV в. в бассейне р. Бохтюги, левого притока р. Сухоны, существовало особое княжество. Однако «ключом» к полноценному использованию житийной информации в историческом исследовании пока не найдено.

«Хожения»

В древней Руси были широко распространены оригинальные произведения, описывающие паломничества в Святую Землю - так называемые хожд(д)ения.

Самым ранним из них является *Хождение* (Паломник, или Странник) *игумена Даниила* (1112-1115 гг.). В нем Даниил подробно рассказывает о своем путешествии в Иерусалим. В качестве литературных источников можно назвать западноевропейские описания Святой Земли Зевульфа, Иоанна Вирцбургского, Фоки. В начале XIII в. описания своих «хожений» в Константинополь и на Афон оставили новгородский архиепископ Антоний (в миру Добрыня Адренкович) и киево-печерский архимандрит Досифей. Особый интерес к *Паломнику Антония* объясняется тем, что архиепископ побывал в Константинополе как раз накануне разграбления столицы Византии крестоносцами в 1204 г. и оставил уникальные упоминания о русских реликвиях, хранившихся в Царьграде. Досифей же основное внимание уделял порядку жизни афонских монахов.

С середины XIV в. возобновились путешествия русских людей к святым местам, а с ними возродился и временно угасший жанр хожений. Около 1350 г. появился *Странник* новгородского инока Стефания, в котором автор довольно подробно описывал свое пребывание в Царьграде, но умалчивал о том, что побывал и в Иерусалиме. Более обстоятельным оказывается «хождение» смоленского иеродиакона Игнатия, также побывавшего (в составе свиты митрополита Пимена) в Константинополе и Иерусалиме (1389). Несколько более светский характер имеет рассказ о путешествии «куплею» (т. е. по торговым делам) в Царьград дьяка Александра (конец XIV в.). К 1420 г. относится путешествие иеродиакона Троице-Сергиева монастыря Зосимы в Иерусалим, описанное им в *Ксеносе* (от греч. - гость). Довольно подробно в нем повествуется о посещении Царьграда, Афона, Солуни, Иерусалима и других мест Святой земли. К жанру хожений примыкают и два сказания о Флорентийском Соборе, приписываемые суздальскому монаху Симеону: *Повесть об осьмом, или Исидоровом, Соборе* и *Путешествие Исидора митрополита на Флорентийский Собор*. Оба сказания представляют большой интерес как записки очевидца события, непосредственно повлиявшего на Русь и на ее международное положение.

В 1466 г. появилось описание путешествия некоего «гостя» Василия, посетившего святыне места Палестины. Оно очень кратко и «отзывается всею детскою простотою веры»⁴⁵.

Источником, можно сказать завершающим жанр хождений, является знаменитое *Хождение за три моря* (1468-1475 гг.) тверского купца Афанасия Никитина. Оно сохранилось в трех изводах, или редакциях. Один из них содержится в составе Софийской II и Львовской летописях и восходит к Московскому летописному своду конца XV в. Другой вошел в состав сборника конца XV - начала XVI в. (Троицкий список). Третий включен в состав летописно-хронографической компиляции XVII в. Несмотря на светский вид, *Хождение* Афанасия Никитина вполне можно отнести к духовной литературе. Написанное как авантюрно-приключенческое произведение, оно пронизано идеей сохранения веры в условиях, когда христианин не только лишен привычного окружения, но и не имеет возможности нормально отправлять религиозные обряды. Недаром Афанасий Никитин столь часто обращается к проблеме утери веры. Одновременно это - серьезные рассуждения мирянина о единстве Бога для всех людей, независимо от того, кому и как конкретно они молятся. Вместе с тем *Хождение* Афанасия Никитина - подробный и обстоятельный отчет об увиденном в незнакомых странах, которые, по представлениям того времени, вплотную примыкали к Раю: описываются внешний вид и обычаи людей, с которыми он сталкивался, природа и т. п. Еще одной важной стороной этого источника являются особенности восприятия древнерусского человека, которые косвенно говорят о его собственных привычках и внутренних установках.

Смысл хождений до сих пор остается не вполне ясным. В литературе их часто называют «путевыми записками» или «своего рода путеводителем» (Д.С. Лихачев). Представляется, однако, что подобные определения - при всей их условности - значительно модернизируют хождения. Описания паломничеств являются важным источником для изучения не только деталей жизни и быта (например, систем измерения), но и общих представлений о Русской земле и ее месте в мире.

Воинские повести

Особый раздел древнерусских литературных источников представляют так называемые воинские повести. Возникшие в рамках летописания, они постепенно выделились в самостоятельный жанр и обладают своей источниковедческой спецификой. На его формирование оказали серьезное влияние переводные воинские повести и западноевропейский рыцарский роман. Воинские повести - это не документальные описания войн и сражений, а художественные произведения, образный

язык которых довольно своеобразен и требует адекватного истолкования. В отличие от летописцев, которых в основном волновали проблемы передачи смысла, авторы воинских повестей были озабочены созданием образа происходящего. Большинство подобных повестей писалось через много лет после описываемых событий, что не могло не сказаться на точности упоминаемых деталей, а иногда и на описании общего хода. Буквальное понимание и прямое заимствование из них исторической информации может привести к серьезным ошибкам в исторических построениях. Появление воинских повестей, естественно, прежде всего было связано с событиями военной истории, оставившими заметный след в сознании современников и ближайших потомков.

Одним из самых ранних самостоятельных произведений, близких к таким повестям, является всемирно известное поэтическое *Слово о полку Игореве*. Список Слова (как полагают по косвенным данным XVI в.) был приобретен в середине 90-х годов XIX в. известным собирателем раритетов А.И. Мусиным-Пушкиным, по его словам, у архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоилиа Быковского. Текст был издан в 1800 г. Кроме этого, сохранилась копия, подготовленная А.И. Мусиным-Пушкиным для Екатерины II. В 1812 г. оригинал Слова сгорел вместе с частью библиотеки А.И. Мусина-Пушкина во время московского пожара. Это дало основания для сомнений относительно подлинности данного памятника. Однако достаточно веских доказательств поддельности Слова до сих пор не найдено. Спорной является датировка текста Слова. Отсутствие в нем сколько-нибудь точных датирующих признаков позволяет исследователям высказывать самые разные соображения на этот счет. Большинство ученых считают, что Слово было создано непосредственно вслед за походом 1185 г. на половцев, который оно описывает. Встречаются, однако, и иные датировки. В качестве возможных дат написания поэмы называют XIII, XVI и далее XVIII в. Неизвестен и автор, создавший уникальный памятник древнерусской письменности. Все предпринятые в этом направлении попытки не увенчались успехом. Даже наиболее основательные проработки (скажем, атрибуция Слова боярину Петру Бориславичу) могут рассматриваться лишь в качестве рабочих гипотез или догадок. Работа со Словом как с историческим источником, с одной стороны, облегчается наличием нескольких параллельных текстов, повествующих о походе новгород-северского князя. С другой стороны, оригинальная информация Слова не может быть подвергнута независимой проверке (тем более, что ранний список утрачен, а надежные сведения о его происхождении отсутству-

ют). Поэтому степень ее достоверности приходится оценивать лишь с точки зрения внутренней непротиворечивости. Наличие в тексте Слова «темных», трудных для понимания мест еще больше осложняет эту задачу. Кроме того, исследования последних лет показывают, что в целом ряде случаев «Слово о полку Игореве» опирается на значительное число литературных памятников. Это также должно учитываться при работе с этим источником.

Однако собственно воинские повести появляются как самостоятельные произведения только с середины XIV в. Именно к этому времени относят создание *Повести о разорении Рязани Батыем*. Она непосредственно примыкает к рязанским агиографическим произведениям. Древнейшая редакция Повести отразилась в Новгородской I летописи, однако впоследствии она вошла в литературные сборники, что позволяет говорить о ней как о самостоятельном произведении. Не теряя некоторых особенностей стиля, характерных для летописных статей, Повесть включает ряд фантастических моментов (например, в числе князей, сражающихся с монголами, находится Всеволод Пронский, погибший в 1208 г., Давид Муромский, скончавшийся за десять лет до нашествия, и пр.) и отличается эпической обобщенностью образов. Впоследствии Повесть была расширена путем включения в нее некоторых эпизодов, отсутствовавших в первоначальном варианте (например, рассказ о Евпатии Коловрате). В основе Повести лежат устные предания, летописные, агиографические и, видимо, еще какие-то письменные источники.

Мощным толчком к созданию цикла воинских повестей стала Куликовская битва 1380 г. Из подобных самостоятельных произведений следует выделить Слово Софония Рязанца о Куликовской битве (Задонщина) и Сказание о Мамаевом побоище.

Задонщина - поэтическое повествование о Куликовской битве, написанное, скорее всего, в 80-90-е годы XIV в. Она дошла в шести списках 70-х годов XV—конца XVII в. Задонщина имеет множество общих мест со *Словом о полку Игореве*. Собственно, дискуссия о датировке Слова во многом упирается в вопрос о том, какие чтения - Задонщины или Слова о полку Игореве - являются первичными. Кроме Слова, Задонщина опирается и на другие источники, в частности, как считает М.А. Салмина, на летописную повесть о Куликовской битве конца 40-х годов XV в. (соответственно, дается и иная датировка Задонщины). Возможно, что даже имя Софония Рязанца, которое упоминается в заглавии двух списков, было заимствовано из какого-то другого, не дошедшего до нас произведения Куликовского цикла. Очевидно, автор поэтического сказания о Мамаевом побоище пользовался и фольклорными источниками. Задонщина интересна прежде

всего отраженными в ней непосредственными впечатлениями современника от сражения русских войск с отрядами Мамай.

Сказание о Мамаевом побоище - самый большой по объему памятник Куликовского цикла. Именно из него заимствуются подробности об обстоятельствах и ходе сражения на берегах Непрядвы (например, о действиях засадного полка, о «контузии» Дмитрия Донского и т. п.). Это не только самое подробное, но и одно из самых поздних произведений о Куликовской битве. Его создание чаще всего относят не ранее чем к первой четверти

XV в. В последнее время все чаще высказывается мнение о еще более позднем ее появлении. Сложность вопроса о датировке Сказания усугубляется тем, что оно неоднократно перерабатывалось (вплоть до начала XVIII в.). Сохранилось множество списков этой повести, делящихся на восемь редакций и большое количество изводов. И все-таки большинство исследователей сходятся на том, что, помимо различных письменных источников (скажем, южнорусского летописания), автор пользовался устными источниками, в том числе воспоминаниями участников самой битвы. Однако при использовании Сказания в качестве исторического источника приходится признать, что для автора художественные достоинства создаваемого текста, несомненно, были гораздо важнее точности в передаче фактических подробностей.

Примерно в 1402-1408 гг. была создана *Повесть о Тимир-Аксаке*, рассказывающая о походе на Русь Тимура (Тамерлана). Разгромив Золотую Орду и захватив Елецкое княжество, Тимур остановился на границе Рязанского княжества, а затем неожиданно ушел из русских земель. Отступление поимки Тимура связывается в Повести с перенесением в Москву иконы Владимирской Богоматери. Повесть сохранилась в составе летописей (в частности, Софийской II летописи), а также в сборниках литературных произведений. Впоследствии (во второй половине XVI в.) на основе нескольких редакций Повести и других источников было написано *Сказание об иконе Владимирской Божьей матери*. Оба связанных памятника интересны, кроме всего прочего, объединяющей их идеей принципиально нового статуса Московского государства.

Падению Византийской империи под ударами турецких войск посвящена *Повесть о Царьграде* Нестора Искандера. Она также дошла как в составе летописей, так и отдельно. Мнения о раннем происхождении Повести - вторая половина XV – начало XVI в. - придерживаются почти все исследователи. Она написана (если доверять сведениям, которые автор оставил о себе) непосредственным участником событий, причем рассказ ведется как с точки зрения турок, так и осажденных греков. Причем,

кроме рассказов очевидцев, Нестор Искандер явно пользовался другими древнерусскими воинскими повестями (скажем, Повестью о разорении Рязани Батыем). Помимо всего прочего, Повесть о Царьграде занимает важное место в обосновании теории «Москва - третий Рим»,

К воинским повестям близка *Казанская история* (Сказание вкратце от начала царства Казанского), созданная в 1564-1566 гг. В то же время ряд черт роднит ее с краткими летописцами, поскольку автор Сказания в очень сжатой форме излагает всю историю Казанского ханства. Казанская история основывается на множестве источников. Есть все основания говорить о связи ее текста с Хронографом, Сказанием о князьях Владимирских, посланиями Ивана Грозного, Повести о Царьграде Нестора-Искандера, Александрии и Троянской истории. Все это затрудняет работу с Историей как источником. Особо следует отметить, что именно в Казанской истории Москва впервые прямо называется третьим Римом.

Многие источниковые особенности Казанской истории характерны и для последней воинской повести XVI в. - *О приходе Стефана Батория на Псков*. Она не только напоминает свою предшественницу, но и опирается на близкий комплекс текстов, в том числе на переводные литературные произведения (Александрия, Повесть о Стефаните и Ихнилате).

Одной из последних древнерусских воинских повестей является *Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков* (около 1641 г.). Она существует в трех вариантах: «историческом», «поэтическом» и «сказочном». «*Историческая*» повесть появилась вскоре после того, как весной 1637 г. донские казаки в результате двухмесячной осады захватили Азов - турецкую крепость в устье Дона. Повесть написана в форме казачьей войсковой отписки. Очевидно, автор ее был связан с войсковой канцелярией. Наряду с сугубо документальными описаниями в ней присутствуют конфессиональные мотивы, характерные для древнерусских воинских повестей. Цель, которую ставил перед собой автор, - описать Азовское осадное сидение «на память роду христианскому... на укоризну и на позор нечестивым родом поганьского языка». «*Поэтическая*» версия Повести была написана непосредственно после героической обороны Азова казаками в 1641 г. Возможно, ее автором был казачий есаул войсковой дьяк Федор Порошин. Реальные подробности перемежаются в ней с фантастическими деталями. На автора Повести оказали влияние не только древнерусские воинские повести (Повесть о Мамаевом побоище, Повесть о взятии Царьграда), но и казачий фольклор. В «сказочной» версии Повести главное место занимает художест-

венный вымысел. Она непосредственно примыкает к «историческому баснословию» второй половины XVII в. С этого времени воинские повести прекратили свое существование, превратившись в авантюрную беллетристику.

Воинские повести древней Руси являются важным историческим источником не только потому, что многие сообщаемые в них сведения уникальны, но и потому, что в них - как ни в какой другой разновидности повествовательных источников - отразились дух времени, непосредственное восприятие описываемых событий современниками и ближайшими потомками.

Публицистические произведения XV-XVII веков

Период формирования единого Русского государства связан с зарождением публицистики (при всей условности данного термина для памятников древней Руси). В частности, публицистические черты носят произведения, возникшие в связи с распространением во второй половине XV - первой половине XVI в. еретических учений. Одной из центральных проблем, вокруг которых разгорелась полемика, была проблема человеческого «самовластья». Естественно, она развивалась прежде всего в богословской традиции, а потому все сочинения на эту тему близки учительной литературе того времени. Темы «самовластья» касались как представители ортодоксального направления (из посланий которых историк получает основную информацию и о взглядах их идейных противников), так и «еретики»: Федор Васильевич Курицын (например, его программное *Лаодикийское послание*, дошедшее в нескольких списках конца XV - начала XVIII в.), неизвестный автор *Написания о грамоте* (иногда оно атрибутируется тому же Федору Курицыну). Кроме уже упоминавшихся архиепископа Геннадия, Иосифа Волоцкого и Ермолая-Еразма, большое значение в борьбе с еретиками имели сочинения ученика Максима Грека, новгородского инок Зиновия Отенского (*Послание многословное к вопросившим на зломудрие Косого* и *Истины показание к вопросившим о новом учении* - конец 50 - начало 60-х годов XVI в.).

Одним из аспектов темы «самовластья» был вопрос о пределах царской власти: должен ли государь отчитываться за свои действия перед подданными либо он отвечает за них только перед Богом. Этот вопрос стал одним из центральных в сочинениях Иосифа Волоцкого. Отношениям духовных наставников и светской власти посвящены публицистические произведения уже упоминавшегося лидера «нестяжателей» Вассиана Патрикее-

ва. Известно одно небольшое сочинение Вассиана, направленное против Иосифа Волоцкого. Оно состоит из введения и трех Слов. В них он выступает против монастырского землевладения, монашеского «лихоимания», а также против массовых казней раскаявшихся еретиков. Вассиану Патрикееву приписывается и *Ответ кирилловских старцев на послание Иосифа Волоцкого об осуждении еретиков* (предположительно конец 1504 г.). Основанием для этого служат близость тематики, взглядов и стиля создателя этого памятника князю-иноку. Ответ составлен от имени монахов Кирилло-Белозерского монастыря, а также всех «заволжских старцев» (т. е. постриженников монастырей, расположенных к северу от Волги). В них также осуждается решение о казнях еретиков, принятое церковным собором под влиянием Иосифа Волоцкого.

В несколько ином аспекте (анализируются принципы, на которых должны строиться отношения государя с подданными) проблему «самовластья» рассматривал Иван Семенович Пересветов (*Большая и Малая челобитные, Сказание о Магмете-Салтане* и др. - сохранились в поздних списках не ранее 30-х годов XVII в.). В последнем из названных произведений поднималась еще одна острая проблема: что важнее для человека и государства - точное соблюдение обряда или истинная вера. Иван Пересветов критикует также сложившуюся систему отношений государя к своим подданным, одновременно настаивая на необходимости сильной власти.

Почти все эти проблемы поднимались и в переписке Ивана Грозного с Андреем Михайловичем Курбским. Она дошла в отдельных списках и сборниках второй трети XVII - XIX в. Известно три послания Курбского 1564-1579 гг. (первое - в двух редакциях) и два послания Ивана Грозного 1564 г. и 70-х годов (первое - в краткой и двух пространных редакциях). Поднимались эти темы А.М. Курбским и в *Истории о великом князе Московском* (1578 г.). Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским и сочинения беглого князя являются важным источником для понимания процессов, происходивших в России в середине XVI в.

Распространение источников публицистической направленности непосредственно связано с событиями Смутного времени. По форме такие произведения близки к традиционным жанрам духовной литературы: это Видения (например, *Повесть о видении некоему мужу духовну протопопа Терентия, Видения в Нижнем Новгороде и Владимире, Видение у Устюге* и др.), Послания (скажем, *Новая повесть о преславном Росийском царстве*), Плачи (*Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства*). В этих небольших по объему произведениях авторы пытались осмыслить про-

исходившие драматические события, понять их причины, найти выход из создавшегося положения.

Близки к памятникам публицистики и исторические произведения, написанные «на злобу дня». В их число входит, прежде всего, *Сказание Авраамия Палицына* (1612-1620 гг.). Это одно из самых популярных и объемных (включает 77 глав) сочинений о Смуте. Будучи непосредственным участником описываемых событий, Авраамий оставил яркий рассказ о происходившем, сопровождающийся прямыми и косвенными личностными оценками. Другим памятником такого рода является *Временник* дьяка Ивана Тимофеева (1616-1619 гг.). В нем описываются многие события, свидетелем и участником которых оказался Иван Тимофеев, занимавший значительный пост в государственном аппарате. Многие известия, содержащиеся во *Временнике*, уникальны. Особенно интересны детали некоторых важных событий, подмеченные автором. Незадолго до 1625 г. появились *Словеса дней и царей и святителей московских князя И.А. Хворостинина*. Им присущи некоторые черты мемуаров (это воспоминания, в которых автор явно пытался оправдать свою службу у Лжедмитрия). В то же время *Словеса* Хворостинина интересны как памятник, вышедший из кругов, близких самозванцу. Можно отнести к публицистическим памятникам эпохи Смуты и многочисленные произведения С.И. Шаховского - человека, много видевшего и знавшего, притом обладавшего определенным литературным талантом. Среди его творческого наследия челобитные, Моление патриарху Филарету (по поводу четвертого брака С.И. Шаховского), Повесть известно сказуема на память великомученика благоверного царевича Дмитрия, Повесть о некоем мнихе («како послася от Бога на царя Бориса во отмищение крове праведнаго царевича Дмитрия») и, наконец, одно из самых ярких источников по истории Смуты - *Повесть книги сея от прежних лет* (не позднее конца 20-х годов XVI в.).

Во всех перечисленных произведениях первых двух десятилетий XVI в. присутствуют личностный момент, элементы полемики, содержатся попытки анализа происходящего. Еще более четкую публицистическую направленность имеют многие литературные памятники, относящиеся к периоду Раскола. Наиболее ярко она проявляется в многочисленных посланиях, письмах и челобитных протопопа Аввакума. Однако о развитии публицистики в собственном смысле слова можно говорить, видимо, только с появлением периодических массовых изданий, позволявших оперативно реагировать на происходящее и своевременно обсуждать актуальные проблемы общественной жизни.

- ¹ Лихачев Д.С. Текстология; На материале русской литературы X-XVII веков. 2-е изд., доп. и перераб. Л., 1983. С. 367.
- ² Там же. С. 367.
- ³ Там же. С. 368-369.
- ⁴ Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М., 1938.
- ⁵ Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. С. 16.
- ⁶ Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 33-34.
- ⁷ Гадамер Г.-Х. Истина и метод. М., 1988. С. 43.
- ⁸ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 68.
- ⁹ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994. С. 8.
- ¹⁰ Мильдон В.И. «Земля» и «небо» исторического сознания: Две души европейского человечества // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 90, 92, 93.
- ¹¹ Выготский Л.С. Прimitивный человек и его поведение // Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: обезьяна. Прimitив. Ребенок. М., 1993. С. 69.
- ¹² Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк. С. 297.
- ¹³ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 92-93.
- ¹⁴ Тихомиров М.Л. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 63.
- ¹⁵ Лихачев Д.С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк. С. 280.
- ¹⁶ Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 206.
- ¹⁷ Присёлков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. / Подгот. К печ. В.Г. Вовиной. Спб., 1996. С. 64.
- ¹⁸ Истрин В.М. Очерки истории древнерусской литературы домосковского периода: 11-13 вв. Пг., 1922. С. 88-89.
- ¹⁹ Присёлков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. С. 61.
- ²⁰ Там же. С. 71, 73, 80.
- ²¹ Присёлков М.Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Уч. зап. ЛГУ: Сер. ист. наук. Л., 1941. Вып. 8. С. 216.
- ²² Истрин В.М. Очерки истории древнерусской литературы... С. 136.
- ²³ Присёлков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. С. 95.
- ²⁴ Там же. С. 96.
- ²⁵ Там же. С. 96.
- ²⁶ Там же. С. 179.
- ^{26a} Там же. С. 182.
- ²⁷ Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. Спб., 1994. С. 62.
- ²⁸ Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976. С. 66.
- ²⁹ Там же. С. 121.
- ³⁰ Присёлков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. С. 257.
- ³¹ Севастьянова А.А. Джером Горсей и его сочинения о России // Горсей Дж. Записки о России: XVI - начало XVII в. / Под ред. В.Л. Янина. М., 1990. С. 20.

- ³² *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа: XII-XVII вв. М., 1973. С. 397, 398.
- ³³ *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 22.
- ³⁴ Там же. С. 39.
- ³⁵ *Шахматов А.А.* К вопросу о происхождении Хронографа. Спб., 1899. С. 118.
- ³⁶ *Тихомиров М.Н.* Пособие для научения Русской Правды. М., 1953. С. 23.
- ³⁷ *Алексеев Ю.Г.* Псковская Судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. Л., 1980. С. 229.
- ³⁸ *Тихомиров М.Н.* Пособие для изучения Русской Правды. С. 127.
- ³⁹ *Капитанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 23.
- ⁴⁰ Там же. С. 149-150.
- ⁴¹ *Лаппо-Данилевский А.С.* Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920. С. 135.
- ⁴² *Капитанов С.М.* Русская дипломатика. С. 173.
- ⁴³ *Капитанов С.М.* Из истории русского средневекового источника: Акты X-XVI вв. М., 1996. С. 82.
- ⁴⁴ *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 1. С. 306.
- ⁴⁵ Там же. С. 299.

РАЗДЕЛ 2

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ XVIII-НАЧАЛА XX ВЕКА

ГЛАВА 1

Изменения в корпусе исторических источников при переходе от средних веков к новому времени

В ДАННОМ разделе учебного пособия рассматривается корпус источников российской истории с конца XVII по начало XX в. Что же отличает этот период от предыдущего и последующего? Ответ на вторую часть вопроса очевиден (хотя лишь при поверхностном взгляде): советское общество слишком специфично, и это обуславливает отдельное рассмотрение источников советского периода отечественной истории. Первая часть поставленного вопроса требует специального исследования.

Переход от средних веков к новому времени - длительный исторический процесс. В зависимости от научной парадигмы можно выделить различные критерии начала нового этапа исторического развития: от формирования капиталистических производственных отношений до эмансипации личности и структурирования общества. В качестве определяющей вехи также выступают различные события: от Нидерландской до Великой Французской революции и даже до отмены крепостного права в России (при локальном исследовании российской истории).

Как было показано во введении, источниковедческий подход к проблеме периодизации предполагает, в первую очередь, фикс-

сацию изменений в видовой структуре корпуса исторических источников.

На рубеже XVII-XVIII вв. и в течение XVIII в. в России происходят кардинальные изменения в характере исторических источников, в видовой структуре их комплекса. В это время отходят на второй план летописание, житийная литература, но появляются мемуаристика, художественная литература, научные сочинения, в том числе и исторические, публицистика (в собственном смысле этого слова), периодическая печать, статистика, существенно меняется характер законодательства, актов и материалов делопроизводства. Если не ограничиваться исследованием только письменных исторических источников, можно отметить, что почти одновременно с такими личностными источниками, как мемуары, в России появляется и портретная живопись. Столь существенные изменения в структуре корпуса источников российской истории не могут не быть обусловлены глубокими изменениями как в российском обществе, так и в ментальности отдельной личности. Аналогичные изменения происходят в близких хронологических рамках и в других странах. Обратимся, например, к обзору источников английской истории, данному Дж. Дж. Бэгли (J.J. Bagley). Его работа состоит из двух частей: «Sources of English Medieval History, 1066 - 1540» (Источники английской средневековой истории, 1066 - 1540) и «Sources of English History, 1540 to Present Day» (Источники английской истории, с 1540 г. до нашего времени). Вполне очевидно, что автор выбрал чисто исторический, традиционный критерий периодизации, но если посмотреть хотя бы на оглавление томов, то можно увидеть, что второй том начинается с характеристики источников периода 1540 - 1660 гг. Многие из них в видовом отношении восходят к источникам, обзор которых был сделан автором в первой части. Сразу бросается в глаза, что этот раздел содержит мало информации: в нем почти отсутствуют повествовательные источники: автор, обозревая источники английской истории, упоминает каждый вид только по одному разу при его первом появлении. Таким образом, в период с 1540 по 1660 г. автор не обнаружил новых видов повествовательных источников. Зато в следующем периоде, охватывающем 1660 - 1760 гг., представлены дневники, автобиографии и «современные истории» (Diaries, Autobiographies and Contemporary Histories), а также памфлеты и первые газеты (Pamphlets and the First Newspapers), т. е. виды исторических источников, наиболее типичные именно для нового времени.

Существует, как минимум, несколько вполне обоснованных концепций перехода от средних веков к новому времени, каждая

из которых по-своему объясняет его причины. Но, рассматривая исторический источник как реализованный продукт человеческой психики и обосновывая источниковедческий критерий периодизации, в качестве гипотезы, объединяющей наблюдения над изменениями видовой структуры корпуса исторических источников, примем концепцию индивидуализации человека при переходе от средних веков к новому времени¹. Вторая сторона индивидуализации - установление «вторичных связей» между человеком и обществом. Необходимо понимать, что это связи двух типов, поскольку включают человека не только в коэксистенциальное (осознание своей связи с эпохой, современниками, конкретной социальной группой и т. п.), но и в эволюционное целое (осознание хода исторического времени, своей связи с предыдущими и последующими поколениями).

Особо подчеркнем, что, приняв данную концепцию в качестве системообразующей, авторы не отрицают иных причин, обусловивших смену эпох, однако будем их считать факторами, имплицитно включенными в выбранную нами схему, и не станем останавливаться на причинах изменений человеческой личности.

Посмотрим, как работает предлагаемая гипотеза при объяснении возникновения новых видов исторических источников: мемуаристики, эссеистики, публицистики (в ее буквальном, а не расширительном понимании), периодической печати.

Наиболее четким индикатором перехода от средних веков к новому времени является возникновение *мемуаристики*. К настоящему времени в исторической науке признано, что мемуаристика возникла со становлением индивидуальности при переходе от средних веков к новому времени. И мы вполне согласны с А.Г. Тартаковским, который констатирует единство целевого назначения мемуаров, состоящее в стремлении «запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем»². Такое стремление могло появиться лишь у человека, осознающего свою отделенность от окружающего его социума и понимающего ценность своего индивидуального исторического опыта. Однако нам представляется, что мемуаротворчество требует более глубокого психологического объяснения, в частности понимания причин, порождающих стремление к запечатлению исторического опыта индивидуальности. При типологическом изучении мемуаристики как вида исторических источников необходимо подчеркнуть, что индивидуализация - это не только выделение себя в коэксистенциальном целом, осознание своей обособленности от сосуществующих одновременно других личностей и относительной

самостоятельности внутри социальной группы, но и осознание своего места в эволюционном целом, т. е. в историческом процессе или, более конкретно, в чреде поколений. Соответственно и «вторичные связи» с социумом создаются как в коэкзистенциальном, так и эволюционном плане. Причем этот процесс характеризуется различной степенью отрефлексированности - от целенаправленного конструирования своих социальных связей до подсознательного включения в социум, например через идеологическое воздействие в тоталитарном государстве. Мемуары, с психологической точки зрения, как раз и имеют целью осознанное создание таких связей, особенно в их эволюционном аспекте.

Такой подход помогает нам внести новые штрихи как в проблему классификации, так и в проблему эволюции мемуаристики. Мы не сможем ограничиться утвердившимся в историографии определением: «мемуары - повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти автора», а вынуждены будем достаточно четко разделить их на мемуары-автобиографии и мемуары о событиях. Эти группы мемуаристики отличаются (хотя иногда и весьма нечетко) по объекту описания, что может служить различающим критерием, но в основе различия - цели написания. Мемуары-автобиографии обычно преследуют (в качестве основной) цель включения мемуариста в череду поколений, в «эволюционное целое» (типичный пример - мемуары А.Т. Болотова). Мемуары, объектом описания в которых является не столько сам мемуарист, сколько современные ему события, преимущественно направлены на воссоздание коэкзистенциального мемуаристу целого. Классический пример - мемуары герцога Луи де Рувруа Сен-Симона. В отличие от А.Т. Болотова, который не претендует на какие-либо обобщения, Сен-Симон пишет «частную историю», т. е. такое историческое произведение, которое «относится к времени автора и его стране». Мы не случайно привели в качестве примеров типологически различных мемуаров два признанных классическими произведения этого жанра, поскольку они демонстрируют не просто две разновидности мемуарных произведений, но разновидности, по-видимому, соответственно преобладающие в российской и европейской мемуаристике раннего этапа развития, что и обуславливает ее различия.

Что касается эволюции мемуаристики, то отметим, что достаточно четко прослеживаемая общая тенденция состоит в усилении коэкзистенциальных связей мемуариста в сравнении с эволюционными, т. е. делается расчет на современников, а не на потомков. Это проявляется в большей публицистичности мемуаристики, что, в свою очередь, ведет к ориентации на немедлен-

ную публикацию мемуарных произведений. Усиление коэкзистенциальных связей мемуариста - основной критерий эволюции мемуаров, обуславливающий сближение мемуаристики с публицистикой.

Функция публицистики как вида исторических источников состоит в заявлении позиции личности, осознающей себя как часть определенной социальной группы, а следовательно и в прямом установлении связей между личностью, обществом и различными социальными группами внутри общества, т. е. связей коэкзистенциальных.

Промежуточное положение между мемуаристикой и публицистикой занимает эссеистика - вид исторических источников, не характерный для России. Эссеистика, в отличие от публицистики, призванной выражать мнение той или иной социальной группы, отражает взгляды отдельной личности. Но она создается с целевой установкой на публикацию, т. е. предполагается наличие интереса к индивидуальному мнению отдельной личности со стороны общества, и, следовательно, создание коэкзистенциальных связей личности и общества.

Аналогичную функцию, но с иной направленностью - не от личности к обществу, а от общества к личности - выполняет *периодическая печать*. Возникновение периодической печати как средства воздействия на личность, вполне очевидно, связано как с эмансипацией личности, так и стремлением какой-либо общественной группы или государства подчинить ее своему идеологическому влиянию. С одной стороны, периодическая печать сростается с публицистикой; с другой - она призвана создавать коэкзистенциальные связи в обществе в целом, что, как правило, связано с внедрением государственной идеологии или же оппозицией к ней.

Итак, рассматриваемая гипотеза вполне способна объединить наши наблюдения над возникновением новых видов исторических источников.

Сравнение видовой структуры корпуса исторических источников разных стран в ее эволюции показывает не только отмеченные черты сходства, но и глубокие отличия. Например, в российском средневековье почти нет биографики, что, несомненно, влияет как на особенности летописей (в сопоставлении с западноевропейскими хрониками), так и на особенности русской агиографии. В новое время в России в сколь-нибудь сформированном виде не существовал такой распространенный в Западной Европе вид исторических источников, как эссеистика, при весьма значительном развитии публицистики. Кстати, отметим двоякий перевод на русский язык французского слова *essai* в

названиях произведений - как *опыт* и как *очерк*. Можно предположить, что второй вариант перевода является результатом поиска адекватного (максимально близкого) к эссеистике вида российских исторических источников.

Кроме того, что возникали новые виды исторических источников, значительно изменялись виды источников, существовавших и в предшествующий период, законодательство и актовые источники.

Что касается *актовых источников*, то значительное увеличение их разновидностей свидетельствует об активизации личности в частноправовой сфере.

Наиболее характерной чертой западноевропейского и североамериканского законодательства нового времени является фиксация прав личности. В российском законодательстве нового времени такие нормы отсутствуют, если не рассматривать в качестве таковых активно проводимую в XVIII в. фиксацию прав сословий. Однако если оставаться в рамках заявленного гуманитарного подхода, то в российском законодательстве XVIII в. можно обнаружить ряд черт, позволяющих отнести его к законодательству нового времени. Дело в том, что российское законодательство в гораздо меньшей степени, чем западноевропейское, испытало влияние римского права. Поэтому в эволюции российского законодательства нового времени при его относительно самостоятельном развитии в качестве системообразующего фактора выступает изменение соотношения обычая и закона как источников права. Устанавливаются новые принципы российского законодательства - такие, как «незнание закона не освобождает от ответственности», «закон обратной силы не имеет». Это, в свою очередь, ведет к принятию порядка обязательной публикации законодательных актов. Все эти изменения свидетельствуют о новых взаимоотношениях личности и государства или, по крайней мере, о том, что государство признает существование личности если не через признание ее прав, то через признание ответственности.

Изменение способа государственного управления, проявившееся, в частности, в изменениях в законодательстве, породило и такой новый вид исторических источников, как *статистика*. Назначение статистики - реализация обратной связи в системе управления, сбор и анализ информации для принятия управленческих решений. Естественно, что такой вид деятельности мог возникнуть лишь тогда, когда личность (в том числе, естественно, и законодатель) начинает осознавать изменения в эволюционном целом и стремится повлиять на направленность и ход этих изменений.

Таким образом, в данном разделе основное внимание уделяется рассмотрению новых видов исторических источников, а также наиболее значительных *изменений* в продолжавших существовать таких видах источников, как законодательство, акты, дело-производство. В новое время расширяется сфера возникновения исторических источников не только за счет источников личного происхождения, но и создающихся в области общественных отношений. Нетрудно заметить, что виды, перешедшие в новое время из средних веков, почти полностью связаны с государственной сферой, а новые виды исторических источников имеют, главным образом, личное и общественное происхождение.

Но, прежде чем перейти к изучению отдельных видов, исследуем общие свойства исторических источников нового времени.

ГЛАВА 2

Общие свойства исторических источников нового времени

НЕОБХОДИМОСТЬ выявления общих свойств исторических источников нового и новейшего времени обусловлена обширностью источниковой базы этих периодов истории. Отметим, что свойства исторических источников, естественно, связаны с обстоятельствами их создания, а общность свойств порождается влиянием процесса индивидуализации и вторичной социализации личности (о чем шла речь в предыдущей главе). Но каждое такое свойство, возникнув в системе «источник-действительность», порождает, в свою очередь, особенности взаимоотношений в системе «историк - источник». В этих двух системах отношений и рассматриваются в данной главе общие свойства исторических источников.

1. Количественный рост исторических источников

Источник-действительность

В новое время в сравнении с предшествующим периодом появляется огромное количество исторических источников. Это вполне очевидное качество имеет системообразующее значение, т. е. во многом определяет и другие свойства рас-

сматриваемого корпуса исторических источников. Разберемся в причинах и следствиях этого явления.

Необходимо отметить лучшую сохранность документов нового времени, прежде всего в России. Ведь в силу разных причин в России гораздо меньше, чем в европейских странах, осталось от средневековья исторических источников. Крупномасштабное преобразование государственного аппарата в правление Петра I, ликвидация системы приказов и, как следствие этого, необходимость организации хранения документов вне системы делопроизводства приводят к созданию архивной службы, что положительным образом сказывается на сохранности исторических источников. Значительно улучшается сохранность исторических источников также потому, что в новое время многие исторические источники уже в момент своего создания предназначались для публикации (тиражирования).

Но главное не в этом. В первую очередь речь должна идти не о лучшей сохранности исторических источников, а о качественном сдвиге в их порождении.

Почему же в рассматриваемый период возрастает потребность в документировании?

1. Индивидуализация человека, эмансипация человеческой личности расширяют круг авторов исторических источников. Кроме того, растет грамотность, поскольку это явление производное.

2. Стремление эмансипированной личности к созданию вторичных социальных связей ведет к тому, что исторические источники начинают порождаться не только в государственной (и церковной) сфере, как это было до сих пор, но и в личной и общественной. Увеличение мобильности населения ведет к увеличению количества эпистолярных источников, поддерживающих как межличностную, так и деловую коммуникацию.

3. Кроме того, что возникают новые области порождения исторических источников, увеличивается их количество и в государственной сфере. Это также во многом обусловлено новым характером законотворчества и взаимоотношениями между личностью и государством. Превращение закона в единственный источник права и убежденность в том, что законы могут переустроить жизнь государства и повлиять на формирование личности, заставляют принимать законы на основе анализа информации о состоянии тех или иных сторон жизни общества и государства. Помимо этого, расхождение обычая и закона заставляет особо заботиться о публикации законодательных актов и о контроле за их эффективностью, что приводит к возрастанию количества делопроизводственных источников³.

Историк-источник

Рост количества исторических источников создает совершенно новую познавательную ситуацию. Исследователь уже не в состоянии изучить все источники, имеющие отношение к сколь-либо значимой теме или проблеме. Он вынужден целенаправленно отбирать их в соответствии с поставленной исследовательской проблемой, со сформированной для ее решения гипотезой, что заставляет его более четко осмысливать проблему и формулировать исследовательскую гипотезу.

Иногда ученые утверждают, что возможно исследование без гипотезы, что гипотеза «мешает» работе, ограничивает поле исследовательского внимания. Но необходимо осознать, что исследования без гипотезы не бывает. При этом гипотеза может быть осознанной или нет. И чем сложнее проблематика, чем шире круг источников, тем строже должен подходить исследователь к формированию гипотезы. Дело в том, что гипотеза - это всегда обобщение ранее накопленного знания. В процессе исследования она трансформируется, потому что исследователь получает дополнительную информацию. Если гипотеза изменилась значительно, то приходится возвращаться к началу исследования, с тем чтобы проверить новую гипотезу. Историк, занимающийся ранними периодами истории, иногда почти наизусть помнит «свои» источники, постоянно обращается к одним и тем же текстам. Историк нового времени в целом ряде случаев не имеет такой возможности, особенно если он работает с массовыми источниками или статистическими материалами. Представьте себе исследователя, который, не имея гипотезы, читает подряд формулярные списки чиновников или материалы земской статистики в надежде, что его осенит и он увидит за этими сотнями и тысячами цифр определенные явления и процессы.

Итак, нужно четко сознавать, что при работе с массивами исторических источников историк всегда получает ответ именно на поставленный вопрос, будучи лишенным возможности «переспрашивать» источники в процессе исследования. Общение историка-медиевиста с историческими источниками можно сравнить с интервью, а общение историка нового времени - с социологическим опросом.

Одновременно количественный рост источников заставляет поднять проблему выборочного исследования. При этом надо четко осознавать, что выборочный метод - особый метод исследования, корректно работающий только на математико-статистической основе. Важно различать подбор примеров, иллюстрирующих то или иное положение, и построение выборки, ко-

торая позволяет распространить полученные результаты на все аналогичные явления (генеральную совокупность).

Необходимо учитывать сферу возникновения исторических источников нового и новейшего времени: личностная, общественная, государственная. Тогда без труда обнаружится, что, например, русские газеты возникали не только позже европейских, но и, в отличие от них, в государственной, а не в общественной сфере.

2. Упрощение содержания отдельно взятого документа

Источник-действительность

Рост количества источников, особенно в сфере делопроизводства, приводит к упрощению содержания отдельно взятого документа, что сопровождается формализацией этого содержания⁴, а также усложнением системы источников на уровне вида и разновидности.

Указанные тенденции можно отметить не только в делопроизводстве, но и в законодательстве. Неслучайно в третьем Полном собрании законов Российской империи публикуются не все законодательные акты - в ряде случаев указывается лишь название документа сепаратного законодательства. Наиболее значительна формализация в статистике.

Упрощается содержание и одного отдельно взятого повествовательного источника. К концу XIX в. вполне очевидна дифференциация периодической печати по таким критериям: общественно-политическая направленность, ориентация на различные сословные, профессиональные, половозрастные группы.

Как бы это ни казалось странно, такие же процессы прослеживаются и в мемуаристике. На рубеже XIX-XX вв. мемуары все чаще посвящаются отдельным событиям или выдающимся современникам мемуариста. Относительно реже встречаются неспешные повествования обо всех памятных для автора событиях.

Историк-источник

Вполне очевидно, что упрощение содержания отдельного источника и усложнение внутривидовой структуры создает дополнительные сложности при формировании источниковой базы исследования. Репрезентативная основа историче-

ского труда должна структурно воспроизводить нарастающую сложность корпуса источников. Например, невозможно изучать газету XIX- XX вв., выражающую то или иное общественное умонастроение, не зная всего спектра мнений, существующих в периодике.

Второе, не менее важное, следствие рассматриваемого явления - увеличение объема скрытой (латентной) информации. Такую информацию называют еще структурной, потому что она может быть выявлена при анализе структуры корпуса источников, взаимосвязей между их элементами. Например, если в формулярном списке происходившего из крестьян городничего г. Колы написано, что он имел чин V класса Табели о рангах, то, естественно, это будет информация об одном, отдельно взятом конкретном факте. Это то, что молено непосредственно прочитывать в историческом источнике. Но далее если будет установлена достоверность этой информации, невозможно установить, сколь типична или уникальна такая карьера. Если же проанализировать несколько сотен формулярных списков, то молено выяснить, каким образом от социального происхождения чиновника зависели ранг чина, имущественное положение чиновника и т. д. Традиционным методом извлечения латентной (скрытой) или структурной информации является построение таблицы, но существуют и другие методы - количественные (математические) или формализованные. Чаще всего для анализа зависимостей используют такие методы математической статистики, как корреляционный и регрессионный анализ.

3. Увеличение количества разновидностей исторических источников

Источник-действительность

Количественный рост исторических источников и упрощение содержания отдельного документа приводят к увеличению числа разновидностей внутри видов. На протяжении всего рассматриваемого периода новые и ранее существовавшие виды делятся на разновидности. Следует иметь в виду, что новых разновидностей возникает явно больше, чем исчезает исчерпавших себя форм. Это приводит к постоянному усложнению структуры корпуса исторических источников.

Увеличение разновидностей в наибольшей степени проявляется в делопроизводственной документации, учетных материалах, актовых источниках.

Историк-источник

Вполне очевидно, что историку, работающему с источниками нового времени, приходится строже подходить к определению видовой природы источника, учитывая его принадлежность к той или иной разновидности внутри вида.

Дифференциация видов исторических источников по разным параметрам открывает более широкие возможности для их систематизации, а значит и для выявления структурной информации. Исследователь получает дополнительные возможности анализировать информацию путем составления разнообразных (в том числе и комбинаторных) таблиц и применения методов математической статистики.

Вторая исследовательская проблема связана с разработкой принципов группировки разновидностей и выработки методов анализа групп. В качестве примера такой группы видов и разновидностей можно назвать массовые источники, активно разрабатываемые в отечественной историографии в последние 20-30 лет⁵.

4. Публикация и тиражирование исторических источников

Источник-действительность

Может быть, самой существенной особенностью исторических источников нового времени является то, что большинство их видов уже в момент создания были предназначены для публикации⁶. Так, с начала XVIII в. обязательно публикуются законодательные акты⁷. Такие наиболее характерные для корпуса исторических источников нового времени виды, как периодическая печать, эссеистика, мемуаристика, создавались именно для публикации.

И если для периодической печати расчет на публикацию очевиден и постоянен, то имманентно присущее мемуаристу стремление к обнародованию своих воспоминаний развивается и служит одним из критериев эволюции мемуаристики⁸.

К концу XIX в. это свойство исторических источников выходит на новый уровень. Начинают публиковаться текущие законодательные акты: с 1863 г. выходит «Собрание узаконений и распоряжений, издаваемое при Правительствующем Сенате». С развитием исторической периодики расширяется публикация источников личного происхождения.

Начинают систематически издаваться сводные статистические данные. В начале XX в. публиковался и такой источник, как стенографические отчеты Государственной думы.

На протяжении XVIII-XIX вв. укреплялась взаимосвязь видов исторических источников. При обзоре основных видов исторических источников нового времени мы увидим, сколь тесно связаны законодательство и статистика, периодическая печать и публицистика, мемуаристика и периодическая печать, эпистолярные источники и художественная литература. Механизм взаимосвязи видов различен, однако отметим, что зачастую один вид мог влиять на другой именно потому, что в новое и новейшее время многие исторические источники изначально предназначались для публикации.

Историк-источник

Синхронная публикация (непосредственно после создания) исторических источников создает принципиально новые условия их сохранности, что возвращает нас к началу нашего анализа - количественному росту не только создаваемых источников, но и сохранившихся от созданного.

Изучая источник, историк должен отчетливо осознавать ту информационную среду, в которой творил автор источника, должен пытаться выявить не только непосредственные источники текста, но и существовавший информационный континуум. Например, европейские мемуаристы уже в XVII в. имели возможность включить свои мемуары в историографический контекст (знакомясь с публикациями исторических сочинений, начиная с античных, и с произведениями других мемуаристов) и поэтому часто рассматривали их как историю настоящего (Contemporary History); русские же мемуаристы даже в XVIII в. писали мемуары-автобиографии изолированно друг от друга.

Историку при исследовании обстоятельств создания источника также следует обратить внимание на то, предназначался ли данный источник для публикации и в какой среде он должен был бытовать, т. е. расчет на публикацию включается в систему целей создания источника. При этом необходимо помнить, что авторы, создавая произведение, в разной степени учитывали дальнейшее бытование. Интенсивность и направленность учета потенциальной аудитории зависели как от личности автора, так и от видовой принадлежности создаваемого произведения.

Необходимо подчеркнуть и взаимосвязь между отдельными свойствами корпуса исторических источников. Количественный рост исторических источников во многом обуславливает упро-

шение содержания одного отдельно взятого документа, нацеленность его на реализацию лишь одной функции, что, в свою очередь, порождает, как минимум, два следствия; увеличение количества разновидностей источников каждого вида и рост объема латентной информации внутри комплекса источников.

Отметим также, что многие особенности анализа источников нового времени, вытекающие из их природы, существенны и для предшествующего периода. Историк-медиевист, изучая летопись или агиографическое произведение, должен максимально осмыслить исходную гипотезу или задать себе вопрос, например, о бытовании данного источника. При исследовании проблематики нового времени эти методические требования должны быть очень четко осознаны, без чего невозможно сколь-либо существенное исследование.

ГЛАВА 3

Массовые источники

ДЛЯ НОВОГО и новейшего времени массовые источники неспецифичны, но в этот период растет их количество, что затрудняет (с технической точки зрения) их анализ. В связи с усложнением социальных процессов, включенностью в историческое действие новых слоев населения массовые источники начинают играть все более заметную роль в источниковой базе исследований. Роль массовых источников увеличивается не только по мере приближения предмета исследования к нашему времени, но и с развитием самой исторической науки, которая стремится не ограничиваться только политической историей, а следовательно, повествованием о событиях, непосредственно описанных в исторических источниках, и все больше обращается к исследованию не отдельных фактов, а процессов, к реконструкции исторической реальности.

В историографии существует несколько подходов к проблеме массовых источников. Сопоставление двух основных точек зрения - Б.Г. Литвака и И.Д. Ковальченко имеет значение не только для лучшего понимания проблемы, но и позволяет еще раз прояснить различие научных парадигм, базирующихся на разных определениях понятия «исторический источник».

Б.Г. Литвак предлагает следующую систему признаков массовых источников: 1) ординарность обстоятельств происхождения; 2) однородность, аналогичность или повторяемость содержания; 3) «однотипность формы, тяготеющая к стандартизации»; наличие законодательно установленного, а также обычаем сложившегося или складывающегося формуляра⁹.

Сразу же отметим, что предлагаемые признаки представляют собой определенную систему, каждый последующий признак обусловлен предыдущим. Первый признак указывает на возникновение массовых источников в повседневной жизни, их принадлежность к первичному пласту информации, обычно не используемому историками. И дело здесь не только и не столько в том, что при обобщении первичных данных (например, в сфере делопроизводства) теряется часть информации, а в том, что информация субъективизируется. Аналогичность, повторяемость содержания не означает его идентичности. (В этом смысле трамвайный билет не есть образец массовых источников.) Для массовых источников при однородности объектов описания характерна различная мера, их свойств. Например, в актах купли-продажи на землю фиксируются однотипные сделки, однако размеры участка и его стоимость в разных актах различны.

И.Д. Ковальченко, в отличие от Б.Г. Литвака, предлагает при определении понятия «массовые источники» учитывать, в первую очередь, какие общественные явления они отражают. В предисловии к коллективной монографии «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» И.Д. Ковальченко пишет: «*Массовыми* являются источники, характеризующие такие объекты действительности, которые образуют определенные общественные *системы* с соответствующими *структурами*. Массовые источники отражают сущность и взаимодействие массовых объектов, составляющих эти системы, а следовательно, строение, свойства и состояние самих систем»¹⁰.

Вполне очевидно, что определение Б.Г. Литвака находится в пределах источниковедческой парадигмы, в основании которой лежит определение исторического источника «как реализованного продукта человеческой психики, пригодного для изучения фактов с историческим значением». При таком подходе основное внимание уделяется обстоятельствам порождения массовых источников в обыденной жизни и содержанию информации, закладываемой в них в момент создания.

Определение И.Д. Ковальченко почти не принимает во внимание природу массовых источников: ничего не говорится об источнике, речь идет об особенностях отражаемых им явлений. Это определение соответствует источниковедческой парадигме, в которой в качестве исторического источника понимается «все, что дает информацию о прошлом человеческого общества». Очевидно, что в этом определении ничего не говорится о субстанции исторического источника, а лишь указывается на функцию некоего неизвестного объекта. Именно поэтому хочется спросить: что должен представлять из себя предмет, чтобы он

мог дать информацию об историческом событии? Точно так же определение массовых источников, которое дает И.Д. Ковальченко, вызывает вопрос: какими должны быть источники для того, чтобы они давали информацию о массовых явлениях? Причем если при определении исторического источника ответ на этот вопрос обычно дается интуитивно, то при определении массовых источников такого не происходит.

Здесь необходимо последовательное рассуждение. Его отсутствие ведет, в частности, к включению в число массовых источников статистических материалов, по-видимому, на том основании, что, если в источнике приводится множество цифр, значит, отражено массовое явление. То, что статистика может искажать явление до полной неузнаваемости, хорошо известно даже из обыденного опыта. Можно, конечно, возразить, что искаженное отражение - это все равно отражение. Но в историографии описаны случаи, когда статистика вообще не отражает того явления, которое, она, казалось бы, должна отражать. Приведем лишь один пример. Историки часто используют статистические сведения об урожаях, почерпнутые из приложений к губернаторским отчетам, правда, отмечая при этом неточность данных. Однако в 1964 г. В.К. Яцунский показал, что вся статистика урожаев возникает сразу же на уровне губернаторского отчета. По крайней мере, не обнаружены не то что первичные материалы, но и источники, содержащие поуездную информацию. А это означает, что статистика урожаев - плод творчества губернских чиновников.

Столь же очевидно: подход Б.Г. Литвака исключает статистику из числа массовых источников уже потому, что она не отвечает первому признаку - статистика не возникает в повседневной жизни. В частности, Б.Г. Литвак пишет: «...Даже первичное статистическое наблюдение коренным образом отличается от первичного массового источника, так как последний не имеет никакой научно-статистической заданности, не имеет цели изучить данное явление или факт, а только регистрирует его или спонтанно возникает как часть этого факта»¹¹.

Выяснив таким образом различия этих определений, обратимся к имеющейся в историографии попытке их примирить. Естественно, что подобная попытка обречена на неудачу. Основной аргумент в пользу объединения этих двух групп - возможность применить к ним методы математической статистики. Логика такова: если можно использовать единый метод, значит, эти источники обладают существенной общностью признаков. Непредвзятый взгляд сразу же позволяет увидеть, что познавательная ситуация перевернута с ног на голову. Исследователи, придерживающиеся такой точки зрения, по сути утверждают: не

метод зависит от природы объекта, а природа объекта зависит от того метода, который мы используем. Даже при всяческом признании значения исследовательского инструментария в процессе исследования такая позиция, будучи доведенной до логического конца, представляется абсурдной. Почему же сами авторы не видят ее абсурдности? Причина все та же: невнимание к природе исторического источника, его субстанции.

Но возможны и иные возражения, кстати, более обоснованные. Ведь, действительно, и в том и в ином случае - и при обращении с массовыми источниками, и при работе со статистическими данными - применяются, и, на первый взгляд, успешно, методы математической статистики. Не является ли это внешним признаком, который должен заставить исследователя обратиться к поиску глубинной внутренней общности? Но методы математической статистики, как, впрочем, и иные, так называемые количественные методы, или математические, относятся к уровню не собственно методики, а техники исследования, для которой, в отличие от методики, безразличны как методология исследования, так и природа исследуемого объекта.

Адекватность использования той или иной техники для решения определенной исследовательской задачи также требует обоснования. И, как ни парадоксально, применение методов математической статистики к массовым источникам имеет меньше ограничений, чем к источникам статистическим.

Таким образом, очевидно, что отнесение тех или иных исторических источников к массовым является их качественной, а не количественной характеристикой. Массовость не тождественна множественности, понятие массовости противостоит не понятию единичности, а понятию уникальности исторического источника. Поэтому и один или несколько исторических источников, дошедших до нашего времени, относятся к массовым, если они возникли в повседневной жизни, имеют однородное содержание и форму, тяготеющую к стандартизации. Как же узнать, имеет ли единственный сохранившийся источник «однородное содержание и форму, тяготеющую к стандартизации»? Такие возможности дает исследование исторических источников других видов, чаще всего законодательных. Например, в XVIII в. законодательно был установлен порядок составления формулярных списков при всех перемещениях чиновников по службе, а с 1764 г. такие списки должны были составляться два раза в год. Обнаруживая в архиве единичные формулярные списки вплоть до начала 1780-х годов и каждый раз убеждаясь, что их составляли не по каким-то особым поводам, а именно в тех случаях, которые были предусмотрены законода-

тельством, отнесем эти несколько списков к группе массовых источников¹².

На это следует обратить особое внимание, поскольку неотработанность понятийного аппарата исторической науки, а также введение понятия «массовые источники» в научный оборот только в конце 1970-х годов¹³ приводят к тому, что определение «массовый» в научной и учебной литературе часто относится к тем источникам, которых сохранилось много. Например, можно встретить фразы типа: «В XIX в. мемуаристика становится массовым источником». Современный исследователь должен строго разграничивать «обыденное» употребление слова «массовый» и его терминологическое использование.

Четкое различие массовых источников от статистики заставляет нас включить в учебное пособие отдельную, хотя и небольшую, главу об учетной документации, которая, наряду с актами, является наиболее обширной группой массовых источников. Вернувшись к позиции Б.Г. Литвака, разграничивающего массовые источники и статистику, мы можем сказать, что учетная документация «регистрирует факт», а актовые источники «возникают как часть... факта». Вместе с тем учетная документация имеет тенденцию к перерастанию в статистические системы. Заметить момент такого превращения принципиально важно для исследователя.

ГЛАВА 4

Законодательство

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО - вид исторических источников, объединяющий нормативные документы, санкционированные верховной властью.

История государственной власти и управления в России, а следовательно и история российского законодательства составляют сердцевину многих исторических и современных социальных и политических проблем. Материалы российского законодательства XVIII-XIX вв. активно используются в исторических и историко-юридических исследованиях, но при этом они остаются почти не изученными как целое, как законодательная система. В исторических исследованиях чаще всего используются законодательные источники, отбираемые тематически в соответствии с проблематикой исследования. Параллельно накапливается опыт изучения отдельных законодательных актов - истории их разработки, обсуждения, принятия, публикации.

Комплексно законодательство изучают, пожалуй, лишь правоведы и историки права, но как источник права. В этом случае именно система права (т. е. понятие, сформированное в правоведении с помощью обобщенного изучения главным образом европейского права, начиная с римского) выступает как основа отбора исследуемых источников, систематизации законодательных актов и определения критериев их эволюции.

Законодательство относится к тем видам источников, которые не возникают в новое время, а переходят из предыдущего периода. Однако законодательство нового времени приобретает ряд новых черт, рассмотрению которых и уделяется преимущественное внимание в данной главе. Поскольку свойства законодательства нового времени определяются в России на протяжении XVIII в., этому периоду уделяется преимущественное внимание¹⁴. Сразу же отметим, что законодательство XVIII в. отличается рядом особенностей, которые обусловлены двумя группами причин.

Во-первых, в это время возникают и проходят длительный и противоречивый путь становления те его особенности, которые можно определить как особенности законодательства нового времени, с одной стороны; а с другой стороны, российское законодательство приобретает ряд характеристик, свойственных законодательству империи и сохраняющихся в российском законодательстве не только в XIX в., но и на протяжении большей части XX в.

Во-вторых, законодательство XVIII в. обладает целым рядом специфических черт, что обуславливает необходимость его специальной разработки.

В XVIII в. распространяется «философское направление» в законотворчестве, которому свойственна «мысль о возможности произвольно устраивать правовую жизнь посредством новых законов»¹⁵, что способствует значительной активизации законотворчества и расширению сферы законодательного регулирования, а также тематики законодательства.

Активизация законотворчества ведет к противоречию, особо остро ощущавшемуся в XVIII в., когда еще не была окончательно отработана законодательная процедура, - между абсолютистской государственной властью и стремлением к детальной (если не сказать мелочной) регламентации жизни общества и частной жизни подданных.

Нестабильность государственной власти на протяжении значительной части XVIII в. ярко выявляет противоречие между устойчивостью (инертностью) законодательства и его зависимостью от политической конъюнктуры, что позволяет проследить стабилизирующую роль законодательства.

Характерная черта законодательства нового времени - регламентированная публикация законодательных актов - находит в XVIII в. оригинальное преломление. Если взять ситуацию XVIII в. в сфере информирования населения, то можно предположить, что при зародышевом состоянии газетного дела законодательные акты во многом выполняли функцию средства информации. По крайней мере, ни один другой источник XVIII в. не может быть сопоставлен с законодательством по распространенности. Это подтверждается возникновением и достаточно широким распространением в XVIII в. такой разновидности законодательных актов, как манифесты.

1. Историография

Наиболее существенные заслуги в изучении законодательства как источника права принадлежат историкам права XIX - начала XX в.¹⁶ История права в XIX в. была одной из быстро развивающихся научных дисциплин. Среди разнообразных теорий происхождения права (теологическая, рационалистическая, «естественного права»), противоборствовавших в XVIII - начале XIX в. в России, как и в Германии, распространялась историческая концепция, изучение которой, в том числе и в русле исследования идейной борьбы «западников» и «славянофилов» и более поздней концепции «свразийства», представляет самостоятельный интерес.

Суть исторического подхода к проблеме происхождения права формулировали многие авторы. В частности, М.Ф. Владимирский-Буданов, отмечая кризис господствовавшей в XVIII в. теории «естественного права», писал: «После переворота XVIII в. и разочарования, постигшего европейское общество в первой четверти XIX в., нельзя уже было признать истинным выражением права ни законы действующие, ни право философски построенное; оставалось признать таким право, исторически данное (т. е. выразившееся в целой истории какого-нибудь народа)»¹⁷. Аналогичную мысль находим у Н.П. Загоскина: «...право не должно и не может быть рассматриваемо ни как исключительный императив разума, ни как исключительный продукт природы, ни как результат непосредственной творческой деятельности человека... право каждого отдельного народа - есть продукт всей предшествовавшей исторической жизни его и... единственным источником права является правовое сознание народа, представляющее органическую частью всего его мировоззрения»¹⁸. Но наиболее резко историческую концепцию происхождения права сформулировал И.Д. Беляев, что, учитывая его славянофильское ми-

ровоззрение, легко объяснимо: «Самостоятельное общество, пока оно самостоятельно, не может подчиниться чуждым законам, принесенным со стороны; подчинение чуждым законам есть уже явный признак падения общества. Законы должны вытекать из исторической жизни народа. Связь между законом и внутреннею историческою жизнью народа так неразрывна, что ни изучение законодательства не может быть вполне понятно без изучения внутренней жизни народа, ни изучение внутренней жизни - без изучения законодательства»¹⁹.

Значительный интерес среди трудов по истории права представляют работы И.Д. Беляева, Г.В. Вернадского, М.Ф. Владимирского-Буданова, А.Д. Градовского, Н.П. Загоскина, Н.М. Коркунова, В.Н. Латкина, Ф.И. Леонтовича, А.В. Романовича-Словатинского, В.И. Сергеевича, А.Н. Филиппова, И.П. Числова, Б.Н. Чичерина, М.И. Ясинского. В ряде работ интересующий нас период - XVIII-XIX вв. - рассматривается частично, но все эти работы представляют интерес с точки зрения теории и метода историко-правоведческого исследования.

Законодательство в историко-правовых исследованиях рассматривается как один из источников права, и в общих курсах истории права ему уделяется большее или меньшее внимание, в первую очередь в работах В.Н. Латкина. В его «Учебнике русского права периода империи (XVIII-XIX ст.)»²⁰, имеющем весьма традиционную структуру: государственное право, уголовное право, гражданское право, судопроизводство, - значительное место отводится «внешней истории права». В «Лекциях по внешней истории русского права: Московское государство - Российская империя» В.Н. Латкин под «внешней историей русского права» понимает историю законодательных памятников, а под «внутренней историей права» - историю юридических норм и институтов²¹. «Внешняя история права», по мнению исследователя, «показывает причины появления законодательных памятников, время и порядок их издания: затем источники, внешний состав и содержание памятников и, наконец, их соотношение с другими, как предшествующими им, так и последующими за ними памятниками»²². Вслед за Ф.И. Леонтовичем²³ В.Н. Латкин формулирует схему разбора законодательных памятников. Во-первых, надо рассмотреть историю «каждого памятника в отдельности», указав «причины издания памятника - мотивы и цели, руководившие законодателем при издании памятника; элементы, легшие в основание памятника, или его источники; редакцию памятника, т. е. как он составлен, в какое время, при участии каких лиц, учреждений и вообще органов законодательной власти; дальнейшую судьбу памятника - силу и действие его в последую-

щие эпохи развития законодательства; наконец, научную обработку и литературу памятника». Во-вторых, «систему и содержание памятников», причем «само содержание их настолько может быть предметом исследования в этой части науки, насколько это необходимо для общего знакомства с памятниками». И наконец, в-третьих, необходимо «показать общее значение каждого памятника в целой системе современного законодательства, чтобы таким образом яснее определить общее направление законодательства известной эпохи». Как мы видим, задачи изучения памятников законодательства, по Леонтовичу-Латкину, относимые В.Н. Латкиным к «внешней истории права», во многом совпадают с задачами источниковедческого анализа. Соответствует нашим представлениям о смысле источниковедческого анализа и понимании В.Н. Латкиным значения изучения законодательных памятников при исследовании истории права: «...об истории отдельных постановлений памятников, само собой разумеется, нельзя говорить без предварительного ознакомления с самими памятниками. Таким образом, внешняя история права, рассматривая закон, как памятник известной эпохи, исследуя списки его, критически доказывая достоверность, подлинность или подложность его, разлагая его на составные элементы и пр., этим самым работает, так сказать, для очистки материала, оперирование над которым составляет функцию внутренней истории»²⁴.

К сожалению, интересующий нас период В.Н. Латкин в «Лекциях по внешней истории русского права...» исследует весьма бегло, отводя ему лишь одну главу (глава VI - «Законодательство и кодификация в период империи»). Гораздо больше внимания он уделял памятникам более раннего времени. Примечателен подход В.Н. Латкина к разработке этих памятников, что отразилось в названиях глав: глава I - «Развитие законодательства путем издания отдельных грамот» (рассматриваются уставные, судные, губные и прочие грамоты), глава II - «Первые опыты кодификации: Псковская и Новгородская судные грамоты», глава III - «Судебники 1497 и 1550 г. и дополнительные к ним указы», глава IV - «Стоглав», глава V - «Уложение 1648-49 гг. и новоуказные статьи».

Итак, В.Н. Латкин разрабатывал отдельные законодательные памятники и не смог преодолеть этот подход, переходя к изучению законодательства XVIII-XIX вв., исследование которого как анализ отдельных памятников принципиально невозможно в связи с изменением характера законодательства. В.Н. Латкин в рамках выработанного им, да и всей историко-правовой наукой подхода ограничился рассмотрением преимущественно вопросов кодификации, сосредоточившись на исследовании тех законодательных памятников, которые явились ее результатом.

Определенное внимание законодательству как источнику при изучении истории русского права уделял Н.П. Загоскин. Надо отметить, что труд Н.П. Загоскина задумывался как чрезвычайно обширный. Планировалось двенадцатитомное исследование, которое должно было охватывать период до конца правления Александра II. В соответствии с замыслом исследованию предпослана объемная вводная часть, в которой автор стремился упомянуть все источники (хотя бы на уровне видов и типов), которые могли быть полезны при изучении истории русского права: вещественные памятники, летописи и хронографы, памятники государственного и юридического быта, памятники письменной и устной словесности, записки и письма современников, сказания иностранцев. Законодательные источники он относил к «памятникам государственного и юридического быта». По мнению Н.П. Загоскина, законодательные памятники - «памятники юридического быта в тесном смысле этого понятия». Сюда же он включал архивные материалы и их публикации, «Архив Государственного Совета», «Доклады и приговоры Правительствующего Сената», акты фамильных архивов и пр. Но из законодательных актов рассматриваемого нами периода автор упоминает лишь Полное собрание законов Российской империи, отмечая его неполноту.

К аналогичному корпусу источников в «Обзоре истории русского права» обращался М.Ф. Владимирский-Буданов. Автор отмечал, что «прежде эта наука именовалась историей законодательства, и в соответствии с этим излагала лишь сведения о законодательных памятниках прошлых времен. Теперь же в содержание ее входит изложение не только норм, установленных в законе, но и существовавших помимо закона (в обычном праве)»²⁵. И далее: «Источники истории русского права - те же, что и источники самого права, т. е. обычай и закон. Памятниками обычного права являются все памятники русской истории (летописи, записи, акты, отчасти литературные памятники), а равно живое обычное право и юридические пословицы. Памятниками законов служат: договоры (международные и внутренние), уставы и указы (отдельные законы) и кодексы»²⁶. Упомянув отдельные разновидности законодательных актов XVIII-XIX вв., М.Ф. Владимирский-Буданов, наряду с большинством других авторов, основное внимание уделяет вопросам кодификации.

В целом анализу законодательных памятников, как и других источников, историки права уделяли мало внимания, используя источники прежде всего в выборочно-иллюстративных целях, что особенно заметно при описании истории права XVIII-XIX вв. Рассматривая законодательство в рамках истори-

ческой концепции происхождения права лишь как один из источников права наряду со многими и многими другими, историки права понимали историю права гораздо шире, чем историю законодательства, но лишь в определенном, историко-правовом смысле. За рамками исследования остался огромный массив законодательных актов, преимущественно XVIII-XIX вв.

В трудах по истории права, написанных в советский и постсоветский периоды, анализу источников, в том числе и законодательных, внимания почти не уделялось, в лучшем случае упоминались основные разновидности законодательных актов и давался очерк истории кодификации²⁷. В советский период проблемы истории законодательства затрагивались попутно при изучении истории государства и права, а также истории государственных учреждений²⁸.

Итак, историки права, обращаясь к законодательным актам как к одному из источников права (наряду с обычаям, отразившимся преимущественно в нарративных источниках) и в силу этого как к источникам по истории права, использовали законодательство XVIII-XIX вв. лишь в незначительной степени, подходя к его исследованию почти так же, как к исследованию законодательства предшествовавших эпох, т. е. рассматривая отдельные законодательные акты, в лучшем случае упоминая в качестве обобщающих категорий некоторые их разновидности, и сосредоточиваясь на проблемах кодификации. Однако наблюдения и выводы, сделанные при изучении истории права преимущественно исследователями XIX - начала XX в., весьма ценны и для исследования истории законодательства. Это, в первую очередь, наблюдения над изменением соотношения обычая и закона как источников права и выводы о его причинах и следствиях, которые позволяют опираться на историко-правовые исследования при характеристике нового этапа в истории российского законодательства.

2. Закон: попытки определения понятия

Основная сложность при изучении законодательства XVIII-XIX вв. состоит в том, что в историко-правоведческих исследованиях не сформировано понятие «закон» применительно к рассматриваемому периоду. Это, естественно, является следствием отсутствия четкого определения понятия самим законодателем. Историки права давали самые общие определения понятия «закон». Все исследователи отмечали, что в законодательстве оформляется воля императора. Г.В. Вернадский пи-

шет: «Начиная с Петра Великого, единственным источником права делается воля законодателя; это период правотворчества императорских указов...»²⁹. Более четко определял закон М.Ф. Владимирский-Буданов: «В период империи установилось понятие о законе как о воле государя, правильно объявленной»³⁰. На постепенную выработку порядка «объявления воли» императора обращал внимание и Г.В. Вернадский, который писал: «...сами государи стремились установить незыблемые формы для отправления своей законодательной деятельности». Это проявилось в том, что «...определена была неперменная форма публикации и регистрации законов - через Сенат...» и «постепенно делались попытки установить особую неперменную форму для предварительной подготовки или особой прочности юридического бытия группы наиболее существенных законодательных актов»³¹.

Идеологизированное, но столь же общее определение закона дает Б.М. Кочаков в работе, опубликованной в 1937 г.: «Закон, являясь общеобязательной, созданной государственной властью нормой, есть... определенное, в результате классовой борьбы созданное выражение воли господствующего класса, определенное орудие классовой политики государства...»³². Работа Б.М. Кочакова интересна тем, что общее положение автор конкретизирует, исходя из характера эволюции центральной власти, с укреплением которой «...появляется необходимость и дифференциации правительственных распоряжений», тогда «закон - это уже определенный вид распоряжения, это - указ, издаваемый определенным порядком»³³. Однако в XVIII в., по мнению Б.М. Кочакова, в России не было точного понятия закона - господствовал «царский указ» и существовало стремление, остававшееся на протяжении XVIII в. безуспешным, выделить из всего многообразия указов те, которые по их юридическому действию можно было бы рассматривать как законы. В XIX в. поиск формальных критериев разделения закона и указа продолжался, и шел он, главным образом, по пути фиксации законодательной процедуры. Формальным признаком закона со времен Петра I оставалась царская подпись, но это правило в XVIII в. нарушалось «объявленными указами», а в XIX в. также и законами Государственного Совета, одобряемыми словесно.

Таким образом, при различии исходных посылок определения понятия «закон» и М.Ф. Владимирский-Буданов, и Г.В. Вернадский, и Б.М. Кочаков выделяют два критерия: во-первых, наличие подписи императора и, во-вторых, фиксированный порядок принятия, вырабатывавшийся постепенно на протяжении XVIII-XIX вв.

Теоретически понятие «закон» и проблему различия закона и указа в XIX в. разрабатывал Н.М. Коркунов. В «Лекциях по общей теории права» он в теоретическом ключе поставил проблему отличия естественно-научных и юридических законов³⁴. В работе «Указ и закон» Н.М. Коркунов подходил к определению закона, отталкиваясь от исторического развития понятия власти и принципа разделения властей. Исследователь отмечал, что говорить об отличии закона от указа можно лишь в том случае, если исполнительная власть отделена от законодательной. По его мнению, в российском законодательстве «...со словом указ не соединяется точно определенного значения. До учреждения министерств указами назывались все вообще акты всех органов власти, обращенные к подчиненным им местам и лицам». Для Н.М. Коркунова указ в XIX в. - научная абстракция, собирательное название для «всех общих правил, установленных в порядке управления»³⁵.

Итак, четкого определения понятия «закон» и критериев для отделения закона от прочих распоряжений верховной власти в российской историко-правовой науке выработано не было. По-видимому, это в принципе неразрешимая задача, поскольку теоретически разграничить закон и административное распоряжение можно только когда исполнительная власть отделена от законодательной (и здесь мы вполне согласны с Н.М. Коркуновым), чего в российской истории не было не только в XVIII-XIX вв., в условиях самодержавной империи, но и на протяжении большей части XX в.

Однако при этом необходимо учитывать, что на практике историки чаще всего относят к законодательным актам второй половины XVII - начала XX в. то, что было отобрано в качестве законодательных актов составителями Полного собрания законов Российской империи.

3. Изменение соотношения обычая и закона как источников права

Начало нового этапа в истории русского законодательства, а точнее, в истории русского права и законодательства как его источника большинство авторов связывают с изменением соотношения обычая и закона как источников права и относят изменение этого соотношения либо к середине XVII в. (после Соборного уложения 1649 г.), либо к началу XVIII в. (период преобразований Петра I).

Идея приоритета закона как источника права формировалась постепенно. Некоторые признаки ее зарождения можно усмотреть, например, в наказе окольничему князю Львову, определенному воеводою в Казань, - «Об управлении казенными и земскими делами» от 31 марта 1697 (7205) г., в котором, кроме указания «всякие дела делать по сему Великого Государя указу», содержится наставление впредь руководствоваться приходящими из приказа Казанского Дворца грамотами, «которые наказа противны не будут».

В конце 1710-х годов Петр I, по-видимому, считал, что имеющаяся законодательная база, в основе которой по-прежнему лежало Соборное уложение 1649 г., позволяет Сенату решать большинство дел, не обращаясь каждый раз к законодателю. По крайней мере, в именном указе от 22 декабря 1718 г. «О неподаче Государю прошений о таких делах, которые принадлежат до рассмотрения па то учрежденных Правительственных мест, и о нечинении жалоб на Сенат, под смертною казнью» говорится, что Сенат должен обращаться к царю только в том случае, «разве такое спорное новое и многотрудное дело от челобитчиков объявится, которого *по Уложению* (выделено мною. - *М.Р.*) решить самому тому Сенату без доклада и без Именного от Его Царского Величества указа отнюдь нельзя...». Указ из Юстиц-коллегии «О вершении дел без всякаго замедления и волокиты по Уложению и о выписках из судных дел» от 25 мая 1719 г. числит в составе законодательных актов, на основе которых должны решаться дела, кроме Уложения и «новосостоятельные» указы (по-прежнему при ведущей роли Уложения). Отметим, что данный указ был издан как мера борьбы с волокитой и ускорения судопроизводства. Он не устанавливал новой нормы, а только подтверждал ранее введенные. Эти же нормы подтверждались указом из Юстиц-коллегии от 15 октября 1719 г. «О решении дел в Московском Надворном Суде по Уложению и по новосостоятельным указам, а не по сепаратным, и о донесении о делах, которых судьи сами решить не могут, в Государственную Юстиц-коллегию». Указом предписывалось Московскому надворному суду дела управлять по Уложению и «по новосостоятельным Его же Великого Государя указам, которые к пополнению того ж Уложения всенародно напечатаны и повсюду объявлены...».

Основным законодательным актом, утверждавшим приоритет закона как источника права, стал именной указ от 17 апреля 1722 г. (опубликован 27 января 1724 г.) «О хранении прав гражданских, о невершении дел против регламентов, о невыписывании в доклад, что уже напечатано, и о имении сего указа во всех судных местах на столе, под опасением штрафа». В указе гово-

рится: «Понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всеу законы писать, когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, а отчасти и еще есть, и зело тщатся всякия мины чинить под фортецию правды...». Далее говорится, что «...сим указом яко печатью псе уставы и регламенты запечатываются, дабы никто не дерзал иным образом всякие дела вершить и располагать не против регламентов, и не точию вершить, ниже в доклад вписывать, то что напечатано, не отговариваясь о том ни чем, ниже толкуя инако».

Хотя в нашу задачу не входит реконструкция постепенно складывавшейся новой законотворческой процедуры, отметим, что указ «О хранении прав гражданских...» закрепил основные элементы системы законотворчества: апробацию указа государем, публикацию и инкорпорирование в соответствующий регламент.

Установив приоритет закона как источника права, законодатель этим не ограничился, поскольку еще сохранялись обширнейшие сферы как государственной, так и, особенно, общественной и частной жизни, которые продолжали регулироваться обычаем из-за пробелов в законодательстве. С 1720-х годов правительство начало прилагать существенные усилия для восполнения этих пробелов. 27 апреля 1722 г. был издан именной указ «О должности генерал-прокурора», а 13 июня того же года - «Инструкция обер-прокурору Святейшего синода», десятыя пункты которых почти дословно совпадают. В именном указе «О должности генерал-прокурора» говорится: «О которых делах указами ясно не изъяснено, о тех предлагать Сенату, чтоб учинили на те дела ясные указы, против указа Апреля 17 дня 722 года (имеется в виду указ «О хранении прав гражданских...». - *М.Р.*), который всегда на столе держится; и как сочинят, доносить Нам, и ежели в пополнение сей инструкции что усмотрит, о том доносить же». То же самое предлагалось делать обер-прокурору Святейшего синода с тем отличием, что он должен «предлагать Синоду».

Такой способ восполнения пробелов в законодательстве активизировался в правление Екатерины II. Например, в 11-м пункте манифеста от 15 декабря 1763 г. «О постановлении штатов...» говорится: «Когда же случится, что к решению дел точных указов не будет, о том не реша в департаментах, но иметь общее рассуждение, и представлять, куда надлежит, с мнением...». Аналогичное требование содержит и именной, данный генерал-прокурору, указ «О неотступлении сенатской канцелярии от предписанного образа при докладе, о приезде присутствующим в Сенат

в установленное время, о неоставлении заседания прежде положенного часа и об основывании определений Сената по всем делам на законах». В нем говорится, с одной стороны, о необходимости точно соблюдать законы, а с другой стороны, «в случае недостатка в узаконениях, по зрелому уважению Государственной пользы, доносить Нашему Императорскому Величеству».

Итак, не вступая в дискуссию о праве законодательной инициативы в России XVIII-XIX вв. и считая справедливой существующую в исторической и историко-правовой науке точку зрения, что право законодательной инициативы принадлежало царю, обратим внимание на то, что в XVIII в., особенно в годы правления Петра I и Екатерины II, должностные лица не только имели право, но были обязаны обращать внимание законодателя на пробелы в законодательстве.

С установлением приоритета закона как источника права связаны и попытки законодателя устранить противоречия в законодательстве. В частности, в именном, данном Сенату, указе от 11 декабря 1767 г. «Об оставлении в Малороссии установления Магдебургских прав касательно привода к присяге свидетелей из священнослужителей, в своей силе», разрешающем коллизию между Соборным Уложением и Воинским уставом в связи с порядком присяги священнослужителей, содержится ссылка на указ, данный Сенату 3 сентября 1765 г. Этим указом «повелевается, если которая Коллегия усмотрит в двух равных делах разные Сената решения, то, не чиня исполнения, докладываться о сей разности Сенату и... Императорскому Величеству, а Сенат имеет оныя дела с объяснением своих решений... Императорскому Величеству вносить...».

Таким образом, к концу правления Петра I не только законодательно утвердился принцип приоритета закона как источника права, но и был предпринят ряд мер для восполнения пробелов в законодательстве. В последующем такая законотворческая деятельность была продолжена. Среди мер, направленных на создание новой законодательной системы, отметим и малоуспешные попытки кодификации.

В последующие годы самым сложным оказалось внедрить принцип приоритета закона в сознание чиновников. Эту цель, в частности, преследовали несколько законодательных актов, изданных в 1740 г. 9 февраля вышел сенатский указ «О нечинении Камер-конторе по таким делам, на которые имеются точные указы, никаких вымыслов и незаконных волокит». Поводом для издания этого указа послужило рассмотрение конкретного дела виновного подрядчика Воронцова. Камер-контора затребовала сенатский указ о мере наказания этому подрядчику за его «продер-

зость». Поскольку о винных откупах и корчемстве существовали указы от 18 июня 1689 г., 28 января 1716 г., 6 мая 1736 г., на которые, кстати, в своем запросе ссылается и сама Камер-контора, Сенат указывает, что Камер-конторе «надлежало бы не докладывая и не утруждая Правительствующий Сенат, по вышеозначенным указам, а особливо по Именному Ея Императорского Величества 736 года указу точное решение чинить...». Более того, в указе подчеркивается, что если Камер-контора, несмотря на ранее данное указание Сената, не приняла решение в соответствии с известными ей указами, а обратилась с требованием указа в Камер-коллегию, то «явная и незаконная волокита» чинилась «знатно для некоторой страсти, или лакомства». И в конце сенатского указа содержится требование не только как можно скорее и соответствии с имеющимися указами решить дело подрядчика Воронцова, но и «...впредь той Конторе в таких делах, на который имеются точные указы (как и на сие дело), отнюдь никаких вымыслов не употреблять, и незаконных волокит к разорению не чинить, под опасением тяжкого штрафа...».

Правительство не ограничилось только разъяснением по поводу конкретного дела. Вскоре, во время регентства Бирона, 23 октября 1740 г. был издан манифест «О поступании в управлении всяких Государственных дел по регламентам, уставам и прочим определениям и учреждениям». Этим манифестом провозглашалась необходимость «...во управлении всяких Государственных дел поступать по регламентам и уставам и прочим определениям и учреждениям от блаженные и вечнодостоинныя памяти Государя Императора Петра Великого, и по нем во время Ея Императорского Величества блаженные ж и вечнодостоинныя памяти благополучнаго государственова учиненным без всяких отмен...». Манифестом подтверждается устав от 6 октября 1740 г., а также «все... прежние в народ публикованные указы и манифесты о правосудии».

Но Бирон правил недолго, 11 ноября 1740 г., сразу же после смены правления, издается именной указ «О поступании при управлении Государственных дел по регламентам и уставам и прочим учреждениям», содержащий ссылку на «указ» от 23 октября. В нем утверждается намерение новой власти «все... прежние указы... еще вновь накрепчайше подтвердить» и, как и в манифесте 23 октября, содержится повеление «всем находящимся при управлении Государственных дел, как вышняго, так и нижняго, какого б кто чина и достоинства ни были, каждому по своему месту и званию поступать по Регламентам и Уставам и прочим определениям и учреждениям от Предка нашего, блаженные и вечнодостоинныя памяти Государя Императора Петра Великого, и по

Нем во время Ея Императорского Величества, блаженные ж и вечнодостойныя памяти, Вселюбезнейшей Нашей Государыни, благополучнаго Государствования учиненныя, и по вышеобъявленному Нашему, вновь выданному от 9 сего Ноября Уставу, без всяких отмен».

Отметим, что, несмотря на то что попытки провести кодификацию в первые десятилетия XVIII в. не увенчались успехом, а значит, Соборное Уложение 1649 г. оставалось действующим кодексом, в упомянутых законодательных актах именно указы Петра I рассматриваются в качестве основы действующей законодательной системы.

Внимания достоин и тот факт, что именно при быстрой смене временных правителей Российской империи, в условиях крайней нестабильности верховной власти один за другим издавались законодательные акты, подтверждавшие необходимость руководствоваться ранее принятыми законодательными нормами. В этом, несомненно, проявилась стабилизирующая роль законодательства при смене правлений.

При Екатерине II усилия власти заставить чиновников руководствоваться имеющимся законодательством были продолжены. В том же 11-м пункте уже упоминавшегося манифеста «О постановлении штатов...», кроме предложения «иметь рассуждение» о случаях, по которым нет соответствующих указов, содержится и еще одно требование: «...на что точные указы есть, о том отнюдь общаго собрания Департаментов не иметь, дабы напраснаго предложения чрез то в делах по проискам каким-либо не происходило, но решить дела в Департаментах».

Но самый яркий пример усилий заставить чиновников руководствоваться существующими законами, а не требовать указа верховной власти по каждому конкретному делу, содержит высочайшая резолюция на доклад генерал-прокурора «Об окончании Сенату дел, на которыхя существуют ясные законы, не делая по оным особых докладов Ея Императорскому Величеству». В своем докладе генерал-прокурор просил императрицу издать указ в связи с тем, что при рассмотрении четырех апелляционных челобитных на гетманские решения Сенат не смог прийти к единому мнению. Ответ Екатерины II на эту просьбу таков: «Малороссийские права ясны, определение Сенатское 24 сентября 1767 года еще яснее, Мой указ 1768 года 21 Марта весьма же не темен, и Мое о сей материи мнение довольно известно Сенату; соглашать же спорящих, по законам, есть дело генерал-прокурора. И так, Я, потеряв целое утро, которого каждая минута для Меня дорога, на такое дело, кое и без Меня *по законам* (курсив мой. - М.Р.) решить можно было, отсылая оное

обратно, дабы Сенат окончал оное по вышеписанному без Меня же».

Постепенно от пожеланий должностным лицам указывать на пробелы в законодательстве, через утверждение о необходимости руководствоваться при решении дел имеющимися законами, законодатель переходит к требованию строгого соблюдения имеющихся законов. Такие требования содержатся в «Уставе Благочиния, или Полицейском», принятом 8 апреля 1782 г. Статья 46 Устава гласит: «Управа Благочиния имеет почесть противностию закона, буде кто не выполняет слова закона, и нарушением закона, буде кто тонкостью, или хитростью избывает силы закона». В 56-й статье говорится, что «Управа Благочиния не дозволяет вчинять новизну в том, на что узаконение есть; всякую же новизну, узаконению противную, пресекает в самом начале». Запрет «вчинять новизну, узаконению противную» содержится и в статье 194 Устава. А статьей 236 из раздела «Взыскание» предусматривается за «узаконению противную новизну» отсылать в суд и наказывать «по мере вины или преступления».

В «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» от 21 апреля 1785 г, указывается: «Собранию дворянства запрещается делать положения, противные законам, или требованию в нарушение узаконений, под опасением за первый случай (то есть за положения противные законам), наложения и взыскания с Собрания пени 200 рублей; а за второй случай (то есть за требования в нарушении узаконений) уничтожения недельных требований...» (статья 49). Почти дословно с 49-й статьей «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» совпадает 37-я статья изданной одновременно с ней «Грамоты на права и выгоды городам Российской Империи».

В связи с утверждением идеи приоритета закона к концу века законодатель формулирует и новое требование - точности, буквальности воспроизведения законов и цитат из законодательных актов. В именном, данном генерал-прокурору, указе от 7 апреля 1788 г. «О неотступлении Сенатской Канцелярии от предписанного образа при докладе...» подчеркивается, что присутствующие должны «основывать свои определения везде и во всех делах на изданных законах и предписанных правилах, не переменив ни единой литеры не доложась Нам». А в начале XIX в., уже при Александре I, был издан именной, объявленный министром юстиции, указ «Об означении, при выписывании по делам законов, точных слов оных без сокращения и малейшей перемени». Издание этого законодательного акта связано с казусом - разбором жалобы графини Потоцкой, когда было усмотрено,

что неверное решение основано на частичном использовании цитаты из законодательного акта. В связи с этим император повелел, чтобы Правительствующий Сенат «подтвердил повсеместно, чтобы при выписывании по делам законов означаемы были точный слова оных без сокращения и малейшей перемены, изменяющей часто самый смысл».

Таким образом, к началу XIX в. окончательно утвердился приоритет закона как источника права. С его утверждением связано стремление к восполнению пробелов в законодательстве, требование соблюдения законов и точности их воспроизведения при решении конкретных дел.

Изменение соотношения обычая и закона как источников права, складывание приоритета закона - это основной, системообразующий признак, позволяющий говорить о начале нового этапа в истории российского законодательства. Он хорошо укладывается в принятую нами в качестве исследовательской гипотезы систему источников нового времени. Закон в отличие от обычая не только, а часто и не столько, фиксирует сложившееся положение дел, сколько моделирует будущую ситуацию. Приоритет закона складывается тогда, когда в обществе, и в частности у законодателя, появляется представление о социальной изменчивости в ходе исторического развития и зарождается мысль о возможности влияния на этот процесс.

4. Расхождение государственного и частного права

Наряду с вышерассмотренным подходом, в котором единодушно не только по сути, но зачастую и по форме выражения мысли многие авторы, существуют и другие подходы к периодизации истории русского права, также приводящие к обособлению рассматриваемого периода. В частности, М.Ф. Владимирский-Буданов, который, как и другие авторы, отмечал утверждение приоритета закона начиная с XVIII в., давал общую периодизацию развития права, исходя из соотношения государственного и частного права. Он выделял три периода истории русского права: 1) «период *земский* (или княжеский) IX-XIII вв.»; 2) «период *московский* (*правильнее - двух государств Московскою и Литовскою*) XIV-XVI вв.»; 3) «период *империи* XVIII-XIX вв.»³⁶ Отмечая, что в первом периоде господствует обычай, во втором - обычай и закон в равной мере, а в третьем - закон, М.Ф. Владимирский-Буданов утверждал, что в первом периоде «начало государственное и частное слиты, как равносильные», во втором пе-

рию «право государственное и частное постепенно обособляются, но прежнее смешение их обнаруживается в том, что в Московском государстве государственное право строится по типу частному», и в третьем периоде «государственное право стремится к полному очищению от примеси частно-правовых начал». Этот критерий начала нового этапа в истории законодательства (хотя, точнее, в истории нрава) *также* хорошо соотносится с принятой нами объясняющей схемой. Расхождение государственного и частного права свидетельствует не только о формировании государственного права периода империи, но и частного права нового времени, что вполне соответствует складыванию новых взаимоотношений между личностью и государством в процессе эмансипации личности при переходе от средневековья к новому времени.

5. Утверждение принципа «незнание закона не освобождает от ответственности»

Утверждение приоритета закона приводит к постепенному установлению общего для законодательства нового времени принципа: «Незнание закона не освобождает от ответственности». Заметим, что этот принцип известен со времен римского права и зафиксирован в «Законах XII таблиц» (середина V в. до н. э.). Не стоит рассматривать утверждение этого принципа в российском законодательстве в XVIII в. как рецепцию римского права, поскольку оно было порождено изменением соотношения обычая и закона как источников права и, в свою очередь, обуславливало развитие системы публикации законодательных актов.

Формула «дабы неведением никто не отговаривался» встречается уже в «Уставе воинском», утвержденном 30 марта 1716 г. Петр I, обосновывая необходимость предпринятого им труда, в преамбуле к Уставу замечает: «...за благо изобрели ино книгу Воинский Устав учинить, дабы всякой чин знал свою должность, и обязан был своим званием, *и неведением не отговаривался* (выделено мною. - М.Р.)...». И в именном, данном Сенату, указе «О рассылке книг Воинского Устава по корпусам войск, по Губерниям и Канцеляриям и о принятии его в основание, как по делам воинским, так и земским» присутствует эта формула, приводимая в обоснование необходимости тиражирования Устава. (Вообще эта формула очень часто сопровождала указание на порядок публикации того или иного законодательного акта.)

Специально утверждению данного принципа посвящен именной, объявленный из Канцелярии полицеймейстерских дел, указ «О наказании за преступления против опубликованных указов» от 9 февраля 1720 г. Начинается он формулой «Великий Государь указал объявить всенародно». Такое начало в XVIII в. становилось обычным для тех указов, которые действительно должны были быть доведены до каждого подданного и в которых по этой причине более тщательно описывался порядок их публикации. Например, с такой формулы начинается именной указ «О мерах для искоренения воров и разбойников, о доносе об оных местному начальству, под опасением за укрывательство тяжкого наказания» от 7 сентября 1744 г.

В указе «О наказании за преступления против опубликованных указов» говорится: «В минувших годах, которые Его Величества указы о разных делах опубликованы, и впредь публиковаться будут в парод, чтоб по оным исполнение чинили, как в тех указах предложено будет». Возможность исполнения указов жестко обуславливается их публикацией. Далее указом объявляется, что «кто в какое преступление впадет, противу опубликованным указам, а другой, ведая те указы, но, смотря на других, то же станет делать, или, ведал, не известит, тот будет без пощады казнен или наказан, так как в тех опубликованных указах за преступление объявлено, не ставя то ему во оправдание, что смотря на другого чинил, чего ради надлежит всякому поступать по указам, и хранить оные, и *чтоб впредь никто неведением не отговаривался* (выделено мною. - М.Р.)».

В целом же указанная формула, так прочно пошла в систему публикации законодательных актов (она подробно описывается в следующем параграфе), которая в рассматриваемый период регламентировалась наиболее тщательно, что мы не найдем отдельного упоминания этого принципа в законодательстве. Пожалуй, за единственным исключением. 14 декабря 1819 г. был издан «Таможенный Устав по Европейской торговле», параграф 440 третьей главы которого гласит: «Неведением закона никто, Российский подданный ни иностранный, оправдываться не может». Присутствие этой формулы в таможенном уставе, по-видимому, рассчитано в большей мере на иностранцев, чем на российских подданных, которые к ней уже успели привыкнуть.

Законодатель устанавливал *особую ответственность государственных служащих* за незнание законов. Именным указом от 22 января 1724 г. «О важности Государственных уставов и о неотговорке судьям неведением Законов по производимым делам под опасением штрафа» предусматривались достаточно суровые меры наказания за незнание законов³⁷. Но этим же указом устанавли-

вался и весьма разумный порядок ознакомления с законодательством государственных служащих, который рассматривается далее в связи с вопросом о публикации законодательных актов.

В рамках заявленного нами подхода утверждение принципа «Незнание закона не освобождает от ответственности» заслуживает особого внимания. Как уже отмечалось, российское законодательство нового времени, в отличие от западноевропейского и североамериканского, не знало фиксации прав личности, но введением указанной нормы законодатель фактически признавал существование личности - если не через фиксацию ее прав, то, по крайней мере, через признание ее ответственности, и в этом проявлялись новые взаимоотношения личности и государства, характерные для нового времени.

6. Складывание системы публикации законодательных актов

Связь возникновения и развития публикации законодательных актов с системообразующим фактором - изменением соотношения закона и обычая как источников права - вполне очевидна. На наш взгляд, прав М.Ф. Владимирский-Буданов, когда пишет: «*Меры публикации* усиливаются по степени удаленности от народного сознания о праве...»³⁸. Действительно, пока основным источником права был обычай, вряд ли требовались специальные меры для ознакомления подданных с указами.

Публикация законодательного акта как необходимый элемент законодательной процедуры

Порядок публикации вновь принимаемых законодательных актов был установлен именным, объявленным из Сената указом от 16 марта 1714 г. «О обнародовании всех именных указов и Сенатских приговоров по Государственным генеральным делам». Этим указом предусматривалась не только рассылка указов «в губернии к губернаторам, и в приказы к судьям», но и говорилось, что «...для всенародного объявления велеть в типографии печатать и продавать всем, дабы были о том сведомы...». В Воинском уставе Петра I назывались и другие формы публикации законодательных актов. В 35-м артикуле говорится:

«Все указы, которые или в лагерях или в крепостях, при трубах, барабанах или при пароле объявятся, имеет каждый необходимо исполнять». Сам же Воинский устав предусматривалось напечатать в количестве тысячи экземпляров, из которых 300 или более на «словенском и немецком языках для иноземцев».

Кстати, и уже упоминавшемся указе из Юстиц-коллегии от 15 октября 1719 г. «О решении дел в Московском Надворном Суде по *Уложению* и по новосостоятельным указам, а не по сепаратным, и о донесении о делах, которых судьи сами решить не могут, в государственную Юстиц-коллегию» подчеркивается, что московский надворный суд в пополнение Уложения должен руководствоваться указами, которые *«всенародно напечатаны и повсюду объявлены»* (выделено мною. - М.Р.).

Принципиально важным указом от 17 апреля 1722 г. «О хранении прав гражданских...» также закреплялась публикация законодательных актов в качестве необходимого элемента законотворческой процедуры.

Говорилось и о повторной публикации законодательного акта в случае внесения в него исправлений. Например, 22 февраля 1723 г. Петр I издал именной, данный Сенату, указ «О перепечатании Табели о рангах, по случаю определения вновь классов для генерал-фискала, обер-фискала государственного, обер-фискалов и фискалов». В этом указе, кроме требования перепечатать Табель о рангах и связи с некоторыми изменениями в ней, устанавливалась и общая норма: «Таковым же образом все указы надлежит в народ публиковать, ежели которые для какой нужды исправлены будут».

Законодательный акт публиковали и тогда, когда в него вносились дополнения. Например, 2 июня 1758 г. был издан сенатский указ «О публиковании во всенародное известие указов, выдаваемых в пополнение инструкции о размежевании земель». Следует подчеркнуть, что речь шла не просто о публикации указов, изданных в дополнение к инструкции, - они должны были быть приобщены к ней.

К началу 1720-х годов практика публикации актов верховной власти утвердилась настолько, что правительство далее приняло определенные контр-меры, о чем свидетельствует сенатский указ от 5 июля 1721 г. «О присылке в Сенат, для апробации, из коллегий и канцелярий с состоявшихся указов копий; о непечатании и непубликовании коллегиям и канцеляриям своих приговоров и именных указов, без доклада Сенату». Констатируя, что коллегии и канцелярии свои приговоры без апробации Сената «для исполнения и в парод публикования в печать предают...», Сенат приговорил: «...ежели когда в коллегиях и канцеля-

риях какой Его Царского Величества Именной указ записан будет, такие для каких ни есть причин по благоизобретению, или партикулярно приговором определится о таких делах, которые во установлении вновь какого дела, или действительную силу имеют в пополонку к регламентам и Уложению и уставам или к коллежским и прочим инструкциям и указам, утвержденным в Сенате, и вновь о сборах, и по таким состоявшимся в тех коллегиях и канцеляриях указам никаких во всенародное публикование указов не печатать, и в губернии и провинции не посылать, а вносить оные для апробации в Сенат, где подпискою всего Сената утверждено, и в книгу записано подлинно, и потом печатать и публиковать и исполнять по силе тех указов определено будет, а без того таковых отнюдь в действо не производить...». Таким образом, устанавливается роль Сената как регистратора и публикатора законодательных актов,

Порядок публикации законодательных актов

Как уже отмечалось, указ от 16 марта 1714 г. «Об обнародовании всех именных указов...» предусматривал печатание законодательных актов типографским способом, а Военский устав признавал и другую форму публикации - публичное чтение. Такой же порядок публикации был предусмотрен в «Инструкции, или Наказе воеводам», утвержденной в январе 1719 г.: «И понеже простые люди в опубликованных указах и уставах, паче же в смертных делах, не весьма все известны, для того воеводе велеть такие уставы и указы по знатым праздникам прихожанам в церквах трижды и году прочитать против указного регламента...».

Упомянувшимся ранее указом от 17 апреля 1722 г. «О хранении прав гражданских...» не только закреплялась публикация законодательных актов в качестве необходимого элемента законодательной процедуры, но и описывался еще один ее вариант: «...по данному образцу в Сенате доски с подножием, на которую оной печатной указ наклеить и всегда во всех местах, начав от Сенату даже до последних судных мест, иметь на столе яко зеркало пред очми судящих. А где такого указа на столе не будет, то за всякую ту преступку сто рублей штрафу в гошпиталь».

Но во всех этих случаях печатание законодательных актов могло быть способом публикации или начальным ее этапом. О необходимости печатать законодательные акты говорилось в именном, объявленном из Сената, указе от 10 февраля 1720 г. «О посылке по губерниям, о сборах печатных, а не письменных указов, и о наказании за излишние поборы». Этим указом установ-

ливался следующий порядок публикации законодательных актов о сборах денег: «...и губернии и в провинции письменных указов не посылать, как прежде сего бывало, а посылать печатные, которые как в городах, так и в уездах, в народ публиковать, и по селам разсылать, и отдавать попам; а им в церквах оные указы по вся праздники и воскресные дни для ведома прихожанам читать, чтоб всяк... подлинно был следом». Причем за нарушение этого требования законодателя предусматривалась весьма суровая кара, такая же, как за взимание излишних поборов, - «смертная казнь или вечная ссылка на галеру с наказанием и вырезанием ноздрей и лишением всего имения». Кроме того, законодатель требовал «о тех казнях в указах печатных именно печатать, что так будут наказаны, дабы неведением не отговаривались».

Приведем несколько наиболее ярких примеров описания порядка публикации. О практике публикации дает представление, например, именной, состоявшийся в Сенате, указ от 19 февраля 1721 г. «О возвращении на прежния места беглых крестьян и бобылей», в 13-м пункте которого говорится: «Сей Его Царского Величества указ во всех городах и уездах в дворцовых, патриарших и церковных и в вотчинных селах и деревнях всякого чина людям объявить и выставить о том при всех церквах, и во всех знатных местах по торжкам и ярмаркам печатные листы, чтоб сей Его Царского Величества указ всем был ведом, и священникам по вся воскресные дни и господские праздники после литургии, для ведома прихожан читать, и кто при том слушании будет, впредь для ведома записывать, чтоб никто неведением не отговаривался».

Именной указ от 11 мая 1744 г. «О запрещении ввозить и о невывозе за границу золотых и серебряных денег, слитков и посуды...» заканчивается словами: «И сей указ, как в городах, так и в селах, во всех церквах для всенародного известия, в воскресные дни и господские праздники читать по часту, и прибить при церковных дворах и при городских воротах и при публичных и при торжках, где пристойно, дабы о том был всяк сведом».

В ранее упоминавшемся именном указе от 7 сентября 1744 г. «О мерах для искоренения воров и разбойников...» выдвигалось требование: «...сей указ в городах и на ярмонках в торговые дни во всенародное известие при барабанном бое, а в церквах священникам в воскресные и праздничные дни, по окончании божественные службы, во всенародной при том слух, в страх другим, читать неотменно».

Но наиболее любопытна, на наш взгляд, форма публикации, предусмотренная именным указом от 21 мая 1733 г. «О нечинении обид и притеснений ясажным людям, живущим в Якутском

ведомстве и в Камчатке». Этот указ был обращен к «всякого народа и звания, домами и юртами живущим и кочующим», что и обусловило специфику его публикации: «И сей Наш Всемилостивейший указ, как в Якутске и Охотске, так и во всех острогах и зимовьях и волостях, вкопав столбы и накрыв малою кровлею, прибить и хранить, чтоб всегда всем был известен, а князьям или старшинам каждого парода раздать, и сверх того при плате-лее ясачном толмачам перетолмачивать всем в слух на их языке...».

Особого внимания заслуживает форма публикации, о которой говорится, например, в именном, объявленном из Сената, указе «О продолжении курса мелких серебряных денег па два года, о приеме оных в казну во всякие подати и о переделе в крупную монету,...» от 23 мая 1744 г.: «...дабы о том всякого чина люди ведали, публиковать во всенародное известие *печатными указами* (курсив мой. - М.Р.)».

В некоторых законодательных актах уточнялись отдельные аспекты порядка публикации. Например, сенатский указ от 18 сентября 1732 г. «О публикации указов в уездах из штабных дворов» возлагал эти обязанности на штабные дворы, а не на воеводские канцелярии, чтобы «для одного дела не было двойных посылок». Иногда описание порядка публикаций законодательных актов сопровождалось указанием на их последующую продажу.

Итак, основными формами публикации законодательных актов были чтение в церквях после службы, вывешивание отдельными печатными листами и чтение в торговых местах. В ряде случаев указывалось лишь, что законодательный акт должен быть *напечатан*. Рассмотрим регламентацию каждого из этих способов публикации.

Чтение указов в церквях

Чтение указов в церквях после службы обеспечивало ознакомление с законодательством наибольшего количества подданных. Такая форма публикации была весьма распространенной, хотя ее становление проходило также постепенно. Ведь для чтения указов в церквях следовало иметь достаточное количество отпечатанных экземпляров.

16 октября 1744 г. издастся сенатский указ «О посылке из Сената в Синод печатных экземпляров тех указов, которые должны быть читаны по церквам для всенародного известия». Его изданию предшествовало ведение из Святейшего Синода, в котором сообщалось, что «для чтения о церквах во всенародное известие печатных указов» было прислано 50 экземпляров указа от

30 мая 1744 г. о невывозе медных пятикопеечников, денежек и полушек из-за границы в Россию и 1000 экземпляров указа от 12 сентября об искоренении воров и разбойников, а что касается указов «токмо для одного ведома, а не для чтения в церквах», то их присылается «по самому малому числу, что в разсылку в Епархии и в Ставропигиальные лавры и знатные монастыри и по одному указу на некоторые не достает». Святейший Синод сообщает, что «во Всероссийской Империи в Епархиях и в Ставропигиальных лаврах и прочих монастырях соборных, приходских и ружных церквей всего имеется 18 688», и требует, чтобы указы присылали по их числу. Сенат принял решение: «...впредь ежели каковые указы для чтения в церквах воспоследуют, оных в Святейший Синод сообщать по тому церквей числу, а кои не для в церквах чтения, но для ведения, тех по пятидесяти».

Снова к этому вопросу законодатель обратился в 1772 г. 17 февраля издается сенатский указ «Об отсылке из Сената в Синод следующих к чтению в церквах Манифестов и указов», подтверждающий закрепленное в указе от 16 октября 1744 г. решение: «...как Манифесты и указы, кои подлежательны были к чтению в церквах, посылаемы были и прежде в Святейший Синод, по числу церквей, прямо из Сената, то и ныне таковые Манифесты, указы или объявления, следующие к чтению в церквах, из Сената в Святейший Синод посылать».

Публикация печатными листами

Публикация печатными листами была, по-видимому, достаточно распространена. Уже Воинский устав Петра I предусматривал далее наказание за порчу или повреждение таких листов с указами. В 203-м артикуле говорится: «Ежели кто явно прибитые указы, повеления нарочно и нагло раздерет, отбросит или вычернит, оный посланием на каторгу с жестоким наказанием или смертию, а ожели небрежением каким, то денежным штрафом, тюрьмою, шпицрутеном и прочим, по великости преступления, наказан быть имеет». Точно такая же норма содержалась и в 138-м параграфе Морского устава 1720 г.

Начиная со второй половины XVIII в. «печатной» форме публикации отдается предпочтение. В сенатском указе от 13 августа 1758 г. «О посылке указов печатных, а не письменных, об усмирении крестьян и о приписке их для работ к заводам, и о предписании посылаемым для сего командирам, чтоб они, не чиня никаких самопроизвольных наказаний и притеснений крестьянам, немедленно доносили, когда исполнению порученной им комиссии что-либо препятствовать будет» содержится ссылка на

утверждение генерал-фельдцейхмейстера сенатора графа П.И. Шувалова, что «недоверенность поселян о посылаемых к ним не токмо из государственных коллегий, но из самага Сената письменных указах о послушании помещикам или о наряде к казенным работам бедственные случаи производит». П.И. Шувалов приводил два примера неповиновения крестьян письменным указам и предлагал: «а дело по себе сколь великой есть важности, столь малого учреждения, то есть, вместо письменного указа печатного указа... требует». В результате Сенат решил по делам такого рода посылать только печатные указы.

А указ от 17 марта 1764 г. «О признании публикуемых указов действительными, когда они будут печатные» вводил обязательность печатной формы распространения всех законодательных актов. В нем подтверждался сложившийся порядок публикации законодательных актов «...печатными на публичных местах прибываемыми и в церквах прочитываемыми листами...». Издание этого указа, хотя и отражало уже наметившуюся тенденцию, было, по-видимому, вызвано распространением после прихода к власти Екатерины II подложных указов. Это предположение подтверждается и тем, что в сенатском указе от 19 октября 1773 г. «О имени веры по делам касающимся до общенародного сведения и до государственных во всей империи узаконений одним только печатным указам» содержится ссылка на указ 1764 г. и говорится о причинах его издания: «...в разных случаях примечено, что простой народ по уездам, а особливо ныне с некоторого времени по монастырским волостям не редко обманываем бывал списками ложных от Имени Ея Императорского Величества и от Сената указов, каковые вымышляются и составляются единственно от злых людей для приведения онаго в неизвестность и смущение». Примечательно, что особо упоминаются монастырские волости: это связано с волнениями монастырских крестьян в начале правления Екатерины II из-за надежд, порожденных секуляризаторскими проектами Петра III. В целях борьбы с такими подложными указами императрица повелела Сенату «обнародовать о б ы к н о в е н н ы м (разрядка моя. - М.Р.) образом печатными, на публичных местах прибываемыми и в церквах прочитываемыми листами во всех провинциях империи Ея Императорского Величества, что отныне никакие указы и манифесты для всенародного сведения и исполнения, от Имени Ея Императорского Величества собственно или от Сената издаваемые, не должны быть признаваемы действительные, кроме печатных».

Вновь к этому вопросу законодатель обратился в 1773 г., в период восстания под предводительством Пугачева. Указ от

19 октября 1773 г. начинается формулой «объявляется всенародно», свойственной актам, которые предназначались для широкой публикации. Любопытно, что причины, обусловившие необходимость издания указа от 19 октября 1773 г., прямо противоположны причинам, породившим вышеупомянутый указ от 13 августа 1758 г.: если первый был вызван недоверием крестьян к письменным указам, то в указе 1773 г. содержится ссылка на указ от 14 марта 1764 г. и говорится о том, что крестьяне проявляют излишнюю доверчивость к подложным указам.

Деятельность типографии при Правительствующем Сенате

Постепенно печатание законодательных актов сосредоточилось исключительно в типографии при Правительствующем Сенате. Отстаивая монопольное право своей типографии на печатание указов, Сенат приводил разные аргументы. 18 ноября

1737 г. был издан сенатский указ «О печатании в сенатской типографии, по требованию присутственных мест, публичных указов, форм книгам, ведомостям и рапортам, с платежей за каждый печатный лист по 2 копейки». Типография была заинтересована в расширении своей деятельности, поскольку жалование служащим выплачивалось из собираемых за напечатание указов денег. Указом от 18 ноября 1737 г. Сенат предлагал коллегиям и канцеляриям присылать в сенатскую типографию предназначенные для тиражирования не только указы, но и формуляры делопроизводственных документов (книги, ведомости, рапорты) с тем, чтобы избежать двойной и тройной работы при переписывании документов в канцеляриях.

Содержание сенатской типографии за счет средств, вырученных при продаже опубликованных указов, подтверждалось и резолюцией кабинет-министров на сообщение Сената «О печатании в сенатской типографии указов с 1723 года и о содержании оной из денег, вырученных продажей тех указов» от 11 марта 1738 г.. По-видимому, коммерческая деятельность сенатской типографии была весьма успешной, так как в своем сообщении Сенат отмечал, что собираемая типографией сумма «временем бывает праздна».

Когда в 1738 г. Академия наук предложила объединить сенатскую типографию с академической, Сенат обосновывал необходимость существования типографии при Сенате следующим образом: «при Сенате, дал всегдашняго печатания и скорейшаго отправления публичных и по многим нарядам указов, обойтись никак невозможно...». Надо заметить, что к этому времени в

сенатской типографии печаталось преимущественно текущее законодательство.

10 мая 1773 г. был издан сенатский указ «О печатании указных книг в одной только сенатской типографии», порожденный новой коллизией между сенатской и академической типографиями. Сенат в очередной раз, со ссылкой на именной указ от 11 августа 1764 г., требовал: «...в присутственные места подтвердить, чтобы всякие в печать издаваемые на русском языке экземпляры, касающиеся до законов, для напечатания в Академию не отсылали, а присылали бы в учрежденную единственно для того при Сенате типографию». И особо отметим приводимое Сенатом обоснование необходимости печатать узаконения именно в сенатской типографии: «...ибо когда бы случилась при печатании узаконений какая погрешность, то за оную Академия ответственать не может; для чего и Академии дать знать, дабы она отныне впредь отнюдь, как указных книг, так и прочего касающегося до законов не печатала ни вновь ни вторым тиснением, ибо оное предоставляется сенатской типографии».

Ретроспективная публикация законодательных актов

Кроме текущей публикации в XVIII в. складывалась и ретроспективная публикация законодательных актов, не утративших своей силы. В первую очередь публиковались акты кодифицирующего характера, и среди них Соборное Уложение. В начале 1735 г. Академия наук обратилась с докладом на высочайшее имя с просьбой разрешить перепечатать для продажи книги указов, аргументируя это тем, что «многие находятся, которые для знания желают прежде печатанных в бывшей Санкт-петербургской типографии прошлых лет от 1714 по 1725 год опубликованным указам книжек, а оныя уже давно в народ разошлись и при Санкт-Петербурге в продаже не находятся...». Одновременно был подан доклад и о «напечатании вновь прежнего Уложения для всенародного употребления». В этом докладе необходимость новой публикации Уложения объясняется тем, что «...многие находятся, которые в Уложении нужду имеют, а онаго нигде ни за какие деньги получить не могут». Эта просьба Академии наук была высочайше поддержана.

Проявленную в 1735 г. Академией наук инициативу в 1736 г. поддержал Сенат. 18 марта 1736 г. вышел сенатский указ «О немедленном напечатании с 1714 года по 1722 год указов для продажи, и о изготовлении собранных указов с 1722 года для рас-

сылки во все судебные места и губернии и в провинции». В указе сообщается, что предусмотренная докладом Академии наук публикация законодательных актов с 1714 по 1722 г. осуществлена и изданные книги «по все судебные места разосланы и в продажу употреблены». При этом говорилось, что «с того 1722 года таких указов многих лет не собрано и не напечатано». Но, поскольку «в том общая всем нужда, а особливо судьям, по чему они поступать должны...», Сенат дал распоряжение Академии наук разобрать и напечатать указы с 1722 г. и «для рассылки во все судебные места и в губернии и провинции, сколько потребно, внести в Сенат, а оставшие за отсылкою для всенародного известия употребить в продажу».

Вновь к этому вопросу законодатель вернулся в начале 1738 г. В марте Сенат сообщил кабинету министров о выполнении принятых в 1735 и 1736 гг. решений: «...с 1714 по 1722 год, прежде напечатанные книги в 735 году в марте месяце, да из собранных вновь один 1722 год, в 1737 году февраля 25 дня в Академию отосланы, из которых, минувшего февраля 22 дня, внесено в Сенат токмо одна книга указом 722 года, а о прочих объявлено, что печатается». И в этой же своей записке Сенат просил сосредоточить в его типографии публикацию текущего законодательства, а ретроспективную публикацию оставить при Академии наук. Кабинет министров согласился с просьбой Сената, но указал в своей резолюции на сообщение Сената от 11 марта 1738 г., что «надлежит Правительствующему Сенату с. оною Академиею о печатании означенных указов сношение иметь, и по общему согласию определение учинить, чтоб оные немедленно были напечатаны и во все судебные места разосланы и в продажу употреблены, ибо оные для разсуждения происходящих судебных и других дел весьма потребны». И в тот же день последовал указ из кабинета Ея Величества «О скорейшем напечатании в академической типографии указов с 1722 года». В этом указе уточнялось, что если академическая типография не справится с поставленной задачей, то следует печатать указы с 1722 г. при Сенате.

Коллизия между сенатской и академической типографиями была разрешена сенатским указом от 6 мая 1738 г. «О печатании указных книг с 714 по 722 год в академической, а с 723 года в оной же и в сенатской типографиях». В этом указе в очередной раз подчеркивалась необходимость скорейшего разбора и публикации указов за предшествующие годы и отмечалось, что указанные книги с 1723 г. должны печататься в академической и сенатской типографиях «одинакою формою и на одинакой же бумаге равными литерами, чтоб в одной против другой отмены не было...».

12 июня 1761 г. последовал сенатский указ «О печатании указов, ежегодно издаваемых, особыми книгами», которым предписывалось «случающиеся впредь публичные и прочие указы... для лучшего собирания и содержания в книги, по прошествии каждого года печатать так, как и прочил указные книги напечатаны». Однако из этого не следует, что уже были напечатаны указные книги до 1761 г. Развернувшаяся с середины 1730-х годов ретроспективная публикация законодательных актов продвигалась очень медленно, о чем свидетельствует сенатский указ от 14 февраля 1763 г. «О собирании экспедиции сочинения Уложения подлежащих к вечности узаконений и об отсылке оных в Московский университет и в канцелярию Академии наук, для напечатания указных книг», в котором говорится, что «с 1714-го, 725 года генваря по 28 число, а с того числа по 730 год подлежащие к вечности и для всенародного известия указы собраны и в двух книгах напечатаны; а с того времени и поныне таковых указов не собрано и в печать не выдано». Ускорить дело, составив реестр указов, «состоявшихся в вечное узаконение и для всенародного известия» и сив с них копии, поручалось экспедиции при сочинении Уложения. Затем эти копии следовало отослать в Московский университет и в канцелярию Академии наук в Санкт-Петербурге, где их должны были напечатать и «по указной цене употреблять в продажу в народ».

18 сентября, 1763 г. был издан сенатский указ «Об отдаче из комиссии сочинения нового Уложения разнообразных по материям указов для напечатания в сенатской типографии», который свидетельствует о небольшой эффективности мер, предусмотренных указом от 14 февраля. Сенат констатировал, что «многие состоявшиеся донны по разным материям и к вечности подлежащие указы по материям еще не разобраны и не напечатаны, от чего в делах затруднение и остановка происходит», и требовал указы, разобранные уже комиссией для сочинения нового Уложения, передать для напечатания в сенатскую типографию.

Таким образом, с 1763 г. , после прихода к власти Екатерины II, работа по собиранию и публикации узаконений активизировалась. Во многом это связано с началом нового этапа кодификационной работы. В первую очередь была предпринята публикация узаконений с начала нового правления. В сенатском указе от 3 ноября 1763 г. «О собирании узаконений по полугоду для печатания особыми книгами и о рассылке оных во все присутственные места» говорилось, что узаконения за период с 28 июня 1762 г. (т. е. со времени вступления на престол Екатерины II) по 1763 г. напечатаны типографией Московского университета отдельной книгой, и предписывалось разослать эти книги в при-

сутственные места, и губернские и провинциальные канцелярии, в Синод и т. д. Для этого Сенат требовал прислать из Московского университета 300 экземпляров и отдать 350 экземпляров в сенатскую контору для рассылки, «а прочие употребить в продажу умеренною ценою без отягощения желающим покупать». В дальнейшем предписывалось печатать особыми книгами и рассылать в присутственные места «состоявшиеся ко узаконению указы, собирая по полугоду».

В то же время узаконения за период, предшествовавший правлению Екатерины II, к середине 1760-х годов так и не были напечатаны, а кодификационная деятельность была временно приостановлена. В сенатском указе от 15 декабря 1764 г. «О поручении разбора для печатания подлежащих к вечности указов Секретарю с подчиненными ему служителями» отмечается, со ссылкой на ведение от 4 мая того же года сената московских департаментов, что «состоявшиеся с 1730 по 1762 год именных и Правительствующаго Сената подлежащих к вечности указов в книги поныне еще не напечатано». В связи с приостановлением деятельности Уложенной комиссии Сенат поручил секретарям сенатского архива «разобрание для напечатания подлежащих к вечности указов и сенатских приговоров».

Порядок ознакомления государственных служащих с законодательными актами

Как уже упоминалось, именной указ от 22 января 1724 г. «О важности государственных уставов и о неотговорке судьям неведением законов по производимым делам под опасением штрафа», опубликованный 27 января 1724 г., устанавливал особый порядок ознакомления государственных служащих с законодательными актами. Указание на причины издания этого указа свидетельствует о том значении, которое стали придавать законодательным актам: «Надлежит обретающимся в Сенате, Синоде, коллегиях, канцеляриях и во всех судных местах всего государства ведать все уставы государственные и важность их, яко первое и главное дело, понеже в том зависит правое и незазорное управление всех дел, и каждому для содержания чести своей, и убежания от впадения неведением в погрешение, и в наказание должно». Санкции, предусмотренные для должностных лиц при незнании законов, весьма суровы: «И дабы впредь никто неведением о государственных уставах не отговаривался... и для того от ныне, ежели о каком указе где при каком деле упомянуто будет, а кто в то время не возмет того указа смотреть и пре-

небрежет, а станет неведением отговариваться: таких наказывать в первые отнятием чина на время и штрафу год жалованья, в другой ряд третьего долею всего движимого и недвижимого имения, в третий раз лишением всего имения и чина вовсе». Обращает на себя внимание весьма конкретный и вполне разумный принудительный порядок ознакомления с законами должностных лиц, устанавливаемый этим указом.

Конкретные меры ознакомления чиновников с законодательством предусматривали и другие законодательные акты. Например, статья 55 «Устава Благочиния, или Полицейского», изданного 8 апреля 1782 г., гласит: «Председателям, заседателям и прочим по силе учреждений употребленным людям читать и перечитывать узаконения и учреждения, и, по крайней мере, им на то употребить один досуужий час в сутках, дабы отчасу учинились известнее и памяти их возобновлялось положенное на них, и в чем ежечасно подвержены по силе присяги дать отчет и ответ небу и земли». Кстати, в предыдущей, 54-й статье говорится о необходимости иметь «узаконения и учреждения в заседательной горнице».

Развитие системы публикации законодательных актов в XIX веке

Итог складывания системы публикации законодательных актов в XVIII в. был подведен в «Предисловии» к 1-му Полному собранию законов Российской империи, в котором говорится: «Законы, от Самодержавной Власти исходящие, и общия постановления, Именем Ея от учрежденных мест издаваемые, двумя путями достигают общего сведения и исполнения: 1) через объявление и обнародование каждого из них в свое время, посредством мест и властей, для сего установленных; и 2) чрез издание их, уже по обнародовании, в виде собраний. Первый путь: обнародование, всегда признаваем был существенным, и для обязательной силы закона необходимым».

В XIX в. развивались оба этих направления. В 1826-1830 гг. II отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии в связи с созданием Свода законов Российской империи провело грандиозную работу по собиранию законодательных актов, начиная с Соборного Уложения. В результате этого в 1830 г. были изданы 45 томов первого Полного собрания законов Российской империи, включающего законодательные акты от Соборного Уложения до начала правления Николая I. Второе Полное собрание законов Российской империи³⁹ начали создавать

одновременно с первым, и его первый том вышел также в 1830 г. Со второго Собрания законодательные акты включались в эту публикацию по мере принятия, поэтому если первое Собрание было полностью издано в 1880 г., то очередные тома второго и третьего Собраний выходили один раз в несколько лет и их издание растянулось на весь охватываемый ими период. Второе Полное собрание законов охватывает время правления Николая I и Александра II. Издание третьего Полного собрания законов, включающего законодательные акты периодов правления Александра III и Николая II, прервала первая мировая война.

Текущую публикацию осуществлял Правительствующий Сенат, за которым в XIX в. закрепилась функция хранителя и публикатора законодательных актов. С 1863 г. дважды в неделю выходило «Собрание узаконения и распоряжений, издаваемых при Правительствующем Сенате». В нем публиковались документы текущего законодательства. Особенностью являлось то, что законодательные акты публиковались не в порядке их утверждения, а в порядке их поступления в Сенат.

Становление порядка обязательной публикации законодательных актов среди характеристик законодательства нового времени имеет особое значение, поскольку в этом проявилась взаимосвязь многих новых свойств законодательства.

Во-первых, в XVIII в. начал устанавливаться порядок прохождения законодательных актов, который определял их юридическую силу, что было также связано с установлением приоритета закона. И хотя на протяжении всего XVIII в. этот порядок оставался зыбким и неустойчивым, одно правило соблюдалось четко: публикация законодательного акта - обязательное условие его вступления в силу.

Во-вторых, вполне очевидна взаимосвязь публикации законодательных актов и принципа «незнание закона не освобождает от ответственности», которую неоднократно подчеркивал и сам законодатель.

7. Обеспечение эффективности законодательства

Публикация законодательных актов выступает как одно из условий эффективности законодательства, целенаправленное стремление к которой возникает в новое время.

В новое время, в отличие от средневековья, человек начинает осознавать ход исторического времени, поскольку уско-

рение темпов общественного развития привело к тому, что окружающая социальная действительность менялась на глазах одного поколения. В России этот существенный сдвиг в восприятии хода исторического времени усилили петровские преобразования. С этими изменениями связано возникновение мемуаристики и исторической пауки, а в сфере законодательства осознание изменчивости общества привело к желанию путем законотворчества изменить личность и общество, что, и свою очередь, усиливало стремление к обеспечению эффективности законодательных мер.

Желание обеспечить эффективность законодательного регулирования, по крайней мере особенно актуальных для власти сфер, вело к налаживанию механизма обратной связи в управляющей системе через сбор статистических данных. Изучение законодательства, таким образом, позволяет выявить причины развития отдельных направлений статистики с конца XVIII в. Одновременно, идя от имеющихся знаний о развитии статистики в России, можно сделать выводы (хотя и предварительные) о системе приоритетов в государственной политике.

Иногда для суждения об эффективности того или иного законодательного акта бывает достаточно заглянуть в последующее законодательство.

Приведем в качестве примера одну историографическую легенду. В исторической пауке сложилась практика определения численности служащих государственного аппарата в период, предшествующий губернской реформе 1775 г., на основании штатов 1763 г. Начало этому положила Н.Ф. Демидова в статье, помещенной в сборнике «Абсолютизм в России». Она пишет, что по штатам 1763 г. численность служащих во всех присутственных местах достигала 16 504 человек⁴⁰. Со ссылкой на статью Н.Ф. Демидовой такую цифру приводит С.М.Троицкий⁴¹. Это оспаривает П.А. Зайончковский, справедливо замечая, что при рассмотрении структуры предусмотренных штатами должностей обнаруживается, что в штаты «включены не только служащие (т. е. чиновники и канцелярские служители), но и различный, говоря современным языком, «обслуживающий персонал» (сторожа, курьеры). Кроме того, как подчеркивает П.Л. Зайончковский, в штаты были включены служащие военных команд, которых нельзя причислять к чиновничеству. Автор сделал вывод, что из 16 504 человек, предусмотренных штатами, более 9000 составляют солдаты⁴². Это существенное замечание П.А. Зайончковского оставил без внимания американский исследователь В. Пиптнер, который, будучи знаком с работой П.А. Зайончковского и да-

же подвергая критике некоторые из ее положений, все же приводит эту же цифру -16 504 чиновника, ссылаясь на штаты 1763 г.⁴³

Однако ни один из названных авторов не рассматривает вопрос, были ли в действительности заполнены эти штаты, хотя сам С.М. Троицкий, изучая вопрос о численности чиновничества в 50-х годах XVIII в., указывает, что штаты - ненадежный источник при установлении численности служащих⁴⁴. Не имея источников для определения реальной численности служащих государственного аппарата накануне губернской реформы, отметим, однако, что штаты 1763 г. отличались существенной особенностью, отраженной в именном указе от 11 октября 1764 г. «Об учинении губернаторам, каждому в своей губернии, расписания о приписных городах и о всех уездах, и об определении, с какою властью комиссарства, магистраты и ратуши остаться должны». В нем говорится: «Изыскивая избавить наших верноподданных от притеснений и взятков безжалованных судей и канцелярских служителей, прошлого 1763 года декабря 15 дня в изданных штатах положили не только в главных правительствах, но и во всех судебных местах, не минуя и городских канцелярий, судьям и канцелярским служителям довольное жалованье, которое б они получая, не имели уже причины сверх того к богоненавистой корысти». Из указа видно, что денег на жалованье чиновникам не хватало, поэтому предполагалось сократить места, предусмотренные штатами 1763 г.

К проблеме действенности законодательного регулирования можно отнести и вопрос о «неожиданных эффектах» законодательства, исследование которого проливает дополнительный свет на механизм функционирования государственной власти.

Иногда правительство получало совершенно непредвиденные результаты от своей законотворческой деятельности. Например, всем известно, что губернская реформа 1775 г. проводилась для укрепления власти и совершенствования управления. Но одним из следствий губернской реформы было резкое увеличение численности служащих местного звена государственного аппарата. Это не осталось незамеченным современниками. Например, Г.С. Винский в мемуарах весьма иронично охарактеризовал реформу в целом: «...появилось новое учреждение или совершенное преобразование правительственной махины. Все переновлено, даже до наименований: губернии названы пameстничествами, губернаторы правителями, воеводы городничими и пр. и пр.». Главное, к чему привела реформа, по мнению мемуариста: «Судебный места умножены с умножением в них чиновников, так что иная губерния, управляемая прежде 50-ю чиновни-

ками, разделившись по сему учреждению на четыре наместничества, в каждом имела до 80 судей». «Умножение судейских мест, конечно, открыло многим бедным семействам средства к существованию...», - писал Г.С. Винский⁴⁵.

Па открывшуюся для выходцев из непривилегированных сословий в ходе губернской реформы возможность поступать на государственную службу указывали и другие мемуаристы, например И.И. Мешков. Его прадед был крепостным, отпущенным помещиком на волю в 1748 г. И.И. Мешков поступил на службу при открытии Саратовской губернии. В своих мемуарах он замечал: «По новости Саратовской губернии, в канцелярских служителях на всем присутственным местам была общая потребность и, стало быть, не предстояло ни малейшего затруднения быть принятым на службу немедленно»⁴⁶. Утверждал это и Л.А. Травин: «...при наступлении 1778 года открылось Псковское наместничество... Тогда свободно было вступать имеющим вечные отпускные в приказные чины»⁴⁷.

В этот период служащие в местные учреждения набирались - кроме, естественно, дворян - из среды церковно- и священнослужителей; приказных, подьяческих и секретарских детей; обер-офицерских детей, солдатских детей, из купечества и даже из отпущенных на волю крепостных крестьян и господских людей.

Кардинальные изменения в социальном составе чиновничества местных государственных учреждений произошли в очень короткие сроки. Если в 1775 г. - накануне губернской реформы - среди чиновников восьмого класса на одного выходца из непривилегированных сословий приходилось 12,5 дворян, то в 1781-1782 гг., когда завершился ее первый этап, - 4,59; среди чиновников девятого класса - соответственно 6,5 и 3,16; десятого класса - 1,0 и 0,68; двенадцатого класса - 1,36 и 0,90; тринадцатого - 1,43 и 0,86; четырнадцатого - 0,36 и 0,45; среди губернских регистраторов, архивариусов, протоколистов и канцеляристов - 0,35 и 0,30. Итак, если в 1775 г. выходцы из непривилегированных сословий численно преобладали над потомственными дворянами только среди мелких канцелярских служащих и в XIV классе Табели о рангах, то в 1781-1782 гг. такое преобладание наблюдается уже в XIII-X классах при достаточно существенном изменении соотношения социальных групп в IX и VIII классах. Это общая и достаточно отчетливая тенденция. Она была замечена и верховной властью и вызвала ряд ответных законодательных мер.

Одной из причин «неожиданных эффектов» была неадекватность восприятия населением (особенно основной его массой -

крестьянством) законодательных актов. Российские крестьяне зачастую демонстрировали «хитрость разума» при восприятии некоторых законодательных норм. Говоря о регламентации публикации законодательных актов, мы уже отмечали, что подданные, в зависимости от направления их интересов, верили то письменным, то печатным указам.

Широко известен факт мифологизации в массовом сознании личности императора Петра III. В основе лежит неверная интерпретация законодательных актов периода его правления. Манифест от 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству» породил надежду на скорое освобождение и крестьян, что, в частности, отмечает в своих записках секретарь французского посланника в Петербурге К.-К. Рюльер. Предпринятая Петром III попытка секуляризации церковных имуществ привела к распространению среди монастырских крестьян, которые собственно и составляли основное церковное «имущество», слухов о скором освобождении. О своеобразной интерпретации секуляризационного законодательства в крестьянской среде свидетельствует сенатский указ от 8 октября 1763 г. «О внушении духовных вотчин служкам, мастеровым и крестьянам, чтоб они противу своих властей никаких своевольств не чинили, а поступали в исполнении своих обязанностей, как обнародованные указы 1762 августа 12 и 1763 гевваря 8 повелевают, и о наказании превратных толкователей сих указов».

О том, что законодательство Петра III породило неадекватные надежды крестьянства, свидетельствуют манифест Петра III от 19 июня 1762 г. «О прощении вышедших из повиновения помещичьих крестьян, если принесут раскаяние в винах своих, и о наказании рассеивателей ложных слухов, выведших крестьян из повиновения», почти дословно с ним совпадающий (и по названию) именной указ Екатерины II от 3 июля 1762 г. и сенатский указ от 8 октября того же года «О пребывании крестьян у своих помещиков в должном повиновении и послушании», в которых констатировалось, что «...некоторых помещиков крестьяне, будучи прельщены и ослеплены рассеянными от непотребных людей ложными слухами, отложились от должного помещикам своим повиновения...». А.С. Мыльников справедливо замечает, что хотя в манифесте Петра III и не говорится о характере слухов, но его содержание свидетельствует о том, что речь идет об ожидающемся освобождении крестьян⁴⁹. Несмотря на издание этих законодательных актов, среди которых был манифест, т. е. законодательный акт, рассчитанный на максимально широкое воздействие, слухи о скором освобождении крестьян продолжали распространяться. Об этом можно судить по сенатскому указу от

10 марта 1764 г. «О пасквиле, выданном под именем Именного указа». Прочная связь надежд крестьян на освобождение с законотворчеством Петра III проявилась и во время пугачевского восстания.

Еще более ярким примером неадекватной, неожиданной - по крайней мере, для законодателя - интерпретации законодательства в крестьянской среде является восприятие крестьянством предпринимаемых на протяжении XVIII в. законодательных мер, направленных на возвращение беглых. Цель таких законодательных актов обусловила их самую широкую публикацию (кстати, приведенный выше порядок публикации взят как раз из законодательства о возвращении беглых).

В начале 1760-х годов - при Елизавете, Петре III и Екатерине II - политика и этой сфере активизировалась. Была издана серия законодательных актов, среди которых, сенатский указ от 5 июня 1761 г. «О вызове из Польши российских беглецов; о поселении их при крепости Св. Елисаветы и о даровании им льгот на шесть лет и других выгод»; манифест от 28 февраля 1762 г. «О продолжении срока для возвращения в Россию бежавших в Польшу, Литву, Курляндию разного звания людей»; именной указ от 19 июля 1762 г. «О продолжении срока беглым людям для возвращения из-за границы в свое отечество»; высочайше утвержденный доклад Сената 27 ноября 1762 г. «Об отдаче привозимых в Смоленск беглых людей без наказания прежним их помещикам, со взысканием сделанных от казны издержек»; манифест от 4 декабря 1762 г. «О позволении иностранцам... селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество Русских людей, бежавших за границу; манифест от 13 мая 1763 г. «О вызове из Польши и Литвы беглых Российских помещичьих и всякого звания людей; о дозволении им селиться в казенных волостях, где кто пожелает, и о даче им льготы от податей и работ на 6 лет».

Уже из названий законодательных актов видно, что в то время явно преобладала политика «пряника», а не «кнута». Этими законодательными актами предусматривался перевод возвратившихся беглых в государственные крестьяне и ряд льгот; О том, каким образом это законодательство было понято в крестьянской среде, можно судить по сенатскому указу от 5 марта 1764 г. «О распространении силы манифеста от 4 декабря 1762 года на тех только, кои до состояния онаго манифеста из отечества своего самовольно отлучились». В нем говорилось, что дворовые люди подполковника Сумороцкого и крестьяне поручика Путилова в Главной пограничной комиссии на допросах показали, что «они... оставя жен и детей своих, бежали прошлого 1763 года в Июле месяце, по той причине, что один их же помещика

дворовой человек и разговорах сказывал им, якобы состоялся Ея Императорскаго Величества указ, ежели кто от помещиков давно бежал или вновь побежит, и побыв в Польше, явится, таких де велено записывать в дворцовыя волости, что они признав за истинную, и бежали, с тем намерением, что б пожив несколько за границую, и возвратись, быть в дворцовой вотчине, а не за помещиком». Итак, осознав превратное восприятие политики «пряника», правительство в определенной степени переходит к политике «кнута»: 29 марта 1764 г. был издай сенатский указ «О препоручении сыска и высылки беглых российских людей из Лифляндии и Эстляндии тамошним губернским и провинциальным канцеляриям». Впоследствии, впрочем, все же возобладала политика возвращения бежавших, а не их запугивания.

8. Проблема кодификации законодательства

Не преследуя цели рассмотреть всю сложную, многообразную историю кодификации российского законодательства после принятия Соборного Уложения 1649 г. (обобщение законодательных норм свойственно отнюдь не только новому времени), остановимся лишь на одном аспекте проблемы, который позволит нам соотнести российское законодательство с мировыми системами права.

При соотнесении российского законодательства, как оно сформировалось на протяжении XVIII - первой четверти XIX в., с двумя мировыми системами права - англосаксонской и континентальной - необходимо прежде всего остановиться на основных характеристиках этих систем. Их различия общепризнаны юристами.

Так, континентальная система базируется на кодексах, а англосаксонская - на судебных прецедентах (что, кстати, предполагает возможность интерпретации норм права судьей). Кроме того, англосаксонское право, в отличие от континентального, не делится на публичное и частное.

Подчеркнем также, что если континентальная система сформировалась по преимуществу в XIX в., начиная с наполеоновской кодификации, то англосаксонская система уходит своими корнями в глубокую древность.

Не вторгаясь в сферу компетентности юристов, заметим, что принцип приоритета закона как источника права гораздо в большей степени коррелирует с континентальной системой права, чем с англосаксонской. Системообразующее значение этого принципа в российском законодательстве XVIII в. было обосновано выше. Здесь же отметим, что с конца XVII в. Петр I прила-

гал усилия к тому, чтобы облеченные властью не руководствовались бы прецедентами при принятии управленческих решений. Одним из ярких свидетельств такого подхода может служить именной указ от 20 января 1697 (7205) г. «О невыписывании в пример указов, состоявшихся в Крымском походе, о придачах поместий и других пожалований боярам, воеводам и прочим ратным людям». В указе говорится, что «Крымских походов 195 и 197 годов своих государевых указов, которые состоялись в тех годах за те Крымские походы боярам и воеводам и ратным людям о придачах и о каких дачах впредь ни к каким делам *на пример выписки не выписывать*» (выделено мною. - М.Р.). Конечно, этот указ еще не устанавливал универсального принципа, да и подоплека его вполне ясна - не распространять льготы, заслуженные в военном походе, на мирное время.

При Петре I первые попытки кодификации предпринимались с 1700 г., когда так называемой палате об Уложении, состоявшей из членов боярской Думы и стольников, было поручено согласовать Соборное Уложение с новоуказными статьями и боярскими приговорами, Палата заседала до 1703 г. Но вполне очевидно, что в период бурного законотворчества проводить кодификацию нереально.

Основным законодательным актом и, следовательно, основным источником права в начале XVIII в. по-прежнему оставалось Соборное Уложение. 15 июня 1714 г. Петр I издал именной указ «О вершении дел по Уложению, а не по новоуказным статьям». В этом указе содержится повеление судьям «всякие дела делать и вершить по Уложению; а по новоуказным пунктам и сепаратным указам отнюдь не делать, разве тех дел, о которых в Уложении ни мало не помянуто». О «новоуказных пунктах» говорится, что они учинены «не в перемену, но в дополнение Уложения», поэтому они «приемлются во исполнение онаго законнаго Уложения, дондеже оно Уложение, для недовольных в нем решительных пунктов, исправлено и в народ опубликовано будет». Все же прочие указы, которые «учинены не в образец или «противно Уложению», в том числе и именные, «отставить, и *на пример не выписывать*» (выделено мною. - М.Р.), и вновь таких указов отнюдь не делать».

В уже упоминавшемся указе из Юстиц-коллегии «О решении дел в Московском надворном суде по Уложению и по новосостоятельным, а не по сепаратным указам, и о донесении о делах, которых судьи сами решить не могут, в Государственную Юстиц-коллегию» от 15 октября 1719 г., кроме предписания управлять по Уложению и изданным в его пополнение указам, содержится запрет руководствоваться «сепаратными указами» и «примерными делами».

Кстати, в докладе Академии наук на высочайшее имя в начале 1735 г. целесообразность новой публикации Соборного Уложения обосновывалась так: «...хотя в... Уложении некоторые пункты уже не употребительны, пока оное совсем остановлено и вместо того новое введено не будет; то оное есть необходимый нужды и может здешнему народу, который так чрез долгое время от того пользу получал... оставлено быть».

Функцию кодексов на протяжении XVIII-XIX вв. отчасти выполняли регламенты и уставы. Напомним, что в ключевом для становления новой системы законодательства указе от 17 апреля 1722 г. «О хранении прав гражданских...» говорится, что именно «все *уставы* и *регламенты* (выделено мною. - М.Р.) запечатываются». Этим же указом предусматривалось присоединение к регламентам вновь утверждаемых законодательных норм.

В дальнейшем, на протяжении всего XVIII в., предпринимались попытки - по ряду причин неудачные - провести кодификацию законодательства, то есть создать новое Уложение.

Вновь проблема кодификации законодательства была поставлена в конце 1720-х годов. В 1730 г. была учреждена Уложенная комиссия, которая безрезультатно проработала более десяти лет. Новая Комиссия о сочинении Уложения была созвана в 1754 г. и с перерывами продолжала свое существование до середины 1760-х годов, подготовив несколько проектов, в частности проект уголовного Уложения. Наиболее известна в истории Уложенная комиссия 1767-1768 гг., созванная Екатериной II⁵⁰.

Павел I, придя к власти в 1796 г., назначил новую Кодификационную комиссию. Ее преемницей стала Кодификационная комиссия Александра I, работавшая с 1804 по 1826 г. С 1826 г. для кодификационной работы было создано II отделение собственной его Императорского Величества канцелярии. После его упразднения в 1882 г. кодификационная работа была сосредоточена в Государственном Совете.

Несмотря на безуспешность попыток кодификации, можно утверждать, что уже в период правления Петра I наблюдалось стремление уйти от прецедентного права, базировать право на систематизированном законодательстве.

В XIX в. попытки провести кодификацию сначала воплотились в создании Свода законов Российской империи. Свод был издан в результате деятельности II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии в 1832 г. и вступал в действие с 1 января 1835 г. В Свод вошли действующие законодательные нормы, систематизированные тематически (в отличие от хронологической систематизации Полного собрания за-

конов). Хронологически они охватывали период от начала XVIII в. до 1 января 1832 г.

Структура Свода законов была определена М.М. Сперанским. Свод включал восемь главных отделов, распределенных по 15 томам⁵¹:

Основные государственные законы (Т. I. Ч. 1).

Учреждения: а) центральные (Т. I. Ч. 2); б) местные (Т. II.); в) уставы о службе государственной (Т. III).

Законы правительственных сил: а) уставы о повинностях (Т. IV); б) уставы о податях и пошлинах (Т. V); в) Устав таможенный (Т. VI); г) уставы монетный, горный и о соли (Т. VII); д) уставы лесной, оброчных статей, арендных старостинских имений (Т. VIII).

Законы о состояниях (Т. IX).

Законы гражданские и межевые (Т. X).

Уставы государственного благоустройства: а) уставы кредитный, торговый, промышленности (Т. XI); б) уставы путей сообщения, строительный, пожарный, о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных селениях, о колониях иностранцев в империи (Т. XII).

Уставы благочиния (законы полиции): а) уставы о народном продовольствии, об общественном призрении и врачебный (Т. XIII); б) уставы о паспортах и беглых, о предупреждении и пресечении преступлений, о содержащихся под стражей, о ссыльных (Т. XIV).

Законы уголовные (Т. XV. Кн. 1) и уголовно-процессуальные (Т. XV. Кн. 2).

Свод законов не может рассматриваться как кодекс, поскольку он не снимал действия предшествующего законодательства⁵². В манифесте от 31 января 1833 г., объявлявшем об издании Свода законов, говорилось: «Свод законов ничего не изменяет в силе и действии их, но приводит их только в единообразие и порядок...». Составители Свода (работу возглавлял М.М. Сперанский) при систематизации законодательства отбирали действующие нормы, затем они приняли следующие правила передачи их текста: «а) те статьи свода, кои основаны на одном действующем указе или постановлении, излагать теми самыми словами, какие стоят в тексте, без малейшего их изменения; б) те статьи, кои составлены из двух и более указов, излагать словами указа главного, с присоединением из других тех слов, кои служат ему дополнением или пояснением; в) статьи, составленные из соображения многих указов, излагать по тому смыслу, какой они представляют в их совокупности»⁵³. Таким образом, допускалось вмешательство в текст законодательных актов, служивших источником

Свода законов. Впоследствии эти правила уточнялись. Чаще всего, в целях сокращения объема Свода, опускалась мотивировочная часть законодательного акта, что в ряде случаев могло привести к расширительному толкованию законодательных норм. Но все же при создании Свода его составители последовательно придерживались главного правила: «Из двух несхожих между собой законов надлежит следовать позднему, не разбирая, лучше ли он или хуже прежнего, ибо прежний считается отрешенным тем самым, что поставлен на место его другой»⁵⁴.

Первоначально предполагалось издавать Свод законов каждые десять лет. Второе издание вышло в 1842 г., а третье только в 1857 г. Это было последнее единовременное издание Свода, впоследствии он издавался отдельными уставами. Среди этих изданий следует обратить особое внимание на Свод основных государственных законов, изданный 23 апреля 1906 г., накануне открытия I Государственной думы.

Кодификацию всего законодательства провести так и не удалось. В 1845 г. было издано «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» - пример кодификации одной из отраслей права, - впоследствии входившее в том XV Свода законов. После реформы 1864 г. в Свод был добавлен том XVI, содержащий Судебные уставы.

Итак, огромный количественный рост законодательных актов, расширение сферы законодательного регулирования, увеличение количества разновидностей законодательных актов не только обуславливают наиболее заметные свойства корпуса законодательных источников нового времени, но и порождают ряд проблем при его системном исследовании.

9. Классификация законодательных актов

Сложность и значимость проблемы классификации законодательных актов обусловлена невозможностью четкого определения понятия «закон» в условиях самодержавия. Поэтому необходимо четко определить сферу действия и юридическую силу отдельных разновидностей законодательных источников и выявить их иерархию.

Классификация законодательных актов законодателем

29 апреля 1720 г. был издан именной указ «О разделении указов на временные и ко всегдашнему наблюдению издаваемые и о напечатании сих последних». В нем говорилось:

«Указы все за нашего подписью разбирать на двое: которые временные в особливую книгу, а которые в постановление какого дела, те припечатывать, а именно: что надлежит до Коллегии, то в регламент Коллегии, а что к уставу или артикулу и прочим делам, в регламент, а не на время: то оные припечатывать по вся годы к оным книгам». Этот короткий указ содержит важные моменты. Так, подпись царя выступает как неперменный атрибут законодательного акта. Кроме того, в этом указе можно усмотреть стремление к постоянной кодификации законодательства, проявлявшееся в прибавлении вновь принимаемых норм к уже существующим законодательным актам обобщающего характера. И наконец, законодатель делит законодательные акты на *временные и постоянного действия*.

Более сложную классификацию законодательных актов предлагала Екатерина II в «Наказе Комиссии о сочинении проекта Нового уложения». Она выделяла три группы законодательных актов: во-первых, «законы в собственном смысле, т. е. те установления, которые ни в какое время не могут перемениться»; во-вторых, «временные учреждения»; в-третьих, «указы», изданные по частному поводу. Таким образом, Екатерина II разделяла акты верховной власти не только по времени действия (временные и постоянные), но и по масштабу действия (всеобъемлющие и частные).

В XIX в. попытки разделить акты верховной власти на временные и постоянные продолжались. Необходимость такой классификации законодательных актов отмечалась в наказе Александра I Непременному Совету, созданному манифестом от 30 марта 1801 г., и в проектах государственных преобразований М.М. Сперанского. Последний предлагал разделить все акты верховной власти на два разряда: на «те постановления, коими вводится какая-либо перемена в отношениях сил государственных или в отношениях частных людей между собою» и которые представляют закон «в точном смысле», и на «те, кои, не вводя никакой существенной перемены, учреждают токмо образ исполнения первых» и являются предметом «власти исполнительной».

Итак, теоретические рассуждения о классификации актов верховной власти не привели к пониманию критериев определения закона. Но решать задачу отбора законодательных актов среди постановлений верховной власти пришлось при составлении Полного собрания законов Российской империи. Составители ПСЗ, признав безуспешность предпринимавшихся попыток классификации актов верховной власти, сформулировали следующий принцип их отбора для публикации: «В состав Собрания вносить, по порядку времени, все постановления, ко всегдашне-

му исполнению от верховной власти, или именем ея от учреждений ею мест и правительств изданные». Иными словами, составители ПСЗ останавливались на сформулированном еще при Петре I принципе отличия постоянных законодательных норм от временных постановлений, но фактически смягчали подчеркивавшийся почти всеми правоведами и историками права принцип, что закон исходит от императора. Составители ПСЗ также отмечали: «Судебные решения имеют силу закона единственно в тех случаях, но коим они состоялись; по сему они не должны быть помещаемы в Собрании Законов общих»⁵⁵. Сформулировав вышеуказанные принципы отбора законодательных актов для ПСЗ, его составители допускали следующие исключения: «...есть судебные решения, коих сила распространена в самом их изложении на все случаи, им подобные; есть другие, кои, быв в начале частными, приняты в последствии примером и образом других решений, и таким образом сделались общими; есть решения частные, но в них сделано изъяснение закона общего, установлен точный смысл его и отвергнуты толкования с разумом его несообразный. Все таковые и сим подобные судебные решения положено вменить в состав Собрания. Подобное сему изъятие положено сделать и в решении дел уголовных. Важнейший из оных, особенно по преступлениям Государственным, признано полезным сохранить в Собрании».

Подобный подход был связан с характером законодательной системы, которая в это время проходила период своего становления. Но отбор законодательных актов для ПСЗ диктовался историческим подходом к законодательству, с которым также связывалась необходимость издания ПСЗ: «...История государства, без познания заколов, не может иметь ни ясности, ни достоверности, так как, с другой стороны, законы без истории часто бывают невразумительны». В соответствии с концепцией исторического происхождения права ПСЗ должно было использоваться в тех случаях, когда «...бывает нужно прежде всего пройти ряд прежних узаконений, сообразить силу их в совокупности, чтоб составить начертание закона, утвержденное не только на настоящем, но и на прежнем разуме законодательства»⁵⁶. В соответствии с этой целью, хотя «...все частное, все личное, все меры временныя положено исключить из состава Собрания...», из этого правила были сделаны исключения, о которых говорится следующее: «...есть распоряжения, по существу своему частные и случайные, но по историческому их достоинству важные. Их положено сохранить в Собрании, как памятники того пека, как указание общественных его нравов, как изображение гражданской его жизни»⁵⁷.

Нечеткость определения понятия «закон» ведет к нечеткости в отборе законодательных актов при публикации в ПСЗ, являвшемся основным источником текстов законодательных актов, которым пользовались историки и историки права, начиная со времени его публикации.

Разновидности законодательных актов

Поскольку для рассматриваемого периода, особенно для XVIII в., задача разграничения законов и иных нормативных актов принципиально неразрешима, целесообразно сосредоточить усилия на выяснении юридической роли, характера и масштабов действия отдельных разновидностей законодательных актов. Сразу оговоримся, что рассмотрение порядка разработки, принятия и публикации законодательных актов различных разновидностей при всей значимости этой проблемы не входит в нашу задачу, поскольку нами изначально декларировалось рассмотрение законодательства по принципу «черного ящика». Отметим лишь, что Б.М. Кочаков считает, будто разновидность законодательного акта зависела именно от порядка его прохождения⁵⁸. Правда, высказывание Б.М. Кочакова относится к рассматриваемым им законодательным актам XIX - начала XX и., когда была выработана законодательная процедура, которая в XVIII и. не отличалась четкостью. Но и применительно к этому периоду встает вопрос о соотношении причины и следствия: разновидность зависела от законодательной процедуры или определенный порядок прохождения законодательного акта обуславливался особенностями его юридической функции, т. е. его разновидностью?

Элементы предлагаемого подхода можно усмотреть, например, в том, что П.П. Загоскин в «Истории права русского народа...» не дает определения законодательного акта в целом, а пишет следующее: «С начала XVIII столетия развитие русского законодательства совершается посредством издания отдельных законов самого разнообразного вида и содержания - регламентов... учреждений, уставов, положений, наказов, указов, манифестов и т. п.».

В этом высказывании П.П. Загоскина отсутствует иерархия законодательных актов: они перечисляются в произвольном порядке. Иерархия отсутствует и у других авторов. Например, М.Ф. Владимирский-Буданов перечисляет разновидности законодательных актов в такой последовательности: уставы, регламенты и учреждения, указы, инструкции, манифесты⁵⁹. Составители

Полного собрания законов Российской империи в «Табели о числе уставов, учреждений, наказов, жалованных грамот, указов и трактатов, состоявшихся со времени Уложения, с 29 Января 1649 по 1 Января 1832 года» группируют разновидности законодательных актов следующим образом: 1) уложения, уставы, учреждения и указы; 2) жалованные грамоты; 3) манифесты и указы; 4) трактаты⁶⁰.

В современной историографии дать иерархическую классификацию законодательных актов XVIII в. попытался О.Л. Омельченко. В качестве высшего типа законодательного акта О.Л. Омельченко определяет манифесты, которые издавались только монархом и были обращены ко всем подданным. Следующую по значимости группу составляют именные указы (в том числе и объявленные), которые издавались монархом по существенным вопросам государственного значения и были адресованы конкретным государственным учреждениям или высшим должностным лицам. И третья группа - указы, которые могли издаваться как самим монархом, так и от его имени Сенатом (сенатские указы, указы, объявленные из Сената)⁶¹.

В целом в историографии проблема анализа разновидностей законодательных актов не решена. Во-первых, разновидностей законодательных актов (по их названиям в ПСЗ) было гораздо больше, чем упоминается в историографии. Во-вторых, вопрос об иерархии разновидностей должен решаться на достаточно репрезентативном материале путем сопоставления правовых норм, фиксируемых в законодательных актах разных разновидностей.

Выделим наиболее существенные разновидности законодательных актов, сложившиеся в XVIII в.

Манифесты — законодательные акты, провозглашавшие вступление на престол нового императора, сообщавшие о рождениях, браках и кончинах лиц императорской фамилии, а также о наиболее существенных реформах (Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству от 18 февраля 1702 г., Манифест об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 г.). Манифесты издавались при объявлении войны, заключении мира и при стихийных бедствиях (например, во время эпидемии чумы).

Указы - наиболее многочисленная и разнообразная группа законодательных актов. Указами могли регулироваться почти все сферы государственной и общественной жизни.

Уставы - специальные законодательные акты, регулирующие какую-либо сферу деятельности (Новоторговый устав 1667 г., Воинский устав 1716 г., Морской устав 1720 г., Устав благочиния

1782 г., Таможенный устав по Европейской торговле 1819 г.) или отрасль материального права (Устав о векселях 1729 г., Устав о банкротах 1800 г.).

Регламенты и учреждения - законодательные акты учредительного характера, определявшие организацию, состав, компетенцию и регулирующие деятельность государственных учреждений (Регламент главного магистрата 1721 г., Генеральный регламент 1720 г., Духовный регламент 1721 г.).

Уставы и регламенты - законодательные акты кодифицирующего характера.

Фактически разновидностей законодательных актов было гораздо больше, и их соотношение постоянно - от правления к правлению - менялось.

Рассмотрим два примера. Сравним по разновидностям соотношение законодательных актов за период правления Петра III и сопоставимый по времени начальный период правления Екатерины II. За краткий период правления Петра III было принято 192 законодательных акта, начиная с манифеста от 25 декабря 1761 г. «О кончине государыни императрицы Елисаветы Петровны и о вступлении на престол государя императора Петра Третьего» и кончая именным, данным Сенату, указом от 26 июня 1762 г. «О сборе денег, розданных в заем из банков Санкт-Петербургского и Московского и о недаче заимщикам отсрочки во взносе оных». За сопоставимый период правления Екатерины II с 28 июня 1762 г., с издания манифеста «О вступлении на престол императрицы Екатерины II», по 20 декабря того же года, включая именной, данный Сенату, указ «О произведении наследника цесаревича и великого князя Павла Петровича в генерал-адмиралы», было издано 148 законодательных актов. Отметим, что период правления Екатерины II с восшествия на престол по 20 декабря нами рассматривается как сопоставимый с периодом правления Петра III, так как следующий законодательный акт датируется 8 января 1763 г. Законодательные акты, принятые в рассматриваемое время, распределяются по разновидностям следующим образом (табл. 1).

Даже беглый взгляд на приведенную таблицу позволяет сделать некоторые любопытные выводы, касающиеся, в первую очередь, роли отдельных государственных учреждений в то или иное правление. В приведенном перечне не раскрыты названия должностей тех должностных лиц, которые объявляли императорские указы, а их сопоставление по различным царствованиям (и даже по разным периодам одного царствования) тоже может дать любопытные результаты.

Таблица 1

Наименование разновидности	Количество	
	при Петре III	при Екатерине II (1762 г.)
Манифесты	5	8
Именные указы	Г)	И
Именные, состоявшиеся в Сенате	-	10
Именные, данные Сенату	26	12
Именные, данные Военной коллегии	5	-
Именные, данные другим учреждениям и отдельным должностным лицам	.	4
Именные, объявленные из Сената	2	5
Именные, объявленные Сенату	12	8
Именные, объявленные Военной коллегии	8	-
Именные, объявленные Адмиралтейской коллегии	-	1
Именные, объявленные Главной полицеймейстерской канцелярии	2	2
Именные, объявленные должностными лицами	2	-
Именные, следовавшие на доклад Сената	3	2
Сенатские	00	53
Сенатские, вследствие именного	11	6
Сенатские, вследствие высочайше утвержденного доклада	1	2
Сенатские, вследствие манифеста	-	1
Высочайше утвержденные доклады Сената	9	13

Окончание табл. 1

Высочайше утвержденные доклады других учреждений и должностных лиц	3	I
Синодские	1	-
Международные договоры	2	-
Прочее	5	0

Свод законов упорядочивал номенклатуру разновидностей законодательных актов. Статья 53 Свода устанавливала следующие их разновидности: уложения, уставы, учреждения, грамоты, положения, указы (инструкции), манифесты, мнения Государственного Совета и высочайше утвержденные доклады. Однако критерии их различения в Своде не сформулированы.

Для того чтобы понять, насколько в Своде законов удалось упорядочить номенклатуру разновидностей законодательных актов, сравним структуру законодательства по разновидностям за первые месяцы правлений императоров XIX в.

За первый месяц правления Александра I, с 12 марта по 11 апреля 1801 г., было принято 52 законодательных акта; за первый месяц правления Николая I, с 12 декабря 1825 г. по 11 января 1826 г., - 43; за первый месяц правления Александра II, с 18 февраля по 17 марта 1855 г., - 98 (и это если учесть, что первый месяц правления Александра II был короче, чем у других императоров!); за первый месяц правления Александра III, с 1 марта по 31 марта 1881 г., - 62. Распределение законодательных актов по разновидностям отражено в табл. 2.

Таблица 2

Наименование разновидности	Александр I	Николай I	Александр II	Александр III
Манифесты	9	3	1	2
Именные указы, данные Сенату	25	1	3	ч
Именные указы, данные государственным учреждениям и должностным лицам (кроме данных Сенату)	6	4	2	2

Окончание табл. 2

Именные «объявленные» указы	8	3	53	0
Сенатские указы	2	11	4	0
Высочайше утвержденные мнения Государственного Совета	2	8	23*	
Высочайше утвержденные положения Комитетаминов		12	0	5
Прочее**	2	7	21	28

*Включая шесть Высочайше утвержденных мнений департамента государственной экономики Государственного Совета.

** В категорию «прочее» сведены разновидности, характерные только для како

Конечно, приведенных данных, как и в первом случае, недостаточно для каких-либо существенных выводов, но они позволяют сделать некоторые наблюдения, требующие дальнейшего объяснения. Сразу же отметим, что структура законодательства первого месяца правления Александра I явно восходит к XVIII в., что отражается в большом количестве манифестов и именных указов, данных государственным учреждениям и должностным лицам (1 - Московскому военному губернатору графу Салтыкову, 1 - кабинету, 2 - Адмиралтейств-коллегии, 2 - Военной коллегии). Заметна также значительная роль Государственного Совета в законодательстве первого месяца правления Александра III.

Значительное количество «объявленных» указов и первый месяц правления Александра II хорошо коррелирует с общим превышением количества законодательных актов, несмотря на несколько меньший промежуток времени, за который учтено законодательство Александра II⁶².

Итак, анализ структуры законодательства по разновидностям фактически выводит нас на проблему неформальной структуры власти и компетенции отдельных учреждений, должностных лиц, а в первой половине XVIII в. и персоналий в сфере государственной власти и управления.

Увеличение количества законодательных актов, разновидностей законодательных актов, расширение сферы законодательного регулирования не только обуславливают наиболее замет-

ные свойства корпуса законодательных источников нового времени, но и порождают множество проблем при его системном исследовании.

ГЛАВА 5

Акты

АКТЫ - документы юридического характера, фиксирующие правовые отношения между двумя и более контрагентами. В качестве контрагентов могут выступать физические и юридические лица, а также государство.

1. Частноправовые акты

Актовые источники нового времени многочисленны и разнообразны. Их развитие вызвано, в первую очередь, изменениями в области гражданского права, в частности значительным расширением сферы регулирования имущественных отношений и развитием обязательственного права.

На протяжении XVIII в. государство все более активно регулировало порядок заключения обязательственных отношений. Причем законодательство в этой сфере обладало всеми особенностями законодательства XVIII в.: законодатель также стремился охватить все возможные виды сделок и их нюансы. Но, с другой стороны, начало проявляться стремление выработать абстрактные правовые категории и формулировки. В российском законодательстве конца XVIII в. появилось понятие «собственность». Оно было определено и закреплено в статье 420 первой части десятого тома Свода законов Российской империи: «Собственность есть власть в порядке, гражданскими законами установленном, исключительно и независимо от лица постороннего владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом вечно и потомственно».

В начале XVIII в. кардинально изменился порядок составления актов. С 1701 г. площадные подъячие стали называться подъячими крепостных дел. Основной вид актов, составлявшихся ими, - крепости, т. е. договоры (в основном акты купли-продажи) на недвижимое имущество. Одновременно расширялась номенклатура сделок, фиксируемых крепостями. Составление крепостей регулировалось государством; контроль за деятельностью подъячих крепостных дел осуществляла сначала Оружейная палата, с 1706 г. - Московская ратуша, а с 1719 г. - Юстиц-коллегия. После ликвидации в 1775 г. Юстиц-коллегии и в связи с проведением Лубериской реформы контроль за совершением крепостей

был децентрализован: крепостное (нотариальное) засвидетельствование стали осуществлять палаты гражданского суда и уездные суды.

Формой реализации обязательственного права был договор. Договоры заключались по обоюдному согласию сторон и могли включать любые условия, не противоречившие законодательству. Договоры могли заключаться в письменной и устной форме. Традиционно сложились три формы письменного заключения договоров: домашний, явочный и крепостной. В первой четверти XVIII в. (по указу 1701 г.) договоры почти всех видов заключались крепостным (нотариальным) порядком, что обеспечивало максимальный контроль со стороны государства. Однако увеличение количества имущественных сделок привело к разграничению сфер крепостной и явочной форм. Крепостным порядком стали заключаться сделки, объектом которых было недвижимое имущество (мена, купля-продажа). Законодательство (в частности, указ о единонаследии 1714 г.) предусматривало введение ограничений при распоряжении недвижимым имуществом, причем они касались не только купли-продажи, но и дарения и мены. Жалованная грамота дворянству 1785 г. сняла некоторые ограничения. С 1811 г. предусматривалось публичное объявление (в газете) о сделках на недвижимость.

В гражданском законодательстве существовали следующие виды договоров: дарение, мена, купля-продажа, запродажа, найм имущества, подряд и поставка, заем и ссуда имущества, поклада, товарищество, страхование, личный найм, доверенность. Каждый из этих договоров оформлялся соответствующей разновидностью акта.

Исследователь в ходе источниковедческого анализа актов, прежде всего при использовании больших их комплексов для исследования проблем имущественных отношений между различными социальными слоями, должен детально разобраться в правовом регулировании тех или иных сделок. Особое внимание в первую очередь следует уделить выяснению, как минимум, двух аспектов: во-первых, какие сделки обязательно фиксировались документально и, во-вторых, какие категории населения могли вступать в договорные (обязательственные) отношения определенного вида. При анализе актов отдельных разновидностей может потребоваться и иная информация: например, анализируя договоры займа, необходимо знать, что во второй половине XVIII в. государство строго ограничивало размер процента по займам. Без этого невозможно определить адекватность картины, полученной при анализе актового материала. Очертим самые важные ограничения.

Договоры дарения, мены и купли-продажи не требуют особых пояснений. Их предметом в основном было недвижимое имущество. Договор дарения мог быть расторгнут, если заключался несостоятельным должником в пользу близких родственников в течение 10 лет до объявления несостоятельности. В XIX в. появился договор *запродажи*, по которому продавец обязывался заключить впоследствии договор купли-продажи на недвижимость.

До 1780 г. договоры *имущественного найма* заключались в крепостном порядке, затем для них был установлен явочный порядок. При имущественном найме существовали определенные условия для обеспечения прав собственника. В 1824 г. был установлен предельный срок для сдачи недвижимости внаем - 12 лет, в 1835 г. он был увеличен до 30 лет в отношении земель, арендованных для строительства на них промышленных предприятий.

Договоры *личного найма* до 1780 г. также заключались в крепостном порядке, затем в явочном. Личный найм сопровождался некоторыми ограничениями: несовершеннолетние дети и жена должны были получить разрешение отца и мужа, крестьяне - помещика или управляющего. Ряд категорий населения мог заключать договоры на срок не более пяти лет. Особая процедура предусматривалась при заключении договора между мастером и учеником. Некоторые права ученика фиксировались в Ремесленном положении 1785 г. и Уставе о цехах 1799 г.

Предметом договоров *подряда и поставки* могли быть постройка, ремонт и слом зданий, поставка материалов, сырья и изделий, перевозка. В ряде законодательных актов начала XVIII в. (1701, 1703, 1705, 1706 гг.) предусматривался крепостной порядок заключения таких сделок.

Множеством ограничений оговаривался и договор *займа*. Наиболее существенным являлся запрет губернским чиновникам заключать такие договоры с местными жителями (по указу 1740 г.). А с 1837 г. заем чиновниками земского суда или полиции у причастных к преступлению лиц (во время следствия) рассматривался как взятка. Законодательно регулировался и размер процента, выплачиваемого по займу. По указу 1754 г. он не мог превышать 6 % годовых, а в 1786 г. был снижен до 5 %, в 1808 г. вернулись к 6 % годовых. Запрещалось заключать договоры займа во время игры и для игры. Договоры займа оформлялись крепостным порядком до 1800 г.

Как разновидность акта, фиксирующего договор займа, может рассматриваться *вексель* - ценная бумага, содержащая данное в установленной форме обязательство уплатить определенную сумму денег к установленному сроку. Вексель - разновидность ак-

та, составление и порядок действия которого регулировались самым детальным образом, начиная с принятия Вексельного устава 16 мая 1729 г. И дело не в том, что векселям придавалось какое-то особое значение в сравнении с другими видами договоров, хотя и это имело место в связи с развитием денежной системы. Вексельный устав - яркий пример регулирования возникающей разновидности актов. Договоры, существовавшие и ранее, отчасти регулировались обычаем. Указами 1761 и 1771 гг. государственным, дворцовым, монастырским крестьянам, а также дворовым людям запрещалось обязываться векселями.

Предметом договора *поклажи* могло быть любое движимое имущество (в том числе деньги и ценные бумаги). Эти договоры оформлялись крепостным порядком только в первой четверти XVIII в. В дальнейшем вещи оставляли на хранение под расписку или даже без всякого оформления. Отрицание факта принятия на хранение рассматривалось как воровство.

Хотя компании формировались достаточно интенсивно уже с начала XVIII в., государство на протяжении всего столетия уделяло мало внимания регламентации договора *товарищества*. Устав о цехах 1799 г. регламентировал статус наиболее простой формы товарищества - артели. Правила учреждения товариществ устанавливались манифестом от 1 января 1807 г.

Договоры *представительства* оформлялись *доверенностями*, без которых поверенные лица не могли заключать договоры купли-продажи. Поверенный мог действовать строго в границах, очерченных договором, но в этих границах доверитель не мог оспаривать его действия.

В XIX в. начал регламентироваться договор *страхования*. Письменным актом договора страхования являлся *полис*.

2. Акты, связанные с проведением крестьянской реформы (уставные грамоты и выкупные акты)

Крестьянская реформа 1861 г. породила значительный комплекс исторических источников, среди которых, в первую очередь, следует назвать описания помещичьих имений, уставные грамоты и выкупные акты. Две последние разновидности относятся к актовым источникам, и хотя они связаны с единичным историческим событием, значимость события и репрезентативность корпуса сохранившихся источников заставляет специально обратиться к их рассмотрению.

Уставная грамота фиксировала конкретные условия выхода крестьян из крепостной зависимости и взаимные обязательства

сторон (крестьянина и помещика) на период временнообязанного состояния.

Первоначально предполагалось поручить разработку формуляра губернским властям, ограничившись установлением общего принципа: «общим правилом для составления уставных грамот должно быть признано то, чтобы они обнимали все взаимные обязательные хозяйственные отношения владельцев с крестьянами»⁶³. По от этой идее быстро отказались, решив подкрепить сделки между крестьянами и помещиками авторитетом верховной власти. Причем изначально предполагалось, что формуляр уставной грамоты будет печатным, чтобы придать уставным грамотам в мнении крестьян «законный» характер⁶⁴.

Формуляр уставной грамоты прилагался к высочайше утвержденному «Общему положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 г. Формуляр уставной грамоты предусматривал включение сведений о помещике, о населении имения и его движении с 1858 г. (после последней ревизии) на момент составления уставной грамоты, о земельном наделе крестьян в дореформенный период и после реформы, об отрезке и прирезке земли, о повинностях крестьян до и после составления уставной грамоты, а также сведения о количестве усадеб, их разряде, количестве усадеб, перенесенных на другое место; описывались особые преимущества имения, оставляемые за помещиком сервитуты⁶⁵. В уставной грамоте также указывалась сумма выкупа за усадебный и полевой наделы и оговаривался порядок исполнения повинностей на период временнообязанного состояния.

Уставная грамота завершалась обычными реквизитами актового источника: датой подписания, утверждения и введения в действие, а также подписями помещика или его доверенного лица и крестьян.

Формуляр задавал определенные рамки сделки, и именно поэтому на практике его часто игнорировали. Уже 10 июля 1861 г. был издан циркуляр министерства внутренних дел, позволявший изготавливать бланки уставных грамот с гербом и заглавием, но без самого формуляра.

Если использовались бланки без формуляра, то размеры повинностей до реформы не всегда указывались, поскольку в ходе реформы помещикам запрещалось повышать размер оброка. Зачастую не приводилось описание усадебной земли, что также давало помещику возможности для маневра.

Уставные грамоты отличаются от традиционных актов тем, что их обычно сопровождает дело (в делопроизводственном понимании как комплекс документов), в котором присутствуют

первичные документы (протокол мирового посредника, приговор сельского схода, жалобы, решения мирового съезда и т. д.), что дает редкую для актов возможность проследить процесс заключения договора.

Выкупной акт конкретизировал финансовую сторону уставной грамоты, поэтому его формуляр является производным от формуляра уставной грамоты. Но следует отметить: в силу финансового назначения выкупного акта все числовые показатели, содержащиеся в нем, признавались юридически окончательными, что позволяет привлекать их для анализа уставных грамот.

В заключение отметим, что и уставные грамоты и выкупные акты относятся к массовым источникам, однако источниковедческое исследование этих разновидностей имеет свои особенности. При статистической обработке данных необходимо убедиться, что они представляют собой случайные величины, что отсутствует целенаправленное искажение информации, чего, безусловно, нельзя сказать об уставных грамотах, информация которых могла искажаться в пользу помещика, да и к тому же в каждом случае по-разному. Таким образом, проблема достоверности уставных грамот имеет два уровня: установление достоверности отдельно взятой уставной грамотой и установление достоверности их репрезентативного корпуса. Уставные грамоты активно используются исследователями в качестве исторического источника; при этом территориальный охват изучаемых комплексов постоянно расширяется, что позволило исследователям разработать специальные методы проверки достоверности больших массивов уставных грамот⁶⁶.

3. Новые разновидности актов рубежа XIX-XX веков - акты акционерного предпринимательства

В конце XIX в. возникли новые разновидности актов, что было связано с развитием частного предпринимательства, в том числе и таких его новых форм, как акционерные компании. По законодательству Российской империи, необходимо было получать разрешение на учреждение акционерной компании через утверждение ее *устава*. Дискуссионным является вопрос о видовой принадлежности уставов, поскольку уставы акционерных компаний могли корректировать и дополнять акционерное законодательство. Поэтому уставы могут рассматриваться как сепаратные законодательные акты.

Уставы акционерных компаний являются типичным массовым источником, поскольку составляли неотъемлемую часть процесса учреждения акционерной компании. Устав содержит информацию о цели образования компании, ее наименовании и местонахождении, размере капитала, количестве и номинале акций. В нем также отражены порядок формирования капитала и распространения акций, права, обязанности и ответственность компании и акционеров, порядок отчетности, распределения дивидендов. Кроме того, устав содержит информацию об организации и порядке управления компанией: порядок управления делами, структура, функции и права правления и общего собрания акционеров, порядок решения споров, порядок ликвидации компании. Формуляр устава законодательно не устанавливался, но быстро сложился по традиции, исходя из требований закона к содержащейся в уставе информации. Обычно устав включал следующие разделы: а) цель учреждения, учредители, права и обязанности компании; б) основной капитал, акции, права и обязанности владельцев акций; в) права и обязанности правления; г) порядок отчетности, распределения прибылей и выдачи дивидендов; д) функции, права и обязанности общего собрания акционеров; е) порядок разрешения споров, прекращения деятельности общества и его ликвидации.

Дата утверждения устава считалась официальной датой возникновения компании, но поскольку основной капитал собирался на основании утвержденного устава, то реально компания начинала функционировать спустя какое-то время либо вообще могла не начать свою деятельность.

С функционированием акционерных компаний связано и возникновение такой разновидности актовых источников, как *акции*. Законом 1836 г. вводились лишь именные акции, а уставы акционерных компаний предусматривали не только именные акции, но и акции на предъявителя. Устав акционерной компании устанавливал формуляр акции, правила владения ею и передачи от одного владельца другому.

4. Проблемы источниковедческого исследования актов

Актовое источниковедение - дипломатика, давно и плодотворно разрабатываемое на средневековом материале, мало привлекает внимание исследователей истории XVIII-XIX вв. (за исключением отдельных разновидностей актов, например таких, как уставные грамоты). Актовые источни-

ки, особенно частноправовые акты, обычно содержат чрезвычайно ценную информацию, которая не может быть почерпнута сколь-либо полно ни из какого другого источника. Это сведения о реальном правовом статусе отдельных категорий населения, реализуемом в имущественных и обязательственных отношениях. Но для получения такой информации необходимо исследовать репрезентативные комплексы актов.

Новые перспективы открывает развитие источниковедения массовых источников. Вместе с тем подчеркнем, что, прежде чем применять к актовому материалу методы математической статистики для выяснения, например, структуры имущественных отношений, необходимо тщательно исследовать достоверность отдельных актов и их комплексов, а также установить степень полноты дошедшего до нас актового материала. Частноправовые акты имели значение лишь для лиц, вступающих в договорные отношения. В связи с этим они не поступали на государственное хранение, и даже сохранившиеся акты разпылены по различным хранилищам и фондам. Поэтому достаточно плодотворным может быть обращение к материалам государственных учреждений, регистрировавших сделки, а в некоторых случаях и к газетной периодике, в которой публиковались объявления о сделках на недвижимое имущество.

ГЛАВА 6

Делопроизводственные материалы

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ материалы - вид исторических источников, функцией которых является документное обслуживание различных управляющих систем (государственное делопроизводство, вотчинное делопроизводство, делопроизводство акционерных компаний и т. д.). В структуре делопроизводственной документации выделяется группа разновидностей, обеспечивающих принятие и реализацию управленческих решений, и группа разновидностей, обеспечивающих документооборот.

На протяжении XVIII в. и почти всего XIX в. большая часть делопроизводственных документов возникала и системе государственного аппарата. И только в конце XIX в. в связи с акционированием промышленности и созданием монополий расширилась негосударственная сфера ведения делопроизводства. Вторым, однако гораздо менее значительным, источником делопроизводственной документации становились общественные орга-

низации. Отметим также, что делопроизводственных материалов государственных учреждений не только было намного больше, чем прочих, но они и лучше сохранились благодаря организованной в начале XVIII в. архивной системе их хранения.

Таким образом, делопроизводство как вид исторических источников воспроизводит систему государственного аппарата. Еще раз напомним о дискуссии (чаще латентной, чем явной) о направленности причинно-следственной связи: с возникновением новых учреждений порождаются новые документы или необходимость в обработке количественно растущей и структурно усложняющейся документации (фактически за этим стоит обработка информации документов) ведет к усложнению государственного аппарата. Присоединимся ко второй точке зрения, с той оговоркой, что усложнение государственного аппарата, в свою очередь, приводит к усложнению делопроизводства, появлению большого количества документов, обслуживающих документопотоки.

Зависимость делопроизводства от изменений системы государственных учреждений ведет к периодизации развития данного вида исторических источников в соответствии с кардинальными преобразованиями государственного аппарата. Внутри рассматриваемого периода выделяются два этапа: коллежский и министерский. Однако не следует пренебрегать и другими критериями - например, такими, как изменение формы документов. При тесной взаимосвязи этих изменений, отметим, что реорганизация государственного аппарата, в первую очередь, влияет на организацию документопотоков и систему разновидностей делопроизводственной документации. Изменения формы ведения делопроизводства - переход от столбцовой формы к тетрадной, закрепление формуляра, применение бланков документов - сказывались на содержании отдельного документа.

1. Законодательная основа делопроизводства

Особенностью делопроизводства XVIII-XIX вв. по отношению к предшествовавшему периоду является то, что его важнейшие основы утверждались законодательно.

В начале XVIII в. создавалась новая система государственных учреждений, причем возникновение новых учреждений оформлялось законодательно, а для многих из них издавались регламенты, регулировавшие деятельность учреждения, и в том числе делопроизводство. В начале XVIII в. иногда специально оговаривалась необходимость документирования управленческих решений. Так, в 12-й главе указа от 27 апреля 1722 г. «О должностях

Сената» говорится: «В Сенате никакое дело исполнено бытьи надлежит словесно, но все письменно, понеже Сенату в таких важных повелениях вельми нужно иметь всякое опасение и осторожность, дабы наш интерес ни в чем не повредить, и того ради всем членам не прийти к тяжкому ответственанию, також и нам ни в чем бы сумнительно бытьи могло».

28 февраля 1720 г. был издан Генеральный регламент - основополагающий законодательный акт, определивший систему делопроизводства вплоть до революции 1917 г. Впоследствии, на протяжении XVIII-XIX вв., издавалось множество законодательных актов, устанавливавших формуляр документов отдельных разновидностей, порядок их прохождения, организацию документопотоков между учреждениями и решавших многие другие частные вопросы организации делопроизводства.

Генеральный регламент состоит из 56 частей. В регламенте обосновываются преимущества коллежской системы по сравнению с приказной. Значительная часть этого законодательного акта посвящена установлению штатов и описанию должностных обязанностей. Впервые вводимая дифференциация должностей была столь значительной, что не могла не сказаться на организации делопроизводства. Как известно, коллегия состояла из присутствия (общего собрания членов) и канцелярии, в которой и было сосредоточено делопроизводство. Во главе канцелярии стоял секретарь, который готовил дело к слушанию на коллегии. Кроме секретаря предусматривались должности нотариуса, который должен был вести протоколы заседаний; актуариуса, который был обязан регистрировать документы и передавать их исполнителям; регистратора, отвечавшего за оформление исходящих и регистрацию входящих и исходящих документов. Основные категории служащих канцелярии - канцеляристы и копиисты, причем первые готовили документы, вторые переписывали их набело.

Генеральный регламент предполагал обязательность обучения канцелярских служащих. По указу от 10 ноября 1721 г. для подьячих была создана школа при Сенате. Кроме того, в Генеральном регламенте формулировались общие правила составления документов, указывались основные реквизиты. Например, в начале протокола следовало указывать дату заседания и перечислять присутствующих.

11 января 1721 г. был издан «Регламент, или Устав Главного магистрата», к которому прилагались формы ведомостей, рапортов и т. д. На протяжении XVIII в. включение в законодательный акт формуляра документов стало обычным делом. Чаще всего давался формуляр учетных документов. Хотя можно найти и иные примеры: так, в указе от 5 ноября 1723 г. «О форме суда» содержится образец составления челобитной.

Законодательно регламентировалось и прохождение документов, например в «Учреждении для управления губерний» 1775 г.

С самого начала XVIII в. законодатель много внимания уделял порядку подачи челобитных. Челобитные всегда подавались на имя государя. В XVIII в., в силу рассмотренных выше причин, их количество увеличивалось, и законодатель был вынужден пресечь практику подачи челобитных непосредственно царю.

В 1802 г. прошла министерская реформа. Указ от 17 августа 1810 г. «Разделение государственных дел по министерствам» уточнил разграничение сфер деятельности министерств, конкретизировал их функции, 25 июня 1811 г. вышло «Общее учреждение министерств», в котором фиксировалась их структура. На основании этого законодательного акта издавались уставы и положения каждого министерства. С изменением структуры государственного аппарата изменилось и делопроизводство.

2. Разновидности делопроизводственных материалов

Многообразие разновидностей делопроизводственных документов обусловлено, прежде всего, сложной структурой государственного аппарата.

Можно выделить три группы делопроизводственной документации: 1) переписка учреждений; 2) внутренние документы; 3) просительные документы (часто выступают как инициативные при формировании дела).

Нижестоящие учреждения или должностные лица посылали вышестоящим *доношения* (донесения). Донесение нижестоящего должностного лица вышестоящему могло называться *рапортом*. Рапортами обычно назывались и донесения, посылаемые в Сенат. Донесение об исполнении какого-либо распоряжения могло называться *экзекуцией*.

Учреждения одного уровня посылали друг другу *промемории*. Учреждения, не связанные соподчиненностью, могли также посылать друг другу *ведения*.

Частные лица обращались в государственные учреждения с *прошениями*, которые в XVIII в. обычно по-прежнему назывались *челобитными*.

Постепенно начала возрастать роль внутренней документации, обслуживавшей документопоток внутри учреждения. При поступлении в учреждение документы регистрировались, им присваивался номер, ставилась дата, в регистрационном журна-

ле передавалось содержание документа и отмечалось, кому он отдан для исполнения. Входящие документы учитывались в специальных книгах (регистрациях), в которых отдельно в хронологической последовательности записывались документы, полученные от царя, от Сената и других учреждений. Раздельно регистрировались исходящие документы. В XVIII в. при регистрации текст документа часто копировался. К внутренней документации относятся также документы, возникшие в ходе подготовки дела к рассмотрению, - протоколы и журналы заседаний.

В XIX в. основные разновидности делопроизводственной документации сохранились, иногда изменяя свое название. Ушли в прошлое челобитные, остались прошения, место промеморий заняли отношения.

Как особая разновидность донесения может рассматриваться *отчет*, посылаемый нижестоящим учреждением вышестоящему. Отчеты получают распространение, главным образом, в XIX в. Наибольший интерес представляют отчеты о деятельности высших и центральных учреждений, а также губернаторские и генерал-губернаторские отчеты.

Ежегодные отчеты министров о деятельности министерств были предусмотрены манифестом от 8 октября 1802 г. об учреждении министерств. Однако, несмотря на требования манифеста и последующие неоднократные указания, министерские отчеты, по-видимому, систематически не составлялись. Часто подготовка такого отчета и степень подробности содержащейся в нем информации зависели от воли министра. Не была устойчивой и структура отчета: он мог составляться либо по структурным подразделениям, либо тематически.

Отчеты Государственного Совета составлялись периодически и были весьма краткими.

С 1804 г. составлялись губернаторские отчеты. Их комплекс за XIX в. является наиболее репрезентативным.

В XIX в. усложнилась регистрация документов - документ регистрировался на всех этапах своего движения. О масштабах явления дает представление опубликованное в 1858 г. «Руководство к наглядному изучению административного порядка течения бумаг в России». Согласно этому руководству в земском суде в процессе исполнения документ проходил 26 операций, в губернском правлении - 54, в департаменте министерства - 34, в совете министров - 45⁶⁷. В XIX в. сохранилась журнальная форма регистрации. В каждом структурном подразделении регистрировались все входящие и исходящие документы. Для регистрации входящих документов и канцелярии министра и департаментах

существовали общие и частные журналы. В общий журнал вносились все поступившие документы. В частном журнале канцелярии министра отмечались те документы, которые исполнялись в самой канцелярии. Частные журналы велись в отделениях для регистрации документов, поступавших на исполнение из департамента. В канцелярии министра и департаментах существовало по два журнала для регистрации исходящих документов. Они также назывались общим и частным, но распределение функций между ними было иное: в общий журнал вносилось краткое содержание документа, а в частный документы (точнее, их отпуски, поскольку сами документы после записи в общий журнал отсылались адресатам) переписывались дословно.

Журнал как форма фиксации обсуждения и решения обычен для XIX в. В журнале ход заседания фиксировался более кратко, чем в протоколе. В нем излагался обсуждаемый вопрос, фиксировались мнения большинства и меньшинства, а также особые мнения и указывалось, какое мнение было утверждено в качестве решения. Журналы разных учреждений различаются по степени подробности фиксации обсуждения. Наиболее подробны журналы Государственного Совета, менее - журналы Комитета министров.

В 70-е годы XIX в. появилась такая форма фиксации хода заседаний, как стенографические отчеты, в частности для фиксации заседания Особого присутствия Правительствующего Сената по делам о государственных преступлениях. Эта форма получила распространение в начале XX в., а стенографические отчеты заседаний Государственной думы синхронно публиковались.

3. Эволюция формы делопроизводственных источников. Влияние формы на содержание

Кардинальные изменения в делопроизводстве были обусловлены заменой его столбцовой формы тетрадной по указу 1700 г. Этому преобразованию предшествовало и, по-видимому, способствовало введение в 1699 г. гербовой бумаги, продаваемой отдельными листами. На гербовой бумаге писали прошения, которые часто являлись инициативными документами.

В ряде законодательных актов того времени обосновывалось преимущество тетрадной формы ведения дел. Конечно, необходимость изменения делопроизводства была обусловлена прежде всего ростом потребности в документировании, но оно, в свою очередь, оказало влияние на содержание отдельно взятого доку-

мента. При тетрадной форме бумага экономилась не только за счет того, что теперь писали на обеих сторонах листа («...как учнут писать в лист и на обеих сторонах в тетради, бумаге расходу будет меньше», - говорится в одном из указов), а прежде всего потому, что исчезла необходимость заново кратко излагать все дело, поскольку каждый раз разворачивать многометровый столбец с тем, чтобы найти инициативный документ, было неудобно, а работать с тетрадью было довольно просто. Правда, знакомство с делопроизводственной документацией XVIII в. убеждает в консерватизме чиновников: очень часто в тетрадях, так же как и на столбцах, повторялось содержание предшествующих документов. Медленному изживанию этой традиции способствовала и коллегиальная организация государственного аппарата с четким отделением канцелярии и ее определяющим значением в подготовке дел к слушанию и в оформлении решений.

Под влиянием перехода к тетрадной форме делопроизводства стабилизировался формуляр, выделились отдельные реквизиты, которые имели постоянное месторасположение на листе: разновидность документа, адресат, дата.

С 1830 г. в делопроизводстве стали использовать бланки, на которых основные реквизиты (наименование ведомства, название учреждения, его структурной части, дата, номер, заголовки) исполнялись типографским способом.

4. Специальные системы делопроизводства

К специальным системам государственного делопроизводства можно отнести *судебно-следственную, военную, дипломатическую*. Каждая из систем имела свою специфику, более или менее выраженную.

Отличия судебно-следственной документации существенны. Одной из ее разновидностей для XVIII в. являются *«пыточные речи»*. В XIX в. им на смену пришли *протоколы допросов* и собственные *письменные показания* подсудимых. Инициативным документом в судебно-следственном деле мог выступать *донос*. Судебно-следственной документации часто сопутствовали вещественные доказательства (как письменные, так и вещественные), которые не следует относить к судебно-следственной документации - эти исторические источники создавались их авторами с какой-то конкретной целью, а не для того, чтобы служить вещественным доказательством в процессе следствия и суда.

Основной массив судебно-следственных документов только в самое последнее время начал привлекать внимание исследователей. До сих пор в научный оборот были введены судебно-следст-

венные дела, связанные с наиболее яркими эпизодами революционного движения. Существуют добротные публикации судебно-следственных материалов процессов по делу декабристов, петрашевцев; опубликовано следственное дело Н.Г. Чернышевского. Но специфика этих материалов обусловлена не только неординарностью зафиксированных в них событий, а и тем, что в особых случаях для следствия создавались специальные государственные органы - следственные комиссии и комитеты. Хорошо известно, например, что следствие по делу декабристов осуществлял «Тайный комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества».

Кроме того, состав и содержание судебно-следственной документации зависели не только от характера учреждений, осуществлявших следствие и суд, но и от уголовного и уголовно-процессуального законодательства, что, в свою очередь, было непосредственно связано с господствовавшей правовой концепцией. Уже в начале XVIII в. возросло значение документов в процессе следствия. В 1715 г. был издан указ «Краткое изображение процессов или судебных тяжб».

В целом, при всей значительности различий судопроизводства в XVIII в. и первой половине XIX в., вплоть до судебной реформы 1864 г. основу доказательства составляло признание вины обвиняемым. Поэтому ведущая роль принадлежала следствию: следственная документация преобладала количественно и качественно над судебной.

5. Справочные издания

Справочные издания можно считать самостоятельным видом исторических источников, но, поскольку справочные издания XVIII-XIX вв. содержат информацию почти исключительно о государственном аппарате (его личном составе и структуре), они будут рассмотрены в связи с делопроизводственной документацией.

В качестве примера возьмем историю издания адрес-календарей - уникального справочного издания, существовавшего с 60-х годов XVIII в. до 1917 г.

Адрес-календари - это публиковавшиеся Академией наук списки чиновников различных учреждений. История издания адрес-календарей фрагментарно отразилась в документах небольшого по объему фонда «Календарная комиссия», который хранится в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. Нельзя с достаточной степенью точности ответить на вопрос, почему издание ад-

рес-календарей с самого начала находилось в ведении канцелярии Императорской Академии наук.

Частично ответ можно найти в протоколе заседания присутствия Герольдмейстерской конторы от 11 мая 1764 г. В этот день секретарь конторы Спиридонов доложил, что исполняющий генерал-прокурорскую должность князь А.А. Вяземский приказал ему, чтобы «...по неспободности в сенатской типографии к напечатанию о определенных в коллегии, канцелярии, конторы и губернии о членах реестров отослано было напечатать в типографию Академии наук». Точную причину передачи этого издания в ведение канцелярии Академии наук установить не удалось. Даже составитель исторической справки об издании адрес-календарей с первоначального составления по 1811 г. архивариус Минеман в справке от 2 ноября 1828 г. писал: «...что ж касается до причин издания помянутого месяцеслова, так равно и других каких-либо перемен, то по делам архива комитета правления ничего не видно».

Привилегия на издание адрес-календарей сохранялась за канцелярией Академии наук с 1765 по 1867 г. Академия наук очень дорожила календарной привилегией (кроме адрес-календарей, она издавала и другие календари) и протестовала, если кто-либо пытался ее оспаривать. Так, в 1819 г. возник вопрос о том, печатать ли в Остзейских губерниях месяцесловы согласно привилегиям Остзейских губерний или это является привилегией Академии наук, право которой на печатание адрес-календарей было подтверждено в 1803 г. 115-м параграфом ее регламента. Министр народного просвещения С.С. Уваров считал, что параграф 115 регламента 1803 г. снимает Остзейские привилегии. Однако было принято решение, что Остзейские губернии по-прежнему будут пользоваться своей привилегией, поскольку Академия наук раньше никогда не оспаривала этого права. Регламент же 1803 г. не давал новой привилегии, а подтверждал старую.

В 1857 г. вопрос о привилегии на издание календарей, в том числе и адрес-календаря, возник в переписке по поводу возможности издания памятной книжки для Казанской губернии. Недовольство со стороны представителей Академии наук вызвало то, что в программу памятной книжки «...введены некоторые предметы, входящие в состав календарей, издаваемых Академией наук, а именно: в 1-м отделе: а) церковное летосчисление; б) местный календарь; в) год астрономический». Здесь же, в ответе от 12 сентября 1857 г. президента Академии наук на письма министра народного просвещения С.С. Уварова и товарища министра князя П.А. Вяземского, объяснялась и причина этого недовольства: «А как по уставу Академии, ей предоставлено исключитель-

ное право печатания календарей и доход от продажи оных составляет главный источник пополнения экономической ее суммы, которая высочайше назначена на многие сверхштатные расходы в § 111 того устава означенные, то по сему со стороны Академии и не может быть изъявлено согласия на допущение в Казанскую памятную книжку вышеназванных статей, тем более что по высочайше утвержденному 25 октября 1855 г. положению комитета гг. министров о разрешении издавать памятную книжку Олонецкой губернии... подобныя книжки дозволено разрешать по всем губерниям, следовательно, в случае если бы по многим губерниям были издаваемы памятные книжки с допущением в них статей собственно календарного содержания, то доход Академии подвергся бы неминуемо значительному сокращению».

Издание календарей было столь прибыльным делом, что к нему обращались и частные издатели. Стремление Академии наук сохранить свои доходы от издания календарей прослеживается при обсуждении в 1858 г. вопроса об отдаче на десять лет на откуп издания адрес-календарей А.А. Смирдину.

В донесении комиссии, назначенной для рассмотрения дела о календарях, которое было оглашено на общем собрании Академии наук 13 января 1858 г., содержится свод мнений по этому вопросу, составленный академиком Л.А. Куником. Мнение против отдачи календаря на откуп основывалось на убеждении в недопустимости рассматривать календарь только как источник доходов. Так может его рассматривать откупщик, не обращая должного внимания на репутацию Академии и на основательность календаря. Высказывались также мнения о введении календарного штемпеля и об уступке со стороны Академии ее календарной привилегии правительству взамен ежегодного вознаграждения. Причем в этой части свода мнений подчеркивается, что «Академия наук приобрела свою привилегию немедленно после своего основания, совершенно законным путем, а именно на тот конец, чтобы сбытом календарей покрывать множество значительных, совершенно необходимых издержек, для которых в штат Академии никогда не были назначены особые суммы». При том же августейшие покровители Академии неоднократно подтверждали эту привилегию для означенной цели. Все возражения против введения календарного штемпеля и против уступки привилегии основывались также на возможности уменьшения доходов Академии. В результате было принято решение об издании адрес-календаря на прежнем основании. Тогда же было предложено передать некоторые вопросы, связанные с изданием адрес-календаря, в частности назначение редакторов, в ведение конференции Академии наук, что свидетельствует о стремлении повысить ка-

чество адрес-календарей. До этого издание адрес-календарей полностью находилось в ведении комитета правления, который, по уставу, должен был заботиться о хозяйственных делах. О том, что Академия наук не только рассматривала издание различных календарей как источник дохода, но и заботилась об их информационной ценности и доступности, свидетельствует докладная записка академика Кеппена от 21 августа 1845 г. об удешевлении издания календарей и возможности распространения с их помощью «общеполезных познаний». Однако возможность получения доходов от издания календарей все-таки, по-видимому, имела первостепенное значение.

Много внимания уделяется этой проблеме и в исторической записке, составленной в 1897 г., о календарной привилегии, данной Академии наук. Основная мысль этой исторической записки состоит в том, что доходы Академии наук обеспечивала лишь монополия на издание календарей, а с отменой монополии (календарной привилегии) доходы стали падать. Несомненно, эту специфическую цель издания адрес-календарей надо учитывать при анализе и использовании их информации.

Однако основной проблемой источниковедческого анализа адрес-календарей является изучение методики сбора сведений для этого издания. Хотя как вид исторических источников адрес-календари целесообразно отнести к справочным изданиям, все-таки они самым тесным образом связаны с системой учета чиновничества.

Сведения для издания адрес-календарей собирались автономно и не зависели от других форм учета чиновничества. Такая система сбора сведений для адрес-календарей, по-видимому, была вынужденной и объяснялась неспособностью Герольдмейстерской конторы предоставить необходимые сведения, несмотря на то что первоначально предполагалось, что именно данные о чиновниках, имеющиеся в Герольдмейстерской конторе, станут основой для издания адрес-календарей. Это видно из промемории канцелярии Академии наук, посланной в Герольдмейстерскую контору 16 октября 1763 г. Канцелярия Академии наук требовала от Герольдмейстерской конторы присылки ведомостей о том, «кто имяны в губерниях, провинциях и городах генерал-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы, воеводы и их товарищи и прочие чины даже до секретаря, также как здесь, так в Москве в коллегиях, канцеляриях и конторах и в прочих присутственных местах, кто где президенты, вице-президенты и прочие штатского чина в присутствии и при прочих должностях даже до секретаря ж в ведомстве Герольдмейстерской конторы находятся». При этом ведомость должна быть «с

показанием... генералитетским персонам всех чинов, имен и отчеств, а штабским чинов и имен». Как раз это-то обстоятельство и свидетельствует о том, что речь идет именно об издании адрес-календаря, так как в нем указывались, как правило, именно эти данные, хотя в промемории само название «адрес-календарь» не упоминается.

Эта промемория Академии наук рассматривалась в присутствии Герольдмейстерской канторы 24 октября 1763 г., и было примято решение, сняв копии с имеющихся списков, отослать их в канцелярию Академии наук и при этом сообщить, что, «хотя от Герольдмейстерской канторы из штаб- и обер-офицеров для определения к разным делам в коллегии, канцелярии, канторы, губернии, провинции и города многие и отосланы, но оные действительно ль при делах находятся или не у дел, неизвестно, за чем их в тех списках показать невозможно». 27 октября 1763 г. в соответствии с этим решением в канцелярию Академии наук была послана промемория, к которой прилагался «Список высокоучрежденным господам сенаторам, генерал- и обер-прокурорам, коллежским президентам, вице-президентам и в других канцеляриях, канторах и приказах членам». Даже при беглом взгляде на этот «Список...» заметна его неполнота и особенно в той части, где речь идет о чиновниках местных учреждений: для большинства губерний указано по 2-7 чиновников. Чаще всего назывались губернатор и вице-губернатор.

Неосведомленность Герольдмейстерской канторы привела к необходимости изменить порядок сбора данных, о чем свидетельствует письмо от 17 ноября 1764 г. из канцелярии Академии наук в Герольдмейстерскую кантору. В нем, в частности, говорится; «За неприсылкою из герольдии требуемой в академию о штатских чинах ведомости в напечатании адрес-календарей учинилась крайняя остановка, ибо из всех прочих мест таковые ведомости уже получены».

В ответ на это письмо 18 ноября 1764 г. Герольдмейстерская кантора послала в канцелярию Академии наук промеморию с приложением списка «высокоучрежденным господам сенаторам, генерал- и обер-прокурорам, президентам, вице-президентам и членам, генерал-губернаторам, губернаторам, воеводам и их товарищам, также прокурорам и секретарям, которые в приеме дежурном или дневальном». Изучение текста списка показывает, что на этот раз данные о составе чиновников были получены Герольдмейстерской канторой непосредственно из учреждений. К этому надо добавить, что рассматриваемый список, присланный из Герольдмейстерской канторы, лег в основу первого адрес-календаря, который был издан в 1765 г.

На протяжении второй половины XVIII в. адрес-календарь несколько раз менял свое название. В 1765-1767 гг. он назывался «Адрес-календарь российский на лето... от рождества Христова, показывающий о всех чинах и присутственных местах в государстве, кто при начале сего года в каком звании или в какой должности состоит»; в 1768 г. он был переименован в «Календарь, или Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето... от рождества Христова», а с 1769 по 1804 г. носил название «Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето... от рождества Христова». Впоследствии, на протяжении большей части XIX в., это справочное издание называлось адрес-календарем, как оно обычно и упоминается.

Дата выхода в свет первого адрес-календаря дает возможность установить прямую связь этого адрес-календаря с документами Герольдмейстерской конторы, предшествовавшими его появлению, определить степень оперативности его подготовки и издания. Все это существенно при определении степени адекватности отражения в адрес-календарях состояния чиновничества в тот или иной период. Ведь если сведения для первого адрес-календаря были собраны в 1764 г., а сам адрес-календарь вышел в 1766 г., то сразу же напрашивается отрицательный ответ на вопрос, отражает ли адрес-календарь состояние чиновничества на тот год, которым он датирован⁶⁸. И естественно, что в таком случае при использовании адрес-календаря как исторического источника необходимо было бы учитывать расхождение во времени между сбором сведений и изданием.

Кроме того, знание точного времени выхода в свет первого адрес-календаря позволяет с большим основанием рассматривать адрес-календари как одну из важных составных частей зарождающейся системы учета чиновничества. Можно утверждать, что первый адрес-календарь был издан в 1765 г. Эта дата стоит на его титульном листе. Кроме того, в уже упоминавшейся исторической справке, составленной архивариусом Минеманом 2 ноября 1828 г., говорится, что первый адрес-календарь вышел в свет в 1765 г.

Он был весьма несовершенным. Это признавали и его издатели, которые писали в послесловии, что в первом опыте адрес-календаря могут быть ошибки «как в титулах, так и в подробном показании присутственных мест и состоящих при разных должностях персон». Это, по их мнению, объясняется тем, что недостаток времени не позволил «отовсюды собрать верныя справки». Заслуживает особого внимания и то место из послесловия, где говорится, что улучшить адрес-календарь можно тогда, когда «не только показанные уже в сем календаре присутственные ме-

ста и команды, но и те, о которых, единственно по неимению об них известия, ныне не упомянуто, пришлют в Академию наук о состоящих при них и под их ведомством в генералитетских, штабских и обер-офицерских рангах персонах исправные ведомости». По сути, это является прямым указанием на то, что сведения для составления адрес-календарей после безуспешной попытки получить их из Герольдмейстерской конторы стали собираться непосредственно из учреждений, что подтверждает автономность этого направления учета чиновничества.

Надо отметить, что Академия наук пыталась организовать сбор сведений о чиновниках для публикации их в календарях еще задолго до выхода в свет первого адрес-календаря. Это видно из посланной в ноябре 1746 г. из Академии наук в Юстиц-коллегию лифляндских и эстляндских дел промемории, в которой говорится, что «...Академия наук намерена в календарь будущего 1747 году для публичного известия внести все статские чины от первого класса до ранга майорского с их званиями и честями. Чего ради сим требуется, дабы известие о всех во оной коллегии обретающихся господах присутствующих до ранга майора прислано было в канцелярию Академии наук немедленно, чтоб оное в коротком сего оканчивающегося году времени молено было заблаговременно напечатать». Однако нам неизвестно, увенчалась ли успехом эта попытка.

Правда, Герольдмейстерская контора во второй половине XVIII в. также достигла успеха в организации учета чиновничества и, по-видимому, уже могла давать сведения для издания адрес-календарей, о чем свидетельствует письмо Трашчинского Бакунину от 7 сентября 1797 г. по поводу источников сведений, собираемых для календарей. В письме говорится, что государь император «...повелеть... изволил дать... знать, что Академия наук может и должна к следующему новому году напечатать придворный и штатский календари, с тем только, чтобы она не требовала частно ни от каких мест списков о чипах, поелику оные могут быть неверные, а что вы получите исправные списки о всех чинах по гражданской службе от генерал-прокурора, а по военной от генерал-адъютанитов...». Однако практика автономного сбора сведений для издания адрес-календарей сохранилась, о чем свидетельствуют многочисленные материалы, отложившиеся в фонде календарной комиссии в результате присылки сведений о чиновниках непосредственно из учреждений. Кроме того, в исторической записке, составленной в 1897 г., о календарной привилегии, данной Академии наук, говорится: «Пользуясь содействием ученых, принадлежавших к ее составу, Академия всемерно старалась о постепенном усовершенствовании и пополнении на-

учных сведений в календарях, а вместе с тем закон (Свод Законов. Т. III. Устав о службе гражданской изд. 1842 г. Ст. 1425, 1426, 1427 и 1428) обеспечивал доставку Академии от подлежащих властей официальных данных для составления адрес-календаря».

Процесс подготовки адрес-календарей к изданию свидетельствует о том, что они представляют собой не только справочное издание, но и существенную составляющую системы учета чиновничества, в значительной степени из-за автономности сбора сведений для их издания. Однако информативность адрес-календарей в начальный период их существования во второй половине XVIII в. минимальна. В них не содержится никаких сведений о чиновниках, кроме их должности, чина и фамилии. Несмотря на это, адрес-календари являются ценным историческим источником, так как приводят сведения о большой группе чиновников придворных, высших, центральных и местных учреждений за продолжительный период.

При источниковедческом анализе адрес-календарей встает проблема их полноты. Тщательное исследование этого вопроса особенно необходимо при использовании адрес-календарей за XVIII в. Выше уже говорилось, что существенную неполноту первого адрес-календаря признавали даже его издатели. В дальнейшем в адрес-календарь включались сведения о все более широком круге чиновников, но его издание по-прежнему оставалось неполным, что признается в исторической справке, составленной в 20-е годы XIX в. В ней говорится: «До 1805-го года адрес-календарь составляем был без всякого систематического порядка. В оном не только опущены были многие присутственные места и в числе сих некоторые из самых важнейших, но и помещенные в росписи не были надлежащим образом расположены, так что из онаго нельзя было усмотреть общей связи государственного управления». Поэтому при использовании адрес-календаря за какой-либо год необходима тщательная проверка его полноты путем сопоставления с действовавшими в этот период штатами и всей системой государственных учреждений.

Обширную группу адрес-календарей дополняют два других справочных издания - «Список находящихся в гражданской службе во всех присутственных местах. С показанием каждого вступления в службу и в настоящий чин» и «Список состоящим в статской службе чинах первых осьми классов», издававшийся в 1773, 1775-1780, 1783-1784, 1786, 1788 и 1790-1797 гг. Издание последнего «Списка...» было связано с тем, что государство гораздо больше внимания уделяло учету чиновников-дворян, чем всех прочих чиновников. Это отразилось в общей направленно-

сти составления формулярных (послужных) списков чиновников в 60-90-е годы XVIII в.

С 1828 г. памятные книжки начало издавать военное министерство, а с середины XIX в. - губернии. В губернских памятных книжках кроме сведений о чиновниках губернии, приводятся данные о географическом положении губернии, разнообразные статистические сведения о промышленных предприятиях, землевладении, урожайности, численности скота, о торговле, иногда даются сведения о купцах I и II гильдий.

С 1871 г. Московская городская дума начала издавать адрес-календарь Москвы. Постепенно количество и разнообразие сведений увеличивалось, в издание включались сведения о выборных должностях, об акционерных обществах, банках, благотворительных учреждениях, списки лиц некоторых профессий (присяжных поверенных, врачей), а также списки домовладельцев и с начала XX в. - сведения обо всех жителях - съемщиках квартир. С 1875 г. это издание стало называться «Вся Москва. Адресная и справочная книга». С 1894 г. аналогичное издание появилось в Санкт-Петербурге.

В конце XIX в. выходили неофициальные справочные издания. Например, с 1895 г. А.С. Суворин издавал справочник «Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации».

6. Проблемы источниковедческого исследования делопроизводственной документации

В исследовательской разработке делопроизводственной документации наблюдается явный диссонанс между ее изучением, с одной стороны, с точки зрения внешних признаков, структуры разновидностей и организации документопотоков и, с другой стороны, ее источниковедческим изучением и использованием в исторических исследованиях. Первая часть изучена более или менее удовлетворительно, прежде всего в рамках специальной научной дисциплины «история и организация государственного делопроизводства». Но данная научная дисциплина возникла и развивалась для обслуживания потребностей архивного дела и не выходила на содержательный анализ делопроизводственных источников.

В исторических исследованиях используется, главным образом, отчетная документация и, как правило, без тщательной источниковедческой разработки. Проблема достоверности сведе-

ний даже не всегда ставится, не говоря уже о том, что решить ее невозможно вне контекста систематического источниковедческого исследования. Исключение, пожалуй, представляет только исследование губернаторских отчетов, осуществленное Б.Г. Литваком⁶⁹. Наиболее активно используется информация из судебно-следственных материалов, связанных с революционным движением. В целом делопроизводственная документация обычно использовалась в худших традициях позитивистской историографии - из нее извлекались отдельные факты.

Обширные комплексы делопроизводственной документации с источниковедческой точки зрения не исследовались, хотя именно такое изучение могло бы дать представление о том, как управлялась Российская империя, каковы были механизм и эффективность функционирования государственной власти (хотя бы на уровне отдельной губернии или ведомства). Источниковедческая разработка комплексов делопроизводственной документации - задача весьма сложная из-за большого количества документов и многократного дублирования содержащейся в них информации. Поэтому исследователь должен хорошо знать организацию системы делопроизводства с тем, чтобы, во-первых, оценить степень полноты сохранившегося комплекса делопроизводственной документации, во-вторых, суметь восполнить пробелы, если такие обнаружатся, за счет дублетной информации и, наконец, выбрать оптимальный способ работы с большими массивами документации. В центре внимания исследователя непременно окажутся две разновидности делопроизводственных источников: журналы регистрации входящих и исходящих документов и протоколы и журналы заседаний.

ГЛАВА 7

Материалы фискального, административного и хозяйственного учета

УЧЕТНАЯ документация - группа видов исторических источников, включающая материалы фискального, административного, церковного учета населения и учета объектов промышленности и сельского хозяйства, главным образом для контроля реализации управленческих решений.

С усложнением хозяйства, управления и, наконец, просто в связи с увеличением населения потребность в учете в разных ад-

министративно-хозяйственных сферах растет, а следовательно, растет и количество учетных документов разных разновидностей. От статистических источников учетные документы отличаются тем, что собирают их не для выработки, а для реализации уже принятых управленческих решений. Учетные документы отчасти близки к делопроизводственным. С другой стороны, учетные системы могут перерасти в статистические, что порой и происходит. Однако говорить о превращении учетной документации в статистические источники можно не тогда, когда ее данные начинают подвергаться статистической обработке, а лишь тогда, когда расчет на их последующее использование для выработки управленческих решений влияет на их содержание, т. е. когда в учетную форму вводятся дополнительные параметры в целях взаимной проверки собираемой информации, а также рассчитанные на дальнейшее обобщение.

1 Учет населения в фискальных целях

В начале XVIII в. в связи с острой потребностью государства в деньгах прошла реформа налогообложения. Проведенная в 1710 г. перепись показала, что количество дворов по сравнению с переписью 1678 г. сократилось на 19,5%. В 1716-1717 гг. была проведена так называемая ландратская перепись. Ее итоги выявили необходимость замены нестабильной, трудно определяемой фискальной единицы - двора, и подворная система была преобразована в подушную.

Подушные переписи получили название ревизий. Таким образом, ревизийский учет населения - это учет податного населения для сбора подушной подати и реализации воинской повинности.

Указ о проведении первой ревизии был издан 26 ноября 1718 г. Сначала для подачи *ревизских* сказок устанавливался срок в один год, а вся ревизия должна была осуществляться за три года. Но реально эти сроки никогда не соблюдались. Проведение ревизии растягивалось на несколько лет. Сроки проведения ревизии представлены в таблице 3.

За 140 лет было проведено десять ревизий: пять в XVIII в. и пять в XIX в. хронологически распределены они весьма неравномерно: между объявлением первой и второй ревизий прошло 25 лет, а между шестой и седьмой - всего четыре года. Правда, вполне очевидно, что накануне войны 1812 г. провести полноценную ревизию было невозможно. В среднем между ревизиями проходило 15-20 лет, хотя указом от 16 декабря 1743 г. предусматривалось проведение ревизий через каждые 15 лет.

Таблица 3*

Порядковый номер ревизии	Дата указа о ревизии	Год начала ревизии	Время проведения ревизии
Первая	26 ноября 1718 г.	1719	1719-1727
Вторая	16 декабря 1743 г.	1744	1744-1747
Третья	28 ноября 1761 г.	1762	1762-1765
Четвертая	16 ноября 1781 г.	1782	1782-1787
Пятая	23 июня 1794 г.	1794	1794-1808
Шестая	18 мая 1811 г.	1811	1811-1812
Седьмая	20 июня 1815 г.	1815	1815-1826
Восьмая	10 июня 1833 г.	1833	1833-1835
Девятая	11 января 1850 г.	1850	1850
Десятая	26 августа 1856 г.	1857	1857-1860

«Прописные души» искали почти до следующей ревизии - ведь от полноты учета податного населения зависела собираемость налогов. Причем если вновь обнаруженные «души» учитывали, то умерших не исключали из учетных документов до следующей ревизии. Вспомним аргументацию известного литературного персонажа, уговаривавшего помещиков продать ему «мертвые души» дабы они не платили за них подушную подать.

В комплекс материалов ревизского учета входят:

1. Ревизские сказки - первичные материалы ревизского учета, которые, как правило, составлялись на семью.
2. Перечневые ведомости, содержащие сводные данные по губерниям и уездам.
3. Окладные книги и генеральные таблицы, содержащие сводные данные в общероссийском масштабе.

Сведения ревизской сказки отвечали фискальным целям. При проведении первой и второй ревизий формуляр еще не был

*Данные для таблицы взяты из книги А.И. Гозулова «История отечественной статистики» (М., 1957. С. 14). Эти сведения общеизвестны, однако разные авторы расходятся в оценке продолжительности проведения ревизий. Некоторые из них указывают не период проведения ревизии, а год, когда была переписана большая часть населения.

выработан. Начиная с третьей ревизии вводится печатный бланк ревизской сказки, который применялся и в последующие две ревизии. С седьмой ревизии формуляр сложился окончательно. Формуляр ревизских сказок и соответственно сводных документов усложнялся главным образом не из-за включения дополнительных признаков, а из-за более четкого структурирования информации. Во время двух первых ревизий учитывались лица мужского пола податных сословий с указанием единственного признака - возраста. Начиная с третьей ревизии в ревизские сказки для счета заносилось и женское население податных сословий (также с указанием возраста). Исключение составляет лишь шестая ревизия, когда в преддверии войны в спешном порядке было учтено только мужское население. С седьмой ревизии записи велись по семьям,

Ревизские сказки на крепостных крестьян составляли помещик или управляющий, помещик же и платил подушную подать по числу учтенных у него податных душ. Ревизские сказки подавались в местные органы управления (их состав на протяжении XVIII-XIX вв. менялся: волостные правления, ратуши, городские думы и т. д.), где составлялись перечневые ведомости. Эти ведомости поступали в ревизские комиссии (помещики подавали ревизские сказки на крепостных непосредственно в ревизские комиссии). В ревизских комиссиях данные обобщались и направлялись, во-первых, в уездные казначейства (данные о податном населении) для сбора подати и, во-вторых, в казенную палату (раздельно данные о податном населении и о населении, учтенном для счета). Здесь данные проверялись и обобщались на уровне губернии, после чего поступали в соответствующее центральное учреждение (в XIX в. в министерство финансов), а оттуда в Сенат.

Перечневые ведомости, окладные книги и генеральные таблицы представляют собой результат обобщения сведений ревизских сказок в целях налогообложения.

При работе с материалами ревизского учета необходимо помнить, что в ревизиях учитывалось податное население, состав которого постоянно менялся. В XVIII в. активно проходило сословное структурирование общества. При этом уточнялся состав податного населения. Подлежали обложению подушной податью крестьяне (всех категорий), мещанство, купечество. В конце XVIII в. от подушной подати были освобождены купцы первой гильдии. Не платили подушную подать дворяне, духовенство и разночинцы⁷⁰. Не включалось в ревизский учет и население некоторых территорий (Закавказье, Польша, ясачные народы Сибири).

Мы очертили лишь наиболее многочисленные категории податного населения и населения, не платившего подушную по-

дать. При источниковедческом исследовании материалов ревизий необходимо тщательно анализировать не только указ о назначении ревизии, в котором говорится о том, какие категории населения подлежат учету в данной ревизии, но и законодательство о правовом статусе населения в целом. Приведем один пример.

Несмотря на все усилия властей затруднить продвижение по служебной лестнице разночинцам и выходцам из податных сословий, поступившим на государственную службу в основном в ходе реализации губернской реформы 1775 г., их массовое проникновение в ряды чиновничества заставило правительство определить их социальный статус. В первую очередь они были исключены из состава податного населения. 21 сентября 1782 г. был издан сенатский указ «О написании в подушный оклад однодворцев, дослужившихся до штаб- и обер-офицерских чинов». По этому указу все однодворцы, дослужившиеся до штаб- и обер-офицерских чинов, имевшие «...ясные о службе их доказательства» и их дети, «...в офицерстве рожденные», освобождались от подушного оклада. В конце XVIII в. вопросы, связанные с исключением из подушного оклада отдельных чиновников или целых групп чиновничества, неоднократно рассматривались Сенатом. Так, в августе 1798 г. в производстве по этому вопросу находились дела 205 чиновников, из которых 29 имели обер-офицерские чины.

На основе обобщения практики рассмотрения подобных дел был издан сенатский указ от 14 августа 1798 г. «О исключении приказного звания людей из подушного оклада и о неопределении в статскую службу из купеческого, мещанского и другого подушные подати несущего звания без представления Сенату о надобности в оных», который имел решающее значение для превращения чиновничества в особую социальную группу. Этим указом предписывалось: «...действительно служащих, равномерно и детей их, которые находятся в приказном же звании, так же и малолетних никуда не определенных, из купечества, мещанства и из крестьянского подушного оклада исключить». Обосновывалось это решение тем, что «...из купечества вступившие в приказное звание по желаниям их и по надобности никакими выгодами, купеческому состоянию городовым положением присвоенными, не пользуются, подобно тому, из мещан и из положенных в подушный оклад не упражняются ни в каких промыслах и работах, свойственных тем состояниям, в коих в окладе числятся», а занимаются исключительно государственной службой. Будучи вынужденным не только допускать выходцев из податных сословий в государственный аппарат, но и обеспечивать им ряд привилегий, государство в то же время не оставило попыток ограничить доступ этой категории населения в число служащих госу-

дарственных учреждений. Этот указ требовал: «...впредь же из купеческого, мещанского и другого подушные подати несущего звания в статскую службу без представления Сенату о надобности в оных не принимать». Правда, формулировка этой части указа все же предполагала возможность приема на государственную службу в случае необходимости выходцев из податных сословий. Указ от 14 августа 1798 г. фактически закреплял привилегированное положение служащих государственных учреждений, оформлял особый юридический статус этой социальной группы. В то же время данная социальная группа не была замкнутой. Данный указ предусматривал не только исключение государственных служащих из подушного оклада, но и возможность их возвращения в податные сословия. Если чиновник, не дослужившийся до обер-офицерского чина, после увольнения от службы переходил в купеческое или мещанское звание, что ему разрешалось указом, то в таком случае он «...должен будет с того времени нести повинности, в законах предписанные».

Исследовать достоверность сведений ревизского учета достаточно трудно из-за сложности механизма искажения информации. Естественно, что государство было заинтересовано как можно более полно учитывать податное население, а податное население (или помещики, которые платили подать за своих крестьян) было заинтересовано в обратном, причем отдельные категории, например раскольники, подлежавшие двойному налогообложению, больше других старались уклониться от ревизского учета. Это могло создавать диспропорцию между численностью населения, подлежащего подушной подати, и численностью населения, учитываемого только для счета (главным образом между мужским и женским населением) в сторону увеличения последнего. Но в учете данной категории населения никто не был заинтересован, поэтому иногда он проводился непоследовательно и небрежно.

В любом случае именно ревизский учет до организации демографической статистики является основным источником статистических сведений о движении народонаселения на протяжении XVIII - первой половины XIX в.

2. Церковный и административно-полицейский учет населения

Церковный учет православного населения начал осуществляться в конце первой четверти XVIII в. Ведение метрических книг предусматривалось Духовным регламентом 1722 г.

Фактически это означало государственную регистрацию актов гражданского состояния (рождения, браки и смерти; точнее, соответствующие церковные обряды - крещение, венчание, отпевание)⁷¹. На основе метрических книг ежегодно составлялись ведомости по епархиям, которые поступали в Синод, где данные обобщались.

Сведения церковного учета дополнялись клировыми ведомостями, в которых содержались списки прихожан с указанием пола, возраста и сословной принадлежности и отмечалось исполнение церковных обрядов (исповедь и причастие).

Церковный учет населения других конфессий начат значительно позже: католического - с 1826 г., мусульманского - с 1831 г. (в Закавказье - с 1872 г.), лютеранского - с 1832 г., иудейского - с 1835 г., и с 1874 г. стали учитывать раскольников.

Административно-полицейский учет до реформы 1861 г. опирался на материалы ревизий и с 1834 г. - на материалы церковного учета. Самостоятельное значение административно-полицейский учет имеет для сорокалетнего периода - от последней ревизии до первой всероссийской переписи населения 1897 г. Данные административно-полицейского учета приводились в губернаторских отчетах.

3. Учет чиновничества

Ревизский, административно-полицейский и церковный учет охватывал значительную часть населения, но государство было заинтересовано и в учете отдельных групп подданных, в частности чиновничества, которое непосредственно исполняло управленческие функции. А поскольку государство было заинтересовано и в сохранении социального состава (по признаку происхождения) чиновничества, а значит, в целенаправленном влиянии на него, то учет чиновничества довольно быстро перерос в статистическую систему. Именно этот аспект наиболее интересен для иллюстрации общей тенденции эволюции учетной документации.

Первые попытки правительства ввести регулярный и систематический учет чиновничества при помощи формулярных епископ относятся к 1764 г. Формулярным спискам чиновников предшествовали аттестаты и описания службы, необходимость которых при представлении чиновника к награждению чином или при отставке фиксировалась в указах: от 3 марта 1763 г. «О имени гражданским чиновникам, представляемым к отставке или к награждению чинами, аттестатов о беспорочной их службе» и от

10 марта 1763 г. «О подробном описании службы чиновников, представляемых к награждению на Высочайшее усмотрение». Но эти документы представлялись не регулярно, а только в связи с отставкой или награждением чином отдельных чиновников. Формулярные (послужные) списки - это форма систематического и регулярного учета всего чиновничества, существовавшая с середины XVIII в. до 1917 г. Формуляр послужных списков складывался, главным образом, на протяжении 60-90-х годов XVIII в. и претерпевал некоторые изменения в середине XIX в. Эти изменения отражали усиление внимания правительства к тем или иным аспектам социальной и служебной деятельности чиновника.

Вопрос о присылке формулярных списков рассматривался Сенатом 7 января 1764 г. Ссылаясь на ранее принятые решения не представлять чиновников в отставку и к награждению им чинов без аттестата «от надлежащих мест о верной и беспорочной службе» и констатируя тот факт, что «в Сенате и в Герольдии о многих находящихся в статской службе, кто какими чинами происходил и каким образом службу свою продолжал, известия нет», Сенат приказал всем присутственным местам немедленно прислать сведения о состоящих в их ведомстве чинах и впредь присылать в Правительствующий Сенат через каждые полгода списки служащих. На основе этого решения Сената был издан указ от 31 января 1764 г. «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников через каждые полгода по приложенной форме». Форма учета имела следующие графы: 1) чины и имена; 2) сколько от роду лет; 3) из каких чинов и сколько имеет за собою мужеска пола душ людей и крестьян и в которых уездах; 4) вступление в службу; 5) какими чинами и когда происходили; 6) кто в походах и у дела против неприятеля был или не был; 7) кто был в фергерах, кригсрехтах и штрафах и подозрениях; 8) к продолжению статской службы за чем кто не способен; 9) к повышению чинами достоин или недостоин и за чем. Формуляр 1764 г. явился основой почти всех форм учета чиновничества, возникавших с 60-х годов XVIII в.

После издания указа от 31 января 1764 г. были предприняты как законодательные, так и организационные меры к его проведению в жизнь. В частности, этот вопрос рассматривался на заседании Сената 10 марта 1764 г. В протоколе заседания Сената от этого числа введение новых учетных форм обуславливалось необходимостью упорядочить чинопроизводство и еще раз говорилось о недопустимости представления в отставку или к награждению чинов без аттестата о службе. Для проведения в жизнь этого и предыдущих решений Сенат постановил: во всех учреждениях иметь журналы, в которых отмечать не только вступле-

ние на службу чиновника и его социальное происхождение, как раньше, но и то, «с каким кто достоинством и особливою заслугою или же, напротив того, пороком и погрешностию службу свою производил, также и за что, когда и как награжден, исправляем или наказан был». Судя по содержанию дополнений, вносимых этим решением, целью их было приведение формы журналов учета чиновников в соответствие с формой послужных списков, вводимых указом от 31 января 1764 г.

Второй пункт данного решения Сената устанавливал порядок, по которому не только чинопроизводство и назначение на более высокую должность, но и переход из одного учреждения в другое или с одной должности на другую не допускался без «уведомления из тех журналов о бытности и службе» чиновника на прежнем месте.

Третий пункт этого решения подтверждал необходимость таких свидетельств при производстве в чин «по надобности службы, по старшинству, по особливому достоинству» и при отставке и устанавливал порядок, по которому свидетельством о прохождении службы могли быть «особливые персональные аттестаты от главных командиров, под чьими повелениями где, кто и когда находился». На основании этого решения Сената 16 марта 1764 г. был принят указ.

31 октября 1771 г. издается сенатский указ «О присылке из всех присутственных мест списков о служащих и неслужащих дворянах, по прилагаемой форме». В этом законодательном акте после указания на нерегулярную присылку в Герольдмейстерскую контору списков чиновников-дворян содержится требование прислать в 1772 г. ведомости как о служащих, так и об уволенных от службы дворянах. Причем формуляр ведомости о неслужащих дворянах был значительно менее подробным, чем формуляр ведомости о дворянах-чиновниках. Кроме того, сведения о служащих дворянах должны были включаться в полугодовые послужные списки.

Эти сведения нужны были Герольдмейстерской конторе для составления списков служащих и неслужащих дворян. Однако, несмотря на ранее принятые меры, такие списки Герольдмейстерская контора не составила. Об этом свидетельствует то, что ведомости, которые должны были быть присланы по указу от 31 октября 1771 г. в 1772 г., рассматривались как основа составления списков. Последние затем были постоянно уточняться и дополняться посредством ежегодных известий о дворянах, «которые получили повышение чинов или умерли, или родились, или женились, и на ком», и полугодовых послужных списков о служащих дворянах.

Вместе с указом был опубликован формуляр полугодовых послужных епископ, который предусматривал, так же как и формуляр, прилагавшийся к указу от 31 января 1764 г., девять граф. В них в основном должны были содержаться те же самые сведения, что и в послужных списках 1764 г. Правда, в новом формуляре отдельные графы прежнего формуляра были объединены и, кроме того, добавились две графы, а именно: «много ли раз в нынешнем чину был в отпусках»; «кто дети и где обретаются». Кроме того, в графе о владении крестьянами отныне надо было указывать не только название уезда, но и название селения. Дополнения должны были упорядочить чиновничество и усилить контроль за социальным составом чиновничества.

С развитием учета чиновников-дворян определенным образом связан и сенатский указ от 28 сентября 1782 г. «О распространении силы статута ордена Св. Владимира на заслуги, по издании онаго оказанным; о выборе кандидатов для составления Думы сего ордена и о составлении обстоятельных росписей об отличиях, в 12 статье статута упоминаемых». В этом указе говорилось о порядке награждения чиновников орденом Св. Владимира, в том числе и о том, не следует ли «потребовать вновь, в следствие статута, о всех отличившихся сведения», так как в «послужных списках ничего больше не показывается, как способность и достоинство». Было принято решение, что «...имеющиеся списки и каждого места или члена онаго сведения о служащих могут быть достаточны... к выбору». Таким образом, на послужные списки чиновников возлагалась еще одна функция. Правда, надо отметить, что были случаи, когда с мест присылались специальные ведомости на чиновников, представляемых к награждению орденом Св. Владимира.

Законодательное регулирование учета служащих государственных учреждений было продолжено изданием 31 марта 1788 г. сенатского указа «О доставлении из всех присутственных мест в Герольдию ежегодно в августе месяце формулярных списков о всех чинах, состоящих в классах, и о приложении оных при каждом представлении к определению в должности и к награждению чинами». Этот законодательный акт содержит указание на то, что предпринятые ранее меры по учету чиновников-дворян дали свои результаты и Герольдмейстерская контора имеет список «находящимся в штатской службе чинам первых 8 классов». В то же время отмечалось, что Герольдмейстерская контора часто не получает из некоторых наместничеств сведения о зависящих от местных властей перемещениях чиновников. Для улучшения учета движения чиновничества признавалось необходимым, чтобы «...как из наместничеств, так и из прочих департаментов

штатской службы присылаемы были в Герольдию в августе месяце каждого года списками...». Одна из целей составления таких списков заключалась в том, «...что при случающемся избрании кандидатов на председательские места и при определении в другие должности удобнее сохранить порядок».

Этим указом в очередной раз подтверждалась необходимость при представлении к определению на должность и к награждению чинами прилагать послужные списки.

Формуляр, прилагавшийся к указу от 31 марта 1788 г., совпадал с формуляром, введенным указом от 31 октября 1771 г., за исключением того, что была исключена графа «на ком женат, кто дети и где обретаются» и добавлены две новые графы (о том, кто получил при отставке чины, и о том, достоин ли чиновник награждения орденом Св. Владимира).

Из этих изменений формуляра видно, что он постоянно приводился в соответствие с порядком чинопроизводства и прохождения службы чиновниками. Например, добавление графы об отставке соответствовало многочисленным законодательным мерам, проводившимся в это время, чтобы исключить злоупотребления при получении чинов при отставке и обеспечить преимущество при прохождении службы и чинопроизводстве действительно служащим чиновникам, особенно дворянам. Для обеспечения преимуществ действительно служащих чиновников была введена графа об отпусках.

Хотя указ от 31 марта 1788 г. и упорядочивал учет чиновничества в числе прочих и в целях чинопроизводства, но в указе Сената от 16 декабря 1790 г. «О правилах производства в статские чины» содержится требование при рассмотрении в общем собрании Сената вопросов чинопроизводства опираться на «...внесенные от генерал-губернаторов, правящих ту должность и прочих мест и чинов, право к сему имеющих, удостоверение по губерниям по порядку одна за другою», т. е., по сути, этот указ вводил еще одну форму учета движения чиновничества.

Таким образом, в 60-80-е годы XVIII в. в основных чертах сложилась система учета чиновничества, в первую очередь чиновников-дворян. Дополнительные меры для учета этой категории чиновников вводились сенатским указом от 15 июня 1794 г. «О доставлении в Герольдию послужных списков о чиновниках первых осьми классов, по прилагаемой форме». Необходимо отметить, что форма учета чиновников, вводившаяся этим указом, дополняла уже существующие формы, о чем свидетельствовало указание на то, что новая форма учета не заменяла «списки о всех чинах, состоящих в классах», вводившиеся указом от 31 марта 1788 г. Вводимые послужные списки чиновников пер-

вых восьми классов предусматривали отдельный учет «служащих от короны и по выбору дворян», что соответствовало указу от 31 марта 1788 г. Формуляр «Списка чина первых восьми классов» хотя и состоял всего из пяти граф, но по содержанию практически совпадал с формуляром «Списка о всех чинах, состоящих в классах...».

Завершал формирование системы учета чиновничества в XVIII в. сенатский указ от 15 марта 1798 г. «О присылке в Герольдию ежегодно к 1 октября послужных списков о классных чиновниках», который, по сути дела, не вносил уже ничего нового, а лишь подтверждал необходимость присылки в Герольдмейстерскую канцелярию послужных списков, что было нужно, как подчеркивалось в указе, для успешного выполнения ее функции по учету чиновничества. Иными словами, в 60-90-е годы XVIII в. сложился формуляр послужного списка чиновников.

Некоторые изменения в этот формуляр внес указ Сената от 16 июля 1849 г. Новый формуляр включал 15 граф:

1) чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание;

2) из какого звания происходит (сословное происхождение);

3-6) есть ли имение (отдельно учитывалось родовое и благоприобретенное имение у него самого, у родителей или жены);

7-9) где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ли каких особенных по службе деяний или отличий; не был ли особенно, кроме чинов, чем награжден, и в какое время; сверх того, если, находясь под судом или следствием, был оправдан и признан невиновным, то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено (с указанием точных дат);

10) был ли в походах против неприятеля и в самих сражениях и когда именно;

11) был ли в штрафах, под следствием и судом; когда и за что именно предан суду: когда и чем дело кончено;

12) к продолжению статской службы способен и повышения чином достоин ли; если же нет, то по каким причинам;

13) был ли в отпусках, когда, на сколько именно времени; являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительной;

14) был ли в отставке с награждением чина или без оного, когда и с которого по какое именно время;

15) холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей; где они находятся и какого вероисповедания.

Указом Государственного совета от 25 мая 1864 г. из послужного списка была исключена 12-я графа, в которой фиксировалась аттестация чиновника начальством.

Таким образом, формулярный список чиновника - типичный учетный документ, составлявшийся с целью контролировать чиновничество. Когда же эта учетная система начала перерастать в статистическую? Первые признаки обнаруживаются уже в самом факте издания указа от 31 января 1764 г. «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников через каждые полгода по приложенной форме», поскольку он предполагал аккумуляцию и обобщение информации разрозненных формулярных списков. Однако наладить сбор такой информации удалось только начиная с 1780-х гг. XVIII в.: в результате губернской реформы в местное звено государственного аппарата на службу набирались представители непривилегированных сословий, вплоть до бывших крепостных, что не могло не привести к размыванию сословной определенности личного состава государственных учреждений. Социальный состав местного чиновничества заметно изменился уже к началу 1780-х гг.⁷² Выходцы из разночинцев и податных сословий в 1775 г. численно преобладали над потомственными дворянами лишь в XIV классе и среди мелких канцелярских служащих, а в 1781-1782 гг. еще и в XIII-X классах. В VIII и IX классах, где преобладание дворянства сохранилось, оно стало гораздо менее выраженным. Сразу же была налажена система сбора формулярных списков местного звена государственного аппарата, и на основе обобщения их данных начали вырабатывать управленческие решения, издавать указы, цель которых - отрегулировать механизм чиновничества, затруднить получение классовых чинов, особенно чина VIII класса, дающего права потомственного дворянства для выходцев из непривилегированных сословий⁷⁹. Правда, несмотря на усилия центральной власти, численность выходцев из разночинцев и податных сословий среди государственных служащих даже сравнительно высоких рангов постоянно увеличивалась, но законодательство в этой сфере нельзя признать неэффективным, поскольку к концу XVIII в. по-прежнему выходцы из непривилегированных сословий преобладали над дворянами лишь в X классе Табели о рангах⁷⁴, хотя соотношение этих двух категорий чиновников в низших классах все же изменилось не в пользу дворян.

Итак, в последней четверти XVIII в. формулярные списки выполняли функцию типичного статистического источника, о чем говорит и факт составления, начиная с конца XVIII в., так называемых групповых формулярных списков, в которых приво-

дидлись сведения о чиновниках всего учреждения, а для местных учреждений - и целой губернии. Такая практика сохранялась и на протяжении XIX в.

4. Хозяйственный учет в частновладельческих хозяйствах*

Подворные описи крестьянских хозяйств

Если учет всего населения и чиновничества осуществлялся в общегосударственном масштабе, то система учета сельскохозяйственного производства и экономического состояния крестьянских хозяйств первоначально сложилась в частновладельческих хозяйствах. В крупных вотчинах и в предыдущий период существовали вотчинные архивы, собиравшие разнообразную, в том числе и учетную, документацию. Но лишь со второй половины XVIII в. хозяйственный учет в поместьях стал распространенным явлением. Об этом свидетельствует то, что в конце XVIII в. просвещенный помещик А.Т. Болотов опубликовал в «Трудах Вольного экономического общества» рекомендации помещикам по составлению подворных описей крестьянских хозяйств, рассматривая их как один из существенных элементов обеспечения эффективности хозяйственной деятельности.

В 1837 г. вышла книга У. Карповича «Хозяйственные опыты тридцатилетней практики, или Наставления для управления имениями», обобщающая большой опыт управления поместий разных губерний. Карпович предлагал подробный формуляр подворной описи и давал рекомендации по ее составлению. На титульном листе описи указывались название селения, его местоположение, качество почвы, способ осуществления крестьянских повинностей. Лист описи делился на три части. В левой стороне содержалось 15 показателей: данные о крепостных (с указанием пола, возраста, соотношения с данными восьмой ревизии); данные об имуществе - количество лошадей (раздельно рабочие и молодняк) и другого скота (волы, быки, коровы, телята, овцы, свиньи), птицы, а также хлеба, сена, пчел, садов; данные о землепользовании - сколько земли отводится под огороды, рожь, яровые и пар, сенокосы, количество арендованной земли и др. Таким образом, приводились объективные показатели состояния хозяйства. Завершалась эта часть оценкой хозяйст-

*Основной материал параграфа взят из книги Б.Г. Литвака - Очерки историковедения массовой документации XIX - начала XX в.» (М., 1970. С. 10-122).

венного состояния двора, которую давало лицо, проводившее описание (например, приказчик).

В правой стороне листа приводилось 10 показателей: количество тягл⁷⁵, продолжительность барщины (указывались недельная и годовая с подразделением на пешую и конную)⁷⁶, зимние подводы, все прочие платежи и повинности, а также общественные должности крестьян. В эту часть входили сведения о повинностях крестьян.

В средней части листа давались посемейные списки проживавших в селении с указанием их родства, что делает подворные описи весьма ценным источником для генеалогических исследований.

У. Карпович давал рекомендации по обеспечению точности показателей, вносимых в подворную опись. Например, он советовал для взаимопроверки сведений опрашивать хозяев на сельском сходе, а также проверять ряд данных по материалам ревизий.

Практика составления подворных описей была реконструирована Б.Г. Литваком при изучении массовой документации XIX в. Ему удалось опровергнуть распространенное в литературе мнение о существенных утратах данного вида исторических источников, основанное на простом логическом выводе из наблюдения о значительном увеличении количества подворных описей и предреформенное время. Но утраты могут быть причиной малочисленности подворных описей конца XVIII - начала XIX в. лишь во вторую очередь. А первопричину следует искать в развитии на протяжении этого периода практики их составления, Б.Г. Литвак, изучая документы архивных фондов крупных вотчин, пришел к выводу о неравномерности составления описаний и доказал, что сохранившийся корпус источников отражает рост интереса владельца к хозяйственному состоянию крестьянского двора в условиях развития рыночных отношений.

Сделанный Б.Г. Литваком вывод еще раз показывает различия в подходах к массовым источникам, обусловленные разными методологическими позициями. До тех пор пока исследователи рассматривали подворные описи лишь как «резервуар» разнообразной информации, они объясняли пробелы утратами источника. Как только исторический источник начинает рассматриваться в связи с обстоятельствами его возникновения, сам факт его создания становится значимым и указывает на новое явление в хозяйственных отношениях.

Проблемы изучения подворных описей

Не исследуя специально методы изучения отдельных видов и групп исторических источников, остановимся на развитии методики изучения подворных описей в качестве примера, иллюстрирующего подходы к изучению массовых источников в целом. Выделим два круга взаимосвязанных проблем: достоверности данных подворных описей и возможности изучения на их основе динамики экономических показателей крестьянского хозяйства.

Напомним, что понятия достоверности и точности информации полностью не совпадают. При точности всех показателей подворной описи, она может не содержать достоверную информацию о хозяйственном состоянии двора в целом из-за неполноты сведений.

Первое же обращение к подворным описям в качестве исторического источника в краеведческих исследованиях 1920-х годов выявило некоторые противоречия: например, однолошадные и безлошадные хозяйства оказывались не самыми бедными. Это наблюдение выводит на проблему критериев характеристики экономического состояния хозяйства, которая давалась в самих подворных описях. Исследователи высказывали различные точки зрения: от мысли, что в основе характеристики лежит исправность хозяйства в исполнении повинностей в пользу помещика, до идеи расчета хозяйственных показателей на душу населения крестьянского двора (или на работника). Но точно установить эти критерии не удалось.

Нерешенность этой проблемы затрудняет изучение экономических показателей крестьянского хозяйства в динамике, поскольку невозможно сопоставлять данные о различных хозяйствах и разновременные сведения об одном хозяйстве. Постановка проблемы изучения динамики хозяйства заставила исследователей отказаться от оценок, данных приказчиками, и самостоятельно искать критерии распределения крестьянских дворов по степени их хозяйственной состоятельности. Наиболее распространенной была группировка по обеспеченности лошадьми, но она также не решила проблему.

Современные подходы изучения подворных описей (в том числе и с применением математических методов) были заложены И.Д. Ковальченко, который ввел в научный оборот огромный массив подворных описей⁷⁷, что позволило по-новому подойти к целому ряду проблем. Во-первых, ученый предложил сгруппировать крестьянские хозяйства по комбинации признаков, а затем ввел агрегированный показатель - характер воспро-

изводства, разделив хозяйства на обеспечивающие расширенное воспроизводство, обеспечивающие простое воспроизводство и не обеспечивающие простое воспроизводство⁷⁸.

Если рассмотреть проблему поиска критерия оценки хозяйственной состоятельности крестьянского двора с точки зрения формализованных методов исследования, то, во-первых, следует констатировать, что оценка приказчика, включенная в подворную опись, - это типичная экспертная оценка, т. е., по сути, оценка интуитивная, основанная на частично осознаваемом, а частично подсознательном учете множества разнообразных факторов. Следовательно, сколько-нибудь полно объяснить оценку, содержащуюся в подворной описи, невозможно. Если рассматривать хозяйственную характеристику крестьянского двора как сложный качественный признак, то измерить его можно тремя способами: выделив в качестве определяющего один из признаков, по комбинации признаков и путем агрегирования показателей. И в развитии методики исследования подворных описей последовательно реализуются все три подхода: оценка по одному признаку - количеству лошадей, по комбинации признаков - количеству скота разных категорий и путем агрегирования информации - по характеру воспроизводства.

И.Д. Ковальченко по-новому подошел и к проблеме изучения экономического состояния крестьянского хозяйства в динамике. Он прослеживал хозяйственную историю отдельных дворов, что предполагает предварительную сложную работу по отысканию и идентификации крестьянского двора в разновременных подворных описях. Но исследование хозяйственной истории отдельных дворов задает совершенно новый ракурс рассмотрению ключевой проблемы социально-экономической истории XIX - начала XX в. - проблемы расслоения крестьянских хозяйств, позволяя не только констатировать наличие дифференциации крестьянских хозяйств, но и судить о степени ее необратимости, т. е. понять, мог ли и при каких условиях богатый двор разориться, а бедный перейти в категорию средних или зажиточных.

В целом история изучения подворных описей крестьянских хозяйств еще раз демонстрирует взаимозависимость источникововедческого исследования отдельных источников, относящихся к группе массовых, с разработкой крупных их комплексов с целью выявить масштабные явления и процессы социально-экономической истории.

5. Учет промышленного производства*

В отличие от учета экономического состояния крестьянских хозяйств учет промышленного производства изначально был организован государством, Отдельно велся учёт обрабатывающей и горнодобывающей промышленности.

В конце первой четверти XVIII в. (1724 г.) poste организации Берг- и Мануфактур-коллегий законодательно было предусмотрено предоставление владельцами ведомостей о промышленных заведениях (получивших название «ведомости фабрик и заводов»**) два раза год в соответствующую коллегию, а затем в Сенат. На протяжении XVIII в. необходимость присылки таких сведений неоднократно подтверждалась законодателем. В зависимости от реорганизации государственного аппарата много раз менялся порядок предоставления сведений⁷⁹. С 1775 г. такие ведомости должны были присылаться один раз в год. На протяжении XVIII в. установился формуляр ведомостей, но наладить их систематический сбор так и не удалось.

В начале XIX в., после образования министерства внутренних дел, которому был поручен сбор разнообразных сведений о социально-экономическом состоянии империи, были предприняты дополнительные усилия в организации учета промышленных заведений, но они оказались малоэффективными, в первую очередь в силу отсутствия в законодательстве четкого определения объекта учета как со стороны объема производства, так и со стороны отраслевой принадлежности.

Последнее обстоятельство особенно важно при определении сопоставимости данных учета промышленного производства. Номенклатура производств, подлежащих учету, в разные годы была различной и с середины XIX в. постоянно расширялась, причем происходило это в губерниях неодновременно⁸⁰. Конечно, на сопоставимость влияет и определенность размера предприятий, но следует отметить, что номенклатура учитываемых производств расширялась в основном за счет отраслей, в которых преобладали мелкие предприятия, что еще более осложняет исследовательскую ситуацию. Кроме того, мелкие предприятия преобладали в сфере переработки сельскохозяйственной продукции, поэтому большое количество мелких предприятий

*В основу параграфа положен материал монографии Ю.Я. Рыбакова «Промышленная статистика России XIX в.: Источниковедческое исследование» (М., 1976).

** Понятия «фабрика» и «завод» в законодательстве не различались. В данном случае единое словосочетание «фабрика и завод» служит синонимом словосочетания «промышленное предприятие».

учитывалось в сельскохозяйственных губерниях. Таким образом, общей тенденцией эволюции ведомостного учета являлось неравномерное увеличение учета мелких предприятий за счет расширения номенклатуры учитываемых производств.

Ведомостный учет в 80-е годы XIX в. начал перерастать в статистическую систему. На это повлияло единовременное обследование промышленности в связи с Всероссийской промышленно-художественной выставкой в Москве в 1882 г. В 1884-1885 гг. был установлен новый формуляр ведомости, в котором предусматривалось несколько групп показателей: состав рабочей силы с распределением по полу и возрасту, мощность и структура энергетического оборудования, количество и состав применяемых машин и механизмов. Сообщались также сведения о сырье, топливе и т. д. На места стали рассылаться отпечатанные бланки ведомостей.

Наиболее существенное преобразование было связано с введением ценза промышленного предприятия: учету подлежали заведения с годовой стоимостью производства более одной тысячи рублей. Такой ценз определялся с предложенной министром финансов Н.Х. Бунге реформой налогообложения, предусматривавшей 3%-ный сбор с чистого дохода. Но этот ценз был неудобен, поскольку не была отработана методика определения стоимости производства.

Итак, с середины 1880-х годов учет промышленного производства тесно увязывался с налогообложением, что меняло качество учета. В это время были составлены «Материалы для определения внешних признаков обложения промышленных предприятий», в которых в качестве критерия налогообложения были выделены два основных признака: наличие определенного энергетического оборудования и численность работающих. Вслед за этим в 1895 г. была предпринята последняя попытка реорганизовать учет промышленного производства при помощи ведомостей фабрик и заводов. Ценз промышленного предприятия был установлен по числу рабочих (не менее 15) или по наличию парового двигателя (при меньшем числе рабочих). Такой ценз отвечал требованиям закона «О государственном промысловом налоге», принятом в 1898 г., в бытность министром финансов С.Ю. Витте. Закон вводился в действие с 1899 г. и распространялся как на обрабатывающую, так и на горнодобывающую промышленность. По закону все промышленные предприятия делились на восемь разрядов по числу рабочих (с учетом наличия механического двигателя). Но эта попытка реформирования ведомостного учета была малоуспешной, в первую очередь из-за нежелания владельцев присылать сведения. Это заставило правительство в самом конце XIX в. перейти к собственно стати-

стике промышленности, собираемой методом переписей. Правда, в 1903 г. снова попытались возобновить ведомостный учет, но опять безуспешно.

В начале XX в. сохранялся учет предприятий по производствам, облагаемым акцизом, и предприятия горнозаводской промышленности. Следует отметить, что в этих производствах была высока доля казенных предприятий, что во многом обуславливало значение учета их производства для правительства,

Вызывает интерес проблема достоверности сведений ведомостей фабрик и заводов. Излишне упоминать применительно к массовым источникам о необходимости сочетать проверку точности информации отдельного источника и полноту корпуса источников. Что касается второго аспекта, то он непосредственно связан с отмеченной тенденцией неравномерного расширения круга учитываемых производств. В отличие от ревизского учета, когда государство было заинтересовано в точности сведений, или от подворных описей крестьянских хозяйств, когда в достоверности данных был заинтересован помещик, точность приводимых данных не представляла существенного интереса для органов управления. Высказывавшееся в историографии мнение о занижении показателей владельцами предприятий с тем, чтобы платить меньше налогов, не выдерживает критики, потому что в России на протяжении большей части XVIII-XIX вв. система налогообложения была сословной и если и была связана с объемом производства, то весьма опосредованно. Поэтому владельцы могли как занижать, так и завышать показатели, иногда просто от незнания (например, численности работающих при надомной организации труда, распространенной в ткацком производстве, или годовой стоимости производства, для определения которой необходимы были специальные навыки).

ГЛАВА 8

Статистика

СТАТИСТИКА - система сбора сведений для обеспечения обратной связи в системах управления разного уровня и выработки управленческих решений.

Слово «статистика» многозначно. В источниковедческом дискурсе оно имеет, как минимум, три смысла, которые надо четко различать. Во-первых, под статистикой (статистической информацией) понимают любые массовые данные, которые могут быть подвергнуты статистической обработке.

Когда говорится о статистической обработке данных, то имеется в виду статистика (математическая или теоретическая) как отрасль математики, базирующаяся на теории вероятностей, задачей которой является интерпретация данных с ощутимой случайной изменчивостью⁸².

И наконец, статистика как *вид исторических источников*. От учетной документации статистика в первую очередь отличается тем, что статистические данные собираются для выработки управленческих решений вплоть до долговременной политики в той или иной сфере, тогда как учетная документация обычно обеспечивает реализацию уже принятых решений. Из этого следует, что статистическая информация собирается с расчетом на последующую обработку для того, чтобы выявить состояние той или иной экономической или социальной сферы, в том числе и в развитии. Последнее чрезвычайно важно, поскольку именно развитие того или иного процесса позволяет судить об эффективности принимаемых управленческих решений. Из этого, в свою очередь, следует, что для проведения статистического обследования вырабатывается специальная программа, которую отличают от формуляра учетной документации, по крайней мере, две особенности. Во-первых, расчет на обработку полученных данных методами математической статистики заставляет вводить в формуляр «избыточную» информацию, необходимую для математической проверки достоверности сведений. Во-вторых, и это основное, необходимость выявления процесса в динамике заставляет стремиться к сопоставимости данных разновременных статистических обследований. Например, рассматривая ведомости фабрик и заводов как разновидность учетной документации, мы видели, что к концу XIX в. уточнялась номенклатура учитываемых производств и вводился ценз, который должен был обеспечивать устойчивость единицы статистического учета.

Как это ни парадоксально, именно наличие специально разработанной программы статистического обследования не позволяет безоговорочно применять к нему методы математической статистики, поскольку уже на уровне программы может быть заложена такая тенденциозность собираемых сведений, которая не позволит рассматривать полученные данные как случайные величины.

В XVIII-XIX вв. в России статистика прошла период становления. Абсолютистское государство было заинтересовано в детальной регламентации многих сфер жизни общества, но в XVIII в. возможности сбора статистической информации были весьма ограничены. Учетная система могла перерасти в стати-

стическую только при острой заинтересованности государства в регулировании какой-либо сферы (как это показано на примере формулярных списков).

В начале XIX в. коллежская система управления была заменена министерской. Одно из ключевых министерств - министерство внутренних дел возглавили «молодые друзья» Александра I, попытавшиеся наладить широкомасштабный сбор сведений.

Но в первой половине XIX в. по-прежнему преобладали учетные системы. Статистика была представлена главным образом статистическими приложениями к губернаторским отчетам. Новый этап в развитии отечественной статистики начался в 1860-х годах с образованием Центрального статистического комитета МВД. Несколько позже появилась земская статистика. В конце XIX - начале XX в. в статистике получил распространение метод переписей. Были проведены первая Всероссийская перепись населения, три промышленные и две сельскохозяйственные переписи. Кроме того, в это время сбором, обработкой и публикацией статистической информации занимались не только государственные учреждения и земства, но и предпринимательские организации и акционерные общества. Статистика акционерных обществ интересна тем, что кроме промышленности она исследовала кредит, торговлю, транспорт и страхование⁸³.

1. Организация статистики

Статистику по способу организации сбора и обработки статистической информации можно разделить на четыре группы: статистика, собираемая отдельными ведомствами⁸⁴; статистика Центрального статистического комитета; земская статистика; статистика, собираемая научными учреждениями в научных целях. Поскольку история науки - фактически самостоятельная отрасль научного знания, источниковая база которой отличается своей спецификой, последнюю из названных групп мы рассматривать не будем.

Идея организации государственной статистики, высказываемая еще в первой половине XVIII в., оформилась в трудах русских статистиков на рубеже XVIII-XIX вв. Строгая министерская система государственного управления обусловила как необходимость, так и возможность создания государственного органа, ведавшего статистикой. Губернаторские отчеты, составление которых было предусмотрено с начала XIX п., присылались в министерство внутренних дел, где обобщением их данных занимались

чиновники, выделенные в особую группу. В 1810 г. при реорганизации министерской системы статистику передали в министерство полиции, в котором было создано статистическое отделение во главе с К.Ф. Германом - для обобщения данных по всей империи на основании сведений губернаторских отчетов^{84а}.

Сбором и обработкой статистической информации занимались также министерство финансов и министерство государственных имуществ, но доминирующая роль министерства внутренних дел в организации статистики сохранялась на протяжении всего XIX в.

В 1834 г. статистическое отделение МВД было расширено, при нем была создана сеть корреспондентов. В 1852 г. отделение было реорганизовано в статистический комитет, который до 1857 г. действовал как временный, а в 1857 г. было издано положение, по которому он был переименован в Центральный статистический комитет (ЦСК).

Следующее положение об организации статистики было издано в 1863 г. Создается Статистический совет, который должен был разрабатывать направления статистических работ. На Центральный статистический комитет возлагалась организация статистических обследований, разработка и публикация их материалов.

По положению 1863 г. Статистический совет определял способ организации статистических обследований, устанавливал порядок и формы разработки и издания статистических сведений, координировал деятельность различных ведомств, вносил предложения об устройстве и деятельности статистических учреждений разных ведомств и подготовке кадров статистиков, разрабатывал формы представления статистических сведений для земских и городских статистических учреждений, обсуждал организацию сбора статистических сведений в губерниях. Однако рекомендации Статистического совета фактически не имели обязательной силы. В основном он оказывал влияние на Центральный статистический комитет и в гораздо меньшей степени на другие ведомства, занимавшиеся сбором статистических данных.

Центральный статистический комитет должен был собирать, проверять, обрабатывать и издавать сведения, поступающие из местных органов статистики, собирать и обрабатывать статистические данные, необходимые для распределения земской повинности, разрабатывать и публиковать статистические материалы других ведомств, предоставлять этим ведомствам свои статистические материалы, осуществлять иные виды стати-

стических работ по решению Статистического совета. В 1864 г. ЦСК возглавил П.П. Семенов⁸⁵.

Органами Центрального статистического комитета на местах были губернские статистические комитеты, которые должны были составлять статистические таблицы, требующиеся ЦСК, и статистические приложения к губернаторским отчетам. Сведения по губерниям в качестве приложения к губернаторским отчетам собирались с периодичностью раз в пять лет и ежегодно. Один раз в пять лет в приложение включались данные о численности населения в городах и уездах с делением по полу, сословию и вероисповеданию; о количестве скота; о землевладении; о количестве зданий и др. Ежегодно в отчет включались сведения о посеве и урожае хлеба (с подразделением на владельческие и крестьянские земли); о количестве промышленных предприятий, сумме производства и числе рабочих; о естественном движении населения; о количестве учебных заведений, а также статистика преступности.

Закономерно возникает вопрос о соотношении статистических сведений, собираемых губернскими статистическими комитетами, и разнообразными учетными формами, рассмотренными в предыдущей главе. Конечно, иногда систематически ведущийся учет являлся источником статистической информации, по порой статистические сведения губернаторского отчета вполне могли быть плодом воображения какого-нибудь чиновника, например волостного писаря, поскольку непосредственно сбор данных возлагался на полицейских чинов, которые действовали через волостные правления.

2. Демографическая статистика

Становление демографической статистики происходило в 60-90-е годы XIX в. До 60-х годов XIX в. подсчет населения Российской империи носил оценочный характер*.

К предыстории собственно демографической статистики можно отнести составление «Списков населенных мест Российской империи» по данным на 1858 г. Работа по сбору материалов была начата Академией наук и Синодом через церковные приходы в 1857-1859 гг., но была малоуспешной. Поэтому ЦСК и Русское географическое общество предприняли сбор сведений силами местной полиции на основе данных десятой ревизии и цер-

*Иными словами, численность населения определялась приблизительно, на основе частичных данных.

ковного учета. В течение 1861-1885 гг. осуществлено издание «Списков населенных мест...».

Но демографическая статистика как таковая не велась. Правда, с 1866 г., после того как в 1864 г. Центральный статистический комитет возглавил П.П. Семенов, в «Статистическом временнике Российской империи» начали публиковаться данные о численности населения и его движении. В 1860-е годы в городах проводились местные переписи населения⁸⁶, опыт которых был учтен при проведении всеобщей переписи 1897 г. Административно-полицейский учет явно не соответствовал потребностям государства. Особенно ярко недостатки учета населения проявились в ходе реализации военной реформы 1874 г. в связи с формированием призывного контингента. Началась разработка проекта положения о всеобщей переписи населения. Первый проект принадлежал П.П. Семенову, который учел опыт западноевропейской статистики и проведения городских переписей в Санкт-Петербурге в 1864 и 1869 гг. Автор второго проекта А.Б. Бушем предлагал провести перепись как одиннадцатую ревизию⁸⁷. В основу положения о всеобщей переписи, которое было утверждено только 5 июня 1895 г., был положен проект П.П. Семенова.

Первая всеобщая перепись населения российской империи была проведена 28 января 1897 г. В переписи учитывались три категории населения: наличное, постоянное и приписное. Таким образом, отмечались временно отсутствующие, фиксировались как административное, так и фактическое место жительства. Использовались три формы переписных листов; для крестьянских хозяйств, для владельческих хозяйств и для городского населения.

Программа переписи включала следующие вопросы: 1) имя и фамилия; 2) пол; 3) возраст; 4) отношение к главе семьи и к главе хозяйства; 5) семейное положение; 6) сословие, состояние или звание; 7) место рождения; 8) место приписки; 9) обыкновенное место жительства; 10) отметка о временном отсутствии или временном пребывании; 11) вероисповедание; 12) родной язык; 13) грамотность и образование; 14) род занятий - ремесло, промысел, служба; при этом отмечались главное и побочное, или вспомогательное, занятия.

Данные переписи при публикации были разработаны по 25 таблицам⁸⁸.

3. Аграрная статистика

Аграрную статистику можно разделить на две части: 1) статистика землевладения и землепользования, 2) статистика аграрного производства.

Статистика землевладения и землепользования

Материалы Генерального межевания

Традиции учета землевладения и землепользования сложились еще при поземельной системе налогообложения. Писцовые книги - один из основных источников по социально-экономической истории XVI-XVII вв. Однако в XVIII в. с изменением системы налогообложения систематический учет земель не велся. Первым крупномасштабным обследованием состояния земель в повое время было Генеральное межевание, предпринятое по манифесту Екатерины II с конца 60-х годов XVIII в. и продолжавшееся в первой половине XIX в. Обширные материалы Генерального межевания составляют особый архив, который делится на графическую и письменную части.

К статистике землевладения и землепользования принадлежат «Экономические примечания» к картографическим материалам Генерального межевания - результат крупномасштабного хозяйственно-экономического описания. В них содержится краткое географическое и экономическое описание каждой дачи*, указанной на соответствующей карте. Различаются «Экономические примечания к Генеральным планам» и «Краткие экономические примечания». Первые, более подробные, прилагались к планам и с 1782 г. назывались «Полные экономические примечания». Кроме описания местоположения дачи, географических условий (с указанием разновидностей древесных пород, зверей, птиц) и условий хозяйствования (качество лугов и пашни, основные сельскохозяйственные культуры), в них вошли сведения о промысловых занятиях крестьян, размерах оброка, величине барской запашки (иногда и сведения о крестьянской пашне).

«Краткие экономические примечания» составлялись с 1780-х годов. Они прилагались к атласам и содержали меньше сведений: географические данные, количество дворов, мужского и женского населения, размер землевладения в целом и по уголь-

*В терминологии Генерального межевания «дача» - синоним слова «владение».

ям, а также сведения о наличии помещичьей усадьбы. Степень сохранности «Кратких примечаний...» значительно выше, чем «Полных...».

Переписи поземельной собственности европейской России

Во второй половине XIX в. сведения о землевладении собирал Центральный статистический комитет. Для этих целей предполагалось один раз в пять лет проводить переписи поземельной собственности европейской России. Но были проведены лишь три переписи - в 1877, 1887 и 1905 гг.

Проведением первой переписи руководил П.П. Семенов. Ее программа была достаточно простой: указывались фамилия, сословие или звание землевладельца, количество принадлежащей ему земли, для крестьянских обществ указывались количество дворов, число душ и способ использования пашни (общинный или подворный). Опросные листы заполняли сами землевладельцы, а по крестьянским землям - волостные правления. Сбор материалов по первой переписи длился до 1880 г., после чего данные были сведены и опубликованы⁸⁹. При сведении данных о землевладении владения менее полудесятины не учитывались, но их владельцы включались в общее количество. В публикации приводились данные о количестве и размерах земельных владений в 49 губерниях, систематизированные по сословиям и категориям владельцев. В издании помещена таблица процентных соотношений категорий землевладельцев и шесть таблиц по каждой губернии: 1) сведения о размере поземельной собственности с распределением на частную, общинную, казенную; 2) о частновладельческой земле с распределением по размерам землевладений; 3) о частновладельческой земле с распределением по категориям владельцев; 4) о наделных землях; 5) о количестве населенных мест; 6) о количестве строений.

В 1881 г. было проведено дополнительное обследование распределения земель по угодьям (пашня, лес, выгон), данные которого публиковались в «Статистическом временнике».

Этот показатель учитывался и при проведении второй переписи в 1887 г.⁹⁰ В основном ее программа совпадала с программой первой переписи, но некоторые различия делают их результаты практически несопоставимыми⁹¹. Следует отметить и низкий уровень организации переписей, которые по-прежнему проводились главным образом силами полиции.

Третья поземельная перепись в основном была проведена летом 1905 г. и продолжалась до начала 1906 г. Кроме сложностей,

связанных с революционными событиями в стране, на качество этой переписи повлияло и то, что способ ее проведения на местах был отдан на усмотрение губернаторов. Центральный статистический комитет лишь рекомендовал сверить полученные результаты с данными окладных книг; это, естественно, привело к тому, что в ряде мест именно такие данные и сообщались как результаты переписи⁹².

Статистика сельскохозяйственного производства

Попытки наладить статистику урожаев наблюдались уже в конце XVIII в., но на протяжении большей части XIX в. почти единственным источником статистических сведений о сельскохозяйственном производстве продолжали оставаться статистические приложения к губернаторским отчетам, в которых учитывались только объем высеваемого и собираемого зерна и урожайность в «самах»*. Размер посевных площадей не принимался во внимание.

В 1881 г. Центральный статистический комитет разослал опросные листы с тем, чтобы получить сведения о посевных площадях. Данные были собраны и обработаны в течение 1882-1883 гг., и ими пользовались до 1889 г. В 1887 г. снова собирались сведения о посевных площадях. С 1893 г. эти сведения собирались ежегодно и публиковались.

До 1903 г. посевные площади учитывались по видам высеваемых на них культур и делились на наделные и владельческие. С 1904 г. система учета посевных площадей стала более дифференцированной: учитывались земли наделные, купленные, арендованные и частновладельческие.

Одновременно с переписями посевных площадей собирались данные об урожайности. Эти данные поступали через сеть корреспондентов Центрального статистического комитета.

Кроме Комитета, статистикой урожайности занимался департамент земледелия и сельской промышленности (с 1894 г. - отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики) министерства земледелия и государственных имуществ. Сведения об урожайности с единицы площади на наделных и частновладельческих землях собирали добровольные корреспонденты. Размеры посевной площади также не учитывались. Корреспон-

* «Сам» - единица измерения урожайности, показывающая соотношение посеянного и собранного зерна. Например, урожай «сам три» означал, что зерна собрано втрое больше, чем было посеяно.

дентская сеть министерства земледелия и государственных имуществ была намного меньше, чем сеть Центрального статистического комитета, и распределялась она неравномерно, поэтому возникавшие пробелы восполнялись данными Комитета.

Статистика скотоводства

Сведения о поголовье скота также включались в губернаторские отчеты. С 1863 г. данные о численности скота собирало Ветеринарное управление МВД⁹⁸. Но наиболее ценны *военно-конские переписи*, которые проводились с 1880-х годов.

Первая военно-конская перепись была проведена Центральным статистическим комитетом в 58 губерниях в 1882 г. С 1888 г. такие переписи проводились регулярно⁹⁴. Они дают подробные сведения не только о распределении лошадей по возрасту, но и по разным категориям владельцев. В них также приводится группировка владельцев в зависимости от обеспеченности лошадьми (безлошадные хозяйства, однолошадные и т. д.). Именно поэтому значение военно-конских переписей выходит за рамки исследования состояния коневодства. Они дают ценную информацию о состоянии крестьянского хозяйства в целом, в первую очередь потому, что заинтересованность военного ведомства обеспечивала высокое качество статистической информации⁹⁵.

В 1900 г. Центральный статистический комитет анкетным методом собрал и опубликовал данные о количестве рабочего и продуктивного скота.

Итак, на протяжении XIX - начала XX в. в области сельскохозяйственного производства собирались сведения, главным образом, об урожайности, затем о посевных площадях и о состоянии скота (с особым вниманием к лошадям). Первоначально они были представлены в статистических приложениях к губернаторским отчетам. Начиная с 1860-х гг. постепенно формировались специальные статистические системы учета и анализа этих показателей. Многоаспектные сельскохозяйственные переписи были проведены только в самый канун революции.

Сельскохозяйственные переписи

В конце XIX - начале XX в. появляется интерес и к другим аспектам сельскохозяйственного производства. По инициативе Вольного экономического общества в 1895-1896 гг. отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики министер-

ства земледелия и государственных имуществ собрал сведения о сельскохозяйственных орудиях. Сведения, собиравшиеся через корреспондентскую сеть отдела, были весьма неполными. В публикацию были включены лишь данные об орудиях пахоты, боронования, а сведения об орудиях уборки и обработки урожая в издание не вошли⁹⁶. В 1910 г. Центральный статистический комитет также собрал сведения об обеспеченности крестьянских и частновладельческих хозяйств орудиями и машинами. В ходе обследования была выявлена обеспеченность хозяйств всеми видами орудий для пахоты, обработки посевов, уборки урожая, а также сенокосилками и конными граблями⁹⁷.

В 1916 и 1917 гг. прошли две сельскохозяйственные переписи, кардинально различавшиеся по своим задачам, а значит и по программам обследования.

Первая всероссийская сельскохозяйственная перепись была вызвана необходимостью учета сельскохозяйственных ресурсов в ходе первой мировой войны. Она прошла летом 1916 г. и охватила 77 губерний - почти всю территорию Российской империи, не занятую противником. Перепись проводили земские учреждения и уполномоченные Особого совещания по продовольственному делу. Опыт земских статистических учреждений способствовал высокому качеству полученных данных, хотя проводимая перепись по своим задачам кардинально отличалась от земских обследований: она преследовала цель выявить состояние сельскохозяйственного производства. Программа переписи предусматривала выявление следующих показателей для крестьянских хозяйств: размер пашни (с подразделением на наделную, купленную и арендованную), население (включая наемных работников), количество скота, размеры посевов по культурам на наделных, купленных и арендованных землях. Предусматривалось также выборочное описание 5% крестьянских хозяйств с указанием количества скота и размеров посевов также за 1915 г. Более подробно описывались 2% хозяйств: учитывались приход и расход основных продовольственных и фуражных ресурсов⁹⁸.

Несмотря на достаточно высокое качество полученных данных (хотя подробное исследование хозяйств, попавших в выборки, провести не всегда удавалось), уже через год выявилась недостаточность собранной информации. В революционных событиях 1917 г. активно проявились крестьянские требования земли. В 1917 г. была проведена земельная и сельскохозяйственная перепись, в которой более детально учитывалось население, а также собирались подробные данные о найме рабочей силы, промысловых занятиях крестьян, сельскохозяйственном инвентаре. Но наибольшее внимание было уделено изучению землевладе-

ния: сведения собирались по видам угодий (пашня, выгон и др.) и по категориям (наделная, купленная, арендованная земля, хутора, отруба). Всего в переписи 1917 г. учитывалось 194 показателя, что должно было позволить всесторонне изучить крестьянское хозяйство (в переписи 1916 г. такая задача не ставилась). Однако нестабильность внутриполитической ситуации не позволила обеспечить полноту информации, что привело к несопоставимости результатов двух переписей».

Таким образом, при острой заинтересованности государства в статистической информации о состоянии сельскохозяйственного производства в условиях войны и поземельной собственности в условиях активизации революционного движения удастся, несмотря на сложности военного и революционного времени, провести сбор сведений. Адекватным методом в этом случае является перепись. Метод переписей получил распространение и в промышленной статистике начала XX в.

4. Статистика промышленного производства*

Учет промышленного производства при помощи ведомостей фабрик и заводов перерос в собственно статистическую систему в 60-80-е годы XIX в., когда законодательно определилась единица статистического учета - был введен ценз промышленного предприятия.

30 ноября 1857 г. МВД издало циркуляр, предусматривавший ежегодный сбор губернскими статистическими комитетами сведений о количестве промышленных предприятий, числе занятых на них рабочих, характере и объеме выпускаемой продукции. Собранные данные публиковались в изданиях Центрального статистического комитета¹⁰⁰. Но эти статистические материалы обладали всеми недостатками, присущими ведомственному учету, главный из которых - отсутствие четкого определения единицы статистического учета, что не позволяло получать сопоставимую информацию, т. е. подвергать получаемые сведения дальнейшей статистической обработке. Данные группировались по производствам.

Более четко во второй половине XIX в. была налажена статистика производств, облагаемых акцизом, и горнозаводской промышленности, что было связано с необходимостью обеспечить

*В последние десятилетия статистику промышленного производства наиболее плодотворно исследовали Ю.Я. Рыбаков и С.В. Воронкова.

контроль за этими отраслями со стороны государства. Правда, сбор статистических сведений о производствах, облагаемых акцизом, осуществлялся на основании многочисленных уставов и правил, различных - в том числе и по набору показателей - для различных отраслей. Эти правила устанавливались для винокуренного производства «Уставом о питейном сборе», для свеклосахарного - «Уставом о свеклосахарном производстве» и «Временными правилами об акцизе с сахара», для табачного - «Уставом о табачном сборе». Существовали «Правила об акцизе с зажигательных спичек и о продаже фосфора», «Правила об акцизе с осветительных нефтяных масел».

До 1898 г. данные о производствах, облагаемых акцизом, публиковались в «Отчетах департамента неокладных сборов», с 1899 г. - в ежегодном издании министерства финансов «Статистика производств, облагаемых акцизом». Именно в самом конце XIX в. в России - с переходом к методу переписей при сборе статистической информации - окончательно сложилась система статистики промышленного производства. И в этом плане изменение названия публикации является наглядным примером перехода от учетных систем к собственно статистическим.

Сведения по производствам, облагаемым акцизом, публиковались по следующим отраслям: 1) свеклосахарное и рафинадное производство; 2) винокурение; 3) дрожжево-винокуренное; 4) фруктово-виноградно-водочное и коньячное; 5) пивоваренное; 6) медоваренное; 7) казенные винные склады; 8) табачные фабрики; 9) спичечное производство; 10) производство папиросных гильз и разрезной папиросной бумаги; 11) нефтеперегонное и нефтеперерабатывающее производство.

Систему учета горнозаводского производства определял «Устав о горных заводах». Сведения собирал Горный департамент, входивший в министерство государственных имуществ. «Сборник статистических сведений по горнозаводской промышленности России» публиковался с 1859 по 1918 г. Первичные материалы собирали горные инспекторы, управления казенных заводов, губернские статистические комитеты. Набор показателей, собираемых этими органами, также был разнообразным.

В конце XIX - начале XX в. существенно изменилась промышленная статистика. Во-первых, кроме государственной статистики появилась и начала быстро развиваться статистика предпринимательских организаций российских промышленников. В нее включались сведения о технической структуре производства, о его технологических особенностях, объеме выпускаемой продукции и ее сбыте, обеспеченности предприятий топливом, сырьем, емкости рынка, а также о положении рабо-

чих. Эта статистика чаще всего была отраслевой или региональной - например, организация нефтепромышленников Баку с 1894 г. издавала «Обзор бакинской нефтяной промышленности»,

В 1909 и 1914 гг. Совет съездов представителей торговли и промышленности осуществил анкетирование промышленных предприятий всероссийского масштаба¹⁰¹. А в 1915-1917 гг. анкетное обследование промышленных предприятий в связи с потребностями ведения войны проводили Особое совещание по обороне государства и его местные органы - заводские совещания.

Значительно изменилась и государственная статистика промышленного производства. Напомним, что развитие учета промышленного производства к концу XIX в. при помощи ведомостей фабрик и заводов привело к становлению уже собственно статистической системы. Определяющую роль здесь сыграло установление в 1888 г. ценза промышленного предприятия и его уточнение в 1895 г. Однако уже к концу века ведомостный учет почти прекратился - в основном из-за нежелания владельцев систематически предоставлять информацию. На смену ведомостному учету пришли промышленные переписи. Правда, одновременно с обработкой данных первой промышленной переписи в 1902 г. была предпринята попытка вновь собрать сведения с владельцев предприятий - был разослан опросный листок, предполагавший представление довольно подробной информации. Однако требуемые сведения предоставили только треть из них.

Таким образом, переход к методу переписей во многом был вынужденным. Тем не менее не следует забывать, что организации предпринимателей во многом взяли на себя функции текущего учета, хотя это нельзя расценивать как целенаправленное разделение функций между государством и общественными организациями промышленной буржуазии. Такое разграничение со стороны государства было вынужденным, поскольку предпринимательские организации обосновывали ограничение доступа государственных служб к первичной документации предприятий,

Метод переписей имел предысторию в виде анкетных обследований. Напомним, что метод анкетных обследований еще в XVIII в. находился у истоков российской статистики и в этом смысле промышленная статистика повторила общий путь эволюции данного вида исторических источников.

С целью разработать методику единовременных обследований ЦСК в 1868 г. провел анкетирование предприятий Московской и Владимирской губерний. Однако разработанная для этого обследования программа затем не использовалась.

Масштабное обследование промышленности было осуществлено в связи с проведением в 1882 г. в Москве Всероссийской

промышленно-художественной выставки. Существенным достижением методики статистического обследования было применение систем перечней в вопросах: человек, заполнявший опросный листок (чаще всего владелец предприятия), выбирал вариант ответа из предложенного перечня и лишь указывал количество объектов описания, что существенно повышало сопоставимость данных. Но единица статистического учета по-прежнему не была строго определена. Не было ясности в том, что относить к промышленному предприятию.

В середине 1890-х годов проводилось новое крупное анкетирование промышленности. Его целью было налаживание постоянного собственно статистического учета промышленного производства, что обуславливалось, как указывается в циркуляре министра финансов С.Ю. Витте владельцам промышленных предприятий от 7 июня 1895 г., потребностью государства в экономической информации. Анкета 1895 г. включала 35 вопросов, многие из которых были разбиты на ряд подпунктов, а также требовала заполнения системы таблиц. Основные вопросы анкеты: название промышленного предприятия и его местонахождение, номенклатура производств, данные о владельце, об аренде, о складах, о сырье и топливе, а также об источниках их получения, характеристика энергетического оборудования с подвопросами о разновидностях двигателей (особое внимание уделялось паровым машинам, данные о которых должны быть приведены в таблицах), сведения о станках, машинах, их производительности, численности занятых на них рабочих. Ряд вопросов носил социальный характер: состав рабочих предприятия, количество рабочих и праздничных дней в году, продолжительность рабочего дня, размер заработной платы, жилищные условия рабочих, характер медицинской помощи и страхования. В анкете также требовалось кратко изложить историю предприятия.

Обследование 1895 г. внесло существенный вклад в разработку метода статистического обследования. На этот раз была четко определена единица статистического учета: промышленное предприятие должно было иметь не менее 15 рабочих или, при численности рабочих менее 15, иметь паровой либо иной механический двигатель. Четко была определена номенклатура производств по 12 группам: 1) производства по обработке хлопка; 2) производства по обработке шерсти; 3) производства по обработке шелка; 4) производства по обработке льна, пеньки, джута; 5) смешанные производства по обработке волокнистых веществ; 6) бумагомассное, бумагоделательное и полиграфическое производства; 7) производства по обработке дерева; 8) производства по обработке металлов, производству машин, аппаратов и ору-

дий ремесла; 9) производство по обработке минеральных веществ; 10) производства по переработке животных продуктов; 11) производства по обработке питательных веществ; 12) химическое производство. Таким образом, в обследовании 1895 г. сохранялась классификация промышленного производства, выработанная в российской статистической науке в начале XIX в.

Во время обследования 1895 г. был достигнут некоторый прогресс и в технике сбора сведений. В основном рассылка ведомостей, надзор за их заполнением и сбор сведений были поручены фабричным инспекторам. Однако масштабность предпринятого обследования заставила привлечь к работам и чиновников других ведомств.

Анкетное обследование 1895 г. непосредственно подготовило возможности для перехода к промышленным переписям как наиболее прогрессивному способу статистического обследования, обеспечивавшему высокий уровень достоверности и сопоставимости информации. Переписи преследовали цель изучить состояние промышленности для выработки экономической политики.

В конце XIX - начале XX в. в России были проведены три промышленные переписи: в 1900, 1908 и 1910-1912 гг. Они существенно отличались друг от друга по охваченной территории и номенклатуре производств, что влияет на сопоставимость данных.

Перепись 1900 г. охватывала заведения, подчиненные надзору фабричной инспекции, поэтому распространялась лишь на губернии европейской России и частично на Кавказ. Статистическому обследованию подлежали только производства обрабатывающей промышленности, не обложенной акцизом. Для этой переписи был установлен ценз промышленного предприятия - годовая производительность не менее 1 тыс. рублей. В целом по переписи 1900 г. было учтено меньше предприятий, чем по данным фабрично-заводской инспекции за это же время.

Перепись 1908 г. уже охватывала почти всю территорию Российской империи, включая Сибирь, Среднюю Азию и Кавказ. Была расширена и номенклатура производств. Перепись включала производства обрабатывающей промышленности, не облагаемой акцизом, производства, облагаемые акцизом, и горнозаводские предприятия. Несмотря на то что предполагался учет предприятий разных ведомств, в том числе и казенных, технические возможности проведения переписи на предприятиях, не подчиненных горной или фабричной инспекции, были значительно хуже, и сведения об этих предприятиях неполны.

Перепись 1910-1912 гг. была более локальной. Предусматривалось исследование предприятий, продукция которых могла

быть предметом международной торговли. В ходе этой переписи исследовалась только промышленность европейской части России и лишь предприятия, поднадзорные горной и фабричной инспекции.

На протяжении всего этого времени действовал ценз промышленного предприятия, установленный циркуляром от 7 июня 1895 г., - не менее 15 работающих или, при меньшем числе работающих, наличие парового или иного механического двигателя. Заполняли анкеты, так же как и ведомости фабрик и заводов, владельцы предприятий.

В ходе переписей была уточнена номенклатура и классификация производств. Двенадцать групп, выделенных главным образом в зависимости от обрабатываемого сырья, делились на 171 разряд по 286 производствам.

Характер собираемых сведений обуславливался программой переписи. В целом преобладала информация о производстве, менее полно были представлены сведения о состоянии рабочей силы. В составлении программы переписи 1900 г. участвовал известный статистик В.Е. Варзар, служивший в то время фабричным ревизором отдела промышленности министерства финансов¹⁰².

Анкета включала три бланка, первый из которых предполагал представление основной информации о промышленном предприятии: о времени возникновения предприятия, его владельце, характере и структуре производства, продолжительности ежедневной и ежегодной работы, численности и половозрастной структуре рабочей силы, соотношении основной рабочей силы, вспомогательного состава, количестве и мощности энергетического оборудования, структуре производственного оборудования, потреблении топлива, стоимости произведенной продукции, а также о расходах на заработную плату, содержание администрации. Дополнительные бланки содержали подробные сведения о сырье и производимой продукции. Во всех трех бланках применялась система подробных перечней.

Анкета переписи 1908 г. была аналогична анкете переписи 1900 г., но менее подробная. В ней отсутствовали детальные сведения о сырье и техническом оборудовании. Например, перечень оборудования в анкете 1908 г. имел 60 позиций, а в анкете 1900 г. - 500.

В целом методика проведения переписей 1900 и 1908 гг. базировалась на единых принципах, что дает возможность сопоставлять их результаты.

Перепись 1910-1912 гг. существенно отличалась от первых двух. Основное внимание при ее проведении уделялось данным о количестве и цене произведенных продуктов. В таблицах от-

дельно содержались данные о произведенной и реализованной продукции, причем раздельно за 1910, 1911 и 1912 гг., что должно было выявить динамику процессов. В анкетах переписи 1910-1912 гг. также широко применялись перечни.

Первичные материалы переписей не введены в научный оборот. В литературе высказывается мнение об их утрате. Исследователи используют публикации итогов переписей.

Материалы переписи 1900 г. опубликованы в изданиях под редакцией В.Е. Варвара «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г.» (Спб., 1903); «Список фабрик и заводов Европейской России» (Спб., 1903).

В первом издании сведения сгруппированы по 12 производствам, а внутри них - по губерниям и экономическим районам. В издании приводятся четыре вида таблиц. Таблица А «Общие экономические и технические сведения о заведениях» содержит характеристику производства, информацию о количестве предприятий, численности и половозрастном составе рабочей силы, количестве и структуре энергетического оборудования, стоимости оборудования (с подразделением на отечественное и зарубежное), структуре расходов на сырье, топливо и заработную плату, на содержание администрации и зданий.

В таблицу Б «О количестве и стоимости переработанных и потребленных материалов» включены подробные сведения о сырье. Таблица В «О количестве и стоимости продуктов, изделий и полуфабрикатов, изготовленных на продажу» дает информацию о результатах производства. В качестве объекта описания в этих таблицах выступает отдельное предприятие, что обеспечивает сопоставимость данных. В таблице Г «Число рабочих, число часов, главных орудий, аппаратов, приборов и механизмов» сведения сгруппированы по отдельным производствам в разных губерниях. Естественно, что в публикации разработаны не все показатели анкеты переписи.

Данные переписи 1908 г. также опубликованы под редакцией В.Е. Варзара и с его обширным введением, содержащим анализ статистических данных, в следующих изданиях: «Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.» (Спб., 1912); «Список фабрик и заводов Российской империи» (Спб., 1912).

В основе издания лежат те же принципы, что и в издании материалов переписи 1900 г. Отличие состоит в меньшем количестве показателей, что обусловлено сокращенным формуляром анкеты переписи 1908 г.

Материалы переписи 1910-1912 гг. также были сгруппированы по 12 производствам и в соответствии с этой группировкой опубликованы в 12 выпусках издания «Фабрично-заводская промышленность Европейской России в 1910-1912 гг.» (Спб., 1914-1915) и в специальном выпуске «Общие итоги» (Спб., 1915).

Данные были сгруппированы в таблицах двух видов: «Количество изготовленных и проданных продуктов и изделий и их средние цены в 1910-1912 гг.» и «Число заведений и рабочих по группам производств в 1910-1912 гг.». Особенностью издания было то, что по группам производств отмечалась степень репрезентативности данных, полученных в результате переписи.

5. Статистика труда

Статистика промышленного производства включала некоторые сведения о рабочей силе. Кроме этого, с конца XIX в. существовала статистика фабричной инспекции. Фабричная инспекция создавалась для контроля за исполнением рабочего законодательства на протяжении XIX в. в разных странах. В России это произошло в 1882 г., когда был издан закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». Поскольку задачей фабричной инспекции было регулирование взаимоотношений владельцев предприятий и наемных рабочих, в отчеты фабричных инспекторов, кроме данных о численности рабочей силы, включались важные социальные показатели - такие, как заработная плата, уровень травматизма, уровень забастовочного движения. В конце XIX в. отчеты фабричных инспекторов были более описательными. Примером такого отчета может служить публикация «Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882-1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних Московского округа И.И. Янжула (Спб., 1884)¹⁰³. «Свод отчетов фабричных инспекторов» систематически публиковался с 1901 г.¹⁰⁴

6. Земская статистика

В 1864 г. прошла земская реформа, начали создаваться земства - органы местного самоуправления. Первоначальные функции земской статистики, организованной земствами в целях земского обложения, расширились, поскольку земские статистики (многие из них находились под влиянием народнической идеологии) часто ставили задачи глубокого научного исследования экономического положения крестьянства. В этом смыс-

ле земская статистика объединяет в себе черты (и недостатки) текущего учета и статистики, собираемой в научных целях.

Эпизодически статистические работы проводились земствами с конца 1860-х годов, еще до образования специальных статистических учреждений при земских управах. Например, подворные описания крестьянских хозяйств были проведены в 1869 г. в Подольском и Херсонском земствах, в 1870 г. - в Вятском и Рязанском, в 1871 г. - в Тверском.

С 1871 г. в земствах стали создаваться статистические учреждения: столы, отделения, - которые затем повсеместно преобразовывались в статистические бюро. К 1886 г. статистические органы были созданы почти во всех земствах. В 1875 г. статистические отделения были открыты в Черниговском и Московском земствах. Статистические исследования этих земств оказали существенное влияние на земскую статистику, особенно на первом этапе ее становления, когда разнообразие программ земских статистических обследований было весьма значительным¹⁰⁵. В Московском земстве первоочередное внимание уделялось выяснению общего экономического состояния крестьянства, изучению каждого крестьянского хозяйства, общих условий крестьянского быта. Этим задачам соответствовала основная форма статистики - подворная перепись. В черниговской земской статистике главными объектами исследования были земля, виды почв, средняя урожайность и т. п. Основной тип статистических работ, соответствующий этим задачам, - поселенное обследование.

Одна из задач земской статистики - оценка недвижимых имуществ, и в первую очередь земли. Место оценочных работ во всей системе земской статистики служит критерием для периодизации ее развития. Выделяется три этапа:

1. До 1893 г. - период становления земской статистики, когда она существовала без особого вмешательства со стороны правительства. В это время земская статистика занималась главным образом изучением крестьянских хозяйств, не преследуя цели оценки,

2. С 1893 г. оценка хозяйства занимает основное место в земских статистических работах.

3. С 1900 г. земская статистика подчиняется задаче налоговой оценки недвижимого имущества на основании закона 1899 г.¹⁰⁶

От этапа к этапу постепенно меняется методика организации статистических обследований.

Земская статистика делится на *основную* и *текущую*. К основной статистике относятся единовременные статистические обследования, к текущей - постоянное статистическое наблюдение. Основная статистика собиралась, как правило, экспедиционным методом, а текущая - путем рассылки анкет.

Основная земская статистика

Главным объектом интереса земской статистики было крестьянское хозяйство, для исследования которого проводились *подворные переписи* и *выборочные бюджетные обследования*. На первом этапе развития земской статистики практиковались *поселенные списки*, включавшие сведения о населении, хозяйстве, посевах, скоте, промыслах, покупке и аренде земли, способах ее обработки.

Подворные переписи

Программа подворной переписи изменялась, со временем становясь более сложной и подробной; она была различной в разных губерниях. В подворную перепись входили сведения о размерах и составе семьи по полу, возрасту и грамотности, о числе мужчин-работников и об их грамотности, о промыслах с их характеристикой (указание места и сезонности), о торгово-промышленных заведениях, о числе на них собственных и наемных работников с подразделением по полу, о найме сельскохозяйственных рабочих и прислуги, о поголовье скота (по видам), о наличии сельскохозяйственного инвентаря, о размерах земли (с подразделением на наделную, приобретенную и арендованную), о сдаче земли в аренду, о стоимости инвентаря (который делился на «живой» и «мертвый») и построек, о доходах от промыслов и иной деятельности, о собранном урожае, о покупке и продаже сельскохозяйственных продуктов, а также скота. Примером наиболее детальной программы является программа подворной переписи Пензенской губернии 1909-1913 гг.

С середины 1880-х годов при проведении подворных переписей перешли от списочной формы фиксации наблюдений к карточной. Это формальное изменение имело существенные последствия, поскольку, во-первых, позволило обследовать часть хозяйств по более полной программе и, во-вторых, обеспечивало возможность разработки данных по комбинациям признаков и создания групповых и комбинационных таблиц.

Бюджетные обследования

Цель бюджетного обследования - изучить в динамике приходо-расходный бюджет крестьянского хозяйства. В 1870-1880-е гг. бюджетные обследования были эпизодическими. Массовое изучение крестьянских бюджетов было начато Воронежским земством в 1884 г. и затем получило широкое распространение. Такими обследованиями в губернии было обычно охвачено несколько

сотен хозяйств (от 200 до 1000), которые отбирались методом типической выборки. Программы бюджетных обследований в разных земствах также различались. Выделяют несколько типов программ. Программа Воронежского земства включала около тысячи вопросов, объединенных в девять разделов. Эта программа предусматривала подробный учет доходов и расходов в натуральном и денежном выражении, а также данные о составе семьи, найме рабочих, землевладении, имуществе. Достаточно широкое распространение получили и программы Калужского, Вологодского земств.

Кроме изучения крестьянских хозяйств, земские статистики обследовали промышленные предприятия и ремесленные заведения, состояние дорог. Особое внимание уделялось статистическому изучению школ, больниц, поскольку эти учреждения были одним из основных объектов приложения усилий земских деятелей. В Тверском земстве Ф.Ф. Ольденбург в 1893 г. даже организовал статистическое справочно-педагогическое бюро¹⁰⁷. В 1911 г. была проведена школьная перепись, а в 1913 г. прошел общеземский съезд по школьной статистике, после чего земская школьная статистика получила новое развитие.

Текущая земская статистика

Объектом исследования в текущей статистике были метеорологические явления, размер посевных площадей, урожайность, поголовье скота, цена на наемный труд в сельском хозяйстве. К текущей земской статистике условно можно отнести *динамические гнездовые обследования* - непрерывное наблюдение группы хозяйств одного селения. Начаты такие исследования были в 1895 г. Тверским земством. В отличие от основной массы текущей статистики наблюдения велись экспедиционным методом.

Земские статистики не только собирали статистическую информацию, но и публиковали сводные данные земской статистики, а также разрабатывали полученные данные для исследования различных проблем. Кроме экономического состояния крестьянского хозяйства, земских статистиков интересовали вопросы грамотности сельского населения, санитарии и гигиены. Например, Ф.Ф. Эрисман по приглашению Московского земства с 1879 по 1885 г. исследовал санитарное состояние промышленных предприятий Московской губернии, по результатам которого опубликовал 17-томный труд¹⁰⁸.

Современные исследователи активно используют публикации, осуществленные земскими статистиками, хотя применявшиеся ими группировки данных (например, очень распростра-

ненная группировка по количеству наделной земли, мало отражавшая реальную структуру землепользования) часто не адекватны современным исследовательским проблемам¹⁰⁹. Первичный материал земской статистики не введен в научный оборот.

ГЛАВА 9

Публицистика

ПУБЛИЦИСТИКА - вид исторических источников, возникающий в общественной сфере. Публицистика призвана выражать мнение какой-либо социальной группы об общественно значимой проблеме.

Как правило, публицистическое произведение - авторское, но автор явно или имплицитно выражает мнение социальной группы. Чтобы определить, взгляды какой социальной группы выражены в том или ином публицистическом произведении, необходимо исходить из принятой в данном обществе социальной стратификации, а не привносить социальную структуру, разработанную в исторической науке (например, рассматривать каждого автора как представителя того или иного класса). Естественно, при таком подходе в каждом обществе на каждом отрезке его развития можно выявить разномасштабные и разноуровневые социальные группы.

Публицистические произведения могут иметь как индивидуального, так и коллективного автора. Отличительной особенностью публицистики России является то, что ее значительная (подавляющая) часть разделяется на проправительственную и антиправительственную в отличие от европейской публицистики, представлявшей различные социальные силы, боровшиеся за политическую власть или, по крайней мере, за влияние на эту власть (например, публицистика вигов и тори в Великобритании с конца XVII в.¹¹⁰).

Классификация публицистики как вида исторических источников не разработана, однако можно выделить (хотя и весьма условно) несколько групп публицистических произведений:

авторские публицистические произведения;

публицистика массовых народных движений;

проекты государственных преобразований и конституций.

*В этой главе значительно расширено, по сравнению с традиционным, понятие о публицистике как виде исторических источников. При этом обозначаются лишь подходы, поскольку история и содержание наиболее ярких публицистических произведений известны из общего курса истории.

1. Авторские публицистические произведения

Значительная общественная полемика развернулась вокруг петровских преобразований. Именно в это время публицистика формируется как вид исторических источников нового времени. Виднейший представитель публицистики петровской эпохи - Феофан Прокопович - в своих произведениях дал идеологическое обоснование абсолютистской власти в России.

Крупные события и существенные преобразования XVIII в. порождали общественный отклик, реализуемый в публицистических произведениях. Новый всплеск авторской публицистики произошел в эпоху Екатерины II. В это время наметилась тенденция к сращиванию публицистики с периодической печатью. Журналы «Трутенъ» (1769-1770) и «Живописец» (1772-1773) Н.И. Новикова или «Почта духов» (1789) и «Зритель» (1798) И.А. Крылова могут рассматриваться как публицистические произведения. Правда, читательская аудитория такой публицистики была весьма и весьма ограниченной.

В XIX в. наметившиеся тенденции продолжали развиваться. Можно выделить следующие крупные комплексы публицистических произведений: публицистика западников и славянофилов, публицистика идеологов народнического движения. В начале XX в. с появлением политических партий возникла публицистика партийных лидеров. В партийной печати происходило максимальное соединение публицистики с периодикой. Их сращивание началось в России в пореформенный период, в то время как в ряде европейских стран распространение публицистических произведений в форме памфлетов предшествовало возникновению газет.

2. Публицистика массовых народных движений

Классические образцы публицистики в России создаются в ходе массовых народных движений, начиная с «прелестных писем» С. Разина. По сути публицистическими произведениями являются манифесты Е. Пугачева и значительная часть указов, исходивших из его военной коллегии. Совершенно очевидно, что целью манифестов (маскирующихся под законодательный источник) было не установление новой нормы, а провозглашение целей и задач движения. Неслучайно из всего многообразия разновидностей законодательных актов выбирались именно манифесты, т. е. та разновидность законодательных ак-

тов, которая обычно использовалась государством, когда нужно было провозгласить то или иное решение, довести его до всех подданных. При всем различии происхождения манифесты Е. Пугачева по их назначению можно сравнивать с манифестами российского императорского дома в изгнании после революции.

3. Проекты государственных преобразований и конституций

Особенностью источниковой базы российской истории является и то, что значительную часть проектов государственных преобразований также можно отнести к публицистическим произведениям. Естественно, это относится не ко всем проектам: часть из них действительно разрабатывалась для реализации, но другая часть очевидно не могла быть реализована и выражала стремления какой-либо части общества. Наиболее яркими примерами в XVIII в. являются дворянские проекты 1730 г. К таким проектам можно отнести «Русскую правду» П.И. Пестеля и Конституцию Н.М. Муравьева, ряд проектов, предшествовавших реформам 1860-х годов¹¹⁷.

При источниковедческом исследовании публицистических произведений необходимо точно определить их видовую принадлежность, для чего следует максимально полно выяснить намерение автора, цель создания произведения и предполагаемый круг его читателей. Последнее особенно важно, поскольку публицистическое произведение (что следует из этимологии самого термина) изначально предназначается для распространения.

ГЛАВА 10

Периодическая печать

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ печать - вид исторических источников, представленный долговременными изданиями периодического характера, функциями которых являются организация (структурирование) общественного мнения, осуществление идеологического воздействия государства, информационное обслуживание экономической деятельности в сфере частного предпринимательства, установление обратной связи в системе управления.

Периодическая печать делится на три разновидности: газеты, журналы, повременные издания научных обществ. Термины, используемые для обозначения разновидностей, соответствуют принятым в настоящее время их самоназваниям. Но на протяжении

нии XVIII - первой половины XIX в. газеты чаще всего назывались ведомостями, реже журналами¹¹². Слово «газета», которое первым употребил Н.М. Карамзин для обозначения иностранных ежедневных изданий, затем появилось в названии «Новой Санкт-Петербургской газеты» в 1809 г. и стало обычным для обозначения ежедневных изданий со второй половины XIX в. В самоназваниях журналов часто встречаются слова «вестник» или, реже, «записки». Слово «журнал» терминологическую определенность получило также во второй половине XIX в.

Классифицировать периодические издания можно и по их функциям. Основная задача периодических изданий - формировать общественное мнение. Функция идеологического воздействия, строго говоря, может рассматриваться в системе функции структурирования общественного мнения, но, поскольку ни одна общественная группа, как правило, не может выступать наравне с государством (это тем более относится к России, где государство традиционно сильно), мы их разделяем. Эти функции можно признать системообразующими для периодической печати.

Функция реализации обратной связи в системе управления, оказания воздействия на правительство отличается от иных тем, что степень ее реализации (речь идет в первую очередь о России, где не сформировалось гражданское общество) во многом зависит от «доброй воли» самого правительства, от степени его заинтересованности в достоверной информации о состоянии общества*. Но, с другой стороны, и издатель может целенаправленно стремиться к воздействию на правительство,

Все эти функции реализуются, но в разной степени, и через газеты, и через журналы. Они могут сочетаться в одном издании.

Но, подчеркнем, некорректно выделять так называемую информационную функцию: *сообщение информации не может быть целью, а только средством для ее достижения.*

В Западной Европе становление периодической печати началось в XVI в. Для периода до XIX в. применяется более точный термин - «повременные издания», поскольку в это время многие из них не имели строгой периодичности. Например, с 1566 г. в Страсбурге и Базеле выходили газеты с порядковой нумерацией, но без определенной периодичности.

*Вообще, корректная постановка целей в сфере управления - важнейший критерий эффективности функционирования управляющей системы. Поэтому эффективно функционирующая система всегда заинтересована в достоверной информации, что сказывается на качестве государственной статистики, официальных изданий и на отношении к периодической печати.

Важнейшей характеристикой периодической печати является количество изданий, выходящих одновременно: значительное количество открываемых изданий оказывалось недолговечным, особенно на начальных этапах становления периодики и во время общественных потрясений. Поэтому часто используемый показатель общего количества периодических изданий неадекватно отражает состояние газетного и журнального дела.

Другой существенной характеристикой печати является тираж периодического издания. Эти две характеристики непосредственно взаимосвязаны. Очевидно, когда изданий много, то тираж каждого из них может быть меньше, чем когда существует лишь одно издание. Например, тираж первой русской газеты «Ведомости» доходил до 4 тыс. экземпляров. Для сравнения: тиражи английских газет в это время не превышали нескольких сотен экземпляров. Но в России в первой четверти XVIII в. выходила лишь одна газета, а в Лондоне от 10 до 20.

Необходимо учитывать, является ли периодическое издание частным или официальным, а также более конкретно знать источники его финансирования. Это также обычно сказывается на тираже: как правило, только государство может позволить себе не думать об окупаемости издания¹¹³.

Последнее обстоятельство влияет и на способ тиражирования издания. Первые газеты, выходившие в европейских странах в XVI в., были рукописными, поскольку издавать их типографским способом было невыгодно, и только в XVII в. появились первые печатные повременные издания.

В связи с этим отметим, что как некорректно выделять чисто информационную функцию периодических изданий, точно так же некорректно говорить и о том, что какие-то издания преследуют чисто коммерческие цели. Будет точнее сказать, что некоторые газеты, издаваемые государством или политическими партиями, имеют некоммерческий характер. Стремиться к получению прибыли абсолютно нормально для частного издания.

В развитии российской периодической печати можно выделить три периода. В XVIII в. очень медленно происходило становление повременных изданий. С начала XIX в. стали бурно развиваться как газетная, так и журнальная периодика, но преобладала все-таки журнальная. В 60-е годы существенно изменились как журнальное, так и, особенно, газетное дело, и в 70-е годы газетная периодика начала преобладать над журнальной, что знаменовало начало нового этапа развития этого вида исторических источников.

Становление и развитие газет будет рассмотрено подробно, поскольку данная разновидность наиболее полно воплощает модель вида в целом. Но обратимся сначала к цензуре, которая задавала рамки развития газетного и журнального дела.

1. Цензура

В становлении и развитии цензуры можно выделить те же самые три этапа, что и при периодизации развития периодической печати в целом. Но сделаем два предварительных замечания.

Прежде всего, цензура влияет, естественно, не только на газеты и журналы, но и на все издания, однако три обстоятельства заставляют обратиться к истории цензуры именно в связи с рассмотрением периодической печати. Во-первых, взаимосвязь периодики с публицистикой обуславливает наиболее пристальное внимание к ней цензуры. Во-вторых, периодический выход изданий, распространение их на протяжении большей части XIX в. исключительно по подписке и сильная финансовая зависимость в последующем от розничной продажи делали зависимость периодической печати от цензуры достаточно жесткой. В-третьих, наиболее существенным свойством периодических изданий является их кумулятивный эффект, необходимость учета которого затрудняет в их отношении цензорскую деятельность.

Далее необходимо договориться, что мы понимаем под цензурой: если вообще контроль государства (и церкви) за печатью, то такой контроль существовал с момента возникновения книгопечатания, а до этого осуществлялся контроль за распространением рукописных текстов. Это необходимо учитывать в источниковедческом исследовании, по формы контроля были столь многообразными, что требуют специального, исторически конкретного исследования. В определенный момент такой контроль принимает строгие организационные формы - возникает цензура как государственный институт. И этот момент принципиально важен, потому что свидетельствует о новом отношении государства к печатному слову. Достаточно сказать, что в Англии такой контроль возник в XVI в., при королеве Елизавете¹¹⁴. Во Франции королевский рескрипт, запрещавший печатать в газетах что-либо, касающееся государственных дел, был издан в 1624 г., а в России такая цензура появилась в начале XIX в. Новое качество цензорской деятельности проявилось, во-первых, в издании соответствующих законов и, во-вторых, в создании учреждений, призванных специально заниматься цензорской деятельностью.

С конца XVIII в. цензорские функции находились в ведении Управ благочиния. 9 июля 1804 г. был издан первый Устав о цензуре, который узаконил предварительную цензуру всех изданий. В это же время закладывалась и система организации цензуры. Предварительная цензура была отдана в ведение министерства народного просвещения. В 1811 г. в связи с ужесточением цензуры был создан особый комитет при министерстве полиции, в обязанности которого входили цензура уже выпущенных изданий и надзор за цензорами.

В 1817 г. была проведена децентрализация цензуры, введена «множественная цензура», т. е. издания рассматривались в соответствующих ведомствах до поступления их в министерство народного просвещения.

Новый цензурный устав был принят 10 июня 1826 г. Он предусматривал столь мелочную регламентацию печати, что его трудно было применять, и следующий цензурный устав был издан 22 апреля 1828 г. Этот устав действовал до начала 1860-х годов. В период его действия было издано множество подзаконных актов, уточнявших условия пропуска в печать материалов различной тематики.

В 1848 г. в связи с событиями в Европе цензура ужесточилась. Был создан межведомственный орган для «негласного наблюдения» за литературой - так называемый Бутурлинский комитет. Он существовал до конца 1855 г.

С середины 1850-х годов действовали противоречивые тенденции: с одной стороны, расширялась гласность, началась подготовка реформы печати, а с другой стороны, в 1859 г. был создан Комитет по делам книгопечатания - новый межведомственный орган, призванный оказывать влияние на печать (правда, он прекратил свое существование в конце того же 1859 г.). С начала 1860-х годов к цензурированию привлекалось министерство внутренних дел. В течение 1862 г. цензура находилась в ведении двух министерств - министерства народного просвещения и министерства внутренних дел. Функции разделялись следующим образом: министерство народного просвещения ведало предварительной цензурой, на министерство внутренних дел возлагались карательные функции, причем как по отношению к изданиям, так и к цензорам, пропустившим в печать неподобающий материал. Одновременно реорганизовывалось цензурное ведомство. В 1862 г. ведомственная цензура была упразднена, Главное управление цензуры ликвидировано. Была создана Особенная канцелярия министра народного просвещения, просуществовавшая до января 1863 г., когда цензура окончательно перешла в ведение министерства внут-

ренных дел, в котором был создан совет министра по делам книгопечатания.

В это же время была обновлена и нормативная основа цензурской деятельности. С 1828 г., со времени утверждения последнего цензурного устава, в результате издания множества инструкций, уточнявших условия пропуска через цензуру тех или иных материалов, нормативная база была запутана. 12 мая 1862 г. были изданы временные правила о печати, состоявшие всего из 13 пунктов, 12 из которых содержали запреты на пропуск в печать материалов определенной тематики, а в 130-м пункте говорилось, что эти правила вводятся вместо многочисленных нормативных актов 1828-1861 гг.

Реформа цензуры - одна из Великих реформ - была проведена 6 апреля 1865 г., когда были утверждены новые временные правила о цензуре и печати, вошедшие как приложение в цензурный устав. По этим правилам от предварительной цензуры освобождались «в обеих столицах... все выходящие донныне на свет повременные издания, коих *издатели сами заявят на то желание*» (выделено мною. - *М.Р.*).

Отсутствие предварительной цензуры означало судебную ответственность издателя за содержание периодического издания. Цензурой с этого времени ведало Главное управление по делам печати.

После реформы 1865 г. выделяются два направления влияния властей на периодическую печать: традиционное ограничение возможности публиковать материалы определенной тематики и принципиально новое - увеличение материальных убытков издателя в случае какого-либо конфликта с цензурным ведомством. Особо отметим второе направление, связанное с коммерциализацией периодической печати. Например, в 1866 г. редакциям временно приостановленных периодических изданий было запрещено выдавать подписчикам какую-либо замену, в 1868 г. разрешено в качестве санкции запрещать на время розничную продажу периодического издания и, наконец, в 1874 г. предписано представлять в цензурное ведомство корректуру только тогда, когда отпечатан весь тираж.

В 1882 г. цензура вновь ужесточилась, что зафиксировано в новых временных правилах о печати. По этим правилам совещание в составе трех министров (внутренних дел, просвещения и юстиции) и обер-прокурора Синода могло запретить дальнейший выход любого издания. Цензура несколько смягчилась только в ходе революции 1905 г.

2. Газеты как разновидность периодической печати

Становление газетного дела

Периодическая печать повсеместно начинает развиваться с издания газет, но происходит это по-разному. Первая газета появилась в XV в. в Венеции¹¹⁵ и была рукописной.

Первой русской газетой являются «Ведомости», издававшиеся со 2 января 1703 г. по указу Петра I. Правда, в XVII в. при дворе царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича существовала рукописная газета «Куранты», в которой сообщались политические известия, династическая информация, поступавшая из-за границы от послов. Но «Куранты» не могут расцениваться как периодическое издание - и не потому, что были рукописными (первая венецианская газета также переписывалась от руки), а потому, что не предназначались для тиражирования и распространения.

Можно выделить три цели возникновения газет, положивших начало трем направлениям газетной периодики. Газеты могут преимущественно обслуживать экономические потребности, формировать общественное мнение в интересах той или иной общественной группы (структурировать общественное мнение), проводить государственную идеологию*.

Во-первых, газеты возникали для распространения информации в интересах торговли. Такой, по сути, и была первая газета, не случайно появившаяся именно в Венеции - крупнейшем центре мировой торговли XVI в. Известны также газеты, издававшиеся во время Франкфуртской и Лейпцигской ярмарок. Часть английских газет первого периода их существования (XVII в., время Стюартов) представляла собой небольшие листки с рассказами об отдельных событиях¹¹⁶. В России газеты, обслуживающие экономические интересы, появились лишь в XIX в.

Во-вторых, в некоторых европейских странах, в частности в Англии и Италии, появлению газет предшествовали тиражирование и распространение памфлетов. Памфлет - разновидность публицистики¹¹⁷. И если в России сращивание публицистики с журнальной периодикой началось в конце XVIII в., а с газетной - происходит лишь в начале XX в., то в указанных странах распространение публицистики - фактически изначальная функция

*Конечно, это деление весьма условно. Функции могут переплетаться, но еще раз подчеркнем, что сообщение информации не может быть целью, а только средством для ее достижения.

периодической печати. В Англии уже в XVII в. публиковались развернутые редакторские комментарии на текущие политические события. Правда, акт о цензуре 1662 г. затруднил публикацию новостей, и существовавшие и это время еженедельные газеты «Новости» («News») и «Осведомитель» («Intelligencer») к середине 1660-х годов закрылись.

В-третьих, газеты издавались государством для воздействия на подданных в нужном направлении (внедрения государственной идеологии) путем распространения официальной информации. Подобные газеты возникали в европейских столицах на протяжении XVII в. Например, во Франции «Французская газета» официального характера издавалась с 1631 г.; в Лондоне «Лондонская газета» - с 1666 г. (кстати, во второй половине 1660-х - 1670-е годы в связи с ужесточением цензуры - единственная разрешенная газета в Англии). В России именно такой была первая газета «Ведомости», и такими оставались российские газеты на протяжении XVIII и значительной части XIX в.

В первой четверти XVIII в. в России выходила лишь одна газета. В первом номере «Ведомостей» содержались сообщения о производстве пушек, о штурманской школе, о подарках индийского правителя русскому царю, об открытии месторождения медной руды. Такую информацию газета помещала и впоследствии. Особое внимание уделялось событиям Северной войны.

Для сравнения отметим, что в Лондоне в первое десятилетие XVIII в. выходило от 10 до 20 газет и журналов одновременно. Во второй половине 1710-х годов (в начале правления Георга I) объем газетной периодики в Лондоне составил 200 полулистов в месяц. И, кроме новостей, в этих газетах значительное место отводилось комментариям к ним. В 1704 г. начала выходить газета Д. Дефо, которая со временем получила название «Обозрение государства английской нации» («A Review of the State of the English Nation»). В ней содержался уже серьезный политический комментарий текущих событий, а в разделе «Совет от Клуба сплетников» давался сатирический обзор лондонской жизни. Газета издавалась до 1713 г. и имела нескольких подражателей. В

1709 г. Дж. Эддисон и Р. Стил приступили к изданию газеты «Сплетник» («Tatler») с намерением давать комментарий политических событий, но очень скоро перешли к освещению социальных и литературных тем. Газета просуществовала до конца 1710 г., а уже в марте 1711 г. эти же издатели начали выпускать новую газету - «Наблюдатель» («Spectator»), которая выходила до конца 1712 г. В конце 1710-х годов в лондонских газетах начали публиковаться отчеты о парламентских дебатах, а к 1722 г.

Палата общин стала объектом репортажей, регулярно публикуемых в газетах¹¹⁸.

Правда, тиражи лондонских газет в это время составляли несколько сотен экземпляров, в то время как тираж «Ведомостей» мог доходить до 4 тыс., хотя не совсем ясно, каким образом газета распространялась. Объем лондонских газет также зависел от количества актуальной информации (от 2 до 20 страниц¹¹⁹). «Ведомости» не имели устойчивой периодичности, выходили через одну-две недели. Для сравнения отметим, что большинство лондонских газет этого времени выходило или еженедельно, или два раза в неделю. В 1702 г. начала издаваться первая ежедневная газета «Daily Courant».

В 1728 г. газету «Ведомости» сменили «Санкт-Петербургские ведомости», издававшиеся Академией наук. Характер газеты сохранился, но от предшествующего издания ее отличала строгая периодичность: «Санкт-Петербургские ведомости» выходили два раза в неделю по «почтовым дням» (вторник и пятница), их объем - четыре страницы¹²⁰.

С 1756 г. при Московском университете издавалась газета «Московские ведомости», которая была менее официальной, о чем свидетельствует и ее тираж - до 600 экземпляров. В «Московских ведомостях» публиковалась информация о культурной жизни, известия из-за рубежа. В бытность редактором «Московских ведомостей» Н.И. Новикова (1779-1789) в газете расширился внешнеполитический раздел.

На этом почти исчерпывается история русских газет XVIII в. Обе газеты, издававшиеся в России к концу XVIII в., просуществовали до начала XX в.¹²¹

Газетное дело с начала XIX века до 1860-х годов

В начале XIX в. газетное дело в России заметно активизировалось. За первое десятилетие возникло до 10 новых газет, но они, в отличие от газет XVIII в., были недолговечными. В 1809 г. была основана «Северная почта» (или «Новая Санкт-Петербургская газета», издавалась до 1819 г.) - орган департамента почт министерства внутренних дел. Выходила она два раза в неделю. В том же году начали выходить «Сенатские ведомости». Из устойчивых изданий можно также назвать «Санкт-Петербургские коммерческие ведомости», существовавшие с 1802 по 1810 г. и в 1811 г. слившиеся с «Северной почтой». Частных газет по-прежнему не было¹²².

Первая частная газета - «Северная пчела» Ф.В. Булгарина¹²³ и Н.И. Греча¹²⁴ выходила с 1825 г. В «Северной пчеле» преобла-

дала иностранная информация, хотя печатались и внутриполитические известия. Значительное место занимал литературный отдел. С конца 1820-х годов «Северная пчела» имела довольно значительный для того времени тираж - от 2000 до 2500 экземпляров¹²⁵.

В 1830-х гг. возник ряд новых газет коммерческого направления («Земледельческая газета», «Северный муравей» и др.). Появились литературные газеты: «Литературная газета» А.А. Дельвига, «Художественная газета» Н.В. Кукольника¹²⁰.

С конца 1830-х годов предпринимались малоуспешные попытки наладить выпуск специализированных промышленных газет. В 1838-1839 гг. выходила газета «Листок промышленности, ремесел, искусств и фабрик». Более продолжительное время издавалась газета «Посредник» (1840-1855). Общественно-политических газет в это время не существовало.

В тот период газеты распространялись только по подписке, дохода они почти не приносили, так как объявления печатались лишь в «Санкт-Петербургских...» и «Московских ведомостях» и не имели коммерческого характера.

Авторы газетных материалов, за редким исключением, не указывались. Газеты не претендовали на достоверность информации, часто встречались сообщения «по слухам», преобладало стремление к сенсационной информации. В этих условиях оперативность газетной информации не имела большого значения. Правда, столичные новости попадали в печатавшиеся в столицах газеты сразу же, провинциальные - через 5-20 дней, но много времени занимала доставка газеты подписчикам.

В конце 1840-х годов, с ужесточением цензуры после событий в Европе 1848 г., газетное дело пришло на некоторое время в упадок и ожило только в период Крымской войны. Новый этап его развития начался в пореформенный период.

Газетная периодика 60-90-х годов XIX века - начала XX века

Наиболее существенные изменения произошли в издании газет в России в 60-е годы XIX в. Они были обусловлены преимущественно двумя факторами: расширением читательской аудитории в связи с ростом городского населения и потребностью в оперативной информации. К этому времени достаточно четко определились функции газет и журналов. От газет требовалась оперативная информация, в первую очередь для обеспечения коммерческой деятельности, активизировавшейся в по-

реформенный период. С начала 1870-х годов газет выпускалось больше, чем журналов. В 1870 г. выходило 36 газет, в 1877 г. - 61, в 1881 г. - 83 газеты¹²⁷. Активизации газетного дела в конце 1870-х годов способствовала русско-турецкая война 1877-1878 гг. В 1880-е годы выходило более 80 газет, в 1890-е - более 90 и в 1900-е - более 100 общероссийских газет. С середины 1860-х годов газеты в основном издавались большим форматом объемом в четыре-шесть (иногда до восьми) полос. Определилась и внутренняя структура газет: полоса, как правило, делилась на шесть колонок и подвал, в который обычно печатали так называемый фельетон - большую статью, очерк¹²⁸.

Обеспечить оперативность, достоверность и полноту информации были призваны информационные агентства. В 1835 г. во Франции возникло информационное агентство «Гавас»¹²⁹. Сотрудники Ш. Гаваса, основателя агентства, Б. Вольф и П. Дж. Рейтер открыли информационные агентства соответственно в Берлине (1848) и Лондоне (1851)¹³⁰. До 1866 г. русские газеты могли перепечатывать зарубежные сообщения из официальных газет или публиковать их с разрешения министерства иностранных дел. В 1866 г. было создано «Русское телеграфное агентство». До этого, с 1862 г., телеграфное бюро существовало при газете «Биржевые ведомости». В 1871 г. возникло Международное телеграфное агентство, а в 1882 г. - Северное телеграфное агентство.

К этому времени большинство российских газет выходило ежедневно или шесть раз в неделю, но для повышения оперативности информации необходим был выпуск газет два раза в день а также выпуск вечерних газет. В 1827 г. в Лондоне начала выходить газета «The Evening Standard». В России первая вечерняя газета выходила с 1865 г. как приложение к тем же «Биржевым ведомостям» (фактически это был второй дневной выпуск, отличавшийся от утреннего лишь составом телеграмм). Стремление к оперативности информации, а также рост конкуренции привели к созданию корреспондентской сети.

Газетное дело начинает приносить прибыль, главным образом за счет рекламы. Ограничения с публикации частных объявлений были сняты в мае 1862 г.¹³¹ С 1865 г. была разрешена розничная продажа газет, что также создало дополнительный источник финансирования, который нельзя недооценивать. Напомним, что с конца 1860-х годов одна из экономических санкций против газет состояла как раз в запрете розничной продажи, что свидетельствует о существенности этого источника финансирования. Возможность увеличивать розничную продажу заставляла газеты стремиться к публикации остро актуальной и сенсационной информации.

В 1860-е годы в газетном деле появилась тенденция к дифференциации по целому ряду признаков, свойственная многим видам источников нового времени. С 1863 г. стали выходить газеты, рассчитанные на самую широкую читательскую аудиторию: крестьян, ремесленников, городскую прислугу, мелких служащих. Среди них выделялись газеты, адресованные конкретным социальным группам, например «Мирское слово», рассчитанное на низшие слои духовенства. Выделим также «Народную газету» - первую, которая продавалась отдельными номерами.

Началась общественно-политическая дифференциация газетной периодики. Именно в это время газетная периодика сращивается с публицистикой, чему, в частности, способствовало развитие такого газетного жанра, как передовая статья, которая по сути являлась политическим обзором.

Ведущие газеты в то время имели тиражи более 10 тыс. экземпляров. Среди популярных газет можно назвать «Московские ведомости», «Биржевые ведомости», «Голос», «Русские ведомости», «Санкт-Петербургские ведомости»¹³². Газета «Голос» А.А. Краевского¹³³, тираж которой с середины 1860-х до середины 1870-х гг. вырос с 5 тыс. до более чем 20 тыс. экземпляров, получала информацию из 600 мест России и 146 пунктов Европы, Азии, Америки. Одной из самых популярных с конца 70-х годов была газета «Новое время» А.С. Суворина¹³⁴, приобретенная им в 1876 г.¹³⁵

В 1880-е годы на первый план вышли «Русский курьер», «Свет», «Новости дня», «Русское слово», оттесняя популярные в 1870-е годы «Голос» и «Санкт-Петербургские ведомости». Одновременно активизировалась промонархическая печать. В 1881 г. правительство начало издавать газету «Сельский житель», рассылавшуюся бесплатно в волостные правления. Промонархический характер сохраняли и «Московские ведомости», издававшиеся М.Н. Катковым¹³⁶.

Наблюдались новшества и в организации газетного дела. Создавались посреднические организации - конторы, агентства объявлений, обеспечивавшие источники дохода периодических изданий. В это время более половины газет выходили ежедневно или шесть раз в неделю.

На рубеже веков самой распространенной стала газета «Русское слово», основанная в 1895 г. и в 1897 г. приобретенная известным книгоиздателем И.Д. Сытиным¹³⁷. В 1899 г. ее тираж составлял 22 тыс. экземпляров, а в начале века превысил 100 тыс. Большими тиражами издавалась и так называемая бульварная периодика («Петербургская газета» - 30 тыс. экземпляров, «Московский листок» - 40 тыс.).

Итак, к рубежу XIX-XX вв. в России газеты издавались правительством, государственными учреждениями, земствами, общественными организациями и частными лицами. В 1900 г. выходило 125 газет общественно-политического содержания. Произошла дифференциация. Появились рекламные, юмористические, спортивные, профессиональные (технические, медицинские) газеты. Периодичность издания составляла от одного до семи раз в неделю. Газеты выходили, кроме русского, на армянском, грузинском, латышском, эстонском, немецком, польском, французском языках. Если в конце XIX в. значительным считался тираж в 25-30 тыс. экземпляров, то в начале века наиболее популярные газеты имели тираж 60-100 тыс.

В начале XX в. продолжали сохранять свои позиции такие газеты, как «Новое время» А.С. Суворина (в 1902 г. ее тираж, распространяемый по подписке, составил 65 тыс. экземпляров), «Московские ведомости» (перешедшие после смерти Каткова к другому издателю), националистическая газета «Свет». Пользовались спросом газеты либеральной направленности: «Биржевые ведомости», «Курьер», «Новости», «Право», «Россия», «Русские ведомости», «Русское слово». Новым явлением был выход с 1903 г. самостоятельной «Вечерней газеты» В. Абазы.

В период между революцией 1905 г. и началом первой мировой войны появилось несколько заметных газет. Это, с одной стороны, крупные ежедневные «Раннее утро» (1907-1918) и «Утро России» (1907, 1909-1918), издававшиеся на средства известных московских промышленников Рябушинских, и, с другой стороны, массовые газеты, рассчитанные на самые широкие читательские слои; «Газета-копейка» в Петербурге (1908-1918) и газета с таким же названием в Москве (1909-1918).

О признании общественно-политической роли газет свидетельствует тот факт, что каждая политическая партия (а они, кроме РСДРП, провозглашенной в 1898 г., стали возникать в России в начале XX в.) издавала одну или несколько газет. В самом конце XIX в. Российская социал-демократическая рабочая партия начала издавать нелегальную газету «Искра». В ходе революции 1905 г. возникли легальные большевистские газеты «Новая жизнь», «Волна», «Вперед» и др. С 1912 г. выходила легальная газета «Правда». Меншевики издавали газеты «Начало», «Народная дума», эсеры - «Дело парода», трудовики - «Крестьянская Россия». Но, естественно, наибольшим влиянием пользовались периодические издания буржуазных партий. Кадеты издавали газету «Речь», октябристы - «Голос Москвы». «Русское знамя» было черносотенной газетой. Разворачивался процесс политической дифференциации периодических изданий общественно-политического характера.

Таким образом, в начале XX в. окончательно определилась основная функция газетной периодики - выражение общественного мнения и структурирование общества.

Губернские и городские газеты

Местная газетная периодика появилась позже столичных газет. Ее становление в разных странах проходило по-разному и во многом напоминало становление периодических изданий в столицах.

В Великобритании уже в начале XVIII в. влияние столичных газет на местах, несмотря на их незначительные тиражи, было весьма ощутимым. Провинциальные типографии отбирали сообщения из лондонской прессы и помещали их в свои еженедельные издания (дайджесты)¹³⁸. Это вполне объяснимо: местные новости пока еще быстрее передавались устно. Местные газеты были коммерческими, поэтому для них было выгодно, когда сообщалось много новостей (особенно в период поенных действий), и закрывались, когда новостей было мало. В Великобритании с 1701 по 1760 г. издавалось более 130 провинциальных газет, но только 35 существовали к концу этого периода¹³⁹.

Со второй половины 1710-х годов в местных газетах увеличилось количество объявлений, в том числе и рекламных¹⁴⁰. С 1760-х годов английские провинциальные газеты давали многоаспектную картину местной жизни.

К началу XIX в. определилось политическое размежевание провинциальных английских газет. Они, так же как и лондонские, возникали для поддержки какой-либо политической партии (тори или виги)¹⁴¹.

В России местная печать начала развиваться с официального издания - «Губернских ведомостей»¹⁴². Положение об их издании было утверждено в 1830 г., но наладить выпуск в большинстве губерний удалось только с 1838 г. Издание «Губернских ведомостей» курировал губернатор, а редактировал их, как правило, чиновник для особых поручений.

Частные газеты в российской провинции появились с 1860-х годов. Возникали они, как правило, из «ярмарочных листков». Во-первых, преобладала потребность в коммерческой информации, а во-вторых, на открытие таких газет легче соглашались местные власти.

3. Особенности изучения периодической печати

Когда говорят об изучении периодической печати, обычно имеют в виду либо изучение истории какого-нибудь издания или группы изданий (например, «большевистская печать»), либо исследование материалов, опубликованных в газетах и журналах по определенной теме. Но решение второй исследовательской задачи без предварительного целостного изучения того издания, откуда извлекается информация, будет некорректным, поскольку периодика рассчитана на аккумулярование воздействия на читателя и читатель воспринимает ту или иную информацию во многом в соответствии со своими ожиданиями, основанными на репутации издания, литературном и общественном прошлом его авторов.

Очевидно, что при таком подходе минимальной единицей периодического издания является его комплект за весь период издания (или за период издания при одном редакторе).

При обращении к отдельным материалам, опубликованным в газетах или журналах, кроме общего направления издания необходимо учитывать, создавался этот текст специально для данного издания или издатели опубликовали текст, созданный с иной целью. Такое разделение материалов приемлемо не только при работе с исторической периодикой, в которой постоянно публиковались, наряду с исследовательскими трудами, исторические источники, но и для многих других изданий, например публикация статистических материалов в «Статистическом журнале» или официальных документов в ведомственных изданиях.

На протяжении всего периода существования дореволюционной периодики была велика роль издателя и редактора (часто совмещавшаяся в одном лице). Поэтому изучение того или иного периодического издания следует начинать с изучения личности издателя, понимания целей, которые он преследовал. При этом необходимо иметь в виду, что в дореволюционное время в России проще было купить уже существующее издание или арендовать его, чем открыть новое. Особое внимание надо уделять причинам смены издателя. Иногда с приходом нового издателя кардинально менялось направление периодического издания.

И наконец, необходимо проанализировать взаимоотношения издания с цензурой, помня, что после реформы 1865 г. часть изданий была свободна от предварительной цензуры.

ГЛАВА 11

Источники личного происхождения

1. Определение

ПРОЦЕСС эмансипации человеческой индивидуальности и во многом обусловленный им процесс становления межличностных отношений породили новую сферу возникновения исторических источников. В первой главе настоящего раздела подробно рассматривалась объективация процессов индивидуализации и создания вторичных социальных связей в системе исторических источников нового времени. Именно источники личного происхождения наиболее последовательно воплощают эти тенденции.

Источники личного происхождения - группа видов исторических источников, функцией которых является установление межличностной коммуникации в эволюционном и коэзистенциальном целом и автокоммуникации. Они наиболее последовательно воплощают процесс самоосознания личности и становление межличностных отношений. К источникам личного происхождения относятся дневники, частная переписка (эпистолярные источники), мемуары-автобиографии, мемуары - «современные истории», эссеистика, исповеди.

2. Классификация

Первым и основным критерием классификации источников личного происхождения является направленность устанавливаемых ими коммуникационных связей, которая, в свою очередь, рассматривается в двух аспектах.

Во-первых, источники личного происхождения можно разделить на *автокоммуникативные* (дневники) и *межличностной коммуникации*. Вторую группу, в свою очередь, можно разделить на источники с *фиксированным адресатом* (эпистолярные источники, отчасти мемуары-автобиографии, адресованные собственным потомкам мемуариста) и с *неопределенным адресатом* (мемуары - «современные истории», эссеистика, исповеди).

Во-вторых, источники личного происхождения могут быть преимущественно направлены на установление связей в *эволюционном* или *коэзистенциальном* целом.

К источникам, направленным на коммуникацию главным образом и коэзистенциальном целом, относятся дневники и частная переписка. Но основная функция источников личного про-

исхождения - установление вторичных социальных связей индивидуума в эволюционном целом. Это подтверждается и тем, что достаточно часто источники, отнесенные к первой группе, предназначаются (уже в момент создания) для длительного хранения, а следовательно, потенциально, и для прочтения потомками¹⁴³.

Приведенная классификация принципиально важна не только потому, что обуславливает различия в методике изучения разных видов исторических источников. Например, вполне очевидны различия в степени влияния адресата на автора при фиксированном и нефиксированном адресате и т. д. Но важно отметить, что различная адресность и направленность коммуникации на эволюционное или коэволюционное целое самым существенным образом сказывается на степени сохранности исторических источников, их сосредоточенности в архивохранилищах, возможностях их поиска. Все это в конечном счете определяет степень адекватности наших представлений о том или ином виде исторических источников.

Говоря об общих свойствах источников нового времени, мы отмечали, что значительная часть их уже в момент создания предназначалась к изданию. Что касается источников личного происхождения, то источниками с нефиксированным адресатом, предназначенными к публикации, являются мемуары - «современные истории», эссеистика, исповеди. Причем их необходимо разделить на источники, предназначенные, как правило, к немедленному опубликованию (эссеистика), и источники с отложенной публикацией (значительная часть мемуаров «современных историй»).

Что касается дневников как автокоммуникативных источников, частной переписки, имеющей конкретного адресата, или мемуаров-автобиографий, нередко адресованных прямым потомкам, то они зачастую если и не уничтожались «самим автором или адресатом, то хранились небрежно и гибли, и если даже бережно сохранялись потомками, то системы их приема на государственное хранение (в отличие от, например, делопроизводственных источников, также не предназначавшихся для печати) не существовало, да и не существует до сих пор. Попасть в архив они могли, как правило, в составе личных фондов, а еще чаще - коллекций, что затрудняет их поиск и использование.

Кроме того, отношение к сохранению источников личного происхождения было различным в разных слоях общества и не оставалось неизменным на протяжении всего рассматриваемого периода. В 60-е годы XVIII в., а затем в 60-е годы XIX в. отношение к источникам личного происхождения менялось.

Итак, прежде чем перейти к рассмотрению эволюции источников личного происхождения, подчеркнем, что наши представления о мемуарах - «современных историях», эссеистике и исповедях гораздо более адекватны, чем о дневниках, эпистолярных источниках и мемуарах-автобиографиях с внутрифамильными целями.

3. Эволюция

XVII в. Выделенные виды источников личного происхождения (кроме исповедей) формировались в Западной Европе на протяжении XVI-XVII вв., в России преимущественно в XVII в., после Смуты (кроме эссеистики).

Дальнейшая эволюция источников личного происхождения в России существенно отличалась от западноевропейского процесса, что сказывалось, в первую очередь, на эволюции мемуаристики. В Западной Европе развитие мемуаристики определялось двумя факторами, почти отсутствовавшими в России: постоянным накоплением исторических знаний (европейские мемуаристы имели возможность читать античных и средневековых авторов, знакомиться со твоей национальной историей - достаточно напомнить, что Большие французские хроники издаются типографским способом с 1480 г.) и формированием общественного мнения. Для России же характерно позднее становление исторического сознания и формирование общества.

Начало XVIII в. - 1760-е гг. В начале XVIII в. в поступательный процесс эмансипации человеческой индивидуальности и создания вторичных социальных связей, формирования и структурирования общества начало резко вмешиваться государство, ускоряя и, естественно, деформируя этот процесс, что не способствует развитию источников личного происхождения, и на протяжении почти всего XVIII в. эти источники в России развивались мало. О степени распространенности дневников и частной переписки и силу вышеуказанных причин судить сложно. Эссеистика почти отсутствует, а что касается мемуаристики, то в основном речь может идти о мемуарах-автобиографиях. Русские мемуаристы еще в XVIII в. писали свои мемуары-автобиографии изолированно друг от друга, не имея возможности знакомиться с имеющимися произведениями и ориентируясь только на косвенные данные о степени распространенности мемуарного творчества. А.Г. Тартаковский очень точно подметил, что многочисленные ссылки русских мемуаристов на уже существующие прецеденты говорят «не о сложившейся преемственности, а как раз о ее почти полном отсутствии на ранних стадиях развития мемуаристи-

ки, ибо сама потребность опереться на чей-то прежний опыт, оправдаться перед собой и узким кругом возможных читателей указывает на то, каким необычным, дерзким являлось для автора ведение записок, как остро ощущал он «новизну жанра», а отнюдь не его традиционность»¹⁴⁴.

В 60-е годы XVIII в. в русском обществе начал проявляться интерес к истории - пока еще не к истории собственного народа и государства, а к ее классическим образцам.

60-е годы XVIII в. - 60-е годы XIX в. Указанная тенденция хотя и весьма существенна, но затрагивает по преимуществу образованную часть общества. На «демократизацию» авторского состава мемуаристов повлиял ряд крупных исторических событий, в частности губернская реформа Екатерины II и, в гораздо большей степени, Отечественная война 1812 г. Это влияние на отдельные виды источников личного происхождения будет рассмотрено особо, а пока отметим, что на первый план постепенно начали выдвигаться мемуары - «современные истории».

60-е годы XIX в. К этому времени завершилось длившееся в течение века становление исторического сознания русского общества. Самое убедительное свидетельство - начало издания исторических журналов, в частности «Русского архива» П.И. Бартенева. От традиционной историографии их отличает внимание преимущественно к недавней отечественной истории XVIII-XIX вв., чем предшествующая историография почти не интересовалась. В этих условиях мемуаристика естественно приобретает статус исторического свидетельства. Мемуарист по преимуществу пишет не о себе на фоне эпохи, а о современных ему событиях, которые общество признает историческими. Именно через отбор объектов описания проявляется унифицирующее влияние среды на мемуариста при переходе от нового времени к новейшему.

4. Историография

Поскольку предлагаемая нами система видов источников личного происхождения существенно отличается от традиционной, остановимся на том представлении об источниках личного происхождения, которое сложилось в отечественной историографии (при этом цель дать полноценный историографический обзор не преследуется).

Обычно выделяют два или три вида источников личного происхождения: *мемуары*, которые, в свою очередь, делятся на *дневники* и *воспоминания*, и *частную переписку*, или же мемуары и дневники рассматриваются как отдельные виды исторических

источников наряду с перепиской. С этим связан и спор о целесообразности использования обоих терминов - «мемуары» и «воспоминания» или одного - «мемуары». В качестве исторического источника почти исключительно разрабатывается мемуаристика.

Интерес к мемуаристике как виду исторических источников возник еще в середине прошлого века, но в позитивистской историографии мемуаристика рассматривалась преимущественно как источник фактического материала. Такой подход оказался весьма устойчивым. Еще в середине 1970-х годов П.А. Зайончковский в предисловии к указателю «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях современников» уверенно утверждал: «...ценность мемуаров заключается в изложении фактической стороны описываемых событий, а не в оценке их, которая, естественно, почти всегда субъективна»¹⁴⁵.

В последние два десятилетия исследование мемуаристики как вида исторических источников (культурного феномена) прочно связано с именем А.Г. Тартаковского - автора трех фундаментальных монографий. В монографии «1812 год и русская мемуаристика» ученый новаторски ставит проблему, подчеркивая, что не собирается традиционно рассматривать отражение событий 1812 г. в русской мемуаристике, а сосредоточивает внимание на влиянии этого исторического события на мемуаротворчество как форму человеческой деятельности, на расширение социального состава мемуаристов. Автор определяет мемуары как «повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти мемуариста» и утверждает: «Сравнительно с другими источниками личного происхождения именно в мемуарах с наибольшей последовательностью и полнотой реализуется *историческое самосознание личности* - в этом и состоит специфическая социальная функция мемуаров как вида источников»¹⁴⁶. В целом соглашаясь с Тартаковским, мы не можем не отметить, что если руководствоваться только тремя предложенными признаками, то к мемуарам придется отнести «Поучение» Владимира Мономаха или «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, поскольку и тот и другой писали о прошлом, основываясь при этом на своем личном опыте и памяти. Если же в полном соответствии с теорией источниковедения попытаться определить вид источника по первичной социальной функции - «реализация исторического самосознания личности», то можно столкнуться с еще большими проблемами, поскольку явно, что историческое сознание в русском обществе формируется в основных чертах с 60-х годов XVIII в. по 60-е годы XIX в., а мемуары появляются веком раньше - с конца XVII в.

Кроме А.Г. Тартаковского, существенный вклад в разработку данной проблематики внесли С.С. Минц и А.Е. Чекунова. Минц, разрабатывая проблему эволюции мемуаристики, предлагает следующий критерий: «...отражение в мемуарах степени осознания мемуаристами сущности явлений и процессов общественного развития, связи индивидуального и социального в общественной жизни»¹⁴⁷. И хотя Тартаковский спорит с Минц, отмечая, что предлагаемый ею критерий «...не учитывает реально-исторических, имманентно предопределенных возможностей мемуаристики как специфической отрасли духовной культуры, ибо познание «сущности и механизма общественных отношений» составляет задачу целой системы наук гуманитарного цикла»¹⁴⁸, представляется, что их позиции не противоречат одна другой, а дополняют друг друга. В самом деле, Тартаковский, выделяя в эволюции мемуаристики три крупные вехи: 1) «переход от внутренне-нефамильных по преимуществу целей мемуаротворчества к предназначению мемуаров для обнародования, для печати», 2) «превращение их в фактор идейно-политической борьбы и литературно-общественного движения», 3) «осознание значимости мемуаров для исторического познания и включение в их целевую установку расчета на будущего историка»¹⁴⁹, - практически конкретизирует в границах мемуаристики общие тенденции эволюции личности в новое и новейшее время. При этом Тартаковский справедливо считает, что речь идет не о смене функций, а о их наложении. Таким образом, получается, что мемуары, в которых повествуется об общественно значимых событиях, возникли веком позже мемуаров преимущественно с внутрифамильными целями. Но эта вполне логичная для русского материала конструкция не действует при обращении к западноевропейским источникам. Первые европейские мемуары - мемуары Филиппа де Коммина - преследуют отнюдь не внутрифамильные цели.

Отличие нашей позиции состоит не только в расширении круга источников личного происхождения за счет эссеистики и исповедей, а в том, что нами рассматриваются мемуары-автобиографии и мемуары - «современные истории» как два вида исторических источников, отличающихся по своим первичным социальным функциям.

Итак, представленная в настоящем учебном пособии система хотя и не противоречит абсолютно сложившейся в отечественной историографии, но существенно отличается от нее. Причина этого заключается в привлечении не только российского, но и западноевропейского материала.

5. Мемуары - «современные истории»

В первую очередь, требует пояснения сам термин. Выше отмечалось, что отечественная историография не разделяет мемуары на виды, а выделяет этапы становления и развития мемуаристики; однако выход за пределы источников только российской истории заставляет выделять эту группу мемуаристики, поскольку именно она наиболее характерна для западноевропейской источниковой базы. За неимением лучшего авторы используют термин, принятый в англоязычной историографии (Contemporary History), а также по смыслу соответствующий самоопределению данного вида во французской традиции.

Мемуары - «современные истории» - вид источников личного происхождения, целью которых является индивидуальная фиксация общественно значимых событий с целью передать их в эволюционном целом.

Признано, что начало данному виду положили «Мемуары» Филиппа де Коммина, написанные в конце XV в. и впервые опубликованные в 1524 г. Сам автор следующим образом определял цель создания своих мемуаров и свое понимание особенностей этого жанра:

Монсеньор архиепископ Вьеннский, удовлетворяя Вашу просьбу, с коей Вы благоволили ко мне обратиться, - вспомнить и описать то, что я знал и ведал о деяниях короля Людовика XI, нашего господина и благодетеля, государя, достойного самой доброй памяти (да помилует его господь!), я изложил как можно ближе к истине все, что смог и сумел вспомнить... <...> ...Хронисты обычно пишут лишь то, что служит в похвалу тем лицам, о которых они говорят, и о многом умалчивают или же подчас не знают правды. А я решил, невзирая на лица, говорить только о том, что истинно и что я видел сам или узнал от достаточно важных персон, которые достойны доверия. Ведь не бывает, надо полагать, столь мудрых государей, что ни ошибались бы иногда, а при долгой жизни - и частенько. Но такими они и их дела предстают тогда, когда о них сказана вся правда. Самые великие сенаты и консулы, какие только были и есть, заблуждались и заблуждаются, и это можно наблюдать каждодневно... <...> ...Хотя меня не было на месте этих событий, я был осведомлен о том, как там идут дела, в которых хорошо разбирался, поскольку имел о них представление и знал, в каком положении находятся обе стороны; позднее мне о них рассказали те люди с той и другой стороны, которые их вели...150

Недаром мемуарист сравнивает свой труд с трудом хрониста: ведь мемуары - «современные истории» восходят именно к хроникам в отличие от мемуаров-автобиографий, которым в европейской традиции предшествует биографика.

В России произведения, написанные с аналогичной целью - запечатлеть в памяти историческое событие, появляются в XVII в. Сильвестр Медведев - современник и участник событий периода регентства Софьи Алексеевны - создал труд с примеча-

тельным названием «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же, что содеяся во гражданстве». Самоназвание источника - «созерцание» - свидетельствует о намерении описать то, чему автор был свидетелем, а сам он так понимал свою задачу:

...Подобает нам содеявшия в наша времена какие-либо дела не придавать забвению...<...>...Писанием оставити вежество, ибо мнози о тех делах глаголют и соперство между себе творят... абаче инии истинствовати не могут...

Младший современник Сильвестра Медведева А.А. Матвеев также пишет записки с аналогичной целью:

...Сей автор не за любочестие свое и не праздную себе хвалу, но для общей всех памяти о там попишется сей малый труд принять, дабы всегда в Российском государстве благоразумные и любопытные читатели, вразумляющиеся полезно, к будущему известно своему, для познания родящихся сыновей своих от род в род оставляли незабвенно...

В Европе в XVII в. рассматриваемый вид источников личного происхождения вполне сформировался. В Англии к этому времени относится «История восстания» («The History of Rebellion») Э.Х. Кларендона*, повествовавшая о событиях гражданской войны 1642-1660 гг., в которой автор участвовал на стороне короля. В конце XVII в. епископ салисберийский Гильберт Бюрнс написал произведение с символичным названием «История моего собственного времени» («The History of My Own Times»). Бюрнс постоянно перерабатывал свой труд и готовил его к публикации.

Классикой данного вида являются мемуары французского вельможи Л. де Рувруа Сен-Симона, который не только создал обширное произведение о событиях, современником которых он был, и о людях, в них участвовавших, но и дал пример осмысления задач «современной истории».

Сен-Симон. Из предисловия к мемуарам «О дозвоительности писания и чтения исторических книг, особенно тех, что посвящены своему времени» (июль 1743 г.):

Во все века изучение истории считалось столь достойным занятием, что, думается, было бы пустой тратой времени приводить в защиту этой истины несчетные высказывания самых уважаемых и ценимых авторов... <...> ...Уж если, учаь ручному труду, нельзя обойтись без наставника, по крайности без наглядного примера, то тем более нужны они в различных умственных и научных занятиях, где невозможно руководствоваться только зрением и прочими чувствами.

А коль скоро лишь уроки, полученные от других, делают разум способным усвоить то, что он должен усвоить, нет науки, без коей было бы трудней обойтись, нежели история... <...>...Для достойного выполнения своей задачи автор всеобщей или частной истории обязан досконально изучить предмет посредством уг-

*Граф Эдуард Хайд Кларендон (1609-1671) - лорд-канцлер Англии в 1660-1667 гг. Во время Английской революции был одним из лидеров роялистов.

любленного чтения, точного сопоставления и оттого сравнения других тщательнейшие отобранных авторов, разумной и ученой критики, и все это должно подкрепляться большой образованностью и остротой суждения. Я именую всеобщей историей ту, что является таковой, ибо обнимает много стран, много веков жизни церкви или одного народа, несколько царствований либо одно очень давнее или важное религиозное событие. Частной я именую историю, если она относится к временам автора и его стране, повествуя о том, что происходит у всех на глазах; и, будучи более узким по охвату, подобный исторический труд должен содержать гораздо больше мелких подробностей и вводить читателя в жизнь действующих лиц, чтобы ему казалось, будто он не читает историю или мемуары, а сам посвящен в тайны того, что перед ним изображают, и воочию видит то, о чем ему рассказывают. Такой жанр требует цепетильной точности и достоверности каждого сюжета и каждой черты... особенно же важно, чтобы, описывая события, сочинитель опирался на источники, личные впечатления или рассказы своих близких друзей; в последнем случае самолюбие, дружба, неприязнь и собственная выгода должны приноситься в жертву истинности даже наимельчайших и наименее важных подробностей <...> Писать историю своей страны и своего времени - значит тщательно и обдуманно воскрешать в уме виденные, пережитые, узнанные из безупречного источника, события на театре жизни, различные их механизмы и подчас ничтожные на первый взгляд пустяки, которые привели в движение пружины этих механизмов <...> Поучительность ее воспитывает для жизни в свете, общения с людьми и в особенности для занятий делами. Примеры, которые почерпывают в ней читатели, направляют и остерегают их тем легче, что живут последние в тех же местах, где произошли события, и во времена, еще недостаточно отдаленные, чтобы нравы и образ жизни, правила обхождения и поступки существенно изменились. Каждый мазок авторской кисти вооружает рекомендациями и советами в отношении изображаемых лиц, поступков, стечений обстоятельств и следствий, ими вызванных, но эти рекомендации и советы насчет предметов и людей извлекаются самими читателями и воспринимаются ими тем легче, что они свободны от многословия, сухости, навязчивости, докучности, кои делают неприятными и бесплодными рекомендациями и советами тех, кто навязывает их нам. Итак, я не вижу ничего, что было бы полезнее этой двойной отменной возможности просвещаться, читая историю своей страны и своего времени, и, следовательно, ничего более дозволенного, чем писать последнюю <...> Тот, кто пишет историю своего времени, стремясь только к правде и никого не щадя, всячески старается скрыть, чем занимается... Следовательно, автор, ежели только он не решил ума, ни за что не позволит, чтобы его заподозрили в написании истории. Он даст книге созреть, упрятав ее под ключ и надежные замки, так же тайно передаст своим наследникам, а то благоразумно выждут одно-два поколения и выпустят ее в свет не раннее, чем время станет ей защитой от преследований...¹⁵¹

Иногда в мемуары - «современные истории» перерастают мемуары или дневники, которые автор начинал писать «для себя». Например, Арман де Коленкур - автор хорошо известных мемуаров о наполеоновских войнах - пишет:

...Когда я начал вести свои записи, я не преследовал другой цели, кроме желания отдать себе отчет в своей жизни, в своих впечатлениях и своих поступках. По потом эти заметки показались мне материалами, дающими необходимое дополнение к официальной части моей посольской корреспонденции и, может быть, даже к истории этой великой эпохи, ибо все, что относится к России, имеет для этой истории существенное значение, так как Россия в мировых делах занимала тогда первое место после Франции¹⁵².

В России Отечественная война 1812 г. также породила обширный корпус мемуарных произведений¹⁵³. Примечательность его в том, что он инициирован общественно значимым событием. И далее на протяжении XIX-XX вв. любое общественно значимое событие вызывало к жизни более или менее обширную мемуаристику. Такого рода «социальный заказ» неизбежно влиял и на содержание мемуаров: авторы, освещавшие одно и то же событие, не могли не учитывать уже высказанные другими авторами (не обязательно мемуаристами, но и публицистами, историками) точки зрения, консолидируясь или полемизируя с ними.

К началу XX в. принадлежат, например, мемуары С.Ю. Витте, написанные фактически в ответ на газетную полемику вокруг инициированных им реформ.

Очевидно, что мемуары - «современные истории» уже в момент написания рассчитаны на публикацию. Однако почти на протяжении всего рассматриваемого периода авторы предполагают публикацию спустя какое-то время, иногда весьма продолжительное. Об этом писал Сен-Симон, так же относился к своим мемуарам через полтора века С.Ю. Витте.

6. Мемуары-автобиографии

Мемуары-автобиографии - вид источников личного происхождения, целью которого является установление вторичных социальных связей мемуариста в эволюционном целом. Мемуары-автобиографии преследуют чаще всего внутриfamilialные цели, предназначаются непосредственным потомкам. Для них, по крайней мере на первом этапе их существования, характерен произвольный отбор информации в соответствии с индивидуальными представлениями мемуариста.

В России мемуары-автобиографии восходят к житийной традиции, поскольку в российском средневековье не было других биографических жанров, в отличие от Западной Европы (достаточно вспомнить хотя бы классику вида - биографию Карла Великого).

Как уже отмечалось, исследование мемуаров-автобиографий затруднено из-за отсутствия общественного механизма их сохранения.

Во многом автобиографично «Житие протопопа Аввакума» (1072-1075). Аввакум так оправдывает свое неслыханное предприятие:

Аввакум протопоп понужден бысть житие свое написати иноком Епифанием, - понеже отец ему духовной инок, - да не забвению предано будет дело божие;

*и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему... <...>
...По сему всякого правоверного прощения прощу; иное было, кажется, про житие-то мне и не подобно говорить, да прочтах Деяния апостольская и Послания Павлова, - апостолы о себе возвещали же, егда что бог соделает в них; не нам, богу нашему слава. А я ничто же есм...*¹⁵⁴

Житийная традиция (житие-мартиролог) однозначно прочитывается в мемуарах Натальи Борисовны Долгорукой, хотя это уже мемуары в чистом виде.

Классикой вида мемуаров-автобиографий, несомненно, являются мемуары А.Т. Болотова. Остановимся на них подробнее, с тем чтобы выявить специфику данного вида и сравнении с мемуарами - «современными историями».

В соответствии с заявленным подходом обратимся сначала к личности мемуариста - и сразу же обнаружим парадоксальное явление: Л.Т. Болотов известен в нашей истории почти исключительно как мемуарист, т. е. не мемуары интересны нам потому, что написаны известным историческим лицом, участником исторических событий, а личность приобрела известность потому, что была автором одного из обширнейших мемуарных произведений в русской истории. Но интересные мемуары не могут быть написаны заурядным человеком. Незаурядность А.Т. Болотова - в абсолютной типичности его судьбы, о которой сам мемуарист писал: «...в ней нет никаких чрезвычайных и таких достопамятных и важных происшествий, которые бы достойны были переданы быть свету».

Андрей Тимофеевич Болотов родился 7(18) октября 1788 г. в семье офицера и, по обыкновению того времени, малолетним был зачислен в полк, которым командовал его отец. А.Т. Болотов получил типичное домашнее образование, изучал немецкий и французский языки, некоторое время учился в частном пансионе. В 17 лет, уже осиротев, он поступил на действительную службу, вскоре получил офицерский чин и участвовал в Семилетней войне. Во время одного из главных сражений этой войны, при Грос-Егерсдорфе (1757), полк, в котором служил А.Т. Болотов, находился в резерве и Болотов описал это сражение как близкий наблюдатель. И эта позиция - позиция наблюдателя - становится для него обычной: он был свидетелем, но не участником многих событий второй половины XVIII в., которые и описал в своих мемуарах. Это Семилетняя война, кратковременное правление Петра III, «чумной бунт» 1771 г. в Москве, Пугачевское восстание (впрочем, прошедшее стороной от его имени) и казнь Пугачева, события начала правления Павла I и многое, многое другое.

XVIII в. - век чиновников. После завоевания Восточной Пруссии Болотов служил в канцелярии русского военного губер-

натора П.А. Корфа, который, став санкт-петербургским генерал-полицейстером, в начале 1762 г. сделал Болотова своим адъютантом. На короткое время Болотов стал очевидцем событий в Петербурге. Воспользовавшись возможностью, предоставленной манифестом от 18 февраля 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», Болотов вышел в отставку и приступил к благоустройству своего имения Дворениново в Тульской губернии. Многие из ушедших в отставку по Манифесту о вольности дворянства вскоре вернулись на службу. Не избежал итога и Болотов, хотя на сей раз служба его была не совсем традиционной: с 1774 г. он управлял Киясовской, а затем Богородицкой дворцовыми волостями. Нетрадиционность службы не помешала Болотову при выходе в отставку, после перехода Богородицких волостей в собственность графа Бобринского, в 1707 г. получить чин коллежского асессора. С этого времени и до конца жизни он жил в своем имении. Если и во второй половине XVIII в. жизнь молодого Болотова не была богата событиями, тем более исторического характера, то в XIX в. мемуарист стал вполне типичным помещиком, почти безвыездно жившим в своем имении и занимавшимся сельским хозяйством. Умер А.Т. Болотов 7 (19) октября 1833 г., прожив ровно 95 лет.

Увлечения Болотова были также вполне традиционными для его времени. XVIII в. - век энциклопедистов, и Болотов был увлечен пауками, в первую очередь агрономией. Его труд «Изображения и описания разных пород яблоков и груш, родящихся в Дворенинских, а отчасти и в других садах; рисованы Андреем Б. 1797-1800» позволяет считать Болотова родоначальником отечественной помологии. Он разводил новые для XVIII в. культуры - помидоры, луговые травы; предложил свою систему землепользования. Болотов занимался практическим врачеванием в своем имении в исследованиями в области медицины, результатом чего стала его работа «Краткие и на опытности основанные замечания о электризме и о способности электрических машин к помоганию от разных болезней» (1803). В XVIII в. российская наука оформлялась организационно, возникали научные общества. Наиболее известным из них было Вольное экономическое общество (ВЭО), созданное в русле не только отечественной, но и общеевропейской традиции XVIII п. В 1767 г. Болотов стал членом ВЭО и активно сотрудничал в издаваемых им «Трудах».

Вторая половина XVIII в. - время зарождения русских журналов, и Л.Т. Болотов в 1778-1779 гг. издает журнал «Сельский житель», а с 1780 по 1789 г. как приложение к газете «Московские ведомости» и при сотрудничестве с Н.И. Новиковым - журнал с традиционно для XVIII в. длинным названием «Экономический

магазин, или Собрание всяких экономических известий, опытов, открытий, примечаний, наставлений, записок и советов, относящихся для земледелия, скотоводства, до садов и огородов, до лугов, лесов, прудов, разных продуктов, до деревенских строений, домашних лекарств, врачебных трав и до других всяких нужных и не бесполезных городским и деревенским жителям вещей в пользу российских домостроителей и других любопытных людей образа журнала издаваемой».

Екатерининская эпоха - период философских увлечений, и Болотов публикует философские труды «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожой и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» (1776-1779), «Чувствование христианина при начале и конце каждого дня на неделе, относящееся к самому себе и к Богу» (1781) и «Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философских рассуждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению онаго» (1784).

XVIII в. - время становления русской литературы, драматургии, театра, и А.Т. Болотов пишет пьесу «Нещастная сироты» (1781) и делает несколько переводов литературных произведений. Ил «увлечений» своего века Болотову удалось избежать лишь участия в дворцовых переворотах, хотя он достаточно близко был знаком с Г. Орловым и последний попытался вовлечь Болотова в заговор против Петра III, а также участия в масонских обществах, несмотря на длительное знакомство и деловые отношения с Н.И. Новиковым.

На протяжении многих десятилетий А.Т. Болотов вел дневники. По свидетельству его внука, после отставки в 1797 г. и почти до последних дней своей долгой жизни Болотов начинал день с записей в «Книжке метеорологических замечаний», «Журнале вседневных событий» и «Магазине достопримечательностей и достопамятностей». Эта разделенность обыденных и примечательных событий говорит о том, что Болотов и в XIX в. продолжал воспринимать себя не как деятеля, а как наблюдателя.

Итак, с одной стороны, вполне заурядная судьба, а с другой стороны, многоаспектная реализация творческих устремлений в самых разных сферах - от медицины до философии. Каково же место мемуаров в жизни Болотова? Зачем он на протяжении многих десятилетий изо дня в день писал воспоминания?

Свои уникальные как по объему, так и по абсолютной типичности для XVIII в. мемуары Л.Т. Болотов начал писать в 1789 г. 9 января 1811 г. в 248-м письме своих «записок», относящемся к событиям 1789 г., он пишет:

Я занимался отчасти продолжением своих экономических сочинений для журнала, отчасти затеванием кой-каких новых письменных работ, но из коих только две получили в свое время свое порядочное основание. Первое состояло в основании побочных исторических записок, относящихся до всего нашего отечества... А второе состояло в пристальнейшем продолжении описания собственной моей жизни и всех бывших со мною происшествий...

Хотя отдельные попытки писать мемуары А.Т. Болотов предпринимал и раньше, по 24 января 1789 г. он приступил к мемуарам вновь и - что примечательно - одновременно с началом работы над историческим заметками.

Не тщеславие, и не иныя какая намерения побудили меня написать сию историю моей жизни, - пишет А. Т. Болотов - ...Мне во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были так нерадивы, что не оставили после себя ни малейших письменных о себе известий, и через то лишили нас, потомков своих, того приятного удовольствия, чтоб иметь о них, и о том, как они жили, и что с ними в жизни их случалось и происходило, хотя некоторое небольшое сведение и понятие... Я винил предков моих за таковое небрежение и не хотя сам сделать подобную их и непростительную погрешность, и таковые же жалобы навлечь со временем и на себя от моих потомков, рассудил потребить некоторые праздные и от прочих дел остающиеся часы на описание всего того, что случилось со мною во все время продолжения моей жизни.

А.Т. Болотов не понимал, да и не мог понять, что не нерадивость предков виною тому, что они не писали мемуаров. Стремление «запечатлеть для современников и потомства опыт своего участия в историческом бытии, осмыслить себя и свое место в нем» могло появиться лишь у человека, сознающего свою отделенность от окружающего его социума и понимающего ценность своего индивидуального опыта. И Болотов стремился передать именно свой индивидуальный опыт, а не «историческое бытие». Типична для XVIII в. и адресность мемуаров Болотова:

...писал сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведение...

И мемуарист не лукавит. Подтверждение тому - аккуратное оформление рукописи, переплетенной в отдельные тома приблизительно равного объема, с виньетками и заставками, рисованными пером самим автором.

А.Т. Болотов формулирует «принцип отбора» событий таким образом:

...При описании сем старался я не пропускать ни единого происшествия, до которого достигала только моя память и не смотрел, хотя бы иныя из них и самая маловажная, случившиеся еще а нежнейшая лета моего младенчества... <...> ...А как я писал сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей, и тех из моих родственников и будущих потомков, которые похотят обо мне иметь сведение: то и не заботился я о том, что сочинение сие будет несколько пространно и ве-

*лико; а старшим только, чтобы чего не было пропущено, почему в случаи сего кому из посторонних случится читать сие прямо набею писанное сочинение, то и прошу меня в том и в ошибках благосклонно извинить...*¹⁵⁵

Естественно, что руководствоваться такими «критериями» отбора при написании «современной истории» невозможно.

Как уже отмечалось, писание мемуаров не было распространенным занятием в России XVIII в. Однако на рубеже XVIII-XIX вв. появился комплекс мемуаров, объединенных сходным социальным составом их авторов, - мемуары провинциальных чиновников, порождение губернской реформы 1775 г.

В связи с рассмотрением законодательных актов и учетной документации говорилось, что создание большого количества новых чиновничьих и канцелярских мест в системе местного государственного аппарата породило определенный дефицит кадров. Это заставляло пополнять государственный аппарат выходцами из непривилегированных сословий. В этот период служащие в местные учреждения набирались - кроме, естественно, дворян - из среды церковно- и священнослужителей; приказных, подьяческих и секретарских детей; обер-офицерских, солдатских детей, из купечества и даже из отпущенных на волю крепостных крестьян и господских людей. Кардинальные изменения в социальном составе местного чиновничества произошли в очень короткие сроки, уже к началу 80-х годов. Эти изменения не остались незамеченными и современниками-мемуаристами. Один из них, И.И. Мешков, писал в своих записках: «По новости Саратовской губернии, в канцелярских служителях по всем присутственным местам была общая потребность и, стало быть, не предстояло не малейшего затруднения быть принятым на службу немедленно»¹⁵⁶. Кстати, прадед мемуариста был крепостным, отпущенным помещиком на волю в 1748 г. Сам же И.И. Мешков, поступив на службу при открытии Саратовской губернии, в 1782 г., в возрасте 15 лет, стал копиистом, в 1784 г. - подканцеляристом, 16 марта 1787 г. был произведен в канцеляристы, а 23 ноября того же года - в губернские регистраторы. Первый классный чин коллежского регистратора он получил 1 декабря 1791 г., т. е. после десяти лет канцелярской службы.

Писал об этом и выходец из крестьян Л.А. Травин, отец которого «находился крепостным графа Павла Ивановича Ягужинского и его жены»: «...при наступлении 1778 года открылось Псковское наместничество... Тогда свободно было вступать имеющим вечные отпускные в приказные чины»¹⁵⁷. На это же указывали и мемуаристы-дворяне, например Г.С. Винский, который замечал: «Судебные места умножены с умножением в них чиновников, так что иная губерния, управляемая прежде 50-ю чиновни-

ками, разделившись по сему учреждению на четыре наместничества, в каждом имела до 80 судей. Умножение судейских мест, конечно, открыло многим бедным семействам средства к существованию...»¹⁵⁸. Развитие этой тенденции в начале XIX в., после министерской реформы, уже в рамках системы центральных государственных учреждений, описал другой мемуарист - Ф.П. Лубяновский (кстати, с 1819 г, Пензенский гражданский губернатор):

Нынче сто рук нужны там, где тогда одиннадцатая была лишнею. Едва ли однако же это можно безусловно приписать лишь разделению работы, впрочем до роскоши дробному. Нужда здесь, кажется, сама о себе промышляет: тысячи молодых людей всякого звания, редкий из них не нищий, приготавливают себя по отеческому преданию к статской службе дома, в судах, в магистратских, публичных заведениях, и как на море волна за волной, так они толпа за толпой спешат выйти на этот берег. Изъяв немногих, которым способности, более или менее обработанные наукою, и еще немногих, которым счастливые случаи пролагают дорогу; большая часть, и то не все правильно, изучают одно ремесло, не мудреное, но в их глазах выше всякой промышленности, ремесло владеть пером как челноком за ткацким станом, этим ремеслом начинают и оканчивают служебное поприще, не приготовив себя ни к чему иному, не имея к тому и способов¹⁵⁹.

В ходе губернской реформы не только создавалась новая система местных государственных учреждений, но и формировался новый тип чиновника - выходец из разночинцев или податных сословий по социальному происхождению и маргинала по своей социальной сущности. Такой «маргинальный» тип чиновника - тип исключительно российский. Он мог возникнуть лишь в специфических российских условиях целенаправленного формирования и длительной консервации сословного деления общества.

Для провинциального чиновника конца XVIII в. характерно сочетание извечного чиновничьего превосходства и определенной социальной ущербности - сочетание, с психологической точки зрения, не столь уж редкое и вполне понятное. Свидетельством осознания мелкими чиновниками своей социальной значимости являются их мемуары, причем не только, а может быть, и не столько содержание мемуаров, сколько сам факт их писания, однозначно говорящий о самоосознании личности. Значительный интерес представляют мемуары П.С. Батурина, Г.С. Винского, Г.И. Добринина, Т.П. Калашникова, Ф.П. Лубяновского, И.И. Мешкова, Ф.П. Печерина, М.С. Ребелинского, Я.И. де-Санглена, Л.А. Травина, И.А. Тукалевского, В.С. Хвостова¹⁶⁰.

Чувство чиновничьего превосходства во многом основывалось на осознании феномена могущества канцелярии. Глубокие размышления или отдельные наблюдения на эту тему можно найти у многих мемуаристов. Например, П.С. Батурин писал:

«При первом моем входе в судилище я почувствовал некое священное движение в душе моей, происходящее от воображения, что от должности судящих зависит благосостояние и жизнь человека»¹⁶¹. Но далее Батурин, подробно описывая порядки в учреждении, показал, что реальная власть была у секретаря канцелярии и основывалась она, по мнению мемуариста, на исключительном преимуществе знания законов, с которыми чиновники присутствия обычно не имели охоты знакомиться; а те же, кто хотели это сделать, включая и самого Батурина, наталкивались на сопротивление канцелярии:

Секретари, хотя имели некоторый собрания под названием «Свода законов», но они с ревностно хранили их от желающих познать оныя, а паче от присутствующих, подобно древним Гиерофантам, хранившим тайны свои, дабы не потерять уважения от несмышленных; так и секретари судебных мест, дабы они могли руководствовать в делах судящими и быть указателями законов, но мера прибыли, им от такого присвоения приносящей, укрывали законы от присутствующих.

Описывая те препятствия, с которыми ему пришлось столкнуться при стремлении изучить законодательство, П.С. Батурин отмечает и такое:

В каком источнике оное познание черпать надлежало, мне было не известно, ибо законов печатных не много тогда было и те, кроме некоторых указанных книг, печатны были порознь и не во всяком присутственном месте находились»¹⁶².

Это свидетельствует о малой эффективности усилий правительства, направленных на публикацию законодательных актов, предусмотренную, в частности, еще объявленным из Сената указом от 16 марта 1714 г. «О обнародовании всех именных указов и Сенатских приговоров по Государственным генеральным делам». Но поскольку, согласно именному указу от 22 января 1724 г. «О важности государственных уставов и о неотговорке судьям неведением законов по производимым делам под опасением штрафа», незнание закона чиновником рассматривалось как преступление, члены присутствия всячески старались продемонстрировать свою компетентность. Например:

Председатель притворялся, будто он читаемое дело понимает, а когда доходило до выписок под экстрактами из законов, тогда он читать их не приказывал, желая через то показать, что он законы и без чтения знает...»¹⁶³.

Естественно, что при таком отношении членов присутствия служащие канцелярии ощущали свою значимость, несмотря на невысокие чины.

Основания для особого самоощущения чиновников в сравнении с другими представителями покинутой ими социальной

группы (мещане, купцы, дети священников) давала перспектива повышения социального статуса с получением очередного чина - вплоть до потомственного дворянства с чином коллежского асессора (VIII класс), открываемая перед чиновником петровской Табелью о рангах. Чин выступает для государственного служащего как ценность, равноположенная, а иногда и более значимая, чем жалованье: «В России человек без чина, - по утверждению Г.И. Добринина, - человек без звания»¹⁶⁴. Однако здесь выходцев из непривилегированных сословий ждало разочарование. При чинопроизводстве явное предпочтение отдавалось дворянам, что прекрасно осознавали все государственные служащие. В частности, Ф.П. Печерин, описывая получение им чина коллежского асессора в 1806 г., отмечал: «Причиной моего долговременного бытия в 9 классе непредставление, отчасти по беспечности, грамоты на дворянство или достаточного свидетельства о службе предков»¹⁶⁵.

И это заставляло приподнявшегося над своим сословием купца или сына священника постоянно ощущать свою ущербность. Особенности самосознания провинциальных чиновников - выходцев из непривилегированных сословий нашли отражение в их мемуарах. В них чиновники уделяли значительное внимание вопросам чинопроизводства и вознаграждения за службу, фактически свидетельствуя о действенности законодательных усилий правительства, направленных на сохранение дворянского характера государственного аппарата. Так, И.И. Мешков пишет о конце 80-х годов:

Классных же чинов гражданским чиновникам тогда не давали, по случаю приостановления производства года на четыре, по протесту обер-прокурора Правительствующего Сената Колоколыцева, так как оно шло беспорядочно и неуравновешенно: ибо я помню, что иные по два чина в год получали, а другие и в несколько лет ни одного. Поэтому-то впоследствии и вышел известный указ 1790 г. о терминах на все чины до надворного советника включительно.

Он также отмечает эффективность и другой законодательной нормы, связанной с чинопроизводством: «...чинов в то время никому не давали, кроме как на вакансии»¹⁶⁶. После этого, по свидетельству другого мемуариста Я.И. де-Санглена, награждение чинами происходило, как правило, «...не по знанию, не по достоинству, а по назначению и старшинству»¹⁶⁷, что вполне соответствовало принципам указа от 16 декабря 1790 г. В целом мемуаристы отмечают эффективность названного указа и четкость порядка чинопроизводства после его издания. Пожалуй, лишь В.Ф. Малиновский в своих мемуарах пишет о «торговле чинами» (правда, не в провинции, а в Петербурге) и «по слухам» приводит даже такой неприглядный факт: «Ныне слышал, что одному

коллежскому секретарю захотелось ассессорского чина. У него была дочь красавица. Ему сказали, что если ее отпустить на ночь к (ген. ад.) А.Б., то ему будет чин. Он отпустил дочь и за ее честь получил чин»¹⁶⁸. Но, на наш взгляд, такие свидетельства В.Ф. Малиновского скорее можно объяснить плохим характером мемуариста.

Часто, сетуя на задержку чинопроизводства, мемуаристы обращают внимание на привилегированное положение дворян, которые могли начинать службу на военном поприще или служить по выборам. Интересно в этом плане свидетельство Я.И. де-Санглена: «Тогда ни единый дворянин не начинал службы с коллежского регистратора, разве больной, горбатый и проч., и переходил в статскую, по крайней мере, в штаб-офицерском чине...»¹⁶⁹.

И.И. Мешков, описывая в своих «Записках» баллотировку уездного предводителя дворянства, отмечает: «Особливого примечания заслуживает оказавшееся при открытии губернии рвание дворянства служить по выборам: каждый за особливую себе честь поставлял быть избранным в какую-либо должность»¹⁷⁰.

Правда, у выходцев из непривилегированных сословий была возможность ускорить чинопроизводство. И эта возможность не осталась незамеченной мемуаристами. В.С. Хвостов, в частности, так описывал набор чиновников для службы в Иркутской губернии: «Для поощрения же, чтобы туда ехали люди способные, испросили по два чина; следовательно, сделался я из капитанов надворным советником и был определен советником в гражданскую палату...»¹⁷¹.

Кстати, то, что в качестве поощрения за службу используется преимущественное чинопроизводство, а не повышенное жалование, весьма примечательно.

Вопросы вознаграждения за службу также занимали мемуаристов. Значительное место в мемуарах чиновников уделяется денежному жалованию. Г.С. Винский, отмечая, что «умножение судебных мест... открыло многим бедным семействам средства к существованию», пишет, что «...жалованье по тогдашнему времени назначено было довольно достаточное»¹⁷². Как вполне достаточное оценивали свое жалованье сами чиновники. Т.П. Калашников в мемуарах, описывая получение им жалованья при поступлении на службу, пишет: «...первой раз за первую треть получил жалованье 93 копейки - великая для меня сумма». И конечно же, для мелких канцелярских служащих весьма ощутима была прибавка жалованья при занятии более высокой должности. Тот же Т.П. Калашников замечает: «...в 21-е апреля 1776 года сделан был подканцеляристом, а с чином и жалованья уже стал полу-

чать 60 рублей в год»¹⁷³. Получение жалованья считает значимым фактом своей жизни титулярный советник М.С. Ребелинский. 15 сентября 1794 г. он записывает в дневнике: «Жалованья получил 82 р. 10 к. в треть»¹⁷⁴. О жалованье как о единственном источнике существования пишет и И.И. Мешков, правда, применительно уже к началу XIX в.: «Без должности оставаться было мне невозможно, так как у нас с женою особенных средств к жизни не было, и мы жили одним только моим жалованьем»¹⁷⁵.

Итак, в мемуарах основное внимание уделяется вопросам службы, особенно чинопроизводства, и получения жалованья. Однако никакого стремления запечатлеть ход истории или хотя бы какие-нибудь исторические реалии здесь не обнаруживается.

В XIX в. мемуары-автобиографии отходят на второй план, будучи отнесенными мемуарами «современными историями», и в дальнейшем общественный интерес вызывают (а значит, становятся широко известными) мемуары-автобиографии преимущественно творческих деятелей, хотя механизм отбора фактов изменяется под усилившимся влиянием социальной среды.

7. Эссеистика

ЭССЕ - вид исторических источников, предназначенных для передачи уникального опыта индивидуума в коэкзистенциальном целом. Эссеист излагает свое мнение по произвольно выбранной им или по общественно значимой проблеме. Существенно важно, что, в отличие от публициста, эссеист не выступает от имени какой-то социальной группы,

Эссеистика как вид исторических источников нового времени восходит к «Опытам» М. Монтеня (1581), в которых он сообщает свое мнение по самым разным проблемам, например: о скорби, о стойкости, о уединении.

Мишель Монтень

К читателю.

Это искренняя книга, читатель. Она с самого начала предупреждает тебя, что я не ставил себе никаких иных целей, кроме семейных и частных. Я нисколько не помышлял ни о твоей пользе, ни о своей славе. Силы мои недостаточны для подобной задачи. Назначение этой книги — доставить своеобразное удовольствие моей родне и друзьям: потеряв меня (а это произойдет в близком будущем), они смогут разыскать в ней кое-какие следы моего характера и моих мыслей и, благодаря этому, восполнить и оживить то представление, которое у них создалось обо мне. Если бы я писал эту книгу, чтобы снискать благоволение света, я бы принарядился и показал себя в полном параде. Но я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным, ибо я рисую не кого-либо, а себя самого. Мои недостатки предстанут здесь как живые, и весь облик мой таким, каков он в действительности, насколько, разумеется, это совместимо с моим уважением к публике. Если бы я жил между тех пле-

мен, которые, как говорят, и посейчас еще наслаждаются сладостной свободой изначальных законов природы, уверяю тебя, читатель, я с величайшей охотой нарисовал бы себя во весь рост, и притом нагишом. Таким образом, содержание моей книги - я сам, а это отнюдь не причина, чтобы ты отдавал свой досуг предмету столь легковесному и ничтожному. Прощай же!

Первого марта тысяча пятьсот восемьдесят года¹⁷⁰.

Если ориентироваться только по этому обращению, вполне можно принять произведение Монтеня за мемуары. Действительно, Монтень излагает свой личный опыт, однако в его произведении почти отсутствует ретроспективная информация.

В дальнейшем эссеистика получила достаточно широкое распространение в Западной Европе. Эссеистика и по сию пору выступает как форма научного гуманитарного произведения (например, «Опыт о даре» М. Мосса).

В России этот вид исторических источников был распространен чрезвычайно мало. Лучшим свидетельством тому является отсутствие в русском языке слова для адекватного перепада французского слова *essai* (его переводят то как «опыт», то как «очерк»). По-видимому, первые, весьма немногочисленные, произведения этого вида появились в России в начале XIX в. - например, «Избранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя или «Философические письма» П.Я. Чаадаева. Но очень быстро эссеистика была подавлена публицистикой, личностная позиция подчинена общественному интересу. Впоследствии эссеистика осталась как один из философских жанров. Произведениями такого жанра являются, например, «Уединенное» В.В. Розанова, «Роза мира» Д.Л. Андреева и др.

В целом отсутствие развитой эссеистики, в частности в литературной, научной и философской сфере, - характерная особенность структуры российской источниковой базы. Осознание этого факта позволяет лучше понять российскую ментальность, характер взаимосвязи личности и общества.

8. Исповедь

ИСПОВЕДЬ - вид философских произведений, утверждающих уникальность человеческой индивидуальности. Такое предназначение данного вида исторических источников сближает его с эссеистикой.

Жанр исповеди нельзя отнести к распространенным, но он принципиально важен для понимания источников нового времени. Во-первых, необходимо строго разграничивать «исповедь» в системе источников нового времени от средневековых источников с тем же названием (например, «Исповедь блаженного Авгу-

стина»). Средневековые источники носят явно выраженный теологический и нравоучительный характер.

Начало виду в системе источников нового времени положила «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо, написанная во второй половине 1760-х годов. Попробуем разобраться, в чем заключается цель создания данного произведения. Если ориентироваться только на формальные признаки, принятые в отечественной историографии при характеристике мемуаров, то произведение Руссо вполне можно было отнести к мемуарам: в центре повествования - личность автора, он по памяти воспроизводит события своей жизни, а понятие об «историческом самосознании» как первичной социальной функции мемуаристики слишком расплывчато для того, чтобы использовать его в качестве практического критерия. Руссо, казалось бы, не отбирает события, Он пишет обо всем, о чем вспомнит, вплоть до мелочей, и в этом он похож на А.Т. Болотова; но произведение Руссо содержит еще более мелкие, мало значимые детали его жизни. Ключ к пониманию смысла произведения - в первых его абзацах:

Я предпринимаю дело беспримерное, которое не найдет подражателя. Я хочу показать своим собратьям одного человека во всей правде его природы, - и этим человеком буду я.

Я один. Я знаю свое сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то, по крайней мере, не такой, как они. Хорошо или дурно сделала природа, разбив форму, в которую она меня отлила, об этом можно судить, только прочтя мою исповедь.

Пусть трубный глас Страшного суда раздастся когда угодно, - я предстану пред Верховным судьей с этой книгой в руках. Я громко скажу: «Вот что я делал, что думал, чем был. С одинаковой откровенностью рассказал я о хорошем и о дурном. Дурного ничего не утаил, хорошего ничего не прибавил; и если что-либо слегка приукрасил, то лишь для того, чтобы заполнить пробелы моей памяти. Может быть, мне случилось выдавать за правду то, что мне казалось правдой, но никогда не выдавал я за правду заведомую ложь. Я показал себя таким, каким был в действительности: презренным и низким, когда им был, добрым, благородным, возвышенным, когда был им. Я обнажил всю свою душу и показал ее такою, какою ты видел ее сам, всемогущий. Собери вокруг меня неисчислимую толпу подобных мне: пусть они слушают мою исповедь, пусть краснеют за мою низость, пусть сокрушаются о моих злополучиях. Пусть каждый из них у подножия твоего престола в свою очередь с такой же искренностью раскроет сердце свое, и пусть потом хоть один из них, если осмелится, скажет тебе: «Я был лучше этого человека»¹⁷⁷.

Итак, произведение Руссо - философское. Смысл его в утверждении уникальности человеческой индивидуальности в противопоставлении общепринятому мнению эпохи Просвещения о единообразии природы человека.

Другие известные нам исповеди имеют также философский характер (не забудем при этом, что этика - часть философии).

В российской традиции выделим два произведения рассматриваемого вида: «Исповедь» Л.Н. Толстого и «Самопознание» Н.А. Бердяева (хотя последнее произведение и находится вне хронологических рамок данного раздела, но по сути оно тяготеет именно к этой эпохе).

Сопоставление приведенных примеров заставляет сделать вывод о нарастающем влиянии социальной среды на индивидуальность. В произведении Н.А. Бердяева социальный фон гораздо более ощутим, чем в «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо.

ГЛАВА 12

Изменения в корпусе исторических источников при переходе от нового времени к новейшему

1. Проблема перехода от нового времени к новейшему

ОХАРАКТЕРИЗОВАВ в целом источники российской истории XVIII-XIX вв. как источники нового времени и рассмотрев их в связи с корпусом источников европейской истории, мы должны признать, что в границах этого периода явно происходит переход от нового времени к новейшему. Отталкиваясь от разных исторических событий: франко-прусской войны 1870 г., англо-бурской войны начала XX в., первой мировой войны, революции в России, конца первой мировой войны, - можно определить рамки этого перехода: 1870-1918 гг. Вполне очевидно, что границы здесь более определены, чем при переходе от средних веков к новому времени. Но, обосновав в качестве критерия перехода от одной крупной исторической эпохи к другой изменения в корпусе исторических источников, применим его к данной проблеме.

На первый взгляд, нас ожидает разочарование. Ведь мы уже убедились, что в конце XIX - начале XX в. новых видов исторических источников не возникает. Конечно, появляется большое количество разновидностей. Но, во-первых, этот процесс идет постоянно и не делает «качественных скачков» на рубеже веков; во-вторых, его масштабы несопоставимы с масштабами порождения новых видов при переходе от средних веков к новому времени.

Тем не менее существенные изменения происходили в корпусе источников и при переходе к новейшему времени. Этот пере-

ход обусловлен усилением унифицирующего влияния окружающей социальной среды на человеческую личность, а также определяющего влияния социальной группы на самосознание личности, что не могло не отразиться на свойствах основных видов исторических источников.

2. Изменения основных видов исторических источников

На рубеже XIX-XX вв. проявилась тенденция к унификации формы и содержания многих видов письменных источников: делопроизводственных материалов, периодической печати и т. д., вплоть до столь личностного источника, как мемуаристика, отчасти попадающего в зависимость от картины событий, формируемой средствами массовой информации. В целом существенно увеличился удельный вес источников, изначально, уже в момент возникновения, предназначенных к публикации в той или иной форме.

В *законодательстве* растет значение международных договоров. В новейшее время идея приоритета государственного законодательства постепенно вытеснялась идеей приоритета международного права, по крайней мере, в некоторых правовых сферах. И хотя этот процесс протекал очень медленно, учитывать систему международного права при анализе законодательных источников в рамках национальных историй необходимо.

В *статистике* переход к новейшему времени связан с началом преобладания переписей как способа получения статистических данных. Усложнение стоящих перед статистикой задач ведет к применению все более сложных методов анализа статистических данных. Усложнение методик приводит к сложности в интерпретации получаемых результатов. Историк, использующий итоговые данные, должен учитывать это обстоятельство, а историк, обращающийся к первичным материалам статистических обследований, должен помнить, что возможность многоаспектной обработки данных закладывается на уровне программы статистического обследования. Надо также четко различать, получение каких данных является целью обследования, а какие данные необходимы для проверки результата.

Наиболее существенные изменения при переходе от нового времени к новейшему заметны в тех видах исторических источников, которые порождаются в общественной и личностной сферах.

В *периодической печати* газетная периодика преобладает над журнальной, изменяется характер публикуемой информации (яв-

ное стремление к достоверности), а следовательно и источники ее получения (появление информационных агентств, формирование сети собственных корреспондентов). В России с переходом к новейшему времени периодическая печать сращивается с публицистикой. Проявляется отчетливая дифференциация периодической печати, в том числе и по общественно-политическим направлениям. Уточняется адресность отдельных периодических изданий.

Публицистическая составляющая наблюдается и в *источниках личного происхождения*, особенно в мемуаристике, которая все чаще предназначается к немедленному опубликованию.

Появляются новые взаимосвязи внутри видовой структуры. Например, начало издания исторических журналов и, следовательно, расширение публикации источников личного происхождения оказывают обратное влияние на сами эти источники. Рождается мода на писание дневников, что приходится учитывать при анализе целеполагания автора исторического источника. Явно усиливается влияние информационного образа события, создаваемого в том числе и средствами периодической печати (постепенно перерастающими в средства массовой информации) на мемуариста. Это проявляется, прежде всего, в отборе общественно значимых событий, описываемых в мемуарах. Растет и значение знакомства мемуаристов с произведениями друг друга.

Осознание ценности источников личного происхождения приводит к тому, что такие источники, как дневники и частные письма, начинают специально собирать и тщательно хранить. Это обстоятельство, в свою очередь, влияет на авторов уже в момент писания личного дневника или частного письма, поскольку автор (осознанно или бессознательно) предвидит возможность будущей публикации своего произведения.

3. Изменения типологии корпуса исторических источников

Усиление унифицирующего влияния на личность при переходе от нового времени к новейшему во многом связано со становлением фабричного производства, изменившего характер труда, усилившего отчуждение человека от конечного результата его деятельности, а также унифицировавшего окружающую человека бытовую среду. Таким образом, существенные изменения происходили не только в корпусе письменных исторических источников.

Кроме того, па рубеже XIX-XX в. изменяется и типология исторических источников: появляются фото- и киноматериалы, позже - машиночитаемые документы. Изменения в типах источников, по-видимому, свидетельствуют о глобальных изменениях в истории человечества. И в этом плане, возможно, возникновение типа машиночитаемых документов сопоставимо с зарождением письменности и появлением письменных источников. Ведь типы источников, как и виды, появляются одновременно. И последовательность возникновения основных типов источников: вещественные-изобразительные-письменные - вполне соответствует последовательности трех стадий в развитии человечества: дикость-варварство-цивилизация.

В этом разделе был дан краткий обзор корпуса исторических источников нового времени и выявлены общие их черты, свойства и последующему периоду. В новейшее время не только усиливается унифицирующее влияние социальной среды на индивидуальность, но и - что существенно - формируется «всеединое человечество» (по терминологии А.С. Лаппо-Данилевского). В начале XX века, размышляя о направлении эволюции человечества, Лаппо-Данилевский пришел к выводу, что человечество становится «великой индивидуальностью». Эта идея о взаимозависимости человечества была сформулирована ученым накануне первой мировой войны, которая, по-видимому, впервые явила людям фатальную реализацию этой взаимозависимости.

Идее А.С. Лаппо-Данилевского о человечестве как части мирового целого, наделенной сознанием, созвучна идея его выдающегося современника, человека одного с ним научного круга - В.И. Вернадского. Речь идет об учении о ноосфере. Кстати, сам В.И. Вернадский считал, что именно первая мировая война изменила его «геологическое миропонимание».

Усиление взаимозависимости человечества не могло не сказаться на структуре корпуса исторических источников новейшего времени, однако в России исторические источники этого периода обладают спецификой как источники, порожденные советским обществом и государством. Корпус источников советской эпохи рассматривается в следующем разделе.

Примечания

- ¹ На наш взгляд, приемлем неофрейдистский подход в изложении Э. Фромма, поскольку в этом случае учитывается не только индивидуально-психологический, но и социальный аспект эмансипации человеческой индивидуальности. Эта концепция в наиболее популярной форме изложена: *Фромм Э. Бегство от свободы* / Пер. с англ. 2-е изд. М., 1995. 256 с.
- ² *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 23.
- ³ Здесь мы не обсуждаем специально вопрос о том, что первично - усложнение государственного аппарата или увеличение документооборота. На наш взгляд, распространенное убеждение, что усложнившийся государственный аппарат порождает огромное количество бумаг, основано на подмене причины следствием. Мы согласны с Б.Г. Литваком в том, что потребность в обмене информацией, а значит и в документировании, ведет к усложнению государственного аппарата.
- ⁴ Данное положение, сформулированное Б.Г. Литваком, оспаривает С.В. Воронкова, которая утверждает, что на протяжении XIX в. усложняется информация исторических источников. Эта полемика, основанная на недоразумении, является отличным примером того, как в споре подменяется его предмет. Ведь Б.Г. Литвак пишет об отдельном документе, а С.В. Воронкова - о системах документации.
- ⁵ Проблема массовых источников специально посвящена третья глава данного раздела.
- ⁶ Мы различаем публикацию и тиражирование. Публикация в широком смысле включает не только печатание произведения типографским способом, но и его оглашение (например, законодательные акты) или предназначенность для прочтения другими (мемуары). Тиражирование некоторых документов (например, тиражирование формуляра) нельзя рассматривать как публикацию.
- ⁷ Значение публикации в системе законодательства будет рассмотрено ниже при анализе законодательства нового времени.
- ⁸ Расчет мемуариста на публикации исследует А.Г. Тартаковский.
- ⁹ *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX - начала XX в. М., 1979. С. 7.
- ¹⁰ Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979. С. 6. Точку зрения И.Д. Ковальченко разделяет представитель той же научной школы С.В. Воронкова. См.: *Воронкова С.В.* Проблемы источниковедения истории России периода капитализма: (Итоги и задачи изучения). М., 1985.
- ¹¹ *Литвак Б.Г.* Указ. соч. С. 8.
- ¹² Хотя заметим, что при формировании источниковой базы исследования количество сохранившихся источников незначительно для исследователя.
- ¹³ Если не считать статью В.К. Яценского «О применении статистического метода в исторической науке» (Исследования по отечественному источниковедению / Тр. ЛОИИ. Вып. 7. М.; Л., 1964. С. 26-36). В.К. Яценский разграничивает статистику как таковую и иные источники статистических данных, характеристика которых, по сути, совпадает с введенным впоследствии в научный оборот понятием «массовые источники».
- ¹⁴ С учетом полной неразработанности этой проблематики в историографии.

- ¹⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 31.
- ¹⁶ Рассматривая законодательство как вид исторических источников, мы отступаем от общего правила не обращаться к историографии, поскольку в данном случае преобладает историко-правовая и юридическая литература, обычно недостаточно знакомая студенту-историку.
- ¹⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 31-82.
- ¹⁸ Завоскин Н.П. История права русского народа. Казань, 1899. С. 9.
- ¹⁹ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 1.
- ²⁰ Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII-XIX ст.). СПб., 1909.
- ²¹ Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права: Московское государство - Российская империя. СПб., 1890.
- ²² Там же. С. 1.
- ²³ Леонтович Ф.И. История русского права. Варшава, 1902.
- ²⁴ Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права... С. 1-2.
- ²⁵ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 31.
- ²⁶ Там же. С. 33-34.
- ²⁷ См., например: Исаев И.А. История государства и права России. М., 1993. С. 102-124, 165-177.
- ²⁸ См., например: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М., 1983; Он же. Место Собственной е.и.в. канцелярии в государственности первой половины XIX в.: Бюрократический централизм и его порождения // Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 137-202.
- ²⁹ Вернадский Г.В. Обзор истории права Русского государства XVIII-XIX вв. (Период империи). Прага, 1924. С. 7.
- ³⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 272.
- ³¹ Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 33.
- ³² Кочаков Б.М. Русский законодательный документ XIX - начала XX века
- ³³ Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 320.
- ³³ Там же. С. 321.
- ³⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 9-е изд. СПб., 1909. С. 48-53.
- ³⁵ Он же. Указ и закон. СПб., 1894.
- ³⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 33,
- ³⁷ Заметим, что на установление принципа «незнание закона не освобождает от ответственности» обращает внимание и М.Ф. Владимирский-Буданов, который ошибочно связывает его оформление с указом от 22 января 1722 г., в то время как здесь речь должна идти об указе от 22 января 1724 г., опубликованном, как и указ «О хранении прав гражданских...», 27 января 1724 г. Но в российском законодательстве рассматриваемый принцип, во-первых, утвердился раньше, чем полагал М.Ф. Владимирский-Буданов, а во-вторых, он носил всеобщий характер и как принцип действовал по отношению ко всему населению.
- ³⁸ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 272.
- ³⁹ Иногда можно встретить упоминание о первом, втором и третьем «изданиях» Полного собрания законов, однако термин «издание» в данном случае некорректен, поскольку содержание второго Собрания не повторяет содержание первого, а включает законодательство следующего периода, поэтому более правильно говорить о первом, втором и третьем Собраниях законов.
- ⁴⁰ Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма... // Абсолютизм в России XVII-XVIII вв. М., 1964. С. 239.

- ⁴¹ Тройский С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. С. 163.
- ⁴² Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1981. С. 20-21.
- ⁴³ Russian Officialdom the Buraucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapil Hill, 1980, P. 192.
- ⁴⁴ Тройский С.М. Указ. соч. С. 164.
- ⁴⁵ Винский Г.С. Мое время: Записки. СПб., 1914. С. 41.
- ⁴⁶ Мешков И.И. Записки Ивана Ивановича Мешкова // Русский Архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 188.
- ⁴⁷ Травин Л.Л. Записки // Труды Псковского археологического общества. 1914. Вып. 10. С. 95.
- ⁴⁸ См.: Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 261-312.
- ⁴⁹ Мыльников А.С. Испытание чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991. С. 68.
- ⁵⁰ Ее деятельность породила обширный корпус наказов в Уложенную комиссию (1465 наказов), в которых высказывались пожелания сословий и иных социальных групп. Наказы в Уложенную комиссию по своей видовой природе ближе всего стоят к публицистике. Известным философско-публицистическим произведением является и «Наказ» Екатерины II, данный комиссии для составления нового Уложения. В своем наказе Екатерина II творчески переработала идеи Монтескье, Бекариа, Гельвеция и других просветителей в соответствии со своей государственно-правовой концепцией.
- ⁵¹ В 1832 г. эти 15 томов были изданы в восьми книгах, а в 1857 г. в связи с ростом объема Свода в 24.
- ⁵² С момента издания Свода законов Российской империи в правоведческой литературе продолжают споры о его юридической силе.
- ⁵³ [Сперанский М.М.] Обзорение исторических сведений о Своде законов: Составлено из актов, хранящихся по II отделению собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1887. С. 107.
- ⁵⁴ Там же. С. 109.
- ⁵⁵ Там же. С. 138.
- ⁵⁶ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной е.и.в. канцелярии. СПб., 1903. С. 156.
- ⁵⁷ Там же. С. 140.
- ⁵⁸ Кочаков Б.М. Русский законодательный документ XIX - начала XX веков
- ⁵⁹ Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 362. //Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 274-275.
- ⁶⁰ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной е.и.в. канцелярии. Прил.
- ⁶¹ Омельченко О.А. Становление абсолютной монархии в России: Учеб. пособие. М., 1986. С. 72-73. По нашему мнению, выявленная О.А. Омельченко иерархичность, не является достаточно строгой.
- ⁶² Институт «объявленных» указов сложился в XVIII в. Формально юридическая сторона истории этой разновидности законодательных актов была исследована В.А. Григорьевым (Григорьев В.А. Объявляемый указ // Журнал министерства юстиции. 1914. № 7. С. 110-143), но любопытно проследить, как на протяжении XVIII-XIX вв. право объявления императорских указов из привилегии лица превращалось в привилегию должности, а также как изменялся состав лиц и должностей, объявлявших указы, в правление каждого императора и в разные периоды одного и того же правления.

- ⁶³ Материалы по подготовке крестьянской реформы синхронно публиковались в следующем издании: Первое издание материалов Редакционных комиссий. СПб., 1860.
- ⁶⁴ См. об отношении подданных к печатным законодательным актам.
- ⁶⁵ *Сервитут* со времен римского права - ограниченное право пользования чужим имуществом (например, право проезда по частновладельческой земле, рубки деревьев в частновладельческом лесу, пользования прибрежной полосой частновладельческой земли для нужд судоходства).
- ⁶⁶ См., главным образом, работы В.Г. Литвака, в частности монографию «Русская деревня в реформе 1861 года» (М., 1972).
- ⁶⁷ Подсчеты М.П. Илюшенко.
- ⁶⁸ Такое утверждение содержится в монографии: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974. Н.А. Зайончковский в работе «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.» (М., 1978) называет 1769 г., но никак не объясняет эту дату. С.М. Троицкий, как уже отмечалось, относит выход первого адрес-календаря к 1766 г., хотя в его работе есть ссылка на наличие в фонде герольдмейстерской канторы подготовительных материалов, относящихся к первому адрес-календарю. Ошибка С.М. Троицкого при датировке выхода в свет первого адрес-календаря, по-видимому, объясняется возникшей путаницей с другим изданием, название которого С.М. Троицкий и приводит в своей работе, а именно со «Списком находящимся у статских дел господам сенаторам, обер-прокурорам и всем присутствующим в коллегиях, канцеляриях, канторах, губерниях, провинциях и городах, тако ж прокурорам, обер-секретарям, эсекторам и секретарям», издававшимся с 1766 г. и с 1769 г. получившим название «Список находящимся в гражданской службе во всех присутственных местах. С показанием каждого вступления в службу и в настоящий чин», публиковавшимся до 1773г.
- ⁶⁹ *Литвак В.Г.* Указ. соч. С. 142-205.
- ⁷⁰ Четкое определение этой категории обычно вызывает сложности. При всем разнообразии социального происхождения разночинцев объединяет именно то, что они не платили подушную подать, не будучи при этом дворянами или лицами духовного звания. На протяжении XVIII-XIX вв. категорию разночинцев наиболее активно пополняли так называемые обер-офицерские дети, т. е. дети чиновников, получивших потомственное дворянство вместе с чином VIII класса «коллежский асессор»: дворянами становились те дети такого чиновника, которые были рождены после получения им соответствующего чина, остальные же пополняли основную группу обер-офицерских детей.
- ⁷¹ Для сравнения: регистрация актов гражданского состояния в Норвегии была введена в 1735 г., в Швеции - в 1749 г., во Франции - в 1806 г., в Англии - в 1838 г.
- ⁷² Об изменении социального состава чиновников см. с. 369.
- ⁷³ Итогом законотворчества, направленного на решение этой задачи, стал указ от 16 декабря 1790 г. «О правилах производства в статские чины», который обобщал предшествующее законодательство и упорядочивал систему чинопроизводства.
- ⁷⁴ В конце XVIII в. выходцы из непривилегированных сословий имели чины V-VII классов. Причем в V классе на одного такого чиновника приходилось 6,75 дворян; в VI классе - 4,53; в VII классе - 2,13, т. е. намного меньше, чем до реформы 1775 г. в гораздо более низких рангах. В VIII классе в конце XVIII в. на одного выходца из непривилегированных сословий приходилось 2,93 дворян; в IX классе - 1,19; в X - 0,43; в XII -

0,50; в XIII - 0,93; в XIV - 0,20; среди губернских регистраторов, архивариусов, протоколистов и т. п. - 0,30.

⁷⁵ *Тягло* - единица обложения крестьян в пользу помещиков. Как правило, одно тягло составляли муж и жена. Работоспособными считались люди с 18 до 60 лет. Поэтому У. Карпович советовал проверять сведения о возрасте по ревизским сказкам.

⁷⁶ В рекомендациях Карпович учитывал известный манифест «О трехдневной барщине».

⁷⁷ Предшественники И.Д. Ковальченко использовали от одной до трех подворных описей.

⁷⁸ Эти критерии были предложены И.Д. Ковальченко в работах «Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в.: (к истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства)» (М., 1959) и «Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в.» (М., 1967). Уже в названии первой из них заявлен региональный аспект рассмотрения, и предложенный в ней критерий распределения хозяйств в зависимости от обеспеченности разными категориями скота (более пяти лошадей, не менее двух-трех коров, 10-15 овец и несколько свиней - зажиточные; две и менее лошадей, одна корова и несколько свиней - бедные; все остальные - средние хозяйства) был приемлем только для данного региона (с преобладанием барщинного хозяйства). Во второй монографии проблема рассматривалась в общероссийском масштабе и предлагался универсальный критерий хозяйственной самостоятельности крестьянского двора.

⁷⁹ Например, по указу 1766 г. ведомости должны были поступать из Мануфактур-коллегии в Комиссию о коммерции. С 1775 г. они должны были поступать только в Мануфактур-коллегию. В 1779 г. Мануфактур-коллегия была упразднена и восстановлена только в 1796 г. В этот период ведомости не собирались. После восстановления Мануфактур-коллегии и до образования министерств ведомости вновь поступали в Мануфактур-коллегию. Затем функции сбора сведений о промышленных предприятиях были поручены департаменту торговли и мануфактур министерства финансов.

⁸⁰ Ю.Я. Рыбаков приводит такой пример: Я.Н. Черняк, исследуя кирпичное производство, пришел к выводу, что в 1840-е годы в Москве и Петербурге выпускалось 40 % всего производимого в стране кирпича, что, учитывая строительство из кирпича в губернских городах и дворянских усадьбах, выглядит, по крайней мере, странно. Автор не учел, что в этот период кирпичное производство включалось в «ведомости фабрик и заводов» не повсеместно.

⁸¹ Например, в середине XIX в. мукомольные предприятия (проще говоря, мельницы) были учтены только в Ярославле, а в конце века они учитывались повсеместно, в то время как, по подсчетам Ю.Я. Рыбакова, на 10 мельниц в среднем приходилось от 16 до 21 работника.

⁸² Теоретико-вероятностный подход - одна из парадигм математической статистики наряду с аппроксимационной и алгоритмической. Не имея возможности обсуждать различия этих парадигм, все же обратим внимание на то, что теоретико-вероятностная парадигма чаще всего, а точнее исключительно, используется в исторических исследованиях, в то время как ее отличают наиболее строгие требования к степени осмысления исходного материала. Строго говоря, именно данные массовых источников наиболее подходят для статистической обработки; что же касается непосредственно статистики, то здесь необходимо предварительное доказательство, что статистические данные представляют собой совокупность

случайных величин (случайная величина - основополагающее понятие теории вероятностей).

⁸³ Система показателей акционерной статистики отлична от государственной, она содержит сведения о капитале обществ (его величине и структуре), составе правления и т. д.

⁸⁴ Выражение «статистика, собираемая отдельными ведомствами» достаточно громоздко, однако его нельзя заменить напрашивающимся - «ведомственная статистика», поскольку ведомства собирали разнообразную информацию, а не только о подведомственной им сфере.

^{84a} *Герман Карл Федорович* (1767-1838) - известный русский статистик. Родился в Данциге, Получил образование в Геттингенском университете. Приехал в Россию в 1795 г., в качестве воспитателя детей графа Гурьева. С 1806 г. занимал кафедру статистики в Петербургском педагогическом институте (впоследствии - университете). С 1811 г. - руководитель статистического отделения при министерстве полиции, первого органа государственной статистики России. С 1805 г. - адъюнкт, с 1836 г. - ординарный академик. Автор ряда работ по теории и организации статистики: «Краткое руководство к всеобщей истории статистики» (СПб., 1808), «Всеобщая теория статистики» (СПб., 1809), «Статистическое описание Ярославской губернии» (СПб., 1808), «Историческое обозрение литературы статистики, в особенности Российского государства» (СПб., 1817). Издавал «Статистический журнал» (1806-1808).

⁸⁵ *Семенов-Тянь-Шанский Петр Петрович* (1827-1914) - известный русский географ, статистик, ботаник и энтомолог. В 1848 г. окончил Санкт-Петербургский университет. В 1849 г. по поручению Вольного экономического общества исследовал черноземную полосу европейской России. На основе собранных материалов в 1851 г. защитил магистерскую диссертацию по ботанике. В 1849 г. избран членом Русского географического общества; в 1850-1850 гг. - секретарь отделения физической географии, в 1856-1860 гг. - помощник председателя, в 1860-1873 гг. - председатель отделения, с 1873 г. и до конца жизни - вице-председатель Русского географического общества. С 1889 г. - председатель Русского энтомологического общества. Член многих российских и зарубежных научных обществ. В 1856 г. совершил путешествие на Тянь-Шань. В 1888 г. путешествовал по Закаспийской области и Туркестану, собрал обширные энтомологические коллекции. В 1859-1861 гг. - член-эксперт редакционной комиссии по подготовке крестьянской реформы. Работал в комиссии по введению всеобщей воинской повинности. В 1864-1875 гг. - директор Центрального статистического комитета, в 1875-1897 гг. - председатель Статистического совета. В 1870 г. организовал первый всероссийский статистический съезд, заложивший основы земской статистики. Руководил проведением первой всероссийской переписи населения в 1897 г. С 1897 г. член Государственного совета. В 1863-1885 гг. руководил изданием пятитомного «Географическо-статистического словаря Российской империи». Вместе с академиком В.И. Ламанским руководил многотомным (т. 1-19) изданием «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (1899-1914). Научная биография Семенова-Тянь-Шанского показывает сохранявшуюся во второй половине XIX в. взаимосвязь статистики в первую очередь с географией.

⁸⁶ См.: Перепись Санкт-Петербурга 15 декабря 1881 г. Т. I. Население; Т. II. Ч. 1-3. Квартиры; Т. III. Дворовые места. СПб., 1883-1884; Статистические сведения о жителях г. Москвы по переписи 12.XII.1871 г. М., 1874; Перепись г. Москвы 1882 г. Вып. I. М., 1885; Главнейшие предварительные данные переписи г. Москвы. 31 января 1902 г. Вып. I-VI. М., 1902-

- 1907; Перепись г. Москвы 1902 г. Вып. 1-III. М., 1904-1906; Результаты одноподневной переписи г. Одессы в декабре 1892 г. Ч. I. Население. Одесса, 1894 и др.
- ⁸⁷ Буиен Артур Богданович, фон (1831-1876). Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета в 1851 г. Преподавал географию в Александровском лицее. В 1857 г. поступил на службу в Центральный статистический комитет младшим редактором. В течение двух лет изучал постановку статистики в Австрии, Франции, Бельгии, Англии и Швеции. Научно разрабатывал статистику раскола. Автор ряда работ по статистике и другим наукам. Член Вольного экономического общества, Российского общества садоводства, Географического общества, в котором с 1852 г. был помощником секретаря, а затем председателем отделения статистики.
- ⁸⁸ Основные публикации материалов переписи: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. I-VIII. СПб., 1898-1905; Первая всеобщая перепись Российской империи (по губерниям), Т. 1-89. СПб., 1903-1905; Общий свод по империи результатов разработки всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1-2. СПб., 1905.
- ⁸⁹ См.: Публикация материалов переписи. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. 1-8, СПб., 1880-1885.
- ⁹⁰ Сводные данные переписи 1887 г. См.: Статистика Российской империи, Т. 22-23. Вып. 1-46. СПб., 1892-1909.
- ⁹¹ Например, перепись 1887 г. учитывает как удобные, так и неудобные земли, а перепись 1877 г. не учитывает неудобные земли крестьянских наделов; в переписи 1877 г. купленные крестьянами земли учитывались то как наделные, то как частновладельческие и др.
- ⁹² Сводные данные переписи 1905 г. См.: Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.
- ⁹³ Эти сведения публиковались с 1908 г. в издании «Состояние скотоводства в России».
- ⁹⁴ Данные военно-конских переписей публиковались в продолжающемся издании «Статистика Российской империи».
- ⁹⁵ Достаточно сказать, что информация собиралась экспедиционным способом, причем не просто путем обхода дворов, но с осмотром самих лошадей для определения их пригодности к военному делу.
- ⁹⁶ Материалы опубликованы: Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев. СПб., 1903.
- ⁹⁷ Материалы опубликованы: Сельскохозяйственные машины и орудия в европейской и азиатской России в 1910 г. СПб., 1910.
- ⁹⁸ Материалы опубликованы: Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года; (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Вып. I. Европейская Россия. Пг., 1916; Вып. II. Кавказ. Пг., 1917; Вып. III. Степной край, Сибирь и Дальний Восток. М., 1917.
- ⁹⁹ Материалы переписи были опубликованы ЦСУ уже после революции: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям / ЦСУ // Тр. 1921. Т. V. Вып. 1; Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям / ЦСУ // Тр. 1923. Т. V. Вып. 2.
- ¹⁰⁰ Статистический временник Российской империи. Сер. 1. Вып. 1. СПб., 1806; Сер. II. Вып. 6. СПб., 1872; Сер. III. Вып. 8. СПб., 1882; Статистика Российской империи. Сборник сведений по Российской империи... Т. XV. СПб., 189В и др.

- ¹⁰¹ См.: Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909; Фабрично-заводские предприятия Российской империи. Пг., 1914.
- ¹⁰² *Варзар (Варзер) Василий Егорович* (1851-1940) - русский статистик и экономист, по образованию технолог. С 1875 г. статистик при Черниговской губернской земской управе. Составитель программ обследования промыслов и описания и оценки городского недвижимого имущества, а также автор метода статистического исследования почв, ряда методов и программ земской статистики, определивший специфику черниговского направления земской статистики. Один из организаторов промышленных переписей 1900 и 1908 гг. Под его редакцией вышли официальные издания «Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом за 1000 г.» (СПб., 1903), «Статистика обрабатывающей фабрично-заводской промышленности Российской империи за 1908 г.» (СПб., 1912). В 1910-х годах служил фабричным инспектором. Автор ряда работ на основе данных земской статистики, а также статей по экономическим вопросам в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. После Октябрьской революции работал в ВСНХ и ЦСУ.
- ¹⁰³ *Янжул Иван Иванович* (1846 или 1845-1914) - русский экономист и статистик. С 1870 г. профессор Московского университета по кафедре финансового права. С 1882 по 1887 г. фабричный инспектор Московского округа. С 1895 г. действительный член Академии наук. Автор работ «Опыт исследования английских косвенных налогов. Акциз» (1874), «Английская свободная торговля» (Вып. 1-2. 1876-1882), «Очерки и исследования: Сб. ст. по вопросам народного хозяйства, политики и законодательства» (Т. 1-2. 1884), «В поисках лучшего будущего: Социальные этюды» (1893), «Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в Соединенных Штатах Северной Америки» (1895), «Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва» (1907).
- ¹⁰⁴ Свод отчетов фабричных инспекторов [за 1901-1914 гг.]. СПб.; Пг., 1902-1915.
- ¹⁰⁵ В литературе черниговская земская статистика иногда характеризуется как земледельческая, а московская - как промысловая. В любом случае очевидно, что различия программ были обусловлены глубокими различиями хозяйственной деятельности в этих губерниях, в том числе и из-за отличия природно-климатических условий.
- ¹⁰⁶ В научной литературе начало третьего этапа часто датируют 1905 г., используя в качестве критерия периодизации не изменение задач земской статистики, а развитие методики статистических обследований.
- ¹⁰⁷ Итоги исследования школьной статистики отражены в работе: *Ольденбург Ф.Ф.* Народные школы Европейской России в 1892/93 г. СПб, 1890.
- ¹⁰⁸ *Эрисман Федор Федорович* (1842-1915) - российский врач-гигиенист, швейцарец по происхождению. Получил образование в университетах Цюриха, Вюрцбурга и Праги, специализировался по глазным болезням. В 1869 г. переехал в Россию. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. руководил дезинфекционными работами в русской армии. В 1882-1890 гг. профессор кафедры гигиены Московского университета. После выступления в защиту участников студенческих беспорядков 1896 г. был уволен из Московского университета и вернулся в Швейцарию. Автор ряда научных работ по санитарии и гигиене. В 1872-1877 гг. опубликовал трехтомное руководство по гигиене. Основоположник школы ученых-гигиенистов.
- ¹⁰⁹ См.: *Григорьев В.Н.* Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1800-х гг. по 1917 г. Вып. 1-2. М., 1926-1927.

- ¹¹⁰В Великобритании публицистическая полемика была чрезвычайно развита уже в XVII в. Как публицисты выступали многие влиятельные люди того времени. Развитие публицистики способствовало даже некоторому ослаблению цензуры в конце XVII в.
- ¹¹¹Традиция публицистичности проектов реформ сохраняется в российском обществе до сих пор. Наиболее типичный пример - проект конституции А.Д. Сахарова.
- ¹¹²По своей этимологии слово «журнал» вполне подходило для обозначения именно ежедневных изданий, каковыми стали газеты в XIX в., и сохранялось в этом значении в материалах цензуры вплоть до конца XIX в.
- ¹¹³Известны примеры издания частными лицами явно убыточных газет: например, князь Мещерский издавал газету «Гражданин» на свои деньги. Но такая ситуация встречается редко: чаще убыточное издание выпускалось политическими партиями, но в России они появились только в начале XX в., если не считать нелегальную газету «Искра», издававшуюся РСДРП с 1900 г.
- ¹¹⁴В 1586 г. Елизавета распорядилась принять строгие меры к контролю за книгопечатанием. Было принято решение об обязательной регистрации всей печатной продукции. Наблюдение за разрешением новых изданий было поручено архиепископу Кентерберийскому и епископу Лондонскому, ни одно издание не могло выходить за пределами Лондона (исключение было сделано только для двух университетских городов). На протяжении XVII в. был принят ряд законодательных актов, ужесточавших цензуру (указ 1637 г., устав 1643 г., акт о цензуре - Licensing Act 16602 г.), а с конца XVII в., когда в 1695 г. истек срок действия акта о цензуре, началось некоторое ослабление цензуры под давлением развития периодической печати.
- ¹¹⁵Строго говоря, первая газета «Столичный вестник» выходила в 911 г. в Китае и издавалась тысячу лет, однако традиционно корпус источников российской истории рассматривается в европейском контексте.
- ¹¹⁶В английском языке наряду с термином «newspaper» для обозначения таких изданий существуют слова «newssheet» и «newsleter».
- ¹¹⁷Для сравнения: в США знаменитый памфлет Томаса Пейна «Здравый смысл», написанный в 1776 г., был отпечатан общим тиражом 120 тыс. экземпляров.
- ¹¹⁸Публикация репортажей о парламентских дебатах составляла основное содержание некоторых популярных газет. В 1770 г. начала выходить «Morning Chronicle», имевшая успех благодаря публикации парламентских отчетов; она проиграла в конкуренции «Gazette», издаваемой Дж. Перри. Его газета благодаря созданию команды парламентских репортеров давала более детальные репортажи о дебатах в Палате общин.
- ¹¹⁹В XVIII - первой половине XIX в. газеты выходили на листах небольшого формата.
- ¹²⁰При устойчивом объеме газеты часть информации публиковалась в приложениях («прибавлениях»).
- ¹²¹В Великобритании с 1785 г. начала издаваться газета «Times», существующая до сих пор.
- ¹²²Если не считать газету-журнал И.И. Греча и Шредера «Гений времени» (1807-1809).
- ¹²³*Греч Николай Иванович* (1787-1867) - русский журналист, филолог, изобретавший немцев. Учился в педагогическом институте. Литературную деятельность начал с 1805 г. Сотрудничал в «Журнале для пользы и удовольствия» и в «Журнале российской словесности». В 1800-1815 гг. служил в

цензурном ведомстве, одновременно преподавал русский язык в ряде учебных заведений. В 1807-1809 гг. издавал газету-журнал «Гений времен» (имеете со Шредером), в 1809-1810 гг. - «Журнал новейших путешествий», с 1812 г. - журнал «Сын Отечества». С 1825 г. принимал участие в издании газеты «Северная пчела» и в 1831 г. стал ее соредактором. С 1829 по 1836 г. служил в министерстве внутренних дел, редактировал журнал министерства, с 1830 по 1843 г. служил по ведомству министерства финансов. Выйдя в отставку, сосредоточил усилия на написании учебной литературы. Автор «Учебной книги российской словесности» (1819-1822, в четырех частях), «Опыта краткой истории русской литературы» (1822), «Пространной русской грамматики» (1827), «Практической русской грамматики» (1827), а также выдержавших более десяти изданий «Начальных правил русской грамматики» (1828). После выхода в отставку выпустил «Русскую азбуку» (1840), «Учебную русскую грамматику» (1851-1852), «Задачи учебной русской грамматики» (1852), «Русскую грамматику первого возраста» (1860-1865). Автор литературных произведений и переводов.

¹²⁴ *Булгарин Фаддей Бенедиктович* (1789-1859) - русский журналист, издатель, по национальности поляк. В 1806 г. окончил Сухопутный кадетский корпус, служил в уланском полку, принимал участие в кампании 1806-1807 гг., во время которой был ранен. В 1809 г. за сатиру на командира был переведен в Кронштадтский гарнизонный полк, в 1810 г. перешел в Ямбургский уланский полк, в 1811 г. был уволен с плохой аттестацией. После тяжких мытарств определился в польский легион Наполеона. В 1814 г. был взят в плен, после войны вернулся в Варшаву, затем переехал в Санкт-Петербург. Литературную деятельность начал в 1816 г. Сотрудничал в «Сыне Отечества» Н.И. Греча. С 1822 г. издавал исторический журнал «Северный архив». С 1825 г. начал издавать газету «Северная пчела». Был близок к декабристам и одновременно к официальным кругам. По общему признанию современников, не отличался высокими нравственными качествами. После восстания декабристов снискал расположение шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, при содействии которого был переименован из капитанов французской армии в VIII класс по ведомству министерства народного просвещения. Умер в чине действительного статского советника. Автор ряда литературных и литературно-критических сочинений (сатирический роман «Иван Выжигин», исторический роман «Дмитрий Самозванец» и др.).

¹²⁵ Для сравнения: популярная лондонская газета «Times», имевшая в конце XVIII в. тираж около 1000 экземпляров, в 1820-е годы печаталась в количестве 15 000 экземпляров в день.

¹²⁶ *Кукольник Нестор Васильевич* (1809-1868) - русский литературный деятель. Стоял на позициях официальной народности. Автор ряда исторических романов, поэтических и драматургических произведений: «Торквато Тассо» (1833), «Рука всевышнего отечество спасла» (1834), «Джакло Санназар» (1834), «Джулио Мости» (1836). На стихи Кукольника написал несколько музыкальных произведений М.И. Глинка.

¹²⁷ Подсчеты Б.И. Есина.

¹²⁸ В это время фельетон не носил сатирического характера и вообще обозначал не столько жанр, сколько определенное местоположение на газетном листе.

¹²⁹ Просуществовало до 1940 г., после оккупации в 1944 г. на его основе создано ныне действующее агентство «Франс пресс».

¹³⁰ Агентство «Рейтер» до сих пор остается крупнейшим информационным агентством, распространяющим иностранную информацию.

- ¹³¹ В 1870-е годы была даже предпринята попытка издания рекламной газеты с бесплатной рассылкой, но такие издания стянут жизнеспособными только в самом конце XIX в.
- ¹³² «Московские...» и «Санкт-Петербургские ведомости» в 1860-е годы изменили свой характер, фактически превратившись в частные газеты, поскольку были переданы в аренду соответственно М.Н. Каткову и В.Ф. Коршу.
- ¹³³ *Краевский Андрей Александрович* (1810-1889) - русский издатель и журналист. Начал свою деятельность в «Московском вестнике» М.П. Погодина, издавал «Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». С 1839 по 1884 г. издавал журнал «Отечественные записки», в котором сотрудничали В.Г. Белинский, А.М. Герцен, А.В. Кольцов. С 1863 по 1884 г. издавал газету «Голос».
- ¹³⁴ *Суворин Алексей Сергеевич* (1834-1912) - русский издатель и журналист. С 1860-х годов сотрудничал в провинциальной печати, затем публиковался в журналах «Отечественные записки», «Современник». С 1870 г. издавал газету «Новое время». Имел монопольное право книжно-газетной торговли на железнодорожных станциях. Правительство также предоставило ему право самостоятельной цензуры выпускаемой книжной продукции. В 1911 г. совместно с Волжско-Камским банком учредил типографское и книготорговое товарищество «Новое время».
- ¹³⁵ Газета «Новое время» была закрыта в ноябре 1917 г. по постановлению Военно-революционного комитета Петрограда.
- ¹³⁶ *Катков Михаил Никифорович* (1818-1887) - русский публицист. В 1830-х годах сотрудничал в «Отечественных записках». В 1850-1855, 1863- 1887 гг. был редактором газеты «Московские ведомости» (с 1863 г. арендовал ее). С 1856 г. издавал журнал «Русский вестник» (совместно с П.М. Леонтьевым).
- ¹³⁷ *Сытин Иван Дмитриевич* (1851-1934) - крупнейший русский книгоиздатель и книготорговец. Сын волостного писаря Костромской губернии. С 1866 г. начал служить в книжной лавке в Москве. В 1876 г. приобрел литографию и приступил к печатанию лубочных изданий. В 1883 г. выступил как соучредитель книгоиздательского товарищества. В 1885 г. основал типографию. В начале XX в. предприятие Сытина представляло собой крупнейший печатно-издательский комбинат. В 1915 г. оно выпускало 12% всей книжной продукции России (в стоимостном выражении). Издательство Сытина просуществовало до 1924 г.
- ¹³⁸ Из местных газет этого времени можно назвать «Norwich Post», «Bristol Post-Boy», «Exeter Post-Man» и др.
- ¹³⁹ По подсчетам С.А. Granfield (The Development of the Provincial Newspapers, 1700-1760).
- ¹⁴⁰ Описания домов и другого недвижимого имущества, сдаваемого в наем или продаваемого, информация о крупном рогатом скоте для продажи и жеребцах для конных заводов, а также о бежавших подмастерьях или утерянном имуществе. Публиковались также объявления врачей, учителей, реклама товаров, сведения о театральных постановках и транспортных тарифах и т.д.
- ¹⁴¹ Например, в 1821 г. в Манчестере основана «Manchester Guardian», поддерживавшая виггов, и в 1825 г. начала выходить «Manchester Courier», поддерживавшая тори. В Йоркшире в конце XIX в. выходили газеты «Yorkshire Post» (тори) и «Leeds Mercury» (виги).
- ¹⁴² Если не считать единичные опыты: например, при Казанском университете с 1811 по 1820 г. выходили «Казанские известия», с 1828 по 1832 г. - «Тифлиссские ведомости».

- ¹⁴³ Для сравнения приведем своеобразную классификацию источников личного происхождения, которую дает Н.А. Бердяев в философской автобиографии «Самопознание»: «Книги, написанные о себе, очень эгоцентричны. В литературе «воспоминаний» это часто раздражает. Автор вспоминает о других людях и событиях и говорит больше всего о себе. Есть несколько типов книг, написанных о себе и своей жизни. Есть, прежде всего, дневник, который автор вел из года в год, изо дня в день. Это очень свободная форма, которую сейчас особенно любят французы... Есть исповедь. Блаженный Августин и Ж.Ж. Руссо дали наиболее прославленные примеры. Есть воспоминания. Необъятная литература, служащая материалом для истории. «Былое и думы» Герцена - самая блестящая книга воспоминаний. Наконец, есть автобиография, рассказывающая события жизни внешние и внутренние в хронологическом порядке. Все эти типы книг хотят с большей или меньшей правдивостью и точностью рассказать о том, что было, запечатлеть бывшее».
- ¹⁴⁴ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристка XVIII - первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991. С. 18.
- ¹⁴⁵ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 1. М., 1976. С. 6.
- ¹⁴⁶ Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристка. М., 1980. С. 24.
- ¹⁴⁷ Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (к постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6. С. 64.
- ¹⁴⁸ Тартаковский А.Г. Русская мемуаристка... С. 10.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 16.
- ¹⁵⁰ Филипп де Кммин. Мемуары. М., 1987. С. 5, 191-192.
- ¹⁵¹ Сен-Симон. Мемуары: Избранные главы: В 2 кн. М., 1991. Кн. 1. С. 42-62.
- ¹⁵² Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 3—4.
- ¹⁵³ Корпус мемуарных произведений, порожденных событиями 1812 г., исследован в уже упоминавшейся монографии А.Г. Тартаковского «1812 г. и русская мемуаристка».
- ¹⁵⁴ Аввакум. Житие протопопа Аввакума // Русская литература XI-XVIII вв. М., 1988. С. 217, 239.
- ¹⁵⁵ Мемуары А.Т. Болотова. Цит. по: Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб, 1871-1873. Т. I-IV.
- ¹⁵⁶ Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 188.
- ¹⁵⁷ Труды Псковского археологического общества. 1914. Вып. 10. С. 95.
- ¹⁵⁸ Винский Г.С. Мое время. СПб, 1914. С. 41.
- ¹⁵⁹ РА. 1872. Кн. 3. Стб. 472.
- ¹⁶⁰ Батулин П.С. Жизнь и похождения Г.С.С.Б. Повесть справедливая, писанная им самим // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 45-78; № 4/6. С. 173-210; № 7/9. С. 99-132; Винский Г.С. Мое время. СПб, 1914; Добринин Г.И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добринина (прожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанная в Могилеве и Витебске. СПб, 1872; Калашников Т.П. Жизнь незначительного Тимофея Петровича Калашникова, простым слогом описанная с 1762 по 1794 год // РА. 1904. Кн. 2. Вып. 10. С. 146-187; [Лубяновский Ф.П.] Воспоминания Федора Петровича Лубяновского // РА. 1872. Кн. 1. С. 98-185; Кн. 3. С. 449-532; Печерин Ф.П. Записки о моих предках и о себе на память детям в 1816 г. сделанные // Русская старина. 1891. Т. 72. №. 12. С. 587-614; Ребелинский М.С. Из дневника // РА. 1897. Кн. 1. Вып. 3. С. 464-481; Сангвин Я.Н. де. Записки // Русская старина. 1882. Т. 36. № 12. С. 443-498; Травин Л.А. Записки // Труды Псковского археологического общества. 1914.

- Вып. 10. С. 25-129; *Тукалевский И.А.* Воспоминания. СПб, 1843. 109 с.; *Хвостов В.С.* Описание жизни тайного советника, сенатора и кавалера Василия Хвостова, писано в 1832 году, самим им для детей своих // Русский архив. 1870. Кн. 1. Вып. 3. С. 551-610; *[Майков И.И.]* Записки Ивана Ивановича Мешкова // Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 177-242.
- ¹⁶¹ Голос минувшего. 1918. № 1-3. С. 68.
- ¹⁶² Там же. С. 69.
- ¹⁶³ Там же. 1918. № 4-6. С. 178.
- ¹⁶⁴ *Добринин Г.И.* Указ. соч. С. 163.
- ¹⁶⁵ Русская старина. 1891. Т. 72. № 12. С. 613.
- ¹⁶⁶ Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 191-192, 194.
- ¹⁶⁷ Русская старина. 1882. № 12. С. 447.
- ¹⁶⁸ *Малиновский В.Ф.* Мелочи прошлого // Голос минувшего. 1915 № 12 С.241.
- ¹⁶⁹ Русская старина. 1882. Т. 36. № 12. С. 455.
- ¹⁷⁰ Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 186.
- ¹⁷¹ Там же. 1870. Кн. 1. Вып. 3. С. 570.
- ¹⁷² *Винский Г.С.* Указ. соч. С. 41.
- ¹⁷³ Русский архив. 1904. Кн. 2. Вып. 10. С. 152, 157.
- ¹⁷⁴ Там же. 1897. Кн. 1. Вып. 3. С. 466.
- ¹⁷⁵ Там же. 1905. Кн. 2. Вып. 6. С. 222.
- ¹⁷⁶ *Монтень М.* Опыты: В 3 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 5.
- ¹⁷⁷ *Руссо Ж.-Ж.* Исповедь // Руссо Ж.-Ж. Избранное. М., 1996. С. 7.

РАЗДЕЛ 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

ИСТОЧНИКИ XX в. по сравнению с документами предыдущих эпох, естественно, менее изучены. Это обстоятельство в значительной степени сказывается на уровне осмысления опыта работы с ними, теоретического обобщения наших знаний о них. Такая ситуация, в свою очередь, предполагает и иной подход к рассказу об источниках XX в., предварительность и даже условность наших суждений о них, особенно в свете кардинальных изменений наших представлений об исторических процессах - изменений, происходивших в последнее десятилетие. При этом, разумеется, фундаментальные, исходные теоретические постулаты источниковедения, изложенные в предыдущих главах, остаются в силе.

Вместе с тем развитие современной исторической науки предъявляет к источниковедению XX в. новые требования, заставляет искать новые подходы. Например, интерес к компаративным методам в историческом исследовании, проявившийся в самые последние годы, явно потребовал повышенного внимания к проблемам эволюции видов исторических источников. На рост интереса к исторической антропологии источниковедение XX в. ответило пока лишь повышенным вниманием к источникам личного происхождения: мемуарам, дневникам, письмам и т. д.

Кроме того, по мере теоретического осмысления накопленного багажа усложняется понятийный аппарат той или иной дис-

циплины. Надо признать, что наш «юный», но уже состарившийся и уходящий с исторической арены XX в. еще не дал нам достаточных оснований судить о нем и строго (ибо он - мы сами), и языком «высокого штиля» науки. (Разумеется, сказываются и наша отсталость и даже некомпетентность, обусловленные советским прошлым.) И нам не хотелось бы камуфлировать преднаучные знания (а нередко, может быть, интуитивные импульсы или даже незнание) псевдонаучной терминологией.

Но все это не значит, что источниковедение XX в. следует рассматривать как нечто незрелое. Ведь оно дало возможность широкого применения количественных (математических), историко-социологических и иных методов исторического исследования, введения в научный оборот новых источников, их тематического накопления путем создания баз данных. Математика пришла на помощь в обработке нарративных источников (контент-анализ), что позволило перейти от иллюстративного метода использования ряда источников (например, писем в газеты и в государственные и общественные организации) к более научно обоснованному.

В этом направлении многое еще не отстоялось. Новые методы отнюдь не исключают классические. Элементарное здравомыслие предупреждает о преждевременности восторгов в адрес новейших методов, равно как и о неуместности нигилистического отношения к традиционным. Одно не противоречит другому. Да и время еще не вынесло окончательного вердикта. Не будем спешить. Ведь это история. К ней нужно относиться осторожно, с уважением и бережно.

ГЛАВА 1

Типологические изменения корпуса источников в XX веке

В XX в. РОССИЯ пережила три революции, четыре войны, пять государственных образований (Российская империя, Российская республика 1917 г., РСФСР, СССР, Российская Федерация), и на протяжении всего века - сложнейшие социально-экономические изменения: столыпинская реформа, «военный коммунизм», нэп, индустриализация, коллективизация, освоение целины, «развернутое строительство коммунизма», «перестройка» 80-х годов, постперестроечное время. Эти процессы отражены в огромном количестве документов, но значительная часть событий не оставила после себя никаких следов.

И все это на фоне колоссального мирового технического прогресса, который породил новые формы фиксации действительности, особенно к концу века: кинофотофономатериалы, телефон, радио, электроника, машиночитаемые тексты, материалы историко-социологических исследований и пр.

Источники, порожденные техническим прогрессом, обогащают возможности исследовательской работы. Вместе с тем технический прогресс принес не только разнообразие методов фиксации человеческой памяти, но и способность не оставлять документальные следы вообще. Один из примеров тому феномен «телефонного права»: по телефону можно передать любой приказ, документально его не подтверждая. Телефон не только удобен для оперативного руководства, но он и не оставляет следов этого руководства, особенно при отдаче некомпетентных, волевых, а то и прямо противозаконных распоряжений. Такая директива, изложенная даже в виде рекомендации, ненавязчивой, но ясной по своим последствиям в случае ее невыполнения, имеет особенно печальные результаты в судебной практике. «Телефонное право» тянется еще от И.В. Сталина, который запрещал фиксировать содержание своих телефонных разговоров. Но одновременно повсеместно внедрялась практика прослушивания и записи телефонных разговоров советских граждан.

Важнейшие события в истории страны часто происходили на основе телефонных распоряжений Сталина, впоследствии и других руководителей. Следует подчеркнуть, что подобная практика укоренилась на всех уровнях партийно-государственного аппарата. Пользуясь «телефонным правом», даже мелкий чиновник всегда уходил от ответственности за свои распоряжения.

Новые типы источников, наряду с традиционными (вещественные, лингвистические, устные и фольклор, письменные и пр.), значительно расширили источниковую базу исследовательской работы. Одновременно все еще молено наблюдать невостребованный потенциал не только новых типов источников, но и традиционных. Например, теория источниковедения неизменно подчеркивает обширность и значимость *вещественных памятников*. Вещественные источники охватывают огромный комплекс предметов и сооружений, которые в большинстве своем являются объектом непосредственной практической деятельности общества. Речь идет об огромном мире окружающих нас предметов. Однако ни теория, ни практика источниковедения пока еще не могут дать конкретных рекомендаций об использовании в исторических исследованиях вещественных источников.

В этом отношении представляют интерес исторические изыскания известного русского ученого-экономиста А.В. Чаянова, ко-

торый весьма плодотворно изучал историю Москвы. Чаянов, рассказывая в лекциях о Москве о значении архивных и иных материалов, подчеркивал, что главным источником остается город: его улицы, площади, дома, - а следовательно сама архитектура. Представляя проект экспозиции музея «Старая Москва», Чаянов в основу своей схемы положил, условно говоря, «архитектурный» принцип. Составляя «ситуационные» планы, Чаянов в первую очередь использовал топографические чертежи, а также строительные книги, ни на минуту не забывая о внешнем облике города. На плане Москвы, составленном им в 1920 г., нанесены здания и кварталы. «Архитектурное» кредо Чаянова применительно к познанию истории доминировало. Это выразилось не только в выборе тем исследования и отборе источников, но и в реконструкции исторических ситуаций и в понимании самой истории. Именно самой истории, а не истории архитектуры и далее не истории города.

Далее развитием сюжета мог бы стать разговор о прочих многочисленных и разнообразных предметах, которые постоянно окружают человека. Как заметил знаменитый Шерлок Холмс, «вещи могут рассказать о людях больше, чем люди о вещах». Однако осуществить это в рамках учебника невозможно.

Эпоха накладывает свой отпечаток на язык общества. Слова и отдельные речевые обороты точно выражают дух своего времени. Поэтому *данные языка*, или *лингвистические источники**, существенно помогают изучить ту или иную эпоху.

Советская действительность породила новый язык. Незаметно в быт вторгались и занимали прочное место странная терминология и чудовищные аббревиатуры: Чеквалап (Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей), Рабочкомсод (Всероссийский рабочий комитет содействия организации социалистического сельскохозяйственного производства при ВЦСПС). Были еще горемы (головные ремонтно-восстановительные поезда), губтрамоты (губернские транспортно-материальные отделы совнархозов). Был командюж (командующий южным фронтом), руж-пульгонь (ружейно-пулеметный огонь), потельработники (работники почт и телеграфов). Организовывали теревсат (театр революционной сатиры). Можно напомнить диковинное сокращение ЗК (зе-ка), что означало «заместитель комиссара». Было еще множество учреждений и должностей, важных и не очень, со смешными сокращениями. Слова-обрубки чаще всего оказыва-

*В отличие от лингвистического источниковедения, изучающего внутреннюю структуру языка и его развитие, предметом лингвистических источников (как типа в классификации исторических источников) является история общества и его культуры.

лись недолговечными. Но некоторые из них врезались в память всем и навсегда: ЧК-ГПУ-МКВД-КГБ, КПСС, колхоз и др.

Уместно заметить, что аббревиатура - явление не исключительно советское. Прежде всего - это порождение канцелярского делопроизводства военного ведомства России в 1914-1917 гг. Собственно война и подготовила условия для возникновения и распространения всяческих сокращений. Они появлялись и в других странах: СС, СД, гестапо, а также США, ООН, НАТО и пр. Другое дело, что, пожалуй, нигде, кроме СССР, это явление не принимало столь широкие масштабы.

У А. Аверченко есть рассказ «Петербургский бред» о фантастическом случае, будто бы взаправду происшедшем с А.В. Луначарским. Двое посетителей в кабинете наркома затеяли тяжбу о дровах: кому должны достаться березовые - Трепетуну или Перпетуну. В этой запутанной истории Луначарский не мог взять в толк, кто же эти таинственные Трепетун и Перпетун: скаковые лошади, башкирские начальники или пишущие машины? Оказалось, Первый Петроградский университет и Третий Петроградский районный университет.

Но смех над сокращениями был неуместен, ибо все было серьезно. Изобретением новояза, т. е. нового революционного языка, занимались даже писатели. А все скопом выдумывали новые революционные имена. Появлялись Идлены, Владлены, Рэмы, а затем Сталины и далее Трактор Индустриевич¹.

Новое и устойчивое значение получили старые слова и выражения: «насаждение» коммун и совхозов, «выкачка хлеба» из деревни и пр.

Все это можно квалифицировать однозначно: происходил грандиозный процесс преобразования русского языка в советский. Образ советского человека выразительно передавался через его речь, высвечивая все оттенки его сущности. И даже прекрасное слово «товарищ» превращалось в нечто серое, ходульное, ужасно бюрократическое и надолго замызганное.

Отдельное слово, словосочетание, выражение лишь одним своим появлением ярко высвечивали не только суть эпохи, но и конкретные ее отрезки. Представьте себе диалог двух дам:

- Да за кого ты меня принимаешь? Что я тебе, какая-нибудь Живага?

Предельно ясно, о ком шла речь, о чем и когда происходил разговор, и отношение собеседниц к событию. Даже примерно можно определить, к какому слою общества относятся эти дамы. Скорее всего, это номенклатурные жены или «шестерки» совпартчиновников.

Иносказание или умолчание тоже были приметой времени. Один из редакторов газеты «Советская культура» в начале «пере-

стройки», например, писал: «Лет десять назад написал я заметку о выставке икон в Музее имени Рублева. Помню, главной моей заботой было избежать употребления слова «икона»: оно, как и слово «церковь», считалось у нас в редакции запретным и подлежало беспощадному ostracismu. Я писал о «старинных досках», о «памятниках древней живописи»... Каждый из нас, заполняя анкету, мог бы в графе «какими языками владеете» написать - эзоповым»².

Популярная в 30-е годы киноактриса Т.К. Окуневская на вопрос журналиста, когда она закончит свою книгу, ответила: «Я бы ее давно уже закончила, если бы не Горбачев. Он мне все испортил своей гласностью. Я писала-писала - так старалась, чтобы все рассказать нашим любимым эзоповским языком. А тут выяснилось, что теперь нужно писать как раз наоборот»³.

Много невероятной несусветицы несли лозунги, плакаты, призывы партруководства, ежедневно, ежечасно и повсюду наставлявшие нас по жизни. И только народный юмор вносил веселое оживление в эти напутствия (буквально, ибо многие лозунги, плакаты находились на дорогах), переиначивая их: «Да здравствует великий советский народ - вечный строитель коммунизма!».

Лозунги появились в прошлом веке, однако широчайшее распространение они получили в XX в., по форме и содержанию перерастая в рекламу. Их можно рассматривать как новый вид источников.

Реклама, заполнившая телевидение, как и иностранные сериалы, оказывает колоссальное воздействие на население, порой самым неожиданным образом.

Не иначе как проявлением технического и культурно-бытового прогресса можно рассматривать появление в глухой, далекой деревне котов по кличке Мейсон, которые напрочь вытеснили Васек, Барсикив, Пушков и пр. Коты к тому же и сами демонстрировали торжество передовой технологии питания, предпочитая, как «новое поколение», «Вискас» всякому корму «с нашего стола».

Структура языка, его яркость или, наоборот, бедность и тусклость отражают внутренний мир человека. И если письмо какого-либо крестьянина или рабочего - их личное дело, то совсем иное значение приобретает язык вождей. А наши лидеры вносили в язык много своеобразия. Особенно они отличались по части необычности ударений: хрущевская «мóлодежь», брежневский «развитóй социализм», горбачевские «мы'шление», «нáчать», «усугú-бить», «влóжить» и пр. Незабываемо его знаменитое «ху есть кто?». Достояна удивления «Мария» (так он называл республику Мари-Эл). Он так и не научился правильно выговаривать слово «Азербайджан», произнося его как «Арзебажан».

Или более свежие примеры из постсоветской жизни. Премьер-министр В.С. Черномырдин как-то заявил: «Я бы не стал увязывать эти вопросы так перпендикулярно. Мы продолжаем то, что мы уже много наделали»⁴. Газета публиковала перлы Б.Н. Ельцина: «Мы с Черномырдиным или врозь, как там придется, по лицам будем приглашать и спрашивать: в чем дело? Не вообще, понимаешь, а пригласил человека и спрашиваешь: ну как ты, министр, работаешь? Он говорит: да ничего. Ну давай дальше»⁵.

Специфика разговорной речи и того и другого схвачена настолько верно, что, если бы даже они этого не говорили, верится, что могли бы что-нибудь произнести в таком роде.

Эти особенности разговорной речи, естественно, не отражены в печатных текстах (они выправлены редактором) и зафиксированы только в звукозаписи. Вот вам пример важности такого источника, как аудиоматериалы, которые, однако, не все сохраняются.

Неграмотная речь - просто невежество, неграмотная речь вождя - оскорбление языка и народа. И наоборот, культура речи руководителя государства - гордость нации. Но такого у нас не было.

Дурной пример заразителен, большого начальства - особенно. Лингвистические перлы руководства вносили сумятицу, и люди уже не знали, где правильно ставить ударение в словах давно знакомых и привычных.

И вся эта мрачная и в то же время веселая чепуха, как термометр, определяла время, уровень национальной культуры и бескультурия тех, кто нами правили.

Изложенным, естественно, не ограничивается значение лингвистики в источниковедении. Например, для раскрытия содержания некоторых документов, особенно личного происхождения, большое значение имеет знание жаргона (сленга), т. е. слов и выражений, употребляемых людьми определенных возрастных групп, профессий или социальных слоев⁶.

Читая «Словарь блатного воровского жаргона» Д.С. Балдеева, дивисься обилию давно знакомых слов, о происхождении которых люди обычно и не подозревают. Тюремный фольклор (особенно песни), как, видимо, и тюремный жаргон, плотно вошли в наш быт и сознание. А как же иначе могло быть в стране, в которой половина населения сидела, а вторая стерегла сидевших?

Таким образом, жаргон, сленг - «категория» языка очень живая, подвижная.

Полноправным источником стали *фонодокументы*, в частности записи воспоминаний на магнитную пленку. Центральный государственный архив фонодокументов, сравнительно недавно об-

разованный, содержит большое количество подобных материалов.

Накопилось много *фото- и кинодокументов*. Они дают живое, наглядное представление о событиях, фиксируют их во всей внешней полноте, являются как бы материализованными копиями, слепами событий.

Эти новые источники также должны стать объектом источниковедческого исследования. Взглянем, хотя бы бегло, на документы, рожденные техническим прогрессом, с критической позиции. Зададимся вопросом: были ли, например, фотодокументы объектом фальсификации? На этот вопрос со всей уверенностью можно ответить утвердительно. Таких документов, особенно связанных с жизнью В.И. Ленина, немало, и их нетрудно обнаружить. Так, широко известно пятитомное издание воспоминаний о В.И. Ленине. Оно неоднократно переиздавалось. Но каждый раз в пятом томе публикуется фотография, на которой в группе людей, стоящих на Красной площади, видна чья-то нога без туловища. Значит, надо искать изначальное фотоизображение.

Впервые публикации настоящих и фальсифицированных фотоматериалов появились на Западе, вызывая растерянность наших идеологов. Например, издаваемый за границей на русском языке альманах «Память» дал весьма интересную подборку фотоснимков. Представьте себе какой-либо снимок заседания на высшем партийно-государственном уровне, на котором запечатлена группа из 20-30 деятелей. На фальсифицированном снимке изображено то же самое, но некоторые лица убраны. Кинодокументы фальсифицировать проще, так как технология монтажа примитивна - следует просто отрезать ненужный кусок.

Кстати, кино - правда, не документальное, а игровое - сыграло определяющую роль в фальсификации образа В.И. Ленина. В известном фильме «Ленин в Октябре» Ленин запечатлен, можно сказать, в классическом, канонизированном виде. Однако известно, что в октябрьские дни 1917 г. Ленин был без бороды и усов. Скрываясь от агентов Временного правительства, он их сбрил. Однако образ Ленина с бородой и усами в октябрьские дни перекочевал в другие фильмы, на полотна художников и в скульптурные изображения.

Фальсифицировать можно почти все, в том числе и *произведения изобразительного искусства*. Возникновение пустых кресел и лакун в групповых портретах в исторических источниках может свидетельствовать лишь об огромной силе давления властей на искусство и массовое сознание.

Этот прием - «удаление» персонажей из вполне готового и даже продемонстрированного широкой публике произведения -

применялся в определенных обстоятельствах для разрешения поставленных властями идеологических задач. В условиях политического террора упоминание о персоне поп грата само по себе было преступлением. После официального осуждения власти запрещали авторам произведений и публике далее вспоминать о существовании опальных политиков. Этот метод «исправления реальности» путем изобразительных подделок продемонстрирован еще на картине Давида «Клятва в Зале для игры в мяч» времен Великой французской революции. Картина неоднократно переписывалась уже после демонстрации ее зрителям по мере того, как уничтожались участники изображенного события.

Подобные события происходили и в России. Известны, например, два варианта картины Вл.А. Серова, на которой изображен В.И. Ленин, выступающий в 1917 г. на II съезде Советов. В первом варианте возле него стоит Л.Д. Троцкий, а во втором варианте его уже нет. II съезд Советов живописал И.А. Серебряный. Начав картину в 1937 г., он ко времени ее окончательного завершения в 1939 г. не раз менял состав действующих лиц. Любопытна также эволюция известнейшего полотна С.В. Герасимова «Портреты героев 1-й конной армии»: некоторые герои потихоньку исчезали с картины. Говорят, что после снятия Н.В. Подгорного с поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР (1977) на картине Д.А. Налбандяна «XXII съезд КПСС», находившейся в Третьяковке, оказалось пустое кресло.

Идеологическая подтасовка разительно отличается по сути своей от традиционного для парадного портрета облагораживания облика изображаемого лица. Украшательство, будучи привычным компонентом этого жанра, заняло свое законное место в художественном мышлении. Оценка уровня условности в произведении есть скорее эстетический, а не этический критерий. Портреты членов правительства, глав государств, видных политических деятелей (например, картины Ф. Шуприна «Утро нашей Родины (портрет И.В. Сталина)» (1946), И. Пензова «Портрет Л.И. Брежнева» (1977) и др.) отличаются напыщенностью и стремлением подчеркнуть внутреннюю значимость и внешнюю привлекательность персонажа, но при этом сохраняется историческая достоверность в передаче занимаемого персонажем положения и силы его влияния. Субъективность не может изменить суть объекта - зачастую она раскрывает негативные стороны как портретируемого, так и художника.

Групповые парадные портреты изображались в виде батальных сцен, военных и политических советов и далее культурных мероприятий (картины Д. Налбандяна «Малая земля» (1975) с Л.И. Брежневым, Л. Шиповского «А.А. Жданов на совещании де-

ятелей музыки» (1950) и др.). Причем центральный «объект восхваления» выделялся всеми художественными приемами, а также по методу «короля играет свита». К тому же многие из событий никогда не имели места в действительности. Все это напоминает изображение батальных сцен, когда художник помещает гарцующего на лихом скакуне полководца прямо на поле боя, под пушечным и ружейным огнем, прекрасно зная, что никто из полководцев на подобную глупость не пойдет, рискуя собой и победой ради принятия красивой позы под ураганным огнем противника,

Объединение устных источников и фольклора в одно целое и в то же время выделение каждого вида обусловлено следующими обстоятельствами. *Устные источники* - это изустно передаваемая информация о тех или иных событиях, нередко в форме слухов. *Фольклор* - это творческое, художественное отображение событий, иногда тех же самых. Граница здесь условна. Слух может превратиться в исторический анекдот, в миф, легенду, т. е. в разновидность фольклора. Легенды и мифы рождаются не только седой стариной, но и современностью.

В учебнике М.Н. Черноморского утверждается: «Фольклор не имеет того значения исторических источников, которое он приобретает при изучении более раннего периода»⁷. Это весьма распространенное заблуждение. Фольклор ценен и для изучения истории XX в. Частушки, анекдоты и другие подобные произведения хоть и гротесково, но необычайно метко схватывают суть ситуации, времени, передают портрет той или иной личности.

Устные источники XX в. - это не отвлеченная фиксация событий, а чрезвычайно важное и распространенное явление. Закрытое общество, каковым был СССР, живет слухами (как, впрочем, и любое другое, но СССР - особенно). Бытует мнение, что слухи - зло, с которым надо бороться. Но если только так квалифицировать слухи, то мы недооцениваем их значение и обедняем свои возможности познания мира.

Слухи возникают из-за желания знать правду либо, наоборот, скрыть ее, затуманить, исказить. Лучшее средство развенчания слухов - правда, но она не всегда возможна. Правду боялись во все времена, а поэтому слухи были и остаются. Их изучают как одну из особенностей формирования информационных процессов. Слухи создают огромное информационное поле и порой являются единственным источником информации. Они могут быть оригинальным источником для изучения истории страны, но, конечно, при осторожном, критическом подходе к ним. Слухи рождаются каждый день и сопровождают человека всю жизнь. История человечества наполнена слухами. Особенно много возникает их на крутых поворотах истории.

Устные источники - это не только слухи в традиционном понимании. Особенно сложным источником по степени достоверности являются, условно говоря, источники «дважды» изустные. Что это такое? Поясним на следующем примере. И.В. Сталин в последние годы жизни многие распоряжения отдавал в устной форме, обычно во время трапезы. А они касались видных ученых, государственных деятелей, а иногда и целых народов. И никто не смел ссылаться на Сталина. Некоторые его устные распоряжения стали известны позднее, уже после смерти вождя, в устном изложении свидетелей тех разговоров.

Имеет ли сказанное отношение к источниковедению? Ведь речь идет об устных разговорах, не зафиксированных в виде исторических источников. В последние годы такую информацию стали перекладывать на бумагу. Писатель К. Икрамов, сын известного репрессированного политического деятеля, в документальном романе-хронике «Дело моего отца», поясняя и обосновывая документальную основу своего произведения, писал: «Я буду и дальше говорить - «говорят». «Говорят» - почти единственный источник информации. Да и можно не ссылаться на говорящего, тем более в данных обстоятельствах это не всегда удобно»⁸.

Подобную информацию активно использовали писатели: Ю. Семенов в своем произведении «Ненаписанные романы», Р. Медведев почти во всех своих работах и другие авторы. Они никогда не оговаривали, откуда получен материал в каждом конкретном случае. Но здесь необходимо сказать, что из-за некритичности Ю. Семенова к добытым сведениям информационная ценность его книг в подавляющем большинстве случаев ничтожна.

Содержание разговоров Сталина и других деятелей, рассказы о любопытных встречах, событиях устно передавались очевидцами, а затем впоследствии или записывались ими, или такие записи делались с их слов другими лицами. И все эти рассказы нередко входили уже составной частью в мемуары.

Как квалифицировать эти разговоры и впечатления, записанные спустя десятилетия? В сущности, речь идет об особом типе исторических источников, которые по форме можно было бы отнести к традиционно известным памятникам устного народного творчества - легендам и преданиям.

Однако данными сюжетами более серьезно и квалифицированно занимается такое направление в исторической науке, как *устная история*.

Устные источники занимают колоссальное место в повседневной жизни. Благодаря им распространяются реальные или мнимые знания о прошлом и настоящем. Являясь важнейшим информационным каналом, слухи и легенды успешно конкурируют со

средствами массовой информации, а порой вторгаются на страницы газет, в радиозфир и на экраны телевизоров.

Говоря об эволюции видов письменных источников, необходимо рассмотреть *делопроизводственные документы*. Главная тенденция их эволюции - стремление к унификации, стандартизации формы для удобства обработки, учета и хранения документа на стадии его функционирования. Но что происходило с формулярами, структурой классических традиционных документов, например протокола? Что изменилось за сто лет? Ровным счетом ничего. А вот приговор сельского схода - важнейший документ деревенской жизни - менялся под влиянием городской жизни, революционных событий. Вместо старой формы заверительной подписи, которая стояла в конце (подписи всех членов схода или подписи за безграмотных), появилась более лаконичная, явно «протокольная» лексика - «председатель», «секретарь» и печать. Но в начале 30-х годов приговор схода исчезает вместе с исчезновением общины, которая была поглощена коллективизацией.

Количество и разнообразие делопроизводственной документации возросло необычайно. Кажется, невозможно уследить за разнообразием всех этих материалов. Возьмем хотя бы *отчет*. Эта форма множество раз изменялась и совершенствовалась. На начало июня 1990 г. в народном хозяйстве СССР действовали 574 формы межотраслевой отчетности. В этих условиях проследить эволюцию формуляра чрезвычайно трудно. Можно лишь отметить как положительное явление: делопроизводственные документы имели тенденцию к унификации, формализации, причем в такой степени и таком направлении, чтобы стать в какой-то своей части машиночитаемыми и удобными для обработки.

Обогащались формы *служебной переписки*, преимущественно по способу ее передачи: телеграммы, каблогаммы, телефонограммы, радиогаммы, факсы, телексы. Сюда можно отнести, видимо, и получение информации посредством компьютера через Интернет.

Новой формой *периодической печати* стал дайджест - периодическое издание, перепечатавающее (часто сокращенно) материалы из других изданий, в том числе секретные (например, «цветные» секретные обзоры ТАСС, в которых степень секретности определялась цветом обложки выпуска), еженедельные приложения к популярным газетам (например, «Собеседник» - приложение к газете «Московский комсомолец»).

Источники *личного происхождения* более, чем какие-либо другие, произвольны по форме и по содержанию, поэтому говорить об их видовой эволюции сложно. Хотя и появились новые формы (историческое интервью, блиц-воспоминания и др.), но они не

определяют лицо документов личного происхождения. Форма мемуаров и дневников осталась такой же, как и сто лет назад. Эпоха определяла, что писать в мемуарах, как писать, о чем умалчивать.

Статистика имела тенденцию к совершенствованию сбора информации, ее переработке. Но вид источника определяла на протяжении времени не форма, не технология обработки, а эпоха, которая фальсифицировала советскую статистику так, что ею почти невозможно пользоваться.

Единственная разновидность статистики, которую все это не затронуло в значительной степени, - это *переписи* населения. Достаточно назвать хотя бы такой принцип проведения переписей в XX в., как всеобщность охвата населения, чтобы сразу оценить преимущество этих материалов перед имевшими место в веке XIX. Можно добавить и еще один важнейший принцип - *единовременность* проведения. Единый во времени сколок общества дает возможность проследить его развитие по важнейшим параметрам на значительной временной протяженности. Источники XIX в., и тем более ранних эпох, такой возможности не предоставляют.

Новое явление публицистики XX в. - *самиздат*. Это нелегальная подпольная литература. Таковая была известна и прежде. Это листовки, тайные документы декабристов и масонов, литература, ходившая в списках по рукам. Большая часть подобных текстов осталась и в XX в., но появились новые разновидности или жанры: открытые письма, открытые коллективные письма - обращения к «вождям», подписанные известными людьми (писателями, артистами, учеными и пр.); сокращенные изложения судебных процессов над правозащитниками и диссидентами (но не стенограммы или протоколы!); самиздатовские журналы и пр. По сравнению с официальной публицистикой нелегальная резко выделялась своей содержательной частью.

Законодательные документы изменялись в основном следующим образом; полностью исчез такой и прежде редкий документ волеизъявления монаршей власти в России, как манифест. Вернее, он стал употребляться в ином, более демократичном качестве - как программный документ творческих союзов писателей и поэтов, художников и других артистических объединений.

Большевики любили многие ситуации описывать в терминологии Великой французской революции. В частности, по аналогии с ее документами стали называться документы, издаваемые советской верховной властью: декларации, декреты. Но декларациям была уготована недолгая жизнь. Помимо нескольких («Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Декла-

рация об образовании СССР»), принятых в 1917-1922 гг., более таковых не появлялось. Затем декларации была отведена скромная роль, весьма далекая от торжественного провозглашения основных политических принципов государства, - например, таможенная декларация или декларация о доходах. Декрет - более распространенная разновидность законодательных актов. На протяжении тех же лет (1917-1922) декрет оставался основным законодательным документом советской власти.

Прочно укоренилось слово «конституция», давно известное русскому обществу (особенно из документов декабристов), но нашедшее реальное воплощение только в Конституции РСФСР 1918 г. - первой российской конституции. В документы, решительно вторгшиеся в «номенклатуру» высших законодательных актов с начала 30-х годов, решительно вошло такое новое явление, как совместные постановления ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров (ЦК КПСС и Совмина СССР). Этот нормативный акт совершенно не соотносывался со всеми понятиями о законе, так как вопреки Конституции и здравому смыслу наделял верховный орган партии большевиков законодательной властью. И подобное существовало несколько десятилетий, вплоть до ухода КПСС с исторической арены.

Комплекс материалов партийных организаций и общественных движений явно не видовой (это группировка по происхождению), но он традиционно выделялся в источниковедении. Данная группа документов не имеет особых видовых признаков, характерных только для документов КПСС. Возможно, что лишь типично партийными (организациями) являются программа и устав, да и то с оговорками, так как подобные документы были известны и до возникновения политических партий в России в начале XX в. Но именно эти документы более, чем какие-либо другие, характеризуют лицо и сущность той или иной партии.

Конец XX в. ознаменовался колоссальным расширением круга исторических источников новейшего времени, которые стали доступны исследователям. Это прежде всего материалы российской эмиграции. Далее - это расширение сети архивов, которые поступили в распоряжение исследователей. Они получили возможность пользоваться иностранными архивами. Кроме того, были открыты отечественные, ранее недоступные архивы (КГБ, церкви и др.). Наконец, в еще большем масштабе исследователи получили доступ к секретным фондам уже известных архивов.

Ждут освоения также комплексы документов, которые пока только обозначены: акты, публицистические, художественные произведения и др.

ГЛАВА 2

Особенности советских источников

В ГОДЫ так называемой перестройки наблюдался стремительный взлет интереса общественности к отечественной истории и столь же неожиданное его падение, за которым стояла начавшаяся апатия, вызванная ухудшением уровня жизни, обострением политических противоречий.

Вместе с тем открылись хорошие условия для развития исторической науки, которая, несколько активизируясь, все же отставала от развития общественно-политической жизни страны, от новых социальных запросов. Переосмысление истории шло на площадях, в студенческих аудиториях, в производственных коллективах. Но научное переосмысление исторического прошлого невозможно без корректного источниковедческого анализа как уже известных, так и вновь вводимых в научный оборот исторических источников. Историк бессилен без фактического материала. А факты он может почерпнуть из исторических источников, качество и надежность которых справедливо поставлены под сомнение.

Ныне открыты спецхраны библиотек, рассекречены многие архивные фонды. Мы должны взглянуть на ранее известные документы по-новому. (Здесь и далее понятие «документ» употребляется в значении исторического источника.) Вот почему вопрос об оценке нашего документального наследия приобрел важнейшее значение.

Квалифицированная оценка документов прошлого - это область источниковедения. Тогда его роль как важнейшего оружия в руках историка должна возрасти. Источниковедческие методы дают возможность извлечь максимально достоверную информацию из документа. С этой целью необходимо прежде всего найти и выявить источники для решения поставленной задачи: установить авторство, датировку, происхождение, характер и роль изучаемого документа (типичен или уникален источник, имеет ли предварительную или окончательную редакцию, достоверен ли он, какова его представительность, насколько адекватно отражается в нем суть исследуемого явления). Далее выбирается методика анализа источника или группы источников. В этом, собственно, и состоят основные задачи источниковедения, причем центральной, стержневой задачей, безусловно, является вопрос, о достоверности источника.

Извлекая информацию из источника, важно помнить два существенных обстоятельства:

1. Источник не является объективным отражателем события, он дает лишь ту информацию, которую в нем ищет историк, отве-

чает только на те вопросы, которые историк ставит перед ним. И полученные ответы всецело зависят от заданных вопросов.

2. Источник не является объективным отражением истории и потому, что он передает событие через мировосприятие автора, его создававшего. Это обстоятельство имеет важное значение, ибо то или иное понимание картины мира, существующее в сознании создателя источника, так или иначе воздействует на те данные, которые он фиксирует.

Формула восприятия мира, внедряемая советской идеологией, укладывалась в нехитрое построение: мы делаем великое дело, а в капиталистическом мире все помыслы направлены на наживу, секс и подготовку войны. У нас - человек человеку друг, у них - человек человеку волк. Подобной философией проникнут почти любой источник. Даже безликая статистика, создававшаяся усилиями не одного человека, «берет» и «отражает» лишь то и так, как ее воспринимают в соответствии с идеологическими установками люди, составлявшие программу того или иного обследования. В результате не только искажение или утаивание части информации, но и невозможность установления истинности и реального значения данных, поскольку они оказывались несопоставимыми с мировой статистикой, полученной по иной методике. И речь идет не столько о, так сказать, технологии сбора и обработки статистических материалов. Наша методика не просто иная технологическая операция, а скорее - операция идеологизированная, ибо ее цель не установление истины, а демонстрация, причем во что бы то ни стало, все возмраставших достижений советского общества.

Период сталинизма, затем эпохи застоя и социального лицемерия наложили сильнейший отпечаток и на литературу, и на документы. Порой документы делали специально непригодными для раскрытия исторической правды, чудовищной ложью, приписками или умолчанием заслоняя истинное положение дел.

Это дает основание утверждать, что к источникам советской эпохи, точно так же, как и к более ранним документам, требуется критический подход. Эту, казалось бы очевидную, истину следует особо подчеркнуть. Дело в том, что в разное время советские историки высказывали мысль или молча подразумевали, как само собой разумеющееся, что документы советского периода почти абсолютно достоверны. Этому в значительной степени способствовало отсутствие доступа к широким пластам архивных документов, а именно архивы давали бы возможность проверить сомнительные факты в опубликованных документах. Поэтому долгие годы в источниковедении советского общества по существу сводилась на нет критика источника.

Правда, после XX съезда КПСС наметились некоторые сдвиги. Возрос интерес к теоретическим проблемам источниковедения. Большое значение имели статьи С.И. Якубовской, посвященные изучению и публикации источников по истории советского общества. Именно она вместе с В.П. Даниловым поставила вопрос о необходимости критического отношения к историческим источникам советской эпохи. Лишь немногие историки разделяли тезис о необходимости критического отношения к документам советского общества. Но отступила недолгая «оттепель» 60-х годов, и все вернулось на круги своя.

Если взять первое издание учебника М.Н. Черноморского, вышедшее в свет в 1966 г., то в нем положение В.П. Данилова и С.И. Якубовской о необходимости критического отношения к источникам советского периода всячески поддерживается. Но если мы обратимся ко второму изданию учебника, вышедшего в 1976 г., то там ничего подобного уже не отыщется.

Итак, утверждение о какой-то особой природе исторических источников по истории советского общества, якобы дающее им преимущество в доверии перед документами других эпох, лишено всякого смысла и не соответствует истине. И все же, если и говорить об особой природе советских источников, об их специфике, то таковая имеется. Это их тотальная идеологизация. Хорошо налаженная в СССР агитационно-пропагандистская работа ловко придавала желательный смысл любому факту, освещая его с самой выгодной для режима стороны. Рождались не просто идеологические штампы и мифы, как необходимая атрибутика восхваления советского строя, а система методов, приемов, условий, при которых теоретически, морально обосновывались любое действие, факт и вообще все, что угодно, в любом необходимом направлении, качестве и окраске.

Чтобы понять смысл искажений, недомолвок и прямых фальсификаций документов, надо выяснить, для чего и почему это делалось. И корни надо искать в деформациях нашей духовной жизни, морали, экономики.

Возьмем экономику застойных лет. Здесь сложился и функционировал внеэкономический метод управления народным хозяйством. Наиболее яркие черты такого метода проявились в следующем: жесткая централизация планирования и картонное (по существу) распределение ресурсов, преобладание властных мотиваций в системе управления, административные методы принятия решений, ориентированные на количественные параметры, иерархические критерии оценки руководящих кадров, постоянное воспроизводство уравнилельных тенденций и т. д. Все это порождало неучтенные, нерегламентированные, не предусмотренные инструкциями методы хозяйственной деятельности.

Просчеты, недостатки в планировании, снабжении, финансировании, распределении материальных ресурсов - как следствие вне рыночной экономики - понуждали хороших хозяйственников ради производства действовать неправыми средствами. Естественно, все это соответствующим образом отражалось в документах или не отражалось вовсе.

Многое в документах не фиксировалось вообще, поскольку резко возросло значение личных отношений. Так, недостатки планирования («от достигнутого») обходились в хозяйственной жизни кулуарными способами. Между директорами заводов и работниками министерств или главков достигалась договоренность по поводу желательного для завода плана, своего рода негласное соглашение. В результате предприятию сверху спускали в той или иной мере заниженный план, чтобы можно было приспособиться к изначально заложенной в систему планирования ненормальности. Естественно, документально он был оформлен правильно и в то же время был фальсифицированным, ибо ориентировался не на фактические, оптимальные, а на искусственно урезанные возможности предприятия. Однако установить это не просто, и здесь задача и компетенция не столько источниковедов, сколько следователей.

Такие «игровые» отношения и «джентльменские соглашения» базировались не на административно-приказных, а на личных, неформальных контактах и связях. Явление это возникло не в годы застоя, а гораздо раньше. Уже в 1935 г. в кинофильме «Три товарища» показан складывавшийся новый тип советского хозяйственника. Участник и бесстрашный боец гражданской войны стал прожженным хозяйственником, который, балансируя на дефиците, выбивал все, что ему было нужно, не брезгуя, впрочем, даже самым натуральным разбоем. Этот образ, талантливо воплощенный М.И. Жаровым, воспринимался как отклонение от нормы. Но на самом-то деле зарождавшемуся явлению была уготована долгая жизнь.

В этой связи уместно заметить, что введенный в годы так называемой перестройки Г.Х. Поповым термин, определявший суть советского режима как «административно-командной системы», не точен уже хотя бы потому, что не принимался во внимание мир неофициальных отношений. Личностные отношения своей способностью к маневрированию, нюансам как бы смягчали изначальную жесткость приказной системы, особенно на уровнях непосредственного исполнения той или иной директивы.

Видимостью были и якобы производимые материальные ценности. Производиться может не только реальная, но и фиктивная стоимость - то, чего нет в природе, а есть на бумаге, т. е. мираж, натуральная «мертвая душа».

Нетрудно заключить, что подобная экономика порождала не только искаженную документацию, но исподволь меняла и человека: складывались иные представления о моральных ценностях. Поэтому двойная мораль насквозь пропитала и нашу духовную жизнь.

Главной причиной, деформировавшей духовную жизнь, была манипуляция общественным сознанием. Именно манипуляция, а не ошибки и заблуждения, которые можно было бы понять и объяснить. Это была сознательная, планомерно осуществляемая политика, которая последовательно и жестко направляла духовное развитие общества по некоей заданной схеме. Внешне все выглядело достойно. Была поставлена цель: сделать духовный мир советского человека неповторимым, богатым и разносторонним. Но добивались этой цели, не считаясь с реальной обстановкой, с объективными потребностями общественного развития. Все было ориентировано на убогое и примитивное восприятие окружающей действительности, на заранее сформулированный идеал, удовлетворяющий ограниченные вкусы и потребности.

Взгляды и мнения людей представляли противоестественный компромисс между официальными установками и тем, о чем думал, размышлял человек, о чем говорил с близкими людьми или с друзьями. В этих условиях пышным цветом расцвело двоемыслие. Что это такое?

Вообще-то двоемыслие - неизбежное явление общественного сознания в любом обществе. Но двоемыслие в эпоху сталинизма и постсталинизма в корне отличается от двоемыслия в нормальном, демократическом обществе. Там - это как бы естественное проявление многомерности человека и его сознания в условиях плюрализма и разнообразия. В советском обществе двоемыслие— следствие тотального контроля за поведением и мышлением человека, одновременно и стереотип, и защитная маска, становившаяся ликом.

Официально люди делали одно, а в личной жизни поступали совсем по-другому. Такой жизнью приучались жить и дети. Школьники рассказывали анекдоты о Брежневе и писали о нем сочинения «Слово о настоящем коммунисте».

Манипуляция общественным сознанием приобрела огромный размах. Шла откровенная спекуляция на идеалах и устремлениях людей, когда должное легко заменялось нужным, ложно понятым общественным, а чаще всего групповым или личным интересом. Руководство КПСС и послушные ей средства массового воздействия на сознание людей постоянно и навязчиво стремились доказать, что мы - самые лучшие, передовые, прогрессивные. Беспардонное хвастовство, чванливость не сходили со стра-

ниц газет и переполняли все средства массовой информации. Из духовной сферы последовательно вытравлялись такие качества, как открытость, искренность, правдивость. Поощрялась позиция «не быть, а казаться», которая открывала дорогу карьеристам.

Несмотря на расхождение между теоретическими установлениями и жизнью, делалось все, чтобы закрыть глаза на это противоречие. Вследствие этого росло недоверие к официальным заявлениям и решениям при внешней демонстрации полного с ними согласия. Выработывалось стойкое убеждение: опасно говорить правду, лучше высказывать то, что от тебя хотят услышать. Вот и говорились правильные слова, которым тот, кто их высказывал, вовсе и не собирался следовать в жизни.

Пропаганда создавала образ некоего исключительного по своей роли и положению общества. Так культивировалось мифологизированное сознание, когда при помощи пропаганды, средств массовой информации, научных выкладок бюрократическую централизацию выдавали за демократию, провалы - за достижения. Совсем как в романе Оруэлла «1984 год», в котором партийные лозунги на здании министерства правды гласили: «Война - это мир», «Свобода - это рабство», «Незнание - сила!». Всякое инакомыслие каралось под тем или иным предлогом. Попытки критического осмысления истории страны и современности квалифицировались как очернительство. В сознание и психологию людей глубоко проникла идеология не «как сделать», а «как подать».

Самыми нелепыми были методы решения неотложных проблем. Пустели тысячи деревень, а людей убеждали в успехах сельского хозяйства. Исчезали с прилавков товары, во многих магазинах провинциальных городов закрывались за ненадобностью мясные отделы, ибо торговать было нечем, в то же время не смолкала пропаганда радио и газет о росте потребления мяса, молока, яиц. Все труднее решалась жилищная проблема, а людей убаюкивали сведениями о введенных в строй квадратных метрах.

Социальное лицемерие и социальная демагогия прочно утверждались в жизни общества. Как это достигалось? В основном тремя способами: необоснованным засекречиванием, произвольной цензурой, изоощренной техникой лжи, являвшейся одним из основных орудий манипулирования сознанием.

Манипулирование сознанием общества и тотальный контроль над ним - явления неразрывные. В каждый момент времени в информационном пространстве общественного сознания существуют только те тексты, сообщения, которые нужны и актуальны. Именно им пропаганда и средства массовой информации приписывают значение истинности, достоверности, ценности, правдивости. Все остальное изгоняется, снимается, табуируется.

Для советских средств массовой информации была характерна не столько «фигура умолчания» (термин, введенный в 60-е годы В.П. Даниловым), сколько «замещение информационной среды» (термин И.Л. Беленького). Последнее ежеминутно и ежесекундно рождает ложные, искаженные представления о картине мира в ее общей интерпретации и конкретно-исторических образах. Но именно сознательно направленные и дозированные соответствующими службами псевдознания и нужны гражданам тоталитарного государства. Разумеется, нужна тоталитарному государству и история, но лишь такая, которая оправдывает и объясняет всякий раз настоящее. Так формируется канон исторических представлений.

Потрясения в обществе, а они в тоталитарном государстве, прежде всего, есть репрессии, уничтожение тех или иных групп политических деятелей, деятелей культуры, социальных слоев и групп, этнических общностей, приводят к частичному переписыванию истории. Канон остается, но его отдельные составляющие могут стираться. Печатные или архивные тексты уничтожаются либо запрытываются в «спецхраны». Исчезают имена и события. Все направлено на то, чтобы стереть их из памяти общества, Общий контур социальной мифологии остается неизменным. Но массовые идеологические кампании формируют сознание и настроение масс, коллективное сознание и коллективную психологию.

Приведем простой пример. Сравните различные издания «Тихого Дона» М.А. Шолохова: из романа от издания к изданию исчезали реальные лица. Выход из такого противоречия между литературой и жизнью писатели находили. Например, А.А. Фадеев в своих произведениях стремился поменьше упоминать фамилии конкретных лиц. Мало ли что может произойти с людьми? Судьба ведь превратна.

Важнейший инструмент манипулирования сознанием - обращение к идейному наследию создателя советского государства. Гений политического прагматизма и релятивизма В.И. Ленин конкретно-ситуативным разнообразием оценок тех или иных исторических моментов, суждений по тем или иным вопросам предоставил продолжателям своего дела возможность цитировать то, что нужно в тот или иной момент.

Манипулирование общественным сознанием вкупе с другими факторами самым непосредственным образом влияли на моральное состояние людей. Моральное разложение общества дошло до крайности. Известный сатирик Эмиль Кроткий сказал великие слова: «Если бы воры составляли большинство, честность была бы наказуема как преступление». Неизвестно, сколько в нашем

обществе было и остается преступников-воров, но если в советском обществе дошло до того, что честность была наказуема, воров имелось более чем достаточно.

Такое моральное состояние общества самым непосредственным образом сказывалось на документах эпохи: не выговоренные до конца мемуары, скрывающие невысказанную горькую правду, «приписная» статистика, бодрые, «единые по духу» и высказывания письма трудящихся, их безликие выступления на различных съездах и конференциях, дутые рапорты, фантастические обязательства и почины, которые неизвестно чем заканчивались.

С точки зрения источниковедения здесь существуют две проблемы. С одной стороны, таким документам - неискренним, лживым - невозможно верить. Но, с другой стороны, как раз это как нельзя лучше характеризует советскую эпоху. И даже умолчание источника - это скрытая информация. Такой документ с полным основанием можно спросить: о чем молчим?

Проиллюстрируем сказанное. Из нашей статистики постепенно исчезали данные о детской смертности: она в стране с определенным временем стала заметно возрастать. А это никак не совмещалось с представлением о самом лучшем обществе в мире, и были предприняты меры, которые ликвидировали, естественно, не детскую смертность, а информацию о ней.

Необоснованное засекречивание информации, как уже отмечалось, - это одно из главных средств внедрения в сознание людей социального лицемерия.

Система до абсурда расширила понимание «служебной информации». Из-за бюрократического узурпирования права на информацию постоянно нарушалась социальная справедливость, которая заключается в равном праве на доступ к социально значимой информации, являвшейся, как и другие общественные ценности, общенародным достоянием. Отсутствие или неразработанность законодательных положений о праве на информацию в сочетании со сложившейся системой ограничений на практике ведет к деградации библиотечного и архивного дела, к информационному голоду, повышает вероятность ошибочных решений, заменяет знания мифами, порождает слухи, а главное - тормозит творческую активность.

Информационный голод, испытываемый населением, постепенно проходит. Однако эффективно действующая система информирования граждан о процессах, происходящих в обществе, еще не отлажена, а сами процессы исследуются недостаточно.

Существовавшие информационные пробелы, возникавшие из-за отсутствия достоверной политической и социально значимой информации у населения, приводили к серьезным сдвигам в

мнениях людей. Отсутствие достоверных данных либо распространение неточной информации не позволяло добиваться успехов в устранении негативных явлений в обществе. Статистические сборники выходили без сведений, характеризующих преступность, теневую экономику и пр. Были неизвестны масштабы пьянства, проституции.

Информационная дискредитация граждан на протяжении десятилетий превратилась в средство отлучения от власти рядовых тружеников, специалистов высшей квалификации, работников культуры. Сам подход, нацеленный на перекрытие потоков информации, необходимой для граждан, является ущербным, поскольку обрекает живую систему общественных отношений на информационный голод, что не позволяет живому общественному организму развиваться.

Устранить информационный голод возможно лишь путем изъятия власти у инфократов, т. е. у людей, которые по роду своей деятельности имеют доступ к той или иной информации и используют ее для реализации своих властных полномочий.

Отмеченные особенности источниковой базы истории советского общества не снимают информационной ценности составляющих ее исторических источников. Необходимо уметь извлекать нужные сведения из источников, чем и призвано заниматься источниковедение.

Источниковедение - это оценка возможностей использования того или иного конкретного источника (или группы источников) в научной работе, практических целях, публицистике, художественной литературе, публикаторской работе, музейном деле и т. д.

В наше время перед историками, историками-архивистами стоит сложнейшая задача восстановления исторической истины, поскольку повсеместно на крупницы правды нагромождены груды чудовищной лжи. И это нельзя забывать ни на минуту, работая с источником.

Источниковедение является одной из важнейших вспомогательных исторических дисциплин, находящейся в тесной связи с комплексом других вспомогательных исторических дисциплин - например, с археографией, архивоведением. В то же время источниковедение имеет прямой выход на пограничные с историей науки: экономику, статистику, социологию и пр. Источниковедение - это увлекательный мир поиска. Оно явно обнаруживает свою тесную связь с криминалистикой: ведь приходится сталкиваться с изучением почерков, печатей, помет, с текстологией, установливать авторство и датировку документов.

Изучение конкретных документов не только помогает лучше понимать историю и современную эпоху, становиться профессиональным специалистом, но и пригождается в обыденной жизни, ибо умение грамотно и убедительно вести диалог с собеседником дает опыт аналитической работы с документами.

Переходя к обзору видов исторических источников советской эпохи, еще раз напомним, что данная видовая структура источниковой базы характерна в целом для нового и новейшего времени, поэтому в этой главе выявляется лишь специфика того или иного вида в сравнении с той видовой моделью, которая представлена в обзоре исторических источников нового времени.

ГЛАВА 3

Законодательство и законодательные источники

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО относится к важнейшим документам по истории любого общества, поскольку составляет правовую основу государства; оно регулирует и направляет всю повседневную работу государственных и общественных организаций, вводит отношения между гражданами и организациями в определенную юридическую норму.

Особенность советского законодательства вытекала из принципа соединения законодательной и исполнительной работы, слияния управления с законодательством. В этом В.И. Ленин усматривал важнейшее отличие советской республики от буржуазного парламентаризма. Поэтому до принятия Конституции СССР 1986 г. законодательная власть осуществлялась несколькими органами: съездами Советов СССР и союзных республик, ЦИК СССР и республик, СНК СССР и республик⁹. Конституция СССР 1936 г. разделила законодательную и исполнительную власть и определила для каждой из них те виды актов, которые они имели право издавать. Среди них законы, принимаемые сессиями Верховного Совета СССР, Президиумом Верховного Совета СССР, постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров СССР (Совета министров СССР)¹⁰.

Однако с 1931 г. в практику вошло принятие совместных постановлений СНК СССР и ВКП(б), что являлось абсолютно неправовым действием, так как коммунистическая партия не имела, по Конституции, таких полномочий. Тем не менее они стали важнейшими директивными указаниями по самым разнообразным вопросам народно-хозяйственной и культурной жизни страны.

Законодательные акты требуют строгого и объективного анализа как юридические документы и как исторические источники. Историка приходится сталкиваться с актами, и утратившими и сохраняющими юридическую силу.

Законодательный акт - особый вид исторического источника. Он требует применения определенных приемов анализа, позволяющих наиболее полно раскрыть его содержание, значение, особенности. При общности основных принципов изучения законодательных актов методика работы с ними не одинакова. Это зависит от типа документа, назначения, времени создания и пр. Скажем, конституции и конституционные акты изучаются несколько иначе, чем аграрное, трудовое или другое законодательство; различия в разработке, прохождении и утверждении современного законодательства от создания первых декретов советской власти неизбежно вызовут и различия в методике их изучения.

Источниковедческий анализ законодательства может проводиться в нескольких плоскостях. В каждом случае будет ставиться специфическая задача: изучение истории текста акта, установление роли того или иного лица в его разработке, анализ места акта в системе законодательства; выяснение характера законодательной нормы, господствующих правовых представлений; исследование законодательного акта как отражения в нем тех или иных аспектов социально-исторической действительности; анализ его реализации, толкования и других аспектов его жизни до момента утраты им юридической силы или переработки.

Методика работы с законодательными актами лучше, чем с другими видами источников, поддается обобщению. Этому в определенной мере способствует устойчивая на протяжении значительного времени структура законодательного акта как документа и наличие или далее обязательность (в подавляющем большинстве случаев) некоей иерархической системы его прохождения при создании от замысла до окончательной редакции и публикации.

Клаузулы законодательного акта могут быть представлены в следующем виде:

1. Название законодательного акта (если публикация не текущая, то иногда указывается на наличие изменений и дополнений, принятых за время функционирования акта).
2. Кем и когда принят.
3. Текст:
 - 3.1. Преамбула;
 - 3.2. Нормативные статьи с подпунктами и разъяснительными примечаниями к некоторым из них;
 - 3.3. Приложения (в частности, ими могут быть документы или извлечения из них, на которые опираются статьи закона).

4. Заверительная подпись верховной власти.

Так или примерно так выглядит структура законодательного акта, почти не менявшаяся весьма продолжительное время. Увеличивалось лишь количество разновидностей законодательных актов и расширялась сфера их применения.

Суть и сила закона - в безусловности его выполнения всеми членами общества, в котором он функционирует. Однако это условие в советском обществе не соблюдалось.

1. Методика источниковедческого анализа

Процедура исследования может быть в самом общем виде представлена следующим образом:

- I. Реконструкция процессов создания законодательных актов.
 - II. Анализ содержания и толкования норм законодательного акта.
 - III. Осуществление законодательного акта.
- Более подробно схема будет выглядеть так.

I. Реконструкция процессов создания законодательных актов

Источники права

Всякое право является системой норм, выражающих волю господствующего режима. Содержание воли, представленной в праве, определяется социальными факторами. Экономика непосредственно не приводит к возникновению норм права. Экономические факты проходят через сознание людей и в виде правовых идей и требований воплощаются в праве. Огромное влияние на формирование права оказывают политика, борьба и сотрудничество классов и социальных групп. Эти факторы служат необходимыми предпосылками (экономическими, политическими и др.) возникновения правовых норм, но не могут рассматриваться как непосредственные причина или сила, вызывающие их появление. Эти предпосылки выражены в праве не прямо, а через посредство государства.

Для советского права основным источником права считался нормативный правовой акт. Однако нужно упомянуть и такие источники права, как нормативные акты общественных организаций (прежде всего КПСС), юридическая наука, обычай. Ныне обычай (обычное право) как источник права почти не находит применения, а вот в Земельном кодексе 1922 г. еще имелись отсылки к обычаям при разделе крестьянского двора. Конечно, не-

обходимо учитывать практику революционного времени и «социалистического» строительства.

Законодательная инициатива

Непременным условием анализа является выяснение причин возникновения документа, изучение конкретно-исторической ситуации, обусловившей появление закона. Законодательная инициатива на разных этапах развития государства не была стабильным явлением. Лишь по Конституции 1936 г. законодательная инициатива стала принадлежать только Верховному Совету СССР. После XX съезда КПСС особенность важнейших законодательных актов заключается в том, что основные принципы их были предварительно обсуждены высшими партийными органами.

Законопроекты

Появление законопроектов, как правило нескольких, следующих друг за другом (а иногда и параллельно), связано с деятельностью специальных комиссий. При этом иногда надо различать комиссии, официально утверждаемые высшими органами государственной власти, и так называемые рабочие комиссии, в которые привлекались специалисты. Эти рабочие комиссии и создавали первоначальный проект закона в целом или по частям (темам). Наиболее четко это прослеживалось при создании Конституции СССР 1936 г., когда, помимо официальной Конституционной комиссии, работали несколько рабочих (правовая, по труду, по избирательной системе и т. д.). Анализ проектов требует тщательного сопоставления текстов различных редакций.

Обсуждение законопроектов

Обсуждение проходило на различных уровнях: съезды Советов, ВЦИК, различные комиссии и подкомиссии, партийные фракции (в период вхождения левых эсеров в состав советского правительства). Валено установить этапы и очередность прохождения законопроекта. Разработка аграрного законодательства, как никакого иного, проходила в острой политической борьбе; нередко первые декреты отражают и следы компромисса и чуждой большевикам идеологической терминологии («социализация» - наиболее яркий тому пример).

Работа редакционных комиссий

Редакционные комиссии отличаются от рабочих тем, что совершенствуют уже готовый текст законопроекта перед его окончательным утверждением. Однако это не значит, что на данном этапе работы в законопроект вносились лишь незначительные поправки. Нередко именно на этой стадии текст подвергался существенной правке, что резко изменяло смысл отдельных важных статей или целых разделов (например, замена земельных комитетов советами как органами распоряжения землей в «Основном законе о социализации земли»; коренная переработка первого раздела Конституции СССР 1936 г. после первого прочтения проекта И.В. Сталиным 17 апреля 1936 г., в результате чего трактовка общественного строя СССР как общества бесклассового была устранена).

Окончательная редакция и ее роль в историческом исследовании

Окончательная редакция для первых декретов не всегда тождественна первым публикациям, о чем свидетельствует многолетняя кропотливая работа Е.Л. Луцкого над декретом «О земле». Для всего дальнейшего законодательства последняя редакция, отражавшаяся в подлиннике законодательного акта, имеет уже чисто символическое значение, ибо закон находится в действии по обнародованному тексту.

Публикации

Законодательные акты начиная с 25 октября 1917 г. публиковались в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства», в «Собраниях Указов и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства», в «Известиях ВЦИК». Научное издание первых декретов (наиболее полное, с тщательной выверкой текстов предыдущих публикаций, наличием предварительных набросков и редакций, комментариями и т. д.) осуществляется серией «Декреты Советской власти» (с 1957 г. по настоящее время вышло 14 томов, издание продолжается).

После образования СССР законодательные акты стали публиковаться в «Собрании Законов и Постановлений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР» (СЗ). Считалось, что оно вбирает в себя все законы. Но это далеко не так. Значительная их часть не вошла в СЗ.

*II. Анализ содержания и толкования
юридических норм законодательного акта*

1. Структура содержания.

2. Юридические нормы.

Здесь важно подчеркнуть следующее:

а) что нового вносит данный законодательный акт по сравнению с предыдущими;

б) толкование юридических норм законодательного акта его современниками и историографией может отличаться; при этом историографическая оценка законодательного акта может меняться (например, оценка «Основного закона о социализации земли»).

3. Историческое значение.

Необходимо различать юридическое и морально-политическое или историческое значения документов. Скажем, «Основной закон о социализации земли», а затем и последующее аграрное законодательство полностью поглотили содержание декрета «О земле», однако декрет не потерял своего исторического значения как первый документ, ликвидировавший помещичье и иное нетрудовое землевладение.

III. Осуществление законодательного акта

1. Обнародование, распространение.

2. Толкование.

В царской России народ боялся законов, а еще более - их вершителей. Недаром говорили: «Законы святы, но исполнители - лихие супостаты».

Советская власть с первых дней своего существования стремилась утвердить доверие к закону. От понимания каждым руководящим работником того или иного закона зависели судьбы миллионов людей.

Поэтому необычайную важность приобретает вопрос об интерпретации, особенно первых декретов, как в центре, так и на местах. Например, I Всероссийский съезд земледельцев, комбедов и коммун, состоявшийся в декабре 1918 г., показал непонимание некоторыми делегатами существа момента. Даже такой ответственный работник, как В.Н. Мецераков, характеризуя «Положение о социалистическом землеустройстве», сводил главную задачу закона к «скорейшему установлению единообразных форм землепользования и к подготовке условий скорейшего перехода земледельцев от единоличных форм хозяйства к коллективным»¹¹.

В становлении и развитии первых совхозов существенное влияние оказало различное толкование большевиками и левыми эсерами 13-го пункта «Основного закона о социализации земли».

Местное правотворчество также является показателем восприятия, преломления и дальнейшего развития закона. Данный элемент особенно важен в период активизации народного правотворчества. В этих условиях надо учитывать наличие центроостремительных сил, старавшихся быть максимально независимыми от центра и по-своему (не в смысле разнообразия творческого применения, а в смысле весьма вольного толкования) проводившими (а то и не проводившими) в жизнь тот или иной закон. Например, изучение применения на местах декрета СНК от 12 апреля 1918 г. «О потребительской кооперации» показывает весьма вольное толкование его в ряде мест, стремление свести на нет идею компромисса с буржуазными кооператорами и осуществить в той или иной форме план создания потребительских коммун на базе полной национализации старых кооперативов, что в корне противоречило основным установкам декрета.

3. Инструкции, связанные с воплощением в жизнь законодательного акта, прямо (например, инструкция по осуществлению «Основного закона о социализации земли») либо косвенно связаны с тем или иным законом. Вместе с тем инструкции - отражение того, как воспринят закон на местах, какие разъяснения к нему необходимы и т. п.

4. Запросы в центральные государственные и партийные учреждения с мест за разъяснением тех или иных положений закона также важный элемент восприятия и применения (в смысле быстроты, смекалки, инициативы) того или иного закона.

5. Различная информация по ходу осуществления того или иного закона.

Очередной важный этап в работе с законодательными источниками - определение структуры источниковой базы исследования. Она, на наш взгляд, должна включать следующие группы документов:

1. Документы законодательной инициативы.
2. Все редакции проектов.
3. Тексты проектов с замечаниями руководителей партии и правительства, заинтересованных ведомств и учреждений.
4. Окончательный текст.
5. Материалы обсуждения.
6. Поправки, внесенные в ходе обсуждения и редактирования.
7. Информация о прохождении законопроекта.
8. Переписка.

9. Воспоминания, дающие возможность установить или уточнить детали, порой очень важные, на всех стадиях прохождения законопроекта.
10. Юридические и правовые документы, составляющие основу законопроекта.
11. Публикации закона.

Само собой разумеется, что на всех этапах источниковедческой работы с любой из названных групп документации предполагается применение всего комплекса источниковедческой критики.

Особое место занимает текстологический анализ проектов. Чем больше статей в законопроекте, чем больше редакций, тем больший объем работы приходится выполнять, иначе невозможно определить направление доработки законопроекта, а следовательно, выяснить, какие силы и конкретные авторы стоят за поправками, что особенно существенно в период межпартийной борьбы.

Проблема авторства имеет немаловажное значение. Закономерно, что круг лиц, работающих над законопроектом, постепенно расширяется. Вообще же советские законы не являются плодом творения одиночек. Это продукт коллективного творчества.

В литературе, правда, существовали и существуют «именные» законы: «Ленинский декрет о земле», «Сталинская конституция», «Колегаевский закон о социализации земли», «Шлихтеровский проект декрета о потребительских коммунах» и др. Однако все они, за исключением лишь первых ленинских декретов, созданы коллективно.

Если говорить о причастности тех или иных лиц к разработке того или иного закона, то не об авторстве, а о наиболее активном участии в создании законопроекта. Но и тут допускались ошибки. Оказалось, что проект закона о социализации земли подготовил не А.Л. Колегаев, а И.А. Майоров; проект декрета «О потребительских коммунах» (декабрь 1917 г.) написал не А.Г. Шлихтер, а В.И. Ленин. Аппарат наркомпрода, который возглавлял Шлихтер, лишь детализировал проект. Остов Конституции СССР 1936 г. компоновали А.И. Стецкий, Я.А. Яковлев и В.М.Таль на основе материалов рабочих комиссий. Таким образом, проблема авторства законодательных источников должна решаться лишь путем установления всего круга лиц, связанных с созданием законопроекта, его обсуждением, редактированием.

Можно создать очень хороший закон, но если он действует выборочно (благосклонен к одним и жесток к другим), то грош ему цена. Юридическая сила закона по отношению ко всем и каждому зависит от политических, социально-экономических и дру-

гих условий, от морального климата общества. Иначе закон всегда будет соответствовать той формуле, которую вывел народ: «Закон - что дышло, куда повернул - туда и вышло». А именно таковым было наше законодательство на протяжении 70 с лишним лет. Оно никогда ни в чем не давало гарантий советскому человеку.

Вершин нелепостей разработка нашего законодательства достигла при Л.И. Брежневе. Закрепляя несовершенные свершения, законодательство создавало видимость развития прав и свобод личности, торжества законности и правопорядка, мало что меняя на деле. Но все единодушно поддерживалось и одобрялось. Даже о проекте новой Конституции СССР, в которой ничего нового не было, народ сказал: «Да, это то, что мы ждали!».

Законотворчество было предельно идеологизировано: решение тех или иных проблем не являлось главной задачей. В законах, по убеждению законодателя, требовалось совместить несовместимое: отразить настроения руководства, но таким образом, чтобы одновременно якобы учитывались и чаяния народа, декларировать права граждан, вместе с тем не лишая всевластия и партийно-государственный аппарат, не отставать от веяний времени, но ничего существенно не менять.

2. Некоторые особенности разработки законодательства 70-80-х годов

При разработке законодательства 70-80-х годов происходила грандиозная мистификация активного участия народа в правотворчестве путем всенародного обсуждения законопроектов. Эта практика берет начало с 1936 г. - с принятия новой Конституции СССР. Опубликованный проект вызвал интерес. Последовало множество поправок, дополнений, предложений - всего более 1,5 млн. Они широко публиковались в прессе. Но для публикации отбирались лишь лояльные дополнения, которые если и содержали критику, то только в рамках допустимой нормы. Поправки, критиковавшие недостатки, действия местных властей, их злоупотребления, а также письма, в которых говорилось о тяжелом положении крестьян и тому подобные, не публиковались. В архиве они отложились отдельными подборками под впечатляющим названием «враждебные отклики».

Отсюда можно сделать вывод, что допущение всенародного обсуждения законопроекта конституции преследовало скорее политическую, нежели практическую цель. Сталинское руководство хотело продемонстрировать перед мировой общественностью

широкое развитие в стране демократии, что должно было отвечать замыслу провозглашения победы социализма в СССР.

Мало что изменилось в последующие годы. К всенародному обсуждению законопроектов возвратились лишь 20 лет спустя, когда в 1956 г. принимался закон о государственных пенсиях. А затем снова перерыв на 20 лет - до принятия Конституции СССР 1977 г.

И на сей раз обсуждение конституции не было направлено на ее улучшение, а преследовало идеологические цели. Отложившийся в архивах газет («Правда», «Известия» и др.) и в различных учреждениях материал - письма народа, которые содержат поправки и дополнения к проекту конституции 1977 г., показывает, что львиная доля критических замечаний (точнее, почти все), касавшихся ст. 6 - о роли партии в государстве, о политическом строе, об избирательной системе, о демократических основах общества, - не были приняты во внимание конституционной комиссией.

Лишь в годы так называемой перестройки всенародные обсуждения законопроектов стали приниматься во внимание. Оживленно обсуждались закон о социалистическом предприятии, устав сельхозартели, закон о кооперации и др. Однако, несмотря на множество предложений, в итоге все эти акты оказались далеко не совершенными. Более того, просчеты разработчиков были настолько очевидны, что на них сразу же обратили внимание.

Расширялся и круг специалистов и организаций, привлекавшихся к работе различных рабочих комиссий. Накапливались обширные комплексы разработкой документации, которые содержат богатые возможности не только для того или иного конституционного закона, но и для целого направления законодательной деятельности.

Однако инерционная сила подготовки законов кабинетным, келейным способом была настолько велика, что мнение специалистов и народа игнорировалось. В результате рождались скоропалительные законы с существенными изъянами. Так произошло с законом об индивидуальной трудовой деятельности (1986). Абсолютно несостоятельной была подготовка проекта нового устава сельхозартели. Непродуманным оказался и принятый без широкого обсуждения закон о проведении митингов и демонстраций.

В этом отношении показательны разработка и введение в действие законодательства о борьбе с нетрудовыми доходами. В политическом докладе XXVII съезду КПСС говорилось об искоренении нетрудовых доходов. Этот огромной важности вопрос требовал глубоких теоретических исследований и комплекса мер, рас-

считанных на продолжительное время. Однако никаких серьезных социально-экономических мер в этом направлении не последовало. Руководствуясь решениями съезда, за несколько месяцев, в рекордные сроки, сумели подготовить и принять ряд актов по изменению и дополнению административного, финансового и уголовного законодательства.

Указ от 8 апреля 1989 г. о дискредитации руководителей партии и правительства, указы о митингах и демонстрациях, о внутренних войсках и другие объединяет нечто общее (помимо того, что они шли вразрез Конституции): все они готовились аппаратом, имена конкретных разработчиков неизвестны. Все эти указы разрабатывались секретно. Они появились вдруг, без предварительной публикации в открытой печати, без всенародного обсуждения.

Сведений о том, кто и как готовил законы, мало. Еще совсем недавно это выглядело примерно так. Первоначальной организацией, в которой готовились наброски будущего закона, была так называемая рабочая группа. Она формировалась из ученых-юристов и практических работников - представителей министерства юстиции, министерства внутренних дел, Прокуратуры и Верховного Суда. На совместных заседаниях рассматривались тексты статей, подготовленных кем-либо из научных работников. Позиции ученых и практиков во многих случаях расходились: новации одних встречали возражения других. Часто практики хотели подготовить новый закон, ничего не меняя в старом.

На данной стадии коллективное обсуждение призвано найти наилучшее решение. Но есть существенные вопросы. Кого считать автором и кому предъявлять претензии? И с каждым новым «витком» прохождения законопроекта проблема авторства все более усложнялась.

С обсуждения законопроекта в рабочей группе лишь начинался процесс законотворчества. Выработанный рабочей группой текст рассылался в республиканские и областные правоохранительные органы, в юридические научные и учебные заведения. Здесь к тексту делалось немало замечаний, и после их учета он передавался в следующую инстанцию - в комиссию из руководителей правоохранительных и иных ведомств. Ученых в этой комиссии было достаточно много. Законопроект окончательно дорабатывался, в результате чего установить его персональное авторство становилось еще труднее.

Затем проект закона ложился на стол ответственных работников ЦК КПСС, и после их одобрения он публиковался для всеобщего обсуждения. Назвать поименно авторов тех или иных положений опубликованного законопроекта теперь просто невозможно.

Коллективное творчество - атрибут демократии. Но при этом установить индивидуальное авторство и определить персональную ответственность нельзя. В сущности, дело не в том, кто какую формулировку предложил, а в том, как организован законотворческий процесс. В нем еще очень сильно сохранялось чиновничье начало, влияние ведомственного подхода.

Искать ответственных за содержание законопроекта на стадии его подготовки в принципе неверно. Отвечают те, кто принимает закон: за ними последнее слово. Их слово должно быть квалифицированным. Раньше, когда Верховный Совет был лишь «голосующим» органом, его депутаты не имели возможности, да и не умели, разобраться в принимаемых ими законах. В годы перестройки в постоянно действующем парламенте положение менялось: депутаты могли стать подлинными законодателями. Это предъявляло к ним новые требования: законодательные полномочия должны были сочетаться с законотворческими способностями, соответствующими знаниями, правовым опытом и культурой. Однако новый порядок разработки законов в Верховном Совете СССР сложиться не успел, хотя определенную этапность работы установить можно.

Первоначально законопроект готовился в каком-либо комитете Верховного Совета с привлечением специалистов, из которых формировались временные рабочие группы. Подготовленный законопроект обсуждался на комитете. Если он одобрялся, то его рекомендовали к вынесению на обсуждение на сессии Верховного Совета. Не исключалось, что несогласная часть членов комитета могла приготовить альтернативный проект.

Далее проект (или проекты) обсуждался делегатами на сессии Верховного Совета, после чего одобренный вариант мог быть принят в основном, в так называемом первом чтении. После этого он вновь дорабатывался в комитете. В зависимости от важности закон мог после окончательной доработки быть вновь представлен Верховному Совету или же вынесен на всенародное обсуждение.

Всенародное обсуждение - еще один важный этап создания закона. Тщательное и всестороннее обсуждение законопроекта, подведение итогов, учет всех поправок требуют длительного времени - не менее одного-двух месяцев. Лишь после этого закон мог вновь быть представлен Верховному Совету.

На всех стадиях работы над законопроектом откладывалась различная документация. Сохранение всего комплекса документов, связанных с разработкой того или иного закона, было бы полезным для подготовки последующего законодательства. Но к 70-м годам структура подобных комплексов, сдававшихся на хранение

в государственные архивы, претерпела существенные изменения. Эти комплексы весьма обширны. Порой они насчитывали с десятков увесистых томов. Поэтому часть материалов, и в первую очередь обширная переписка, срок хранения которой ограничен 15 годами, частично уничтожалась. В результате сохранялись изначальный проект закона с сопутствующей документацией и последний вариант, а промежуточные редакции уничтожались.

Правда, письма трудящихся с их поправками и предложениями, присланные в редакции газет и правительственные учреждения в связи с обсуждением наиболее вялених законов, отложились на вечное хранение.

Итак, закон принят. Дальнейшая его судьба, его действие, влияние на общество уже выходят за рамки задач источниковедения. И можно с принятием закона прийти к, казалось бы, итоговому заключению: хорош закон или плох? Но ответ дает только практика. Часто закон вообще не действует. Это не значит, что он плох. Здесь самое время напомнить, что для введения закона в действие чрезвычайно важны два обстоятельства. Во-первых, сам по себе закон - это лишь декларация, которая вряд ли осуществится, если не будет отработан механизм его включения в жизнь. Начать хотя бы с финансового обеспечения. В. Селюнин в 1990 г. говорил, что «наши законодатели наголосовали на 60 млрд рублей - повышение пенсий, повышение зарплаты учителям, врачам и другим низкооплачиваемым. Это не считая затрат на Чернобыль, Арал и прочее. В работе законопроекты ценой еще в 40 млрд. А где их взять? Никто не знает. В цивилизованных странах как делается? Если правительство не знает, где взять деньги под тот или иной законопроект, ставится вопрос о доверии правительству. А мы этого вопроса не ставим. Мы голосуем за расходы, не думая ни о чем. Вот это и есть популизм»¹².

Второе обстоятельство, а оно напрямую вытекает из первого, связано с людьми, которые будут проводить закон в жизнь, т. е. опять все упирается в тот же государственный аппарат.

Перестройка общественной жизни - сложный процесс, в ходе которого складывается взаимодействие принятого закона и устоявшейся практики. Порой это взаимодействие конфронтационно: ведь новый закон накладывается на старую систему отношений, на старые структуры - государственные, экономические, социальные. Они стремятся к самосохранению, а значит, блокируют новые принципы закона.

Часто законодательные акты попадают на почву правового нигилизма, почти абсолютного неуважения к правовым нормам. Правовой нигилизм складывался в России десятилетиями. Отсюда, с одной стороны, и страх перед законом, но с другой - и в го-

раздо большей мере - попытка игнорировать закон либо обойти его.

За два года работы Верховный Совет СССР принял множество законов. И весь этот титанический труд оказался напрасным! В 1991 г. СССР перестал существовать. А коль нет СССР, то и все союзные законы утратили силу.

ГЛАВА 4

Программные, уставные и директивные документы политических партий и общественных организаций

СРЕДИ ДОКУМЕНТОВ политических партий и организаций главная роль принадлежит программным документам, которые излагают цели и задачи, стратегию и тактику политической борьбы, определяют силы, средства и формы, с помощью которых политические партии мыслят реформирование или революционное преобразование общества.

В этих материалах находят отражение в концентрированном виде наиболее важные направления и течения человеческой мысли, устремленной в будущее.

Программы политических партий России начала века были интересны, предлагали различные способы переустройства общества. Но все они были далеки от реалий и утопичны. Политическим течением, определившим развитие России в XX в., стал большевизм. Поэтому мы начинаем с документов РКП(б) - ВКП(б) - КПСС. Далее рассмотрим документы политических партий периода революции и современных политических образований.

1. Документы КПСС

Документы высших органов партии

КПСС была правящей партией. Ее руководящая роль проявлялась в том, что директивные решения ее высших органов (съездов, конференций, пленумов ЦК) лежали в основе законодательной и практической деятельности государства, комсомола и других массовых организаций.

В партийных документах отражены все принципиальные вопросы развития народного хозяйства, идеологии, культуры, соци-

альных процессов и т. д. Поэтому ни один вопрос из истории внутренней и внешней политики советского правительства нельзя понять и изучить без анализа документов КПСС.

В этих документах выражается воинствующая непримиримость по отношению к инакомыслию, готовность подавить всякое несогласие, агрессивность коммунистической идеи. Все это подавалось как сугубо классовая направленность деятельности КПСС, Волю какого класса выражала партия?

На самом деле документы КПСС в той или иной мере, открыто агрессивно или завуалированно утверждали стремление к диктатуре, к монопольному распоряжению судьбами страны, людей - от целых народов до отдельной личности.

КПСС давно перестала быть политической партией в традиционном понимании этого слова. Она не имела ничего общего с революционно-конспиративной партией наподобие РСДРП или партии эсеров. Не стала она и партией парламентского типа. КПСС - это ядро структуры тоталитарного общества, главное устройство в механизме власти. КПСС только условно можно называть партией, так как она служила интересам тоталитарного государства. Партийные оценки и директивы, запечатленные в обширной документации, в теоретических конструкциях и практической деятельности опираются на ложные, идеологизированные схемы.

Историки партии доказывали абсолютную достоверность и непогрешимость партийных источников. Если взять любое партийное решение, то вряд ли можно обнаружить какие-либо сомнительные места, но главное здесь в том, что директивы партии исходили из оценки не реального, а желаемого, выдуманной схемы.

Когда в 1961 г. Н.С. Хрущев выдвинул программу строительства коммунизма и обещал, что к 1980 г. будет построена его материально-техническая база, а тогдашнее поколение людей будет жить при коммунизме, трудно сказать, поверил ли ему народ, но никто не возражал, по крайней мере открыто. И все партийные документы исходили из этой утопической установки.

Утопичность хрущевских планов сказалась быстро. Тезису о развернутом строительстве коммунизма требовалась разумная альтернатива. Новое теоретическое «открытие» именовалось «развитой социализм», оно стало важнейшей методологической установкой брежневского периода советской истории. Истоки этой конструкции можно обнаружить в середине 1960-х годов. В 1966 г. в «Правде» была опубликована статья «О строительстве развитого социалистического общества». В ней, в сущности, содержался отказ от лозунга «развернутого строительства коммунизма», признание того, что в стране пока еще созданы лишь от-

сталые формы социализма и имеется ориентация на научно-технологическую модернизацию, реконструкцию управления, демократическое развитие. Очень быстро эта концепция была идеологически переосмыслена. Утверждалось, что в СССР уже построено развитое социалистическое общество.

Концепция «развитого социализма» родилась в годовщину 50-летия Октября. Она являла собой своеобразный юбилейный подарок советскому народу и знаменовала новый шаг в разработке теоретических проблем социализма. Новую концепцию вложили в уста Брежнева, который констатировал факт построения в СССР «развитого социалистического общества» и выдвинул задачу как можно полнее использовать возможности, которые это общество открывает¹³.

Развернутая характеристика «развитого социализма» была дана в постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». Так появилась новая доктрина. Все остальное - ее производное. Во всех партийных документах 70-80-х годов раскрывались различные аспекты этой концепции. Наиболее активно выдвигались теоретические и прикладные вопросы так называемого советского образа жизни.

Возникает парадоксальная ситуация. Источниковедение имеет дело с конкретными документами. Лишь посредством документов историк может постичь эпоху. Но тотальная идеологизация всех сфер жизни вела к искажениям как отдельных видов исторических источников, так и корпуса источников в целом.

Документы лидеров КПСС

Произведения В.И. Ленина

Можно по-разному относиться к В.И. Ленину, но его работы нужно изучать внимательнейшим образом, поскольку без этого нельзя понять огромное влияние его идей на социальную практику XX в., и не только в России и СССР. Источниковедческий интерес к произведениям Ленина можно обозначить следующими положениями:

1. Изучение методов работы Ленина с документами; анализ творческой лаборатории Ленина.
2. Источниковедческий анализ самих ленинских работ.
3. Вопросы публикации ленинских документов.
4. Источниковедческое исследование материалов к биографии вождя.

Исходный вопрос изучения ленинских материалов - это их поиск и публикация. Формирование ленинского фонда документов и их публикация относятся к 1920 г., когда было предпринято первое издание сочинений Ленина. Оно было завершено в 1926 г. и состояло из 20 томов в 26 книгах. В него вошло более 1 500 произведений. Под руководством Л.Б. Каменева, стоявшего по главе Института В.И. Ленина, подготавливались и были выпущены 2-е и 3-е издания сочинений Ленина, многочисленные Ленинские сборники.

Вскоре после завершения 3-го издания качество его подготовки, особенно научно-справочного аппарата, было поставлено под сомнение, а многие его составители подверглись репрессиям. Было принято решение о выпуске 4-го издания сочинений, которое вышло лишь в 1946-1950 гг. В нем насчитывалось 35 томов, но научно-справочный аппарат оказался хуже. Замалчивались многие работы В.И. Ленина, особенно его последние статьи и письма.

В 1957 г. ЦК КПСС принял постановление об издании полного собрания сочинений В.И. Ленина. За восемь лет вышло 55 томов. В состав 5-го издания вошло около 9 000 работ, из них более половины не включалось в предыдущие издания. Свыше тысячи работ и документов публиковалось впервые. Фактически новыми для читателя явились и те сотни произведений, которые в свое время печатались в изданиях, ставших библиографической редкостью, или были опубликованы только на иностранных языках, как правило, за рубежом.

Считается, что в 5-м издании максимально полно представлены все известные документы. Но это не так. Из 34 тыс. документов В.И. Ленина, которые хранил Институт марксизма-ленинизма, опубликовано лишь 9 тыс. Оставляло желать лучшего и качество издания. В 4-м и 5-м изданиях существуют фальсификации и купюры.

Новые ленинские материалы обычно публиковались в Ленинских сборниках. Так, в XXXIX сборнике их было напечатано 264, в XL - свыше 100. Материалы сборников интересны тем, что раскрывают творческую лабораторию В.И. Ленина.

В 1970 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС начал публикацию томов «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870-1924». В 1982 г. вышел 12-й, завершающий том. В строгой хронологической последовательности, год за годом, месяц за месяцем, день за днем, а порой с точностью до часа и минуты восстановлены, как утверждали составители, все известные достоверные события и факты жизни и деятельности Ленина. Это издание дополняет полное собрание сочинений и Ленинские сборники, в нем впервые опубликовано 6 тыс. новых ленинских

документов. Каждый факт подтверждается источниками - как опубликованными, так и архивными.

Иногда вновь найденные документы Ленина публиковались в газете «Правда», журнале «Коммунист» как в оперативных изданиях. Затем новые материалы включались в Ленинские сборники (вышло 40 томов), в дополнительные тома собраний сочинений, учитывались при выпуске очередных томов «Биохроники». Поэтому можно сказать, что в основном ленинские произведения публиковались в собраниях сочинений, Ленинских сборниках и «Биохронике».

С открытием архивов ЦК КПСС и КГБ в научный оборот было введено множество ранее не известных материалов. Уже первое знакомство с ними способно значительно видоизменить наши знания об этой эпохе. Вот мнение доктора философских наук Б.М. Пугачева, руководителя группы экспертов российской парламентской комиссии, который первым познакомился с неизвестными документами Ленина. Пугачев, в частности, заметил: «Да, мы нашли целый ряд его писем, документов, ранее никогда не публиковавшихся. Знаете, даже мне, человеку, долгие годы связанному с обществоведением, читать эти бумаги было... ну, удивительно, что ли. Письма Ильича характеризуют его как человека крайне жестокого, более того - как человеконенавистника»¹⁴.

В сущности, очевидно, Ленина придется постигать заново, как, впрочем, и других деятелей партии.

Произведения других лидеров КПСС

Реабилитация политических деятелей 20-40-х годов, возвращение из спецхранов их работ, открытие архивов дают богатую информацию для размышления о судьбах нашей родины, о роли в историческом процессе репрессированных деятелей, их месте в КПСС. Основную часть литературного наследия руководителей КПСС составляют публичные выступления: доклады, речи, реже - статьи, еще реже - книги.

Есть разница в характере этого материала в зависимости от времени его создания. Если в 20-е годы речи и доклады готовили сами политические деятели, то в последующие годы все выступления партийных функционеров подготавливал аппарат. Эта практика получила настолько широкое распространение, что речи начальству составляли на всех уровнях партийного аппарата, включая районное звено. Ни о каком установлении авторства здесь не может быть и речи. Это исключительно аппаратное производство на потоке.

Партийная номенклатура - от районной и выше - беззастенчиво использовала аппарат и журналистов, а также научные учре-

ждения для подготовки статей и брошюр, докладов и речей и даже банкетных спичей.

Выступления партийного руководства высшего эшелона непременно публиковались в прессе, затем отдельными брошюрами. Постепенно таких материалов накапливалось на целые книги. Вслед за Хрущевым опубликовали «свои сочинения» все генеральные секретари ЦК КПСС и многие члены политбюро,

Наиболее объемны собрания сочинений Хрущева и Брежнева. Выступления Хрущева только по вопросам сельского хозяйства составили восемь томов. Собрание сочинений Брежнева «Ленинским курсом» состоит из девяти томов. При исследовании этих материалов особо остро стоит проблема авторства, так как известно, что сам Брежнев почти ничего не писал, включая и свои мемуары.

Резким контрастом произведениям руководителей и политических деятелей брежневского времени являются произведения деятелей 20-х годов, безусловно, отражающие индивидуальность их авторов. Даже сочинения Сталина отмечены своеобразием. Сталинский лаконизм, сведение больших теоретических проблем до весьма примитивного толкования имели свой смысл, ибо были приноровлены к весьма низкому культурно-политическому уровню населения. Даже оформление произведений, входивших в собрания сочинений Сталина, подгонялось под уровень читателя ниже среднего; крупный шрифт, широкое расстояние между строками.

Собрание сочинений Сталина не было завершено. Вышли лишь 13 томов (включая работы до 1935 г.). Но это незаменимый источник для изучения сталинской эпохи, исследования сталинской логики, системы доказательств, стилистики.

По мере укрепления авторитета и власти того или иного деятеля расширялся диапазон его интересов и компетенции, а суждения становились «непогрешимыми». Сталин выступал по экономическим проблемам социализма, слыл знатоком театра и литературы, писал «относительно марксизма в языкознании» и пр. Он мог выговорить дирижеру Большого театра, что у него нынче что-то неважно с бемолями. Он мог «посрамить» самого Гете всего одной лишь фразой, сказав, что «Девушка и смерть» Горького посильнее «Фауста» Гете.

Воинствующая посредственность вторгалась в экономику, культуру, искусство. Жданов учил Шостаковича сочинять музыку, Хрущев рассуждал о живописи и поэзии.

Как воспринимать работы партийных деятелей 20-х и, особенно, 30-х годов? В их выступлениях и в статьях тех лет немало самокритики, признания своих ошибок, а также критики в адрес

других. Репрессивный режим того времени побуждает нас воздерживаться от поспешного соглашения и с самобичеванием, и с разоблачением оппонентов.

Для партийной публицистики 20-х годов характерна необычайная политическая заостренность. Если взять произведения, скажем, Н.И. Бухарина, особенно направленные против Л.Д. Троцкого, то увидим, что они очень резки. В этом проявлялся дух времени, отличавшегося острейшей идейно-политической борьбой и крайней непримиримостью.

При этом важно иметь в виду, что обострение внутрипартийной борьбы часто было искусно вызвано сталинским руководством в целях последовательного уничтожения и Троцкого, и Бухарина, и всех сторонников их обоих. Необходимо помнить и о другом. Выступления партийных лидеров, например того же Бухарина, на партсъездах и конференциях фактически проходили цензуру Л.М. Кагановича, который не только что-либо вычеркивал, но и вписывал. Нужна большая и кропотливая источниковедческая работа, чтобы в публицистике 30-х годов отделить Бухарина действительного от Бухарина вынужденного, отделить бухаринский текст от текста, вписанного чужой рукой. Все изложенное в равной мере относится и к произведениям других политических деятелей.

Публикация новых документов КПСС не только представит материал о жизни и деятельности той или иной личности, не только прольет новый свет на нашу историю, но и даст много нового для характеристики образа Ленина, установления стиля его взаимоотношений с соратниками по партии.

Например, для всех была неожиданностью публикация в 60-е годы повести Э. Казакевича «Синяя тетрадь», из которой читатели с удивлением узнали, что Ленин в 1917 г. в Разливе скрывался в шалаше не один, а вместе с Зиновьевым. И находились они, судя по всему, в неплохих отношениях. Ленин называл Зиновьева по имени - Григорием.

Изменяются наши представления о Бухарине, Каменеве, Троцком, которые в течение долгого времени рассматривались с негативной стороны, как лидеры оппозиции. Для новых интерпретаций необходимо обращение к их произведениям.

До отъезда Троцкого из СССР в 1928 г. выходило большое собрание его сочинений, которое было быстро изъято из научного оборота. Изымались издания других авторов, в положительном смысле упоминавших имя Троцкого. Та же участь постигла и архивные материалы. Документы Троцкого публиковались за рубежом. Прежде всего это прекрасная публикация документов до 1922 г., предпринятая Мейером. Она представляет собой двухтом-

ник по 100-200 печатных листов каждый. Причем текст приводится на языке оригинала, в переводе на английский, и, наконец, дается факсимильное воспроизведение документа.

Имеются также четыре выпуска издания документов Л.Д. Троцкого за 1923-1927 гг. Их осуществил Ю. Фельштинский. В 1990 г. они были изданы в СССР¹⁵.

Колоссальное издание собрания сочинений Троцкого запланировано в Германии. Согласно проспекту оно составит 80 или 100 томов (сами издатели пока еще точно не знают).

Переосмысление образа коммуниста - задача сложная. Ее нельзя упрощать. Объективному анализу должен способствовать дифференцированный подход к различным уровням партийного руководства, к рядовым членам партии. Соответственно мы должны воспринимать и документацию, исходящую из разных звеньев партии.

2. Документы других политических партий (период революции)

О документах других политических партий мы можем говорить лишь применительно ко времени революции, ибо на территории России в начале 20-х годов все партии, кроме большевистской, прекратили свое существование.

Рассказ о документах прочих политических партий необходимо предварить неким общим замечанием относительно традиций и стереотипов, сложившихся в нашем политическом образовании. Прежде всего речь пойдет о непоколебимом убеждении: у большевиков все правильно, у прочих все неверно. При этом аргументация и приемы были стереотипными: «эсеры не понимали», «меньшевики недооценивали» и т. д. Или характеристики тех же меньшевиков, эсеров и прочих: «судорожно цеплялись за буржуазию», «сознавая полную свою беспомощность» и др. Естественно, обществоведы часто опирались на ленинские оценки, но не учитывали одного обстоятельства: ирония и политическая заостренность, доходившие до оскорблений, понятны и, возможно, оправданны в политической борьбе, но совершенно неуместны в исторических исследованиях. Преодолеть стереотипы не просто, но к этому надо стремиться.

Документы других политических партий целесообразно рассматривать по той же схеме, что и документы КПСС. Это прежде всего программные документы, материалы съездов и конференций. Далее идут более частные партийные решения, публицисти-

ка партийных лидеров, партийная периодическая печать, воспоминания. Из документов политических партий периода революции мало что сохранилось, а то, что осталось, хранилось в спецхранах библиотек и архивов.

Программные документы политических партий в свое время публиковались. Программы некоторых партий сложились еще в 1905-1906 гг. и в дальнейшем не претерпевали существенных изменений (например, программы кадетов, эсеров). Лишь в 1917 г. производилась некоторая корректировка. Поэтому в исторических исследованиях целесообразно использовать издания 1906 г. Программы издавались отдельными брошюрами, особенно много появилось их в 1917 г. Тогда же стали выходить и сборники программ политических партий¹⁶.

Программа партии народной свободы, или конституционно-демократической партии (кадеты), сложилась в годы первой русской революции. После февральской революции кадеты превратились в правительственную партию. В 1917 г. происходила корректировка программы на VII съезде (март) и, особенно, на VIII съезде (май)¹⁷. Меншевики держались за решения IV съезда РСДРП (Стокгольм, 1906)¹⁸. Официальным выражением партийных взглядов эсеров, несмотря на углублявшийся раскол партии в 1917 г., осталась программа, принятая на I съезде (29 декабря 1905 г. - 4 января 1906 г.)¹⁹.

В 1917 г. новые партии образовывались путем раскола одних и, напротив, объединения других.

В период революции 1917 г. происходило дробление социалистических партий, включая партию большевиков, среди которых весной 1918 г. сформировалось крыло «левых коммунистов» (печатный орган - журнал «Коммунист» вышел в 1918 г. четырьмя номерами).

В 1917 г. углублялось размежевание меньшевиков. С января 1918 г. социал-демократы-интернационалисты оформились в самостоятельную партию - РСДРП(и). Ее лидерами были В.А. Базаров (В. Руднев), Б.А. Авиллов (Тигров), Г.Д. Линдов (Лойтейзен), В.А. Строев, С.Н. Жилинский и другие. Но и эта партия продолжала дробиться. Ее левое крыло во главе с Г.Д. Линдовым, С.Н. Жилинским, А.М. Стопани, Р.П. Катаняном выпускало газету «Освобождение труда», а старая часть партии - РСДРП (интернационалистов) во главе с А. Лозовским (С.А. Дридзо) издавала журнал «Пролетариат».

Однако стабильности не было. Происходили дальнейшие соединения и разъединения и даже сближение с РКП(б), а 30 декабря 1919г. ЦК РКП(б) постановил принять социалистов-демократов-интернационалистов в РКП(б).

Левое течение партии эсеров возникло сразу же после февраля 1917 г. в низовых организациях партии ряда губерний - Казанской, Воронежской, Петроградской и др. Особенно активизировалось это течение сразу после июльских событий. Левые обвинили ЦК в отклонении от программы и «традиционной тактики», что, по их убеждению, отталкивало от партии трудовые массы.

В ноябре 1917 г. на своем первом съезде левые эсеры официально образовали новую партию. Поскольку они боролись за чистоту старой программы и ее неуклонное выполнение, то новую программу левые эсеры не выдвигали. Что касается ее аграрной части, то с принятием в январе 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов «Основного закона о социализации земли» левые эсеры взяли этот закон на вооружение в качестве программного документа: он не менял программных установок эсеров, а, напротив, конкретизировал их для проведения в жизнь. Поэтому, естественно, закон шел дальше программы.

В резолюции по аграрному вопросу II Всероссийского съезда левых эсеров (17-25 апреля 1918 г.) было написано: «Впредь до окончательной выработки и детализации аграрной программы, в связи с новыми условиями крестьянской жизни, II съезд партии левых социалистов-революционеров принимает за таковую закон о социализации земли»²⁰.

Известной партией народнического толка были народные социалисты. Аграрная программа энесов имела общие черты с программой эсеров относительно требования ликвидации помещичьего землевладения и отмены частной собственности на землю, а также провозглашения трудового принципа землепользования. Отличие же состояло в неодинаковом отношении к общине и к судьбе купчих и наделных земель. Различной была и оценка роли государства в аграрных преобразованиях²¹. Эсеровской социализации энесы противопоставляли национализацию. На национализированной земле планировалось организовать трудовое крестьянское землепользование в пределах трудовой нормы. Энесы выступали за частичный выкуп земли за государственный счет, признавая наиболее совершенной формой землепользования коллективное хозяйство. Но вначале они ставили целью лишь развитие сельскохозяйственной кооперации.

В июне 1917 г. энесы объединились с трудовиками и образовали единую Трудовую народно-социалистическую партию. Программные документы трудовиков и энесов наиболее полно отражены в издании «Протоколы I Всероссийского съезда Народно-социалистической партии, VI Всероссийского съезда трудовой группы, I съезда Трудовой народно-социалистической партии» (Пг., 1917).

Характерная черта российских партий - их постоянный раскол. Так, левые эсеры после образования своей партии в ноябре 1917 г. вновь раскололись летом 1918 г. Часть ее членов образовали партию «народников-коммунистов». Группируясь вокруг газеты «Знамя борьбы», она сделала ее своим партийным рупором и переименовала в «Знамя трудовой коммуны». 21 августа вышел ее первый номер, где были изложены манифест и платформа новоиспеченной партии.

Главным лозунгом народников-коммунистов стал лозунг «Все в коммуны!». Они считали, что продолжают дело Н.К. Михайловского и П.Л. Лаврова. Словами Михайловского они изложили свою цель: «...прогресс человечества выражается в борьбе за установление общественной солидарности и за всестороннее, гармоничное развитие человеческой личности». Во главу угла своей деятельности они поставили человека и записали первым пунктом своей платформы: «Полное освобождение творческой инициативы личности как главнейшая цель нового строя общества».

Лидеры партии - Г. Закс, А. Оборин, Н. Полянский, Е. Кац, Леонидов, Николаева, Горбунов и другие - выдвинули программу широкой организации коммун, которые бы органично сочетали в себе единый хозяйственный союз на основе общего хозяйственного плана при полной автономии форм самоуправления²². Партия просуществовала совсем недолго - 12 ноября 1918 г. «Знамя трудовой коммуны» поместило обращение центрального бюро о роспуске партии и слиянии ее с РКП(б).

Значительно дольше - до 1920 г. - просуществовала партия революционного коммунизма, которая образовалась также в результате раскола летом 1918 г. партии левых эсеров. 14 сентября 1918 г. в только что созданной газете «Воля труда» было опубликовано письмо в ЦК партии левых эсеров о выходе из нее А.Л. Колегаева, А.М. Устинова, А.Л. Биценко, М. Доброхотова и других - они заявляли о недопустимости насильственного срыва Брестского мира, террористических актов, борьбы с большевиками в целях захвата власти. В октябре эта группа преобразовалась в партию революционных коммунистов. Печатным органом ЦК партии стала газета «Голос земли и труда». Развернутая программа партии была принята лишь на IV партийном съезде в 1920 г.²³, однако к этому времени партия уже сходила с исторической арены и вскоре многие ее члены пошли в РКП(б).

После октября 1917 г. возникали и другие партии, о которых мы почти ничего не знаем. Это были небольшие образования. Они не играли какой-либо существенной роли в политической и общественной жизни и уж тем более не задавали напряжение политической жизни страны. Однако само существование таких по-

литических партий или групп свидетельствовало о многообразии оттенков различных политических течений, а в конечном счете - о многообразии людских устремлений. Но здесь возникает другая проблема: во-первых, способна ли какая-либо политическая партия, выражать одновременно взгляды и настроения многих, а во-вторых, насколько продолжительным будет ее существование? Из всего этого вытекает главный вопрос: какой вообще должна быть политическая партия? Но это выходит за пределы наших задач, поэтому возвратимся к 1917 г.

Например, из разнообразных оттенков такого политического направления, как анархизм, ко времени революции выделилось течение, которое оформилось в партию анархистов-коммунистов. На первых порах эта партия, хотя и немногочисленная по составу, входила в блок социалистических партий, сотрудничавших с большевиками на платформе советской власти. Ее представители были во ВЦИКе, в местных Советах и пр. Организационно партия анархистов-коммунистов оформилась на съезде в декабре 1918 г.²⁴

Анархисты относились отрицательно к существовавшей власти, как, впрочем, и ко всякой власти вообще. Но прямую борьбу с ней в тот момент считали нецелесообразной, так как не хотели открыто противостоять большевикам, зная, что непременно окажутся в стане контрреволюционеров, «непримиримейших врагов» РСДРП(б). Противоречия между необходимостью союза с большевиками и теоретическим постулатом борьбы со всякой властью анархисты решали оригинально. Они полагали наиболее приемлемой формой борьбы с властью ее разложение изнутри путем вхождения в различные советы, комитеты и пр.

В сознании людей сложился некий стереотип, будто после Октября 1917 г. все политические партии, кроме партии большевиков, рассматривались исключительно как контрреволюционные, что все они находились в глубокой оппозиции к большевикам, всячески содействовали контрреволюции, а посему и были запрещены. На самом же деле запрет касался только партий буржуазного толка. А с социалистическими партиями, или, как называли их в литературе, «мелкобуржуазными», большевики какое-то время в различных формах сотрудничали. Советская система вначале не была однопартийной: до весны 1918 г. существовал правительственный блок большевиков и левых эсеров. Левым эсерам было предоставлено семь мест в Совнаркоме. Народными комиссарами стали: И.З. Штейнберг (юстиции), В.Е. Трутовский (местного самоуправления), П.П. Прошьян (почт и телеграфов), А.Л. Коллегаев (земледелия), В.А. Карелин (по дворцам республики), В.А. Алгасов и А.И. Бриллиантов (статус наркомов без портфеля).

Представители социалистических партий входили по ВЦИК, в составы местных Советов, различных комитетов. Эсеры, меньшевики неоднократно пытались создать единый фронт социалистических партий. Первая попытка относится к 4 ноября 1917 г. Она вызвала лишь раскол среди большевиков, но ни к чему позитивному не привела. В 1919 г. социал-демократы-интернационалисты, РСДРП (меньшевики), Бунд, УКП (боротьбисты), революционные коммунисты, эсеры-максималисты и другие партии объявили о мобилизации своих членов для защиты советской республики. Постановлением президиума ВЦИК от 27 ноября 1919 г. этим партиям было предоставлено по два-три места на состоявшемся в декабре 1919 г. VII Всероссийском съезде Советов²⁵. На съезде представители этих партий (К. Буреева, Ф. Дан) выступили с лозунгом создания единого революционного фронта.

Деятельность социалистических партий оставалась легальной, их газеты и прочие издания публиковались открыто. Позднее их уничтожали, изымали, прятали. Без материалов этих партий освещение революционных событий по-прежнему будет односторонним. Ведь далее короткое знакомство с некоторыми документами свидетельствует, что в них содержались отнюдь не контрреволюционные призывы, в чем нас постоянно убеждали, а, как правило, требования восстановления попорченной демократии и расширения гражданских прав, предлагались реальные способы преодоления экономического кризиса.

Так, в июле 1919 г. меньшевики опубликовали декларацию под названием «Что делать?». В ней выдвигалось требование расширения избирательных прав в Советы, восстановления свободы печати, собраний, ликвидации чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и отмены смертной казни. Меньшевики предлагали передать в частные руки или в аренду кооперации предприятия, изменить аграрную и продовольственную политику. Однако подобные требования большевики воспринимали как контрреволюционные. Точек соприкосновения оставалось все меньше, а расхождения углублялись. Не принятые и отторгнутые большевиками, социалистические партии и люди, шедшие за ними, переходили на сторону контрреволюции, которая использовала их в своих целях. Большевики, таким образом, сами создавали себе трудности.

Пожалуй, из политической документации наибольший интерес представляют воспоминания бывших партийных функционеров. В них - итог пройденного пути, горечь утрат и несбывшихся надежд, попытки анализа неудач, обиды и взаимные обвинения, словом, есть все. Раньше других записи о революции начал делать Н. Суханов, экономист-аграрник, один из старейших участников

революционного движения в России. В 1919 г. он издал первый том своих воспоминаний²⁶. Всего их вышло семь, и завершилось издание уже в Берлине в 1923 г.

С конца 80-х годов стали появляться работы о деятельности политических партий России, об их лидерах. С начала 90-х годов реализуется обширный план издания программных и иных документов политических партий России начала XX в.²⁷

Документы политических партий России плохо сохранились, и поэтому незаменимым источником по истории этих партий является периодическая печать. Помимо библиотек газеты хранятся в музеях, архивах. Обширны коллекции газет - например, библиотек Государственного архива РФ (ГАРФ) и Российского государственного архива экономики. Имеются коллекции газет и на местах. Документы политических партий хранятся в архивах, и не только в государственных, но и в бывших архивах КПСС.

Следует назвать еще две группы материалов, в которых отражена деятельность различных партий. Во-первых, это документы советских центральных и местных органов, прежде всего стенограммы и протоколы съездов Советов разных уровней, ЦИК и исполкомов местных Советов. В этих органах, помимо большевиков, работали и представители других партий, их выступления и предложения фиксировались. Во-вторых, это документы РКП(б), произведения ее лидеров, воспоминания большевиков. Правда, мемуары, особенно написанные спустя много лет, порой чрезвычайно тенденциозны.

Так, П. Виноградская, опубликовав в журнале «Новый мир» (1966. № 4) воспоминания «Октябрь в Москве», приводит портретные зарисовки большевиков и представителей других партий. «Оказывается», сама природа наградила эсеров и меньшевиков отталкивающей внешностью, а большевиков, наоборот, чуть ли не ангельским ликом. Например, о меньшевике Кабрике сказано: «...низенький, невзрачный, с морщинистым лицом»; о меньшевике Исуеве автор пишет: «...его изрытое оспой лицо побагровело. Пощипывая жиденькую бородачку, он хрипло вопит»; про эсеров Шубникова и Шмерлина читаем: «Правый эсер Шубников. Что-то иезуитское было в его худом длинном лице с тонкими губами и вечной язвительной улыбочкой. ...Шмерлин даже внешне неприятный субъект с обрюзгшей, бабьей физиономией».

А вот как Виноградская характеризует большевиков. Смидович был «бел как лунь, но сквозь его легкие очки в золотой оправе смотрели ясные, голубые, по-детски улыбающиеся глаза». Максимов - «стремительный, со смеющимися живыми глазами, чрезвычайно смелый и находчивый». Усиевич - «сквозь очки его лучистые светло-серые глаза смотрели широко, дружески, точно гово-

рили: «Люди, я хочу, чтобы вы были счастливы!»²⁸. По поводу каждой фразы так и хочется воскликнуть, как К.С. Станиславский: «Не верю!».

Подобные воспоминания являются не столько источником по истории революции, сколько источником, отражающим социально-культурную среду и моральный облик старых большевиков.

3. Документы политических партий и самостоятельных политизированных организаций современности

Возникновение и развитие самостоятельных общественных движений, их стремление к полноправному участию в политической жизни страны - характерная черта нашего времени. Всего лишь за три-четыре года «неформалы» из маленьких разрозненных групп смогли создать мощные движения, играющие важную роль в жизни страны.

В современной России многопартийность стала реальностью. В последние годы активно создаются новые партии, их количество трудно сосчитать. Разобраться в целях, формах и методах, социальном и национальном составе не представляется возможным без знания программ, уставов, периодических изданий и других материалов этих движений.

Историки, философы, социологи, политологи проявляют интерес к общественным движениям современности. Сначала появились сборники материалов и краткие обзоры деятельности самостоятельных организаций, изданные как самими «неформалами», так и официальными научными организациями²⁹.

История политизированного самостоятельного движения насчитывает в нашей стране более двух десятилетий. Однако в условиях тоталитарной системы существовавшие в 60-70-х годах, группы не могли играть сколько-нибудь заметной роли в жизни общества. С ужесточением репрессий в начале 80-х годов многие из них прекратили свою деятельность.

Развертывание демократизации и гласности вызвало к жизни множество новых объединений и клубов. Их численность, степень организованности и влияния, уровень поставленных задач возрастают с течением времени. Для 1987-1988 гг. характерны небольшие дискуссионные клубы, семинары, пропагандировавшие свои взгляды среди небольшой аудитории. С весны 1988 г. рост «неформального» движения ускоряется, оно выходит на улицы, развертывает агитацию, издает газеты. Стали формироваться

массовые фронты и движения, а с лета 1989 г. - клубы и объединения избирателей, возглавляемые авторитетными лидерами, пользовавшимися широкой поддержкой народа и определенным влиянием на власть.

Сказанное касается в первую очередь и в основном России. В других бывших союзных республиках, например в Латвии, Эстонии, Литве, неформальные движения начались раньше, имели свою специфику, опирались иногда на национальные исторические традиции и пр.

Для большинства «неформальных объединений» этого периода характерны следующие структурные элементы: общие собрания (конференции), руководящий орган, рабочие секции, региональные секции, теоретическая школа, печатный орган.

С 1990 г. открывается новый этап в деятельности самостоятельных движений. Из региональных организаций с расплывчатыми лозунгами, непостоянным членством создавались общереспубликанские политические партии, имевшие разветвленную сеть первичных организаций, четко определенный состав членов и сторонников, свои финансовую базу, программу и устав, парламентские фракции.

К началу 90-х годов наметились четыре основных направления. Два направления представляли демократический лагерь (блок «Демократическая Россия»). Это - парламентская демократия и демократический социализм.

Цели «парламентаристов» (сюда входят Демократическая партия России, Социал-демократическая партия, Союз конституционных демократов, «Мемориал», народные фронты и клубы избирателей) - многопартийность, парламентаризм, взаимоуважение и равноправие народов, скорейший переход к рынку с частной собственностью и наемным трудом, конверсия, прекращение помощи диктаторским режимам в странах третьего мира.

Демократические социалисты (Социалистическая партия России, Объединение социалистических профсоюзов) имели сходные взгляды на политические и национальные вопросы, но скептически относились к частной собственности. Их экономическая программа - муниципализация собственности, а затем передача средств производства в коллективную собственность работников предприятий с одновременным развитием производственной демократии.

Еще два направления - коммунистическое и славянофильское - объединялись в патриотический лагерь (блок общественно-патриотических организаций России).

Славянофилы («Память», «Отечество», Христианско-патриотический союз) ставили перед собой задачу содействовать нацио-

нальному и духовному возрождению русского народа, восстановлению православия как государственной религии. Их цель - борьба против «распродажи национальных богатств России» и против мирового сионизма.

К коммунистическому направлению принадлежат инициативный съезд РКП, Объединенный фронт трудящихся, общества защиты В.И. Ленина и И.В. Сталина, группа «Единство». Их цели - борьба за коммунистические ориентиры, укрепление руководящей роли КПСС и рабочего класса, против антисоциалистического плюрализма, буржуазных влияний и космополитизма.

Большинство коммунистов и славянофилов выступают за сохранение любыми средствами единого Союза ССР, против рынка и частной собственности. Шовинизм и антисемитизм в разной степени присущи каждой из этих организаций.

Большое значение для изучения истории советского общества конца 80 - начала 90-х годов имеют документы самостоятельных политических образований.

В условиях ограниченной гласности и отсутствия свободы печати именно «неформальные» издания представляли наиболее широкий спектр мнений, оценок текущих событий и перспектив по различным вопросам политики, экономики, культуры. Учитывая закрытый доступ к некоторым архивам, только по «неформальным» документам и можно изучать историю репрессивной политики правительства, познакомиться с программами, обращениями, выступлениями общественных деятелей, а также с историей создания различных объединений.

Изучаемые документы наиболее точно можно классифицировать по функциональному назначению, так как от цели создания документа в значительной мере зависели тщательность его проработки, содержание, достоверность и т. д.

На наш взгляд, следует выделить несколько групп источников:

1. Официальные документы организаций (программы, уставы);
2. Агитационные документы; печатные издания;
3. Неформальные документы в государственных официальных изданиях.

Документы первой группы - официальные документы организации и сходные с ними документы «мозговых центров» и депутатских групп (программы и уставы организаций, альтернативные законопроекты) определяли долгосрочные цели движений, методы их достижения. Особенностью являются тщательность подготовки и, как следствие, наличие нескольких редакций, многократные изменения и уточнения, проверенные факты. Такие

документы выносились на одобрение всей организации и отражали ее коллективную точку зрения.

Примером подобного документа может служить программа Московского народного фронта. Поначалу в течение нескольких месяцев ее создавала специальная группа. Первый проект программы уместился на нескольких страницах машинописного текста и давал краткую оценку текущего момента и общую политическую декларацию Московского народного фронта. В переработанном проекте программы содержалась характеристика политического и экономического строя СССР, определялась цель движения - демократический социализм, пути его достижения, формы и методы политической борьбы. Но и этот проект был значительно изменен при окончательном обсуждении на учредительной конференции: были изъяты положительные оценки Октябрьской революции, декларировалось не стремление к демократическому социализму, а только уважение его принципов.

К агитационным материалам самостоятельных организаций (листовки, обращения, резолюции митингов, записи речей ораторов, плакаты, атрибутика), кроме того, относятся и неофициально выпущенные документы предвыборных кампаний. Как правило, эти документы небольшого объема. Они не несут особой интеллектуальной нагрузки. Их цель - непосредственная агитация (подписать письмо, прийти на митинг, проголосовать за кандидата). К фактам, изложенным в таких документах, следует относиться с большой осторожностью. Если программа или устав являются коллективным мнением организации, то агитационные документы нередко выпускали отдельные члены или сторонники организации. В то же время в листовках или плакатах ярко проявлялась позиция организации по тому или иному вопросу, не раскрытому в программных документах.

Конец 1980-х годов - период расцвета неформальной печати. Одновременно издавались сотни газет и журналов разнообразной тематики: литературные, юмористические, детские, религиозные. Но основной костяк неофициальных изданий - общественно-политические.

Значительны различия между изданиями по уровню профессионализма, компетентности авторов, способам организации размножения и распространения, регулярности и продолжительности выхода в свет. Наиболее популярными были «Экспресс-хроника», «Гласность», «Свободное слово», «Голос избирателя». (Более подробно неформальные периодические издания будут рассмотрены в главе о периодической печати.)

Многие получившие широкий резонанс материалы были опубликованы неофициальной прессой (статьи Т. Гдляна и

Н. Иванова, платформа Межрегиональной группы депутатов и другие материалы).

Официальные печатные издания также публиковали документы самостоятельных движений, например «Огонек» опубликовал декларацию «Гражданского действия» и блока «Демократическая Россия», «Правда» - демократическую и марксистскую платформы к XXVIII съезду КПСС. Как правило, это были перепечатки уже изданных неофициально документов.

В целом же официальная пресса довольно скудно освещала деятельность неформальных объединений, не публиковала их основополагающие документы, а в период формирования и выхода политических партий из подполья (около десяти лет назад) советская пресса была чрезвычайно тенденциозна. Вспомним хотя бы оскорбительные по тону корреспонденции «Вечерней Москвы» и других газет по поводу несанкционированных митингов «Демократического союза» в 1988 г.

Время от времени в газетах появлялась информация об образовании той или иной новой партии, а в «Аргументах и фактах» далее было опубликовано интервью с Ниной Андреевой, которая изложила программу Всесоюзного общества «Единство, за ленинизм и коммунистические идеалы» (создано в мае 1989 г.), идейным вдохновителем которого она являлась.

Однако есть факты, оставшиеся не освещенными ни самиздатовской, ни, тем более, официальной прессой. Так, в первой половине 1990 г. произошло размежевание двух линий в идейно-политической жизни страны: социал-демократы и социалисты пошли разными дорогами. А между тем информация о том, что же представляли из себя данные течения и в чем между ними разница, в советской прессе отсутствовала. Эта ситуация была характерна и для официальных источников, и для неформальной прессы. Документы самостоятельных политических организаций начали привлекать внимание историков. Собрана, систематизирована и доступна определенная часть материалов. Их общее количество пока не поддается оценке.

Нам кажется, что в первую очередь необходимо собрать и систематизировать документы «неформалов», создать единую систему классификации и единый банк данных неформальных движений.

Основной корпус источников о политических партиях и организациях содержится в ряде коллекций независимой и нетрадиционной прессы Москвы, Санкт-Петербурга и некоторых других городов. Эти источники находятся в коллекции нетрадиционной печати Государственной публичной исторической библиотеки Москвы, в Московской независимой общественной библиотеке,

архиве Информационного центра рабочего и профсоюзного движения КАС-КОР, Народном архиве, в Библиотеке неизданных рукописей, Санкт-Петербургском архиве-коллекции нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений, Санкт-Петербургской независимой общественной библиотеке) Библиотеке научно-информационного и просветительского центра «Мемориал», фондах Российской государственной библиотеки (бывшая библиотека им. В.И. Ленина), Российской национальной библиотеке (бывшая библиотека им. Е. Салтыкова-Щедрина), архиве Московского общественного бюро информационного обмена и др.

ГЛАВА 5

АКТЫ

АКТЫ как вид исторических источников есть предмет специальной исторической дисциплины - дипломатики. Дипломатика как вспомогательная историческая дисциплина в своем развитии, особенно применительно к источникам XIX-XX вв., слилась с источниковедением. Поэтому предметом ее изучения остались акты и грамоты ранних эпох. Что же касается актового материала XX в., то он традиционно изучается источниковедением. Возможно, поэтому актам как особому виду исторических источников XX в. не уделялось достаточно внимания. Впервые к актам новейшего времени в постановочном плане обратился С.М. Каштанов.

По определению С.М. Каштанова, «в юридической и бытовой практике нашего времени под «актами» подразумеваются, во-первых, документы законодательного вида (законы и так называемые подзаконные акты), во-вторых, фиксирующие факты правового освидетельствования какого-либо действия или состояния («акты» освидетельствования или сдачи имущества, милицейские «акты» и т. п.)»³⁰.

В-третьих, сюда можно бы добавить административный акт как один из видов документов государственного управления. Такие акты являются прямым следствием сущности и функций любого государства: от мирных мероприятий до жесточайших репрессий в отношении своих граждан.

Насилие - имманентно присущая государству функция. Дабы оно не выходило за легитимные пределы, насилие может быть ограничено рамками закона. Отсюда вытекает необходимость административного права. Однако, как показала практика, в условиях тоталитарного режима произвол власти не знает границ и адми-

нистративное право превращается в бесправие. Следствием этого является вседозволенность власти и беззащитность граждан перед ней.

В условиях неправового государства административный акт широко применялся в виде внесудебных репрессий, арестов, высылки, штрафов и пр.

С.М. Каштанов замечает, что за пределами понятия «акт», когда дело идет о XX в., нередко остаются документы договорного вида, которые составляют один из важнейших объектов дипломатии.

В XX в. акты эволюционируют в сторону цивилизованного договорного партнерства, основанного на твердой законодательной базе, в том числе и на нормах международного права. Появление контракта - признак и форма (а также условие) установления демократических партнерских отношений на рынке труда и, в целом, в сфере экономических отношений (преимущественно). Хотя бюрократическая машина царской России, ущемленное проявление демократизма, полицейский надзор и прочие причины деформировали реальную картину договорного партнерства, тем не менее можно констатировать: договор, контракт занимали прочное место в системе актов документации России.

После октября 1917 г. сфера действия частно-правовых актов сузилась (понятия «частно-правовой институт» и «публично-правовой институт» в советском праве отсутствовали, и говорить о них, вернее, использовать эти термины можно с известной долей условности и лишь применительно к 20-м годам). Частные инициатива, предпринимательство, частная собственность и все, что с ними связано, уходило в прошлое. Обязательность, всеобщность, поголовность, принуждение, а не добровольность - эти важнейшие принципы советской власти доминировали во всех сферах народно-хозяйственной жизни, а также в установлении отношений государства с гражданами (их обоснование можно найти у В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина и др.).

Частичное сохранение в 1917-1919 гг. договорных отношений (с кооперацией на основе компромисса, заключенного с кооператорами весной 1918 г.; попытка наладить отношения с частным капиталом) рассматривалась советским руководством как временное отступление. Однако переход к нэпу как бы продлил время этого отступления. Это заставило власть более внимательно относиться к публично-правовым отношениям, хотя бы на международном уровне.

Выход СССР в начале 20-х годов на международную арену и признание его иностранными государствами обязал советскую власть считаться с нормами международного права на уровне вза-

имеющих отношения с иностранными государствами. По определению С.М. Каштанова, международные договоры остаются «вечной» категорией среди публично-правовых актов³¹.

Эти договорные документы соблюдались наиболее строго, ибо международное сотрудничество требовало именно такого правового регулирования на основе международного права. Лишь укрепление политической и военной мощи СССР к концу 30-х годов дало возможность Германии и СССР игнорировать и попирать международное право (пакт СССР и Германии о ненападении, сопровождавшийся сговором о перекройке политической карты Восточной Европы; нарушение этого пакта Германией и нападение на СССР).

Структура советского государства, особенно в период его становления (1917-1922), вызвала к жизни такую группу публично-правовых актов, как договоры между новыми государственными образованиями, возникшими на территории бывшей Российской империи после 1917 г. Особую сложность представляли договоры с РСФСР. В целом в историографии складывание договорных отношений оценивалось как сугубо позитивное явление, причем этот процесс представлялся как бы неизменно шедшим по восходящей линии, как крепнущий союз будущих равноправных, самостоятельных республик в составе единого государства.

Но декларированная независимость новых государственных образований оказалась весьма относительной. Признание независимости считалось временным отступлением, вынужденной переходной мерой. Над всем же властвовали идеи ожидаемой со дня на день мировой революции и пролетарского интернационализма, что предполагало совсем иное, а именно: не создание национальных суверенных государств, а образование единого пролетарского государства, вплоть до Соединенных Штатов Европы, в результате свершения мировой революции.

Вспомним, например, известную работу Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода», в которой он писал: «Диктатура пролетариата не может победить, если пролетариат разных стран изолирован друг от друга. Поэтому уже в ходе борьбы неизбежно сцепление, связи, спайка, союз между всеми возникающими пролетарскими советскими республиками... Для пролетариата его экономическое и политическое единство есть вопрос жизни»³².

Таким образом, и революционный пафос, и имперские традиции, и общегосударственные интересы действовали в едином направлении в отношении новообразованных республик. Отсюда прямо вытекал правовой нигилизм, подчинение закона интересам политики.

Идеологическое и политическое вмешательство России в дела республик оставалось довольно сильным. Политическое влияние устанавливалось, в частности, из-за отсутствия национального единства политических сил в национальных районах и внедрения на руководящие должности партийно-советских кадров из центра, а также и из-за деятельности некоторых «ультраинтернационалистических» левых сил из коренных национальностей. Политическое влияние неизбежно сказывалось на экономических отношениях. Так, в феврале 1919 г. (т. е. в момент провозглашения «суверенитета») было достигнуто соглашение между РСФСР и Белоруссией об установлении фактического контроля ВСНХ над деятельностью СНХ Белоруссии, а также объединено закупочное дело на территории Литвы, Латвии и Белоруссии.

Политическое, идеологическое и экономическое влияние центра оказывалось тем большим, чем сильнее был «пробольшевистски-просоветский» режим в той или иной республике. Так, с провозглашением в конце 1920 г. советской власти в Армении республиканский ревком стал издавать законы об обязательности декретов РСФСР в Армении, а также об обязательном введении в Армении денежных знаков РСФСР.

Те договорные отношения революционных лет между республиками никоим образом не могут быть аналогом и прообразом отношений, заключенных в 90-е годы между бывшими республиками СССР после его распада и образования СНГ. Эти договорные отношения устанавливались при жесточайшем соблюдении принципов суверенитета независимых государств, в условиях возросшего национального самосознания и устойчивого стремления республик к самостоятельности.

С переходом к нэпу происходило некоторое возрождение частно-правовых актов на договорной основе, прежде всего в сфере аренды частными лицами предприятий, земли, оборудования, найма-сдачи инвентаря, сельскохозяйственного в особенности, а затем и рабочей силы.

В сельском хозяйстве во второй половине 20-х годов наиболее заметным явлением стала контрактация государства с крестьянскими хозяйствами на их продукцию. Контрактация возникла как одна из форм заготовки сырья для промышленности. В советской историографии контрактации придавалось большое значение, ей отводилась решающая роль в переходе от кооперирования товарооборота к кооперированию производства.

Контрактационный договор государство заключало через посредничество кооперации с крестьянскими хозяйствами. Договор должен был гарантировать заготовителям поступление определенного объема сельскохозяйственной продукции в определен-

ные сроки. Контрактующие организации обязывались выплатить за сданную продукцию заранее установленную цену независимо от рыночных колебаний.

Первоначально контрактационные договоры заключались с отдельными хозяйствами. Однако государство и кооперативы были заинтересованы в охвате контрактацией как можно большего количества сельских обществ. Это имело для государства ряд преимуществ. Во-первых, появилась возможность применять в широких масштабах технику на полях, во-вторых, насаждать чистосортные посевы на больших территориях и, в-третьих, подчинить государственному контролю и плановому началу крестьянские хозяйства, особенно зажиточные.

При всей грандиозности замыслов уже осенью 1928 г. выявились слабые стороны контрактации, которые затрудняли ее проведение. Прежде всего, сильнейшее недоверие крестьян вызвала незначительность выделенных авансов. Не оправдало себя и распределение авансов по трем категориям: бедняк, середняк, зажиточный. Надевая хомут на крестьянство с помощью кооперации, государство подминало под себя и ее саму, из-за чего страдала заготовительная работа.

Несмотря на недостатки, общая картина состояния контрактации по отчетам вырисовывалась весьма благополучной. Цифры из года в год росли. Но это мнимое благополучие достигалось путем обмана, лжи, угроз и насилия государства над крестьянством.

Наивысших успехов контрактация достигла в годы хлебозаготовительного кризиса, когда путем драконовских мер, игнорирования контрактов, заготовительные органы выгребали из деревни все подчистую, не считаясь ни с чем. Контрактация способствовала этому разбою. Однако отечественная историография никогда не обнаруживала здесь взаимосвязи. И даже когда в перестроечные годы раздавались голоса, разоблачавшие методы коллективизации, контрактация оставалась вне критики.

С помощью контрактации государство закабаляло крестьян. При этом орудием закабаления явилась кооперация, через которую государство и оказывало разностороннее воздействие на крестьян. Контрактация стала первым опытом массового окольного втягивания крестьян в систему фактического рабства.

Главный вывод для источниковедческого анализа контрактационных договоров: правильность составления подобных документов, соблюдение паритета сторон на бумаге, юридическая грамотность, четкость формуляра документов и другие обстоятельства не должны заслонять сущности явления - ограничения свободы крестьянства.

Если по отношению к сельскому населению государство действовало бесцеремонно, игнорируя контрактационные догово-

ры, не меняя их, не внося в них какие-либо поправки, то более тонко оно поступало с акционерными обществами: с грамотными людьми необходимо было хотя бы формально поступать более «цивилизованно». Поэтому договоры и законодательство корректировались таким образом, чтобы плотнее включать в организационную структуру государства все существовавшие отношения и единицы, независимо от их социально-экономической природы. Это приводило к смешению различных принципов хозяйствования и нечеткости организационно-правовых форм.

Условия второй половины 20-х годов вместо стабилизации и стимулирования акционерного направления превращали его в разновидность государственного сектора. В результате часть акционерных обществ к 1929 г. либо самоликвидировалась, либо была ликвидирована.

Некоторые из них, в поисках выхода, образовывали в союзе с государством смешанные общества. Смешанная форма акционирования во второй половине нэпа значительно отличалась от существовавшей ранее. С 1927 г. - это полугосударственная структура, координируемая и направляемая государством. Выступая монополистом в смешанных обществах, государственные структуры делали частного акционера сторонним наблюдателем. Не имея возможности влиять на работу общества, частник становился простым вкладчиком средств, причем без гарантии на получение прибыли. Нарушая личные и имущественные права частных акционеров и тем самым выживая их из общества, смешанная форма акционирования постепенно переходила в государственную.

В условиях огосударствления всей экономики важнейшие хозяйственные соглашения заключались между предприятиями и учреждениями. К числу таких актов прежде всего относятся производственные договоры (о поставках, ремонте оборудования и т. д.). Предполагалось, как само собой разумеющееся, что такие договоры основываются на паритетных началах. Однако здесь были нарушения, особенно во взаимоотношениях с кооперацией, к которой государство постоянно относилось с недоверием.

С 1920 г. стала широко распространяться система генеральных договоров и предварительных заказов. Именно в это время в сырьевых отраслях сельского хозяйства наметился переход от стихийного мелкого производства и обмена к организованному снабжению госпромышленности с помощью сельскохозяйственной кооперации и регулирования крестьянского производства при посредстве генеральных договоров и соглашении между объединениями госпромышленности и соответствующими видами сельскохозяйственной кооперации (генеральные договоры между свекловичной кооперацией и Сахаротрестом, между Центротра-

баксоюзом и Табаксырьем и Махорсиндикатом, Лыноцентром и Текстильным синдикатом и пр.). Однако в этих взаимоотношениях с самого начала возникли сложности. Как отмечалось в докладе фракции ВКП(б) Сельскосоюза в Политбюро ЦК ВКП(б) 7 июня 1926 г., «существующие в этой области взаимоотношения между госпромышленностью и сельскохозяйственной кооперацией все еще... недостаточно налажены и требуют особого внимания регулирующих и планирующих органов».

Генеральные договоры и предварительные заказы госпромышленности постоянно ставили в исключительно выгодное положение государство и невыгодное - кооперацию. Промышленность диктовала жесткие условия договоров, и они теряли выгоду для кооперации. Например, ее обязывали принимать несезонную продукцию от промышленности и нести расходы по ее хранению.

Были введены так называемые коллективные договоры между администрацией предприятия и комитетом профсоюзов. В таком договоре оговаривались права и обязанности «договаривавшихся» сторон. Но он превращался в формальную фикцию на бумаге. Такие документы не являлись гарантией защиты интересов трудящихся, которые везде и постоянно находились в полной зависимости от произвола администрации и партийных органов. Выполнение взятых обязательств, и прежде всего администрацией, никто не контролировал, либо это происходило формально. Однако их полное исключение из практики в перестроечные годы - другая крайность. Ведь коллективный договор можно превратить в реальное и законное оружие трудящихся. (Так профсоюзы лишились и тех невызывательных «прав», которые имели в советское время.)

Рассмотрим и договорную документацию. Например, заключались договоры между государственными предприятиями и учреждениями о найме (сдача помещения или земли в аренду, предоставление каких-либо объектов в пользование), о купле-продаже и пр. Но выявление подобных документов и их исследование не ведутся. С.М. Каштанов заметил: «как применять к ним методы классической дипломатики, не ясно». А между тем количество таких документов огромно.

С утверждением колхозного строя в сельском хозяйстве появились договоры МТС с колхозами (с 1929 по 1954 г., когда МТС были реорганизованы и техника передавалась колхозам).

Непременным условием жизни общества «победившего социализма» стало принятие ежегодных договоров о «социалистическом соревновании». Сотни тысяч заводов и фабрик, совхозов и колхозов, цехов, бригад, звеньев, ферм брали на себя повышенные обязательства, соревнуясь друг с другом. Главным, естественно, являлся не сам договор, а результат его выполнения. Итоги

подводили в конце года, победителей награждали ценными подарками и грамотами, переходящими знаменами и флагами... Однако выявить степень реальности этих результатов трудно. Здесь, как нигде, много «липы». Не совсем серьезное отношение к соцобязательствам обуславливалось тем, что они все же были не главной, плановой нагрузкой, а дополнительной и «добровольной».

Серьезные изменения в обществе, начавшиеся с середины 80-х годов, дали возможность налаживать договорные отношения в хозяйственной, культурной и иных сферах, многие из которых являются новыми, хотя часть из них существовала раньше, но была изгнана советской властью из жизни. На этом пути возникает много осложнений, что затрудняет выполнение взятых обязательств или их выполнение в обозначенный срок (зачастую из-за неурегулированности законодательства). Порой договоры обрываются ненужной регламентацией (нередко за этим маскируется главное) и такими условиями, которые ставят одну из сторон в невыгодное положение. Здесь сказывается, между прочим, и некритическое перенесение зарубежного опыта на наши, отличные от заграничные, условия.

Разнообразие актового материала и слабая его изученность, по существу, ставят дипломатику XX в. лишь на исходную позицию. Отсутствует опыт аналитической работы с актами.

И все же, опираясь на некоторые исследования, можно привести в качестве примера предварительного анализа работу с приговорами сельских обществ³³.

Документация сельских и волостных сходов, как важнейших материалов деревенской жизни послереволюционных лет, оказалась устойчивой в вихре «социалистических» преобразований. Приговоры можно отнести к разновидности актовой документации. Они сохраняли все признаки формуляра общинного приговора, складывавшегося на протяжении столетий. Правда, в XX в. вносились некоторые коррективы (например, сближение по форме - в заверительной части - с протоколом, получившим широкое распространение и городе).

Устойчивость структуры приговора дает возможность привести его содержание:

1. Губерния, уезд, волость, село, общество.
2. Дата.
3. Самоназвание схода.
4. Состав и число участников.
5. Председательствующий, должностные члены общества.
6. Присутствие посторонних (представители власти, общест-венности и др.).
7. Самоназвание документа.

8. Содержание документа (коротко или развернуто).
9. Принятое решение.
10. Наличие подписи, печати.
11. Примечание.
12. Источник.

Ясно, что жизнь богаче всякой схемы. Но схема все же нужна - без такого или подобного инструментария нельзя выделить приговор из массы единичных множественных фактов. Некоторым выходом для непредусмотренных случаев может служить графа «Примечание».

Подобная методика обработки материала подсказывает и один из возможных путей экономной его публикации путем составления регест в виде таблиц с последующей группировкой по хронологическому, географическому, проблемному принципам и их комбинации.

Документы общинного происхождения конкретны. Они вне рамок усредненных величин, обобщающих представлений, вплотную, непосредственно сталкивают исследователя с участниками исторических деяний. В этом их неповторимость и важность как источника.

В то же время эта массовая первичная документация переводится к дальнейшему сравнительно простому обобщению путем:

- а) разбивки текста приговора на составные элементы (клаузулы);
- б) накопления по данной форме необходимого представительного комплекса документов; в) его последующей статистической обработки и анализа (см. ниже приложения).

В заключение еще раз подчеркнем, что в новейшее время актовая документация (особенно такие ее разновидности, как договор или контракт) сама по себе не раскрывает сути того или иного дела. Главное - в других документах, показывающих, как данный акт реализовывался. Если для периода феодализма наличие акта служит доказательством некоего действия, то в XX в. это лишь предпосылка дела, которое неизвестно как закончится.

Приложения

Документы сельского схода (схема сбора и публикации)

Приложение 1

1 Губерния, уезд, волость, село, общество	Рязанская губ., Пронский уезд, Полянская волость, с. Большие Поляны, Орловское общество
---	---

2. Дата	1918 г., 30 июня
3. Самоназвание схода	Общее собрание
4. Состав и количество участников	58 человек
5. Председательствующий, должностные лица общества	Нет сведений
6. Присутствие посторонних (представителей власти, агитаторов и др.)	Не было
7. Самоназвание документа	Протокол
8. Краткое содержание обсуждаемого вопроса	О политической благонадежности односельца, бывшего помещика А. И. Ильина, и его принудительном выселении из села
9. Содержание принятого решения	А.И. Ильина с женой и свояченицей как граждан села Большие Поляны из данного им жилья и удела не выселять и предоставить им жить здесь по данной им норме; в саботаже и контрреволюции они не замечались. Результаты голосования: за - 46, против - 12.
10. Наличие подписей, печати	Подписи председателя, товарища председателя, секретаря; печать сельского старосты
11. Примечание	
12. Источник	РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1094. Л. 14, 14 об.

Приложение 2

1. Губерния, уезд, волость, село, общество	Вятская губ., Нолинский у., Екатерининская волость, общество д. Займище Русских
2. Дата	1920г., 9 июня

3. Самоназвание схода	Нет сведений
4. Состав и количество участников	10 из 13 домохозяев
5. Председательствующий, должностные лица общества	Нет сведений
6. Присутствие посторонних (представителей власти, агитаторов и пр.)	Член волисполкома, начальник милиции района, волостной милиционер
7. Самоназвание документа	Приговор
8. Краткое содержание обсуждаемого вопроса	О переделе земли
9. Содержание принятого решения	Выполнить постановление уземотдела и возратить отобранную у трех членов общества землю, пущенную в общий передел при переходе на широкополосицу
10. Наличие подписей, печати	10 подписей
11. Примечание	После формулировки принятого решения отмечено: «Но хотя и расписуемся и возвращаем землю, но ходатайствовать будем»
12. Источник	РГАЭ. Ф. 478. Оп. 6. Д. 1610. Л. 66, 66 об.

ГЛАВА 6

Делопроизводственные материалы государственных учреждений и общественных организаций

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ документы составляют наиболее обширную группу источников. Управление есть процесс передачи, оценки, преобразования информации, который вплоть до последнего времени (до массового внедрения компьютерной техники) в значительной мере осуществлялся в форме бумажного документооборота. Документы свидетельству-

ют и удостоверяют факты, события, права, обязательства, компетенцию, полномочия, подтверждают и доказывают их. Значение документов как исторических источников определяется в зависимости от их роли в общественном развитии и от научно-исторической ценности заключенных в них сведений.

В советское время количество делопроизводственных документов значительно увеличивается, неизмеримо возрастает их роль в отражении всех аспектов жизнедеятельности общества. Решающее значение в этих процессах сыграли особенности становления и развития государственности, формирования нового государственного аппарата на принципах соединения законодательной и исполнительной функций, жесткой централизации, привлечения к управлению широких масс населения, не искушенных в управленческой работе (согласно ленинскому принципу «каждая кухарка должна уметь управлять государством»).

Государство диктатуры пролетариата довольно быстро трансформировалось в государство диктатуры одной партии, а с 20-х годов - аппарата партии, который не только единолично решал идеологические и политические проблемы, но и выполнял функции госаппарата. Сращивание партийно-государственных структур, в свою очередь, превратило партию из политической организации единомышленников в бюрократическую государственную структуру со строгой иерархией партийных чиновников. Им подчинялись профессиональные, общественные и творческие организации.

И хотя в советском источниковедении установилась традиция рассматривать документы КПСС как самостоятельную группу исторических источников, фактически эти документы не имеют особых видовых признаков, характерных только для партийных документов. Документы КПСС, как и документы политических, профессиональных, общественных организаций, по своим источниковым характеристикам вполне вписываются в рамки делопроизводственных источников как вида (разумеется, речь не идет о таких документах, как программы, уставы и некоторые другие, о чем говорилось в разделе о партийных источниках). В таком случае к ним применимы аналогичные приемы источниковедческого исследования.

Если в практике непосредственного управления надобность в определенных группах документов постоянно отпадает, то их значение как исторических источников остается постоянным. Из комплексов взаимосвязанных документов составляются системы документации. В них отражаются уже не отдельные факты, а последовательность фактов в их многочисленных связях во времени и пространстве.

Делопроизводственная документация советского общества возникла не на пустом месте. Формуляры большинства документов без изменений вошли в практику послереволюционного периода. Изменились приоритеты среди разновидностей, социальная окраска и направленность, содержание информации, заключенной в традиционных формулярах.

Попробуем приблизительно классифицировать делопроизводственную документацию:

1) *Организационная* документация определяет порядок какой-либо деятельности, структуру, компетенцию, задачи, формы и методы исполнения и пр. К ней относятся положения, уставы, правила, статуты, обязательства, договоры, контракты, трудовые соглашения³⁴.

2) *Распорядительная* документация служит для реализации управленческой деятельности и является продолжением документации организационной. Сюда можно отнести решения, резолюции, приказы, инструкции, циркуляры, распоряжения, поручения, предписания, указы и пр.

3) Особый вид организационно-распорядительной документации составляют *протоколы* и *стенограммы* заседаний коллегий, собраний, съездов, конференций и пр.

4) *Текущая переписка* предприятий и учреждений (письма, телеграммы, радиogramмы, телефонограммы и пр.). Сюда же можно отнести и письма граждан в государственные и общественные органы.

5) *Плановая документация**.

6) *Учетная документация*.

7) *Контрольная документация*.

8) *Отчеты*, в том числе статистическая документация.

С начала 30-х годов, когда в основу получения статистических сведений был положен текущий учет, в делопроизводство стала проникать статистика. Статистические документы составляют не менее четверти всей делопроизводственной документации. Их удельный вес в различных группах документов неодинаков. Наибольшее значение они имеют в учетно-контрольной документации, где многие формы подготовлены для статистической обработки.

Довольно рано и интенсивно государственный аппарат стал обюрокрачиваться, захлебываясь от обилия бумаг. Уже 8 декабря 1918 г. Совнарком принял постановление, и которым предлагалось в корне пресечь «чрезмерно разросшуюся ведомственную

*Плановая документация общегосударственного масштаба рассматривается в гл. 8 «Материалы планирования развития народного хозяйства».

переписку и тормозящую работу канцелярскую волокиту» в центре и на местах.

Ростки бюрократизма остановить было непросто. В своих последних работах В.И. Ленин неоднократно отмечал слабость государственного аппарата. Он сетовал, что советский аппарат который «перенят нами целиком от прежней эпохи», «никуда не годится» и «дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны».

Среди руководителей высшего уровня нового государства, включая народных комиссаров, профессионалов, тем более с практическим опытом, было мало. Все они учились урывками, систематическое образование было редкостью. Они были профессиональными революционерами, но это осталось в прошлом. Главным становилось умение управлять государством, экономикой, компетентно решать вопросы социальные, культурные и пр. А этому никто не учился, правда, многие вскоре научились руководить. Но руководить еще не значит управлять. Отсутствие кадров специалистов явилось одной из причин рано возникшей традиции выдвигенчества, некомпетентного руководства и интенсивной бюрократизации советского аппарата.

Тяжелым было положение на местах. Сказывались малограмотность и низкая квалификация работников, особенно на волостном и уездном уровнях, их неспособность самостоятельно решать те или иные вопросы, в результате чего центральные губернские учреждения были забиты бумагами, часто не подготовленными для рассмотрения.

Бюрократизм - главное условие и предпосылка фальсификации документов. Причем фальсификации не злонамеренной, не корыстной, а вытекающей из внутренне присущих бюрократии свойств.

Известный в 20-е годы краевед А.М. Большаков, изучавший Горьскую полость Кимрского уезда Тверской губернии, поделился весьма любопытными наблюдениями. Как рассказывал ему один волостной совслужащий, часто чиновники по рекомендации уездного инструктора за неимением под рукой необходимых цифр брали их «с потолка». «Как это?» - удивился Большаков. «Очень просто: посмотреть на потолок, подумать немного да и поставить цифры, какие Бог на душу положит»³⁵. Такие разговоры Большаков слышал в 1918, 1920 гг. и позднее. Подобная практика сохранялась и в 40-е, и в 60-е годы.

Попытки борьбы с бумажной лавиной предпринимались, но безуспешно. С. Орджоникидзе однажды пошутил: «Отчетность похожа на гидру: рубишь одни головы, отрастают другие».

Бюрократизм буквально парализовывал хозяйственные и иные организации. Возьмем, например, такую некогда демокра-

тическую и самоуправляемую организацию, как кооперация. К концу 20-х годов резко увеличилась множественность и параллелизм в руководстве работой кооперации. Нередко одним районным колхозным союзом или районным союзом сельскохозяйственной кооперации руководили около десятка различных органов, и каждый посылал в подотчетное районное звено множество инструкций, директив, циркуляров, анкет и т. п. Райсоюзы получали тысячи документов, часто противоречащих друг другу. Это нередко приводило к тому, что их подшивали к делу не читая. Один из райсоюзов в Красноярском округе буквально потонул в трех пудах непрочитанных документов³⁶.

Действительно, мы имеем изобилие делопроизводственной документации 20-х годов, отложившейся в архивах. И если, скажем, историки, изучающие средневековые, всегда испытывают недостаток в источниках, то историки, исследующие 20-е годы XX в., нередко сталкиваются с избыточной документацией, часто к тому же противоречивой, в которой непросто разобраться. Причем противоречия могут быть явными или мнимыми. Можно дать на первый случай несколько рекомендаций.

Наибольшую сложность представляют документы, содержащие статистические сведения. Распространенное затруднение - расхождение показателей в характеристике одного и того же явления. Но разноречивое нередко бывает мнимым. Дело в том, что статистический учет в 20-е годы осуществляли разные учреждения: статистика была государственной, ведомственной, кооперативной и различалась по назначению, объектам учета, методике получения и обработки данных. И еще одно обстоятельство; разный временной срез даже в источниках одинакового происхождения рождает мнимое расхождение: в одних случаях исследователь ориентируется на начало, в других - на середину, в третьих - на конец изучаемого года.

Наиболее эффективным является изучение делопроизводственных документов при знакомстве со всем комплексом материалов по тому или иному вопросу. А такая возможность предоставляется лишь при систематическом исследовании архивных фондов, отложившихся в результате деятельности какого-либо учреждения.

Такая методика, безусловно, трудоемка, но зато она исключает или сводит почти на нет случайность либо упущения. Для наглядности попробуем рассмотреть состав, содержание и взаимозависимость какого-либо комплекса делопроизводственных документов.

Возьмем, к примеру, фонд Госплана СССР, хранящийся в РГАЭ. Предположим, что нас интересует материал по сельскому хозяйству середины 20-х годов. Где его искать?

Можно установить, что в состав комплекса вошли документы, образовавшиеся в результате деятельности президиума Госплана, сельскохозяйственной секции, а также всех других секций, которые в той или иной мере соприкасались с сельским хозяйством. Прежде всего, можно выделить экономико-статистическую секцию, осуществлявшую подготовительные работы для построения перспективного плана развития народного хозяйства, изучавшую методологию составления хлебно-урожайного баланса, урожайности, хлебных цен, крестьянских бюджетов и др. Проблемы внутреннего и внешнего рынка сельскохозяйственной продукции отражают материалы секций внутренней и внешней торговли. О машиностроении для сельского хозяйства свидетельствуют документы промышленной секции. Материалы сельскохозяйственной секции, готовившей вопрос к рассмотрению в президиуме Госплана, обязательно обсуждались во всех имевших отношение к сельскому хозяйству секциях. Далее вопрос обсуждался в президиуме сельскохозяйственной секции и затем, после утверждения, поступал на рассмотрение президиума Госплана.

Таким образом, первый тематический комплекс документов по тому или иному вопросу складывался сначала в сельскохозяйственной секции и концентрировался в составе материалов приложений к протоколу заседания президиума сельскохозяйственной секции. Затем в окончательном виде с дополнением состава материалов, заключениями наркоматов и ведомств комплекс документов образовывался в составе приложений к протоколам президиума Госплана.

Из сказанного вытекает важный вывод: при работе с делопроизводственными документами необходимым условием успешного их анализа является знание структуры того или иного учреждения, а также постановки в нем делопроизводства.

Поиск возможных документов облегчается, если знать, где их искать. При хорошо налаженном делопроизводстве (и, разумеется, при последующей хорошей сохранности документов в архиве) вероятность нахождения высока. Попутно надо помнить о структурных изменениях учреждения - явлении довольно частом. И здесь на помощь приходят исторические справки, составленные архивистами к фонду. Толково составленная справка - надежная нить поиска.

Можно ли рассмотренный выше случай считать типичным? В том-то и дело, что делопроизводственные документы, особенно в период становления государственных структур, вряд ли поддаются далеко идущим обобщениям.

Мы рассмотрели документы Госплана - учреждения многоотраслевого, в котором выделить материалы по одной отрасли не просто. Но даже если мы возьмем специализированное ведомство,

которое управляло какой-нибудь одной отраслью, то и здесь изучение делопроизводственных документов окажется непростым.

Рассмотрим хранящийся в РГАЭ фонд Народного комиссариата земледелия СССР за предвоенные годы. В деятельности Наркомзема документы откладывались по отдельным структурам (секретариат, учетно-статистический, планово-экономический и другие отделы). По видам документы были самыми разнообразными: приказы; протоколы заседания коллегии наркомата; докладные записки, проекты постановлений, внесенные в Совнарком СССР; учетно-статистические материалы (бухгалтерские отчеты организаций, входивших в систему наркомата, финансово-производственные отчеты отдельных МТС по областям, краям и республикам, сводки о ходе сельскохозяйственных работ и т. д.); плановые документы; информационные материалы (докладные записки, справки, акты, сводки и пр.).

Подавляющая масса документов представлена статистическими материалами. Важнейшими документами, отражающими состояние сельскохозяйственного производства, являются отчеты. В предвоенные годы существовало два вида отчетности: периодическая и годовая. Первая касалась вопросов, связанных с подготовкой к весеннему севу, ходом летних работ, озимым севом, сеноуборкой, уборкой хлебов и др. Она была основана на ведомостях учета трудодней, дневниках молотбы и уборки и прочих первичных актах. Правительством было установлено 11 форм отчетности для всех колхозов и три дополнительные для хлопководческих и льноводческих.

Годовые отчеты колхозов в основной своей массе в Наркомзем не поступали. Здесь сосредоточивались только отчеты колхозов-миллионеров. Отчеты машинно-тракторных станций в фонде имеются почти целиком.

Данные периодической и годовой отчетности служили Наркомзему СССР источником для подведения итогов о сельскохозяйственном производстве за год. Ежегодно Наркомзем разрабатывал годовые отчеты колхозов. По материалам фонда Наркомзема СССР можно изучить историю развития МТС и их роль в колхозном строительстве, охват ими колхозов, степень механизации отдельных сельскохозяйственных работ, объем выполненных работ; внутреннюю жизнь колхозов, состояние землепользования, животноводства. Здесь же хранятся документы о завершающем этапе коллективизации, а также многочисленные сведения о различных сторонах деятельности колхозов³⁷.

Информация делопроизводственных документов какого-либо учреждения может дополняться и далее корректироваться информацией материалов другого ведомства.

Мы только что рассмотрели документы фонда Наркомзема. В нем имеются материалы разработок годовых отчетов колхозов. В них, в частности, содержатся ценные сведения о размерах денежных доходов колхозов, их структуре, удельном весе государственных налогов и сборов к общим доходам и т. д. Если мы обратимся к материалам Народного комиссариата финансов, то убедимся, что они не только дополняют документы Наркомзема по годовым отчетам колхозов, но и существенно корректируют их. При этом обнаруживается, что финорганы фиксировали недосдачу колхозных налогов. Например, в докладной записке сектора сельских платежей управления налогов и сборов Наркомфина СССР от 14 января 1941 г., которая называлась «Обложение колхозов подоходным налогом (по отчетным материалам финорганов) за 1936-1940 гг.», отмечалось, что в результате проверки финорганами годовых отчетов колхозов были выявлены многочисленные факты неправильной оценки продукции и неправильного распределения доходов от животноводства³⁸.

Выявленные факты финорганы квалифицировали как недостатки и ошибки, которые финорганы, разумеется, исправляли по годовым отчетам в сторону повышения налогов. Следует попутно заметить, что в первичных отчетных документах колхозов прежние сведения оставались в изначальном виде.

Возникает вопрос: реальные или мнимые ошибки допускали колхозы в своих отчетах? В связи с этим мы должны коснуться вопроса о системе исчисления доходов колхозов. Дело, во-первых, в том, что в рассматриваемый период доходы колхозов от зерновых культур исчислялись не от амбарной, т. е. фактической, урожайности, а от биологической, которая учитывала то, что имелось на корню, и была, естественно, выше фактической. Получалось, что, по рапорту, сдавали вроде бы много, но от этой мнимой величины приходилось и налог платить больше. Во-вторых, подоходным налогом облагался не чистый доход колхозов, а валовой, что вообще-то не согласовалось ни с какими юридическими нормами и экономическими законами.

Не зная всего этого, мы, конечно же, поверим тому, что Наркомфин уличил колхозы в недобросовестности. Тс же, как надо понимать, определяли возможность исчисления подоходного налога исключительно в рамках реальных и сложившихся представлений о принципах исчисления подоходного налога.

Документы наркоматов, а затем и министерств в большинстве случаев однотипны. В какой-то мере это, видимо, вообще присуще всем государственным учреждениям. Но это не исключает специфических особенностей документов отдельных органов власти и управления.

Обратимся, например, к документам Госплана СССР. Специфика формы и содержания документов Госплана, хранящихся в РГАЭ, исходит из особого статуса Госплана в общей системе государственных органов. Его особенность заключалась в том, что Госплан объединял в себе прежде всего функции научно-координационного центра и высшего экспертного органа в экономике. Поэтому документы Госплана, во-первых, универсальны, во-вторых, имеют научно-аналитический характер. Именно поэтому в фонде Госплана наиболее распространены следующие разновидности документов: доклад, заключение, протокол, план, проект постановления. Такая особенность делопроизводственной документации Госплана сложилась в 20-е годы.

В последующие годы в результате централизации государственного управления количество документов всех наркоматов (а затем министерств), ведомств и даже отдельных предприятий, в составе Госплана стало значительно возрастать. Сюда направлялись все отчеты. В итоге складывалась парадоксальная ситуация: в фондах соответствующих ведомств и предприятий сводные годовые отчеты отсутствовали, так как все они находились в Госплане. В свою очередь, к фонду Госплана долгие годы доступ был ограничен, и лишь в 1989 г. были сняты ограничения в пользовании материалами, отложившимися с 1921 по 1956 г.

В наши дни документооборот продолжает оставаться значительным. Более того, налицо тенденция к его увеличению. Все это порой приводит, помимо ненужных затруднений, к невероятным ситуациям. Так, директор одного из львовских автотранспортных предприятий С. Смаль в своем письме, опубликованном в газете «Социалистическая индустрия» в 1988 г., писал: «Я не особенно преувеличу, если скажу, что 90% совещаний и заседаний, всевозможных «планов мероприятий» нужны не для того, чтобы улучшить положение дел, а чтобы было что показать проверяющим. Приведу анекдотический случай. Я тогда работал главным инженером грузового автопредприятия. Захожу к директору и вижу, что он пишет на объемистой книге страниц, наверное, в сто: «Начальнику планового отдела. Для руководства». Говорю ему, что все равно этого никто не будет читать. Ну, мы поспорили. Тогда я заложил на 17-й странице десятирублевую купюру, и фолиант под названием «Инженерно-организационные и технические мероприятия Минавтотранса УССР» был направлен в отдел. Через полгода мы с директором открыли его - десятка, как я и предполагал, лежала нетронутая на 17 странице! Никто эти мероприятия не смотрел, так как они просто никому не нужны. А сколько умных людей их составляло, сколько на это затрачено времени!».

С бумажным потоком боролись всегда. Вся история советских учреждений проникнута этой тяжелой и бесконечной борьбой. В 1990 г. Госкомстат СССР отменил 53 формы межотраслевой статистической отчетности. Ликвидация многих посредствующих, промежуточных звеньев государственных учреждений также дала большую экономию. Сокращению бумажного потока способствовала компьютеризация информации.

Рассмотрим более конкретно одну из разновидностей делопроизводственной документации. Особый интерес представляют стенограммы заседаний представительных собраний, таких, как съезды Советов, сессии ЦИК СССР и Верховного Совета СССР, а также иных организаций. Стенограммы имеются в архивах большинства учреждений и организаций. Стенограммы интересны и с точки зрения отработки методики и техники источниковедческого анализа.

Стенографические отчеты представляют собой наиболее полную запись (особенно при современных технических средствах) всего, что происходит на заседаниях. Качество стенограммы зависит от квалификации стенографисток и технического состояния записывающей аппаратуры. Случаются и искажения. Поэтому, как правило, каждый оратор обязан просмотреть запись своего выступления, устранить неточности и подписать ее.

Если бы дело происходило именно так, то стенограммы были бы беспристрастными и объективными источниками. Однако нередко оратор, по тем или иным соображениям, осуществляет конъюнктурную правку текста. На выступавшего может оказывать давление недовольное выступлением начальство или сам оратор осознает, что по горячности наговорил лишнего либо посчитал, что своим выступлением обидел кого-либо. Наконец, для кого-то важно, чтобы его высказывание совпадало с точкой зрения последующего авторитетного выступавшего и т. д. Вообще, желание представить себя в гораздо лучшем свете - весьма распространенное человеческое качество.

Таким образом, при наличии в архиве правленной и неправленной стенограммы возникает возможность сравнить оба текста, чтобы выяснить содержание внесенной правки. Из выступления в стенограмму попадает не все. Нередко ораторы предупреждают: «Это не для протокола!» Разные обстоятельства побуждают выступающих обращаться с такой просьбой: этические соображения, секретность информации (явная или мнимая) и т. д. Перед исследователем не стоит задача реставрации оговоренного оратором опущенного фрагмента. Да его и невозможно восстановить, поскольку он никак не фиксируется. Другое дело, когда спустя какое-то время сам выступавший или кто-нибудь из присутст-

вовавших приведет этот эпизод, потерявший за давностью лет свою злободневность и остроту, в воспоминаниях. В таком случае исследователь может использовать этот недостающий фрагмент с соответствующими оговорками, а публикатор стенограммы в научной публикации - поместить его в комментариях.

С развитием техники, распространением портативных магнитофонов и диктофонов записывать выступления может каждый, имеющий такую аппаратуру. Правда, эта запись не будет официальной стенограммой. К тому же в ряде случаев требуется разрешение на запись у руководителей того или иного совещания, встречи, беседы и пр.

В каком соотношении находится стенограмма с протоколом? Протоколы могут быть и краткими и довольно полными. Стенограмма - это все же более полная запись. Но в истории нашего делопроизводства бывали случаи, когда стенограмма становилась как бы рабочим материалом к протоколу. Так, в президиуме Госплана СССР 20-х годов сложилась такая практика: сначала писалась стенограмма заседаний, а затем на ее основе составлялся протокол, в ряде случаев фрагменты стенограммы прилагались к протоколу.

Некоторые стенограммы публикуются. Фактически появляется третий вариант, ибо публикуемая редакция не всегда адекватна выправленному и подписанному оратором тексту. Над стенограммой, предназначенной для публикации, ведется еще дополнительная работа, во-первых, самого выступавшего, во-вторых, сотрудников издательства. Причем зачастую правка делается не столько стилистическая, сколько сущностная. Так, в конце 1989 г. состоялся VI пленум писателей России. Стенографический отчет в сильно приглаженном виде появился на страницах «Литературной России». Изменения, внесенные в текст, помогла обнаружить магнитофонная запись, которую делали на съезде журналисты из «Огонька». По этому поводу «Огонек» вопрошал: «Что такое стенограмма?.. Документальное отражение действительности (как мы полагаем) или удобоваримая печатная версия «для истории»?»³⁹

Стенограммы не всегда публикуются полностью. Так, в стенограмму VIII съезда РКП(б) не вошли некоторые заседания.

Необходимо отметить существенную особенность государственного делопроизводства в советское время. Во всех высших, центральных и местных органах государственной власти и управления, помимо общего делопроизводства, по широкому кругу вопросов велось секретное. Именно в документах с грифом «секретно», «совершенно секретно» содержатся сведения, во многом позволяющие понять истинную подоплеку реальных событий. Эти

документы до последнего времени были для ученых практически недоступны. Поэтому историки имели самые общие представления о принятых важнейших политических решениях.

Анализ бывших секретных фондов многих правительственных и государственных учреждений свидетельствует, что большая часть решений, регулирующих основные вопросы жизни народа, никогда полностью в открытой печати не публиковалась.

Еще в ноябре 1919 г. было принято решение «излагать протоколы Политбюро возможно осторожнее и короче, решений по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол»⁴⁰. Выработывался особый язык секретных партийных директив, в которых реальные предписания местным властям не имели ничего общего с содержащимися в этих документах идеологическими штампами.

Многие важнейшие решения, требующие особой секретности, принимались в устной форме, т. е. немало страниц отечественной истории навсегда оказались утерянными. Почти ни один из архивных фондов крупного советского или партийного органа (а также фонды личного происхождения) не избежал «чистки». Многие документы, включая секретные, были уничтожены специальными комиссиями или работниками самих министерств, ведомств и учреждений по прямой указке сверху. Так, в 1954 г. по указанию Н.С. Хрущева был уничтожен почти весь личный архив Л.П. Берии, личные архивы других партийных и государственных деятелей, объявленных «врагами народа»⁴¹. А в секретном фонде заместителя председателя Совнаркома СССР и председателя Госплана СССР Н.А. Вознесенского сохранились многочисленные реестры секретных дел, но сами документы отсутствуют⁴².

По существу, документы из кремлевского архива (Архив президента Российской Федерации) являются верхушкой информационного айсберга, наиболее полно, по сравнению с другими государственными и ведомственными архивами страны, отражающего процесс принятия советским руководством политических решений.

Остановимся на одной особенности документов верхних эшелонов власти. Зачастую один человек занимал и партийные, и государственные посты, поэтому документы, позволяющие охарактеризовать его деятельность, откладывались в фондах нескольких учреждений (например, документы И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.П. Берии, Г.М. Маленкова, А.И. Микояна и др.).

Очевидно, к секретной документации нужно отнести малотиражные делопроизводственные правительственные и ведомственные издания с грифом «Для служебного пользования» (ДСП). Таких материалов было множество. При этом секретность боль-

шинства из них была весьма сомнительной. Вот, например, два документа с грифом ДСП достаточно высокого (республиканского) уровня: «Список народных комиссаров РСФСР, их заместителей и руководящих работников центральных учреждений РСФСР» (М., 1946. 14 с.), «Список председателей обл/край/исполкомов, совнаркомов АССР и горисполкомов, секретарей обкомов и крайкомов ВКП (б)» (М., 1945. 30 с.). Документы, безусловно, нужные в повседневной работе очень многих учреждений. Но что здесь секретного?

В целом дать какую-то четкую методику изучения делопроизводственных документов чрезвычайно сложно. Здесь не может быть универсальных рецептов. Каждый случай по-своему уникален и неповторим.

Делопроизводственные документы, как никакие другие, требуют изучения их в комплексе. Сам комплекс, сформированный в дело или в группу дел, может быть труден для изучения. Необходимо учитывать, как велось делопроизводство данного учреждения, по какому принципу формировалось дело, как в последующем вторгались в него архивисты-хранители, непредвиденные случайности и т. п. Делопроизводство первых лет советской власти порой велось небрежно, не все необходимое сохранялось, но все же дела не так выхолощены, как в более поздние годы, когда документы отбирались строго по номенклатуре дел, подлежащих сдаче на государственное хранение.

Для работы исследователя с делопроизводственной документацией, особенно на стадии поиска, большое значение имеет знание междисциплинарных связей: истории государственных учреждений, делопроизводства, архивоведения.

ГЛАВА 7

Статистика

1. Общая характеристика статистических источников

СТАТИСТИЧЕСКИЕ документы - наиболее сложный вид исторических источников. Английский политический деятель Дизраэли говорил: «Есть три способа обманывать людей: уклончивый ответ, прямая ложь и статистика». В то же время нет ничего убедительнее, чем добротные, надежные цифры.

Статистика - форма общественной деятельности, направленная на получение, обработку и анализ информации, характеризу-

ющей количественные закономерности жизни общества во всем ее многообразии (технико-экономические, социально-экономические, социально-политические явления, культура) в неразрывной связи с ее содержанием. В этом смысле понятие «статистика» совпадает с понятием «статистический учет». Вся информация, имеющая народно-хозяйственную значимость и собираемая путем оперативного учета, в конечном счете обрабатывается и анализируется с помощью статистических методов.

Статистика - это также и отрасль социальных наук, которая изучает общие вопросы измерения и анализа массовых количественных отношений и взаимосвязей⁴³. Исходя из этого необходимо рассматривать статистический материал как вид исторических источников, а методику их анализа и изучения - как особый раздел источниковедения XX в.

Статистика - это и количественное выражение того или иного явления, это - учет имеющегося в наличии. Каковы способы такого учета?

По выбору объекта учета это может быть единичный, отраслевой, всеобщий охват (завод - машиностроение - народное хозяйство в целом). *По ширине, глубине, разнообразию* программы бывает учет по отдельным показателям (урожайность) или по их группе, монографические описания (т. е. все стороны деятельности крестьянского хозяйства), бюджетные обследования (то же, что и монографические описания, но с включением статей доходов и расходов).

По количеству охватываемых объектов обследования бывают: выборочными (5%-е, 10%-е), массовыми или всеобщими (переписи), регулярными (отчеты), всеобщими (годовые, квартальные, месячные). *По способам выражения* учета могут формироваться абсолютные данные и относительные (т. е. в процентах).

Можно также выделить разовый временной срез, обычно на начало или на конец года, динамичный погодный ряд.

И еще: в советский период и в настоящее время существует преимущественно государственная статистика, что в огромной мере определяет ее содержание, качество, доступность.

При сравнении сведений важно, чтобы они были однотипными (например, только переписи), составленными по одинаковым или схожим программам, сопоставимыми хронологически и территориально. Можно, конечно, внося определенные коррективы и пересчет, привести к «общему знаменателю» первоначально несопоставимые материалы.

Если эти условия не будут соблюдены, то могут возникнуть мнимые противоречия источников или данные разных источников окажутся несопоставимыми.

Сбором, обработкой и публикацией данных общегосударственной статистики ведало Центральное статистическое управление РСФСР (а после образования СССР - ЦСУ СССР); с 1931 г., вместо ликвидированного ЦСУ СССР - Центральное управление народнохозяйственного учета СССР при Госплане СССР (ЦУНХУ СССР). С 1941 г. оно было преобразовано в ЦСУ Госплана СССР, а затем, после войны - в ЦСУ при Совете министров СССР. В период перестройки функционировал Государственный комитет по статистике.

Основными направлениями статистического учета в 20-30-х годах являлись:

- статистика промышленности и транспорта;
- статистика сельского хозяйства, в том числе выборочные обследования крестьянских хозяйств и крестьянские бюджеты;
- статистика народонаселения и др.

Основными статистическими изданиями являлись: Труды ЦСУ (в 20-е годы издано 35 томов); статистические ежегодники «Народное хозяйство СССР в ... году» (начиная с 1956 г.); различные тематические сборники по отраслям народного хозяйства («Сельское хозяйство СССР», «Культурное строительство СССР», «Торговля в СССР», «Печать в СССР» и др.).

Чтобы оперировать статистическими источниками, надо знать, хотя бы в общих чертах, наиболее характерные особенности развития советской статистики.

Отечественная статистика имела хорошие традиции и опыт, ведущий от земской статистики и иных систем статистического учета XIX в. Статистика того периода по праву пользовалась уважением. Конечно, и она была несовершенна, и можно найти критику в ее адрес, например у В.И. Ленина. Но тот же Ленин использовал ее данные и до революции, и после нее.

Приведем любопытный пример с балансовой статистикой. В ноябре 1919 г. в работе «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» Ленин привел данные о потреблении хлебов в 26 губерниях Советской России. Источником служили материалы первых в отечественной статистике натуральных балансов хлебофуражных и мясных продуктов, составленных сотрудниками ЦСУ по данным за август 1918 г. - июль 1919 г.

Какими сведениями располагало ЦСУ для проведения такой масштабной работы? В 1918 г. местные статистические органы собирали сведения о размерах урожая в большинстве губерний. Не были получены данные лишь из мест наиболее ожесточенных военных действий (Самарская и Оренбургская губернии, Уральская область, часть Курской губернии). Наркомпрод предоставил сведения из каждой губернии о хлебных заготовках. Они были пол-

ны лишь в отношении производящих губерний, по потребляющим же наркомпрод преуменьшил размеры заготовок. Транспортная статистика позволила определить размеры переброски хлебных грузов наркомпрода из одних губерний в другие и в ряде случаев дополнить данные о размерах заготовок.

Таков был круг прямых фактических сведений. Они не давали ответа на многие важные вопросы, решить которые должен был хлебофуражный баланс. И уж тем более на их основе нельзя было сопоставить баланс мясных продуктов.

Поэтому А.Г. Михайловский, руководивший составлением балансов, вынужден был восполнить недостающие сведения путем исчислений, используя материалы 10%-й выборочной переписи крестьянских хозяйств за 1919 г., а также материалы обследования питания городского населения, проводившихся под руководством А.Е. Лосицкого. Кроме того, были использованы данные дореволюционной статистики.

Таким образом, смысл работы состоял в получении недостающих сведений путем их исчислений по различным косвенным показателям. Не вникая в сущность предпринятых исчислений, лишь отметим, что наиболее сложно оказалось оценить размеры нелегальной хлебной торговли, игравшей в то время большую роль в снабжении населения продовольствием.

Историк Ю.П. Бокарев в конце 80-х годов предпринял пересчет хлебофуражного баланса за 1918/19 г., применив математические методы. При этом дополнительно он использовал те сведения, которые не были известны сотрудникам ЦСУ (в частности, материалы бюджетного обследования крестьянских хозяйств 1918/19 г., разработка которых в 20-е годы была не завершена). Результаты пересчета разрешили все сомнения относительно достоверности прежних данных. Эта проверка еще раз подтвердила общее мнение о добротности отечественной статистики того времени.

Сохранявшаяся преимущество какое-то время обеспечивала надежность статистики 20-х годов. Однако уже тогда обнаружились и негативные явления, порождаемые всецело советским режимом, которые искажали картину развития общества.

Прежде всего дала сбой социальная статистика. Нэп вызвал оживление хозяйственной жизни деревни. Эти позитивные процессы неизбежно вызвали рост зажиточных слоев населения. Руководство страной было обеспокоено: куда идет деревня? Не опасен ли рост зажиточных элементов?

Вот здесь-то в полной мере обнаружилась непригодность для этих целей прежней статистики. (Кстати, раньше перед ней никогда такие задачи не ставились.) Она могла лишь приблизительно

и довольно условно вывести классовую группировку деревни. Выступившие с экспериментальным обследованием сотрудники Ком-академии Л.Н. Крицман, А.И. Гайстер, И. Верменичев и другие пытались найти такую группировку данных, которая бы их выводила напрямую к социальным процессам, происходившим в деревне, и давала бы ответ на вопрос, как далеко зашла классовая дифференциация и опасна ли она.

Однако успех не сопутствовал экспериментаторам. Более того, полученные данные явно преувеличивали уровень капитализации деревни. Не исключено, что они в известной мере дезориентировали руководство страной и подхлестнули форсирование продвижения по «социалистическому» пути развития, что означало насильственную массовую коллективизацию.

Неприятные сюрпризы готовила и экономическая статистика. До 1925 г. статистика исчисляла развитие промышленности приблизительно так же, как это делают по сей день в большинстве стран: данные о производстве продукции в натуре за предшествующий год сравниваются с теми же сведениями за год последующий. Но видов продукции много - например, в СССР в 80-е годы их было около 24 млн. Ясно, что в разумный срок невозможно слить выпуск их всех. Для сравнения берут лишь малую часть видов, но непременно таких, которые удовлетворительно характеризуют общий темп развития индустрии. В этом смысле отличный измеритель - производство электромоторов в штуках и суммарной мощности. Коль скоро это основной тип двигателя в промышленности, можно смело предположить: выпуск техники для индустрии увеличился не в большей степени, чем приросло производство моторов. Обычно достаточно взять несколько десятков, в крайнем случае, несколько сотен подобных ключевых продуктов, чтобы давно известными статистическими методами вывести общий темп развития промышленности. Расчет осуществляется сначала в штуках, тоннах, метрах и других физических единицах. Затем итог выражают в строго сопоставимых ценах. Полученный результат поэтому и называют индексом физического объема промышленной продукции. Если, например, индекс нынешнего года по сравнению с прошлогодним равен 1,06, то это значит, что объем производства возрос в 1,06 раза, или, что то же самое, на 6%. Так было в начале 20-х годов.

Ситуация стала меняться по мере централизации управления и внедрения планового начала. Предприятиям стали задавать директивный план, в том числе и по общему объему производства, и значит, отчет о его исполнении. В отчет попадала вся без изъятия продукция. По сумме заводских отчетов исчислялся общий темп развития. На первый взгляд, этот способ счета, был точнее -

учитывались уже не отдельные продукты выборочно, а все изготовленные. Очень скоро, однако, выяснилось, что в отчетах искажаются показатели. В 1926 г. председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский заявил: «Я утверждаю, что цифры, которые дают нам тресты, раздуты, они фантастичны. Та отчетность, которую мы собираем, есть фантастика, квалифицированное вранье... При этой системе выходит так, что ты можешь врать сколько угодно»⁴⁴.

В чем заключался парадокс? Учет шел теперь не в натуральных единицах, как прежде, а в рублях: задание заводу по общему объему производства иначе, как по стоимости, нельзя выразить. В этом случае отчет достоверен при двух условиях: оптовые цены* неизменны, номенклатура продукции тоже. Но это невозможно, так как происходил бы застой в экономике, а во второй половине 20-х годов началось быстрое обновление продукции. Новый способ оценки становился все менее достоверным.

Однако ничего не менялось: оптовые цены росли, ежегодный рост их измерялся уже двухзначной цифрой. В годы первой пятилетки стремительно обновлялся ассортимент продукции, возникали новые отрасли индустрии - идеальная почва для роста цен.

Ситуации возникали одна парадоксальнее другой. Так, производительность труда на одном из крупных машиностроительных заводов в Одессе поднялась за год по отчетным ценам на 90%, а если исключить рост оптовых цен - то на 10%.

Все это создавало неразбериху. Центральное управление дорожного транспорта о работе отрасли в 1930 г. сообщало: «Сколько фактически перевезено - точно неизвестно... Надо признать со всей откровенностью, что мы не знаем, каким хозяйством мы руководим».

Положение усугублялось из-за постоянной перестройки органов статистики. В 1919 г. был ликвидирован ЦСУ РСФСР, остался лишь отдел в Госплане. Но доверия к статистическим данным не прибавлялось. Напротив, уже не только стоимостным, а и натуральным показателям нельзя было верить. В колхозах и совхозах собранным зерном нередко считалась запланированная цифра, в лучшем случае так называемый биологический или видовой урожай, или, как его еще называли, урожай на корню.

Отчет в натуре стал недостоверным и в промышленности. Развал статистики негативно влиял на экономику. На исходе 1931 г. стали приниматься спешные меры. Было создано, как мы уже ска-

*Оптовые цены в СССР существовали в двух видах: 1) оптовая цена предприятия, равная плановой себестоимости плюс чистый доход предприятия; 2) оптовая цена промышленности включала в себя оптовую цену предприятия плюс и ту часть централизованного чистого дохода государства, которая выступала в виде налога с оборота.

зали, ЦУНХУ СССР. Оно, правда, еще входило в состав Госплана, но обладало известной автономией. Главой ЦУНХУ был назначен Н. Осинский. Он объявил войну искажениям информации. Элементарный порядок в цифрах новое руководство стало наводить незамедлительно. 8 января 1932 г. было принято решение об уголовной ответственности за предоставление неверных сведений о выполнении планов. Несколько дней ранее Совет Труда и Оборона издал постановление «О порядке исчисления себестоимости промышленной продукции». Высшие органы государственного управления стали заниматься статистикой.

Качество экономической информации заметно улучшилось: столь грубых искажений, как в 1930-1931 гг., уже не допускали. При Осинском ЦУНХУ вновь стало исчислять продукцию строительства в неизменных ценах, прошла перепись оборудования. Но для коренных перемен в статистике нужны были усилия гораздо более влиятельных, органов, чем ЦУНХУ. Однако в 1935 г. Осинского сняли с должности, а через два года были арестованы почти все его ближайшие сотрудники. Качество информации сразу надолго ухудшилось. Некоторые экономисты продолжали настаивать, что надо считать продукцию в неизменных ценах, а для этого требовались индексы цен, т. е. цифры их ежегодных изменений (тогда легко считать и истинные размеры производства). Идея была превосходная, только индексы считать оказалось невозможно - статистика оптовых цен была ликвидирована.

Попытки перейти к исчислению объема продукции и производительности труда в последующие годы успеха не имела. Афоризм Ильфа и Петрова «статистика знает все» не срабатывал. Увы, статистика знала далеко не все. Или знала в искаженном виде.

Сейчас легче, пожалуй, назвать отрасли народного хозяйства, в которых отчетность искажалась ненамного или не искажалась вовсе. До недавнего времени образцом в этом смысле был железнодорожный транспорт, так как объемы перевозок легко проверяются весом продукции, произведенной в стране. Да и осуществить приписки трудно, зато выявить их просто. К тому же в этой отрасли с XIX в. действуют традиции добросовестной статистики.

В промышленности достоверны данные о производстве электроэнергии. Учет киловатт-часов автоматизирован, и трудно представить, как можно исказить эту информацию. Достаточно объективны сведения и производстве черной и цветной металлургии, в промышленности строительных материалов.

Отчего же в одних отраслях ситуация благополучная, а в других отчеты проверить невозможно? Узнать это важно и для целей исторического исследования, и для управления народным хозяйством. Тем самым задачи источниковедения выходят за рамки

этой дисциплины и переходят в проблемы, стоящие перед экономической статистикой. Поэтому историк-исследователь должен обладать экономическими знаниями.

Обобщающим показателем производства в промышленности, и не только в ней, служит объем продукции в рублях. Живучесть этого показателя понятна: чтобы определить общий объем произведенной продукции за год или за месяц, надо всю продукцию привести к общему знаменателю. Различные виды произведенной продукции удобнее всего суммировать через стоимостные показатели, ибо других измерителей, кроме денег, не существует.

Когда план выполнить либо трудно, либо вовсе невозможно, недостающий объем в рублях набирают двумя способами: прямыми приписками (приписываются штуки, тонны, метры и пр.) или повышая цену каждой единицы продукции. Первый путь уголовно наказуем, гораздо проще и безопаснее второй. В машиностроении ассортимент продукции быстро меняется. На новый вид продукции устанавливают разовые и временные оптовые цены. Не составляло труда назначить любую цену. И цены росли быстрее, чем улучшались потребительские свойства продукции. Приписка и игра ценами - наиболее очевидные способы искажения информации.

Даже весьма приблизительные подсчеты показывают, что общая величина искажений была велика. Например, по ежегодникам «Народное хозяйство СССР» продукция машиностроения за 1956-1975 гг. в стоимостном выражении возросла в 9,3 раза. Но если взять выпуск тракторов, автомашин, вагонов, дизелей, электромоторов и еще ряда других изделий в штуках либо в других натуральных измерителях (всего взято 48 видов продукции), то рост составил 4,2 раза, т. е. намного меньше, чем в стоимостных единицах. Расчеты более тонкими методами (примерно по сотне видов машин и оборудования) убеждают, что в 1976-1983 гг. разрыв между показателями углубился: в физических единицах производство техники возросло на 9%, а при исчислении в рублях - на 75%. Официально признан только второй показатель, по нему и судят о темпах развития машиностроения. Темп, конечно, великолепный, не ясно лишь, куда запропастились колоссальные прибавки производства. Ответ как раз и дают расчеты по натуре: речь идет о машинах, которых не было⁴⁵.

Создавать видимость всевозрастающего производства товаров и услуг, неуклонно, из года в год, перевыполняемого плана удавалось с помощью самых удобных, легальных приписок к цене на те или иные виды продукции. Эти приписки были ориентированы на выполнение и перевыполнение плановых заданий, на наращивание учитываемых объемов производства. Последнее зависит от двух параметров: количества и стоимостного выражения (цены)

продукции. В опыте минлегпрома это выразилось в выпуске товаров с индексом «Н» - новинок «улучшенного качества».

Цены повышались даже и на формально не улучшенные товары. Повышению среднего уровня товарных цен способствовало также вымывание дешевого ассортимента, ухудшение качества товаров, завышение сортности, принудительно навязанные населению «прогрессивные» сдвиги в товарообороте и т. д. Не мудрено, что при перевыполнении плановых объемных показателей потребление на душу населения постоянно было ниже рекомендуемых наукой норм потребления, ситуация неуклонно ухудшалась,

«Производство фиктивных стоимостей» активно велось во всех отраслях экономики. В результате с 1970 по 1985 гг. доля ценового фактора в приросте товарооборота составила половину, а средние розничные цены выросли на 35%⁴⁶.

Механизм приписок вскрыть непросто. Один из способов фальсификации с помощью повторного счета раскрывает в своей книге экономист Д. Валовой «Экономика в человеческом измерении» (М., 1988). Анализируя структуру валового общественного продукта в 1965, 1975 и 1985 гг. он пришел к выводу, что в 1985 г. «воздушный вал» составил 39,2%. «Воздушный вал» - это увеличение показателей путем повторного счета. Например, сделали ткань - ее стоимость подсчитали, сшили пальто - подсчитали стоимость ткани второй раз, пристегнули меховой воротник - стоимость ткани учтена уже в третий раз.

2. Статистика сельского хозяйства

Статистика начала 30-х годов явно фальсифицирована. Известно, что с 1933 г. данные о производстве зерна в результате манипуляций с методикой стали заведомо преувеличиваться.

Размеры фальсификации видны на следующем примере. На XVII съезде ВКП(б) в 1934 г. в докладе Сталина говорилось о том, что в 1933 г. было произведено 89,8 млн тонн зерна. В конце 80-х годов Госкомстат СССР оценивал производство зерна в 1933 г. в 68,4 млн тонн, а за более ранние годы цифры публиковались прежними. И, судя по ним, никакого неурожая в 1932 г. не было. В юбилейном статистическом ежегоднике повторены старые цифры. Для 1932 г. - 69,9 млн тонн, что на 0,4 млн тонн больше урожая зерновых 1931 г., и, напротив, для 1934 г. Госкомстат давал цифру на 2,3 млн меньше по сравнению с 1932 г.⁴⁷

Фальсификация объемов производства зерна основана на манипуляциях при подсчете урожайности. Урожайность, т. е., количество растениеводческой продукции, получаемой с единицы площади (с 1 га или кв. м), в разные годы исчисляли по-разному.

В сталинские времена показатель урожайности определялся по биологическому состоянию посевов: до начала уборки члены государственных комиссий объезжали поля и оценивали урожай, как говорится, на корню. Технология такой оценки выглядела примерно так: присланный в колхоз учетчик выбирал участок размером и квадратный метр, затем собирал все колоски на нем, взвешивал зерно из них и вычислял урожай. Не трудно понять, что на основе такого подсчета истинная урожайность, т. е. амбарная, всегда оказывается намного меньше биологической.

Этот метод может всячески видоизменяться, но это уже будет фальсификация производного от главного. Допустим, учетчик может выбрать участок наугад, или если хочет помочь председателю изменить урожайность, то похуже или получше. В своем «совершенствовании» сам «метод» упрощался до того, что урожай уже определялся просто «на глазок».

На основании таких исчислений выводился урожай года по районам, областям, по стране в целом. И всегда он оказывался выше фактического намолота. Правда, платили людям не за биологический урожай, а лишь за намолоченные пуды, и потому материальных потерь государство не несло, если не считать, во что обходилось содержание многочисленных государственных комиссий.

Идея исчисления валовых сборов зерна на основе биологической урожайности возникла в 1931-1932 гг. С 1933 г. она стала осуществляться на практике и официальная статистика фиксировала именно такую урожайность. При этом учитывались возможные потери при транспортировке, сушке, очистке зерна. С 1939 г. эти потери в расчет уже не принимались.

Подобная методика существовала до середины 50-х годов. В 1957 г. в статистическом сборнике ЦСУ СССР «Народное хозяйство в 1956 г.» впервые были опубликованы данные по валовому сбору зерновых и технических культур за 1951-1956 гг. (в процентах к 1950 г.) как амбарный урожай.

В конце 50-х годов Центральная государственная комиссия пересчитала все показатели предыдущих лет на амбарную урожайность, т. е. на величину, характеризующую реальный объем зерна, заложенный на хранение⁴⁸. При этом обнаружились весьма существенные расхождения с прежними показателями, основанными на биологическом методе. Так, в 1933 г. согласно биологическому методу по сравнению с 1932 г. валовые сборы выросли на 200 млн центнеров. На самом же деле урожайность была ниже приблизительно на 30%. В 1935-1937 гг. разрыв между биологической урожайностью и амбарной составил 20-22%, с 1939 г. он стал еще большим.

Казалось бы, учет производства зерна по амбарной урожайности наконец-то наводил порядок в сельскохозяйственной статистике. Однако на практике внедрялась еще одна хитрая и таинственная, категория учета: с 60-х годов в различных материалах возникает такое понятие, как бункерная урожайность. Именно ею отчитывался комбайнер, т. е. количеством зерна, которое он погрузил в машину за смену. Иным способом он не мог отчитаться. Все зависело от честности комбайнера и водителей. Но выгруженный из бункера в грузовик урожай содержал и зерно, и семена сорняков, и мякину. Кроме того, выгруженная масса почти всегда имеет повышенную влажность, а при дождливой погоде она превышает норму более чем на 10%. В целом же разница между бункерным и фактическим весом зерна может достигать 25-30%!

Конечно, комбайнер мог отчитываться только так. Но когда по бункерному весу стали отчитываться колхозы - сначала на различных совещаниях и в рапортах, а затем уже и в официальных отчетах, то это было уже явной липой, так как при подобном учете не фиксировались потери при транспортировке, сушке зерна и его очистке.

Из года в год разница между бункерным и фактическим весом зерна росла, создавая видимость роста продуктивности полей. И в этом оказалось много заинтересованных лиц: все звенья агропрома, районное, областное и более высокое партийное руководство. Да и самим механизаторам, специалистам и руководителям колхозов и совхозов учет бункерного веса приносил не только моральные поощрения, но и материальные блага.

На практике каждое хозяйство, составляя промфинплан на очередной год, записывало, сколько зерна намерено получить. Там же расписывался весь расход: продажа государству, на семена, на корм скоту. И все расчеты велись как бы по чистому зерну. Эти цифры вписывались и в принятые соцобязательства. Но в зачет плана шел бункерный вес зерна с мусором. Таким образом, по документам проходили два веса, причем зачастую без обозначения, где какой. Так как же разобраться? Ведь авторы такой документации не поясняли различий! Здесь впору работать не источниковеду, а ревизору или органам милиции, когда сталкиваешься с документами советской эпохи. Единственным критерием, помогающим сориентироваться, вероятно, следующий: там, где речь идет об интересах предприятия, вес наверняка приводится чистый, в тех же бумагах, где делался отчет государству - там, скорей всего, липа.

Но не только сельскохозяйственная статистика, а статистика в целом не отвечала своему назначению. О состоянии статистики начала 50-х годов и о том, как она «изготавливалась», рассказал журналист Л. Стреляный. К докладу Н.С. Хрущева сентябрьскому

(1953 г.) пленуму ЦК КПСС требовались данные о состоянии экономики страны, и поэтому вызывали начальника ЦСУ Старовского, готового, как вспоминает помощник Хрущева, сделать из нуля единицу.

«Владимир Николаевич! Вы сегодня эту цифру уже четвертый раз исправляете.

- Но я же в лучшую сторону меняю!
- Мы не собираемся хвалиться нашими достижениями. Нам самим надо все точно знать.
- Понял вас! - мелкими шажками первый статистик государства пятился к двери, чтобы на следующий день прибежать с новой еще раз повышенной цифрой»⁴⁹.

Так продолжалось годы. Создавалась видимость могучего государства, богатой страны. Кто-то сочинил шутку, похожую на правду: ЦСУ и ЦРУ работали на одно - создавали видимость могущественной державы.

3. Статистика народонаселения

Перепись населения - это один из массовых государственных источников, который отражает состояние общества. Выполняя одну из важнейших функций - организацию жизни общества, государство в лице различных учреждений и ведомств ведет постоянный учет определенных категорий населения. Кроме того, государство пользуется также временными массовыми источниками, одним из видов которых являются периодически проводимые переписи населения.

Перепись населения, проводимая и финансируемая государством, обладает определенными заданными свойствами. Информация, которую с помощью переписи должны получить в течение короткого промежутка времени, содержит ответы на многие вопросы, прежде всего необходимые для удовлетворения информационного фонда государства. Следовательно, на составление анкеты-опросника - этого основного первичного исходного документа - влияет ряд факторов: тип государства и тип политической системы, традиционные и приоритетные информационные заказы государства, структура общества, принципы ведения переписи и др.

Государство формулирует весь информационный заказ в общем виде, т. е. не абсолютно все вопросы, по которым желательно было бы получить ответ, а их категории. Например, перепись населения должна содержать ответы на следующие категории вопросов: о национальности, жилищных условиях, общественном положении и т. д. Чтобы получить объем информации, способ-

ной дать ответ на заданные категории вопросов, в основу ее проведения кладутся определенные принципы.

В отличие от прежних переписей, в которых учитывалась выборочная часть населения или отдельные сословия, современные переписи всеобщи. Это *первый* и важнейший принцип. *Второй* принцип - единство программы, т. е. сведения собираются обо всех жителях страны в одно время. В дальнейшем при обработке собранные сведения обезличиваются и используются только в обобщенном виде. Это - *третий* принцип.

Все сведения получают непосредственно путем опроса каждого взрослого лично по их самоопределению. Человек является источником информации о себе, а не комплекс различных постоянных документов о нем. Это - *четвертый* и *пятый* принципы.

Последний, *шестой*, принцип заключается в том, что работникам, проводящим переписи, запрещено сообщать кому бы то ни было содержание собранных предварительных сведений, записанных в переписных листах. Таким образом, перепись не затрагивает ни личных, ни имущественных прав и интересов конкретных граждан.

Исходя из принципов осуществления переписи и категории вопросов, строится анкета-опросник, в которой каждая категория вопросов представлена одним или несколькими вопросами анкеты, а их количество определяют заложенные в ней принципы.

Перепись населения дает уникальную возможность собрать о каждом человеке совокупность заранее намеченных признаков на единый хронологический срез. В этом ее главное преимущество перед другими массовыми статистическими источниками. Перепись даст одновременный «сколок» общества, причем очень высокой степени достоверности.

Одна перепись, безусловно, статична, но несколько переписей дают возможность выявить динамику развития общества и результаты социально-экономических процессов, связанных с проблемами народонаселения. Правда, эта динамика рассматривается на протяженности десятилетий, так как между переписями проходит в среднем десять лет, но с помощью определенных выборочных опросов, математических подсчетов-прогнозов можно с большой степенью точности выявлять, изучать и прогнозировать различные демографические процессы.

Переписям, разумеется, свойственны недостатки. Так, программа переписи 1926 г. была наиболее полной по сравнению со всеми другими. Тем не менее изучение народов гигантской страны, живших в капиталистической, феодальной и родовой формациях, по единой, пусть и весьма обширной программе, неизбежно смазывало картину, как бы подтягивая отсталые в социально-

экономическом отношении народы к уровню передовых и численно преобладающих, поскольку программа переписи, в конечном итоге, ориентирована именно на них. Разница в эпохах по переписи выглядит всего лишь разницей в тех или иных показателях. Огромная роль патриархального уклада в социально-экономической жизни народов Средней Азии, Сибири, Кавказа, неуловимая статистически, тем более путем проведения демографической переписи, усиливает условность данных 1926 г. Последующие переписи сохранили эту особенность.

Остановимся на некоторых *особенностях использования переписей населения*.

Прежде всего при работе с переписями исследователь никогда, в отличие от работы с другими источниками, не имеет дела с первичным массивом данного источника, т. е. с самими анкетами. Это юридически запрещено и вытекает из принципов проведения переписи. Он всегда изучает вторичную, обработанную и обобщенную информацию, у него нет возможности изучить анкету конкретного человека. Но это компенсируется следующими факторами: во вторичной информации содержится анализ всего массива источника, в этом смысл переписи. Вторичная информация представляет собой первичный анализ данных переписи по одному из признаков, их совокупности или по всем признакам. Существует перечень таблиц, диаграмм и прочих схем, содержащих комбинации этих учтенных признаков. В них переводится первичная информация, которая была заключена в массиве анкет переписи.

Государство, монопольно владея первичной информацией, окупает это тем, что проводит первичный анализ данных, конечно, для своих нужд. Здесь, кстати, уместно заметить, что любой массовый источник без первичной обработки его данных мало о чем говорит исследователю.

Информация, заключенная в переписи, так велика, что вторичная информация тоже представляет определенный массив в виде сводных таблиц, диаграмм и пр. Массив вторичной информации разбит на категории вопросов, которые, как известно, формулирует государство. Категории этих вопросов и являются ключом к работе с массивом. Всю вторичную информацию охватить невозможно, да и не нужно. Более того, это логически неразрешимо, потому что эта информация отражает различнейшие аспекты жизни общества, часто далекие друг от друга. Исследователь пользуется информацией лишь одной категории вопросов. Редко изучаются несколько категорий вопросов - здесь более подходит метод изучения частей различных категорий вопросов и порою необходима помощь ЭВМ.

Подавляющая часть информации переписи содержит гриф «Для служебного пользования», часть, очень маленькая, - публикуется. После определенного времени информация сдается в ведомственный архив, а потом - в государственный (РГАЭ), но доступ к ней тоже ограничен.

Считается, что после Октябрьской революции в нашей стране было проведено семь переписей населения - в 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг. Но была еще перепись 1937 г., итоги которой не были признаны, поэтому следует обратить на нее внимание.

Когда подвели ее первые итоги, оказалось, что они сильно разошлись с ожидаемой численностью (170 млн) населения. Цифра, отражающая численность населения, была широко известна, неоднократно повторялась в печати. Произошло то, чего статистика опасалась еще в 1934 г.: тогда на XVII съезде партии Сталин предсказывал, что численность населения страны в конце 1933 г. будет 168 млн.

Статистика населения в те годы не отличалась точностью: в ее основу клались устаревшие данные переписи 1926 г. с приложениями расчетного характера и с поправками на основе отрывочных сведений о движении народонаселения. Акты гражданского состояния регистрировались нечетко. Наконец, в 1934 г. более четверти населения вообще не были учтены. В этих условиях при определении численности населения приходилось прибегать к прикидкам, и они всегда тяготели к максимуму. Сталинская цифра в 168 млн есть результат самой грубой прикидки. В 1926 г. в СССР проживало 147 млн человек. Считалось, что каждый год население увеличивалось на 3 млн, следовательно, за семь лет оно должно было увеличиться на 21 млн, и в итоге в конце 1933 г. в стране должны были жить 168 млн человек.

Привлекает внимание странное обстоятельство. Все публикации ЦУНХУ о численности населения обрываются данными на начале 1933 г. - 165,7 млн человек. Эти цифры повторялись во всех справочниках до переписи 1937 г. А цифра 168 млн не встречается нигде, так как статистики не давали ее Сталину. Да это было и невозможно: что будет, когда пройдет перепись? Ведь говорить о росте населения к 1933 г. - заведомая ложь. Ныне известно, что огромное количество смертей в те годы было сокрыто. Но даже тогда статистики знали истинное положение дел.

...1932 г. на юге страны оказался неурожайным, как следствие разразился сильнейший голод. Подлинные масштабы бедствий неизвестны. Исследований советских историков-демографов до сих пор не существует. Зарубежные советологи считают, что в период коллективизации были уничтожены 13 млн крестьян, в том числе более 7 млн умерли от голода. Однако эти цифры вызвали

критику даже в англо-американской печати. Достаточно убедительно было показано, что в основу проведенных расчетов легло использование «темных источников», «ничем не оправданные интерпретации». По более объективным данным историков Р. Дэвиса и С. Уиткрофта, демографов Б. Андерсон и Б. Сильвера, число жертв голода составило 3-4 млн человек. Согласно последним данным отечественных историков, голод 1932-1933 гг. унес 7-8 млн человеческих жизней⁵⁰.

Таким образом, к трудностям периода индустриализации и коллективизации, которые с начала 30-х годов резко снизили рост населения, добавились тягчайшие последствия голода 1932 г.

Как же все это отразилось на народонаселении? Здесь, видимо, уместно привести одно из определений статистики, правда, довольно мрачное и циничное, но меткое: «Если погиб один человек - это трагедия, если миллионы - это статистика».

В данном случае речь действительно идет о миллионах. Но это не только цифры, это наша национальная трагедия. По расчетам советского демографа В.Ц. Урланиса численность населения на 1 апреля 1933 г. составляла 158 млн человек, что на 10 миллионов меньше цифры, которую приводил Сталин в 1934 г.

И перепись 1937 г. подтвердила эти цифры. Перепись планировалось провести в декабре 1937 г. На ее проведение отводилось пять дней в городе и семь дней - в деревне. Подготовленный руководителем переписи О.А. Квиткиным проект программы учитывал накопленный опыт проведения переписей. Однако не все предполагавшиеся вопросы вошли в окончательную программу. Так, планировалось включить вопросы о месте рождения и продолжительности проживания, намечен был сбор подробных данных о семьях.

Но в конце апреля 1936 г. Совнарком принял новое решение о переписи. Срок ее проведения был перенесен на начало января 1937 г. Перепись должна была быть проведена в один день, что создавало чрезвычайно напряженный ритм работы. В переписной лист было включено лишь 14 вопросов. И среди них единственный раз в истории советской статистики появился вопрос о религии. В 1920 г. вопрос о вероисповедании был исключен из программы первой послереволюционной переписи. Не известно, кто же включил его в переписной лист 1937 г. Есть все основания считать, что инициатива исходила не от статистиков.

Итак, перепись 1937 г. не подтвердила цифру 168 млн. Вскоре были арестованы те, кто отвечал за организацию переписи. На них обрушились чудовищные обвинения. Утверждалось, что перепись была проведена с грубейшим нарушением элементарных основ статистической науки, а ее итоги лживы.

Какова же точность цифр, полученных в тех трудных условиях? По одним оценкам недоучета в 1937 г. составил 0,33%. Но если даже он и был выше в три раза, тогда речь может идти о 1;7 млн человек, в то время как разница между ожидавшейся цифрой в 170 млн человек и оценкой в 163,8 млн, опубликованной ЦСУ в 60-е годы, составляет 6,2 млн.

Организаторов переписи обвиняли в недоучете населения, прежде всего по Украине и Казахстану. Но проведенная в январе 1939 г. новая перепись показала, что в Казахстане население увеличилось только на 1 % по сравнению с 1926 г. Для Украины расчеты показывали примерно такое же увеличение как раз к началу 1937 г. Все это говорит о том, что данные переписи 1937 г. должны рассматриваться как серьезное статистическое свидетельство.

Что же было потом? Цифры якобы показывают прирост населения в 1937 и 1938 гг. на 3 млн ежегодно. Но до переписи 1937 г. данные о смертности заключенных не попадали в ЦУНХУ. И практика следующей переписи не была изменена. Возникает вопрос: не было ли двойного счета, а значит, и преувеличения в численности населения по переписи 1939 г.? Ведь эта перепись как раз и показала ту цифру, которая не получалась в 1937 г., - 170 млн человек в государственных границах тех лет.

Публикация демографической статистики. С тех пор как был издан единственный за послевоенные годы статистический сборник, целиком посвященный демографической проблематике (ЦСУ СССР. «Население СССР: Статистич. сб.» М., 1975), информация о численности, составе и движении населения стала появляться только в ежегодниках ЦСУ («Народное хозяйство СССР в... году») и ежемесячном журнале «Вестник статистики». О ее недостаточном объеме свидетельствует хотя бы тот факт, что в ежегодниках «Народное хозяйство СССР» раздел «Территория и население» редко насчитывает более 30 страниц. Характерно, что с 1972 г. ЦСУ СССР перестало предоставлять информацию о младенческой смертности, сведения о которой вскоре исчезли со страниц республиканских статистических ежегодников. В 1972 г. были опубликованы последние (да и то сокращенные) таблицы смертности и средней продолжительности жизни, в 1975-1976 гг. в последний раз появились в печати повозрастные коэффициенты смертности. Естественное движение, таким образом, свелось к рождаемости.

Что касается публикации переписей населения, то сложилась такая картина: перепись 1937 г. была аннулирована, перепись 1939 г. якобы из-за начавшейся вскоре Отечественной войны не удостоилась отдельной публикации, и ее результаты пригодились только в сопоставлении с итогами других переписей. Таким обра-

зом, были опубликованы итоги лишь пяти всесоюзных переписей (1920, 1926, 1959, 1970, 1979 гг.).

Весьма выразительны данные об общем объеме опубликованной по переписям информации и времени, которое потребовалось на ее исследование. Так, предварительные и краткие итоги переписи 1926 г. были опубликованы в 13 выпусках в течение трех лет, а окончательные и полные - в 56 томах - к 1933 г., т. е. в течение семи лет. Переписи 1959 г., кроме двух небольших сборников, были посвящены 16 томов. На ее издание ушло около четырех лет. Несколько скромнее выглядят итоги переписи 1970 г. Издание продолжалось тоже четыре года, но вся перепись вместились в семь томов и в две брошюры. Что касается переписи 1920 г., то ее предварительные итоги в пяти тонких выпусках были изданы уже в 1921 г., а окончательные - в 1926 г. По объему информативного материала ее превзошла перепись 1979 г., итогам которой посвящен единственный том, вышедший в свет спустя пять с половиной лет. Его объем в 7,6 раза меньше общего объема переписи 1959 г., в 6,7 раза - 1970 г., в 31,3 раза - 1926 г. и только на 19% больше объема итогов первой советской переписи!⁵¹

4. Проблемы использования демографической и иной статистики

В 70-е годы информационные возможности демографической статистики по сравнению с 20-ми годами уменьшились в 50 с лишним раз. При этом качество данных ухудшилось.

Искаженность нашей статистики такова, что английский исследователь А. Безансон по этому поводу заметил: «Публикуемые цифры должны восприниматься не в их арифметическом, а в их политическом значении». И далее он делает весьма мрачный вывод: «Королева Вильгельмина говорила о Наполеоне III, что тот так изолгался, что нельзя принимать за истину даже полную противоположность того, что он говорит. Ее слова должны стать девизом каждого, кто берется за интерпретацию советских источников, особенно содержащих цифровые данные. Здесь мы имеем дело не с искажением реальности путем преувеличения или преуменьшения и не с псевдореальностью, от начала до конца сфабрикованной и не имеющей никакого отношения к подлинной действительности. И то, и другое предполагало бы знание этой подлинной реальности, что кажется в высшей степени маловероятным... Советские цифры ложны, но даже если бы они были правильными, то не стали бы от этого менее ложными, поскольку между ними и реальностью нет никако-

го соотношения, далее того, которое имеется между правдой и ложью»⁵².

То же находим и у американского демографа Д. Вересова: «...Я давно знаю, что ложью в советской статистике, в том числе и демографической, пропитана чуть ли не каждая цифра»⁵³.

Неужели все так безнадежно? Действительно, есть основание согласиться с наблюдениями иностранцев. Однако следует ли опираться на их мнение, особенно в демографической статистике?

Наша демография как наука, разбитая в свое время, не может никак восстановиться. Выступая по телевидению весной 1988 г., академик Л.И. Абалкин говорил, что на этом выбитом направлении мы испытываем большие трудности из-за отсутствия специалистов. На Западе же нашей демографией интересовались всегда, и не просто интересовались, а тщательно изучали. Именно иностранцы, а не мы первыми начали подсчитывать размеры человеческих потерь от коллективизации и голода 1932 г.

Поэтому вновь обратимся к Вересову. Он писал: «Но ложь, какой бы упорной и злостной она ни была, не исключает, на мой взгляд, возможности докопаться до истины. Тут я не могу стать на точку зрения А. Безансона, считающего бесполезной любую попытку корректировать цифры, поставляемые советской статистикой. Я проявил бы непростительную наивность и совершил бы грубейшую ошибку, если бы счел точной и не требующей проверки каждую официально сообщенную цифру о составе и движении населения СССР. Столь же наивным и ошибочным было бы, по-моему, убеждение, что в совокупности они не складываются в ясную картину, а в их динамике не находят своего отражения те или иные процессы.

Даже пробелы в советской государственной статистике имеют немалое познавательное значение. Именно они оказываются первыми сигналами, привлекающими внимание независимого исследователя. Заметив исчезновение в очередном сообщении ЦСУ того или иного прежде публиковавшегося показателя, он сразу же видит набежавшую на советское демографическое небо тучку и догадывается, откуда начинать поиски скрытой истины. В демографической статистике многие явления и процессы, следовательно, и отражающие их цифры, взаимосвязаны. Невозможно поэтому скрыть истину путем замалчивания одного показателя даже на протяжении нескольких лет. С большей или меньшей точностью он определяется по указующим на ту или иную тенденцию количественным характеристикам того же явления в прежние годы или по другим показателям данного года»⁵⁴.

Цитата длинная, но чрезвычайно содержательная и полезная с точки зрения источниковедения. Во-первых, здесь говорится о

необходимости критического отношения к любой официальной цифре. И в этой связи приведем сделанное в 1978 г. заявление начальника ЦСУ Азербайджана С. Абасалиева, в котором отстаивается совершенно противоположная позиция. По поводу серьезных претензий прокурора республики относительно крупномасштабной антигосударственной практики Абасалиев ответил: «У нас не допускается никаких приписок. Первой нашей опорой в вопросах достоверности является товарищ Гейдар Алиевич Алиев...»⁵⁵. Нетрудно догадаться, какая позиция предпочтительней.

Во-вторых, из этой цитаты исходят непоколебимые уверенность и оптимизм относительно возможности использования самых ненадежных источников. И сам Вересов доказал это, в частности, в книге «Историческая демография СССР», в которой подтвердились гипотетические оценки автора относительно прогноза на перспективу.

Фальсификация статистических данных проникла во все поры социального организма. Многие годы она скрывала нараставшее разбалансирование экономики. Недостоверная экономическая и социальная информация закладывалась в постановления съездов КПСС и пленумов ЦК. На ее основе принимались хозяйственные и политические решения. Даже в годы перестройки Государственный комитет по статистике традиционно продолжал «улучшать» показатели развития экономики.

На основе этих данных М.С. Горбачев в своем докладе на XXVII съезде КПСС отмечал, что «повысилась продуктивность земледелия и животноводства»⁵⁶, а на пленуме ЦК КПСС 25-26 июня 1987 г. он говорил об увеличении по сравнению с 1984 г. производства зерна (на 86 млн тонн), мяса, молока, яиц⁵⁷.

Сообщения Госкомстата СССР оставались поразительно бодрыми. Так, в сообщении «Об экономическом и социальном развитии СССР в первом полугодии 1988 года»⁵⁸ утверждалось, что «в народном хозяйстве СССР продолжали нарастать позитивные тенденции экономического и социального развития». Понятно, что отчет Госкомстата должен был иллюстрировать мудрость проводимой СССР политики. И он иллюстрировал: «по ряду важнейших показателей достигнуто ускорение». Госкомстат словно бы не видел и не ведал, что сама концепция социально-экономического ускорения оказалась бредовой и что нелепо не только иллюстрировать несуществующие результаты мнимого ускорения, но и говорить о самой идее ускорения.

Сообщения Госкомстата об оздоровлении экономики появлялись и в конце 1988 г. А между тем кризисные явления в народном хозяйстве нарастали, снабжение населения продовольствием ухудшалось. Так, по данным Госкомстата СССР в 1989 г. на душу на-

селения в стране потреблялось 65 кг мяса в год. Экономист Д. Вальной провел расчеты, которые этот показатель не подтвердили. Об итогах поиска этих 65 кг он писал: «Если потребовалось бы ввести карточки на мясо, то при нынешнем уровне импорта и структуре потребления мы можем обеспечить из госресурсов в месяц на душу населения лишь 1,2 кг мяса вместе с птицей»⁵⁹. Это примерно по 15 кг в год. Даже с учетом рыночных фондов ясно, что в официальных показателях много «липы». Из этого примера видно, как рискованно пользоваться данными официальной статистики.

Всегда вызывала недоверие статистика роста доходов трудящихся, выраженная в рублях. Особенно нелепо выглядит это утверждение при росте инфляции. Происходила щедрая раздача незаработанных рублей. Доходы вроде бы росли, но их рост не обеспечен товарами. Поэтому, когда в сводках Госкомстата встречается фраза типа «денежные доходы населения составили» или «среднемесячная зарплата рабочих и служащих достигла...», не верьте написанному, ибо это рост в ботву, купить на эти деньги было нечего.

Так, по Москве за 9 месяцев 1990 г. средняя зарплата в госсекторе выросла с 266 до 300 рублей и доход населения увеличился на 14%. Но он в значительной мере поглощен возросшими на 4% государственными ценами и на 35% - рыночными ценами. Цены росли в каждой области потребительского рынка - на одежду, обувь и пр. Если же перечислить это на цены черного рынка, где только и можно было отоварить зарплату, то показатели уровня жизни оказывались существенно ниже официальных⁶⁰.

Если мы откроем любой статистический справочник и посмотрим раздел «Внешняя торговля», то не найдем даже намека на поставки Советским Союзом оружия за рубеж. От кого секрет? От западных разведок? Но если заглянуть в публикации Стокгольмского института по исследованию проблем мира, Лондонского института стратегических исследований, то можно обнаружить, что СССР довольно представительно участвовал в мировых поставках оружия. Так что это было секретом исключительно для советских людей. Он стал раскрываться лишь только после агрессии Ирака против Кувейта в 1990 г., когда выявилась роль СССР в вооружении Ирака.

Серьезные упущения содержит статистика народного образования. Основой развития системы народного образования является его материально-техническая база. Официальная статистика свидетельствует, что за годы десятой пятилетки в стране было введено 11,3 тыс. школ на 6,7 млн мест, за годы одиннадцатой пя-

тилетки - 8,7 тыс. школ на 5,2 млн мест. Архивы ГАРФ, хранящие материалы проверок ЦСУ СССР за 1980 г., свидетельствуют, что до 27% общего количества ученических мест в Киргизии, 25% - в Армении, 16% - в Узбекистане, 15% - в Туркменистане, 15% - в Белоруссии, 12% - в Молдавии фактически не были введены. До 35% ученических мест были сданы со значительными недоделками. Многие школьные здания числились лишь в отчетной документации, в реальной же жизни их не существовало.

Фальсифицированная статистика проникла далее в следственные органы. И здесь престижным стало не столько качество работы, сколько благополучная статистика. Не без участия самих следователей, не брезгуя и служебным давлением на них, статистику научились лакировать. Например, уровень раскрываемости преступлений зачастую повышали не через улучшение работы, а за счет укрытия от учета неочевидных преступлений и, напротив, регистрации инициативно выявленных правонарушений (чаще всего хулиганства)⁶¹.

Статистическая липа не обошла и спорт. При тщательной проверке вскрылось столько дутых отчетов, фиктивных сводок о массовости и мастерстве, что только диву даешься нашей былой и всеобщей любви к красивой цифре.

Известный академик С.С. Шаталин на заявление корреспондента газеты «Социалистическая индустрия» о том, что Госкомстату никто не верит, ответил: «Это величайшая драма нашей экономической науки - положение со статистикой. Одно искажено, дается отрывочно, другое просто замалчивается. У Госплана - собственная кухня, но он туда никого не пускает. Правительству предоставляется информация, достоверность которой проверить невозможно, поскольку ученым неизвестно, где она добыта. Стыдно сказать, о некоторых аспектах своей новой экономики мы узнаем из зарубежных источников». В заключение Шаталин заметил: «Статистика тоже нуждается в перестройке, притоке свежих молодых сил, нерастленных застойным периодом. Надо изменить само отношение к статистике. Желание выглядеть лучше, чем мы есть, - пагубно для общества... Пора, это, наконец, твердо усвоить»⁶². Здесь, бесспорно, можно подписаться под каждым словом.

Перестройка экономики требует прежде всего необходимости точного учета везде и во всем. До публикации полной и достоверной экономической статистики диагноз прошлых, нынешних и будущих экономических бед трудно ставить. И вообще, прежде чем приступить к экономическим реформам необходима была бы публикация экономической и финансовой статистики.

Кое-что, конечно, делалось. В 1988 г. были опубликованы некоторые данные судебной статистики за 1988 г., а в 1989 и 1990 гг. - сведения о преступности в СССР. Безусловно, это был прогрессивный шаг, но он требовал следующих шагов. Эти данные нуждаются в подкреплении их научно обоснованными исследованиями и сравнительными данными других государств. Без этого публикация подобных материалов малоэффективна.

Стала публиковаться секретная статистика об афганской войне. В «Правде» от 17 августа 1989 г. опубликованы данные Генерального штаба о потерях СССР с 1979 по 1989 гг. (по годам) в Афганистане.

Реальная статистика пела к открытиям, в то время для нас огорчительным. Большое значение имело признание у нас инфляции. Инфляция вошла в общественную жизнь после того, как осенью 1988 г. в докладах министра финансов и председателя Госплана были обнародованы сведения о несбалансированности союзного бюджета. Это признание, в свою очередь, повлекло за собой уточнение величины бюджетного дефицита. Первоначально его оценка была занижена и составляла 35 млрд рублей, затем она поднялась до 100 млрд. Потом открылось, что не 100, а 120 млрд рублей.

Само по себе это явление было очень сложным и новым для нашего общества. Точнее, для общественного сознания, а не для реальной жизни. Фактически мы из инфляции не выходили со времен первой мировой войны. И система советского тоталитарного режима боролась с ней своими, отнюдь не экономическими мерами. Об этом явлении много познавательного материала и информации к размышлению содержится в статье Б. Пинскера⁶³.

Появляется и уточняется, если можно так сказать, историческая статистика: о людских потерях в войнах, о числе репрессированных за годы советской власти, о числе жертв коллективизации и голода 30-х годов, о численности наших пленных, служивших в воинских частях фашистской Германии и т. д.

Изменял характер своей работы и Госкомстат СССР. С 1990 г. он значительно расширил границы доступной информации. Сразу после выхода закона «О предприятиях в СССР», предоставившего органам государственной статистики исключительное право устанавливать формы отчетности, комитет по собственной инициативе перестал собирать лишние данные. Это, в первую очередь, коснулось отчетности, характеризующей внутрихозяйственную деятельность предприятий. На начало июня 1990 г. в народном хозяйстве действовало 574 формы межотраслевой отчетности, затем их стало на 53 меньше.

Есть еще одна сторона советских статистических сведений - возможность ее сопоставления с мировыми данными. Пока мно-

гое просто несопоставимо, и прежде всего, методология подсчета. Имеет значение и конвертируемость валюты, и качество выпущенных товаров. Последнее в нашей статистике не бралось даже в расчет.

Например, подсчеты величины национального дохода на душу населения, сообщавшиеся советскими статистическими учреждениями, не выдерживают никакой критики. Согласно данным, опубликованным в сборнике «Народное хозяйство СССР за 60 лет» (М., 1977), среднедушевой доход в СССР в 1976 г. был выше, чем в ряде зарубежных стран (таких, как ФРГ, Дания, Нидерланды, Бельгия, Великобритания, Италия и др.), и составлял 56% от уровня такого же дохода в США.

Почти такую же величину - 55% от уровня дохода в США - предлагал и статистический сборник «СССР и зарубежные страны. 1987» (М., 1988), в котором впервые за последние годы советского государства в открытой печати были обнародованы данные о размере национального дохода СССР и некоторых других стран. Эти сведения, конечно, качественнее, чем в иных справочниках. Однако сохранение прежних «принятых в статистике СССР» методологии и методики расчетов приводят к непостижимым парадоксам. Так, этот сборник явно завышал тот же показатель СССР по отношению ко всем странам: 55% от уровня США, 67% - Японии, 82% - Нидерландов, 88% - Финляндии, 75% - Швеции и т. д. Таким образом, приукрашая действительность, официальная советская статистика пыталась сохранить миф о «высокоразвитой» советской державе.

ГЛАВА 8

Материалы планирования развития народного хозяйства

СОВЕТСКАЯ эпоха породила новый комплекс документов - материалы планирования развития народного хозяйства⁶⁴. Планы являлись многоаспектными документами, отражавшими не только историю становления теории и практики планирования, но и дававшие широкий спектр информации об экономической политике государства, уровне развития экономических знаний, о производственном состоянии отраслей народного хозяйства и др.

Планирование и пятилетние планы развития народного хозяйства являлись необходимой важнейшей стороной жизни не только государства, но и неотъемлемой частью нас самих. Выпол-

нить план любой ценой было девизом общества и главным смыслом жизни советского человека. Поэтому документы планирования являются важнейшими источниками, отражающими одну из существенных сторон жизнедеятельности СССР.

В учебнике М.Н. Черноморского, на наш взгляд, верно отмечены четыре основных этапа работы над материалами планирования;

1. Изучение директивных документов, принятых высшими органами партии и государства, на основании которых разрабатывались планы развития народного хозяйства.

2. Изучение материалов, складывавшихся в процессе составления планов.

3. Изучение содержания окончательно утвержденного высшими советскими органами плана.

4. Изучение материалов об итогах выполнения плана.

В принципе, такая схема может быть приемлемой. Но в нее не укладывается начальный этап становления планирования, когда только нащупывались принципы организации планового хозяйства.

План - это особый вид источника, возникший в советском делопроизводстве. Первые плановые документы - производственные программы различных отраслей - возникли в результате деятельности ВСНХ. В 20-х годах плановая работа прошла ряд этапов: перспективный план ГОЭРЛО, планы заготовок и распределения важнейших продовольственных продуктов, сырья, топлива (1919-1920); технико-экономические планы развертывания производства по отдельным отраслям промышленности и по сельскому хозяйству (1921-1923); годовые планы на 1923/24 и 1925/26 г., учитывавшие, наряду с технико-экономическими показателями, показатели емкости рынка, покупательной способности города и деревни, динамику цен и пр.; ежегодные контрольные цифры на 1925/26, 1926/27, 1927/28 гг., представлявшие собой попытку дать целостную, внутренне связанную систему показателей развития народного хозяйства: производства и распределения продукции, динамику цен, денежного обращения, кредита, финансов, экспорта и импорта, накопления; первый перспективный план развития сельского и лесного хозяйства на 1923/24-1927/28 гг. (план Н.Д. Кондратьева); ну, и, наконец, первые пятилетние планы. Видимо, следует назвать и первые расчеты по генеральному плану на 15-20 лет.

Историки и источниковеды не пытались рассматривать новый источник с точки зрения становления его формы. Первые годовые и перспективные планы вплоть до первого пятилетнего плана развития народного хозяйства на 1928/29-1933/34 гг. не

подвергались серьезному изучению ни в области анализа их содержания как материала по истории народного хозяйства, ни с точки зрения рассмотрения планов как этапа складывания методологии планирования, ни с позиций источниковедения. Причина последнего заключается, видимо, в отсутствии в 20-е годы сложившегося набора обязательных элементов, определявших план как вид источника.

Первые перспективные и годовые планы развития народного хозяйства по форме и содержанию напоминали научные доклады, как правило, имели однородную структуру и состояли из четырех частей: исторического обзора состояния отрасли, изложения экономической политики, положенной в основу плана, количественных и качественных перспектив развития, плана мероприятий государства по их осуществлению. Четкая организация разделов плана сопровождалась произвольной формой изложения материала внутри них.

В первых планах еще не обозначилась система основных плановых показателей, диктуемых из центра. Вводимые количественные показатели были произвольными и в большинстве случаев обозначались через объемы финансирования отрасли или через указание на количество производственных объектов, которые должны быть возведены за плановый период. Период 20-х годов можно изучать на базе в основном двух комплексов материалов:

1. *Теоретические разработки экономистов:* на страницах периодической печати, особенно журнала «Экономическое обозрение», публиковались статьи известных экономистов - Н.Д. Кондратьева, Н.П. Огановского, В. Базарова (В.А. Руднев), С.Г. Струмилина и других, принимавших деятельное участие в разработке методологических вопросов планирования.

2. *Материалы президиума и секций Госплана СССР* были главной ареной столкновения мнений. До недавнего времени эти материалы были недоступны для исследования, что сильнее всего сказывалось на изучении вопросов становления планирования.

Правда, Центральный государственный архив народного хозяйства (ЦГАНХ)* СССР еще с 70-х годов работал над подготовкой к публикации протоколов Госплана за ранние годы. Первой такой публикацией явилось издание протоколов Госплана за 1921-1922 гг., подготовленное совместно с Институтом истории СССР АН СССР, Госпланом СССР и Институтом экономических исследований при Госплане СССР. Благодаря хорошей сохранности документов архивного фонда Госплана СССР имеются все

*Ныне РГАЭ.

протоколы заседаний Госплана и большинство приложений к ним. Протоколы составлялись на основе стенографических записей обсуждения тех или иных вопросов, и по своей форме они являлись развернутыми. Объем одного протокола нередко насчитывает 50 машинописных страниц. В них отражены главные направления деятельности Госплана: разработка методологии текущего и перспективного планирования народного хозяйства, выработка балансового метода планирования, принципы создания государственного бюджета СССР, вопросы ценообразования и подготовки денежной реформы 1924 г., дискуссия о природе и путях выхода из кризиса сбыта 1923 г., выработка принципов налогообложения, выявление источников для реконструкции промышленности, состояние основных отраслей народного хозяйства в масштабе СССР и региональном разрезе и пр.

В протоколах отражены малоизвестные сведения о взглядах крупных экономистов 20-х годов, их позиции по различным экономическим проблемам, которые не всегда совпадают с зафиксированными в более поздних публикациях. В этом отношении интересно, в частности, сравнить протокольные записи выступлений С.Г. Струмилина о первых опытах перспективного планирования и его выступления на страницах журнала «Плановое хозяйство» в 30-е годы, затем вошедшие в сборник его статей «На плановом фронте».

Протоколы Госплана содержат выступления таких известных экономистов, как В. Базаров, В.Г. Громан, Н.Д. Кондратьев и других, научное наследие которых только начинает изучаться историками и экономистами.

Для экономистов 20-х годов становилось ясным, что наряду с рыночными отношениями существовала новая форма отношений - плановая. Спорным был вопрос о взаимодействии плана и рынка, планового начала и стихийности: является ли борьба плана и стихии простым внешним столкновением или же план и рынок определенным образом взаимодействуют - план организует рыночные процессы и вместе с тем отражает потребности, выявленные на рынке, учитывает и определенным образом преломляет рыночные процессы.

Проблемы 20-х годов и нынешние во многом созвучны. Вступая в рыночные отношения, отбросим ли мы планирование? Если да, то это будет величайшей ошибкой. Весь цивилизованный мир живет, пытаясь разумно сочетать план и рынок. И опыт нашей страны времен додирективного планирования сегодня был бы весьма поучителен.

Важнейший вопрос методологии планирования сводился к тому, каким вообще должен быть подход к планированию: генети-

ческим или телеологическим. *Телеологический* метод исходит из сознательно поставленных целей. При *генетическом* методе планирование строится в зависимости от объективных условий развития народного хозяйства. Возможно и разумное сочетание обоих подходов.

Так или иначе, но на практике получил развитие телеологический метод. И довольно быстро проявились все его негативные стороны. Именно волюнтаристский подход при полнейшем игнорировании реальности привел к срывам первого пятилетнего плана.

Его итоги, которые долго преподносились нам как величайшая победа, на самом деле поставили целый ряд проблем перед руководством страны. До недавних пор считалось, что первый пятилетний план был выполнен досрочно - за 4 года и 3 месяца.

Лишь немногие имели в ту пору полное представление о подлинном положении дел. Еще уже был круг высоких должностных лиц, получивших за подписью Сталина секретную телеграмму, текст которой повторял постановление, принятое Политбюро ЦК ВКП(б) от 1 февраля 1933 г. Вот ее текст: «Воспретить всем ведомствам, республикам и областям до опубликования официального издания Госплана СССР об итогах выполнения первой пятилетки издание каких-либо других итоговых работ как сводных, так и отраслевых и районных с тем, чтобы и после официального издания итогов пятилетки все работы по итогам могут издаваться лишь с разрешения Госплана. Обязать все ведомства представить в Госплан СССР все имеющиеся у них материалы и работы по итогам выполнения первой пятилетки...»⁶⁵.

Сталин и его окружение не хотели огласки потому, что это мешало бы выдать желаемое за действительное.

Подводя итоги пятилетки, Сталин сообщил на январском (1933 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), что по валовой продукции (в рублях) промышленность, по существу, выполнила план досрочно - за 4 года и 3 месяца, причем тяжелая индустрия - на 108%. Что касается натуральных показателей (в килограммах, тоннах, метрах, штуках), то до них Сталин не снизошел. На фоне глобальных выводов явно не хотелось говорить о том, что ни по добыче угля и нефти, ни по выработке электроэнергии, выпуску тракторов, автомобилей, минеральных удобрений, выплавке чугуна, стали рубежи, намеченные пятилеткой, не были достигнуты.

Как показывают подсчеты экономистов, не соответствовало действительности и утверждение Сталина о том, что «страна наша из аграрной стала индустриальной». Не удалось достичь этого не только в первой пятилетке, но и за все послевоенные годы.

Манипуляция цифрами мешала народу объективно оценивать положение дел и реальные достижения и народном хозяйстве.

Вторая пятилетка (1933-1937) проходила в более нормальной обстановке, хотя в этот период планы неоднократно перекраивались, вновь выдвигались предложения многократно увеличить выпуск продукции. Нельзя отнестись с полным доверием и к отчетным данным за вторую пятилетку. Центральное управление народно-хозяйственного учета представило руководству страны итоги пятилетки, которые при объективном сопоставлении с плановыми заданиями существенно отличались от них. Однако такой подход не удовлетворил руководство. Итоги довели до всеобщего сведения лишь после того, как грубо приукрасили. Корректировка итогов была по существу манипулированием несопоставимыми показателями. Например, результаты хозяйственной деятельности в текущих ценах сопоставлялись с плановыми в неизменных ценах. Между тем за пятилетку значительно выросли сметные цены в строительстве, заготовительные цены на продукцию сельского хозяйства и, особенно, розничные цены. Так, объем капиталовложений в народное хозяйство и ввод в эксплуатацию основных фондов в сопоставимых ценах оказался меньше плановых величин. Чтобы «подтянуть» фактические показатели вложений к плановым, первые измерили в текущих ценах.

Как было заявлено на XVIII съезде ВКП(б), «поставленная вторым пятилетним планом задача подъема материально-культурного уровня трудящихся с повышением уровня народного потребления в два раза и более... выполнена»⁶⁶. Это утверждение иллюстрировалось данными о росте среднегодовой заработной платы рабочих и служащих более чем в 2 раза, валового дохода колхозников более чем в 2,7 раза и розничного товарооборота в 3 раза (в текущих ценах). Однако при этом не было сказано о повышении розничных цен в планируемой торговле в 2,1 раза, что резко уменьшило рост реальных доходов населения. У рабочих и служащих реальная заработная плата повысилась лишь на 20% вместо 96% по плану, розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли увеличился (в сопоставимых ценах) на 48% против 150% по плану.

Что касается культурного уровня трудящихся, то говорить о его подъеме было бы преувеличением: накануне Отечественной войны средний уровень образования рабочих в СССР составлял 3-4 класса.

Внушали сомнения и показатели динамики произведенного национального дохода. По данным ЦУНХУ, он увеличился за 1933-1937 гг. на 112%. Советские экономисты считают, что этот

показатель завышен из-за неадекватности учета динамики цен и методических неточностей⁶⁷.

Таким образом, становление советской волонтаристской плановой системы, заведомо обреченной на невыполнение, сопровождалось колоссальным обманом народа. Приукрашивание действительности становилось неотъемлемой частью советской экономики, универсальным методом «выполнения» всех пятилеток.

Обратимся к десятой пятилетке. На XXVI съезде КПСС член Политбюро ЦК КПСС Д.А. Кунаев заявил: «Как и для всей страны, для нашей республики (Казахстана. - *Авт.*) еще не было пятилетки лучше, чем юбилейная - десятая»⁶⁸. Между тем пятилетний план по приросту использованного национального дохода в стране был выполнен на 80%, промышленной продукции - на 67%, в том числе в Казахстане - лишь на 45%⁶⁹.

План 1981 г. намечал прирост промышленной продукции на 4,1%, фактически он составил 3,4%. Тем не менее было объявлено, что «годовой план по объему продукции выполнен»⁷⁰. В интервью газете «Арбайтен цайтунг» Председатель Совета Министров СССР Н.А. Тихонов заявил, что в народном хозяйстве страны происходит немало крупных перемен к лучшему», «настойчиво решаются задачи ускорения научно-технического прогресса», «лучше стало положение дел на транспорте, в капитальном строительстве, сельском хозяйстве»⁷¹. Это было явным преувеличением достигнутого: время крупных перемен, ускорения технического процесса еще не наступило, транспорт продолжал работать с перебоями; в 1984 г. упал темп прироста национального дохода.

Итак, краткое знакомство с материалами планирования приводит нас к следующим выводам.

Во-первых, система планового хозяйства СССР со всей очевидностью обнаружила ее порочность в самой методологии планирования, весьма произвольной, не учитывающей реальность, всецело исходящей из принципа достичь необходимого, причем любой ценой. Во-вторых, эта система сложилась как чрезмерно детализированная. Она сковывала инициативу предприятий, связывала их по рукам и была направлена к безудержной погоне за валом, пренебрежением качеством продукции. В-третьих, итоги выполнения планов, как правило, завышались, что вообще затрудняет работу над изучением планов: сплошь и рядом под сомнение ставится достоверность итоговых показателей.

Ныне плановая система хозяйствования в нашей стране свернута в расчете на регулирующее воздействие рынка. Но рынок, хоть и является регулятором спроса и предложения, все же не стал универсальным и идеальным средством. Плановое хозяйство - это то, что искали лучшие умы человечества во всем мире. Нерегули-

руемый рынок- это этап неразвитого, раннего капитализма. И рано или поздно рынок попадает под воздействие монополий или государства. Весь мир шел изначально преимущественно первым путем, СССР осваивал второй с помощью плана. Впервые заговорили об этом русские экономисты еще 70 лет тому назад. Во взаимодействии плана и рынка - вся суть современной экономики.

ГЛАВА 9

Публицистика

СУТЬ ПУБЛИЦИСТИКИ - речь, обращенная к публике, вольная, открытая, личная. В ней может быть все - от научных аргументов до индивидуальных наблюдений и эмоций. Она всегда сопряжена с личными отношениями по поводу дел общественных.

Жанры публицистики - памфлет, фельетон, пародия, открытое письмо и др. Публицистические произведения публиковались преимущественно на страницах газет и журналов, выходили отдельными брошюрами, помещались в различных сборниках.

Казалось бы, личность автора определяет суть того или иного произведения публицистики. Но так было не всегда. Сплошь и рядом публицистика выполняла так называемый социальный заказ, где личность отходила на второй план, подчиняя индивидуальность поле и интересам определенной партии, социальной группы, господствующего режима.

Россия в начале и в конце XX в. явила миру обилие и разнообразие жанра публицистики. Взять, хотя бы, насыщенный публицистической полемикой 1917 г. Никогда Россия не знала такого количества публицистической литературы.

Публицистика того времени является важным источником, отражающим смысл и накал политической борьбы. Она содержит развернутую аргументацию в пользу тех или иных программных требований своей партии и служит средством критического рассмотрения программ и действий других партий. Довольно сложно сориентироваться в море самых различных течений и оттенков.

Воинственностью, жестокостью и непримиримостью отличалась большевистская публицистика. Острыми полемистами рекомендовали себя В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев и другие.

Обращаясь к большевистской публицистике, сразу же сталкиваешься с одной особенностью, причем весьма существенной: большевики очень мало писали по аграрному вопросу - важнейшей проблеме времени. В.И. Ленин, в сущности, единственный

автор. Далее и 1917 г., когда межпартийная борьба достигла своего апогея, особенно по аграрному вопросу, в большевистской публицистике по-прежнему не появлялось полных имен. То, что было написано, как правило, имело сугубо пропагандистский характер. Таковы, например, статьи И.В. Сталина «Землю - крестьянам», «К выборам в Учредительное собрание», «Русские крестьяне и партия безголовых», опубликованные в 1917 г. в газетах «Правда», «Рабочий и солдат», «Рабочий путь». Сталин не был оригинален - он всецело отражал платформу большевиков.

Чрезвычайно мало по аграрному вопросу писал И.И. Бухарин. Так, в журнале «Спартак» (1917. № 7) была опубликована небольшая заметка «К вопросу о земельных захватах». Может быть, стоит назвать еще статью «Город и деревня» в газете «Социал-демократ» (1917. 23 авг).

Вплотную большевики занялись аграрным вопросом лишь осенью 1918 г., когда среди них стало крепнуть убеждение, будто бы буржуазно-демократические задачи революции в деревне уже решены, что крестьяне уже разочаровываются в уравнительном распределении земли, что пора приступать к социалистическим преобразованиям, т. е. к насаждению коммун, артелей, совхозов.

По силе эмоционального накала публицистических произведений не уступали большевикам меньшевики. Среди них выделялись Г.В. Плеханов, Ф.И. Дан (Гурвич), Л. Мартов (Ю.О. Цедербаум), А.С. Мартынов, П.В. Аксельрод, А.Н. Потресов, Н.Г. Церетели, В. Базаров (В.Л. Руднев), И. Суханов (Н.Н. Гиммер - бывший эсер, меньшевик с 1917 г.), П.П. Маслов, П.А. Рожков и другие.

Из эсеров необходимо назвать В.М. Чернова, А.Ф. Керенского, Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова и других. Юношеским задором выделялось левое крыло эсеров - В.А. Алгасов, А.И. Бриллиантов, В.А. Карелин, В.Е. Трутовский, И.З. Штейнберг. Чуть ли не ежедневно в петроградских и местных периодических изданиях 1917г. появлялись их материалы, в которых затрагивались насущные заботы дня: проблемы войны и мира, выборы в земство и думы, аграрное движение и пр.

Не хотели сдавать своих позиций уже проигравшие кадеты - П.Н. Милюков, В.Д. Набоков, В.Э. Нольде, А.С. Изгоев и другие. Далее после октября 1917 г. и последовавших репрессий среди кадетов, закрытия их газет центральный орган кадетов - газета «Речь» - продолжала выходить, меняя название. Только в течение одного месяца - с 18 ноября по 17 декабря 1917 г. - газета называлась «Наша речь», «Свободная речь», «Новая речь», «Век». Последнее название перед окончательным закрытием - «Наш век».

Публицистика того времени не ограничивается произведениями членов названных партий. В ней сложно ориентироваться с

точки зрения квалификации партийной принадлежности того или иного автора. Например, в какой лагерь отнести М. Горького после публикации в газете «Новая жизнь» его «Несвоевременных мыслей»? Долгие годы эти материалы не были известны широкому читателю. Лишь в 1990 г. они стали достоянием общественности⁷².

Публицистика вообще, а революционная особенно - сложный источник. Здесь масса эмоций, выпадов, прямых оскорблений, обидных намеков и пр. Нередки случаи фальсификации фактов. Именно поэтому в источниковедческом исследовании публицистики следует уделять основное внимание цели того или иного публицистического выступления, а не пытаться приемами формальной источниковедческой критики проверить достоверность источника.

О публицистике послереволюционных лет говорить не приходится. Исчезла стержневая проблематика всякой публицистики - социально-политическая, да и экономические проблемы свелись к частным хозяйственным вопросам. На передний план вышли бытовые проблемы, житейские неурядицы, мелочи жизни. Примером этому является публицистика М. Булгакова, И. Ильфа, Е. Петрова, М. Кольцова, А. Зорича и других.

Патриотическую направленность получила публицистика в годы Отечественной войны (памфлеты А.Н. Толстого и И.Г. Эренбурга)⁷³.

В послевоенные годы можно назвать лишь очерки В. Овечкина, который пытался в одиночку поведать правду о тяжелой жизни русской деревни. В 1952 г. «Новый мир» опубликовал его знаменитые «Районные будни».

В целом же публицистика советской эпохи оставила такой невыразительный материал, что данное обстоятельство не позволило даже выделить публицистику как вид источника в учебниках по источниковедению, поскольку в условиях идеологических ограничений нельзя было исследовать ни публицистику различных партий времен революции, ни тем более такое явление недавнего прошлого, как самиздат. За этим названием скрывалась разнообразная литература, размножавшаяся в 60-70-е годы единственно посредством пишущей машинки. Естественно, что значительное место среди самиздатовской литературы занимала публицистика.

Самиздат - это, в первую очередь, способ неподцензурного распространения идей и информации. Это информационные, художественные, поэтические, научные, мемуарные материалы, которые автор сам производит и размножает с помощью имеющихся в его распоряжении средств и сам распространяет. Самиздат существовал по принципу, сформулированному одним из актив-

ных участников правозащитного движения В. Буковским: «Сам сочиняю, сам цензурирую, сам издаю, сам распространяю, сам и отсиживаю за это».

О самиздате как источнике по истории советского общества можно говорить только с конца 50-х годов. Начался самиздат со стихов, возможно, из-за легкости перепечатывания их благодаря небольшому объему, запоминания, а может быть, и из-за более глубинных причин: духовное раскрепощение началось в области простых человеческих чувств. Но, видимо, не случайно в это время появились и первые сведения о политическом выступлении физика Ю.Ф. Орлова (1956 г.), о деле группы Краснопевцева в МГУ и группы Пименова в ЛГУ (1957-1958 гг.).

В конце 50 - начале 60-х годов самиздатом издавались эссе, рассказы, статьи, но в первую очередь стихи, в основном запрещенных поэтов - А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, М.А. Володина, Н. Гумилева, М.И. Цветаевой и других.

Затем стали выходить «самиздатовские» журналы. Спор о первенстве в выпуске идет давно и вряд ли может быть решен однозначно. Обычно первым периодическим поэтическо-литературным журналом называют «Синтаксис», три номера которого вышли в 1960 г. под редакцией А. Гинзбурга, в те годы студента-заочника МГУ. Однако Буковский упоминает о своем участии в издании рукописного журнала еще школьником в 1959 г. Скорее всего и этот журнал не был первым. Из воспоминаний А. Литвина-Красного, А. Амальрика, В. Буковского, П. Григоренко и других становится очевидным, что при общей неосведомленности о том, что происходило за пределами тесного дружеского кружка, каждый мемуарист убежден, что самиздат зародился в том кругу, к которому он принадлежал. И каждый прав: истоки самиздата обнаруживались ни в какой-либо одной группе, а во многих сразу.

Основную массу самиздатовской продукции составляли машинописные тексты. Это были литературные и публицистические произведения, воспоминания, письма-обращения к правительству представителей различных общественных групп, протокольные записи судебных процессов того времени, листовки. По рукам ходили стихи И.А. Бродского и Б.А. Чичибабина, Н. Манделя (Коржавина), воспоминания Е. Гинзбург, романы Дж. Оруэлла «1984 год» и А. Платонова «Котлован», публицистические эссе Эрнста Генри, гневные письма академика А.Д. Сахарова.

Авторы и распространители самиздата принадлежали, как правило, к интеллигенции и студенчеству. На этой волне рождалось правозащитное движение, и самиздат был его выразителем. Смысл правозащитного движения состоял в том, чтобы государство соблюдало собственные законы. Борьба шла вовсе не против су-

существующего режима, а лишь против произвола, за действительное соблюдение провозглашенных конституционных норм. Правозащитники стали основой возникшего позднее диссидентства.

Широкая волна самиздатовской литературы вызвала к жизни известный Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 г. «О внесении дополнений в Уголовный кодекс РСФСР», который дополнил главу «Преступления против порядка управления» печально знаменитыми статьями 190(1), 190(2), 190(3). Первая из них называлась «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». В ней говорилось: «Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление и распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания - наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до ста рублей»⁷⁴.

Правозащитники перепечатывали эти дополнения с тем, чтобы как можно больше людей знало о грозящей им опасности. «Гражданское обращение», в котором помещались эти дополнения, сопровождалось резким комментарием к новым статьям. Таких обращений было несколько. В одном из них говорилось: «...настоящий Указ является антиобщественным и античеловечным юридическим актом, попирающим основные права личности и общественности и противоречащим статьям Конституции СССР, провозгласившей право на свободу слова, печати и свободу собраний. Наличие этого указа позволяет властям на вполне законных основаниях карать свободомыслие и подавлять активное оппозиционное действие. В условиях полного отсутствия гласности судопроизводства по политическим делам и полной зависимости и подчиненности суда государству и партийному аппарату практическое применение этого Указа открывает неограниченные возможности для произвола». Обращение призывало «всех честных людей выразить свой протест» по поводу этого Указа.

Указ дал возможность усиливать репрессии против инакомыслящих, но самиздат не только не исчез, но еще более активизировался. Особенно усилилась волна писем-протестов против готовившейся к 90-летию рождения Сталина его реабилитации. Так, письмо к Л.И. Брежневу подписали 25 видных деятелей науки и культуры. Это было большой смелостью в то время, а потому есть смысл перечислить их поименно: академик А.А. Арцимович, артист О.Н. Ефремов, академик П.Л. Капица, писатель В.П. Катаев,

художники П.Д. Корин, Б.М. Йеменский, Ю.И. Пименов, С.А. Чуйков, писатели В.П. Некрасов, К.Г. Паустовский, С.Н. Ростовский (ЭрнстГенри), Б.А. Слуцкий, В.Ф. Тендряков, К.И. Чуковский, академики М.А. Леонтович, И.М. Майский, А.Д. Сахаров, С.Д. Сказкин, артисты М.М. Плисецкая, А.А. Попов, И.М. Смоктуновский, режиссеры М.И. Ромм, Г.А. Товстоногов, М.М. Хуциев. Сразу же последовало еще одно письмо в Президиум ЦК КПСС, авторами которого стали В.Д. Дудинцев, А.И. Алиханов, И.В. Ильинский, А.Н. Колмогоров, Г.Н. Чухрай, И.Г. Эренбург и другие.

Были и иные письма в различные организации от обыкновенных советских людей. Появился даже термин, обозначающий лицо, которое поставило свою подпись под каким-либо письмом-протестом, - «подписант». О таких людях компетентные органы сообщали по месту их работы, и отношение администрации и общественных организаций к «подписантам» становилось соответствующим.

В 1967-1968 гг. усилилась волна репрессий. За судом над А. Синявским и Ю. Даниелем последовал процесс над А. Гинзбургом, составившим по поводу суда над Даниелем и Синявским «Белую книгу». Вместе с ним судили Ю. Галанскова и В. Лашкову.

Разумеется, о происходившем в зале суда невозможно было почерпнуть какую-либо информацию. И тем не менее об этих процессах знали. Родственники, знакомые подсудимых в зале суда вели, разумеется тайно, протоколы, которые затем размножали.

С 1968 г. начала выходить машинописная «Хроника текущих событий» - информационный бюллетень о нарушении прав человека в СССР.

От строгих по содержанию и документальности материалов правозащитников и диссидентов невозможно отделить ироничные и озорные песни А. Галича, Ю. Кима, В. Высоцкого, которые, конечно же, были своеобразными документами эпохи.

Все эти материалы, достаточно распространенные в интеллигентской среде, часто оседали в семейных архивах. У некоторых граждан их отбирал КГБ, и если там материалы не уничтожались, то откладывались в архивах органов госбезопасности.

Часть документов уходила за рубеж. В них речь шла о людях, погибавших в тюрьмах, в зонах, в ссылках, в психиатрических больницах. Материалы надиктовывались западным корреспондентам, передавались другими всевозможными способами. К примеру, А. Есенин-Вольпин вывез с собой в США 10 тыс. листов машинописного текста. Уезжавший в 1974 г. А.И. Солженицын бросил клич: «Передавайте все на мое имя!».

Правозащитное и диссидентское движение неизбежно должно было в какой-то мере соприкоснуться с различными проявле-

ниями протеста - гонимых верующих, активистов крымских татар, евреев-отказников и прибалтийских «националистов».

Что касается подцензурной публицистики, то настоящий бум она пережила в так называемые перестроенные годы. Она тоже постепенно раскрепощалась: медленно, но неуклонно спадали путы надзиравших за прессой органов, смело поднимались ранее никогда не звучавшие проблемы развития советского общества.

Поначалу публицистика просто поражала читателя, а не очень подготовленному читателю открывала целые пласты социальных и экономических проблем. Таковы, например, были очерки А. Стреляного «Приход и расход» с его категорическим приговором «кавалерийским методам» в экономике или «Авансы и долги» Н. Шмелева, предлагавшего такое видение экономики, что это казалось чуть ли не вызовом всему и вся.

Публицистика конца 80 - начала 90-х годов объединила представителей самых различных профессий: экономистов, философов, историков, социологов, политологов, журналистов, культурологов, литераторов, физиков... Сразу же обнаружился высокий интеллектуальный уровень публицистов. Они поражали широтой взглядов и разнообразием точек зрения, нестандартностью подходов, оригинальностью ракурсов и неожиданностью выводов. Высказывались новые взгляды на истоки сталинизма⁷⁵. Правда, для публицистики этого периода характерен недостаток фактического материала.

Привлекали внимание статьи философа А. Нуйкина, историка и политолога И. Клямкина, экономистов Н. Шмелева, Г. Попова, В. Селюнина и Г. Ханина, Б. Пинскера и Л. Пияшевой, Д. Валового, О. Лациса, Г. Беликовой и А. Шохина, Г. Шмелева, Г. Лисичкина, демографа М. Тольца⁷⁶ и других.

Публицистика всегда была направлена на обсуждение актуальных общественно-политических вопросов современности. Советская публицистика времен перестройки обращалась и к прошлому России. Определилось самостоятельное направление - историческая публицистика.

Некоторые историки тоже превратились в публицистов. Так, известный историк В.Т. Логинов говорил: «Мы бросились в битву за перестройку, используя для этого газеты, журналы, то есть стали на время публицистами. И это необходимо: толстые специальные монографии сейчас мало кто читает»⁷⁷. Значительный вклад в историческую публицистику внесли Ю.Н. Афанасьев, В.Д. Поликарпов, В.П. Данилов и другие авторы⁷⁸.

Начальный этап исторической публицистики неизбежно должен был быть связан с серьезной критикой прошлого страны. Но еще не хватало фактического материала. Историческая наука,

опиравшаяся на большой фактический материал, не могла сразу сформировать новые фундаментальные идеи и подходы. И дело было не только и не столько в естественном отставании теоретического осмысления от публицистической постановки проблем - многие еще верили в победу социализма, стояли на марксистских теоретических позициях⁷⁹.

Была и другая крайность: активно идеализировалось прошлое, и не только историками. Ностальгия по монархии расцвела в конце 80-х годов как реакция общественных настроений на коммунистическую идеологию, коммунистическое видение мира, на советский образ жизни. Коммунистическое мировоззрение было всегда непримиримым. Отрицательная рефлексия неизбежно должна была, принять резкие формы и, в свою очередь, породить другие крайности, упрощенность и тоже необъективность. Именно так зачастую происходило переосмысление нашей истории, причем по весьма примитивной схеме - перестановкой знаков (плюс на минус, и наоборот). В результате беспомощный политик Николай II расценивался как великомученик, крестьяне русской бедной деревни идеализировались, в значительной степени усиливались церковные мотивы. Даже появилась надуманная теория К. Мяло о крестьянской цивилизации. Эту теорию активно поддержал И. Шафаревич⁸⁰.

Среди лидеров кардинального пересмотра истории оказались писатели, что вполне в духе российских традиций. Объективности ради следует признать, что писатели, особенно «деревенщики» (В. Белов, Б. Можаяев, В. Распутин, Ф. Абрамов, М. Алексеев и др.), первыми обратили внимание на ряд аграрных проблем истории и современности (коллективизация, голод начала 30-х годов и др.), опередив в этом историков и экономистов.

И в то же время именно литераторы восторгались прошлым деревни (даже сравнительно недавним, например, 20-х годов). На этой почве происходили их столкновения с историками-профессионалами, например, спор Б. Можаяева с В. Даниловым в 1988 г. по поводу характеристики доколхозной русской деревни.

В этих условиях, обращаясь к российскому публицистическому наследию, не стоит забывать, что критическую оценку российской истории давали лучшие русские умы. Причем за критическим взглядом стояло отнюдь не марксистское мировоззрение, а различные направления русской мысли самых разнообразных оттенков⁸¹.

Правда, были примеры и плодотворного обсуждения исторических проблем историками и литераторами⁸². Интересным оказался и публицистический сборник, в котором вместе выступали историки, экономисты, социологи, литераторы и др.⁸³

Многие периодические издания получали необыкновенную популярность именно благодаря интересной и острой публицистике. Так, например, газета «Московские новости» была настолько читаема и популярна, что за 1987 г. была издана отдельной книжкой. Большую популярность благодаря острым публицистическим статьям приобрел журнал «Огонек».

Вообще публицистика в те годы завоевывала прочное место на страницах многих журналов, особенно таких, как «Новый мир», «Юность», «Дружба народов», «Знамя», «Наука и жизнь» и др. Публицистичной была вся неформальная пресса.

Постепенно публицистика выходила на новый этап. Если вначале она в основном осваивала тематику, смело раздвигала свои границы, то затем она стала осмысливать поднятые ею вопросы. Одно дело осудить то или иное явление с нравственной точки зрения, дать ему моральную оценку и другое - теоретически объяснить происходящее, выявить его объективные причины и тенденции.

В своей критической части публицистика корректно отражала действительность: и относительно сложившейся экономической и общественно-политической ситуации в стране и падения морально-этических ценностей, нравственности и т. д. Истоки ошибок и просчетов, естественно, искали в прошлом. Вновь обратились к эпохе сталинизма.

Что касалось будущего страны, то многие связывали его с социалистическим выбором. Они полагали, что только отход от ленинизма привел страну к тяжелым последствиям. Исправление ошибок якобы даст стране возможность вернуться на ленинский путь к социализму. Однако общество прозревало довольно интенсивно, что проявилось, в первую очередь, в выходе публицистики за рамки проблематики сталинской эпохи и обращении к теории и практике большевизма в целом.

Параллельно с ростом внимания к собственному историческому прошлому рос интерес и к западным образцам. Например, рекомендовался (тем же Н. Шмелевым) рецепт американского фермерства (авторы не помышляли о том, что американский фермер генетически не был связан с сельским хозяйством в отличие от российского крестьянства, что российская инфраструктура совершенно непригодна для фермерского хозяйствования). Американские стандарты выдавались за нечто идеальное, к чему мол, надо стремиться.

Итак, в годы так называемой перестройки публицистика вышла за границы известных форм жанра. Устное слово смело внедрялось в массы в аудиториях, на площадях, в производственных и студенческих коллективах. Устраивались всевозможные вечера, доклады, бесконечные «круглые столы».

Как своеобразную разновидность публицистики следует рассматривать листовки и плакаты. Эти листки, написанные от руки или па пишущей машинке, наклеивались на стены, на информационные щиты и представляли из себя эссе, обращения, листовки, предложения, карикатуры.

Публицистика как вид исторических источников дает возможность изучать общественно-политические настроения, определять уровень зрелости общества, тенденции его развития, выявлять актуальные проблемы.

При изучении публицистических произведений важно уметь отделить суть проблемы, поднятой тем или иным автором, от авторских эмоциональных окрасок, запальчивости полемики и противопоставить им хладнокровный анализ сути дела.

ГЛАВА 10

Периодическая печать

1. Официальная периодическая печать

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ печать - одно из средств массовой информации и пропаганды, выпускаемая в определенные промежутки времени. По форме - это газеты, журналы, бюллетени и пр. Ее специфическим свойством является многоплановость. Это синтетический материал, включающий в себя самую разнообразную по жанру, происхождению, содержанию информацию: официальные сообщения и документы, законодательные акты, публицистику, письма, хронику, всевозможную информацию (заметки-отчеты, репортажи, интервью и пр.), объявления, беллетристику, некрологи и т. д.

Важно отметить еще одну особенность газет - оперативность обнародования общественно значимой информации. Периодическая печать, в частности газетная периодика, - мощное средство идеологического воздействия. Недаром же печать нарекли «четвертой властью» (после законодательной, исполнительной и судебной).

Богатство и разнообразие информации периодической печати делает ее многоплановым историческим источником. Изучая только произведения периодической печати, можно составить представление о том или ином государственном строе, социально-экономических отношениях, господствующих идеологиях.

Своеобразие прессы как источника заключается не только в особой информационной функции, в сложности структуры, но и

в разнообразии ее жанров. Условно их можно разделить на три группы: *информативные, аналитические, художественно-публицистические*.

Для первой группы при всем многообразии вариантов общей чертой является стремление наиболее точно передать знание о событии, факте. Однако в этом стремлении к оперативности объективно заложена возможность появления недостаточно проверенной, надежной информации. Основные жанры группы - заметка, отчет, репортаж, интервью. Заметка - это констатация факта, лаконичная передача некоторой суммы сведений без их оценки. Отчет отличается описанием подробности события, деталей. Субъективный план, оценка сведены до минимума. В репортаже передается оперативная информация с места события с четко выраженным авторским отношением к нему. Интервью отражает позиции по какому-либо вопросу сразу двух лиц - журналиста и собеседника. Однако это соотношение может меняться в зависимости от общественного положения, известности того, у кого берется интервью. Этому может противостоять высокий профессионализм и находчивость журналиста.

К аналитическим жанрам относятся корреспонденции, рецензии, статьи. Основная цель этих материалов - передача не столько информации о «событиях, сколько авторских размышлений по поводу их.

В художественно-публицистических жанрах (очерк, фельетон, памфлет) сочетаются документализм и литературный вымысел, дается оценка событиям.

За годы перестройки на страницах газет была популярна рубрика «Ответы на вопросы читателей». На основе всевозрастающих вопросов возникло популярное издание «Аргументы и факты». Это обстоятельство, между прочим, свидетельствует о развитости обратной связи. И в этом отличие именно газеты от любого другого документа.

За годы советской власти сложилась определенная система периодической печати. Это прежде всего партийная печать (вернее, печать КПСС), которую возглавлял центральный орган КПСС - газета «Правда». Партийная печать была представлена также широко разветвленной сетью центральных, республиканских и местных газет и журналов.

Во вторую группу изданий входила советская пресса. Ее центральным органом была газета «Известия» Советов депутатов трудящихся СССР.

Печать общественных организаций составляла третью группу. Сюда относились газеты и журналы профсоюзов, кооперации, комсомола и пр. Наиболее влиятельными в этой группе были

профсоюзная газета «Труд» и орган ЦК ВЛКСМ «Комсомольская правда».

К четвертой группе относились научные издания Академии наук СССР, республиканских и отраслевых академий, а также некоторых высших учебных заведений.

Учет периодических изданий осуществляет Книжная палата, куда поступает вся печатная продукция страны.

В советской идеологии господствовал стереотип: «взяв власть в свои руки, рабочий класс создал пролетарскую печать на совершенно иных принципах»⁸⁴, чем буржуазная печать, что советская пресса - самая правдивая, самая объективная. В качестве обоснования использовали слова В.И. Ленина: «Печать должна служить орудием социалистического строительства, знакомая во всех деталях с успехами образцовых коммун, изучая причины их успеха, приемы их хозяйствования, ставя, с другой стороны, «на черную доску» те коммуны, которые упорно хранят «традиции капитализма...»⁸⁵.

Эту цитату часто использовали историки, журналисты в качестве аргумента в пользу доказательства тезиса о советской печати «как сильнейшего оружия партии, как важнейшего коллективного пропагандиста и организатора борьбы за построение коммунизма»⁸⁶. При этом не замечали, что ленинская фраза - это не оценка свершившегося факта, а лишь пожелание: «печать должна...». Зато работу В.И. Ленина «О характере наших газет», в которой оценивалось истинное положение дел прессы того времени, исследователи упоминают редко⁸⁷.

Ленинские представления о том, какой должна быть печать, переносили на ту прессу, какой она стала в действительности, т. е. далекой от ленинских требований. И складывалось это уже в 20-30-е годы. Читаем одну из дневниковых записей известного революционера-интернационалиста М. Залки (жившего в ту пору в СССР) от 15 августа 1932 г.: «Большевизм теряет популярность. Газеты фальшивы. Все сваливают на границу. Ложь «Правды» - это страшно. Наш рубль стоит 1 коп. Это не кризис, хуже. Мы боимся говорить правду. Никто не смеет начать первым. Между городом и деревней партия вбивает клин»⁸⁸.

Пресса никогда не была свободной, а стало быть, объективной, ни на Западе, ни в СССР, ни в постсоветской России. Станным выглядит, например, заявление авторитетного и высокопрофессионального журналиста, редактора ежемесячника «Лица» Александра Минкина: «Всюду постоянные разговоры о зависимости прессы. О том, какая газета кому принадлежит, с чьего голоса поет, чьи интересы отстаивает... Чепуха. Пресса не может быть зависимой. Она только до тех пор пресса, пока незави-

сима. Став зависимой - она немедленно превращается в пропаганду»⁸⁹.

Но провозглашение независимой прессы, лозунг «свободная печать» выражают скорее пожелание, тенденцию развития прессы в этом направлении. Возможно, только в СССР с отменой цензуры и в постсоветской России стало возникать нечто, похожее на свободную печать.

Точно так же ошибочно широко бытующее суждение, что пресса есть выражение общественного мнения. Пресса всегда и везде имела хозяина, будь то всевластный капитал или имущественная КПСС. В лучшем случае пресса может выражать интересы группы людей - издателей газеты, но отнюдь не общественное мнение. Другое дело, что пресса стремится представить себя выразителем общественного мнения, борется за формирование позиции, якобы выражающей мнение общества.

Выполняя так называемый социальный заказ, т. е. волю хозяина, газетчики и журналисты не останавливались ни перед чем, подбирая нужное и отбрасывая лишнее, и, если надо, лгали, извращали, умалчивали. Умолчание, кстати, является одним из главных приемов советской прессы, вообще средств массовой информации.

Монополия КПСС на прессу самым непосредственным образом сказывалась на облике газет. Бросалась в глаза их одноликость, серость. Еще более скучными были провинциальные газеты, которые на две трети дублировали материал центральной прессы. Так, секретарь Терского райкома КПСС (Мурманская область) В. Лысенко заявил однажды, что «печать должна быть партийной. Только тогда перестройка возможна». В соответствии с подобной теорией он считал, что «газетчик должен бы уже привыкнуть к тому, что первый секретарь - непосредственный участник журналистского процесса, что он публицист, а в практическом смысле слова первый публицист области»⁹⁰.

Как правило, любой районный партийный секретарь придерживался подобных взглядов. Остроумно заметил журналист Э. Поляновский: «Пусть первым публицистом России станет первый секретарь ЦК партии коммунистов, а скажем, в Приволжско-Уральском военном округе - командующий этим округом»⁹¹. Вот, в сущности, во что на практике вылился принцип партийности литературы. Принцип, который советская идеология вывела из работы В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература», написанной в 1905 г.⁹²

Советская пресса никогда не являлась зеркалом, отображающим действительность, да и не ставила перед собой такие задачи. В высказываниях Ленина о газетах ничего не говорилось о чисто информационной функции средств массовой информации. Но

ведь именно ленинские высказывания были положены догматами в фундамент всей теории и практики советской печати. Газеты старались показать жизнь не такой, какая она есть, а такой, какой она должна быть, - согласно официально принятой схеме развития общества.

Помимо тотальной зависимости печати от местных партийно-советских органов на пути свободы слова стояла еще и цензура. Ее в СССР осуществлял Главлит, само упоминание о котором в печати было под запретом. Критика допускалась, но в отдельных случаях, без обобщений.

На деле замалчивались многие проблемы. Вот только перечень тех, о которых писать и говорить было категорически запрещено: межнациональная рознь, привилегии власть имущих, религиозная жизнь, деятельность КГБ, неуставные отношения и преступления в армии, секс и эротика, проституция, гомосексуализм, наркомания, положение в психиатрических больницах, положение в местах лишения свободы, неопознанные летающие объекты, астрология и магия, аварии советских космических кораблей и самолетов.

Информация - это, помимо всего прочего, власть. И говорить о народовластии, ограничивая народ в праве на информацию, - значит лишать его власти.

Если изначально встает вопрос о недоверии к советской печати, то самым серьезнейшим образом повышается роль источниковедческого исследования данного вида источника. Источниковедческая критика не должна быть формальной, ограничиваться только установлением достоверности информации. Лишь теперь перед учеными во весь рост встает задача разработки методов источниковедческого исследования советской периодической печати с целью, в первую очередь, выявить механизм формирования идеологических стереотипов в обществе и идеологического влияния на каждого конкретного человека.

Гласность и демократизация в первую очередь и более всего коснулись нашей печати. Именно в этой сфере общественно-политической жизни произошли наиболее существенные демократические изменения: прежде всего, следует говорить о количественных переменах: газет и журналов стало больше, резко выросли тиражи наиболее популярных изданий. Если раньше местные газеты не знали, о чем писать, - якобы не было материала, - то в 90-е годы появились газеты даже городских районов.

Менялось не только содержание газет, но и сам подход к журналистской деятельности. В средствах массовой информации начал побеждать так называемый англосаксонский принцип журналистики: четкое разделение - новости и аналитический обзор.

В работе газетчиков это имеет колоссальное значение. Репортер всегда испытывает желание дать оценку сообщаемому факту. Однако по свежим, горячим событиям объективно оценить что-либо трудно, более того, возникает опасность извратить суть происходящего. Поэтому констатация фактов, постепенное накапливание информации, метод, безусловно, наиболее предпочтительный, лишенный преждевременных сенсационных выводов. Он дает возможность анализировать факты самому читателю и позволяет ему формировать свое собственное независимое суждение о них. Но читателей-аналитиков, видимо, все же немного. Большинство же требуют от газеты объяснений, оценок, практических выводов и действий. Тем самым они толкают газету на отступление от англосаксонского принципа журналистики. Да и возможно ли осуществить его в полной мере? Это всего лишь тенденция, а не реальная черта печати. Она чаще провозглашает указанный принцип, чем следует ему.

Возрождая лучшие качества демократической прессы буржуазного общества, советская печать перенимала у нее и такие, которым следовать было вовсе не обязательно: склонность к сенсационности, к «жареным фактам». Но это, видимо, неизбежные спутники коммерциализации любого дела, в том числе и газетного.

2. Неофициальная, свободная, альтернативная периодическая печать

Раскрытию темы необходимо предпослать две оговорки: во-первых, название ее условно, а во-вторых, речь пойдет исключительно о событиях конца 80 - начала 90-х годов.

Официальная пресса не всегда являлась достоверным источником по всему комплексу вопросов социально-экономического, политического, культурного развития страны на протяжении всей ее истории. Появившиеся в последние годы исследования аргументированно и на большом количестве примеров доказывают, что в официальной печати имели место значительные искажения фактов, дат, цифр в угоду той или иной идеологической необходимости. Во многих публикациях, особенно касавшихся демократического движения и его представителей или чем-либо не угодивших властям людей, допускались неточное цитирование, изменение смысловых ударений, использование выдернутых из контекста фраз, искажения или прямая подтасовка фактов деятельности и биографии. Все подобные публикации носили ярко выраженный эмоционально-идеологический, а не историко-аналитический характер. Достаточно вспомнить газетные материа-

лы о Б.Л. Пастернаке, А.И. Солженицыне, А.Д. Сахарове, Б.Н. Ельцине.

При этом нередко результат прямо противоположен ожидаемому: значительная часть населения не осуждала активистов-демократов, а сочувствовала им. Особенно это проявилось во время активизации общественного сознания в конце 80 - начале 90-х годов, что приводило даже к существенному общественному резонансу и активизации противодействий. Так, чем больше появлялось инсинуаций в средствах массовой информации в адрес Б.Н. Ельцина, тем популярнее он становился.

Со значительными искажениями освещались социально-экономические проблемы СССР и других стран, преподносились биографии общественно-политических деятелей.

Комплексом неподцензурных материалов являлись самиздат, а затем альтернативная печать. Она выступила как один из важнейших источников, характеризовавших плюрализм общественных интересов. Она не только освещала и иллюстрировала позиции разнообразных общественных движений и групп, но и существенно дополняла факты, излагаемые официальной прессой, склонной к искажению и замалчиванию.

Использовать альтернативную печать как источник очень трудно. Можно встретить целый комплекс проблем, связанных с нахождением, отслеживанием и хранением многочисленных и быстро расхोdivшихся изданий, особенно малотиражных. Если учесть, что за месяц в Москве, например в 1989 г., возникало в среднем около пяти новых изданий и продолжали выходить старые, но отсутствовали центры их хранения, то ясно, что поиск источников - существенная проблема. Некоторые издания стали библиографической редкостью, многие осели исключительно в частных коллекциях. Около половины журналов, газет и различных бюллетеней отпечатано нечетко и на плохой бумаге, поэтому они быстро перестают быть читабельными.

Другой комплекс проблем связан с информативностью, осведомленностью и достоверностью независимой прессы. Определение этих факторов составляет значительную сложность для исследователя. В отличие от официальной прессы альтернативная не проходила цензуру, а публикуемые в ней материалы, как правило, не являлись плодом деятельности коллектива профессиональных журналистов, поэтому вся опубликованная в ней информация оставалась па совести авторов. Альтернативная печать в силу своего положения и недостаточной материальной базы часто пользовалась слухами, сюжетами, часто переданными из вторых рук, непроверенными материалами зарубежной и советской, в том числе местной, печати, а также различных радиостанций.

Это особенно касалось всего, связанного с промышленностью и сельским хозяйством, работой органов власти, правоохранительных служб и т. п.

В альтернативной прессе то и дело в соответствии с симпатиями авторов изданий всплывали построенные на противоречивых сведениях сообщения, например, о заговорах против М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина или Е.К. Лигачева, с указанием конкретных имен заговорщиков, секретных планов их действий, количества привлеченных армейских частей и т. д.

Кроме неверно понятой или переданной информации, имело место желание увеличить популярность издания какой-либо сенсационной публикацией, поэтому некоторые сообщения являлись плодом фантазии авторов.

Неточные сведения во многих случаях связаны с некомпетентностью корреспондентов, плохой телефонной связью, трудностью перевода или просто небрежным обращением с информацией. Из-за этого искажались факты, имена, даты, названия и суть событий. Такое случалось в «Экспресс-хронике», «Гласности» и других изданиях. Часто произвольно выделялось какое-либо событие и замалчивалось другое, казавшееся автору менее важным. Так, делая акцент на правозащитной деятельности, «Экспресс-хроника» не освещала событий, связанных с образованием новых неформальных структур. В целом большинство неподцензурных публикаций были малоинформативны и эмоциональны.

Однако, несмотря на указанные сложности, альтернативная пресса остается наиболее информативным и интересным источником по развитию новых социальных движений в СССР, их взаимоотношениям друг с другом и властями, их теоретическим и программным концепциям. Подобно тому как знакомство с самиздатом 60-70-х годов позволяет заглянуть в лабораторию идей и моделей развития общества, во многом ставших затем основой перестройки, так и анализ теоретических публикаций современной альтернативной прессы позволяет не только обозреть панораму мнений различных общественных слоев и групп, но и зафиксировать развитие идей, которым, возможно, суждено стать главенствующими на дальнейших этапах развития общества.

В то время как официальная пресса лишь изредка публиковала статьи неформалов, а об отношениях отдельных групп и течений друг с другом вообще не имела понятия, в альтернативной печати уже излагалась история отдельных изданий, подбирались документальные материалы по истории общественных движений в СССР, печатались политические обзоры состояния общества в годы перестройки.

Особенно сложен вопрос о верификации альтернативной прессы. Сведения, приводимые в бюллетенях, которые содержат много хроники, дайджестов можно проверить, сравнивая их с данными других альтернативных изданий иного политического направления. Чтобы установить, например, точное число арестованных на Пушкинской площади 18 августа 1988 г. во время митинга Демократического союза или узнать содержание лозунгов этого митинга, нужно сравнить сведения, опубликованные в «Свободном слове» - партийной газете организаторов митинга, в «Экспресс-хронике» и других изданиях.

Такой же метод применяется и в случае необходимости уточнить биографические данные того или иного деятеля, даты проведения съездов, конференций, митингов, собраний.

При оценке информированности и компетентности издания нужно учитывать, что многие журналы публиковали тексты выступлений народных депутатов и членов Верховного Совета - своих политических сторонников, в том числе и выступления, которые не были опубликованы в официальной прессе.

Альтернативная печать является уникальным источником по различным проектам законов, подготавливаемых общественными группами и партиями для своих сторонников в парламенте СССР или союзных республик. В публикациях альтернативной прессы содержатся ценные информационные материалы о событиях в различных регионах страны, о социальных движениях, о новообразованных партиях и объединениях, о деятельности местных властей.

Большое значение имеют публикации о межнациональных отношениях как в общедемократической печати, так и в прессе национальных партий и организаций, народных фронтов, землячеств.

В материалах альтернативной периодики, посвященных культуре, живописи, музыке, кинематографии, достаточно достоверно и, как правило, из первых рук представлены не только новости авангарда, но и концепции развития различных направлений, культурологические эссе. С помощью этих материалов может быть восстановлена картина духовной жизни 80-х годов.

Большое внимание уделялось экологии, религиозно-философской проблематике, общим вопросам культуры. Альтернативные экологические издания фиксировали поворот в мышлении человека конца 80-х годов, приобщая его к новым ценностям.

Альтернативная печать необъятна, как необъятны все грани жизни гражданского общества, дробящиеся на миллионы самых разных интересов. Естественным кажется возникновение семейных журналов, детских и подростковых газет, изданий сторонни-

ков переименования чего-либо и противников этого. Это нормальная жизнь общества, отражающаяся в многообразной неформальной периодике. В настоящее время столь бурного роста прессы уже не наблюдается, так как общество стабилизируется, да и рыночная конкуренция вносит серьезные коррективы. Выживают лишь экономически самые обеспеченные издания. В этом процессе играет свою роль и борьба за обладание средствами массовой информации - этого мощнейшего оружия воздействия на общественное сознание.

3. Методика анализа газет

При источниковедческом исследовании газет,ряду с общими методами источниковедения, необходимо сформировать систему особых методов, поскольку в газете публикуется различный по жанру, происхождению, разновидностям материал. Значит, подход должен быть дифференцированным. Одно дело, скажем, официальная, так сказать безусловная, информация: законы, постановления властей, правительственная хроника и пр. И другое дело захватывающие своей интригой репортажи, сенсационные разоблачения, фантастические открытия и прочие материалы, в которых возможность искажения фактов очень вероятна. Или, например, такой массовый вид источника, как письма в газеты, сравнительно легко может быть классифицирован по тематике, и тем самым в анализе этого материала можно применять количественные методы. Вместе с тем публицистика требует преимущественно сугубо индивидуального подхода в каждом отдельном случае.

Разумеется, есть и общие элементы, определяющие в целом политическую направленность газеты (конечно же, это относится лишь к раннему и завершающему этапам советской истории), что позволяет квалифицировать ту или иную газету как печатный орган, выражающий мнение определенных социальных слоев, политических партий, группировок и т. д.

Как ни странно, но в последние годы при обилии газетной продукции довольно непросто установить самое элементарное - принадлежность печатного органа той или иной организации.

Если в былые годы мы не задумывались о политической ориентации той или иной газеты, ибо в этом не было никакой нужды, поскольку все газеты выдерживали одну политическую линию, то с конца 80-х годов все изменилось. В установлении политического лица газеты могут помочь сами названия газет, например, «Правда Жириновского», упоминания об издателях либо учредителях, а также лозунги, девизы, которых, впрочем, может и не быть.

Поскольку газета является источником многоплановым, сосредоточивающим материал различного происхождения, то и работа над каждой его разновидностью требует различного подхода.

Наибольшее внимание историка привлекают документальные материалы. Эта группа включает в себя следующие разновидности.

1. *Официальные документы* правительства СССР и республик, документы центральных органов КПСС и республиканских компартий, в том числе указы, законы, постановления и др. С 1989 г. публиковались стенограммы съездов Советов СССР и сессий Верховного Совета СССР («Известия» и отдельными изданиями), съездов Советов РСФСР и сессий Верховного Совета РСФСР («Советская Россия»).

Официальные материалы могут быть целиком приняты «на веру», так как публикация их предназначалась для руководителей государственных учреждений и общественных организаций. Правда, может вызывать опасение исследователя неполнота публикации некоторых постановлений правительства. Однако установить это трудно. Ко многим постановлениям имелись обширные приложения, которые не публиковались, а направлялись в заинтересованные министерства и ведомства. Директива, изложенная в постановлении, конкретизировалась, обрастала деталями, разъяснениями, в них более рельефно выступал предлагаемый механизм ее реализации. Читателю газет все эти подробности были не нужны, да и просто не вместились бы в пределах газетных полос. Но для тех отраслей народного хозяйства, которых касалось это постановление, приложения были своего рода инструкциями к действию. И исследователь, не зная о существовании таких приложений (а они отложились в архивах Совета Министров и министерств), многое теряет, а то и просто не понимает сущности того или иного мероприятия власти. Без этих приложений, собственно, трудно представить себе хозяйственную политику правительства в той или иной отрасли во всем ее объеме и конкретном воплощении, причины трудностей ее осуществления и неудач.

К официальным материалам можно отнести сообщения, публиковавшиеся под рубрикой «Хроника». Здесь речь шла о назначениях на новые должности. Этот материал вначале публиковался только в «Известиях», а затем и в «Правительственном вестнике» (выходил с марта 1989 г.) - органе Совета Министров СССР. В связи с этим уместно высказать следующее соображение. Материал о назначениях, по идее, должен содержать ценную информацию. Однако начиная с 1917 г. информация такого рода недостаточна, непоследовательна, случайна, часто вообще отсутствует.

2. *Газетная информация.* По форме - это газетный отчет (краткий или полный), репортаж, интервью. Газетная информация формируется из источников самого различного происхождения.

Во-первых, из сообщений ТАСС, на которые возлагалось распространение по всему СССР и за рубежом политических, экономических, культурных и других сведений, как о СССР, так и об иностранных государствах. Качество и надежность сведений целиком зависели от энергичности, осведомленности, компетентности и добросовестности корреспондентов ТАСС и, в свою очередь, от надежности источников их информации. Информация, переданная корреспондентом ТАСС и обработанная агентством, публиковалась средствами массовой информации в неполном виде⁹³.

В свою очередь, газеты, особенно местные, могли еще более урезать материалы ТАСС. Однако вся главная информация сохранялась в версии ТАСС, и в газетах не допускалась отсебятина.

Во-вторых, источником информации газет могли быть материалы других агентств - иностранных и республиканских. При этом обязательно давалась ссылка на агентство. Газета менее всего была обеспокоена ответственностью за такой материал, потому что действовала по принципу «за что купил, за то и продал». Проверить такую информацию трудно. Сюда же, видимо, можно отнести и перепечатку информации из других газет, ссылка на которые была также обязательна.

В-третьих, источником информации является материал собственных корреспондентов газет. Корреспондентская сеть, ее обширность, квалификация корреспондентов прямо зависят от материального благополучия и политического веса газеты. Чем она богаче и авторитетнее, тем больше у нее возможностей внедриться в самые отдаленные уголки страны и мира. В поисках информации корреспонденты пользуются иной раз добытыми с риском для жизни или сомнительными источниками. Поэтому, дабы обезопасить себя от возможных конфузов, корреспонденты используют в своих репортажах «палочки-выручалочки» типа выражений: «по неофициальным данным», «по непроверенным сведениям» или даже «по слухам». Редакции газет, в свою очередь, сохраняют эти оговорки, также на всякий случай, для страховки собственной репутации.

Сообщения собственных корреспондентов также публиковались неполностью. Проверка их и получение более полной информации об СССР возможна при обращении к местным газетам, в которых та же информация могла публиковаться более подробно.

При проверке достоверного материала всегда важно иметь в виду, что у газеты есть свой архив, к которому полезно обращаться.

ся. Проверить публикуемую информацию сложно, тем более историку, который изучает события многолетней давности.

Иногда сомнительную информацию редакция газеты проверяет сама и, убедившись в недостоверности уже опубликованных фактов, печатает опровержение или поправки. Но в тех случаях, когда сама редакция шла на сознательное искажение фактов, восстановить подлинную картину трудно. И никакая проверка вообще не возможна, если местная печать или корреспондент находится в коррупции с властью.

Особое место среди жанров журналистской работы занимает интервью - один из способов получения информации путем беседы (вопрос-ответ) журналиста с носителем информации, а также форма (жанр) публикации извлеченных сведений периодической печатью.

Интервью берутся с целью сообщить читателю о решении предстоящих политических, экономических или иных задач, либо, наоборот, о событиях прошлого; рассказать о творческих успехах ученых, писателей, артистов; более подробно разъяснить тот или иной факт, вызвавший широкий общественный резонанс, наконец, раскрыть позицию, политические взгляды того или иного деятеля культуры, науки, спорта и т. д.

Критическому анализу интервью помогает определение места того или иного интервью в ряду подобного жанра газетного материала, т. е. интервью квалифицируется с точки зрения систематизации такого материала: по авторству, содержанию, форме, полноте передачи и по иным критериям. Это позволяет глубже проанализировать информационные возможности источника, обеспечить высокий уровень его источниковедческой критики. *Требуется* выяснить подлинность интервью, ибо мнимых интервью вполне достаточно.

Интервью стало популярным жанром подачи материала. Иногда - это форма организации материала, когда никакого интервью не было и в помине. Например, по предложению редакции автор какой-либо уже подготовленной статьи превращает свой материал в мнимый диалог с работником редакции: сам ставит вопросы и сам же на них отвечает. Однако это остается редакционной тайной. Читателю же безразлично, состоялась ли такая беседа или она придумана. Для источниковедения такой материал надежен, так как авторский текст хорошо продуман, а все редакционные изменения обычно согласовываются с автором.

При анализе интервью следует учитывать, что оно дается для опубликования, поэтому интервьюируемый может в силу различных причин прибегать к попыткам передать информацию сознательно искаженной, а также недоговоренной.

В заключение рассмотрим еще один принципиальный вопрос, касающийся анализа газетного материала. Нередко можно встретить утверждение, что газеты - материал нужный, но не самый важный, а, скорее второстепенный, дополнительный или даже иллюстративный. Но все зависит не столько от источника, сколько от избранной темы исследования. Скажем, для изучения политической истории, общественного сознания, истории культуры газета - важнейший и незаменимый источник. Даже газетная ложь - показатель культурного развития общества, уровня его цивилизации.

ГЛАВА 11

Источники личного происхождения

1. Мемуары и дневники

МЕМУАРЫ - специфический жанр литературы, особенностью которого является документальность. При этом документальность их основывается на свидетельских показаниях мемуаристов, очевидцев описываемых событий. Воспоминания помогают восстановить множество фактов, которые не отразились в других источниках. Мемуарные частности могут иметь решающее значение для реконструкции того или иного события.

И если уж кто-то взялся за перо, то читатель вправе надеяться узнать правду. Однако по меньшей мере три обстоятельства мешают авторам выполнить свои благие намерения.

Во-первых, это память, которая с годами, увы, слабеет. Во-вторых, это особенности индивидуального психического склада, в силу чего человек помнит одно и забывает другое. В-третьих, это особенности условий, эпохи, когда создавались мемуары. Эти особенности так или иначе, но обязательно накладывают отпечаток на мировоззрение автора, на степень правдивости, сокрытия или искажения тех или иных фактов. Вообще-то, это свойство всех мемуаров, но мемуаров советской эпохи особенно.

Воспоминания - это не только беспристрастная фиксация событий прошлого, это и исповедь, и оправдание, и обвинение, и раздумья личности. Поэтому мемуары, как никакой другой документ, субъективны. Это не недостаток, а свойство мемуаров, ибо они несут на себе отпечаток личности автора. Все достоинства и недостатки мемуариста невольно переносятся и на воспоминания. В противном случае мемуары безлики. Иногда в исторической литературе, в учебниках субъективность мемуаров если и не оцени-

вается открыто как недостаток, то подразумевается. Однако иными мемуары быть не могут, Их субъективность есть объективно присущее им свойство.

Особая ценность мемуаров состоит в том, что наша история плохо отражена в документах. Можно согласиться с Р.А. Медведевым, который говорил: «... наша отечественная история гораздо меньше отражена в документах, чем в умах людей. Эта особенность связана с характером Сталина и сталинского периода. Нам в помине не был присущ немецкий педантизм, когда в документах фиксируется все до мельчайших подробностей: численность лагерей во время войны, количество заключенных, число вырванных у них золотых зубов, вес волос и т. д. В нашей истории такая точность отсутствует, многие архивы уничтожены, нет и никогда не было многих важных документов. Сталин запрещал записывать даже свои собственные приказы на заседаниях Ставки главнокомандующего. Протоколы заседаний Политбюро не велись. Сталин запрещал фиксировать свои телефонные разговоры. Все это лишает историка документов, лишает возможности оценить, где правда, где ложь».

Многие люди, рано понявшие необходимость компенсации утерянной информации, обратились к записям воспоминаний современников. В числе первых был и Р.А. Медведев. Он рассказывает: «...после XX съезда партии я понял, что моя задача - зафиксировать то, что исчезает вместе с людьми. Я приходил к старым большевикам, писателям и всем тем, кто хотел что-то рассказать, и я записывал»⁹⁴.

Характерные черты, особенности советских мемуаров состоят в следующем:

идеологическая заданность и «выдержанность»; эти качества на всех уровнях контролирующих инстанций соблюдались особенно строго;

выбор тем и набор сюжетов;

не личные переживания автора, а событие или вождь - объект воспоминаний;

стремление быть сопричастным к тому или иному событию;

стандартизация в характеристиках ситуаций, людей;

формирование образа врага;

недоговоренность, наличие фигуры умолчания, эзопов язык.

Однако многие особенности мемуаристики сохранились и в советских мемуарах.

Человеческие слабости понятны. У мемуариста всегда велик иску́с отвести себе места в истории чуть больше заслуженного, выглядеть чуть лучше, чем быть на самом деле. Преодолеть это не просто. Главная же сложность состоит в том, что мысли мемуари-

ста, умудренного опытом, уже знающего все последствия описываемых событий прошлого, эти мысли, вольные или невольные, часто вкладываются в голову того, может быть, даже совсем не прозорливого, и совсем далее не смелого, и далеко не сообразительного участника давней истории, каковым мемуарист был когда-то.

Таким образом, к мемуарам, как к любым другим источникам, необходим критический подход. В источниковедении отработана технология критического анализа мемуаров.

Прежде всего, необходимо изучить личность автора, время и место действия описываемых событий. Очень важно установить положение, занимаемое автором воспоминаний в происходивших событиях, а значит, его осведомленность о них.

Важным вопросом критического анализа мемуаров является установление источников осведомленности автора. Помимо собственной памяти мемуарист привлекает дополнительные материалы, по крайней мере, в трех случаях: для того, чтобы восстановить в памяти ход событий; для цельности изложения той их части, в которой автор непосредственного участия не принимал; наконец, для большей убедительности своих доводов.

Источники бывают *письменными* и *устными*. Письменными могут быть оперативные документы военных штабов, отрывки из писем и дневников, листовки, сообщения периодической печати и пр. В военных мемуарах особенно много приводится штабных документов.

Не менее часто привлекаются устные источники. Нередко чей-то рассказ является единственным каналом знаний о том или ином факте. Основным источником остается память. И здесь многое зависит и от надежности памяти мемуариста и от его способности максимально точно передать читателю то или иное событие. Большое значение имеет время, прошедшее со времени события до повествования о нем мемуариста. Чем длительнее временное расстояние, тем большая вероятность искажения, утраты деталей, фамилий действующих лиц и т. д. Вместе с тем временная дистанция дает возможность спокойнее и объективнее оценить прошлое, более взвешенно расставить акценты, выделить из частного главное и т. д.

Один из эффективных методов проверки полноты и достоверности мемуаров - их сопоставление с другими источниками, в которых описываемые события так или иначе пересекаются с событийной канвой анализируемых мемуаров.

Какое место занимают мемуары в ряду других источников? Нередко им отводят второстепенную роль, а то и вовсе низводят до иллюстративного материала. Значение мемуаров зависит от темы, к разработке которой они привлечены. Скажем, для напи-

сания биографии писателя, для воссоздания политической истории страны, для реконструкции какого-либо исторического факта мемуары - важный источник. Для создания широких социально-экономических полостей прошлого, описания массовых общественных движений, изучения истории народного хозяйства мемуары играют второстепенную (или даже третьестепенную) роль, уступая место статистическим данным, отчетам и пр.

Надо помнить еще об одном обстоятельстве. Мемуары возникли как жанр художественной литературы, т. е. это материал не столько для исследований, сколько для чтения, часто занятого. Историки же, забывая об этом, подходят к мемуарам исключительно как к историческому источнику. Такой подход порождает претензии к мемуаристу относительно его попыток придать воспоминаниям черты занимательности. Не находит сочувствия и наличие эмоциональных впечатлений, равным образом и попытка анализа тех или иных событий. Историк требует только фактов. Это, конечно, его право (и его ограниченность!), но есть и право автора иметь свой взгляд на прошлое.

По истории советского общества отложилось значительное количество самых разнообразных мемуаров. Их можно сгруппировать по определенным признакам. Так, воспоминания можно группировать по *тематическо-хронологическому* принципу (воспоминания о революции, о событиях 20-30-х годов, об Отечественной войне и т. д.), по происхождению (военные мемуары, театральные, воспоминания участников революции и т. д.).

Можно сгруппировать их по *разновидностям*:

1. Собственно классические воспоминания.
2. Тематически формальные записи (например, «Записки об А. Ахматовой» Л.К. Чуковской).
3. Сюжетные, или путевые, записи, по содержанию больше похожие на очерки.
4. Воспоминания, написанные с помощью анкет. Эти небольшие по объему воспоминания (3-5 страниц) написаны в 20-е годы. Малограмотным рабочим, крестьянам, солдатам «помогали вспоминать» свои впечатления о революции и гражданской войне сотрудники Истпарта, «Крестьянской газеты» под руководством Я.А. Яковлева и др. (Подобный метод перекликается с современной методикой устной истории.)
5. Мемуары, которые помогали и вспоминать и, главное, написать. Речь идет о литературных записях, активно применявшихся в 50-70-е годы. Суть их заключалась в том, что «большие люди» - маршалы, генералы и прочие неискушенные писательской работой лица приглашали на помощь писателей и журналистов, которые делали их воспоминания связными.

6. Воспоминания, создаваемые с активным участием «помощников». Привлечение помощников к «творчеству» партийной номенклатуры (доклады, статьи, речи и т. д.) распространялось вплоть до написания мемуаров или их подготовки партийно-государственным деятелям. А с появлением технических средств (диктофоны, магнитофоны) роль помощников возросла. Сами авторы лишь надиктовывали свои рассказы (наиболее характерный случай - мемуары Н.С. Хрущева). Помощники расшифровывали их, переписывали на бумагу, придавали изначальный более или менее стройный вид.

7. Воспоминания, изложенные по рассказам автора другим лицом. Таковы, например, воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной (Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. М., 1994).

8. Мемуары, подготовленные к изданию после смерти автора родственниками и близкими покойного (например, воспоминания А.Д. Сахарова, Л.М. Кагановича и др.). Особенность таких произведений заключается в том, что иногда содержание текста выбирается из вариантов, из большого количества имеющегося материала уже без участия автора. Так, из пяти тысяч страниц машинописного текста Кагановича в издание вошли лишь «наиболее интересные», по мнению составителей, фрагменты.

9. «Воспоминания детей». Волна «детских» воспоминаний прокатилась в конце 80 - в 90-х годах. Заслуживают внимания два аспекта. Первый, как дополнение к мемуарам «отцов»: приводится много новых сведений о том, как писались и издавались мемуары отцов (воспоминания дочери маршала Г.К. Жукова, сыновей Н.С. Хрущева, А.И. Микояна и др.). Второй: своеобразное оправдание деятельности своих отцов (воспоминания Л.Н. Игнатьева, С. Берии и др.). В 1994 г. даже открылась новая серия мемуаров «Осмысление века: дети об отцах». Первыми в серии вышли воспоминания С. Берии «Мой отец - Лаврентий Берия» (М., 1994).

10. Мемуары, которые условно можно назвать «Подлинный автор неизвестен». Это мемуары, целиком написанные нанятыми лицами, которые пользовались имеющимися в их распоряжении биографическими материалами, а также в какой-то мере рассказами будущих «авторов» (так называемые воспоминания Л.И. Брежнева, К.С. Станиславского).

Разнообразие жанра мемуаров пополнилось в конце XX в. следующими формами:

блиц-воспоминания, или «мини-мемуары», - коротенькие воспоминания на газетную полоску (или даже часть ее), предназначенные для периодической печати. Сюда можно отнести два рода

воспоминаний: а) по свежим следам недавних событий (воспоминания Л. Собчака об августовских событиях 1991 г.); б) о событиях многолетней давности, связанных с каким-либо примечательным эпизодом («Как нас готовили на войну» А. Скороходова с Берией, записи о совещании в ЦК ВКП(б) по поводу журналов «Звезда» и «Ленинград» и др.) или посвященные отдельным личностям (В.И. Ленину, Г.К. Жукову и др.);

«новая», или «лагерная», проза («Колымские рассказы» В. Шаламова, недетские рассказы детского писателя Л. Разгона и др.);

устные рассказы (И. Андронников, М. Ромм и др.). Им явно присущи элементы занимательности, но в их основе лежат достоверные факты;

«историческое интервью» (магнитофонные записи Г.А. Куманева и др.). Этот жанр плавно переходит в устную историю;

устная история, т. е. запись устных воспоминаний. Но, в сущности, эти рассказы становятся чем-то иным, как только переносятся на бумагу. Это схоже с надиктованными воспоминаниями «больших людей», «историческими интервью» и «анкетным методом» (как в 20-е годы) воспоминаний⁹⁵.

«феномен» записей, осуществлявшихся Р. Медведевым, Ю. Семеновым, К. Каримовым и другими. Ключевым моментом таких воспоминаний является формула: «Говорят, что...», «Я слышал, что...», «Из кругов, близких к... стало известно». Как правило, это любопытные, порой интригующие, пикантные сведения, но их трудно или даже невозможно проверить. Поэтому читатель вынужден либо поверить в поведенное, либо усомниться. В сущности, такую информацию можно отнести к мифам, слухам, легендам, историческим анекдотам.

К мемуарам можно отнести и *автобиографические описания*:

- автобиографии, специально написанные для публикации (автобиография П. Сорокина, автобиографии революционных деятелей, подготовленные для энциклопедического словаря Гранат и т. д.);

- служебные автобиографии, находящиеся в личных делах сотрудников учреждений или в следственных материалах судебных инстанций;

- ответы па вопросы анкет на различных съездах (партийных, государственных и пр.).

Элементы автобиографий можно найти в других видах источников (например, письма, мемуары и т. д.);

- автобиографические повести и романы. Этот жанр художественной литературы (например, повести К.Г. Паустовского) в принципе призван быть фактически достоверным. Впрочем, ничто не обязывает автора быть во всем документально точным;

продолжает развиваться такой вид мемуаров, которые традиционно именуют «Записки иностранцев о России».

К разновидностям мемуарной литературы следует отнести *дневники* и различные *дневниковые записи*. Можно выделить несколько типов по:

объему (краткие либо развернутые записи);
регулярности (довольно частые, систематические либо записи, производимые время от времени, с большими перерывами);
датировке (строго и всегда датируемые либо датируемые небрежно и даже вовсе недатируемые).

Сюда же относятся: дневники, охватывающие события лишь определенного, порой незначительного, промежутка времени (например, походный дневник);

дневники, перерастающие в жанр литературы (дневники М. Пришвина, т. е. без малейшей доли вымысла, - «опоэтизированная» форма).

Есть литературные произведения, строго основанные на фактах, нередко фиксируемых в предварительных черновых записках (см., например, «Ледовую книгу» Ю. Смуула).

Подробнее остановимся на дневниках, приведенных в форме художественного вымысла. Собственно, любой вид мемуарной литературы, особенно дневники, записки имеют тенденцию перерастать в жанр чисто художественной литературы (М.А. Булгаков «Записки на манжете» и др.), т. е. становиться художественным вымыслом, формой, жанром художественного отражения жизни в соответствии с видением ее автором и его фантазией. Писатели не просто заимствуют готовую форму - как раз, исходя из свойств человеческой психики, это перерастание, по существу, изначально присуще человеку как свойство вольного или невольного искажения реалий (каждый видит мир по-своему).

2. Письма

Письма - уникальный, ни на что не похожий вид исторического источника. Они представляют большую ценность для исторических исследований. Письма - самое распространенное в советское время средство общения между людьми, а также между обществом и властью. Они могут лечь в основу изучения широких общественных настроений. Дневники и воспоминания в этой связи явно проигрывают, так как их значительно меньше и писали их далеко не все, а чаще всего люди образованные. К тому же мемуары, как правило, несут на себе печать социального и политического заказа и целевой установки.

С точки зрения видовой принадлежности, письма можно рассматривать в нескольких ипостасях:

- 1) как газетный жанр;
- 2) как разновидность делопроизводственных документов, т. е. послание в государственные и общественные учреждения;
- 3) письма известным политическим деятелям, артистам, писателям и т. д.;
- 4) как разновидность эпистолярного жанра, т. е. частная переписка.

Соответственно данной группировке письма можно было бы рассмотреть в тех или иных разделах учебного пособия (периодическая печать, делопроизводственная документация, документы личного происхождения). Наиболее целесообразно изучать письма как личные документы, поскольку в основе своей все они личного происхождения.

Выделение писем в самостоятельную группу желательно и потому, что это уникальный источник, пренебрежительное отношение к которому в местах хранения резко снижает возможность изучения социальной истории, изучения человека, личности.

Письма плохо сохраняются. Те же, что дошли до нас, рассеяны по разным архивам, фондам, коллекциям. Чтобы получить более или менее целостное представление о произошедших в обществе социальных процессах, необходима громадная поисковая работа с письмами, их сбор и изучение с точки зрения представительности, анализа содержания, информационной ценности, возможностей использования и т. д.

Найти более или менее устойчивые комплексы писем - задача трудная или даже почти безнадежная.

Теперь рассмотрим каждую из подгрупп подробнее.

1. Постоянная почта в газеты, в том числе письма, опубликованные и отложившиеся в архиве газеты, обширна. О ее размерах могут дать представление такие данные. Например, в «Московскую правду» с начала и по сентябрь 1988 г. поступило 46 684 письма, 1 060 из них опубликованы. Получено 638 ответов на критические выступления газеты, 211 опубликованы, 8 810 писем поступили из министерств, ведомств, партийных и советских органов, организаций и учреждений в ответ на письма с просьбой о принятии мер⁹⁶.

Большинство писем - жалобы. В целом же рассказать о содержании писем в газеты и различные инстанции невозможно. В свое время известный журналист 20-30-х годов М. Кольцов писал, что в газеты читатели пишут обо всем. Можно услышать отчаянный вопль о смысле жизни собирающегося покончить жизнь самоубийством или чью-то жалобу на отсутствие в городе приличного казино.

Особо можно выделить подгруппу писем, полученных в связи с каким-нибудь юбилеем или знаменательным событием, обсуждением какого-либо важного документа, государственного или партийного. Таким письмам повезло. Им уготовлено вечное хранение в государственных архивах.

2. Постоянная почта в государственные и общественные учреждения - это жалобы, претензии, предложения, доносы и прочее, т. е. почти то же самое, что и письма в газеты. Эти письма - великолепный источник. О чем только люди не пишут! Если бы все это можно было сохранить. Но, увы. Срок хранения этих материалов в учреждениях три года. На государственное хранение в архив они не поступают и уничтожаются.

Правда, исключения составляют письма за ранние годы. Например, сохраняются письма-жалобы на продразверстку. Они поступали из всех губерний. Отношение к ним со стороны наркомпрода было твердым и неуклонным. От всех продорганов он требовал рассматривать жалобы только в тех местах, в которых разверстка выполнена на 60 %⁹⁷.

Характерно, что из хранящихся в фонде наркомпрода жалоб, поступавших в его адрес, а также пересланных из канцелярии Совнаркома, из ВЦИК, ЦК РКП(б), подавляющее количество было послано из потребляющих губерний (Владимирская, Тверская, Нижегородская, Калужская, Костромская, Ярославская и др.). Большинство жалоб на чрезмерность разверстки поступало от отдельных лиц.

3. Большую почту получали и получают политические и общественные деятели. Огромная почта была у В.И. Ленина, И.В. Сталина, М.И. Калинина и других деятелей. Письма к Ленину широко публиковались как в центре, так и на местах.

Много писем поступает и писателям, артистам, спортсменам. Например, в личном фонде писателя И.Г. Эренбурга в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) собрано более 30 тысяч писем.

4. Среди частной переписки есть письма к родным, друзьям, знакомым, т. е. речь идет о вполне устойчивой переписке, которую с полным основанием можно причислить к *эпистолярному* жанру.

Семейная переписка ныне удел лишь семейных архивов. На государственное хранение они, как правило, не попадают. Кое-что, конечно, можно встретить в личных фондах архивов, но это все же письма известных людей.

Случаются, правда, исключения, например фронтовые письма или письма с целины.

В целом же эпистолярный жанр вырождается. Технический прогресс, особенно всеобщая телефонизация, этому активно спо-

собствует. А в XIX в. умели и любили писать. Было принято писать длинные письма, которые подчас становились едва ли не художественными, публицистическими или философскими произведениями. Это был самостоятельный жанр со своими нормами и канонами. В них авторы подробно излагали свои мысли и чувства, оценивали происходившие события, рассказывали о своей жизни и деятельности. Правда, и в XX в. сохранились более или менее значительные комплексы подобной документации.

Во всех группах имеются однотипные документы. В одних больше, в других меньше. Что это за документы? Их можно классифицировать на следующие группы: а. просьбы; б. жалобы; в. информативные письма; г. разоблачающие и критикующие действия отдельных должностных лиц и учреждений; д. предложения и проекты; е. условно говоря, «философские письма», т. е. письма-раздумья о понимании автором тех или иных теоретических положений, ситуаций в области политики, экономики, в сфере духовной жизни; ж. поздравительные письма; з. доносы.

Некоторые редакции сохранили письма в своих архивах. Представляет интерес сравнить письма с их публикацией. Иногда такая возможность весьма упрощается. Так, редакция «Крестьянской газеты» до 1925 г. после обработки писем помечала, опубликованы они или нет, а если да, то в какое время.

Уникальный комплекс документов - архив писем крестьян в «Крестьянскую газету». Каких только сообщений не было с мест! Представитель наркомпроста 20-х годов, отвечавший за работу с крестьянской почтой, охарактеризовал крестьянские письма следующим образом: «Большинство писем, по существу, есть вопль крестьян на беззаконие, объектом которого он является». Письма содержали в себе столь богатую информацию, что, по мнению сотрудников наркомзема, «наркоматы сами должны были идти в редакцию газеты за письмами, а не дожидаться, когда их пришлют»⁹⁸.

Письма рассказывают о положении на местах, о действиях представителей советской власти и партии, об отношении крестьян к Советам, партии, кооперации, колхозам. Большой интерес представляют крестьянские письма, в которых излагается их понимание или непонимание социализма. Здесь и уверенность в его победе, и разочарование, и неприятие. Довольно характерно, что в крестьянских письмах о социализме сложно переплетаются наивные утопические представления, близкие к религиозным, с упрощенными схемами, возникавшими под влиянием полуграмотных речей агитаторов и пропагандистской литературы. Авторы писем сравнивают будущую жизнь с «райской жизнью», она видится им как «картина какого-то блаженства», когда социализм будет «царствовать в природе роскоши».

Большинство этих, так сказать, «моделей» социализма были далеки от реалий, поскольку вообще никто не представлял себе, что означает иностранное слово «социализм».

Довольно рано в письмах крестьян начало прослеживаться беспокойство по поводу организации колхозов, растущего отчуждения власти от земледельца. Взорвала деревню наметившаяся тенденция использовать хлебозаготовительный пресс в виде рычага ускорения обобществления сельского хозяйства. Опасно становилось мужику, как отмечалось в письме, пришедшему в Москву из семипалатинских степей во время посевной кампании 1928 г., «много сеять, скота держать, машинами обзаводиться, улучшать постройки скотдворов, жилища приводить в приличный вид, обносить тесом ограду и даже ремонтировать старые постройки, прилично одеться и обуться, а потому мне как бы работать совсем не нужно, а то навлечешь на себя гнев, классовую вражду, отберут хозяйство, лишат гражданских прав»⁹⁹.

В письмах рассказывалось о возникновении кризиса в стране, о запущенности легкой индустрии, о том, что взяты слишком высокие темпы коллективизации.

Нарастал поток жалоб на перегибы в хлебозаготовках, повлекших к изъятию семенного материала и продовольственного фонда колхозов, шли заявления с просьбой вернуть имущество, изъятые за штрафы, наложенные за выполнение твердых заданий по заготовкам и налогам.

Еще не началась массовая коллективизация, еще не было всех ее безобразий, а крестьянин уже чувствовал реальную угрозу. «Если интересы середняка не будут своевременно защищены от всяких неправильных выпадов, он работать будет мало, хозяйство сократит насколько возможно и от него никакой пользы государству не будет», - пытались предупредить селькоры Вотской области. «Снова отбивают желание у граждан трудиться и заставляют быть бедняком», - жаловались в «Крестьянскую газету» в феврале 1929 г. ярославские крестьяне¹⁰⁰.

Писем, относящихся к периоду коллективизации, гораздо меньше. Они свидетельствуют о том, что с началом коллективизации массовый отток из деревни принимал все более широкие масштабы. Основной отлив из деревни в город пришелся на 1931 г., когда мигрировало четыре миллиона сельских жителей.

Письма рассказывают, как зарождались колхозы и почему люди стремились избежать быть колхозниками. Письма говорят о том, что становление колхозного строя сопровождалось падением сельскохозяйственного производства, организационной неурядицей и острыми социальными конфликтами.

Между тем газеты сообщали о массовых решениях крестьян об образовании новых колхозов, об их успешной работе и несравненном превосходстве над единоличниками. Как строились бодрые репортажи, раскрывалось в одном из писем, направленных в «Правду» из Нижне-Волжского края. Возражая против утверждения, что «пожелания перехода в колхоз в формах резолюций в печать присылают сами колхозники», автор в противовес этому в доказательство составления подобных резолюций приводит следующую картину: «В одном селе я наблюдаю выставку. До осмотра экспонатов - митинг. Говорят речи: председатель рика, агроном, избач, председатель сельсовета и секретарь; представитель рика и агроном - о государственных достижениях и притом расхваливают колхозную совместную обработку земли и ее преимущества перед частной обработкой и прочее. Члены сельсовета говорят о достижениях нашего села. Когда председатель вика кончил свою речь и начали говорить другие, то он начал писать резолюцию о пожелании устройства земельного общества. Кончив писать, читает, что земельное общество берет на себя распространение займа индустриализации на каждый двор, в текущем году хочет образовать два крупных коллектива и проч. Кончил читать - просит крестьян говорить с мест. Кто за и кто против? Все молчат, никто ни слова. Встает избач, повторяет этот вопрос, опять молчание. Председатель вика говорит - значит, все согласны? В толпе смех. Вот неопровержимая картина самотечного колхозного движения. Вот какие сведения дают в печать о колхозном движении и ими руководствуется партия, большая часть из них вымышленные фальшивки, составленные такими партийцами, кои преследуют цель своего личного выдвижения, а молчание крестьян - результат нежелания и запуганности шпионажем, ссылками, конфискацией и разными тяжкими налогами»¹⁰¹.

Письма периода коллективизации могут дополнить секретные обзоры писем, составлявшиеся для высоких инстанций.

Среди поступающих писем всегда имелись такие, в которых описывались негативные факты. Авторы таких писем квалифицировались как недоброжелатели, распространители вымыслов, враги народа. Поэтому подборки таких писем формировались отдельно, им присваивались спецназвания: «враждебные отклики», «факты отрицательного характера» и пр.

Однако кто-то должен был знать о причинах и масштабах негативных явлений. Для функционеров готовились обзоры.

Много писем поступало в связи с коллективизацией. Сводки о ходе ее под грифом «секретно» редакции газет направляли в секретную часть наркомзема и в иные инстанции. Наркомзем получал их и из других организаций, куда поступало много писем, например, из

секретариата Совнаркома СССР по приему заявлений и жалоб. Подобные приемные были в ЦК ВКП(б), у М.И. Калинина и др.

Справки о ходе коллективизации готовило и ОГПУ на основе собственных источников информации. Их составляли в информационном отделе ОГПУ под руководством Агаянца, Запорожца и других. Справки под грифом «совершенно секретно» предназначались узкому кругу лиц, прежде всего, конечно же, вождю и его доверительному окружению - В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу, Г.К. Орджоникидзе, а также группе чекистов во главе с Г.Г. Ягодой - С.А. Мессингу, Е.Г. Евдокимову, А.Х. Артузову, Я. Ольскому, Г.И. Бокию, С.Я. Агранову и другим. Не забывали и наркома земледелия Я.А. Яковлева.

Таким образом Сталин и его окружение узнавали о происходившем. Но воспринимали-то они это как некоторый срыв, заминку на фоне тотального успеха. Именно успех вскружил головы, породил самоуверенность, которая, в свою очередь, приводила к ошибкам и искажениям. Сталин и его люди воспринимали преступление против крестьян всего лишь как ошибки и искривления генеральной линии партии, которая в основе своей считалась правильной! В ее истинности никто не сомневался. Поэтому «конструкторы крестьянского счастья» могли исправлять какие-то частности, ради чего, кстати, и была написана статья Сталина «Головокружение от успехов», но они не в состоянии были осознать преступность своих благих намерений сделать крестьянство зажиточным, а колхозы богатыми любой ценой. И дело не в них - такова природа этого режима, что по-иному и быть не могло.

В РГАЭ отложилось немало подобных материалов, недавно рассекреченных¹⁰². Сводки по письмам составляли многие газеты - «Правда», «Гудок», «Социалистическое земледелие», «Крестьянская газета» и др. Их готовили в специальных отделах. Например, в «Правде» такое подразделение называлось отделом расследования и читки, а в «Крестьянской газете» - отделом крестьянских писем. Обзоры охватывали события на протяжении от двух-трех недель до нескольких месяцев.

Документально четко оформленный обзор, например правдинский, датировался, ему придавался номер; далее следовали очень важные пояснения. Во-первых, указывалось, что «сводка составлена по неопубликованным и непроверенным письмам». Во-вторых, отмечалось, что «в сводку взяты наиболее характерные факты отрицательного порядка. Таких писем за последние месяцы поступило очень много. Но они ни в коем случае не могут служить измерителем настроений крестьянской массы в целом». Последняя фраза примечательна. Она превентивна, чтобы смягчить возможное недовольство начальства, огорченного не радую-

щей информацией. Однако в действительности было другое. Последовавшие массовые выходы из колхозов весной 1930 г. подтвердили всеобщее недовольство крестьян коллективизацией.

Следует попутно отметить, что некоторые газеты, например «Социалистическое земледелие», иногда проверяли полученную информацию, и в таких случаях обзоры сопровождались словами «факты подтвердились». Но проверялся, естественно, далеко не каждый негативный факт, ибо их было много.

И наконец, еще один аргумент в пользу достоверности информации с мест: в этих, в конечном счете однотипных, источниках, без труда прочитываются два лейтмотива - страх крестьян и насилие государства.

Сама сводка представляет собой обзор «наиболее характерных фактов из писем» и содержит информацию как бы двух уровней: сведения очевидцев с мест и реакцию на них определенного слоя идеологических надсмотрщиков. Внешне выглядит это незамысловато: выдержка из письма или несколько однотипных отрывков и короткий комментарий обозревателя. В конце некоторых обзоров как своеобразное приложение целиком помещались наиболее интересные документы. Разумеется, факты толковались в духе времени, согласно позиции «генеральной линии» партии. Многие безобразия и преступления объяснялись неподготовленностью партийных организаций к умелому руководству начавшимся массовым колхозным движением, а в ряде случаев даже ошибочностью их действий и происками кулачества и антисоветских элементов. Противоестественность происходившего, конечно же, даже не приходила в голову. Твердокаменная партийная «целостность» обозревателей, видимо, порой все же раскалывалась перед жуткими картинами коллективизации, - в чиновнике пробуждается просто человек. И тогда он включает без всякого комментария целиком наиболее яркие письма.

Количество сводок, найденных в архивах, постепенно уменьшалось. В жизнь вторгались материалы иного рода...

Источники начала 30-х годов свидетельствуют о нарастании общественного недовольства, которое выражалось в тысячах писем, жалоб, обращений к властям по поводу обострения продовольственных затруднений, отвратительного питания в рабочих столовых, безобразий, творившихся в очередях. Но это недовольство не переросло в массовый открытый социальный протест. Этому мешал страх перед властью, отсутствие консолидации людей и многое другое. Общественную сопротивляемость со второй половины 30-х годов определенно ослабляли письма-доносы, которых становилось все больше. Они разрушали моральный климат общества, способствовали его расколу.

Использование писем в историческом исследовании

После того как письма отрабатываются в редакциях газет (изложенные факты проверены корреспондентами, предприняты меры для устранения недостатков, написаны ответы адресатам и пр.), их оперативная жизнь кончается. Сохраненным письмам предстоит дальнейшая жизнь:

1. Они могут быть опубликованы в различных сборниках документов или специальных журнальных подборках.

2. Наиболее интересные письма выставляются в виде экспозиции в музеях, особенно краеведческих.

3. Хранящиеся в архивах, а чаще опубликованные в газетах письма используют в научных исследованиях. Однако эффективность их использования довольно низкая. Обычно для иллюстрации какого-либо положения автор приводит для примера два-три или более подобных документа. В сущности это иллюстративный метод. Лишь достаточно большая совокупность писем дает балу для анализа и делает аргументацию вполне доказательной. Такую возможность предоставляет применение контентанализа - метода количественной обработки описательных документов¹⁰³.

Источники, которые мы рассмотрели, в историографии традиционно именуются как «письма трудящихся». Однако гораздо справедливее ее назвать письмами «маленького человека», адресованными анонимному образу ВЛАСТИ, даже в персонифицированной форме отдельных личных представителей власти. «Маленьким человеком», т. е. бесправной личностью, может оказаться любой человек: «псевдогражданин» - принципиально не гражданского общества.

ГЛАВА 12

Источники российской эмиграции

1. Первые эмигрантские публикации на родине

ТРУДНО поверить в то, что в 20-е годы в СССР можно было ознакомиться с эмигрантскими изданиями. Более того, их даже перепечатывали в России (затем в СССР). И инициатором этого был В.И. Ленин. Он видел полезность такого начинания, его определенный практический смысл. Ленин писал: «Полезно бывает иногда взглянуть, как со стороны люди судят о нас... Поучи-

тельны взгляды и прямых врагов, и прикрытых врагов, и неопределенных, но «сочувствующих» людей, если это сколько-нибудь толковые, знающие и чуточку смыслящие в политике люди»¹⁰⁴.

В январе 1920 г. В.И. Ленин дал указание о том, чтобы государственные библиотеки «немедленно начали собирать и хранить все белогвардейские газеты (русские и заграничные)» и чтобы «все военные и гражданские власти собирали и сдавали эти газеты в государственные библиотеки»¹⁰⁵ - «для хранения и общественного пользования»¹⁰⁶.

Но существовала и необходимость исторического объяснения случившегося. Для большевиков важно было противопоставить выходявшим работам эмигрантов нечто свое. К тому же большевики явно запаздывали с толкованием событий революции и гражданской войны.

На IX конференции РКП(б) М.Н. Покровский говорил: «В то время как за границей... Милюков со свойственной ему усидчивостью ...выпускает том за томом историю революции», «белогвардейские генералы и полковники... издают одну книжку за другой об эпизодах войны», «у нас по этой части ничего нет»¹⁰⁷. Он поддерживал идею публикации эмигрантских материалов. Аналогичный замысел возник и в отношении мемуаров политических деятелей периода революции.

Замысел издания мемуаров из враждебного большевикам лагеря в 20-е годы стал воплощаться, прежде всего в серии «Революция и гражданская война в описании белогвардейцев». В первом томе, вышедшем в 1925 г., были собраны работы М.В. Родзянко, В.В. Шульгина, П.Н. Милюкова, Д.А. Деникина, А.А. Вырубовой-Танеевой и других деятелей.

Затем подобная литература оказалась в спецхране. Начались попытки пересмотреть вопрос об использовании эмигрантских источников и дать иную оценку усилиям историков по их выявлению и введению в научный оборот. Так, И.Л. Шерман сделал подсчет публикаций документов по истории гражданской войны в первое десятилетие по ее окончании и показал, что из «60 журнальных публикаций 36, т. е. почти 60% были подборками документов белогвардейского, националистического происхождения, а также документов, принадлежащих интервентам». Это послужило основанием для отрицательной оценки публикаторской практики в журналах, особенно в «Красном архиве»¹⁰⁸. Работы историков, в которых встречались слова «деникинщина», «махновщина», «колчаковщина»¹⁰⁹, иногда относили к работам по истории контрреволюции. Подобные нарекания мешали выявлению соотношения сил борющихся сторон и воспроизведению верной картины гражданской войны.

Новый подход к переизданию материалов русского зарубежья приходится на конец 80-х годов, Тогда же начался их интенсивный выход в свет.

2. Основные группы источников

К 1993 г. за рубежом проживало, по некоторым данным, 28 млн русских. Выходцы из России оказались разбросанными по всему белому свету. По-разному сложилась их судьба, но на всех континентах и в разных странах они оставили и оставляют комплексы самых разнообразных материалов, которые дают возможность не только изучить жизнь эмигрантов, но и показывают их отношение к событиям, происходившим в России. Что думали, что писали о нас наши соотечественники? К примеру, как они восприняли всенародное воодушевление советских людей по поводу обещанного Н.С. Хрущевым коммунизма? Это совершенно новый пласт материалов, который только начинает осваиваться. Приблизительный состав материалов русской эмиграции выглядит следующим образом:

1. Философская, религиозная, экономическая и другая научная литература.
2. Художественная литература.
3. Периодическая печать. Публицистика.
4. Документы политических партий и союзов, общественных групп творческих объединений, военных, национальных, религиозных и прочих организаций.
5. Документы личного происхождения: а) мемуары; б) дневники; в) переписка; г) семейные архивы¹¹⁰.
6. Архивные коллекции, хранящиеся в архивах и библиотеках университетов, государственных и общественных организаций иностранных государств.

Ориентироваться в многообразии опубликованной эмигрантской литературы помогают различные библиографические указатели, изданные за рубежом и в нашей стране¹¹¹.

Теперь обратимся к характеристике названных групп. Причем эта характеристика будет дана не в порядке, перечисленном выше, а в зависимости от степени доступности этих материалов для читателя. Кроме того, такие группы, как научная и художественная литература, настолько объемны, разнообразны, а главное, специфичны, что требуют специального рассмотрения.

Периодическая печать. Для выявления периодических изданий служат названные выше библиографические указатели эмигрантской литературы, специальные указатели эмигрантской периоди-

ческой печати¹¹², а также указатель, подготовленный Исторической публичной библиотекой¹¹³.

Очаги российской культуры оказались рассеянными по всем континентам. Наиболее крупные образовались в Европе: в Праге, Берлине, Софии, Белграде, Париже. География русского рассеяния была поразительной: Египет, Парагвай, Абиссиния, Филиппины, Китай и др. У той или иной общности эмигрантов рано или поздно нарождалась мысль о создании собственного печатного органа. Точно определить количество таких периодических изданий трудно, так как полный комплект того или иного журнала или газеты - большая редкость даже в крупнейших отечественных и зарубежных библиотеках.

Многие издания существовали недолго, периодичность их выпуска нарушалась. Наиболее устойчивыми в довоенный период были: «Последние новости», «Возрождение», «Дни», «Руль», «Современные записки», «Воля России», «Русская мысль» - в Европе, «Новое русское слово» - в Америке. Журнал «Рубеж», издававшийся в Китае, просуществовал 20 лет.

Периодические издания выпускались представителями всех политических течений эмиграции: монархистами, кадетами, меньшевиками и др. Однако выдержать четкую партийную линию было непросто, и это удавалось немногим изданиям. Большинство же довольно быстро теряло свое партийное лицо.

Тематика изданий была разнообразной: выходили общественно-политические, литературно-художественные, военные, религиозные журналы, газеты, бюллетени. Многие издания наряду с материалами, соответствовавшими профилю журнала или газеты, стремились иметь литературно-художественный отдел. Крупнейшие писатели, поэты, критики русского зарубежья постоянно отдавали туда свои сочинения.

Большую часть литературы русского зарубежья составляет политическая публицистика, философская проза, мемуары, причем мемуары в основном публиковались в периодических изданиях.

Не было ни одного значительного события в России и жизни эмиграции, которое бы не отразилось в эмигрантской периодической печати.

С 1918 по 1931 г. за границей существовало 1 005 русских периодических изданий. По американским источникам, с 1918 по 1968 г. в эмиграции вышло более тысячи романов, более тысячи сборников стихов русских поэтов.

Вначале русская эмиграция сосредоточивалась преимущественно в Германии. В Берлине имелось 36 русских издательств, выходила дюжина журналов и альманахов. Затем основным центром

русской литературной эмиграции стал Париж. Одним из первых серьезных периодических изданий русского зарубежья была газета «Последние новости», в издании которой участвовали И.Л. Бунин, Н. Тэффи, А.М. Толстой. Через некоторое время «Последние новости», стали как бы центральной газетой русской эмиграции. Начав выходить с апреля 1920 г., она просуществовала довольно долго - до оккупации Парижа немцами в 1940 г. Газету издавали П.Н. Милюков и его соратники.

С 1925 г. в Париже начала выходить газета «Возрождение», основанная известным нефтепромышленником А.О. Гукасовым. Первым ее редактором был П.Б. Струве. Газета пропагандировала идеалы белого движения и его заграничного руководства - «Российского общественного союза» (выходила до 1940 г.). Наконец, в Париже издавалась и третья русская ежедневная газета - «Дни» А.В. Керенского.

Русские газеты выходили и в других центрах эмиграции - в Берлине, Варшаве, Харбине. Из газет, выпускавшихся в Берлине, наверное, самой серьезной была газета «Руль», начавшаяся издаваться в конце 20-х годов под редакцией И.Б. Гессена и В.Д. Набокова. Позиции газеты мало чем отличались от взглядов «Возрождения».

В Варшаве заметной была газета «За свободу». Редактировал ее Д.В. Философов совместно с Б.В. Савинковым, Д.С. Мережковским и З.Н. Гиппиус до того, как Мережковский и Гиппиус переехали в Париж.

Первый большой литературный журнал русской эмиграции - «Грядущая Россия». Два номера вышли в Париже в 1920 г. Журнал редактировали М.А. Алданов, А.М. Толстой и Н.В. Чайковский. Но по финансовым причинам в том же 1920 г. журнал прекратил свое существование. Вместо него возникли «Современные записки», - журнал, ставший основным общественно-литературным органом русского зарубежья. «Современные записки» складывались как журнал вполне определенного общественного направления. Задуман он был деятелями эсеровской партии М.В. Вишняком, А.И. Гуковским, В.В. Рудневым. Позже к ним примкнули Н.Д. Авксентьев и И.И. Фондаменский. Журнал публиковал материалы по истории и русской культуре. Политическим лозунгом журнала стал призыв к демократическому обновлению России. Подтверждалась преданность февральской революции и отрицалась октябрьская. Такая платформа сразу же привлекла к сотрудничеству в журнале З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и других. Постепенно журнал отходил от эсеровской платформы, расширял свою политическую ориентацию. Последний номер журнала вышел в 1940 г.

Если «Современные записки» замышлялись как издание эсеровской партии «правого» толка, то представители «левого» направления тоже имели свои издания. Одним из них стала ежедневная газета «Воля России». Издавали ее члены эсеровской партии В.М. Зензинов, В.И. Лебедев, О.С. Минор. В издании газеты участвовали также А.В. Керенский, М. Сломим, В. Сухомлин, В.И. Лебедев.

После закрытия газеты в конце 1921 г. в Праге стал издаваться еженедельник «Воля России», который постепенно превратился в ежемесячник. В 1927 г. журнал печатался в Париже, а в 1932 г. прекратил существование. Журнал утверждал, что пришло «время отказаться от надежд на свержение советской власти при помощи поенных акций и что не следует протестовать, против ее международного признания». «Воля России» объявляла себя наследницей революционного народничества как одного из основных направлений русской общественной мысли, подчеркивая решительное несогласие с марксизмом. Журнал в отличие от «Современных записок», в которых большое место занимали проблемы культуры, гораздо большее внимание уделял социальной и политической проблематике.

Политические партии, группы, течения России всегда отличались каким-то перманентным дроблением, отделением, соединением. Подобное продолжалось и в эмиграции.

Большие и малые разногласия особенно заметны в публицистике. Для размежевания сил значительным событием стал выход в свет сборника «Смена вех» (Прага, 1921 г.). В нем участвовали малоизвестные тогда литераторы Н.В. Устрялов, Ю.В. Ключников, Ю.Н. Потехин. Все они раньше были связаны с белым движением. Теперь же они призывали эмиграцию пойти, «покаявшись», к советской власти, заняться просвещением народа, принять участие в экономическом развитии страны. Но этот переход декларировался не как поддержка, а как «преодоление» большевизма, которое якобы уже началось в самой России¹¹⁴.

Замысел преодоления большевизма тесно связывался с идеей «термидора», родившейся в рядах русского зарубежья весной 1921 г. Так, уже 3 марта, откликаясь на события в Кронштадте, Б. Мирский писал в парижской газете «Последние новости» о неизбежном приближении «термидора», который станет закономерным этапом русской революции, отражением стремления народа к стабильности, порядку и демократии. «Термидор», полагал он, естественно, вырастает из революционного процесса и приведет к падению большевиков¹¹⁵.

Известный публицист, активный участник «Смен вех» Н.В. Устрялов придерживался иных позиций. Он считал, что большеви-

ки, выполнив разрушительные задачи революции, победив в борьбе за власть, сами должны были изменить и изменили свой курс, переориентировав его на экономические и политические ценности. Это не торжество контрреволюции, утверждал Устрялов, а потому «термидор» вовсе не должен непременно сопровождаться сменой стоящей у власти партии¹¹⁶.

Гораздо более осторожными и пессимистическими были прогнозы деятелей «левой» эмиграции, некогда близких к большевикам. Л. Мартов в статье «Ленин против коммунизма» полагал, что вступление на путь «термидора» в экономической сфере происходит при сохранении политической власти в руках большевиков - недавних «якобинцев». В такой ситуации велика опасность возникновения бонапартизма, т. е., в интерпретации Мартова, антидемократического (а не демократического, как думали другие) курса, опирающегося при подавлении народа на военную и гражданскую бюрократию, курса, питающегося решить неотложные экономические задачи силами этой бюрократии¹¹⁷.

Несколько позднее и примерно в том же роде стал говорить и писать о «термидоре» (или об «опасности термидора») Л.Д. Троцкий, для которого это понятие в значительной мере сливалось с бонапартизмом. Под «термидором» он понимал бюрократическое перерождение коммунистической партии и советской власти, превращение их в послушное орудие диктатуры Сталина.

Сейчас, но прошествии времени, можно сказать, что точнее всех понял и спрогнозировал ситуацию Мартов. Однако реальное развитие событий было все-таки гораздо сложнее и не вписывалось и схему «экономический термидор-политический бонапартизм», и дело не в том, что «термидор» так и не был реализован в ходе развития революции - ни экономический, ни политический. События в годы нэпа пошли по иному пути.

С конца 20-х годов начался новый этап развития русской литературной эмиграции, в том числе публицистики. Во главу угла встали острейшие вопросы экономического развития России.

В начале 30-х годов во Франции разразился жестокий экономический кризис. Париж оказался переполненным безработными. Для эмигрантов наступили тяжелые времена. Многие русские издательства закрылись. Но не все. В эти годы выходили интересные работы, и частности экономистов. В парижских журналах «Современные записки» и «Русские записки» печатались Б.Д. Бруцкус, Е. Юрьевский, Г. Федотов, Солонович, Федоров, Загорский. Они освещали все стороны жизни советского общества. Работы экономистов выделялись своей злободневностью. Именно экономисты русского зарубежья первыми показали провал первой пятилетки¹¹⁸, сущность коллективизации и ее последст-

вия, голод 1932/33 гг. прежде всего¹¹⁹. Советские же историки смогли об этом заговорить лишь спустя более полувека

Ныне из многого, о чем писали эмигранты в 20-30-е годы, подтверждается исследованиями современных историков и экономистов. А ведь эмигранты решали эти задачи на ограниченном материале. Они освещали все стороны жизни советского общества, используя в качестве источников советские материалы: периодическую печать, статистику, а также свидетельства туристов и деловых людей, побывавших в СССР.

К советским публикациям эмигранты относились скептически. «Литература изогалась в России», - сетовал Г. Федотов¹²⁰. «Советская статистика лжива до мозга костей» - вторил ему Е. Юрьевский¹²¹.

Свидетельства иностранцев - хороший источник, но далеко не бесспорный. У него есть свои достоинства и недостатки. Конечно, со стороны всегда виднее. Но иностранцы не всё понимали, мерили Россию своими мерками.

Эмиграция пользовалась преимущественно советскими источниками, но делала свои, прямо противоположные советским официальным версиям, выводы и объяснения происходившим в СССР процессам. Подтверждение тому, в частности, полученный в СССР агентурными путями протокол заседания совета Российского торгово-промышленного и финансового союза, состоявшегося 30 октября 1929 г. в Париже. (14 ноября он был представлен Сталину, Молотову, Ягоде и др.)

На заседании обсуждался доклад К.И. Зайцева на тему «Крестьянская политика Советской власти», которую докладчик охарактеризовал как политику удушения крестьянства, в результате которой «деревня разоряется, крестьян охватывает хозяйственная апатия», внешняя и внутренняя торговля находится в параличе, «страна не доедает, и широко развивается подпольная торговля».

Несмотря на довольно точное определение ситуации в СССР, некоторые участники заседания, отмечая достоинство доклада, высказали сомнение относительно источников информации. Так, Б.П. Рябушинский заявил, что «содержание доклада основано на советских материалах, которые, конечно, дают впечатление большой энергии. Реальное же значение всех советских мероприятий ничтожно. ...Поэтому с большим правом можно утверждать, что все выступления большевиков на сельскохозяйственном фронте свидетельствуют о безнадежности их политики. Вся их энергия характеризуется внешними выступлениями, а в низах, в деревне, они сводятся к нулю».

В 20-е годы в Праге был создан русский научный центр - «Экономический кабинет С.Н. Прокоповича». Успех работы цен-

тра во многом зависел от изначальной постановки сотрудниками принципиально важного вопроса: можно ли для объективной характеристики хозяйства СССР пользоваться официальной советской статистикой? В ее достоверности они справедливо сомневались. Однако квалифицированное изучение советской литературы, скрупулезный анализ и сопоставление фактов позволило им пользоваться этими материалами. С.Н. Прокопович и его сотрудники никогда не прибегали к материалам, появлявшимся на страницах эмигрантской печати, а строили свои выводы исключительно на советской информации, какой бы сложной для расшифровки и получения относительно надежных сведений она ни была.

3. Документы политических партий и союзов, общественных групп, творческих объединений, национальных и религиозных организаций

За рубежом оказались представители всех политических партий России - от бывшего большевика Л.Д. Троцкого до кадета П.Н. Милюкова, остатки белогвардейских армий, из которых образовались различные военизированные организации, промышленники, профессора университетов, писатели, артисты и пр. Из этой среды возникали различные политизированные группы с целью освободить Россию от большевиков.

Каждая из них стремилась иметь свой печатный орган. Большевики, например, его имели в лице «Социалистического вестника». Он был основан в Берлине Л. Мартовым и продержался довольно долго - более 40 лет (с 1921 по 1965 г.). Кроме того, бюро ЦК меньшевиков издавало в 20-е годы журнал «Социал-демократ».

У эсеров наиболее заметным изданием был журнал «Революционная Россия», в котором публиковались важнейшие партийные документы: резолюции съездов и конференций, постановления высших органов партии. Этот центральный орган партии основали С.Н. Постников и В.М. Чернов в 1920 г. Он издавался в разных местах - в Берлине, Праге и в других городах. До 1931 г., когда журнал прекратил свое существование, вышло 78 номеров.

В среде русской эмиграции возникали также разные общественные, литературные, военные, религиозные и прочие организации. Так, в Париже действовал Российский торгово-промышленный и финансовый союз, который объединял соотечественников из деловых кругов.

Все эти организации обрастали программной и иной документацией, которая частично обнародовалась, а также откладывалась в архивах этих организаций, судьба которых была разной. Некоторые документы оседали в частных, семейных архивах.

Довольно представительной группой источников являются мемуары. Они стали появляться довольно рано - с начала 20-х годов. Можно в зависимости от общественного положения авторов выделить несколько групп: военные мемуары, воспоминания общественных и политических деятелей, мемуары и дневники писателей.

К поенным мемуарам относятся воспоминания генералов А. Будберга, И.Н. Краснова, А.С. Лукомского, А.П. Родзянко, полковника Г.В. Енборисова и других¹²².

Особое место среди военных мемуаров занимают мемуарно-исследовательские работы А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. Бывший главнокомандующий вооруженными силами на юге России (ВСЮР) генерал-лейтенант А.И. Деникин был одним из первых авторов, издавших почти сразу же после окончания гражданской войны свою книгу «Очерки русской смуты»¹²³. То же самое можно сказать и о «Записках» П.Н. Врангеля, сменившего Деникина на посту главнокомандующего ВСЮР¹²⁴. Но если мемуары Деникина охватывают довольно широкий спектр вопросов и в них прослеживаются события гражданской войны на всей территории бывшей Российской империи, Врангель пишет только о своем участии в войне на юге России.

Представляет интерес и исследовательская работа генерала Н.Н. Головина¹²⁵, поскольку она содержит множество документов. Каждый том сочинения как бы делится на две части, Первая - это непосредственно текст автора, а вторая - приложения, которых в книге 80. Это самые разнообразные документы - от манифестов об отречении Николая II и Михаила до приказов Донского правительства.

К воспоминаниям общественных политических деятелей относятся мемуары А. Аргунова, М.С. Маргулиса, Г.В. Немирович-Данченко, М.А. Нестерович-Берг, В.А. Оболенского, Л.В. Половцева, Г.Н. Раковского, В.В. Шульгина и других,

Меньшевизм как течение партийной мысли и взгляд на прошлое сквозь призму классической социал-демократии сохраняли Ф.И. Дан, И.Г. Церетели, С. Волин и другие.

Много размышлял о прошлом лидер эсеров В.М. Чернов¹²⁶.

Наиболее плодовитым и авторитетным историком партии левых стал один из ее бывших лидеров, бывший нарком юстиции в Советском правительстве И.З. Штейнберг. В эмиграции он опубликовал десятки статей и несколько крупных работ мемуарного ха-

рактера, в том числе «От февраля по Октябрь 1917 года» (Берлин, Милан, б. г.), «Нравственный лик революции» (Берлин, 1922).

С конца 80-х годов в СССР резко возрос интерес к русскому зарубежью. Начали расширяться контакты с эмигрантами, издаваться произведения уехавших за рубеж писателей. Переиздаются вышедшие десятилетия назад мемуары русских общественных деятелей, писателей, военных: П.Н. Милокова, М.В. Родзянко, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля, Б.В. Савинкова и других¹²⁷. Эти материалы серьезно дополняют и корректируют содержание мемуаров советских авторов, освещают порой хорошо известные позиции с неожиданной стороны или совсем иначе. Тем самым появилась возможность преодолеть односторонность произведений советских мемуаристов, а то и просто их откровенную ложь.

Но только с конца 80-х годов началось их активное переиздание. Воспоминания содержат множество интересных подробностей, неизвестных ранее фактов. Вместе с тем они еще более рельефно, чем прежде, демонстрируют утопическую наивность взглядов некоторых политических деятелей, например В.М. Чернова.

Документы политических партий и группировок, общественных организаций, белогвардейских армий, антисоветских правительств в той части, что оседала за рубежом, находятся преимущественно в архивах различных стран.

4. Архивные материалы

Одним из первых очагов собрания документов по истории русской революции стал созданный эмигрантами в 20-30-е годы Русский заграничный исторический архив в Праге («Пражский архив»). После войны он был передан в СССР и ныне хранится в ГАРФ. Это великолепное собрание мемуаров (более 500), различных документов, книг, которые, кстати, подверглись нещадному хищению.

«Пражский архив» содержит личные фонды известных военных и общественных деятелей - А.И. Деникина, М.С. Маргулиса, С.П. Постникова, В.В. Шульгина и других. Здесь также собрана обширная переписка. Помимо документов личного происхождения имеются документы антибольшевистских правительств: законодательные акты, распоряжения властей, обращения к населению, листовки и пр.

Некоторые эмигрантские коллекции передавались на хранение в различные иностранные центры гуманитарных исследований. Одним из таковых является Гуверовский институт войны, революции и мира Стенфордского университета (США) (бывшая

Гуверовская библиотека войны). Здесь хранится большая коллекция документов Б. Николаевского. Они содержат материалы по истории политических движений в России, отдельных политических деятелей, ученых, литераторов, например, В.М. Чернова, А.В. Чаянова, Валентинова (Вольского) и других¹²⁹.

Здесь же, кстати, хранится любопытная рукопись «Энциклопедия белого движения», составленная журналистом газеты «Русская жизнь» из Сан-Франциско А. Марковым и переданная в 1959 г. в Стенфордский университет. Там же хранится и «Казачья энциклопедия».

Покидая СССР, Л.Д. Троцкий увез значительную часть своего архива. Он продал его Гарвардскому университету США незадолго до своей гибели. Ныне архив Троцкого, в котором собрано свыше 17,5 тыс. документов, хранится в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета. Перу Троцкого принадлежит 4,5 тыс., остальные - корреспонденция к нему. Документы охватывают период с мая 1917 г. по 1940 г.

В США, как ни в какой другой стране, сосредоточено большое количество научных центров с российской документацией. В Национальном архиве (Вашингтон) хранятся нашумевшие материалы Смоленского обкома ВКП(б), захваченные немецкими фашистами и вывезенные в Германию, а затем в качестве трофейных поступившие в архив США.

Коллекция мемуарной литературы о февральской и октябрьской революциях 1917 г., материалы о восстании крестьян в Тамбовской губернии и другие документы хранятся в Архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете.

Более мелкие коллекции по истории революции и советского общества имеются в других научных центрах США - в Йельском университете (Нью-Хейвен), Еврейском научном институте (Нью-Йорк), Историческом обществе штата Мэриленд и в др.

Большое собрание русских документов, особенно по истории эсеров, а также по правозащитному и диссидентскому движению в СССР хранится в Амстердаме (Нидерланды).

Сказанным, пожалуй, можно и ограничиться, хотя бы по двум причинам. Во-первых, речь пошла уже не об эмигрантских хранилищах, а о национальных организациях соответствующих стран, а во-вторых, сведения о подобных хранилищах подробно сообщаются в учебниках по архивоведческим дисциплинам.

Примечания

- ¹ Дела давно минувших дней? Как бы не так. По Уфе бегает по инстанциям подросток, требуя выдать ему паспорт, в котором будет записано другое имя. Нынешнее же чудовищно - Леундеж, представляющее собой аббревиатуру: Ленин Умер, Но Дело Его Живет (Мегаполис-Экспресс. 1998. М 5. 4 февр. С. 2).
- ² Советская культура. 1989. 4 нояб.
- ³ Аргументы и факты. 1995. № 44, С. 16. (Книга же вышла и 1998 г. См.: *Окуневская Т.* Татьянин день. М., 1998.)
- ⁴ Мегаполис-Экспресс. 1998. № 5. 4 февр. С. 2.
- ⁵ Там же. № 6. 11 февр. С. 2.
- ⁶ В этом неоценимую помощь оказывают различные словари. См., например: *Балдаев Д.С.* Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. М., 1997; *Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга: Сленговые слова и выражения 60-90 гг. М., 1997; и др.
- ⁷ *Черноморский М.Н.* Источниковедение истории СССР: Советский период. М., 1976. С. 7.
- ⁸ *Икрамов К.* Дело моего отца: Роман-хроника // Зная. 1989. № 6, С. 40.
- ⁹ Данное обстоятельство отразилось и на чисто формальном наименовании законодательных актов. Время до 1986 г. (особенно «декретный» период) характеризуется отсутствием устойчивой терминологии. Разнородные по содержанию и функциональному назначению документы иногда обозначались одинаково, а однородные по содержанию акты именовались по-разному.
- ¹⁰ На основе союзного законодательства и в его развитие законодательные акты принимались союзными и автономными республиками, постановления и распоряжения - местными советами.
- ¹¹ Труды I Всероссийского съезда земледельцев, комбедов и коммун. М., 1919. С. 42.
- ¹² *Селюнин В.* Нельзя быть бедным при таком богатстве // Крокодил. 1990. № 28. С. 4.
- ¹³ См.: *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом: Статьи и речи. М, 1970. Т. 2. С. 92, 100.
- ¹⁴ Вечерняя Москва. 1992. 16 марта.
- ¹⁵ Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927. М., 1990. Т. 1-4.
- ¹⁶ Программа «Союза 17 октября», утвержденная Московским центральным комитетом. М., 1906; Программа партии социалистов-революционеров. М., 1917; Программы главнейших русских партий. / Под ред. А. Стеблова и И. Сахарова. М., 1917; Сборник программ политических партий России: Партии демократические / Под ред. И.В. Владиславского. М., 1917. Вып. 1; Программы российских политических партий. Полный текст программ партий с.-д., с.-р., народных социалистов, трудовиков, к.-д. с вступительными замечками С.Г. Михайлова. Пг., 1917; и др.
- ¹⁷ Программа партии народной свободы (конституционно-демократической). Полтава, 1917.
- ¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 1. С. 170-178.
- ¹⁹ Протоколы I съезда ПСР. Спб., 1906.
- ²⁰ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф.504. Оп. 1.Д. 3. Л. 157.
- ²¹ Программа трудовой (народно-социалистической) партии // Народно-социалистическое обозрение. Спб., 1906. Вып. 1.

- ²² Знамя трудовой коммуны. 1918. 21 авг.
- ²³ Программа партии революционного коммунизма. Принята на 4-м съезде ПРК. М., 1920.
- ²⁴ Протоколы Первого Всероссийского съезда партии анархистов-коммунистов. 25-28 декабря 1918 г. Б.м., 1910.
- ²⁵ Правда. 1919. 28 нояб.
- ²⁶ Суханов Н. Записки о революции. Пг., 1919. Кн. 1.
- ²⁷ Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии: В 6 т. 1905-1911 гг. М., 1994. Т. 1. (Остальные тома - в работе); Меньшевики в 1917 г.: В 3 т. Т. 1. От января до июльских событий. М., 1994; Т. 2. От июльских событий до Корниловского мятежа. М., 1995. (Третий том - и производстве); Программы политических партий России. Конец XIX - начало XX п. М., 1995.
- ²⁸ См. подробнее: Токарев Ю.С. Общие вопросы источниковедения истории Октябрьской революции // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1909. С. 50.
- ²⁹ Самодеятельные организации СССР. М., 1989; Справочник периодического самиздата: Обзор независимой прессы. М., 1989-1990; Неформальная Россия: О неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР: Опыт справочника. М., 1990. Последний справочник - своего рода опыт создания своеобразной «Малой энциклопедии общественных движений России». Справочный материал разделен составителями по трем блокам; РСФСР (областные и национальные регионы), Москва и область, Ленинград и область. Приведены алфавитные указатели по названиям групп и городов (для РСФСР). Всего представлены материалы о «неформальных объединениях» 75 городов; в целом по РСФСР о 140 группах. Приводятся отрывочные сведения еще о 76 группах; по Москве и области - полные данные о 91 группе и отрывочные - о 32; по Ленинграду и области - полные данные о 17 группах и отрывочные сведения о 10. Сведения об объединениях представлены в виде справок-визиток, в которых указано, когда и как они образовались, каков их социальный состав (численность, цели и задачи, направления деятельности). Дается перечень важнейших дел и мероприятий большинства формирований, приводятся темы дискуссий или обсуждений на собраниях, указываются названия, тиражи и объемы их самодеятельных печатных изданий. По Москве также представлены не только местные, но и всесоюзные или республиканские организации, штаб-квартиры которых находятся в столице. В основу справочного текста положены материалы почтового и телефонного опроса представителей «неформальных объединений», личные наблюдения и беседы составителей с членами этих организаций, материалы «самиздата», центральной и местной прессы. Информация дается по состоянию на июнь-август 1989 г.
- ³⁰ Капитанов С.М. Акты новейшего времени // Источниковедение XX столетия. М., 1993. С. 101-102.
- ³¹ Отнесение межгосударственных договоров к актовым источникам не является безусловным. Ряд авторов рассматривают эти документы как разновидность законодательных актов.
- ³² Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989. С. 175.
- ³³ См., например: Кабанов В.В. Документация сельского схода в первые годы Советской власти (1917-1920 гг.) // Археогр. ежегодник за 1985 г. М., 1986.
- ³⁴ Многие разновидности этой группы исторических источников, так же, как обязательства, договоры, контракты, трудовые соглашения и другие, можно рассматривать и в составе актов (см. главу «Акты»).

- ³⁵ *Большаков А.М.* Деревня. 1917-1927. М., 1927. С. 7-8.
- ³⁶ РГАЭ. Ф. 3983. Оп. 2. Д. 466. Л. 34-35.
- ³⁷ См.: *Бармина З.В.* Документальные материалы народного комиссариата земледелия СССР как источник по истории сельского хозяйства и предвоенные годы третьей пятилетки (1938-июнь 1941 гг.); Автореф. канд. дис. М., 1907. С. 10-20.
- ³⁸ См.; *Виллан М.А.* Материалы Наркомфина СССР как источник по истории советской деревни // Источниковедение истории советского общества. М., 1968. Вып. II. С. 356 и далее.
- ³⁹ Огонек. 1989. № 51. С. 32.
- ⁴⁰ *Лебедев В.Л.* Правящая партия оставалась подпольной // Источник. 1993. № 5-6. С. 88-95.
- ⁴¹ *Валкогинов Д.А.* Семь вождей. М., 1995. Кн. 1. С. 356.
- ⁴² Государственный архив РФ. Ф. 687.
- ⁴³ См.: Статистический словарь / Ред. М.А. Королев. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 474. В книге приводятся определения статистики, учитывающие различные ее аспекты.
- ⁴⁴ *Дзержинский Ф.Э.* Избранные произведения: В 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 497.
- ⁴⁵ *Селюнин В., Ханин Г.* Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 181-182.
- ⁴⁶ *Беликова Г., Шохин А.* Теневая экономика // Огонек. 1987. № 51, С. 28.
- ⁴⁷ *Толыч М.* Сколько же нас было? // Огонек. 1988. № 51, С. 10.
- ⁴⁸ Впервые ЦСУ СССР ввело в оборот новые данные в 1959 г., включив их в сборник «Народное хозяйство СССР в 1958 г.».
- ⁴⁹ Дружба народов. 1988. № 11. С. 190.
- ⁵⁰ *Иваницкий И.А.* Холод 1932-1933 годов: Кто виноват // Голод 1932-1933 годов. М., 1995. С. 64.
- ⁵¹ См.: *Вересов Д.* Историческая демография СССР. Бетон, 1987.
- ⁵² *Безансон А.* Русское прошлое и настоящее. Лондон, 1984. С. 294-295.
- ⁵³ *Вересов Д.* Указ. соч. С. 21.
- ⁵⁴ *Вересов Д.* Там же. С. 22.
- ⁵⁵ *Ваксберг А.* Бурные аплодисменты // Литературная газета. 1988. 21 сент.
- ⁵⁵ *Горбачев М. С.* Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 38.
- ⁵⁶ Материалы пленума Центрального Комитета КПСС 25-26 июня 1987 года. М., 1987. С. 20 и др.
- ⁵⁷ Правда. 1988. 24 июля.
- ⁵⁸ Правда. 1989. 25 окт.
- ⁶⁰ Вечерняя Москва. 1990. 7 ноября.
- ⁶¹ Ответственность следователя: Беседа с заместителем министра внутренних дел СССР генерал-лейтенантом милиции В.В. Заботиным // Советская Россия. 1988. 17 авг.
- ⁶² *Шаталин С.* Хочу признать свою ошибку // Социалистическая индустрия. 1988. 30 окт.
- ⁶³ *Пинскер Б.* Инфляционные явления или инфляция // Горизонт. 1990. № 2. С. 30.
- ⁶⁴ Строго говоря, материалы планирования не есть вид исторических источников, поскольку они включают в себя комплекс самых различных документов. План как итоговый, обобщающий документ - лишь вершина айсберга подготовительных материалов. Имел это в виду, в дальнейшем, однако, мы будем оперировать преимущественно лишь с окончательными данными, изложенными в итоговом документе, который имел силу закона и, значит, был обязательным для выполнения.
- ⁶⁵ Правда. 1988. 28 окт.
- ⁶⁶ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 339.

- ⁶⁷ ЭКО. 1988. № 8. С. 0-7.
- ⁶⁸ Правда. 1981. 25 февр.
- ⁶⁹ См.: ЭКО. 1987. № 11. С. 60; Прайда. 1981. 26 февр.
- ⁷⁰ Правда. 1980. 24 окт.; 1982. 24 янв.
- ⁷¹ Известия. 1983. 23 сент.
- ⁷² Горький М. Несвоевременные мысли, М., 1990.
- ⁷³ Великая Отечественная война: Литературно-художественный сборник. М., 1942.
- ⁷⁴ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966, Мб 38. С. 319.
- ⁷⁵ См.: Ципко А. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11, 12; 1989. № 1, 2; Гагнус А. Что сделал ты с братом своим? // Театр. 1989. № 6.
- ⁷⁶ Нуйкин Л. Да здравствует социализм! // Огонек. 1990. № 31; Он же. Идеалы и интересы // Новый мир. № 1, 2; Клямкин И. Была ли альтернатива административной системе? // Политическое образование. 1988. № 10; Он же. Почему трудно говорить правду? // Новый мир. 1989. Мб 2; Шмелев Н. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6-7; Он же. Из докладных записок экономиста // Знамя. 1989. Мб 12; Попов Г. Программа, которой руководствовался Сталин // Наука и жизнь. 1989. Мб 7; Селюнин В. Черные дыры экономики // Новый мир. 1989. № 10; Он же. Истоки // Новый мир. 1988. Мб 5; Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2; Пинскер Б., Пяшева Л. Собственность и свобода // Новый мир. 1989. № 11; Валовой Д. Экономика в человеческом измерении. М., 1988; Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. № 0; Беликова Г., Шохин А. Теневая экономика // Огонек. 1988. № 51; Шмелев Г. Не смеет командовать! // Октябрь. 1988. Мб 2; Лисичкин Г. Мифы и реальность // Совершенно секретно. 1990. № 1-2; Тольц М. Сколько же нас тогда было? // Огонек. 1987. № 51.
- ⁷⁷ См.: Вечерняя Москва. 1988. 25 июля.
- ⁷⁸ Полков Г. Быть ли нам манкуртами? // Советская культура. 1987. 4 июля; Данилов В. Нужен ли указующий перст? // Литературная Россия. 1988. 22 июля; Он же. Коллективизация. Как это было: Беседа с В.П. Даниловым // Правда. 1988. 26 авг., 16 сент. С позиций правды: Интервью с Ю. Афанасьевым // Советская культура. 1987. 21 марта; Поликарпов В. О «дискуссиях» минувших лет // Советская культура. 1987. 9 июля; и др.
- ⁷⁹ См.; Ким М.П. Ленинизм и исторические судьбы социализма. Вопросы теории // Правда. 1988. 5 февр.
- ⁸⁰ Мяло К. Оборванная нить // Новый мир. 1988. № 8; Шафаревич И. Две дороги к одному обрыву // Новый мир. 1989. № 7.
- ⁸¹ См., в частности: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; Он же. Русская идея // Русская литература. 1990. № 2-3; Вехи: из глубины. М., 1991; Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Париж, 1955; Кончаровский Д.П. Пути России. Париж, 1969; Федотов Г.П. Судьбы и грехи России. Спб., 1991. Т. 1-2; Франк С.Л. Русское мировоззрение. Спб., 1997; и др.
- ⁸² Кузнецов Ф., Поляков Ю. Минувшее: полная правда: Диалог литературоведа и историка // Литературная газета. 1987. 30 сент.
- ⁸³ Иного не дано. М., 1988.
- ⁸⁴ Черноморский М.Н. Указ. соч. С. 215.
- ⁸⁵ См.: Ленин В.И. Очередные задачи советской власти. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 192.
- ⁸⁶ Черноморский М.Н. Указ. соч. С. 215.
- ⁸⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 89, 90-91.
- ⁸⁸ Из дневников Матэ Залки // Московские новости. 1988. 24 июля.
- ⁸⁹ Лица. 1997. № 11. С. 1.
- ⁹⁰ См.: Известия. 1990. 31 июля.

- ⁹¹ Поляновский Э. Слово и власть // Известия. 1990. 81 июля.
- ⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 99-105.
- ⁹³ ТАСС заслуживает специального рассмотрения. Как правило, средством массовой информации для публикации в газетах и вещания на радио и по телевидению ТАСС передавало не все материалы, особенно из-за рубежа. В более полном виде материалы ТАСС распространялись в специальных бюллетенях ТАСС с грифом «Для служебного пользования» и с разной степенью секретности в зависимости от цвета бюллетеня.
- ⁹⁴ К суду истории: Интервью с Р.А. Медведевым // Московский комсомолец. 1988. 17 июля.
- ⁹⁵ Группа историков и социологов под руководством известного профессора Манчестерского университета Т. Шанина предприняла попытку более чем в двадцати селах России записать рассказы членов семей обо всех известных им событиях в семье. Эти устные мемуары позволяют увидеть со всех сторон не только каждого из остальных членов семьи, но и многие аспекты жизни крестьян и их родных сел. Этот метод позволяет услышать голоса людей, находившихся в самом низу социальной пирамиды, голоса, которые редко слышат и к которым никогда не прислушиваются. (См.: Голоса крестьян: сельская Россия XX в. в крестьянских мемуарах. М., 1990.)
- ⁹⁶ Редакционная почта: за и против // Московская правда. 1988, 9 сентября.
- ⁹⁷ РГАЭ. Ф. 1943. Оп. 4. Д. 210. Л. 4.
- ⁹⁸ ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 5. Д. 13. Л. 133.
- ⁹⁹ РГАЭ. Ф. 396. Оп. 6. Д. 61. Л. 179.
- ¹⁰⁰ Там же. Оп. 7. Д. 4. Л. Об. 85 об.
- ¹⁰¹ Там же. Ф. 7486. Оп. 1. Д. 100. Л. 60.
- ¹⁰² См.: Там же. Ф. 7486.
- ¹⁰³ Подробнее о сути этого метода см.: Проблемы контент-анализа в социологии. Новосибирск, 1970; Москвич. В.А. Информационные языки. М., 1971; Алексеев Л.Н., Дудченко В.С. О специфике контент-анализа как социологического метода // Социальные проблемы семьи и молодежи. Л., 1972; Логина Н.А., Семенова В.Е. Биографический метод и контент-анализ // Методологические и методические проблемы контент-анализа. М.; Л., 1973. Вып. 2; и др.
- ¹⁰⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 9.
- ¹⁰⁵ Там же. Т. 51. С. 118.
- ¹⁰⁶ Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 110-112.
- ¹⁰⁷ Девятая конференция РКП(б): Протоколы. М., 1972. С. 101.
- ¹⁰⁸ Шерман И.Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920-1931). Харьков, 1964. С. 41.
- ¹⁰⁹ См., например: Кин Д. Деникинщина. М.; Л., 1927; Кубанин М. Махновщина. Л., 1927 и др.
- ¹¹⁰ Некоторые из них передаются в Россию, например, архив Б. Савинкова.
- ¹¹¹ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1932-1941. Т. 1-2; Постников С.И. Библиография русской революции и гражданской войны. 1917-1921 гг. Прага, 1938; Шатов М.В. Библиография освободительного движения народов России в годы второй мировой войны. Нью-Йорк, 1901; Фостер Л. Библиография русской зарубежной литературы. 1918-1908. Бостон, 1071. Т. 1-2; Зернов Н. Русские писатели «миграции»: Библиографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной, истории и православной культуры 1921-1972. Бостон, 1973; Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 г. Лондон, 1988; Страницы русской зарубежной печати. Мюнхен; Москва, 1990; Аранс Д. Русская библиография за рубежом. Опыт обзора // Советская библиография. М., 1990. № 1.

- С. 140-148; *Баскаков В.П.* Новые библиографии русской эмигрантской литературы // *Русская литература*. Л., 1990. № 3; *Литература русского зарубежья возвращается на родину*. М., 1993. Вып. 1. Ч. 1-2.
- ¹¹² Указатель периодических изданий эмиграции России и СССР за 1919-1952 гг. Мюнхен, 1953; *Русская эмиграция: журналы и сборники на русском языке. 1920-1980; Сводный указатель статей*. Париж, 1988 и др.
- ¹¹³ Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий российского зарубежья в библиотеках Москвы (1917-1990 гг.). М., 1991.
- ¹¹⁴ Сборник вызвал противоречивые отклики среди эмигрантов. Вскоре в Париже его авторы стали выпускать под тем же названием еженедельник, редактором которого был Ключников. Однако вскоре журнал прекратил существование (последний номер вышел 25 мая 1922 г.), а вместо него стала выходить газета «Накануне» (до 1924 г.). Газета публиковала произведения не только эмигрантов, но и авторов из советской России.
- ¹¹⁵ Последние новости. Париж. 1921. 3 марта (Путь термидора); 4 марта (Это - реакция); 12 марта (Четвертая годовщина).
- ¹¹⁶ См. статьи П.В. Устрялова в харбинской газете «Новости жизни» за июнь и ноябрь 1921 г. Они же опубликованы в сборнике; *Устрялов Н.В.* Под знаком революции. Харбин, 1925. С. 23-24, 45-46.
- ¹¹⁷ *Мартов Л.* Ленин против коммунизма // *Социалистический вестник*. 1921. №10. С. 5.
- ¹¹⁸ *Бруцкус Б.* Взлет и распад советского планового хозяйства // *Современные записки*. 1933. Т. 51; *Он же*. Судьбы пятилетки // Там же. 1932. Т. 48; *Юрьевский Е.* За кулисами пятилетки // Там же. 1932. Т. 49; *Он же*. От первой пятилетки до второй // Там же. 1934. Т. 55.
- ¹¹⁹ *Бруцкус Б.* Голод и коллективизация // *Современные записки*. 1934. Т. 52; *Юрьевский Е.* Крестьяне, колхоз и государство // *Русские записки*. 1941. Т. 19.
- ¹²⁰ *Федотов Г.* Тяжба о России // *Современные записки*. Париж, 1936. Т. 60. С. 200.
- ¹²¹ *Юрьевский Е.* От первой пятилетки до второй // *Современные записки*. Париж, 1934. Т. 55. С. 370.
- ¹²² *Родзянко Л.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921; *Лукомский А.С.* Воспоминания, Берлин, 1922. Т. 1, 2; *Енборисов Г.В.* От Урала до Харбина. Шанхай, 1932; *Дроздовский М.Г.* Дневник. Берлин, 1923 и др.
- ¹²³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 1. Вып. 1-2. Париж, 1922. Т. 2; Берлин, 1924. Т. 3; Берлин, 1925. Т. 4; Берлин, 1926. Т. 5.
- ¹²⁴ *Врангель П.Н.* Записки. В 2-х ч. // Белое дело. Берлин, 1928-1929. Т. V-VI.
- ¹²⁵ *Головин Н.П.* Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Б. м., б. г. Ч. 1-5. Кн. 1-10.
- ¹²⁶ *Аргунов А.* Между двумя большевиками. Париж, 1919; *Раковский Г.Н.* В стане белых. Константинополь, 1920; *Он же*. Конец белых. Прага, 1921; *Шульгин В.В.* 1920 год. София, 1921; *Немирович-Данченко Г.В.* В Крыму при Врангеле. Берлин, 1922; *Маргулис М.С.* Год интервенции. Берлин, 1923, Кн. 1-3; *Нестерович-Берг М.А.* В борьбе с большевизмом. Париж, 1931; *Оболенский В.А.* Очерки минувшего. Белград, 1931; *Половцев Л.В.* Рыцари Тернового венца. Прага, б. г.; *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963. Кн. 1 и 2; *Меньшевики после Октябрьской революции* // Сб. статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона. Вермонт, 1990; *Чернов В.* Разрушение вместо созидания // *Воля России*. 1924. № 1-2; *Он же*. Конструктивный социализм. Прага, 1925. Т. 1.
- ¹²⁷ *Деникин Л.И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. М., 1991; *Он же*. Очерки русской смуты: Борьба генерала

Корнилова. Август 1917 - апрель 1918 г. М., 1991; Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. М., 1992, Ч. 1 и 2; Милоков П.Н. Воспоминания. М., 1991; Шульгин В. Годы. Дни. 1920. М., 1990; Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990; Махно Я. Воспоминания. М., 1992; Ходасевич В.Ф. Некрополь: Воспоминания. М., 1991; Гиппиус З. Живые лица; Воспоминания. Тбилиси, 1991 и др.

¹²⁸Савинков Б. Воспоминания: воспоминания террориста. Почему я принял Советскую власть. М., 1990; Керешкий А.Ф. Россия на историческом повороте // Вопр. истории. 1990. № 6-8 и далее; Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993.

¹²⁹См.: Каталог архивной коллекции Бориса Николаевского в архиве Гуворовского института / Сост. А. Бургина и М. Джекобсон. Стенфорд, 1989. Ч. 1 и 2.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРА*

К ЧАСТИ 1

Учебные пособия

- Медушевская О.М.* Источниковедение социалистических стран: Учеб. пособие. М., 1985. 103 с.
- Медушевская О.М.* Современная буржуазная историография и вопросы источниковедения; Учеб. пособ. М., 1979. 72 с.
- Медушевская О.М.* Современное зарубежное источниковедение: Учеб. пособие. М., 1983. 143 с.
- Медушевская О.М.* Теоретические проблемы источниковедения: Учеб. пособие. М., 1977, 80с.

Продолжающиеся издания

- Археографический ежегодник на [1957-19952] / АН СССР (РАН). Отделение истории Археограф, комис. М., 1957-1994.
- Вспомогательные исторические дисциплины: Сб. Л. (СПб.), 1968-1994. Вып. 1-25.
- Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. М., 1973-1989. [Вып. 1-7].
- Источниковедческие разыскания / АН ГрузССР. Комис. по источникам истории Грузии. Тбилиси, 1979-1988, [Вып. 1-3].
- Бернгейм Э.* Введение в историческую науку. СПб., 1908. 369 с.
- Бернгейм Э.* Философия истории, ее истории и задачи. М., 1910. 112 с.
- Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. М., 1898. 275 с.
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. 256 с.
- Коллиневуд Р. Дж.* Идея истории: Автобиографии. М., 1980. 485 с.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* The methods of historical study // Журн. Министерства народного просвещения. 1887. Февраль. С. 1-29.
- Карева Н.И.* Историка (Теория исторического знания). Пг., 1916. 281 с.

-
- Авторы выражают благодарность Р.Б. Казакову за помощь в составлении библиографии.

- Карсавин Л.П.* Введение и историю: Теория истории. Пг., 1920. 78 с.
- Карсавин Л.П.* Философия истории. СПб., 1993. 351 с.
- Козловский И.П.* Введение в русскую историю. Варшава, 1913.
- Ключевский В.О.* Источниковедение; Источники русской истории // Соч.: В 9 т, М., 1989. Т. VII. С. 5-83.
- Латпо-Данилевский А.С.* Методология истории. СПб., 1910-1913. Вып. 1-2.
- Быковский С.Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931. 204 г.
- Данилов В.И., Якубовская С.И.* Источниковедение и изучение истории советского общества // Вопр. истории. 1961. № 5. С. 3-23.
- Источниковедение: теоретические и методические проблемы: Сб. ст. / Отв. Ред С.О. Шмидт. М., 1969. 511 с.
- Капитанов С.М., Курносоев А.А.* Некоторые вопросы теории источниковедения // Исторический архив. 1962. № 4. С. 173-190.
- Пичета В.И.* Введение в русскую историю: (Источники и историографии). М., 1922. 205 с.
- Проблемы источниковедения: [Сб. ст.]. М.; Л., 1938-1940. Сб. 1-3; М., 1955-1903. Вып. 4-11.
- Саар Г.И.* Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930. 174 с.

К разделам 1 и 3

«Теория источниковедения» и «Метод источниковедения и междисциплинарные аспекты»

- Актуальные проблемы советского источниковедения: Круглый стол в редакции журнала «История СССР» // История СССР. 1989. № 5. С. 36-91.
- Беленький П.Л.* К анализу современного источниковедческого сознания // Мир источниковедения: (Сб. в честь Сигурда Отговича Шмидта). М.; Пенза, 1994. С. 12-18.
- Беленький П.Л.* Разработка проблем теоретического источниковедения в советской исторической науке: (1960-1984): Аналит. обзор. М., 1985. 69 с.
- Иванов Г.М., Кориунов А.М., Петров Ю.В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981. 296 с.
- Ковальченко И.Д.* Исторический источник в свете теории информации: К постановке проблемы // История СССР. 1982. № 3. С. 129-148.
- Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М., 1987. 438 с.
- Медушевская О.М.* Архивный документ, исторический источник в реальности настоящего // Отеч. архивы. 1995. № 2. С. 9-13.
- Медушевская О.М.* Источниковедение и гуманитарная культура // Отеч. архивы. 1992. № 4. С. 11-19.
- Ракитов А.И.* Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982. 303 с.
- Фарсоби В.В.* Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии М., 1983. 231 с.
- Чернин Л.В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. Вып. 1. М., 1973. С. 32-63.
- Шмидт С.О.* Теоретические проблемы источниковедения // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 7-58.
- Braudel F.* Esprit sur l'histoire. [P.], 1969. 315 p.
- Braudel F.* On history. Chicago, 1980. 226 p.
- Certeau M. de* De la culture au pluriel. P., 1993. 256 p.

- Certeau M. de.* L'écriture de l'histoire. P., 1978. 358 p.
Certeau M. de. The writing of history. N.Y., 1988. 308 p.
Duby G. L'histoire continue. P., 1991. 220 p.
Furol F. L'atelier de l'histoire. P., 1982. 312 p.
Genicot L. Simples observations sur la façon d'écrire l'histoire. Louvain-la-Neuve, 1980. 120 p.
Gossman L. Between history and literature. Cambridge, 1990. 412 p.
Haddock B.A. An introduction to historical Thought. L., 1980. 184 p.
Halkin L.K. Initiation à la critique historique, 5-me ed. P., 1982. 102 p.
 Histoire et méthode. Bruxelles, 1981. 519 p.
 Histoire et ses méthodes: Recherche, conservation et critique des témoignages. P., 1961, 1771 p.
Marrou H.I. De la connaissance historique. P., 1975. 318 p.
Nouschi A. Initiation aux sciences historiques. P., 1967. 208 p.
Salmon P. Histoire et critique. 3-me ed. Bruxelles, 1987. 234 p.
Walch J. Historiographie structurale. P., 1991. 351 p.

Определение понятия «исторический источник»

- Иванов Г.М.* Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973. 222 с.
Иванов Г.М. О социальной природе исторического источника // Тр. Томского гос. ун-та. Томск, 1974. Т. 11. С. 73-85.

Классификация исторических источников

- Аласания Г.Г.* Классификация грузинских письменных исторических источников. Тбилиси. 1986. 244 с.
Курносков А.А. К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории, 1976. М., 1977. С. 5-25.
Пушкарёв Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. 281 с.
Тартаковский А.Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983, № 3. С. 112-130. •
Уйбо А.С. Информационный подход к типологии исторических источников // Учен. зап. Тартус. ун-та. Тарту, 1982. Вып. 599. С. 51-52.
Шмидт С.О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Вып. XVI. С. 3-24.
Яценский В.К. К вопросу о классификации источников в курсе источниковедения истории СССР // Тр. МГИИ. М., 1958. Т. 11. С. 133-139.

Источниковедческий анализ

- Бобинская Ц.* Пробелы в источниках: методологический анализ // Вопр. истории. 1965. № 6. С. 76-86.
Кихнадзе М.Р. О связи терминологических разысканий с интерпретацией источников // Источниковедческие разыскания. Тбилиси, 1988. С. 113-121.

Междисциплинарные связи источниковедения

- Бельчикова Н.Ф.* Литературное источниковедение. М., 1983. 272 с.
Веселовский С.Б. Из курса лекций аспирантам Московского государственного историко-архивного института о методике научных исследований // Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 190-292.

- Гуревич А.Я.* Социальная психология и история: Источниковедческий аспект // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969, С. 384-426.
- Илизаров Б.С.* Источниковедческие проблемы архивоведения: Методы измерения объемов письменной информации. М., 1981, 120 с.
- Илизаров С.С.* Некоторые особенности развития источниковедения науки и техники // Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины. М., 1990. С. 45-63.
- Источниковедение истории философии // *Емельянов Б.В., Любутин К.Н.* Введение в историю философии. М., 1987. С. 67-91.
- Кубасов А.А.* О месте источниковедения в системе исторических наук // Мир источниковедения: (Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта) М.; Пенза, 1994. С. 10-12.
- Люблинская А.Д.* Источники в смежных с историей науках // Проблемы источниковедения западноевропейского средневековья. Л., 1979.
- Медушевская О.М.* Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в современной зарубежной архивистике: Аналит. обзор. М., 1990. 40 с.
- Пушкарёв Л.Н.* Понятие исторического источника в работах советских философов // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976, С. 76-84.
- Шепелев Л.Е.* Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: К вопросу о задачах и роли в историческом исследовании // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Вып. XIII. С. 3-22.
- Шмидт С.О.* Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 266-274.
- Шмидт С. О.* Проблемы взаимодействия общества и природы и некоторые вопросы источниковедения // Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия. М., 1981. С. 262-275.

К разделу 2

«Становление и развитие источниковедения»

- Медушевская О.М.* История источниковедения в XIX-XX вв.: Учеб. пособ. М., 1988. 71с.
- Николаева А.Т.* Вопросы историографии русского источниковедения XVIII-XX вв. М., 1970. 83 с.
- Николаева А.Т.* Краткий очерк развития источниковедения в XVIII в. / Отв. ред. Е.А. Луцкий. М., 1962, 45с.
- Николаева А.Т.* Основные этапы развития отечественного источниковедения XVIII-XX веков: Учеб. пособ. М., 1976. 67 с.

К ЧАСТИ 2

К разделу 1

«Исторические источники XI-XVII веков»

Ко всему разделу

- Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872-1875. Т. I-II.
- Древнерусские письменные источники X-XIII вв. / Под ред. Я.Н. Шапова. М., 1991, 80с.

Советское источниковедение Киевской Руси: Историографические очерки / Ред. кол.: В.В. Мавродин (отв. ред.) и др. Л., 1979. 246 с.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород: Учеб. пособие. М., 1977. 240 с.: ил.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1872-1927. Т. 1-39.

Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1867-1916. Т. 1-148.

К главе 1. Летописание

Полное собрание русских летописей. СПб.: Археогр. комис., 1846-1921, Т. 1-24; М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949-1963. Т. 25-29; М.; Л.: Наука, 1965-1994. Т. 29-39; М.: Археограф. центр, 1995. Т. 41.

Западнорусские летописи // Полн. собр. русских летописей. СПб., 1907. Т. XVII.

Иоасафовская летопись / Под ред. и с предисл. А.А. Зимина. М., 1957. 240 с.: ил.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. 647 с.: ил.

Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста и пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова. 406 с.; Ч. 2: Прилож. / Ст. и коммент. Д.С. Лихачева. 556 с.: ил.

Псковские летописи / Подгот. к печати и ред. А.Н. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. 1. XIV, 148 с.; М., 1955. Вып. 2. 304 с.; ил.

Присёлков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста / Предисл. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950. 515 с.

Радзивилловская летопись: Текст. Исследование. Описание миниатюр / Отв. ред. М.В. Кукушкина. СПб.: Глагол; М.: Искусство, 1994. Кн. 1-2.

Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец) / Подгот. к печ. И ред. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950. 127 с.

Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV века. СПб., 1868. 544 с.

Шлецер А.Л. Нестор: Русские летописи на древле-славянском языке / Пер. Д. Языкова. СПб., 1809-1819. Ч. 1-3.

Азбедев С.Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. 295 с.: ил.

Алешиковский М.Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1971. 136 с.

Амосов Л.А. К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги библиотеки АН СССР. Л., 1978. С. 6-36

Рицховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. 213 с.: ил.

Вовина В.Г. Новый летописец: Итоги и проблемы изучения // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 61-88.

Данилевский И.Н. Библия и Повесть временных лет: К проблеме интерпретации летописных текстов // Отеч. история. 1993. № 1. С. 78-94.

Данилевский И.Н. Замысел и название Повести временных лет // Отеч. история. 1995. № 5. С. 101-110.

Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древнерусской литературы. Л., 1987. 327 с.

Еремин И.П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики) / Вступ. ст. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1966. 263 с., 1 л. портр.

- Еремин И.П. «Повесть временных лет»: Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946. 92 с.
- Казакова Н.А. Вологодское летописание XVII-XVIII вв. // Вспом. ист. дисциплины. Л., 1981. Вып. XII. С. 66-90.
- Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. М., 1980. 312 с.
- Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI - начала XVII в. / Отв. ред. В.И. Буганов. М., 1986. 271 с., 1 л. портр.
- Корецкий В.И. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь; Сб. ст. М., 1968. С. 282-290.
- Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. 406 с.
- Кузьмин А.Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. 240 с.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. 499с.
- Лурье Я.С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.
- Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976. 283 с.
- Лурье Я.С. О происхождении Радзивилловской летописи // Вспом. ист. дисциплины. Л., 1987. Вып. XVIII. С. 64-83.
- Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII - начала XV века. М., 1983. 295 с.
- Муравьева Л.Л. Московское летописание в конце XIV - начале XV века. М., 1991. 221с.
- Мыцк Ю.А. Украинские летописи XVII века: Учеб. пособие. Днепропетровск, 1978.87с.
- Насонов А.Н. История русского летописания X- начала XVIII в. М., 1969. 555 с.
- Подобедова О.И. Материалы русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1964. 334 с.; ил.
- Присёлков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. Л., 1940. 188с.: ил.
- Сербина К.Н. Устюжское летописание XVI-XVIII вв. / Отв. ред. В.И. Буганов. Л., 1985.135 с.
- Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. 320 с.
- Тихомиров М.Н. Русское летописание / Ред. кол.: С.О. Шмидт (отв. ред.). М., 1979. 384 с.: ил.
- Улащик Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Отв. ред. В.И. Буганов. М., 1985. 261 с.
- Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Ист. записки. 1948. Т. 25. С. 293-333.
- Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М.; Л., 1938. 372с.
- Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. LXXX, 404 с.
- Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // Тр. Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. М.; Л., 1940. Т. IV. С. 9-150.
- Шахматов Л.Л. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. XX, 687 с.: ил.
- Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М., 1984. 277 с.: ил.
- Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975. 344 с.

К главе 2. Законодательные источники

- Памятники русского права / Под ред. и с предисл. С.В. Юшкова. М., 1952-1968. Вып. 1-8.
- Российское законодательство X-XX веков: [Тексты и коммент.]: В 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984-1994. Т. 1-9.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813-1894. Ч. 1-5.
- Акты, относящиеся к истории земских соборов / Под ред. Ю.В. Готье. М., 1909. 10, 76 с. (Памятники русской истории / Изд. под ред. В.О. Ключевского, М.К. Любавского и др.; Вып. 3).
- Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Щапов; Отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976. 240 с.
- Закон Судный людем: [Списки краткой редакции и воспроизведение списков] / Подгот. к печати М.Н. Тихомирова, Л.В. Милова; Под ред. М.М. Тихомирова. М., 1961. 178 с.: ил.
- Закон Судный людем пространной и сводной редакции / Подгот. к печати М.Н. Тихомирова, Л.В. Милова; Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961. 286 с.: ил.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI - первой половины XVII века: Тексты / Подгот. текста Р.Б. Мюллер; Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1986. 264 с.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI - первой половины XVII века: Комментарии / Под ред. Н.Е. Носова, В.М. Панеяха. Л., 1987. 262 с.
- Мерило праведное: По рукописи XIV в. / Изд. под наблюд. и со вступ. ст. М.Н. Тихомирова. М., 1961. XIV, 698 с.
- Правда Русская / Подгот. к печати; В.П. Любимов и др.; Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1940-1963. Т. 1-3.
- Псковская судная грамота / Пер. и коммент. Подосина И.И.; Под ред. К.В. Сивкова. М., 1952. 160 с. (Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. Т. LXV; Каф. истории СССР. Вып. 3.)
- Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Под ред. К.И. Яблонского. Минск, 1960, 253 с.
- Соборное уложение 1649 года: Текст, комментарии / Подгот. текста Л.И. Ининой; Коммент. Г.В. Абрамовича и др.; Рук. А.Г. Маньков. Л., 1987. 448 с.
- Стоглав. СПб.: Кожанчиков, 1863. 312 с.
- Судебники XV-XVI вв. / Под общ. ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1952. 619 с.: ил.
- Алексеев Ю.Г. Псковская Судная грамота и ее время: Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв. / Под ред. Н.Е. Носова. Л., 1980. 243 с.
- Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 7-е изд. Пг.; Киев, 1915. См. также изд. Ростов н/Д, 1995. 639 с.
- Лазутка С.А. I Литовский Статут - феодальный кодекс Великого княжества Литовского. Вильнюс, 1973. 211 с.: ил.
- Лаппо И.И. Литовский статут 1588 года. Kaunas, 1934-1938. Т. 1-2.
- Маньков А.Г. Уложение 1649 года - кодекс феодального права России / Отв. ред. К.Н. Сербина. Л., 1980. 271 с.
- Первый Литовский Статут 1529 года: Материалы респ. науч. конф. / Редкол.: С. Лазутка (отв. ред.) и др. Вильнюс, 1982. 154 с.
- Развитие русского права XV - первой половине XVII в. / Отв. Ред. В.С. Нерсисянц. М., 1986. 288 с.
- Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. 176 с.: ил.
- Тихомиров М.Н. Исследование о «Русской правде»: Происхождение текстов. М.; Л., 1941. 254 с.

- Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. 192 с.; ил.
 Третий Литовский Статут 1588 года; Материалы респ. науч. конф. / Ред. кол.; С. Лазука (отв. ред.) и др.; Вильнюс, 1989. 259 с.
 Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. М., 1978. 417 с.
 Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. М.; Л., 1948-1951. Ч. 1-2.
 Черепнин Л.В. Состав и происхождение Новгородской судной грамоты // Ист. зап. 1947. Т. 21. С. 222-253.
 Щанов Я.Н. Византийское и южнославянское праповое наследие на Руси в XI-XIII вв. М., 1978. 291 с.
 Щанов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси, XI-XIV вв. М., 1972. 340 с.
 Kaiser D.H. The Growth of the law In Medieval Russia. Princeton, 1980. 408 p.

К главе 3. Акты

- Актовые источники по истории России и Сибири XVI-XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера: Описи копийных книг. В 2 т. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1993. Т. 1. 250 с.
 Акты, издаваемые Виленского комиссиею для разбора древних актов. Вильна, 1805-1915. Т. 1-39.
 Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею, СПб., 1841-1875.
 Акты московских монастырей и соборов 1509-1609 гг. из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря; В 2 вып. / Сост. Т.П. Алексинская, В.Д. Назаров. М., 1984. Вып. 1-2. 443 с.
 Акты Московского государства, издаваемые имп. Академией наук / Под ред. Н.А. Попова. СПб., 1890-1901. Т. 1-3.
 Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1840-1853. Т. 1-5.
 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной Руси, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1863-1892. Т. 1-15.
 Акты Русского государства, 1505-1520 гг. / Сост. С.Б. Веселовский; Ред. кол.: А.А. Пономосельский и др. М., 1975. 435 с.
 Акты социально-экономической истории Севера России конца XV-XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря, 1479-1571 гг. / Сост. М.Л. Либерзон. Л., 1988. 274 с.
 Акты социально-экономической истории Севера России конца XV-XVI вв.: Акты Соловецкого монастыря, 1572-1584 гг. / Сост. И.З. Либерзон. Л., 1990. 328 с.
 Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-начала XVI вв.: В 3 т. / Отв. ред. Б.Д. Греков. М., 1952-1964. Т. 1-3.
 Акты феодального землевладения и хозяйства XIV - XVI веков / Подгот. к печати Л.В. Черепнин; Отв. ред. С.В. Бахрушин. М., 1951-1901. Ч. 1-3.
 Акты феодального землевладения и хозяйства; Акты московского Симонова монастыря (1506-1613) / Сост. Л.И. Ивина. Л., 1993. 352 с.
 Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / Под общ. ред. А.М. Яковлева. М.; Л., 1940-1945. Ч. 1-2.
 Дополнения к актам историческим, собранным к изданным Археографической комиссией. СПб., 1840-1872. Т. 1-12.
 Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. В.Г. Гейман, Н.А. Казакова, А.И. Конанев и др.; Под ред. С.М. Валка. М.; Л., 1949. 408 с.
 Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин; Отв. ред. С.В. Бахрушин. М.; Л., 1950. 587 с.; ил.
 Литовская метрика / Ред.: И.М. Лаппо, Н.А. Гильтебрандт, С.Л. Пташицкий. СПб., 1903-1915. Отд. 1-2. (РИБ; Т. 20, 27, 30, 33).
 Полоцкие грамоты XIII - начала XVI вв.: Тексты / Сост. А.Л. Хорошкевич. М., 1977-1985. Вып. 1-5; Указатели. М., 1989. 200 с.

- Сборник князя Оболенского, М., 1838-1859. № 1-12.
- Актовое источниковедение: Сб. ст. / Ред. кол.: С.М. Каштанов (отв. ред.) и др. М., 1979. 272 с.
- Алексеев Ю.Г. Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы // Вспом. ист. дисциплины. Л., 1987. Вып. XVIII. С.
- Антилозов Г.Н. Нижегородские акты XVI века (1588-1600 гг.). М., 1977. 462 с.
- Андреев В.Ф. Новгородский мастный акт XII-XV вв. / Отв. ред. В.Л. Янин. Л., 1980. 145 с.
- Бережков Н.Г. Литовская метрика как исторический источник, М.; Л., 1946. Ч. 1. 179 с.
- Исследования по истории Литовской метрики: Сб. науч. тр.: В 2 вып. / Ред. кол.: В.Т. Пашуто и др. М., 1989. Вып. 1-2. 386 с.
- Каштанов С.М. Дипломатический состав древнерусского акта // Вспом. ист. дисциплины. Л., 1969. Вып. II. С. 143-149.
- Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника: Акты X-XVI вв. М., 1996, 265 с.
- Каштанов С.М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV - начала XVI в. // Вспом. ист. дисциплины, Л., 1979, Вып. XI. С. 238-251.
- Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. 498 с.
- Каштанов С.М. Очерки социально-политической истории России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. 392 с.
- Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси / Отв. ред. А.А. Зимин, В.Л. Янин. М., 1988, 248 с.
- Литовская метрика: Тез. докл. межресп. науч. конф., апр. 1988, Вильнюс, 1988. 68 с.
- Панеях В.М. Кабальные книги первой половины XVII в. // Вспом. ист. дисциплины. Л., 1979, Вып. XI. С. 89-113.
- Присёлков М.Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916. VIII, 116 с.
- Семенченко Г.В. Завещания церковных иерархов XV в. как исторический источник // Источниковедение отеч. истории, 1984: Сб. ст. / Ред. кол.: В.И. Буганов (отв. ред.) и др. М., 1986. С. 154-162.
- Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. Казань, 1979. 318 с.
- Черепнин Л.В. Актовый материал как источник по истории русского крестьянства XV в.; (Из истории производительных сил и производственных отношений) // Проблемы источниковедения, 1955, Т. 4, С. 307-349.
- Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI-XVII вв. М., 1978. 417 с.
- Янин В.Л. Новгородские акты, XII-XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991. 383 с.

К главе 4. Литературные произведения

- Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в.: [Текст и пер.] / Изд. подгот. М.Н. Ботвинник, Я.С. Лурье, О.В. Творогов, М.; Л., 1965. 269 с.; ил.
- Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека: Неизд. тексты / Отв. ред. Л., 1984. 277 с.; ил.
- Великие Миней Четий, собр. Всерос. митр. Макарием / Изд. Археограф. комиссии, СПб.; М., 1868-1912. Сент.-Апр.,
- (Владимир Мономах) Поучение // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1: Текст и перевод / Подгот. текста и пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова, С. 163—167.
- Воинские повести древней Руси / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1949. 359 с.; ил.
- Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печ., пер. и коммент. О.А. Державиной; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. 612 с.; ил.

- Домострой / Изд. подгот. В.В. Колосов, В.В. Рождественская. СПб., 1994. 392 с.: ил.
- Жизнь и житие Сергия Радонежского: Сб. / Сост., послесл. и коммент. В.В. Колосова. М., 1991. 366 с.: ил.
- Житие митрополита Петра // Великие Минеи Четин. М., 1907. Дек., дни 18-23. С. 1620-1646.
- Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Подгот. текста Н.К. Гудзия и др.; Под общ. ред. Н.К. Гудзия. М., 1960. 479 с.: ил.
- Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым / Изд. под ред. В.Г. Дружинина. СПб., 1897.
- Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Подг. Д.И. Абрамович. Пг., 1916. 235 с.
- Записки русских путешественников XVI - XVII вв. / Сост., подгот. текстов, пер., вступ. ст. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алехиной. М., 1988. 525 с.: ил.
- Изборник Святослава 1073 года / Науч. ред. Л.П. Жуковская. Факс. над. М., 1983. 266 с.: ил.
- Изборник 1076 года: (Текст и исследования) / Под ред. С.И. Коткова. М., 1965. 1091 с.: ил.
- Иосиф Волоцкий*. Просветитель: Пер. Сортавала, 1993. 382 с.
- Книга хождений: Записки русских путешественников XI - XV вв. / Сост., подгот. текстов, пер., вступ. ст. Н.И. Прокофьева. М., 1984. 447 с.: ил. Литературный сборник XVII в. - Пролог. М., 1978.
- Котошихин Г.К.* О России о царствование Алексея Михайловича / Соч. Г. Котошихина. СПб., 1900. XXVI, 215 с.
- Крижанич Ю.* Политика; [Тексты и пер.] / Подг. текста к печати В.В. Зеленина; Пер. и коммент. А.Л. Гольдберга; Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1965. 735 с.; ил.
- Маргарит // Великие Минеи Четий. СПб., 1869. Сент., дни 14-24. С. 773-1193.
- Никитин А.* Хождение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Л. С. Лурье, Л.С. Семенов. Л., 1986. 213 с.; ил.
- Нил сорокин*. Предания и Устав / Со вступ. ст. М.С. Боровковой-Майковой. СПб., 1912. 167с.
- Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 году, М., 1892. Ч. 1. Вып. 1-2.
- Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А.И. Пономарева. СПб., 1894-1898. Ч. 1-4.
- Памятники литературы Древней Руси / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1978-1989. [Кн. 1-9, т. 1-10].
- Памятники отреченной русской литературы / Собр. и изд. Н.С. Тихомировым. СПб.; М., 1863. Т. 1-2.
- Патерик Киево-Печерского монастыря / Под ред. Д.И. Абрамовича. СПб., 1911. 277с.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским: Тексты и пер. / Текст подг. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков; Коммент. В.Б. Кобрин, Я.С. Лурье. Л., 1979. 431 с.: ил. (Лит. памятники).
- Повести Древней Руси XI-XII вв. / Сост. Н.В. Понырков; Вступ. ст. Д.С. Лихачева. Л., 1983. 574 с.: ил.
- Повесть о Дмитриии Басарге и о сыне его Борзосмысле / Исслед. и подгот. Текстов М.О. Скрипиля. Л., 1969. 218 с.; ил.
- Повесть о Дракуле / Исслед. и подгот. текстов Я.С. Лурье. М.; Л., 1964. 211 с.: ил.
- Повесть о Земском соборе 1613 года / Подгот. А.Л. Станиславский, Б.И. Морозов // Вопр. истории. 1985, № 5. С. 89-96.
- Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исслед. Р.П. Дмитриевой. Л., 1979. 339 с.: ил.

- Повесть Симеона Суздальского об осьмом соборе // *Павлов А.С.* Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 198-210.
- Послании Ивана Грозного: Текст и пер. / Подгот. текста Д.С. Лихачева и Я.С. Лурье; Пер. и коммент. Я.С. Лурье; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951. 716 с.: ил. (Лит. памятники).
- Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А.А. Зимина, Я.С. Лурье; Вступ. ст. И.П. Еремина, Я.С. Лурье. М.; Л., 1959. 390 с.: ил.
- Пустозерская проза: Сб. / Сост., предисл. и коммент. М.Б. Плюхановой. М., 1989. 365 с.
- Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Елифаия / Изд. подгот. П.С. Демкова, Н.Ф. Дробленкова, Л.И. Сазонова. Л., 1975. XIV, 263 с.; 193 л.
- Русская Библия: Библия 1499 года и Библия в синодальном переводе: В 10 т. М.: Изд. отд. Московского Патриархата, 1992-1998. Т. 4, 7-8, 10.
- Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текста, ст. и коммент. В.П. Адриановой-Перетц. М., 1977. 254 с.: ил.
- Симеон Полоцкий.* Избр. соч. / Подгот. текста, ст. и коммент. И.П. Еремина. М.; Л., 1953. 282 с.; ил.
- Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О.А. Державиной и Е.В. Колосовой; Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1965. 346 с.
- Сказание о Борисе и Глебе; Факсим. воспроизвед. житийных повестей из Сильве-Саровского сб. (вторая половина XIV в.). М., 1985. 160 с.: ил. + Прил. (151 с.).
- Сказание о Мамаевом побоище: Лицевая рукопись XVII века из собрания Гос. ист. музея: Альбом. М., 1980. 270 с.: ил.
- Сказание и повести о Куликовской битве: [Древнерус. тексты и пер.] / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1982. 422 с.: ил.
- Слово о полку Игореве / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. 484, VIII, 46 с.: ил. (Лит. памятники).
- Сочинения Ивана Пересветова / Подгот. текст А.А. Зимин; Под ред. Д.С. Лихачева. М.; Л., 1950. 388 с.; ил.
- Сочинения преподобного Максима Грека и русском переводе. Св.-Троицкая Сергиева лавра, 1910-1911. Ч. 1-III.
- Толковая Псалтырь 1477 года: Воспроизведение Синодальной рукописи № 210. СПб., 1892. Вып. 1.
- Хоженис купца Федота Котова в Персию / Публ. Н.А. Кузнецовой. М., 1958. Художественная проза Киевской Руси XI-XIII веков / Сост., пер. и примеч. И.П. Еремина и Д.С. Лихачева; Вступ. ст. Д.С. Лихачева. М., 1957. XII, 370 с.: ил.
- Шестоднев, составленный Иоанном экзархом Болгарским: По харатейному списку Моск. Синодальной б-ки 1263 г. Слово в слово и буква в букву / Предисл. А. Попова. М., 1879. 2, XXVIII с.; 255 л. (Чтения в имп. Общ. ист. и древностей российских; Кн. 3).
- Абрамович Д.И.* Исследование о Киево-печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. IV, XXX, 213 с.
- Александров Л.* Физиолог. Казань, 1898. 70 с.
- Безунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли»: [Исслед. и текст]. М.; Л., 1965. 231 с.: ил.
- Буганов В.М., Корецкий В.М., Станиславский А.Л.* «Повесть како отомсти» - памятник ранней публицистики Смутного времени // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л., 1974. Т. 28. С. 231-254.
- Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV-XVI веках: (По «житиям снятых») / Вступ. ст. Л.В. Черепнина. М., 1966. 392 с.: ил.
- Будовниц И.У.* Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI-XIV вв.). М., 1960. 488 с.

- Будовниц И.У.* Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. 311 с.
- Гольдберг А.Л.* Три «послания Филофея»: (Опыт текстологического анализа) // Труды Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л., 1974. Т. 23. С. 68-97.
- Горский А.А.* «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: Источниковедческие и историко-культурные проблемы / РАН. Ин-т рос. ист. М., 1992. 172 с.
- Демкова Н.С.* Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения). Л., 1974. 168 с.
- Державина О.А.* Древняя Русь в русской литературе XIX века: (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX в.) / О.А. Державина. Пролог: Избр. тексты / [К сб. в целом:] Отв. ред. В.П. Гребешок. М., 1990. 416 с.
- Дмитриев Л.А.* Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII-XV вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 208-262.
- Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Л., 1973. 303 с.
- Древнерусская литература: Источниковедение: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1984. 272 с.: ил.
- Дробленкова Н.Ф.* Великие Минеи Четий // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л., 1985. Т. 39. С. 238-243.
- Зимин А.А.* Источниковедческие проблемы истории раннего нестяжательства // Учен. зап. / Казан. пед. ин-т. Казань, 1974. Вып. 121. С. 87-103.
- Зимин А.А.* Общественно-политические взгляды Федора Карпова // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л., 1956. Т. 12. С. 160-173.
- Зимин А.А.* И.С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественной мысли середины XVI в. М., 1958. 498 с.
- Идейно-философское наследие Илариона Киевского / Отв. ред. А.А. Баженова. М., 1986. Ч. 1-2.
- Изборник Святослава 1073 г.: Сб. ст. / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М., 1974. 343 с.: ил.
- Источниковедение в изучении литературы Древней Руси. Л., 1987.
- Источниковедение литературы Древней Руси: Сб. Ст. / Редкол.: Д.С. Лихачев (отв. Ред.) и др. Л., 1980. 295 с.: ил.
- Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: Исслед. и текст. М., 1893. VIII, 356 с.
- Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: Текст, исслед. и словарь, Пг., 1920-1930. Т. 1-3.
- Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Репр. изд. материалов В.М. Истрина / Подгот. изд., вступ. ст. и прилож. М.И. Чернышевой. М., 1994. 473 с.
- Казакова Н.А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения: Исслед. и тексты. М.; Л., 1960. 363 с.: ил.
- Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV-XVI вв.: Из истории международных культурных связей России / Под ред. Д.С. Лихачева. Л., 1980. 278 с.: ил.
- Казакова Н.А.* Очерки по истории русской общественной мысли: первая треть XVI в. Л., 1970. 297 с.
- Казакова Н.А., Лурье Я.С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XV - начала XVI в. М.; Л., 1955. 544 с.: ил.
- Кудрявцев И.М.* «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 158-186.
- Кучкин В.А.* Сказание о смерти митрополита Петра // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л., 1962. Т. 18. С. 59-79.
- Латышева Г.Г.* Публицистический источник по истории опричнины: (К вопросу о датировании) // Вопр. историографии и источниковедения отечественной истории: Сб. тр. / МГПИ. М., 1974. С. 30-62.

- Лихачев Д.С.* Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси. М., 1979. 366 с.: ил.
- Лихачев Д.С., Паненко Л.М., Понырко Н.В.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. 296 с.: ил.
- Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI в. М.; Л., 1960. 532 с.: ил.
- Лурье Я.С.* Литературная и культурнопросветительская деятельность Ефросина в конце XV в. // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 130-168.
- Малинин В.Н.* Старец Елеазарова монастыря Фадомей и его послания: Историко-литературное исследование. Киев, 1901. VIII, 768, 105 с.
- Меицкерский А.Н.* История Иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958. 578 с.
- Меицкерский А.Н.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX - XV вв. Л., 1978.
- Малдован А.М.* Слово о законе и благодати Илариона. Киев, 1984. 240 с.
- Морозова Л.Е.* Сочинения Зиновия Отенского / Отв. Ред. А.А. Преображенский. М., 1990. 320 с.
- Прокофьев Н.И.* Русские хождения XII-XV вв. // Литература древней Руси и XVIII в.: Сб. ст. / Ред. кол.: Н.В. Водовозом (отв. ред.) и др. М., 1970.
- Понырко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси, XI - XIII: Исслед., тексты, пер. / Отв. ред. Д.С. Лихачев. СПб.: Наука, 1992. 216 с.
- Прохоров Г.М., Дробленкова Н.Ф. Киприан* // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л., 1985. Т. 39. С. 53-71.
- Робинсон А.Н.* Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. М., 1968. 316 с.: ил.
- Розов Н.Н.* Повесть о белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV в. // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 178-219.
- Салмина М.А.* К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище» // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л., 1974. Т. 29. С. 98-124.
- Семенов М. С.* Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980. 145 с.: ил.
- Солодкин Я.Г.* «Временник» Ивана Тимофеева и «История» Авраамия Палицына: (К вопросу об источниках произведений) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 12-23.
- Солодкин Я.Г.* К вопросу об источниках «Временника» Ивана Тимофеева // Тр. Отд. древнерус. лит. / АН СССР. Ин-т рус. лит. Л., 1989. Т. 42. С. 115-127.
- Творогов О.В.* Переводная беллетристика XI-XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 180-194.
- Фонкин Б.Л.* Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977. 245 с.: ил.

К разделу 2

«Исторические источники XVIII - начала XX века»

Ко всему разделу

- Воронкова С.В.* Проблемы источниковедения истории России периода капитализма: (Итоги и задачи изучения). М., 1985. 180 с.
- Петровская И. Ф.* Источниковедение истории русского дореволюционного драматического театра: Учеб. пособие. Л., 1971. 199 с.
- Петровская И.Ф.* Источниковедение истории русской музыкальной культуры XVIII - начала XX в. 2-е изд., доп. М., 1989. 318 с.

Справочники по истории дореволюционной России: Библиогр. указ. / Под ред. П. А. Зайончковского. 2-е изд. М., 1978. 638 с.

К главе 3. Массовые источники

- Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации: XIX – начало XX вв. М., 1979. 294 с.
- Ярунский В.К.* О применении статистического метода в исторической науке // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст. М.; Л., 1964. С. 26-36. (Тр. ЛОИИ; Вып. 7.)

К главе 4. Законодательство

- Воинские уставы Петра I. М., 1946.
- Крестьянская реформа в России 1861 г.: Сборник законодательных актов: Учеб. пособие / Сост. К.А. Софроненко. М., 1954. 500 с.
- Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 1-45.; Собрание 2. СПб., 1830-1884. Т. 1-5Б.; Собрание 3. СПб., 1885-1916. Т. 1-33.
- Российское законодательство X-XX века: В 9 т. М., 1986-1994. Т. 4-9.
- Екатеева И.* Наказ Комиссии о сочинении Нового Уложения. СПб., 1907.
- Сперанский М.М.* Проекты и записки / Подгот. к печати А.И. Копанев и М.В. Кукушкина; Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1961. 244 с.: ил.
- Вернадский Г.В.* Очерк истории права Русского государства XVIII-XIX вв. (Период империи). Прага, 1924. 166 с.
- Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Пг: Киев, 1915. См. также изд.: Ростов н/Д, 1995. 639 с.
- Кочаква Б.М.* Русский законодательный документ XIX - нач. XX веков // Вспомогательные историч. дисциплины. М.: Л., 1937. С. 319-371.
- Латам В.Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII-XIX ст.). СПб., 1909. X, 644 с.
- Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. / Отв. ред. Е.А. Скрипи-лей. М., 1992. 309 с.
- Развитие русского права в первой половине XIX века / Отв. ред. Е.А. Скрипи-лев. М., 1994. 315 с.
- Рыбаков Ю.Я.* Свод законов Российской империи первой половины XIX в. (К источниковедческой характеристике) // Проблемы источниковедения исто-рии СССР и специальных исторических дисциплин: Ст. и мат-лы. М., 1984. С. 61-68.
- Рыбаков Ю.Я.* Промышленное законодательство России первой половины XIX ве-ка: (Источниковедческие очерки) / Отв. ред. Б.Г. Литвак. М., 1986. 214 с.

К главе 6. Делопроизводственные материалы

- Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981. 318 с.
- Восстание декабристов: Документы и материалы. М.; Л., 1925-1984. Т. I-XVIII.
- Дело петрашевцев / Подгот. к печати В.Р. Лейкина; Общ. ред. В.А. Десницкого. М.; Л., 1937-1951. Т. I-III.
- Дело Чернышевского / Подгот. И.В. Пороха; Общ. ред. Н.М. Чернышевского. Саратов, 1968. 679 с.: ил.
- Государственная дума. Стенографические отчеты. СПб., 1906-1917.
- Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 год. М., 1975; 1916 год. М., 1977. Вып. I-IV; 1917 год. М., 1978-1979. Вып. I-V.
- Илюшенко М.П.* История делопроизводства в СССР: Учеб. пособ. М., 1974. 169 с.

Литвак Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII-XIX вв.: (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 48-55.

Шенелев Л.Е. Изучение делопроизводственных документов XIX - начала XX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. I. С. 119-138.

К главе 7. Материалы фискального, административного и хозяйственного учета

Кабузан В.М. Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII - первой половины XIX вв. (1718-1858) // История СССР. 1959. № 5. С. 128-140.

Кабузан В.М. О достоверности учета населения России (1858-1917) // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. за 1981 г. М., 1982;

Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации: XIX - начало XX вв. М., 1979. 294 с.

К главе 8. Статистика

Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848, 10, 503 с.: ил.

Валецкий С.Н. Справочная книга по земской статистике. Программы земских обследований. М., 1899. Т. 1-2.

Военно-конская перепись [1888-1912 года] 1912 г. СПб., 1913. 1891-1914.

Военно-статистическое обозрение Российской империи, изданное при первом отделении Департамента Генерального штаба. СПб., 1848-1853. Т. 1-17.

Зябловский Е. Статистические описания Российской империи и нынешнем ее состоянии. 2-е изд. СПб., 1815 Ч. 1-5.

Конская перепись 1882 г. СПб., 1884. 4, XLV, 176, 187 с.

Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. СПб., 1897-1898. Вып. 1-3.

Материалы по статистике землевладения в России. СПб., 1896-1917. Вып. 1-25.

Описание отдельных русских хозяйств. СПб., 1897-1898. Вып. 1-13.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всероссийской переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1906,

Сборник статистических сведений по Московской губернии / Изд. Моск. губ. земства. М., 1877-1913.

Свод отчетов фабричных инспекторов за 1900-1914 г. СПб., 1902-1915. Т. 1-15.

Семенов-Тянь-Шанский П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863-1885. Т. 1-5.

Список фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1903. 4, 839 с.

Список фабрик и заводов Российской империи / Сост. под ред. В.Е. Вардара. СПб., 1912. 720 с. разд. паг.

Статистика землевладения 1905 г.: Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России. СПб., 1907. 212 с. разд. паг.

Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1880-1885. Вып. 1-8

Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 год / Сост. под ред. В.Е. Вардара. СПб., 1903. 629 с. разд. паг.

Стоимость производства главнейших хлебов: Статистич. сведения по матер., полученным от хозяев. СПб., 1915-1917. Вып. 1-3.

- Фабричный быт Московской губернии: Отчет за 1882-1883 гг. фабричного инспектора над занятиями малолетних Моск. окр. И. И. Янжула, СПб., 1884. 258 с. разд. пат.: ил.
- Фундуклей И.И. Статистическое описание Киевской губернии. СПб., 1852. Ч. 1-3.
- Григорьев Н.В. Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 год, М., 1926-1927, Вып. 1-2.
- Указатель русской литературы по описанию русских частновладельческих хозяйств 1765-1902 гг. / Сост. П. М. Богданов. СПб., 1904. 124 с.
- Воронцова С.В. Массовые источники по истории промышленности России конца XIX - начала XX века. М., 1995. 102 с.
- Воронцова С.В. Промышленная статистика в России в последние десятилетия XIX - начала XX вв.: (К проблеме эволюции статистических источников) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Ст. и матер. / Редкол.: И.Д. Ковальченко и др. М., 1984. С. 95-104.
- Гозулов А.И. Очерки по истории отечественной статистики. М., 1972.
- Кабузан В.М. О достоверности учета населения России (1858-1917) // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. за 1981 г. М., 1982.
- Литвак Б.Г. Перепись населения 1897 года о крестьянстве России (источниковедческий аспект) // История СССР. 1990. М 1. С. 114-126.
- Литвак К.Б. О пределах информативности пообщинных сводок земских переписей при изучении типов крестьянских хозяйств // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях: Сб. ст. / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1985.
- Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979. 415 с.
- Миронов Б.Н. К вопросу об использовании скрытой исторической информации: (На материалах статистических источников XVIII - начала XX вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985, Вып. XVII. С. 17-35.
- Островский М.М. Земская статистика помещичьего хозяйства как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. X. С. 285-295.
- Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в.: Источниковедческое исследование. М., 1976. 276 с.
- Рябушкин Т.В. и др. Развитие статистической науки в СССР: Вопросы методологии. М., 1985. 336 с.
- Саввицкий Н.А. Земские подворные переписи: Обзор методологии, М., 1961. 355 с.
- Тарасюк Д.А. Поземельная собственность пореформенной России: Источниковедческое исследование по переписи 1877-1878 гг. М., 1981. 129 с.
- К главе 9. Публицистика
- Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // Лит. учеба. М., 1988. № 10.
- Пестиков И. Т. «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения / Ред., послесл. и коммент. Б.Б. Кафенгауза. М., 1951. 410 с.: ил.
- Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву, Вольность: Ода / Изд. подгот. В.А. Западов. СПб., 1992. 671 с. 1 л. портр. (Лит. памятники).
- Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. и с предисл. И.П. Еремина. М.; Л., 1961. 502 с.: ил.
- Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб., 1906. 84 с.
- Энгельгардт А.Н. Из деревни: 12 писем 1872-1887 / Вступ. ст. П.В. Волобуева, В.П. Данилова. М., 1987. 639 с.: портр.

К главе 10. Периодическая печать

- «Колокол» - газета А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Вольная рус. типография, 1857-1867. Лондон-Женева / Вступ. ст. Е. Рудницкой. Факс. изд. М., 1962-1964. Вып. 1-11.
- «Полярная звезда» - журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарева: В 8 кн. 1865-1869. Вольная рус. типография. Лондон - Женева. Факс. изд. М.: Наука, 1966-1968. Кн. 1-9.
- Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати 1703-1900 гг.: (Матер. для ист. рус. журналистики): В 2 т. Репринт. изд. М., 1995. Т. 1-2. 1995 с.: ил.
- Русская периодическая печать (1702-1894): Справочник / Под ред. А.Т. Дементьева и др. М., 1959. 835 с.: ил.
- Черепанов М.С., Фингерей Е.М. Русская периодическая печать (1895 - окт. 1917): Справочник. М., 1957. 351 с.: ил.
- Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX л.; (Кн. и периодич. изд.). М., 1971. Ч. 1-9.
- Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в.: Листовки. М., 1977. Ч. 1-3.
- Дмитриев С.С. Источниковедение русской исторической журналистики: (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст. за 1975 г. М., 1976.
- Есин Б.И. Путешествие в прошлое: (Газетный мир XIX в.) М., 1982. 160 с.
- Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России: Задачи и теоретико-методологические принципы изучения. М., 1981, 132 с.
- Есин Б.И. Русская дореволюционная газета: 1702-1917 гг.: Краткий очерк. М., 1971. 88с.
- Есин Б.И. Русская журналистика 70-80-х годов XIX в. М., 1963.
- Лурье Ф.М. Хранители прошлого: Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Л., 1990. 255 с.: ил.

К главе 11. Источники личного происхождения

- Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. СПб., 1871-1873. Т. I-IV.
- Витте С.Ю. Воспоминания / Вступ. ст. А.В. Игнатьева. Таллин, 1994, Т. 1-3.
- Герцен А.И. Былое и думы. [Любое изд.]
- История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннот. указ. кн. и публ. в журн. / Науч. рук., ред. и введ. П. А. Зайончковского. М., 1976-1989. Т. 1-5.
- Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера: (К постановке проблемы) // История СССР. 1979. М 6. С. 55-70.
- Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристка: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. 312 с.
- Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII - первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991. 280 с.
- Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997. 357 с.
- Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII - XVIII вв.: Опыт источниковедческого анализа. М., 1995. 136 с.
- Чудаков А.П. Предметный мир литературы; (К проблеме категорий исторической поэтики) // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения / Редакт. кол.: М.Б. Храпченко и др. М., 1986. С. 251-191.

К разделу 3 «Исторические источники советского периода»

Ко всему разделу

Учебные пособия

Кабанов В.В. Источниковедение советского общества. М., 1997.

Черноморский М.Н. Источниковедение истории СССР: Советский период. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1976. 296 с.

Работы обобщающего характера

Источниковедение истории советского общества: В 4 вып. / АН СССР. Ин-т истории СССР. М., 1964-1982. Вып. 1-4.

Источниковедческие исследования по истории Великого Октября и становления Советского государства, 1917-1920 гг.; Сб. ст. / Редкол.: М.П. Ирошников (отв. ред.) и др. М.; Л., 1983. 100 с.

Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: Проблемы источниковедения советской истории. М., 1994, 399 с.

Материалы конференций

Источниковедение XX столетия. Тез. докл. и сообщений. М., 1993.

Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тез. докл. и сообщений. Киев, 1990.

*Собрания сочинений и сборники работ
руководителей советского государства*

Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М., 1960-1965. Т. 1-55.

Сталин И.В. Соч. М., 1946-1951. Т. I-XIII.

Сталин И.В. Соч. Stanford, 1967. Т. I (XIV) - 3 (XVI).

Хрущев Н.С. За прочный мир и мирное сосуществование: [Сб.] М., 1958. 367 с.

Хрущев Н.С. Мир без оружия - мир без войны. М., 1960. Т. 1-2.

Хрущев Н.С. О внешней политике Советского Союза, 1960 год. М., 1961. Т. 1-2.

Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства: В 8 т. М., 1962-1964. Т. 1-8.

Брежнев Л.И. Ленинским курсом: Речи и ст. М., 1974-1983. Т. 1-9.

Андропов Ю.В. Избр. речи и ст. М., 1983. 320 с., 1 л. портр.

Черненко К.У. Избр. речи и ст. М., 1984. 670 с., 1 л. портр.

Черненко К.У. По пути совершенствования развитого социализма. М., 1985. 431 с., 1 л. портр.

Библиографические указатели и справочная литература

Источниковедение истории советского общества: Указ. лит. М., 1987-1989. [Ч. 1-2].

Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР: материалы к источниковедению и историографии (1917-1990 гг.) / Ред. С.П. Стрекопытов. М., 1992. 236 с.

Коржухина Т.П. Общественные организации в СССР: материалы к источниковедению и историографии / Отв. ред. С.П. Стрекопытов. М., 1992. 179 с.

Сборники документов разных видов

- Архив русской революции: В 22 т. / Изд. Г.В. Гессеном, М., Современник. 1991-1993. Т. 1-22.
- Белое дело: Избр. произв.: В 16 кн. / Сост., науч. ред. и коммент. С.В. Карпенко. М., 1992-1993. Юг. 1-3, 8.
- Документы внешней политики СССР / Мин-во иностр. дел СССР; АЛ. Громыко и др. М., 1957-1992, Т. 1-22.
- Красное или белое?: Драма Августа-91: Факты, гипотезы, столкновение мнений: Сб. / Сост. Л.Н. Доброхотов и др. М., 1992. 472 с.
- Минувшее: Ист. альманах, М., 1990-1995. Вып. 1-18.
- Национальный вопрос на перекрестке мнений: 20-е гг. Док. и материалы / Сост. В.А. Горный и др. М., 1992. 269 с.
- НЭП: Взгляд со стороны: Сб. / Сост. и авт. предисл. В.В. Кудрявцев. М., 1991. 304 с.
- Оглашению подлежит. СССР - Германия, 1939-1941: Документы и материалы: Сост.-переводчик Ю. Фельштинский; Предисл. В. Дашичева. М., 1991. 367 с.: ил.
- Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы: Сб. / Сост. П.Н. Кнышевский. М., 1992. 382 с.: ил.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Сб. док.: В 6 т. / Гл. ред. комис.: А.А. Громыко (гл. ред.) и др. М., 1984. Т. 1-6.

К главе 2. Особенности советских источников

- Данилов В.П., Якубовская С.И.* Источниковедение и изучение истории советского общества // *Вопр. истории*. 1961. № 5.
- Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлюев А.Т.* Неформальная политическая коммуникация. М., 1997.
- Кабанов В.В.* Слухи как исторический источник // *Тр. историко-архивного института*. М., 1996. Т. 33.
- Проблемы устной истории в СССР (тезисы научной конференции). Киров, 1990.
- Якубовская С.И.* К вопросу об изучении и публикации источников советского периода // *Проблемы источниковедения*. М., 1955. Т. IV. С. 46-59.

К главе 3. Законодательство и законодательные источники

- Декреты Советской власти / АН СССР. Ин-т истории; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1957-1989. Т. 1-13.
- Директивы Главного командования Красной Армии (1917-1920): Сб. док., Ред. кол.: Г.А. Белов и др. М., 1969. 882 с.
- Директивы командования фронтов Красной Армии: В 4 т. М., 1971-1978. Т. 1-4.
- Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: С изм. и доп., принятыми на третьей сессии Верховного Совета СССР девятого созыва. М., 1975. 32 с.
- Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. М., 1978. 573 с.: ил.
- Конституция (Основной Закон) Российской Федерации - России; Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва

- 12 апр. 1978 г., с изм. и доп., внесенными Законами РСФСР от 27 окт. 1989 г., от 31 мая; 16 июня и 16 дек. 1990 г., от 24 мая и 1 нояб. 1991 г. и Законом Российской Федерации от 21 апр. 1992 г. М.: Верховной Совет Российской Федерации: Известия, 1992. 111с.
- Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. М., 1993. 63 с.
- История советской Конституции: (В документах), 1917-1966 / Предисл. и общ. ред. С.С. Студеникина. М., 1957. 1046 с.
- Свод законов РСФСР. М., 1983-1989. Т. 1-9.
- Сборник законодательных актов Российской Федерации, 5 марта 1992 г. - 21 мая 1993 г. М., 1993. 254 с.
- Собрание законодательства Российской Федерации; Ежегод. изд. М., 1994-
- Прошников М.П.* В.И. Ленин и советские декреты (окт. 1917 - июль 1918 гг.) // Вспомогательные истории, дисциплины. Л., 1976. Вып. VII. С. 3-28.
- Коржухина Т.П.* Законодательные источники по истории общественных организаций СССР (1917-1936 гг.) // Вспомогательные историч. дисциплины, Л., 1987. Вып. XVIII. С. 221-248.
- Лезов С.В.* Юридические понятия и язык права в современных зарубежных исследованиях. Информативно-аналитический обзор. М., 1988.
- Луцкий Е.А.* Декрет о земле // Ленинский декрет о земле в действии: Сб. ст. / Ред. колл.: И.И. Минц (отв. ред.) и др. М., 1979. С. 11-47.
- Луцкий Е.А.* Проект закона о земле Всероссийского Учредительного собрания (1917-1918 гг.) // Вспомогательные историч. дисциплины. Л., 1982. Вып. XIII. С. 90-108.
- Паленина С.В., Сильченко Н.В.* Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М., 1987.
- Фелитинский Ю.Г.* К истории нашей закрытости: Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. М., 1990. 184 с.
- Язык закона. М., 1990.

К главе 4. Программные, уставные и директивные документы политических партий и общественных организаций

- Архив Троцкого: Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923-1927, М., 1990. Т. 1-4.
- Коммунистическая Партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986): В 15 т, 9-е изд., доп. и испр. М., 1983-1989. Т. 1-15; 1990. Справ. том. 223 с.
- Программа «Союза 17 октября», утвержденная Московским центральным комитетом. М., 1906; Программа партии социалистов-революционеров. М., 1917.
- Программа партии народной свободы (конституционно-демократической). Полтава, 1917.
- Программа трудовой (народно-социалистической) партии // Народно-социалистическое обозрение. СПб., 1906. Вып. 1.
- Программа партии революционного коммунизма. Принята на 4-м съезде ПРК. М., 1920.
- Программы главнейших русских партий. М., 1917 / Под ред. А. Стеблова и И. Сахарова; Сб. программ политич. партий России: Партии демократические / Под ред. И.В. Владиславского. М., 1917. Вып. 1; Программы российских политических партий. Полный текст программ партий с.-д, с.-р. народных социалистов, трудовиков, к.-д. с вступительными заметками С.Г. Михайлова. Пг., 1917; и др.

- Протоколы Первого Всероссийского съезда партии анархистов-коммунистов. 25-28 декабря 1918 г. Б.м., 1919.
- Протоколы I съезда ПСР. СПб., 1906.
- Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии (В 6 т.). Т. 1. 1905-1911 гг. М., 1994. (Остальные тома в работе); Меньшевики в 1917 г. (В 3 т.). Т. 1. От января до июльских событий. М., 1994; Т. 2. От июльских событий до Корниловского мятежа. М., 1996; (Третий том в производстве). Программы политических партий России. Конец XIX - начало XX вв. М., 1995
- Самодеятельные организации СССР. М., 1989 /справочник издан информационным центром МНФ/; Справочник периодического самиздата (обзор независимой прессы); М., 1989-1990; Неформальная Россия; О неформальных политизированных движениях и группах в РСФСР (Опыт справочника). М., 1990,
- Копотилова Е.Ю.* Уставы добровольческих культурно-просветительных обществ Ленинграда первой половины 20-х гг. // Вспомогательные истории, дисциплины. Л., 1987. Вып. XVIII. С. 248-256.

К главе 5. Акты

- Кабанов В.В.* Документация сельского схода в первые годы Советской власти (1917-1920 гг.). // Археограф. ежегодник за 1985 г. М., 1986.
- Капитанов С.М.* Акты новейшего времени // Источниковедение XX столетия. М., 1993.

К главе 6, Делопроизводственные материалы государственных учреждений и общественных организаций

- Первый съезд народных депутатов СССР, 25 мая - 9 июня 1989 г. Стенографии. отчет, М., 1989. Т. 1-5.
- Второй съезд народных депутатов СССР, 12-24 дек. 1989 г. Стенографич. отчет. М., 1990. Т. 1-6.
- Внеочередной третий съезд народных депутатов СССР. Стенографич. отчет. В 3 т. М., 1990. Т. 1-3.
- Четвертый съезд народных депутатов СССР, 17-27 дек. 1990 г. Стенографич. отчет. М., 1991. Т. 1-4.
- Российская Федерация. Федеральное Собрание. Государственная Дума, Стенограмма заседаний. Весенняя сессия. М., 1994-1995. Т. 1-10.
- Российская Федерация. Федеральное Собрание. Совет Федерации. Заседание (2-21; 1994-1995), [Второе - двадцать первое] заседание Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Стенографич. отчет. М., 1994-1995. [Вып. 1-20].
- РКП(б). Съезд (7; 1918; Петроград). Стенографич. отчет. М., 1962. XLI, 401 с.: ил.
- РКП(б). Съезд (8; 1919; Москва). Стенографич. отчет. М., 1919.
- РКП(б). Съезд (9; 1920; Москва). Стенографич. отчет. М., 1920. VII, 412 с.
- РКП(б). Съезд (10; 1921; Москва). Стенографич. отчет. М., 1963. 915 с.: ил.
- РКП(б). Съезд (11; 1922; Москва). Стенографич. отчет. М., 1961. XXII, 873 с.; ил.
- РКП(б). Съезд (12; 1923; Москва). Стенографич. отчет. М., 1968. XXII, 903 с.: ил.
- РКП(б). Съезд (13; 1924; Москва). Стенографич. отчет. М., 1963. XXIV, 883 с.
- ВКП(б). Съезд (14; 1925; Москва). Стенографич. отчет. М.; Л., 1926. VIII, 1029 с.
- ШСП(б). Съезд (15; 1927; Москва). Стенографич. отчет. М., 1961-1962. Ч. 1-2.
- ВКП(б). Съезд (16; 1930; Москва). Стенографич. отчет. М.; Л., 1930. VIII, 782 с.: ил.
- ВКП(б). Съезд (17; 1934; Москва). Стенографич. отчет. М., 1934. VI, 716 с.

- ВКП(б). Съезд (18; 1939; Москва). Стенографич. отчет. М., 1939. 742 с.
- КПСС. Съезд (20; 1956; Москва). Стенографич. отчет. М., 1956. Т. 1-2.
- КПСС. Съезд (21; 1959; Москва). Стенографич. отчет. М., 1959. Т. 1-2.
- КПСС. Съезд (22; 1961; Москва). Стенографич. отчет. М., 1962. Т. 1-3.
- КПСС. Съезд (28; 1966; Москва). Стенографич. отчет. М., 1966. Т. 1-2.
- КПСС. Съезд (24; 1971; Москва). Стенографич. отчет. М., 1971. Т. 1-2.
- КПСС. Съезд (26; 1976; Москва). Стенографич. отчет. М., 1976. Т. 1-3.
- КПСС. Съезд (26; 1981; Москва). Стенографич. отчет. М., 1981. Т. 1-3.
- КПСС. Съезд (27; 1986; Москва). Стенографич. отчет. М., 1986. Т. 1-3.
- КПСС. Съезд (28; 1990; Москва). Стенографич. отчет: В 7 т. М., 1991. Т. 1-2.
- XIX Всесоюзная конференция КПСС, 28 июня - 1 июля 1988 г. Стенографич. отчет: В 2 т. М., 1988. Т. 1-2.
- XIX съезд профессиональных союзов СССР, 23-27 окт. 1990 г. Стенографич. отчет. М., 1991. 573 с.
- Из истории образования СССР. Стенограмма заседания секции XII съезда РКП(б) по национальному вопросу 25 апреля 1923 г. // Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 169-182; № 4. С. 158-176; № 5. С. 154-176.
- Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: В 2 т. 2-е изд. М., 1986-1989. Т. 1-2.
- Пленум ЦК КПСС окт. 1987 года: Стенографич. отчет // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 209-287.
- Протоколы заседаний ЦК РКП(б): 15, 20, 31 марта, 7, 26, апр., 3, 13, 18, 19 мая; 16 септ.; 2, 22, 25 окт. 1918 г.; 16 янв.; 5 фев.; 14, 16, 17, 20 марта 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 102-110; № 4. С. 143-146; № 6. С. 154-172; № 7. С. 146; № 8. С. 156-173.
- Протоколы пленарных заседаний ЦК РКП(б): 25 марта, 13 апр., 4 мая, 7, 10, 11, 15 июня 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 133-174.
- Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства: Сб. док. М., 1991-1995. [Ч. 1-2].
- Протоколы Президиума Госплана СССР, 1923 г.: Сб. док.: В 2 ч. / Редкол.: В.П. Воробьев (отв. ред.) и др. М., 1991. Ч. 1. 365 с.
- Учредительное собрание, Россия 1918: Стенограмма и др. документы / Сост. и авт. предисл. Т.Е. Новицкая, М., 1991. 161 с.
- Борисова Л.В.* Протоколы Президиума ВСНХ (1917-1920 гг.): Опыт источниковедческого анализа // Истории, записки. 1988. Т. 116. С. 228-255.
- Воробьев Г.Г.* Документ: Информационный анализ. М., 1973.
- Вылац М.А.* Материалы Наркомфина СССР как источник по истории советской деревни // Источниковедение истории советского общества, Вып. II. М., 1968.
- Гонкина Э.Б.* Протоколы Совнаркома РСФСР как исторический источник для изучения государственной деятельности В.И. Ленина. М., 1982.
- Документы и делопроизводство: Справочное пособие. М., 1991.
- История делопроизводства в СССР. М., 1974.
- Карпенко С.В.* Разведсводки штабов Красной Армии как источник по истории внутренней контрреволюции и интервенции (на примере врангельщины) // Вспомогательные истории, дисциплины. Л., 1989. Вып. XX. С. 63-78.
- Митяев К.П.* История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959.
- Митяев К.П., Митяева Е.К.* Административная документация (делопроизводство) в советских учреждениях. Ташкент, 1964.
- Михайлова Н.М.* О подготовке Истпартом издания протоколов съездов и конференций коммунистической партии // Археографии, ежегодник за 1990 год. М., 1992. С. 137-147.
- Развитие советского документоведения (1917-1981 гг.). М., 1983.

К главе 7. Статистика

Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне и 1941-1945 гг.: Статистический сб. М., 1990. 235 с.

Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. 768 с.

Народное хозяйство СССР в 1988 г. М., 1989. 765 с.

Народное хозяйство СССР в 1989 г. М., 1990. 766 с.

Народное хозяйство СССР в 1990 г. М., 1991. 750 с.

* * *

Безнин М.А. Колхозное население в Российском Нечерноземье в 1950-1965 гг. (Методические рекомендации и материалы к спецсеминару по истории советского общества). Вологда, 1990. Ч. 1-2.

Бензин М.А. Крестьянское хозяйство в Российском Нечерноземье. 1950-1965 гг. М.; Вологда, 1990.

Бокарев Ю.П. Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М., 1981.

Валовой Д. Экономика в человеческом измерении. М., 1988.

Вересов Д. Историческая демография СССР. Бензон (США), 1987.

Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР и войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. 416 с.: ил.

Дробизhev В.З., Соколов А.К., Устинов В.А. Рабочий класс Советской России в первый год пролетарской диктатуры: (Опыт структурного анализа по материалам профсоюзной переписи 1918 г.). М., 1974. 224 с.: ил.

Ежов А.И. Организация статистики в СССР. М., 1968.

Жиромская В.Б. Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов. История подготовки и проведения // История СССР. 1990, № 3. С. 84-104.

Замков О.О. От кого и зачем скрывается статистика? // ЭКО. Новосибирск, 1988. № 11.

Комиссаров Ю.П., Славко Т.И. Бюджеты рабочих 20-х годов как исторический источник (Вопросы источниковедения и методики обработки) // История СССР. 1987. № 2. С. 108-120.

Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М., 1989.

Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики. М., 1991.

Массовые источники по истории советского рабочего класса периода развитого социализма. М., 1982.

Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979. 374 с.

Плошко Б.Г., Елисеева И.И. История статистики: Учеб. пособие. М., 1990.

Поляков Ю.А., Жиромская В.Б., Кисилев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социол. исследования. 1990. № 7.

Поляков Ю.Л. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986.

Проблемы исторической демографии СССР. Кишинев, 1985.

Свищев М.А. Налоговая статистика как источник для изучения социальной структуры города 20-х гг. // История СССР. 1985. № 6. С. 128-142.

Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987, № 2.

Селюнин В., Ханин Г. Статистика знает все? // Новый мир. 1987. № 11.

Чаянов А.В. История бюджетных исследований. М., 1922.

Чаянов А., Студенский Г. Бюджетные исследования: История и методы. М., 1929.

К главе 8. Материалы планирования развития народного хозяйства

- Данилов В.* Феномен первых пятилеток // Горизонт. 1988. № 5.
Индустриализация СССР: первые пятилетки. Беседа с В.С. Лельчуком // Правда. 1988. 28 окт.
Кондратьев Н.Д. План и предвидение // *Кондратов Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989.
Кондратьев Н.Д. Особое мнение. М., 1993. Кн. 1-2.
Орлов В.П. Иллюзии и реальность экономической информации // ЭКО. 1988. № 8.
Развитие форм плановой документации в промышленности СССР. М., 1979.

К главе 9. Публицистика

- Афанасьев Ю.Н.* Я должен это сказать: Политическая публицистика времен перестройки. М., 1991. 396 с.
Беликова Г., Шохин А. Теневая экономика // Огонек. 1988. № 51.
Бухарин Н.И. Проблемы теории и практика социализма: [Сб.] М., 1989. 512 с., 1 л. портр.
Валовой Д. Экономика и человеческом измерении. М., 1988.
Великая Отечественная война: Литературно-художественный сборник. М., 1942.
Горбачев М.С. Избр. речи и ст. М., 1987-1990. Т. 1-7.
Горбачев М.С. Декабрь-91: Моя позиция. М., 1992. 224 с.
Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1-2.
Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990.
Иного не дано. М., 1988.
Клямкин И. Была ли альтернатива Административной системе? // Политическое образование. 1988, № 10; *Он же.* Почему трудно говорить правду? // Новый мир. 1989. № 2.
Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. № 6.
Лисичкин Г. Мифы и реальность // Совершенно секретно. 1990. № 1-2.
Нуйкин А. Да здравствует социализм! // Огонек. 1990. № 31.
Пинкер Б., Пилшева Л. Собственность и свобода // Новый мир. 1989. № 11.
Попов Г. Программа, которой руководствовался Сталин // Наука и жизнь. 1989. № 7.
Рыжков Н.И. Перестройка: История предательств. М., 1992. 399 с.: ил.
Рюмин М.Н. На колени не встану: [Сб.] / Вступ. ст. Б.А. Старкова. М., 1992. 351 с.: ил.
Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1991.
Салюнин В. Черные дыры экономики // Новый мир. 1989. № 10; *Он же.* Истоки // Новый мир. 1988. № 5.
Судьбы русской интеллигенции: Материалы дискуссий 1923-1925 гг. / Отв. ред. В.Л. Соскин. Новосибирск, 1991. 219 с.
Толыч М. Сколько же нас тогда было? // Огонек. 1987. № 51.
Троцкий Л.Д. К истории русской революции / Сост., авт. предисл. и прим. Н.А. Васецкий. М., 1990. 447 с., 1 л. портр.
Троцкий Л.Д. Уроки октября: (С приложением крит. материалов 1924 г.) / Сост. Ю.А. Прохватилов; Вступ. ст. В.И. Старцев. СПб., 1991. 364 с.: портр.
Ципко Л. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988. № 11, 12; 1989. № 1, 2.
Шмелев Г. Не смей командовать! // Октябрь. 1988. № 2.
Шмелев Н. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6-7; *Он же.* Из докладных записок экономиста // Знамя. 1989. № 12.
Яковлев А.Н. Горькая чаша: Большевизм и реформация России, Ярославль, 1994. 461 с.

К главе 10. Периодическая печать

- Меньшевицкие и эсеровские листовки 1917-1918 года // Отеч. история. 1993. №1. С. 15-173.
- Московские новости [за 1987 г.]: Репринт. М., 1988.
- Газеты первых лет Советской власти, 1917-1922: Свод. библиогр. каталог / ГБЛ СССР им. В.И. Ленина. М., 1990. Ч. 1-4.
- Газеты СССР, 1917-1960: Библиогр. справочник / Всесоюз. кн. палата. М., 1970-1984. Т. 1-5.
- Периодическая печать СССР, 1917-1949: Библиог. указ.: Журналы, труды, бюллетени: Сводн. указ. М., 1955-1963. [Т. 1-10].
- Политические партии, неформальные самодеятельные организации и независимая пресса СССР: (Каталог-справочник) / Подгот. Д.Ф. Левичева М., 1990. 307с.
- Русская эмиграция в Европе: Сводный каталог периодических изданий: В 2 т. Париж, 1981-1990.
- Петров В.А.* Газета трудового коллектива как исторический источник (На материале газеты «Кировец») // Вспомогательные историч. дисциплины. Л., 1990. Вып. XXI. С. 66-73.
- Романовский В.К.* Письма рабочих как источник для изучения социального облика рабочего класса 20-х гг. // Вспомогательные историч. дисциплины, Л., 1990. Вып. XXI. С. 54-65.
- Стрекопытов С.П.* Журнал «Социалистическая реконструкция и наука» («СОРЕ-НА») как источник по истории организации науки и системе ВСНХ - Наркомтяжмаша СССР 1931-1986 гг. // Вспомогательные историч. дисциплины. Л., 1991. Вып. XXII. С. 73-87.

К главе 11. Источники личного происхождения

- Амальрик А.А.* Записки диссидента. М., 1991. 432 с.
- Андрей Дмитриевич: Воспоминания о Сахарове. М., 1990. 367 с.: ил.
- Буковский В.* «И возвращается ветер...», Письма русского путешественника. М., 1990.
- Вишневская Г.П.* Галина: История жизни. СПб., 1994. 526 с.: ил.
- Воспоминания генерала барона Н.П. Врангеля: В 2 ч. М., 1992. Ч. 1-2.
- Воспоминания крестьян-толстовцев, 1910-1930-е годы / Сост. А.Б. Рогинский, М., 1989. 479 с.: ил.
- Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 т. М., 1989-1991. Т. 1-8.
- Гиппиус З.Н.* Петербургский дневник. М., 1991. 127 с.
- Из переписки А.М. Горького: Письма ЦК РКП(б) В.И. Ленину (1921) // Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 152-156.
- Из переписки А.М. Горького (1930-1935 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1991. М. 8. С. 151-157.
- Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993.
- Марьянов Г.Б.* Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992.
- Махно Н.П.* Воспоминания / Вступ. ст. С.С. Волка; Комментар. С.С. Волка, И.А. Цыганова. М., 1992. 334 с.
- Михайловский Г.Н.* Записки: Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914-1920 гг.: В 2 кн. М., 1993. Кн. 1-2.
- Октябрьская революция: Мемуары / Сост. С.А. Алексеев. М., 1991. 426 с.
- Сахаров Л.Д.* Воспоминания: В 2-х т. М., 1996.

- Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине: [Сб.] / Сост. и авт. предисл. Л. Лазарев. М., 1990. 428 с.
- Сорокин П.А.* Дальняя дорога: Автобиография / Пер. с англ., общ. ред., сост., предисл. и примеч. А.В. Липского. М., 1992. 304 с.: ил.
- Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева / Послел. С. Кулешова. М., 1991. 604 с.: ил.
- Троцкий Л.Д.* Моя жизнь: опыт автобиографии. М., 1990.
- Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. М., 1991.
- Хрущев Н.С.* Пенсионер союзного значения. М., 1991.
- Чернов Б.М.* Перед бурей. М., 1993.
- Алексеев В.В.* Письма трудящихся в газеты как источник социологической информации // Методы отбора данных, анализ документов, эксперимент. М., 1985.
- Крестьяне о социализме (письма в «Крестьянскую газету» к 10-летию советской власти / Публикация Т.П. Мироновой // Советские архивы. 1987. № 5.
- Куринов А.А.* Собрание документов личного происхождения участников Великой Отечественной войны; Система ценностей, тенденции и проблемы // Археогр. ежегодник за 1990 год. М., 1992. С. 3-8.
- Миронова Т.П.* Опыт применения контент-анализа при изучении общественного сознания доколхозного крестьянства // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тезисы докладов и сообщений. Киев, 1990.

К главе 12. Источники российской эмиграции

- Аране Д.* Русская библиография за рубежом. Опыт обзора // Советская библиография. 1990. № 1. С. 140-148.
- Баскаков В.Н.* Новые библиографии русской эмигрантской литературы // Русская литература. 1990. № 3.
- Зернов Н.* Русские писатели эмиграции: Библиографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре 1921-1972. 1973.
- Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 г. Лондон, 1988.
- Литература русского зарубежья возвращается на родину. М., 1993. Вып. 1. Ч. 1-2.
- Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1932-1941. Т. 1-2.
- Материалы к сводному каталогу периодических и продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917-1990 гг.). М., 1991.
- Постников С.П.* Библиография русской революции и гражданской войны. 1917-1921 гг. Прага, 1938.
- Русская эмиграция: журналы и сборники на русском языке, 1920-1980: Сводный указатель статей. Париж, 1988.
- Страницы русской зарубежной печати. Мюнхен; Москва, 1990.
- Указатель периодических изданий эмиграции России и СССР за 1919-1952 гг. Мюнхен, 1953.
- Фостер Л.* Библиография русской зарубежной литературы, 1918-1968, 1971. Т. 1-2.
- Шатав М.В.* Библиография освободительного движения народов России в годы второй мировой войны. Нью-Йорк, 1961.
- Литература русского зарубежья: Антология: В 6 т. / Авт. вст. ст. и науч. ред. А.Л. Афанасьев. М., 1990-1991. Т. 1-2.
- Аргунов А.* Между двумя большевиками. Париж, 1919.

- Бруцкус Б.* Взлет и распад советского планового хозяйства // Современные записки, 1983. Т. 51; *Он же.* Голод и коллективизации // Там же. 1934. Т. 52; *Он же.* Судьбы пятилетки // Там же. 1932. Т. 48.
- Воспоминания генерала барона П.И. Врангеля, М., 1992. Ч. 1-2.
- Врангель П.И.* Записки; В 2 ч. // Белое дело. Берлин, 1928-1929, Т. V-VI.
- Гиппиус З.* Живые лица: Воспоминания, Тбилиси, 1991.
- Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Б.М. Ч. 1-5. Кн. 1-10.
- Деникин А.М.* Очерки русской смуты. Париж, 1921, Т. 1, Вып. 1-2, Париж, 1922, Т. 2; Берлин, 1924. Т.3; Берлин, 1925, Т. 4; Берлин, 1926. Т. 6.
- Деникин А.И.* Очерки русской смуты: Крушение власти и армии, Февраль-сентябрь 1917 г. М., 1991; *Он же.* Очерки русской смуты; Борьба генерала Корнилова; Август 1917 - апрель 1918 г. М., 1991.
- Дроздовский М.Г.* Дневник. Берлин, 1923.
- Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте // Вопр. истории. 1990. № 6-8.
- Марзулис М.С.* Год интервенции. Берлин, 1923. Кн. 1-3.
- Мартов Л.* Ленин против коммунизма // Социалистич. вестник. 1921. № 10.
- Махно Н.* Воспоминания. М., 1992.
- Меньшевики после Октябрьской революции: Сб. статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона. Вермонт, 1990.
- Милюков П.Н.* Воспоминания, М., 1991.
- Немирович-Данченко Г.В.* В Крыму при Врангеле. Берлин, 1922.
- Нестерович-Берг М.А.* В борьбе с большевизмом. Париж, 1931.
- Оболенский В.А.* Очерки минувшего, Белград, 1981.
- Половцев Л.В.* Рыцари Тернового венца. Прага, б.г.
- Раковский Г.Н.* В стане белых, Константинополь, 1920; *Он же.* Конец белых. Прага, 1921.
- Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии, Берлин, 1921.
- Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990.
- Устрялов Н.В.* Под знаком революции, Харбин, 1925, С. 23-24, 45-46,
- Федотов Г.* Тяжба о России // Современные записки. Париж, 1936, Т. 60,
- Ходасевич В.Ф.* Некрополь; Воспоминания. М., 1991.
- Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции, Париж, 1963, Кн. 1-2.
- Чернов Д.М.* Перед бурей. М. 1993; *Он же.* Разрушение вместо созидания // Воля России. 1924. № 1-2; *Он же.* Конструктивный социализм, Прага, 1925. Т. 1,
- Шульгин В.В.* 1920 год. София, 1921.
- Шульгин В.* Годы - Дни - 1920. М., 1990.
- Юрьевский Е.* Крестьяне, колхоз и государство // Русские записки. 1941, Т. 19; *Он же.* От первой пятилетки до второй // Современные записки. Париж, 1934. Т. 55; *Он же.* За кулисами пятилетки // Там же. 1932. Т. 49.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ЧАСТЬ I	
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ И МЕТОД ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	
РАЗДЕЛ 1	
ТЕОРИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ (О.М. Медушевская).....	19
Глава 1. Источниковедение: особый метод познания реального мира.....	19
1. Реальный мир и его познание.....	21
2. Фиксированные источники информации о реальности.....	22
Глава 2. Источник: феномен культуры и реальный объект познания.....	25
Глава 3. Источник: антропологический ориентир гуманитарных наук.....	32
РАЗДЕЛ 2	
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ (О.М. Медушевская).....	35
Глава 1. Критика и интерпретация как исследовательская проблема.....	35

Глава 2. Источниковедение как проблема национальной истории.....	38
Глава 3. Источник как самостоятельная исследовательская проблема.....	40
Глава 4. Источники как средство познания для историка . .	43
Глава 5. Позитивистские методы исторического исследования.....	47
Глава 6. Преодоление позитивистской методологии.....	50
Глава 7. Методологическое обособление наук о культуре.....	53
Глава 8. Исторический факт и исторический источник в концепции «Анналов».....	56
Глава 9. Историческое прошлое в сознании историка.....	60
Глава 10. Гуманитарное знание как строго научное.....	64
Глава 11. Источниковедческая парадигма методологии истории.....	67
Глава 12. Источниковедение в российской реальности.....	87
Глава 13. Источник как явление культуры.....	95
Глава 14. Теоретические проблемы источниковедения. Источниковедческие проблемы наук о человеке.....	99
1. От исторического источниковедения к методологии гуманитарного исследования: проблемы теории.....	99
2. Междисциплинарная проблематика источниковедения: источник, текст, произведение, автор	104
3. Источник как антропологический ориентир гуманитарного знания.....	108

РАЗДЕЛ 3

МЕТОД ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИ-
НАРНЫЕ АСПЕКТЫ (О.М. Медушевская).....122Глава 1. Источниковедческий анализ и источниковед-
ческий синтез.....122

Глава 2. Структура источниковедческого исследования.....127

1. Исторические условия возникновения источника.....127
2. Проблема авторства источника.....130
3. Обстоятельства создания источника.....132
4. Авторский текст, произведение и его
функционирование в социокультурной общности.....133
5. Функционирование произведения в культуре.....136
6. Интерпретация источника.....138
7. Анализ содержания.....140
8. Источниковедческий синтез.....141

Глава 3. Классификация исторических источников.....144

Глава 4. Источники в науках о человеке.....152

ЧАСТЬ 2

ИСТОЧНИКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ XI-XVII ВЕКОВ
(И.Н. Данилевский).....171

Глава 1. Летописание.....171

1. Летописи как исторический источник
и методы их изучения.....172
2. *Повесть временных лет* и предшествующие ей
сводды.....185
3. Местное летописание XII-XIII веков.....196
4. Летописание XIV-XV веков.....200

5. Общерусские летописные своды конца XV-XVI веков.....	205
6. Летописание и другие исторические произведения XVII века.....	216
7. Хронографы.....	219
Глава 2. Законодательные источники.....	222
1. Памятники законодательства как исторический источник и методы их изучения.....	222
2. Памятники светского права.....	224
3. Памятники древнерусского канонического права.....	236
Глава 3. Акты.....	249
1. Актовый материал как исторический источник и методы его изучения 250	
2. Появление актов в Древней Руси.....	261
3. Акты удельного периода.....	264
4. Акты XV-XVII веков.....	277
Глава 4. Литературные произведения.....	279
1. Приемы источниковедческого анализа произведений литературы.....	279
2. Переводы литературных произведений в древней Руси и их источниковедческое значение.....	280
3. Оригинальная древнерусская литература.....	293
РАЗДЕЛ 2	
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ XVIII - НАЧАЛА XX ВЕКА (М.Ф. Румянцева).....	
318	
Глава 1. Изменения в корпусе исторических источников при переходе от средних веков к новому времени.....	318
Глава 2. Общие свойства исторических источников нового времени.....	324
1. Количественный рост исторических источников.....	324
2. Упрощение содержания отдельно взятого документа.....	327

3. Увеличение количества разновидностей исторических источников.....	328
4. Публикация и тиражирование исторических источников.....	329
Глава 3. Массовые источники.....	331
Глава 4. Законодательство.....	335
1. Историография.....	337
2. Закон: попытки определения понятия.....	341
3. Изменение соотношения обычая и закона как источников права	343
Расхождение государственного и частного права	350
4. Утверждение принципа «незнание закона не освобождает от ответственности»	351
5. Складывание системы публикации законодательных актов	353
6. Обеспечение эффективности законодательства.....	366
7. Проблема кодификации законодательства.....	372
8. Классификация законодательных актов.....	376
Глава 5. Акты.....	385
1. Частноправовые акты.....	385
2. Акты, связанные с проведением крестьянской реформы (уставные грамоты и выкупные акты)	388
3. Новые разновидности актов рубежа XIX-XX веков - акты акционерного предпринимательства	390
4. Проблемы источниковедческого исследования актов	391
Глава 6. Делопроизводственные материалы.....	392
1. Законодательная основа делопроизводства.....	393
2. Разновидности делопроизводственных материалов.....	395
3. Эволюция формы делопроизводственных источников. Влияние формы на содержание.....	397
4. Специальные системы делопроизводства.....	398
5. Справочные издания.....	399

6. Проблемы источниковедческого исследования делопроизводственной документации	407
Глава 7. Материалы фискального, административного и хозяйственного учета	408
1. Учет населения в фискальных целях	409
2. Церковный и административно-полицейский учет населения	413
3. Учет чиновничества	414
4. Хозяйственный учет в частновладельческих хо- зяйствах	421
5. Учет промышленного производства	425
Глава 8. Статистика	427
1. Организация статистики	429
2. Демографическая статистика	431
3. Аграрная статистика	433
4. Статистика промышленного производства	438
5. Статистика труда	445
6. Земская статистика	445
Глава 9. Публицистика	449
1. Авторские публицистические произведения	450
2. Публицистика массовых народных движений	450
3. Проекты государственных преобразования и 1. конституций	451
Глава 10. Периодическая печать	451
1. Цензура	454
2. Газеты как разновидность периодической печати	457
3. Особенности изучения периодической печати	465
Глава 11. Источники личного происхождения	466
1. Определение	466
2. Классификация	466
3. Эволюция	468

4.	Историография.....	469
5.	Мемуары - «современные истории».....	472
6.	Мемуары-автобиографии.....	475
7.	Эссеистика.....	485
8.	Исповедь.....	486
Глава 12. Изменения в корпусе исторических источников при переходе от нового времени к новейшему.....		
1.	Проблема перехода от нового времени к новейшему.....	488
2.	Изменения основных видов исторических источников.....	489
3.	Изменения типологии корпуса исторических источников.....	490
РАЗДЕЛ 3		
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (В.В. Кабанов).....		
505		
Глава 1. Типологические изменения корпуса источников в XX веке.....		
506		
Глава 2. Особенности советских источников.....		
519		
Глава 3. Законодательство и законодательные источники.....		
528		
1.	Методика источниковедческого анализа.....	530
2.	Некоторые особенности разработки законодательства 70-80-х годов.....	356
Глава 4. Программные, уставные и директивные документы политических партий и общественных организаций.....		
541		
1.	Документы КПСС.....	541
2.	Документы других политических партий (период революции).....	548
2.	Документы политических партий и самостоятельных политизированных организаций современности.....	555

Глава 5. Акты.....	560
<i>Приложения. Документы сельского схода</i> <i>(схема сбора и публикации).....</i>	<i>568</i>
Глава 6. Делопроизводственные материалы государст- венных учреждений и общественных организаций.....	570
Глава 7. Статистика.....	582
1. Общая характеристика статистических источников.....	582
2. Статистика сельского хозяйства.....	590
3. Статистика народонаселения.....	593
4. Проблемы использования демографической и иной статистики.....	599
Глава 8. Материалы планирования развития народного хозяйства.....	605
Глава 9. Публицистика.....	612
Глава 10. Периодическая печать.....	621
1. Официальная периодическая печать.....	621
2. Неофициальная, свободная, альтернативная периодическая печать.....	626
3. Методика анализа газет.....	630
Глава 11. Источники личного происхождения.....	634
1. Мемуары и дневники.....	634
2. Письма.....	640
Глава 12. Источники российской эмиграции.....	648
1. Первые эмигрантские публикации на родине.....	648
2. Основные группы источников.....	650
3. Документы политических партий и союзов, общественных групп, творческих объединений, национальных и религиозных организаций.....	656
4. Архивные материалы.....	658
Публикации исторических источников и литература.....	667

Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие/И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.

ISBN 5-7281-0090-2

Учебное пособие отвечает новому статусу источниковедения в современной эпистемологической ситуации, характеризуемой усилением полиметодологизма, стремлением к гуманитаризации исторического знания, усилением интеграционных процессов. В основе концепции книги - теоретическое осмысление того факта, что исторический источник (продукт культуры, объективированный результат деятельности человека) выступает как единый объект различных гуманитарных наук при разнообразии их предмета.

Значительное внимание уделяется методологическим проблемам: обосновывается источниковедческий критерий сравнительно-исторических исследований, раскрываются междисциплинарные связи источниковедения. Источниковедение рассматривается как интегрирующая дисциплина в системе гуманитарных наук; показываются различные методологические подходы к решению наиболее значимых проблем, а также развитие методики исследования основных видов исторических источников.

Обзор основных видов источников российской истории, данный во 2-й части учебного пособия, имеет универсальный характер, поскольку отражает тенденции, общие для источниковой базы истории разных стран.

И $\frac{0502000000 - 012}{\text{ОТ } 8(08) - 98}$ без объявл.

БК 63.2 Я 73

Учебное издание

ДАНИЛЕВСКИЙ Игорь Николаевич
КАБАНОВ Владимир Васильевич
МЕДУШЕВСКАЯ Ольга Михайловна
РУМЯНЦЕВА Марина Федоровна

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ:

Теория.
История.
Метод.
Источники
русской
истории

Редактор
С.М. Пчеляная
Корректоры
Т.М. Козлова,
А.И. Сорнева
Технический редактор
Г.П. Каренина
Компьютерная верстка
Н.Н. Аксенова,
О.В. Самарская
Техническое обеспечение
А.Т. Асламазян,
О.Б. Захарова

Лицензия ЛР № 020219
от 25.09.96.
Подписано в печать 06.10.98.
Усл. печ. л. 44,0.
Уч.-изд. л. 46,0.
Тираж 8 500 экз.
Заказ 4463

Дизайнер В. СУРКОВ

Издательский центр
Российского
государственного
гуманитарного
университета
125267 Москва,
Миусская пл., 6
(095)973-42-00

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6